Я. Гилинский

ДЕВИАНТОЛОГИЯ: СОЦИОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НАРКОТИЗМА, ПРОСТИТУЦИИ, САМОУБИЙСТВ И ДРУГИХ «ОТКЛОНЕНИЙ»

3-е издание,
исправленное и дополненное

Издательский дом
АЛЕФ – ПРЕСС
Санкт-Петербург

УДК 340
ББК Х0
Ч 516

Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Монография. 3-е издание, исправленное и дополненное/Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. – 650 с.

ISBN 978-5-905966-15-6

В монографии (1-е издание вышло в 2004 г., 2-е в 2007 г.) излагаются теоретические основы и история формирования девиантологии – социологии девиантности и социального контроля. Рассматриваются основные формы девиантности – преступность, коррупция, терроризм, наркотизм, пьянство, самоубийства, проституция, сексуальные отклонения, социальное творчество и др., а также теория и основные направления социального контроля над девиантностью. Настоящее издание существенно расширено, обновлены статистические сведения и литература.

Книга рассчитана на специалистов – социологов, юристов, конфликтологов, политологов, психологов, а также широкую читательскую аудиторию. Может быть использована в качестве учебного пособия по курсу «Социология девиантности и социального контроля», а также при изучении криминологии, общей социологии, конфликтологии, политологии, психологии

ББК Х0

ISBN 978-5-905966-15-6
9 785905 966156

© Гилинский Я. , 2013
© Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Глава 1. Социология девиантности и социального контроля (девиантология): предмет, основные понятия, место в системе наук
§ 1. Первое знакомство с предметом
§ 2. Основные понятия девиантологии
§3. Девиантология: понятие, предмет, место в системе наук

Глава 2. Методология и методика
§1. Методология научного познания
§2. О методах эмпирических исследований в девиантологии
Глава 3. Некоторые закономерности девиантных проявлений

ЧАСТЬ II. ОБЪЯСНЕНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Глава 4. История девиантологической мысли
§1. Зарождение девиантологических идей
§2. Классическая школа уголовного права и криминологии
§3. Позитивизм в философии, науке, социологии
Биологическое (антропологическое) направление
Психологическое направление
Социологическое направление
§4. Современные девиантологические теории. Постмодернизм

Глава 5. История социологии девиантности в России
§1. Социологические исследования отдельных проявлений девиантного поведения
§2.Становление отечественной социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как специальной социологической теории
§ 3. Возможные перспективы

Глава 6. Генезис девиантности
§1. Общие основания объяснения девиантности
§2. Место индивида в обществе – «трамплин» к девиантному поведению
§3. Механизм индивидуального девиантного поведения

ЧАСТЬ III. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ДЕВИАНТНОСТИ

Глава 7. Преступность
§1. Понятие преступности
§2. Основные характеристики (показатели) преступности
§3. Латентная преступность
§4. Состояние преступности в современном мире
Основные мировые тенденции преступности
Состояние преступности в России
§5. Организованная преступность
§6. «Преступления ненависти» и ксенофобия
§7. Торговля людьми

Глава 8. Терроризм: понятие, угрозы, перспективы

Глава 9. Коррупция
§1. Понятие коррупции
§2. История коррупции в России
§3. Коррупция в современной России
§4. Стратегия противодействия коррупции

Глава 10. Наркотизм
§1. Основные понятия
§2. Коротко о наркотиках
§3. Состояние наркотизма
Ситуация в мире
Наркотизм в России
§4. Социально-демографический состав потребителей наркотиков и наркозависимых
§5. Об этиологии наркотизма и антинаркотической политике

Глава 11. Пьянство и алкоголизм
§1. Основные понятия
§2. Состояние алкопотребления
Ситуация в мире
Потребление алкоголя в России и его последствия
§3. Социально-демографический состав лиц,
имеющих проблемы в связи с алкоголем
§4. Антиалкогольная политика

Глава 12. Самоубийства
§1. Основные понятия и характеристики
§2. Самоубийство как социальное явление
§3. Право на смерть
§4. Проблема генезиса суицидального поведения
§5. Некоторые мировые и российские тенденции
и закономерности суицидального поведения
Краткий очерк мировой истории самоубийств
Самоубийства в России (XIX – XX вв. и начало XXI в.)
§6. Социально-демографический состав суицидентов
§7. Обстоятельства совершения самоубийства
§8. Самоубийство в системе индикаторов социального
благополучия/неблагополучия

Глава 13. «Отклонения» в сфере сексуального поведения
§1. Общая характеристика
§2. Проституция
§3. Гомосексуализм

Глава 14. Иные виды девиантности
§1. Правонарушения
§2. Нарушение иных, кроме правовых, социальных норм
§3. Отклонения в здоровье и психике

Глава 15. Позитивные девиации
§1. Постановка вопроса
§2. Социология творчества как социология
позитивных девиаций

Глава 16. Девиантность в «обществе потребления»

ЧАСТЬ IV. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ДЕВИАНТНОСТЬ

Глава 17. Понятие социального контроля

Глава 18. Социальные практики
§1. «Кризис наказания»
§2. Выход из кризиса?

Глава 19. Профилактика девиантных проявлений
§1. Основные понятия
§2. Практика профилактики негативных девиантных проявлений в современном мире
§3. Развитие социального творчества

Заключение
Использованная литература
Рекомендуемая литература
Об авторе

ВВЕДЕНИЕ

Феномен девиации - интегральное будущее общества.

P.Higgins, R.Butler

Вторая половина XX столетия характеризовалась социальными процессами, поставившими под сомнение многие ценности и идеалы человечества и поколебавшими веру в торжество разума и порядка, в прогресс человеческой культуры и цивилизации. Окончание страшной по своим масштабам Второй мировой войны не принесло человечеству желанного умиротворения и благополучия. А для одного из победителей – бывшего Советского Союза послевоенная история закончилась крахом «в мирное время». После Освенцима трудно сохранить веру в человечность и общечеловеческие ценности. Освенцим – как символ бесчеловечности – разделил историю на *«до»* и *«после»*. И «после» оказалось невозможным жить так, как «до».

Растет экономическое, технологическое и социальное неравенство между развитыми и развивающимися странами, пропасть между богатым Севером и бедным Югом, между странами «золотого миллиарда» и всеми остальными, между «включенными» (*«included»*) и «исключенными» *(«excluded»)*[1]. «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют по-

1. К теме «inclusive / exclusive » мы еще вернемся.

терпеть абсолютный крах»[2]. Очевидно, это противоречие становится одним из решающих факторов, определяющих судьбы народов в XXI веке. «Будет происходить дальнейшая стратификация стран: мы не только будем их разделять на богатые и бедные, но будут выделяться очень богатые и очень бедные, и разрыв в уровне материальной жизни между всеми категориями стран будет продолжать нарастать весьма угрожающим образом»[3].

Глобальный экологический кризис и наличие средств массового поражения достаточных для многократного уничтожения всего живого на Земле, поставили человечество на грань выживания. Впервые стал технически возможен *омницид* – самоубийство человечества, как биологического вида. Так что «не отдельных чудаков-мыслителей, а человечество начинают беспокоить мрачные картины будущего, как своеобразные варианты Апокалипсиса»[4].

Человеческий разум и олицетворяющая его наука при всех своих успехах не оправдали доверия как инструмент ненасильственного разрешения социальных противоречий и конфликтов, инструмент сохранения и упрочения «порядка» в обществе. А с порядком, во всяком случае – *с привычным порядком* западного, цивилизованного мира, дела обстоят все сложнее[5].

В недрах западной цивилизации, основанной, так или иначе, на христианских ценностях, заповедях и миропорядке (будь то католицизм, протестантизм или же православие), вызревают силы, «чуждые» этому миропорядку и его нравственности. Страны западного мира, независимо от уровня экономического развития и общественно-политического устройства, сотрясаются более или менее мощными движениями и катаклизмами. «Горячее лето 1968-

---

2. Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. George C. Marshall European Center for Security Studies, 2002. С. 30.

3. Моисеев Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 362.

4. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. С.451.

5. См.: Аснер П. Насилие и мир: от атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово, 1999; Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999.

го», «сексуальная революция», левый и правый экстремизм, терроризм, фундаментализм, антиглобализм, национализм, неофашизм, «цветные» революции, «арабская весна», наконец – «Occupy Wall Street!» (2011-2012 гг.)…

А вот образ современного мира, предложенный Зигмундом Бауманом в лекции «Текучая модерность: взгляд из 2011 года», состоявшейся 21 апреля 2011 г. в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру»[6]: *мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован…*

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли[7]. В другой работе он приходит к убеждению, что капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис[8]. Это не означает возврата к «социалистической» модели общества, а констатирует неизбывность проблем человеческого бытия.

Процессы глобализации конца XX века – начала XXI века лишь обострили проблему принципиального и устойчивого (более того, увеличивающегося) экономического и социального неравенства, как стран, так и различных страт, групп («классов») внутри них. Неравенства, как основного девиантогенного фактора[9].

Формируются все новые субкультуры, протестные по отношению к пока еще господствующей в обществе культуре: наркотическая, делинквентная, сектантские, криминальная, включая организованную преступность. Последняя «уже контролирует не только жизнь и деятельность отдельных стран, но и некоторые шаги мирового сообще-

---

6. Текучая модерность: взгляд из 2011 года // URL: http: // polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html (дата обращения: 25.03.2012).

7. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

8. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000, Vol.15, N3.

9. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006.

ства в целом»[10]. Во второй половине XX века наблюдаются две основные мировые тенденции преступности: ее абсолютный и относительный рост и отставание социального контроля от роста преступности. При этом, во-первых, «интенсивный рост преступности – не сама болезнь общества, а лишь показательный симптом его более глубоких социальных недугов»[11], а, во-вторых, неэффективность привычных форм социального контроля характерна не только в отношении преступности, но и всех других форм *девиантности* – вооруженных конфликтов, наркотизма, пьянства и алкоголизма, коррупции, терроризма, проституции, подростковой делинквентности и др.[12]

Похоже, что реалии XX века – с двумя мировыми войнами, сотнями локальных войн, «холодной войной», гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, с геноцидом, Холокостом, экстремизмом, терроризмом, фашизмом и т.п. – разрушили иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля. Сумма преступлений, совершенных государствами (их руководителями или, точнее, «крестными отцами»), превысила стократ преступления одиночек. Вот только несколько цифр по некоторым странам, чьи лидеры – «спонсоры убийств» (N. Kressel), принесли в жертву человеческие жизни: СССР (1917 – 1987) – 61,9 млн. человек, коммунистический Китай (1949 – 1987) – 35,2 млн., Германия (1934 – 1945) – 20,9 млн., националистический Китай (1928 – 1949) – 10,1 млн., Япония (1936 – 1945) – 5,9 млн., Камбоджа (1975 – 1978) – свыше 2 млн., Вьетнам (1945 – 1987) – 1,7 млн., Пакистан (1971) – 1,5 млн., Югославия (1944 – 1987) – 1,07 млн. человек.[13]

Начало столь ожидаемого XXI столетия (и третьего тысячелетия - *Millennium*) не принесло успокоения. *Американская трагедия* 11 сентября 2001 г. стала таким же знаковым событием наступившего века, как Освенцим – минувшего.

---

10. Лунеев В.В., 1997. Указ. соч. С.16.

11. Лунеев В.В., 1997. Указ. соч. С.45.

12. Социальный контроль над девиантностью в современной России / ред. Я. Гилинский. СПб.: СПб Ф ИСРАН, БИЭПП, 1998.

13. Kressel N. Mass Hate. The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996, pp. 252-253.

Неудивительно, что фундаментальные изменения социальной реальности («человечество уже исчерпало тот потенциал своего развития, который оно получило при завершении предыдущего этапа антропогенеза... Возможности порядка существовавшего тысячелетия уже исчерпаны»[14]) привели к смене - или пониманию необходимости такой смены - парадигмы (системы научных представлений) в общественных науках. Современные концепции, включая *постмодернизм* в социологии, криминологии, девиантологии (социологии девиантности и социального контроля) утверждают: сама социальная «реальность является девиантной», а потому «следует интересоваться собственно девиантностью, а не рациональностью»[15], «феномен девиации – интегральное будущее общества»[16], «девиантность – будущее современности»[17]. Так что «следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля»[18], «институты, призванные корректировать поведение, на самом деле воспроизводят отклонения... тюрьмы не столько «вновь приспосабливают» к обществу людей, сколько делают их профессиональными преступниками»[19], «попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»[20], а «основа закона есть не что иное, как произвол»[21].

Постмодернизм развенчивает как иллюзии и мифы Просвещения, основанные на вере в Разум, так и мифы и иллюзии Модерна, основанные на вере в Демократию, Свободу и Прогресс. К сожалению, постмодернизм, как и другие

---

14. Моисеев Н.Н., 1998. Указ. соч. С.13,22.

15. Интервью с профессором Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии / ред. А.О. Бороноев. СПб.: Петрополис, 1994. С.246.

16. Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company, 1982, p. 8. Здесь и далее перевод автора (Я.Г.).

17. Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. Buckingham: Open University Press, 1994, p. 3.

18. Luhmann N. Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag 1992.

19. Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М.: Изд-во «Весь мир», 1995. С. 63.

20. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С.193.

21. Бурдье П. За рационалистический историзм // Социо-логос постмодернизма. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С.15.

современные теории, ограничивается, как правило, критикой. Утверждая необоснованность существующих концепций девиантности и социального контроля, пишут некролог девиантологии[22].

Впрочем, думается, что реалистически-скептический Постмодернизм – как реакция на иллюзии прекраснодушного Просвещения и оптимистичного Модернизма – является тоже односторонним.

Очевидна ***проблемная ситуация:*** *неадекватность (рассогласование, несоответствие) социальных реалий (девиаций, девиантности общества), реакции общества на них (социальный контроль) и научного их осмысления (девиантологические теории).*

С моей точки зрения, структурные и динамические изменения социальных девиаций, недооценка «норм» и «отклонений», низкая эффективность социального контроля, равно как неудовлетворенность существующими социологическими концепциями девиантности побуждают не отказываться от исследования социальных девиаций, а усиливать их конструктивное изучение. Глобальная «девиантизация» современных обществ – лишний довод в пользу радикальной смены девиантологических парадигм. Современное «общество риска»[23], «катастрофическое общество» требует адекватного описания и объяснения. Смена научных парадигм – это нормальный процесс развития науки, а не ее гибель, заслуживающая некролога и реквиема. Впрочем, в условиях «новой непрозрачности» (Ю. Хабермас) важно хотя бы понять, «что не можешь понять того, чего не понимаешь» (Н. Луман).

Между тем, девиантность и развитие девиантологической теории в России имеют свои особенности.

Во-первых, многие десятилетия советской власти проблемы социальных девиаций – преступности, наркотизма, самоубийств, проституции и др. – тщательно замалчивались. Преступность постоянно «сокращалась», с пьянством «боролись», а самоубийства, наркотизм, проституция были

22. Sumner C., 1994. Ibid. Возражения против идеи «смерти» девиантологии в: Goode E. Deviant Behavior. Seventh Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005, pp.385-389.

23. Бек У. Указ. соч.

«чужды советскому народу» и о них изредка упоминали лишь в рубрике «их нравы» (имея в виду «капиталистические» страны).

Во-вторых, идеологически допустимые официальные объяснения девиантных проявлений сводились к «пережиткам капитализма» и «влиянию капиталистического окружения» (я не останавливаюсь пока на тех исключениях, «отклонениях» от официоза, которые стали проникать в отечественную науку, начиная с хрущевской «оттепели»).

В-третьих, политика изоляционизма в бывшем СССР, «железный занавес», строжайшая цензура, «борьба с буржуазной идеологией» и «лженауками» привели к изоляционизму в науке, отсутствию международных научных связей, недоступности зарубежной литературы. Отечественные общественные науки, включая социологию, криминологию, наркологию, сексологию, суицидологию фактически выпали из мировой науки.

В-четвертых, как следствие вышесказанного, формирующаяся с начала 70-х годов прошлого столетия отечественная социология девиантности и социального контроля представлена очень небольшим, по сравнению с другими странами, количеством имен и трудов. Достаточно сказать, что к началу 90-х годов имелись лишь одна монография[24] и одно учебное пособие[25], посвященные социологии девиантности.

Вместе с тем, в современной России наблюдается значительный рост различных девиаций, как следствие глубоких социальных изменений и затянувшегося экономического, финансового, социального, политического кризиса. Такие формы девиантности как организованная преступность, коррупция, алкоголизация и наркотизация населения, усиленные экономическим и политическим кризисом, служат тормозом выхода из него. *Современная Россия, как средоточие множества девиантогенных факторов, может служить полигоном изучения социальных девиаций.* Существует объективный социальный заказ, не всегда осознаваемый и арти-

24. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1984; Социальные отклонения. Изд. 2-е. М.: Юридическая литература, 1989.

25. Гилинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. СПб Ф ИС РАН, 1993.

кулируемый, на проведение отечественных девиантологических исследований и развитие *социологии девиантности и социального контроля как специальной социологической теории.*

Предлагаемая работа (начиная с ее первого издания в 2004 г.) представляет собой попытку подвести некоторые итоги становления и развития девиантологии, прежде всего отечественной. Лишь осмыслив достигнутое, можно двигаться дальше, в направлении новых парадигм, новых объяснительных концепций. Очевидно, необходима новая, «сумасшедшая» теория, способная понять непонимаемое (так и хочется сказать: для объяснения абсурдного мира нужна «абсурдная» теория). Но это – задача молодых ученых, с «чистыми» мозгами, не засоренными грузом пережитого и передуманного…

Автор далек от мысли навязывать читателям свои убеждения. Во всех наших рассуждениях незримо присутствуют ставшие своеобразным девизом слова двух великих физиков прошедшего столетия: «Каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос» (Н. Бор)[26] и «Вера в то, что существует только одна истина и что она уже постигнута, кажется мне главной причиной всех зол на Земле» (М. Борн)[27]. Вот почему одной из «сверхзадач» книги является попытка автора привлечь читателя к заинтересованному *диалогу.*

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию, прежде всего на молодого читателя – студента, аспиранта, специалиста и может быть использована в качестве учебного пособия по курсу «Социология девиантности и социального контроля», а также в курсах общей социологии, криминологии, политологии, психологии. Надеюсь, что и коллеги – социологи, криминологи, психологи, представители других общественных наук не оставят сей труд без внимания. Буду искренне признателен всем, кто сочтет возможным высказать замечания и предложения по этой работе.

Я благодарю всех сотрудников Центра девиантологии Социологического института РАН за бесценную помощь и

26. Цит. по: Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. С. 195

27. Цит. по: Импакт. Наука и общество. 1986. №1. С. 55.

участие в изучении девиантности и социального контроля, а Эдуарда Кочеткова также за помощь в оформлении рукописи первого издания (2004), и, конечно же, Наталию Проскурнину за безграничную помощь и поддержку во всех моих трудах. Ей же принадлежит неблагодарная работа по составлению библиографии ко всем трем изданиям этой книги. Специальной благодарности заслуживает безвременно ушедший академик В.Н. Кудрявцев, чья зримая и незримая поддержка позволила мне заниматься проблемами девиантности еще в годы советской власти, когда сама тема была «чужда» народу…

Трудно переоценить значение неоднократно предоставляемой мне возможности работать в Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (г. Фрайбург, Германия), чья прекрасная библиотека и исключительно доброжелательная атмосфера позволяли ознакомиться с последними достижениями мировой криминологии и социологии девиантности. И в это издание включены идеи и выдержки из англоязычных трудов последних лет, с которыми автор смог познакомиться в библиотеке Института в августе 2012 г.

Выражаю глубокую благодарность Дмитрию Алексеевичу Ли за дружескую и финансовую поддержку этого издания.

Остается добавить, что это – третье – издание, сохраняя основной текст двух предыдущих, существенно дополнено новыми фактами, статистическими данными, анализом новых литературных источников.

ЧАСТЬ 1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В этой части предпринята попытка раскрыть теоретические основы социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как отрасли социологических знаний. Эта задача осложняется тем, что девиантология – весьма юная особа и не всеми в научном мире воспринимается как вполне зрелое и самостоятельное существо.

Остановимся также на основных методологических предпосылках изучения девиантности и методах эмпирических исследований девиантных проявлений. Наконец, в этой части будут продемонстрированы некоторые закономерности девиантного поведения, выявленные в результате отечественных исследований.

Глава 1. Социология девиантности и социального контроля (девиантология): предмет, основные понятия, место в системе наук

Каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос

Н. Бор

§ 1. Первое знакомство с предметом

Во все времена общество пыталось устранять *нежелательные* для него проявления человеческой жизнедеятельности, *отклоняющиеся* от принятых в данном обществе правил (норм), путем воздействия на носителей этих проявлений. Методы и средства воздействия определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, идеологией господствующих в обществе сил (государства, классов, церкви), обычаями и традициями.

Время от времени создавались пособия и методики, помогающие выявлять, распознавать *их*, дабы своевременно уничтожить или изолировать во спасение здоровых членов общества – *нас*. Так, в 1487 г. доминиканцами Г. Институрисом и Я. Шпренгером был создан печально знаменитый трактат «Молот ведьм» (*лат. Malleus Maleficarum*) – своеобразное пособие по охоте за ведьмами и уничтожению несчастных.

А вот рекомендации прогрессивного для своего времени «Саксонского зерцала» (XIII век): «Вора надо повесить…

Всех тайных убийц и тех, которые ограбят плуг[1], или мельницу, или церковь, или кладбище, а также изменников и тайных поджигателей, или тех, которые выполняют чужое поручение в своих корыстных целях, – их всех следует колесовать… Кто убьет кого-нибудь, или (незаконно) возьмет под стражу, или ограбит, или подожжет… или изнасилует девушку или женщину, или нарушит мир, или будет застигнут в нарушении супружеской верности, тем следует отрубить голову… Христианина – мужчину или женщину, – если он еретик, и того кто имеет дело с волшебством или с отравлениями… следует подвергнуть сожжению на костре»[2].

В XIX в. выходит книга Ч.Ломброзо «Преступный человек» (1876), дававшая обобщенный «портрет» преступника (сплющенный нос, редкая борода, низкий лоб, огромные челюсти, высокие скулы, приросшие мочки ушей…), а также портреты различных типов преступников – убийцы, насильника, вора, поджигателя и прочих. Оставалось только «опознать» их и – принять меры…

Постепенно закрадывавшееся сомнение в эффективности наказания, репрессии привело к мысли о приоритетах превенции, предупреждения преступности и иных проявлений девиантности[3]. Идея профилактики нежелательных для общества явлений была значительным шагом вперед по сравнению с концепциями мести, воздаяния, подавления. Однако, во-первых, провозглашаемый примат профилактики отнюдь не исключал репрессий, и зачастую очень жестоких. Во-вторых, благие идеи превенции оставались практически не реализуемы или слабо реализуемы. И что самое главное: с первых шагов человечества и до сегодняшнего дня люди весьма негативно реагируют на всех, кто «не такой, как все», не такой, как «мы», так что в темницу, на виселицу или костер могли угодить не только Джек-потрошитель и Ванька-Каин, но и Джордано Бруно, Галилео Галилей, Ф. Достоевский…

Известный российский криминолог А.М. Яковлев пишет: «идея качественного, существенного отличия преступ-

1. Выпрягут и украдут лошадей или волов из плуга.

2. Саксонское зерцало. М.: Наука, 1985. С.54-55.

3. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С.231.

ника от остальных людей, персонификация зла, меняя свое обличье, остается одной из самых устойчивых социально-психологических категорий»[4]. Этот далеко не безобидный социально-психологический феномен ведет начало от фундаментального исторически сложившегося противопоставления «мы» и «они»[5]. «Они» – это все, кто не «мы», это – «чужие», а, следовательно, подозрительные, таящие угрозу. Так, младенец может заплакать, увидев чужого (не «своего»). Ребенок, видя на экране телевизора сражающихся, интересуется: «Это – *наши* или… (фашисты, немцы, белые…)?». В годы советской власти тоталитарный режим пытался всех делить на «нас» и «буржуев», «нас» и «врагов народа», на «советский народ» и «чуждых советскому народу»… Отсюда же поиск «козлов отпущения», виновных в голоде и чуме, недороде и засухе, войне и поражении. «Козлом отпущения» могут стать мужчины для женщин (и наоборот), молодые для пожилых (и наоборот), «инородцы» или «лимитчики» для коренного населения, «лица кавказской национальности» (хотя таковой в природе не существует), наркоманы, проститутки, гомосексуалисты для морализирующих обывателей и главарей тоталитарных режимов, «сионисты» и «неверные» (последние для мусульман), «убийцы в белых халатах» и т.д., и т.п., и несть им числа. «Козел отпущения» позволяет «все социальные беды, несчастья и просчеты, конфликты и противоречия общества… объяснить моральными пороками, злой волей определенной категории людей. Козел отпущения меняет свое обличье, но его функция воспроизводится вновь»[6]. И мы вновь и вновь, ничему не научившись, ищем и ищем виновных… И еще: чем благополучнее общество, чем выше его респонсивность (А. Этциони) – способность удовлетворять потребности членов общества, тем меньше нужда в «козле отпущения», тем терпимее граждане, тем меньше нежелательных отклонений.

Если раньше «им», «чужим» грозили кулаком, палкой, копьем, топором (в том числе палача), то сегодня угрожают

---

4. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С.27.

5. См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. С.78-84.

6. Яковлев А.М., 1985. Указ. соч. С.36. См. также: Mellema G. Scapegoats // Criminal Justice Ethics, 2000. Vol.19, N1. pp.3-9.

не только тюрьмой и электрическим стулом, но и танками, авиацией, баллистическими ракетами, оружием массового поражения. И хотя сторонники расширения оснований уголовной ответственности, усиления репрессий, увеличения сроков лишения свободы, сохранения смертной казни, восстановления каторги, конечно же против войны (разве что «точечные удары» или «восстановление конституционного порядка»...) и исходят из самых благих намерений – «ликвидировать» преступность (или – проституцию, распространение и потребление наркотиков, сексуальные «извращения») – все же есть нечто общее у всех борцов с «ними», не такими как «мы»: уверенность в своей правоте, в знании «что такое хорошо, и что такое плохо» и прочная убежденность в возможности «простых решений» сложнейших социальных проблем – с помощью запрета, силы и репрессий.

Очень ценю строчки А. Галича:

Не бойся тюрьмы, не бойся сумы,
Не бойся мора и глада,
А бойся единственно только того,
Кто скажет: «я знаю, как надо»!

Проблемы социального «зла» всегда привлекали ученых. Философы и юристы, медики и педагоги, психологи и биологи – каждый с позиций своей науки изучали и оценивали различные нежелательные явления, «отклонения» – преступность, пьянство и алкоголизм, наркотизм, самоубийства, проституцию, гомосексуализм и иные сексуальные «извращения» и т.п. При этом, однако, отсутствовал общий подход, позволяющий объяснить казалось бы различные феномены социального бытия как проявления некоторых общих его закономерностей.

Становление *социологии* как науки об обществе, его структуре и функционировании сопровождалось исследованием и негативных, нежелательных, нарушающих общественный порядок явлений. Их изучению отдали дань Г. Тард и Э. Дюркгейм, А. Кетле и Г. Зиммель, П. Сорокин и Р. Мертон.

Написаны тысячи томов (в основном – за рубежом), посвященных социальным девиациям, девиантности, деви-

антному поведению, но… до сих пор не совсем ясно, что же это такое. На протяжении всей книги будут подробнее изложены авторские взгляды на природу, содержание, генезис девиантности. Сейчас же в целях лучшего понимания дальнейшего материала попытаемся составить некоторое предварительное представление о рассматриваемом предмете.

§ 2. Основные понятия девиантологии

Задача, обозначенная в названии этого параграфа, не столь проста. В зарубежной и отечественной литературе не очень строго употребляются близкие по значению термины, пытающиеся обозначать интересующий нас предмет: девиантное (отклоняющееся) поведение, девиации (отклонения), девиантность. А еще можно встретиться и с «патологией», и с «отклоненным поведением»[7], и с «асоциальным» или «антисоциальным поведением». В психологии и психиатрии этот набор терминов дополняется «депривацией», «перверсией» и др. При этом отсутствуют более или менее принятые (общепринятые) определения этих понятий.

Это не удивительно. Во-первых, социология девиантности и социального контроля относительно молодая наука, понятийный аппарат которой находится в развитии. Так, David Downes и Paul Rock отмечают в книге 1998 г., что социология девиантности активно развивается лишь последние десятилетия, причем результаты оказываются весьма спорными, дискуссионными. Лишь в 90-е годы XX в. социология девиантности начинает походить на «нормальную науку». Социология девиантности, с их точки зрения, до сих пор не устоявшаяся (coherent – последовательная, связная) наука, а собрание относительно независимых социологических версий[8]. Во-вторых, даже в очень древних науках спор о понятиях и их определениях нередко длится

7. Например: Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994.

8. Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking. Third edition. Oxford University Press, 1998, pp. VII, 1.

веками. В-третьих, чрезвычайная сложность социальных явлений, их изменчивость, многоликость не облегчают задачу «ухватить» какой-то срез, сторону, момент социальной реальности и зафиксировать его в определении. Наконец, в-четвертых, ни одно определение *в принципе* не может быть «единственно верным» и «окончательным». Вместе с тем, нельзя продолжать исследование темы, не попытавшись договориться о словах – понятиях, определениях, описывающих изучаемый предмет.

До поры до времени наиболее распространенным в девиантологии был термин «девиантное поведение» *(deviant behavior)*.

Девиантное или отклоняющееся (лат. *deviatio* – отклонение) поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности - распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам (нормам) и стереотипам поведения, ожиданиям, установкам. Это может быть не только нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, но и «девиантный» образ жизни, «девиантный» стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе, среде, группе.

Бесчисленное множество проявлений девиантного поведения; зависимость оценки поведения как «нормального» или же «отклоняющегося» от ценностей, норм, ожиданий (экспектаций) общества, группы, субкультуры; изменчивость оценок со временем; конфликт оценок различных групп, в которые входят люди; наконец, субъективные представления исследователей (девиантологов) - все это крайне затрудняет выработку более или менее устойчивых и однотипных определений девиантного поведения. Приведем лишь некоторые примеры.

Так, по мнению А.Коэна (A.Cohen), девиантное поведение это «такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы»[9]. E.Good считает, что девиантность это

9. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. В: Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965. С.520-521.

«поведение, которое некоторые люди в обществе находят оскорбительным (обидным, неприятным) и которое вызывает – или может вызывать в случае обнаружения – неодобрение, наказание или враждебность по отношению к субъектам такого *поведения*»[10]. Девиантным называют поведение, которое не соответствует нормам и ролям. При этом одни социологи в качестве точки отсчета («нормы») используют *ожидания* (экспектации) соответствующего поведения, а другие – эталоны, образцы поведения[11]. Некоторые полагают, что девиантными могут быть не только действия, но и *идеи,* взгляды[12]. Девиантное поведение нередко связывают с *реакцией общества* на него и тогда определяют девиацию как «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя»[13].

Предлагается и такое понимание девиантного поведения: это необычное поведение нормальных людей; или обычное поведение нормальных людей в необычных ролях; или обычное поведение нормальных людей в ненормальных ситуациях; или нормальное поведение людей, нарушающих неразумные (ненормальные) правила (нормы); или обычный результат неравных возможностей соответствовать правилам; или обычный результат девиантного обучения; или обычный результат дефектных социальных связей[14].

Исходя из этих, самых общих представлений, можно предложить следующее определение: *девиантное поведение (deviant behavior) – это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.*

---

10. Goode E. Deviant Behavior. Second Edition. New Jersey: Englewood Cliffs, 1984, p.17.

11. Palmer S., Humphery J. Deviant Behavior: Patterns, Source and Control. NY-L: Plenum Press, 1990, p.3.

12. Higgins P., Butler R., 1982. Ibid. p.2.

13. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С.203.

14. Tepperman L. Deviance, Crime, and Control. Beyond the Straight and Narrow. Second Edition. Oxford University Press, 2010, p. XIII.

При этом под «официально установленными» понимаются формальные, правовые нормы, а под фактически сложившимися – нормы морали, обычаи, традиции.

Первоначально приходилось оговаривать (или понимать из контекста) в каком смысле употребляется выражение «девиантное поведение»: как характеристика *индивидуального* поведенческого акта или же как социальный *феномен*. Позднее для обозначения последнего стали применять термины «девиация» («отклонение»), «девиантность» или же «социальная девиация» («социальное отклонение»). В качестве сложного социального явления девиации определяются как «такие нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях»[15].

В английском языке, на котором написано большинство мировой девиантологической литературы, для характеристики соответствующего социального явления, свойства общества порождать «отклонения», обычно употребляется слово *deviance* – девиантность («отклоняемость», хотя по-русски это «не звучит»).

Вот некоторые определения девиантности (*deviance*): «отличие от норм или от приемлемых (допустимых, принимаемых) стандартов общества», «некоторое поведение или физическое проявление, социально вызывающее и осуждаемое, поскольку отклоняется от норм и ожиданий группы»[16]. И еще: «Девиантность – фундаментальный отказ повиноваться групповым правилам и нормам»[17].

Современная «Энциклопедия криминологии и девиантного поведения» (2001 г.) различает три основных подхода в определении девиантности: девиантность *как поведение, нарушающее нормы* (R. Akers, M. Clinard, R. Meier, A. Liska, A. Thio); девиантность как *«реагирующая конструкция»* (D. Black, H. Becker, K. Erickson, E. Goode); девиантность как *на-*

---

15. Социальные отклонения, 1989. Указ. соч. С.95.

16. McCaghy Ch., Carpon T. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition. Macmillan College Publishing Company, Inc., 1994. p.2. См. также: McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Fifth Edition. Allyn and Bacon, 2000, p.4.

17. Dotter D. Creating Deviance. An International Approach. Alta Mira Press, 2004, p. 3.

рушение прав человека (H. Schwendinger, J. Schwendinger)[18]. Если первый и третий из этих подходов не нуждаются в комментариях, то на втором следует остановиться подробнее.

Со второй половины XX столетия в социологии все настойчивее формируется «конструктивистский» подход ко многим социальным реалиям[19]. Оказывается, значительное количество социальных институтов и феноменов («фактов») не столько существуют объективно, *per se, sui generis*, сколько искусственно «сконструированы». Такие понятия, как «преступность», «организованная преступность», «наркотизм», «коррупция», «терроризм», «проституция» и множество других – суть *социальные «конструкты»*[20].

Объективистский взгляд на социальные реалии как конструкции не случаен и имеет глубинные философские и методологические основы. В эпистемологических дискуссиях «на сегодняшний день обозначились тенденции к развитию конструктивистских концепций, которые отказываются от идеалистического или трансцендентального (и в этом смысле субъективного) обоснования. Вместо этого они предполагают наличие вполне реальных систем, которые ориентируются и должны ориентироваться в наблюдении на собственные конструкции, поскольку не имеют собственного доступа к окружающему миру, внешней среде (Umwelt)»[21].

Взгляд на *девиантность* и ее различные проявления как определенные *конструкты*, «изготовленные» в процессе *реагирования* общества на нежелательные виды поведения,

---

18. Bryant C. (Editor-in-Chief). Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol.1. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues. Brunner-Routledge, 2001. pp. 88-92.

19. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

20. Подробнее см.: Гилинский Я. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С.37-40; Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб: ДЕАН, 2011; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004; Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Discourse and Cultural Representations of Crime and «Deviance». Palgrave Macmillan, 2012.

21. Luhmann N. Die Wissenschaft die Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996. S.2.

преобладает в современной социологии девиантности и является, с моей точки зрения, весьма продуктивным. Процесс конструирования девиаций (с помощью политических решений, статистики, средств массовой информации – СМИ и др.) подробно описан во многих трудах[22]. Роли СМИ в процессе конструирования девиаций посвящен раздел «Медиа и конструкция преступлений и девиантности» в сборнике статей «Социология преступности и девиантности»[23]. По мнению известных немецких криминологов H. Hess и S. Scheerer, преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковый конструкт[24]. Как происходит конструирование одной из современных разновидностей преступности – «преступлений ненависти» *(«Hate Crimes»)*, т.е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро-, испано-, арабо- и азиатоамериканцев, евреев, геев, лесбиянок и т.п.), исследовано в книге американских криминологов[25]. В этом конструировании («Hate Crime» is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Процесс конструирования «коррупции» показан в диссертационном исследовании И. Кузнецова[26]. Цитированный выше Д. Доттер так лаконично определяет конструирование девиантности и девиаций: «Создание (конструирование) девиантности: социальное определение и процесс взаимодействия»[27]

---

22. Curra J. The Relativity of Deviance. SAGE Publications, Inc., 2000; Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: the Social construction of Deviance. Blackwell Publishers, 1994; Petrovec D. Violence in the Media. Ljubljana: Mirovni Inštitut, 2003; Pfuhl E., Henry S. The Deviance Process. Third Edition. NY: Aldine de Gruyter, 1993.

23. Caffrey S., Mundy G. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance: Selected Issues. Greenwich University Press, 1995.

24. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

25. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

26. Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Дисс…канд. социологических наук. СПб ГУ, 2000.

27. Dotter D. Ibid., p. 83.

Так вот, сторонники понимания девиантности как «реагирующей конструкции» исходят из того, что общество и государство, считая необходимым *реагировать* на те или иные социально значимые поведенческие формы, *конструируют* вид очередного «козла отпущения» — «мафия», «наркотизм», «гомосексуализм», «коррупция», «терроризм» и т.п.

Конечно, за этими «этикетками» скрываются некие объективные реалии, формы человеческой жизнедеятельности и их носители, субъекты действий[28]. Но общественная или государственная *оценка* этих проявлений девиантности, само отнесение определенных форм деятельности к *девиантным* – результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание. Огромная роль в такой «конструкторской» деятельности принадлежит *политическому режиму*[29]. Рассмотрим это на примере «девиантизации» некоторых явлений политическим режимом советского государства.

После октября 1917 г. новая российская власть, для утверждения которой немало сделала демократическая, революционно настроенная студенческая молодежь и интеллигенция, пыталась какое-то время сохранить имидж прогрессивности, либерализма, демократичности. В Руководящих началах 1919 г. и в первом Уголовном кодексе (УК) 1922 г. наказание признавалось мерой «оборонительной», санкции были не очень строгие, в УК РСФСР 1926 г. термин наказание был заменен «мерами социальной защиты». Тюрьмы пытались заменить трудовыми лагерями (что нередко творилось на практике – другое дело). Руководство страны и его идеологическое обеспечение на первых порах отнеслись либерально-аболиционистски к тому, что позднее, при сталинском тоталитарном режиме, трактовалось как явления чуждые и враждебные советскому народу. Так, в 20-е годы вполне терпимо воспринимали *проституцию*.

Меры социального контроля сводились в основном к

28. См.: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория и общество: Фундаментальные проблемы. М,: Канон-Пресс-Ц, 1999. С.292-306.

29. Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. С.39-65.

попыткам реабилитации женщин, вовлекаемых в сексуальную коммерцию, путем привлечения их к труду и повышения образовательного и профессионального уровня. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за *гомосексуализм* и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) 1930 г. говорилось: «Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину... на носителей этих особенностей... Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее»[30]. До мая 1928 г. не было запрета на оборот *наркотиков*. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркотизму как социальному явлению.

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». В 30-е годы сворачивается система социальной реабилитации женщин, занимавшихся *проституцией*, на смену приходит репрессивная политика по отношению к ним. Резко меняется отношение к *гомосексуализму*. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и иными врагами большевистского строя (надо ли напоминать, что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически). Во втором издании БСЭ мы можем прочитать: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным... В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем»[31]. В 1934 г. устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индий-

30. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. 1930. М. Т.17. С.594-598.

31. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М. 1952. Т.12. С.35.

ской конопли. Из приведенных примеров наглядно видно, как режим *конструирует* различные виды девиантности и преступности. Или – создает «козлов отпущения», на которых так удобно списывать просчеты и неудачи собственной социальной политики.

Учитывая сказанное, можно предложить следующее определение: *социальные девиации, девиантность (deviance) – это социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям.*

Разумеется, предлагаемые определения (и девиантного поведения, и девиантности, равно как и во всех последующих случаях) – лишь одни из многих возможных. Они страдают всеми грехами определений, но могут служить своеобразным посохом в наших дальнейших странствиях в мире социальных отклонений.

Встречающиеся в литературе термины «асоциальное» и «антисоциальное поведение» не точны хотя бы потому, что девиантное поведение столь же *социально*, сколь и «нормальное». «Отклоненное поведение» вызывает вопрос: кем? кто же его отклонил? Термин «патология» («социальная патология»), как нам кажется, так же неудачен. Слово «патология» происходит от греческих π α τ ο σ – страдание и λ ο γ ο σ – слово, учение, и в буквальном смысле означает науку о болезненных процессах в организме живых существ (человека и животного). В переносном, этимологически неточном смысле, патология это – болезненные нарушения строения, функционирования или развития каких-либо органов или проявлений живых организмов (патология сердца, патология желудка, патология умственного развития). Перенос медицинского (анатомического, физиологического) термина в социальную сферу двусмыслен и несет «биологическую» нагрузку, «биологизирует» социальную проблему. Кроме того, даже в медицине, откуда пришел этот термин, понятия нормы и патологии дискуссионны. И.П. Павлов, И.В. Давыдовский рассматривали *болезнь как вариант нормы.* Давыдовский писал: «Так называемые патологические процессы и болезни – это всего лишь осо-

бенности приспособительных процессов»[32]. Наконец, как мы увидим ниже, девиации могут быть полезны, прогрессивны, тогда как термин «патология» воспринимается как нечто отрицательное, нежелательное.

Сказанное не исключает положительной оценки трудов, использующих слово «болезни» при анализе негативных девиантных проявлений[33].

Исходным для понимания отклонений является понятие нормы. В теории организации сложилось наиболее общее – для естественных и общественных наук – понимание нормы как *пределов, меры допустимого*. Это такие характеристики, «границы» свойств, параметров системы, при которых она сохраняется (не разрушается) и может развиваться. Для физических и биологических систем это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность и развитие системы. Это – *естественная, адаптивная норма,* отражающая закономерности существования системы. Так, биологическая система существует при определенных «нормативах» температуры тела (для человека от +36° до +37°С), артериального давления (для человека 120/80 мм ртутного столба), водного баланса и т.п. Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются *(конструируются!*) как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, политизированного, мифологизированного, религиозного) отражения объективных закономерностей. И

32. Давыдовский И.В. Проблемы причинности в медицине: (Этиология). М: Медгиз, 1962. С.75.

33. Ольков С.Г. Общественные болезни. Тюмень, 1996; Рывкина И.В. Социальные болезни современной России (Публицистическое исследование). М., 2011.

тогда оказывается *анормальной* сама «норма», «нормальны» же (адаптивны) отклонения от нее.

Существует немало классификаций социальных норм по разным основаниям. Одна из возможных классификаций предлагается и обосновывается Т. Шипуновой[34].

Принципиальным для всех наших последующих рассуждений, для понимания социальных отклонений, девиантности и предмета девиантологии как науки является осознание *относительности,* релятивности социальной «нормы» и социальных «отклонений». В природе, в реальной социальной действительности не существует явлений, видов деятельности, форм поведения «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию, *per se, sui generis.* Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»). «Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение «нормальное» при одном наборе культурных установок, будет расценено как «отклоняющееся» при другом»[35]. Относительность (релятивность) девиантности и девиантность как социальный конструкт подробно обосновываются в книге J.Curra[36].

Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «девиантен» сам по себе, по своему содержанию, независимо от социального контекста. Так, «преступное» употребление наркотиков, в частности производных каннабиса, было допустимо, «нормально», легально во многих азиатских странах, да и в современных Нидерландах; широко распространенное «законное» потребление алкоголя – незаконно, преступно в странах мусульманского мира; легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Голландии; умышленное причинение смерти (убийство) – тягчайшее преступление, но и … - подвиг в отношении противника на войне.

---

34. Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб ГУ, 2003. С. 20-35.

35. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С.150.

36. Curra J. The Relativity of Deviance. SAGE Publications, Inc., 2000.

С моей точки зрения, *вся жизнь человека есть ни что иное, как онтологически нерасчлененный процесс жизнедеятельности по удовлетворению своих потребностей.* Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной… Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы – есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей *«здесь и сейчас»* (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба и т.д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека – пламя, огонь, некоторые языки которого признаются – обоснованно или не очень – опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Эти примеры можно умножать до бесконечности. Важно помнить: *когда девиантология изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм – не более.* В другом обществе, в другое время рассматриваемая «девиантность» может не быть таковой.

Более того, социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двоякое значение. Одни из них – *позитивные* – выполняют негэнтропийную функцию, служат средством (механизмом) *развития* системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это – социальное *творчество* во всех его ипостасях (техническое, научное, художественное и др.). Другие же – *негативные* – дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и др.

Однако, во-первых, границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. Во-вторых, в одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры (от научного сообщества и художественной богемы до пре-

ступных сообществ и субкультуры наркоманов). И то, что «нормально» для одной из них – «девиантно» для другой или для общества в целом. В-третьих, «а судьи – кто»? Кто и по каким критериям вправе оценивать «позитивность – негативность» социальных девиаций? Равно как и «нормальность – анормальность».

И, наконец, самое главное: организация и дезорганизация, «норма» и «аномалия» (отклонение), энтропия (мера хаотичности, неупорядоченности) и негэнтропия (мера организованности, упорядочения) дополнительны (в понимании Н. Бора). Их сосуществование неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы. «Порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира»[37].

Именно *отклонения как всеобщая форма изменений* обеспечивает «подвижное равновесие» (Ле-Шателье) или «устойчивое неравновесие» (Э. Бауэр) системы, ее сохранение, устойчивость через изменения. Другое дело, что само изменение может быть *эволюционно* (развитие, совершенствование, повышение степени организованности, адаптивности) и *инволюционно.* Но поскольку все сущее конечно (смертно), постольку и инволюционные, энтропийные процессы закономерны и, увы, неизбежны.

Положение о позитивных девиациях дискуссионно в науке. Часть ученых разделяют мою позицию о наличии «симметрии» в отклонениях[38]. Другие – возражают, считая, что девиантность включает только негативные социальные явления[39]. В массовом сознании девиантность действительно связана обычно с негативными явлениями, поступками. Само слово «девиантность» приобрело негативный отте-

---

37. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. №6. С.46-52.

38. Яковлев А.М. Социология преступности. М.: МНЮИ, 2001. С. 56; Ben-Jehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy // Deviant Behavior. 1990. Vol.11. N3; Higgins P., Butler R., 1982. Ibid. pp. 7-8,10; Humphrey J. Deviant Behavior. Pearson. Prentice Hall, 2006, pp.296-317; Palmer S., Humphery J., 1990. Ibid. p. 7.

39. Социальные отклонения. 1989. Указ. соч. С.97-100.

нок[40]. Так, «олимпийских золотых медалистов, которые конечно не нормальные люди, никогда не назовут девиантами, потому что они ненормальны скорее «правильно», чем «неправильно»»[41].

Однако бытовое, обыденное представление и научное, теоретическое понимание не всегда совпадают, да и не должны совпадать. Обоснование авторской точки зрения по поводу позитивных девиаций излагается во многих работах, а специально – в статье 1990 г.[42]

Наконец, еще один сюжет из жизни девиаций. Мир устроен таким образом, что более или менее длительное существование тех или иных систем и процессов возможно лишь в случае их адаптивности и *функциональности* – выполнения определенных «ролей» в жизни других – более общих систем и процессов. Так, нервная система, мышцы, скелет, органы зрения, слуха, сердечно-сосудистая система выполняют определенные функции в системе «организм», а семья, государство, право, экономика, идеология, образование, здравоохранение выполняют определенные функции в системе «общество» (да простят меня коллеги за столь упрощенную трактовку, предпринятую в дидактических, популяризаторских целях).

В процессе эволюционного *отбора* неадаптивные, *нефункциональные* системы, процессы, формы человеческой жизнедеятельности *элиминируются* (ликвидируются, отмирают). Сохраняющиеся же, очевидно, адаптивны, выполняют те или иные явные и/или латентные (Р. Мертон) функции. «Наличие, постоянное сохранение в обществе преступности невозможно без признания того, что и преступность выполняет определенную социальную функцию, служит формой либо регулятивной, либо адаптационной (приспособительной) реакции на общественные процессы, явления, институты»[43]. Так вот, «вечность» преступности,

---

40. Bryant C. 2001. Ibid. Vol.1, p. 88.

41. Wilson P., Braithwaite J. (Eds.) Two Faces of Deviance. University of Queensland Press, 1978, p.1.

42. Гилинский Я. Творчество – норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. №2. С. 41-49.

43. Яковлев А.М. Социология преступности. Указ. соч. С.14.

потребления веществ, влияющих на центральную нервную систему (наркотики, алкоголь и др.), проституции, коррупции, не говоря уже о позитивных девиациях – творчестве, свидетельствует о том, что *все существующие проявления девиантности – функциональны,* несут ту или иную социальную нагрузку, играют определенные социальные роли. Или, как выражался Гегель, «имеют основания», а потому – «все действительное разумно».

Проблема функций девиантности служит предметом научного обсуждения. Так, А.М. Яковлев исследует функции организованной экономической преступности: «обеспечить незаконным путем объективную потребность, не удовлетворяемую в должной мере нормальными социальными институтами»[44]. Преступные связи и отношения, элементы экономической преступности «возникают там и постольку, где и поскольку, объективная потребность в организации и координации экономической деятельности не получает адекватного отражения в организационной и нормативной структуре экономики как социального института»[45]. Функциональность «теневой экономики», включая нелегальное предпринимательство и коррупционные связи подробно исследуются в работах И. Клямкина, Л. Тимофеева, Т. Шанина и др.[46]. Анализу функции взятки, коррупции посвящены труды В. Рейсмена, Л. Тимофеева[47]. В упоминавшейся книге S. Palmer и J. Humphery приводится перечень латентных функций девиантного поведения: интеграция группы; способствование установлению и прояснению морального кодекса (правил) общества; «отдушина» для агрессивных тенденций; «бегство» или безопасный «клапан»; предупредительный сигнал о неизбежных социальных изменениях; действенное средство социальных изменений; средство достижения и роста (упрочения) самоидентификации; а

44. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988. С. 21.

45. Там же. С.43.

46. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М.: РГГУ, 2000; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999.

47. Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988; Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки истории. М.: РГГУ, 2000.

также иные функции[48]. Функциональность организованной преступности была мною рассмотрена в «Криминологии» (СПб, 2009). Функции наркотизма, потребления алкоголя, проституции будут рассмотрены в соответствующих главах части III настоящей книги.

§3. Девиантология: понятие, предмет, место в системе наук

В недрах социологии зародилась и сформировалась социология девиантного (отклоняющегося) поведения как специальная (частная) социологическая теория, которая со временем получила более точное название – *социология девиантности и социального контроля* (именно под таким названием – *Deviance and Social Control* – функционирует 29-й исследовательский комитет Международной Социологической Ассоциации). Социология девиантности оказалась той научной дисциплиной, отраслью социологии, которая претендует на изучение и объяснение самых различных проявлений «социального зла». И не только «зла», как мы видели выше.

Пожалуй, основной недостаток названия «социология девиантности и социального контроля» *(sociology of deviance and social control)* – многословие. Кроме того, девиантность и девиантное поведение изучаются и в рамках естественных наук – биологии, психологии. Наконец, как будет показано ниже, девиации присущи всем уровням организации материи. Поэтому мною введен в научный оборот новый термин – *«девиантология»*.

Девиантология (deviantology) – это наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них (социальный контроль).

Достоинство этого названия – его краткость. К тому же этот термин вполне отвечает принципу наименования научных дисциплин и отраслей науки по формуле: обозна-

48. Palmer S., Humphery J., 1990. Ibid. pp.12-15.

чение предмета + «логия» (от греч. λογος – слово, учение), например, антропология, биология, геология, зоология, криминология и т.п. Девиантология учитывает интересы и других наук, а ряд девиаций изучается комплексными естественно-общественными дисциплинами (самоубийства – суицидологией, пьянство и наркотизм – наркологией). Разумеется, возможны и возражения против предлагаемого термина. Основное из них – непривычность, отсутствие соответствующей научной традиции. Однако, любой термин, любое понятие когда-то употреблялось впервые. Насколько жизненным окажется «девиантология» как термин (научное направление давно существует и развивается) – покажет будущее[49].

Девиантология в перспективе может стать *более общей теорией девиаций в природе и обществе* (на физическом, биологическом, социальном уровнях организации мироздания). В широком смысле, это наука о тех *clinamen* (отклонениях), которые, по Лукрецию, являлись *conditio sine qua non* (необходимые условия) развития, ибо, как говорил Лукреций о «телах изначальных» (атомах):

Если ж, как капли дождя они вниз
продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То ни каких бы ни встреч, ни толчков
у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа[50].

И здесь мы подходим к теме чрезвычайной важности для последующего изложения. *Девиации присущи всем уровням и формам организации мироздания*. В современной физике и химии отклонения обычно именуются *флуктуациями*, в биологии – *мутациями,* на долю социологии и психологии выпали *девиации.*

49. Заметим, что в 2001 г. вышли книги Е.В. Змановской «Девиантология: психология отклоняющегося поведения» (СПб.) и А.Г. Тюрикова «Военная девиантология: Теория, методология, библиография» (М.), в 2007 г. – книга под редакцией Ю.А. Клейберга «Девиантология. Хрестоматия» (СПб), а в октябре 2003 г. в Тюмени состоялась научная конференция на тему «Девиантология в России: история и современность».

50. Лукреций. О природе вещей. М.: Наука,1958. С.68.

Существование каждой системы (физической, биологической, социальной) есть динамическое состояние, единство процессов *сохранения и изменения. Девиации (флуктуации, мутации) служат механизмом изменчивости, а, следовательно, существования и развития каждой системы.* Без девиаций «ничего никогда породить не могла бы природа», а «порождения» природы не могут без девиаций изменяться (развиваться). Отсутствие девиаций системы означает ее не-существование, гибель («а на кладбище все спокойненько»...).

Чем выше уровень организации (организованности) системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают изменения как *«средство» сохранения.* Неравновесность, неустойчивость становится источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктуации»[51]). Так что для биологических и социальных систем характерен переход от гомеостаза (поддержание сохранения, стабилизированного состояния) к гомеорезу (поддержанию изменений, стабилизированному потоку)[52].

Поскольку существование и развитие социальных систем неразрывно связано с человеческой деятельностью, осуществляется через нее, постольку социальные девиации (девиантность социальных систем, обществ) реализуются, в конечном счете, через человеческую деятельность – девиантное поведение. В этом смысле *девиантность есть прорыв тотальной жизнедеятельности через (сквозь) социальную форму.*

Как любая наука, девиантология (или же социология девиантности и социального контроля) имеет свою историю, немаловажную для понимания и объяснения девиаций и девиантного поведения.

Таким образом, *предметом* девиантологии служат:

- девиантность как социальный феномен;
- различные виды девиантности;
- девиантное поведение как индивидуальные поведенческие акты;

---

51. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Наука , 1986.

52. См. статьи К. Уоддингтона и Р.Тома в: На пути к теоретической биологии: 1. Пролегомены. М.: Мир, 1970.

‹ генезис девиантности и ее отдельных проявлений;

‹ механизм индивидуального девиантного поведения;

‹ реакция общества на девиантность (социальный контроль);

‹ история девиантологии.

Какое место в системе наук занимает девиантология?

Выше не раз говорилось о том, что сегодня она является отраслью *социологии*, одной из специальных (частных) социологических теорий. В свою очередь, с нашей точки зрения, социология девиантности служит более общей теорией по отношению к наукам, изучающим отдельные проявления девиантности: *криминологии* (наука о преступности), *суицидологии* (наука о самоубийствах и суицидальном поведении), *«аддиктологии»* (наука об аддикциях, пристрастиях, зависимостях – алкогольной, наркотической, табачной, игорной, компьютерной и др.), отчасти *сексологии* (наука о сексуальном поведении, включая «отклоняющееся» - перверсии), *социологии творчества.* Сразу оговорюсь – если в криминологии высказанная точка зрения достаточно распространена[53], то моя позиция в отношении суицидологии, «аддиктологии», сексологии и социологии творчества, несомненно, вызовет возражения.

Суицидологию принято считать междисциплинарной наукой, объединяющей социологический, психологический, медицинский подходы. Об «аддиктологии», насколько мне известно, никто еще не слышал. Употребление и злоупотребление алкоголем и наркотиками традиционно изучает наркология – медицинская наука (точнее, психиатрия, иногда допускающая в свои владения психологию). Но последнее время к аддикциям (зависимостям) относят также игорную и компьютерную. *Социологии* творчества, к сожалению, практически не существует (в отличие от бурно развивающейся *психологии* творчества). Ее предметом занимаются отчасти психология творчества, отчасти социология науки и социология искусства. Вместе с тем, мне кажется, что высказанные соображения имеют определенные осно-

53. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998, p.22; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998, pp.8,22; Muncie E., McLaughlin (Eds.) The Problem of Crime. SAGE Publication, 1996, p.12; Хохряков Г. Ф. Криминология. М.: Юристъ, 1999. С.82; и др.

вания и вызваны не желанием совершить «революцию», а, во-первых, несколько упорядочить систему общественных наук, включая социологию. И, во-вторых, побудить в ходе дискуссии расширить и уточнить рамки девиантологии и ее «дочерних» дисциплин.

По мере развития девиантологии формируются частные девиантологические науки (дисциплины): военная девиантология, теория социального контроля, подростковая девиантология (у нее двое родителей – девиантология и ювенология[54]) и др.

Все формы, виды девиантности суть *социальные феномены.* Они, как будет показано ниже, в части II книги, имеют общий генезис (социальные «причины»), взаимосвязаны между собой, нередко влияют друг на друга. Некоторое эмпирическое подтверждение этому мы усматривали в результатах наших исследований и при анализе работ других авторов. Социологический подход к суициду, пьянству и наркотизму, проституции мы находим в трудах Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Р. Мертона, П. Сорокина, М. Гернета, да и К. Маркса с Ф. Энгельсом, на которых «не модно» ссылаться в современной России, но чьи научные достижения высоко оцениваются мировой наукой.

Да, при изучении *индивидуального* преступного, суицидального, аддиктивного, сексуального *поведения* несомненна роль психологии, наркологии, а нередко и биологии. Но изучение преступности, пьянства, наркотизма, проституции как *социальных явлений,* а также социальной реакции на них – предмет социологии и, прежде всего, социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) и ее подотраслей – криминологии, суицидологии, аддиктологии, сексологии (точнее, той ее части, которая занимается сексуальными перверсиями). Обоснование социологии творчества как подотрасли девиантологии связано с признанием позитивных девиаций, наряду с негативными. Некоторые практические следствия этого будут показаны ниже.

Девиантология несомненно связана как с «родитель-

54. См.: Основы ювенологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / ред. Е.Г. Слуцкий. СПб.: БИС-принт, 2002; Комарницкий А.В. Основы ювенальной юстиции. СПб: Знание, 2010.

ницей» - социологией, так и с «детьми» - криминологией, суицидологией, аддиктологией и др., а также с различными отраслями социологических знаний – социологией семьи, социологией культуры, социологией науки, военной социологией и др. Кроме того, девиантология широко использует достижения психологии, демографии, статистики, применяет математические методы обработки результатов исследований. Зависимость социальных девиаций от экономических процессов обусловливает взаимный интерес девиантологии и экономики. На многие проявления девиантности существенно влияют особенности той или иной культуры. Культурология оказывается важным «соратником» девиантологии (отметим пока, что культура задает «формы» девиантных проявлений, а девиантное поведение служит «средством» изменения культуры). Неравномерность распространения различных форм девиантности в пространстве заставляет обратиться к географии (известно, например, такое направление в криминологии как география преступности).

Глава 2. Методология и методика

Anything goes!

П. Фейерабенд

§1. Методология научного познания

Само понятие *методологии* (греч. μέθοδος – верный путь, путь исследования) неоднозначно понимается в науке.

В самом широком смысле слова методология – это теория человеческой деятельности, «это деятельность познания, мышления или, если говорить точнее, вся деятельность человечества, включая сюда не только собственно познание, но и производство. Можно сказать, что методология... есть теория человеческой деятельности»[55]. В самом узком смысле слова под методологией понимается совокупность методов, приемов, процедур научного исследования[56]. Именно такое отношение к методологии преобладает, например, в американской (вообще англоязычной) литературе.

Своеобразным компромиссом между очень широким и очень узким пониманием *методологии как пути познания* является многоуровневый подход, когда различаются:

‹ самые общие методы научного познания – анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и др. (философская методология);

‹ общие для многих наук, междисциплинарные методы познания – системный и организационный анализ, кибер-

55. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Наука, 1964. С.6.

56. См., например: Попов Г.Х. Проблемы теории управления. М., 1970. С.5-6.

нетический, синергетический подходы и др. (общенаучная методология);

- теория и методы конкретной науки, области знания;
- методика, совокупность операций и процедур, применяемых в конкретных исследованиях.

Не углубляясь в дискуссию о понятии и предмете методологии, отметим некоторые принципы научного познания, существенные, с нашей точки зрения, для лучшего понимания предмета девиантологии как социальной науки. Поскольку по каждому из рассматриваемых ниже принципов имеются полярные суждения, напомним, что излагается моя личная точка зрения, зачастую не самая распространенная[57].

Принцип универсальности законов мироздания (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву).

Развитие науки в целом характеризуется единством противоположных тенденций – дифференциации и интеграции научных знаний. Ведущими на современном этапе являются интеграционные процессы. Складывающаяся в процессе интеграции научных дисциплин и направлений «инфранаука» (Н.Н. Моисеев), или «меганаука» (Б.Г. Кузнецов) исходит из необходимости объединения исследований неживой и живой природы и общества, изучения их с точки зрения универсальных законов мироздания. При этом основные закономерности социального бытия (включая девиантность как социальный феномен) предстают как инобытие всеобщих закономерностей самодвижения (самоорганизации) материи, мира, мироздания, как м*одификация, доразвитие* их фундаментальных свойств (Э.С. Маркарян[58], Е.Х. Нерсесова[59]). Ибо «сама Земля и все, что на ней происходило вчера и будет происходить завтра, суть частные проявления единого, общего процесса саморазви-

57. Подробнее см.: Гилинский Я. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1988. С.102-110.

58. Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход. В: Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С.135-154.

59. Нерсесова Е.Х. Гносеологический аспект проблемы социальных показателей. М.: Наука, 1981 (особенно гл.1).

тия (самоорганизации) материи, подчиняющегося единой системе законов (правил), действующих в Универсуме»[60]. Для девиантолога этот принцип означает необходимость отказаться от представлений об уникальности девиантных проявлений и их закономерностей, посмотреть на свой предмет с более широких позиций, преодолевая антропоцентризм и аксиологизм (ценностный подход к предмету исследования).

Принцип универсальности общенаучных методов познания действительности. Исходя из принципа универсальности законов мироздания, можно предположить универсальность общенаучных методов познания действительности (включая девиантность).

Это означает для нас возможность применения в девиантологии не только системного и организационного анализа[61], но и синергетики, теории хаоса, теории катастроф, понятия бифуркации, следствий второго закона термодинамики с понятиями энтропии и негэнтропии и иных современных общенаучных концепций. Это осознают отечественные ученые (так, синергетическую модель детерминации преступления предложил В.А. Бачинин[62]) и зарубежные, прежде всего – представители постмодернизма[63].

Принцип относительности знаний (релятивизм). Всякое знание о любом предмете действительности – относительно, неполно, ограничено.

Никогда нельзя достичь «полного и окончательного» знания об исследуемом объекте. Это связано, прежде всего, с тем, что все объекты действительности находятся в постоянном изменении. И «фактически нет ни предложений,

---

60. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С.86.

61. См., например: Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. Т. 30. Общественные науки. 1981. №2. С.134-142; Гилинский Я. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. №5. С. 49-56; Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб ФИС РАН, 1996. С.1-15.

62. Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999. С.518-525.

63. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. SAGE, 1996; Milovanovic D. Postmodern Criminology, NY-L.: Garland Publishing, Inc.,1997.

ни слов со значениями, которые были бы независимы от обстоятельств произнесения»[64]. Кроме того, возможности человеческого познания всегда ограничены имеющимися на каждый данный момент времени средствами. Представители естественных наук в процессе познания так или иначе взаимодействуют с объектом и «нарушают» условия его существования (проблема: субъект – прибор – объект). Представители социальных наук «встроены» в изучаемый объект (общество, его сферы и сегменты), подвержены влиянию с его стороны. Марксово «нельзя жить в обществе и быть независимым от него», увы, факт. Сказанное - не призыв к отказу от познания действительности (включая девиантные проявления), а предостережение от абсолютизации достигнутых знаний. «Следует признать, что в каждый момент времени наши научные теории зависят не только от экспериментов и т.п., проведенных к этому моменту, но также от предпосылок, которые мы принимаем без доказательств, т.е. принимаем, не осознавая их... Научные результаты «относительны»... лишь постольку, поскольку они являются результатами определенной стадии научного развития и подлежат смещению в ходе научного прогресса»[65].

Принцип дополнительности *(Н. Бор)*. Вышеизложенное плюс необычайная сложность даже самых «простых» («элементарных») объектов приводит к тому, что Н. Бор сформулировал как принцип дополнительности - *contraria sunt complementa* (противоположности дополнительны): лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции в совокупности могут достаточно полно описать изучаемый объект.

Иными словами, не «преодоление» противоречивых суждений об объекте, а их взаимодополнительность. Хотя принцип дополнительности был сформулирован применительно к физическому явлению – двойственной природе света (волновой и корпускулярной), однако уже для Н. Бора был ясен его универсальный характер. Н. Бор писал: «мы и

64. Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999. С.518-525.

65. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т.2. С.255-256.

в других областях человеческого познания сталкиваемся с видимыми противоречиями, которые могут быть устранены только с помощью принципа дополнительности»[66]. Так, «в описании положения отдельного лица внутри общества имеются типично дополнительные стороны, связанные с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят... Общую цель всех культур составляет самое теснейшее сочетание справедливости и милосердия; тем не менее следует признать, что в каждом случае, где нужно строго применить закон, не остается места для проявления милосердия, и наоборот, доброжелательство и сострадание могут вступить в конфликт с самыми принципами правосудия»[67].

Забвение принципов относительности знаний, дополнительности приводит к абсолютизации отдельных теорий, концепций, суждений, к догматизации науки.

Итак, девиантологи могут применять все возможные методы научных исследований: философские, логические[68], исторические, общенаучные (системный анализ, организационный анализ, синергетика), социологические методы сбора первичной информации (наблюдение, опрос, анализ документов, эксперимент), психологические методы исследования свойств личности (тесты) и т.д. О некоторых из них мы поговорим чуть позже; некоторую литературу назовем сейчас[69].

Значительна роль *сравнительного* метода в изучении девиантности. Сравнительные (компаративистские) исследования девиантных проявлений в различных государствах приобретают все большее значение в условиях интерна-

---

66. Бор Н. Избранные научные труды. М.: Наука, 1971. Т.2. С.209.

67. Бор Н. Там же. С.495.

68. См.: Бачинин В.А. Указ. соч.; Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск: Университетское,1990.

69. Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009; Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. СПб., 2001; Клейберг Ю.А. Социальные нормы и отклонения. Кемеровский гос. ун-т, 1994; Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань, 2006; Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972.

ционализации, глобализации всех социальных процессов, включая девиантность[70].

Завершая этот параграф, отметим роль *моделирования* в современном научном познании вообще, девиантологии в особенности.

Моделирование это то, чем всегда занималась и занимается каждая наука, независимо от осознания того, что она «говорит моделями». Ибо в самом широком смысле слова *модель – это отражение,* образ изучаемого, исследуемого, рассматриваемого объекта реальной действительности (или ирреальности: образ русалки, лешего, бабы-яги...). Говоря более научно, модель - это «представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает новую информацию об этом объекте»[71]. Существует множество других определений. Но для нас важно, что *моделирование предполагает некоторые теоретические (мысленные) представления об изучаемом объекте и системное описание (изложение) этих представлений, отражающих (неполно, схематично) наиболее существенные, «системообразующие» признаки, параметры объекта изучения.*

Содержательная модель, всегда присущая научным исследованиям, формулируется на естественном языке.

Формальная модель выражается с помощью формальных языков (логического, математического) и свойственна раньше всего естественным наукам, а позднее – и социальным, достигшим определенного уровня развития, зрелости[72]. Не представляет исключения и девиантология.

Модели позволяют «проигрывать» различные ситуации, которые невозможно воспроизвести в действительности,

---

70. См., например: Гилинский Я. Социальная патология в современной цивилизации. В: Криминология XX век. СПб: Юридический центр Пресс, 2000. С. 13-58; Кури Х., Обергфелль-Фукс Й. Общественные изменения и развитие преступности. Сравнение в международном аспекте. В: Криминология XX век. Указ. соч. С. 115-176; Лунеев В.В. (1997) Указ. соч.

71. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.-Л., 1965. С.16.

72. Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: Учебное пособие. М.: Логос, 1998.

исследовать возможные изменения объекта исследования при изменении отдельных его параметров или же условий среды, прогнозировать развитие объекта при заданных параметрах и т.п. Эвристические возможности моделирования становятся поистине безграничны при использовании современной компьютерной техники. Примером моделирования могут служить разработанные R. Maris модели суицидального поведения[73].

§2. О методах эмпирических исследований в девиантологии

С середины XIX в. под влиянием *позитивизма* в философии и социологии (труды О. Конта, Г. Спенсера и др.) социальные науки начинают активно применять «позитивные», естественно-научные методы исследования своего объекта. Это антропологические измерения Ч. Ломброзо, статистический анализ А. Кетле, социально-экономические исследования Ф. Энгельса («Положение рабочего класса в Англии») и др.

Постепенно девиантологи начинают все активнее использовать весь арсенал *социологических* методов сбора и анализа эмпирических данных о своем объекте.

Но социальные процессы в изучаемой сфере обладают некоторой спецификой:

‹ относительно высокая динамичность социальной ситуации;

‹ нередкое противодействие «объекта» исследования получению информации о нем или же его «пассивность», обусловливающие высокую латентность большинства проявлений девиантного поведения;

‹ существенная зависимость состояния и динамики объектов от среды (социальных, экономических, полити-

73. Maris R., Lazerwitz B. Pathways to Suicide: A Survey of Self-Destructive Behaviors. The Johns Hopkins University Press, 1981. См. также: Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

ческих, демографических, культурологических процессов), а, следовательно, необходимость получения информации о ней.

Основные пути (каналы) получения информации об объекте девиантологии:

‹ «автоматическое» поступление информации (заявление граждан, публикации в СМИ, сообщения общественных организаций и государственных органов и т.п.);

‹ «силовое» получение информации о преступлениях, действий, связанных с наркопотреблением (в результате оперативно-розыскной, следственной деятельности);

‹ плановое поступление информации (различные виды учета и отчетности, переписи населения и т.п.);

‹ специальные исследования (социологические, демографические, психологические, криминологические и др.).

Получение необходимой и достаточной информации об изучаемых девиантологией явлениях и процессах сопряжено с определенными трудностями:

‹ отсутствует единая система учета девиантных проявлений («моральная статистика»);

‹ отсутствует (или осуществляется не по значимым показателям) статистика по многим видам девиантности;

‹ несопоставимы многие данные (показатели) государственной статистики и ведомственного учета, учетные данные различных ведомств (МВД, суды, здравоохранение, образование и др.);

‹ высокая латентность большинства девиантных проявлений.

Все это повышает роль социологических исследований различных форм девиантности и их взаимосвязей.

В литературе достаточно подробно изложены методика и техника эмпирических исследований различных видов

девиантности[74]. Поэтому остановимся на них лишь вкратце.

Проведению исследования предшествует разработка его программы, включая определение целей, задач исследования, выработку гипотез (предположения, проверяемые в процессе исследования), анализ необходимой литературы, а также разработанный инструментарий – те конкретные методики, которые будут применяться в процессе сбора информации (анкеты, опросные листы, тесты и т.п.).

Напомним основные методы сбора первичной информации применительно к нашему предмету.

Наблюдение в девиантологии по понятным причинам применяется реже, чем в социологии. Вместе с тем оно вполне возможно, например, при изучении субкультурных сообществ, делинквентных групп[75]. Конечно, наблюдение как научный метод предполагает наличие предварительного плана, подлежащих изучению вопросов и т.п. Наблюдение весьма полезно на первоначальных стадиях исследования и в учебных целях. Так, посещение мест лишения свободы (пенитенциарных учреждений); наблюдение за проститутками в гостиницах, ресторанах, на улице; участие в работе благотворительных учреждений, работающих с наркоманами, суицидентами, жертвами насилия и т.п. дают определенную информацию для размышления, разработки программ исследования.

Анализ документов – один из основных методов получения девиантологической информации. Наиболее часто используются официальные (формальные) документы: материалы уголовных, административных дел, истории болезни, нормативные документы, справки, отчеты и др., а также

---

74. Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л.: ЛВШ МВД, 1991; Гилинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб, 1999; Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. СПб, 2001; Забрянский Г.И. Методика статистического изучения преступности (введение в криминологическую статистику). М.: Граница, 2010; Методы сбора информации в социологических исследованиях. М.: Наука. В 2-х кн., 1990; Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Самарский ун-т, 1995.

75. Кофырин Н. Криминогенные молодежные группы по месту жительства. Их правосознание и жизненные ориентации. В: Трудные судьбы подростков – кто виноват? М.: Юридическая литература,1991. С.125-133.

официальные статистические материалы и документы первичного учета. Приходится обращаться и к неофициальным (неформальным) документам – письмам, дневникам и др. Так, «письма из тюрьмы», автобиографические жизнеописания бездомных, предсмертные записки самоубийц активно используются в качестве источника информации отечественными и зарубежными авторами[76].

Опросы также применяются часто в девиантологических исследованиях. Используются два основных вида опроса: анкетный и интервью. Каждый из них обладает определенными достоинствами и имеет свои недостатки.

Интервью, т.е. личная беседа интервьюера (исследователя) и респондента (опрашиваемого) позволяет при необходимости уточнять вопросы, предусмотренные «опросным листом» (анкетой, «путеводителем интервью»), задавать дополнительные вопросы, гарантирует ответы на все вопросы и т.п. Но при этом исключается анонимность опроса (что может повлиять как на выбор вопросов, так и на степень правдивости ответов), а также ограничивается число респондентов (лично опросить можно десятки человек, но не тысячи). Примеры глубинных неформализованных интервью с наркоманами можно найти в одной из опубликованных статей[77].

Анкетный опрос обеспечивает анонимность, позволяет опросить сколь угодно большое число респондентов, но при этом нельзя разъяснить неясный для респондента вопрос, возможно неполное заполнение анкеты или ее невозврат. В ряде опубликованных работ приводятся образцы использованных нами анкет[78].

По форме проведения опрос может быть личным (ин-

76. Письма из зоны / ред. В. Абрамкин. М.: Общественный Центр «Содействие», 1993; Palermo G., White M. Letters from Prison: A Cry For Justice. Charles C Thomas Publisher Ltd., 1998; Расскажи свою историю. СПб: Фонд «Ночлежка», «На дне», 1999.

77. Карпов В.Г., Лисовская Е.Б. Жизненный мир наркомана как объект междисциплинарного исследования. В: Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля / ред. Я. Гилинский. М.: ИС РАН, 1992. С.135-182.

78. Божков О., Гилинский Я., Елисеева И. и др. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет 3). СПб., 2001. Приложение; Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg, 1997, pp. III-XLVIII.

тервью, *face of face*), почтовым, телефонным. Последний все чаще используется в современной России, поскольку, во-первых, уровень телефонизации населения, особенно в городах, позволяет обеспечить репрезентативность (представительность) опроса, во-вторых, жители в последнее время крайне неохотно идут на личные контакты в условиях «моральной паники» и «страха перед преступностью». Наконец, плохая работа почты сокращает возможности почтового варианта и существенно ускоряет результаты телефонного опроса.

Опрос экспертов – разновидность опроса, рассматриваемая нередко как самостоятельный метод. Применяется обычно тогда, когда необходимо получить мнение специалистов по какому-либо вопросу. Часто экспертный опрос применяется наряду с опросом населения или какой-то группы. Это дает возможность сравнить, сопоставить мнение специалистов и «несведущих» людей. Наиболее частые вопросы к экспертам о факторах («причинах»), влияющих на те или иные девиантные проявления, и о прогнозе их изменений. Примером сочетания массового опроса населения, опроса определенного контингента (заключенных) и экспертного опроса может служить наше исследование пыток в российских правоохранительных органах[79].

Контент-анализ прессы, радио- и телепередач. Этот метод активно используется в девиантологических исследованиях[80].

Эксперимент редко возможен в девиантологических исследованиях. Исключение представляют эксперименты, связанные с программами реадаптации, ресоциализации лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией, осужденных к лишению свободы. Устанавливая для некоторых групп новые условия труда, учебы, отдыха, осуществляя новые психолого-педагогические методы коррекции поведения, и сопоставляя с ситуацией «контрольных» групп, выявляются достоинства и недостатки нововведений.

---

79. Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007.

80. Afanasyev V., Gilinskiy Y. Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press. In: Social Problems in Newspaper. Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication, 1994, pp.55-70.

Это неполный перечень социологических методов, используемых в девиантологии. Все большую роль играют так называемые «качественные методы», включая *case-study* (подробный анализ конкретных случаев), метод *фокус-групп* и др.[81]

Наряду с социологическими методами, при изучении «девиантов» (лиц, совершивших правонарушения, преступления, употребляющих наркотики, суицидентов и др.) могут применяться и психологические методы – тестирование, которое проводят профессиональные психологи.

Невозможно перечислить все случаи, когда целесообразно проведение эмпирических девиантологических исследований, указать все решаемые при этом задачи. Лишь в качестве примера назовем некоторые типичные задачи *регионального* исследования.

1. Определение *состояния* (объем, уровень, структура, динамика) *девиантности* (ее отдельных проявлений) в регионе. Обычно достигается сбором и анализом официальных статистических данных, результатов опросов.

2. Уточнение *социально-демографического* (пол, возраст, образовательный уровень, социальное и семейное положение и т.п.) состава лиц, совершающих различные девиантные поступки. Проводится путем анализа статистических данных, а также в результате опроса. На основе полученных данных, рассчитываются *коэффициенты (индексы) криминальной, алкогольной, наркотической, суицидальной и иной девиантной активности* различных социально-демографических групп по формуле:

$$К\ дев.\ акт. = \frac{n}{N}$$, где:

n – доля (в %) социально-демографической группы среди девиантов

81. См.: Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993; Яковлева А. Потребительский ретретизм: отказ от общества массового потребления. В: Девиантность в обществе потребления/ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012, с.357-416; Afanasyev V. Views on Social Problems among Influential Groups in St. Petersburg. In: Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. Helsinki: NAD Publication, 1998.

N – доля (в %) той же группы в населении

Коэффициент девиантной активности (дев. акт.) показывает вклад группы в девиантность. При К дев. акт. > 1 можно говорить о *повышенной* девиантной активности, при К дев. акт. < 1 – о *пониженной*. Подробнее методика и возможности использования этого коэффициента см.: [82].

3. Установление *пространственного* (территориального) распределения различных видов девиантности в регионе: по районам и микрорайонам города; по районам, населенным пунктам области и т.п. Так, при изучении пространственного распределения девиантных проявлений в г. Орле выявились нетривиальные закономерности: район города с максимальным показателем преступности отличался минимальными коэффициентами алкоголизма и самоубийств; район с минимальным показателем преступности характеризовался повышенными коэффициентами алкоголизма и самоубийств; в районе с максимальным показателем алкоголизма отмечались пониженные коэффициенты преступности и самоубийств[83].

4. Выявление *временно́го* (по дням недели, часам суток, месяцам – «сезонная волна») *распределения* различных видов девиантности. Так, например, хорошо известны (со времен Э. Дюркгейма) весенне-летний «пик» самоубийств при их осенне-зимнем минимуме. Эта закономерность подтверждается и мировой статистикой самоубийств и при наших исследованиях в Ленинграде-Петербурге, в Орле и Мурманске. В Ленинграде в 70-80-е годы прошлого века нами были зафиксированы «суицидоопасный» для мужчин и «благополучный» для женщин конец недели (пятница-воскресенье) при синхронном возрастании числа самоубийств во вторник и снижении в среду-четверг. В распределении суицидальных актов по числам месяца «пики» женского суицида запаздывали на 1-2 дня, по сравнению

82. Проскурнина Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения. В: Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1985.

83. Человек как объект социологического исследования / ред. Л. Спиридонов, Я.Гилинский. ЛГУ, 1977. С.103.

с максимумами мужских самоубийств[84]. В Ленинграде 80-х гг. максимум тяжких насильственных преступлений совершался в апреле-октябре, изнасилований – в сентябре-ноябре, краж и грабежей – в июне и сентябре-октябре. Уличная преступность, минимальная в феврале-марте, возрастала к осени с максимумом в сентябре-октябре и последующим зимним снижением[85]. В течение недели преступность возрастала от понедельника к пятнице (максимум) со снижением в субботу и минимумом в воскресенье.

5. Установление *взаимосвязей* между состоянием *девиантных* проявлений и социальными, экономическими, политическими, культурологическими и прочими *факторами,* влияющими на девиантность. Это наиболее сложная и важная из задач эмпирического исследования. Она решается средствами корреляционного, факторного, регрессионного анализа, т.е. специальными математическими методами, описание которых выходит за рамки данной работы и требует обращения к соответствующей литературе[86].

6. Выявление *отношения* населения и правоохранительных органов к девиантности и девиантам, а также роли средств массовой информации (СМИ) в освещении проблем девиантного поведения и формировании «образа девианта». Эта задача решается с помощью контент-анализа прессы и массовых опросов населения[87].

---

84. Гилинский Я., Проскурнина Н., Смолинский Л. Социальные и медико-психологические проблемы суицидального поведения молодежи. В: Отклоняющееся поведение молодежи / ред. Э. Раска. Таллин: Институт истории АН ЭССР, 1979. С.91-104.

85. Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Указ. соч. С.141-143.

86. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Указ соч.; Ольков С.Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция). В 2-х томах. Тюмень, 2003; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007.

87. Afanasyev V., Gilinskiy Y. Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press. Ibid. pp.55-70.

Глава 3. Некоторые закономерности девиантных проявлений

Все действительное разумно.
Гегель

Многие трудности при изучении преступности и ее видов, наркотизма, пьянства, коррупции, проституции и других форм девиантности (тем более – социального творчества) возникают в результате попыток рассматривать их как относительно с*амостоятельные* явления, со своими специфическими причинами, закономерностями, а, следовательно, и методами противодействия (или развития) со стороны общества и государства. Такой подход в значительной мере объясняется научной традицией и профессиональной специализацией (криминолог изучает преступность, нарколог наркотическую и алкогольную аддикцию, суицидолог - самоубийства). Между тем, различные виды девиантности имеют общий генезис, взаимосвязаны между собой, проявляют общие закономерности, что не исключает и специфические «видовые» факторы и особенности.

Единый, с моей точки зрения, генезис девиантности будет показан ниже, в главе 6. Здесь же остановимся на некоторых закономерностях социальных девиаций. Следует, однако, оговориться: многие из выявленных закономерностей, свидетельствующих об определенном «единстве» девиантности и общем генезисе, носят гипотетический характер. Недостаточная эмпирическая база отечественной девиантологии и определенная «заземленность» (прагматизм) зарубежной социологии девиантности не позволяют в ряде случаев с достоверностью утверждать закономерный характер выявленных особенностей функционирования и динамики девиантных проявлений. С другой стороны, несомненно имеются закономерности, не «уловленные» до сих пор исследователями.

Во-первых, отмечается относительная *устойчивость* установленных связей и зависимостей. Так, издавна и в различных обществах наблюдалась *обратная корреляционная* зависимость между степенью алкоголизации и наркотизации отдельных групп населения (прежде всего, молодежи); между убийствами и самоубийствами (мы еще вернемся к этой теме в гл.12); между женской преступностью и проституцией[88]. Весенне-летний пик и осенне-зимний минимум самоубийств, выявленный Э. Дюркгеймом на примере Франции Х1Х в., наблюдается и в настоящее время в различных странах, включая Россию.

Во-вторых, взаимосвязи различных форм девиантности носят сложный, противоречивый характер, часто не отвечающий обыденным представлениям. Так, хотя нередко наблюдается *«индукция»* различных проявлений девиантности, когда одно негативное явление усиливает другое (алкоголизация нередко провоцирует насильственные преступления, наркотизация – корыстные, бюрократизация - коррупцию), однако, эмпирически прослеживаются и обратные связи, когда, например, увеличение алкоголизации сопровождается снижением уровня преступности и наоборот; в обратной корреляционной зависимости «разводятся» убийства и самоубийства[89]. Возможна связь между террором и терроризмом (подробнее об этом см. гл.8). П. Вольф отмечает, что «низкая степень индустриализации обуславливает высокий уровень преступности против личности и небольшое количество преступлений против собственности. Высокая степень индустриализации предполагает низкий уровень зарегистрированной преступности против личности, зато количество преступлений против собственности возрастает»[90]. Различные формы девиантности соотносятся между собой не как «причина» и «следствие» (некорректны

---

88. См., например: Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С.140.

89. См., например: Человек как объект социологического исследования. Изд-во ЛГУ, 1977. С. 101-104; Эффективность действия правовых норм. Изд-во ЛГУ, 1977. С.99-101; Henry A.F., Short J.S. Suicide and Homicide. Glencoe (Ill): The Free Press, 1954.

90. Цит. по: Кристи Н. Плотность общества. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. С.74-75.

идеологические штампы, все еще распространенные в массовом сознании, типа «пьянство – путь к преступлению», «наркоманы – преступники» и т.п.), а как рядоположенные социальные феномены, имеющие «за спиной» общий генезис.

Различные девиантные проявления могут в одних условиях «накладываться», усиливая друг друга, в других – «разводиться» в обратной зависимости, «гася» одно другое. Иначе говоря, происходит *«интерференция»* различных форм девиантности. Это, как нам кажется, теоретически и практически важная закономерность, не познанная до конца. Конкретизация условий и характера «интерференции» - дело будущих исследований.

В-третьих, очевидна зависимость различных форм девиантности от «среды» (экономических, социальных, политических, культурологических факторов). При этом различные проявления девиантности по-разному «чувствительны» к тем или иным средовым воздействиям. Известно, например, что во время войн снижается уровень самоубийств (подробнее это рассматривается в гл.12). В периоды экономических кризисов растет корыстная преступность и снижается насильственная, а экономический «бум» влечет сокращение корыстных преступлений при «взрыве» насильственных, а также алкоголизации и наркотизации населения[91]. Это позволило американским исследователям заметить: «коэффициенты преступности, как и женские юбки, ползут вверх в периоды процветания» и «чем больше богатство, тем гуще грязь»[92]...

В-четвертых, заслуживают особого внимания сложные взаимосвязи негативных и позитивных девиаций. Наши эмпирические исследования начала 70-х годов прошлого столетия досуговой деятельности жителей г. Орла и осужденных орловчан (до момента их ареста) показали, что в части пассивного потребления культуры осужденные отстают от населения в целом. Они меньше читают, слушают радио, смотрят телевизионные передачи, реже посещают музеи

91. Некоторые эмпирические данные см.: США: преступность и политика / ред. Б. Никифоров. М.: Мысль, 1972. С.237-243; Dolmen L. (Ed.) Crime Trends in Sweden. 1988. Stockholm, 1990.

92. Цит. по: США: преступность и политика. Указ. соч. С.239.

и театры. Однако в сфере самодеятельного творчества активнее были те, кто позднее оказался в числе осужденных! Представители такой маргинальной группы, как служащие без специального образования, показали наиболее высокие коэффициенты криминального и суицидального поведения, а также – самодеятельного творчества[93]. Аналогичные данные были получены нами и при сравнительном обследовании ленинградцев, осужденных за совершение тяжких насильственных преступлений, и контрольной группы населения города (конец 70-х годов XX в.). Если в целом уровень потребления культуры у осужденных ниже, то по ряду показателей активной досуговой деятельности, включая самодеятельное творчество, он оказался выше.

К подобному выводу пришли и москвичи, проводившие исследования в г. Тольятти: «более активными в досуге (во всех его сферах) оказались осужденные в сравнении с законопослушными гражданами. Этот факт требует объяснения, но не может быть следствием случайности»[94]. А.А. Габиани выявил резко повышенную долю бывших спортсменов – мастеров и кандидатов в мастера среди наркоманов Грузии (25%). А в «постсоветское» время многие бывшие спортсмены пополнили ряды организованной преступности.

Эти результаты исследований могут интерпретироваться как показатели повышенной социальной активности лиц («пассионариев», по Л. Гумилеву), не сумевших ее реализовать в социально-полезных формах (творчестве) и «проявивших» себя в негативно девиантном поведении. Все это, наряду с литературными источниками, позволило мне еще в 70-е годы минувшего столетия предположить наличие своеобразного «баланса социальной активности» и системы факторов, определяющих ее структуру и динамику. В первом приближении *баланс социальной активности* в определенном пространственно-временно́м континууме может быть представлен как:

93. Человек как объект социологического исследования. Указ. соч.

94. Волошина Л.А. Совершенствование условий в сфере досуга как фактор искоренения преступности. В: Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. М., 1979. С. 137.

$$\sum_{i=1}^{e} pi + \sum_{i=1}^{e_1} ni + \sum_{i=1}^{e2} ki = 1,$$

где: *p* - квантифицированные позитивные формы девиантного поведения, *n* – квантифицированные формы негативных форм девиантного поведения, *k* - квантифицированные формы «нормального», конформного поведения.

При этом увеличение интенсивности (уровня) одних форм активности (*p* - позитивных или же *n* - негативных девиаций) приводит к снижению интенсивности других форм по принципу «сообщающихся сосудов»[95]. Возможен и вариант одновременного увеличения (уменьшения) значений p и n при соответствующем снижении (увеличении) значения *k*. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в определенные (революционные?) периоды истории увеличиваются и позитивные, и негативные девиации при сокращении конформного поведения.

Высказанные гипотезы («индукция» и «интерференция» социальных девиаций, «баланс социальной активности») представляют не только теоретический, но и практический интерес. Установление достоверных и устойчивых (закономерных) связей между различными проявлениями девиантности, между их позитивными и негативными формами могут быть использованы в системе социального контроля в целях нейтрализации одних, стимулирования других, «канализирования» социальной активности в социально-полезном направлении.

95. Гилинский Я.И. Исследование социальной активности населения при региональном социальном планировании. В: Региональное социальное планирование (Тезисы докладов конференции). Ч.1. Уфа, 1976. С.33; Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. Т.30. Общественные науки. 1981. №2. С.134-142.

ЧАСТЬ II. ОБЪЯСНЕНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Проблема «причин» возникновения (генезиса), функционирования и изменений объектов исследования – основная и сложнейшая для каждой науки. Не представляет исключения и девиантология. Однако в последнее время ученые различных специальностей все чаще отказываются от самого термина «причина» и причинного объяснения своего объекта, предпочитая выявлять *факторы*, воздействующие на объект исследования, и устанавливать *корреляционные зависимости* между ними. Это обусловлено рядом обстоятельств. Мир очень сложен, взаимосвязи между системами и их элементами чрезвычайно сложны и многообразны. Очень трудно (а чаще невозможно) выделить *причинно-следственную* связь из всей совокупности взаимодействий даже в физических и биологических системах, не говоря уже о социальных, тем более, когда сам объект – такой как «девиантность» – не имеет естественных границ в реальности, а суть социальный конструкт.

Неудивительно, что большинство современных зарубежных социологов, криминологов, девиантологов отказываются от бесконечного поиска бесчисленных «причин» девиантности, включая преступность, обосновывая тезис «корреляции против причинности» *(correlation versus causation)*[1].

Вместе с тем, во-первых, выявление факторов, влияющих на уровень, структуру, динамику отдельных видов девиантности действительно представляет собой важную

1. Winfree L., Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996. pp.9-11.

исследовательскую задачу. Во-вторых, вся история девиантологии и криминологии - как наиболее развитого ее элемента - есть поиск причин, факторов, обстоятельств, обусловливающих возникновение и изменение девиантности и ее видов. В-третьих, именно в процессе такого поиска рождались девиантологические и криминологические концепции и теории, добывался огромный фактографический материал, подтверждающий или же опровергающий те или иные научные гипотезы. В-четвертых, без знания факторов, так или иначе влияющих на «девиантность» и ее отдельные виды, невозможна адекватная социальная реакция общества, более или менее эффективный социальный контроль.

Эта часть работы и посвящается проблемам объяснения девиантности. Прежде всего, будет представлен обзор основных направлений зарубежной и отечественной девиантологической и криминологической мысли (гл. 4, 5). Это непростая задача, поскольку, во-первых, исторически сложилось так, что большинство объяснительных теорий девиантности развивалось в рамках иных наук – прежде всего, общей социологии и криминологии, отчасти – демографии, наркологии и суицидологии. Во-вторых, имеется огромная литература по истории криминологии и социологии девиантности (не говоря уже о первоисточниках – трудах виднейших социологов и криминологов). В-третьих, нет единства в периодизации истории социологии девиантности и классификации различных девиантологических направлений, школ, концепций. Нередко взгляды одного и того же автора рассматриваются многочисленными исследователями в рамках различных школ. Заинтересованный читатель может подробнее познакомиться с историей девиантологии в работах отечественных и зарубежных авто-

ров[2]. В-четвертых, и это очень важно иметь в виду, - нередко весьма трудно (если не невозможно) разграничить теории социологии девиантности и криминологии. Автора этих строк постоянно смущает, что, анализируя историю *девиантологии*, все время сбиваешься на историю *криминологии*. Определенным оправданием служит то, что зарубежные труды по истории социологии девиантности «грешат» тем же. И это неудивительно, ибо криминология, как социология преступности, – наиболее развитый элемент девиантологии, которая сама является подотраслью социологии.

Далее, мы попытаемся изложить свои представления о генезисе девиантности (гл. 6). При этом следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, «шизофреничность» объяснения девиантности. С одной стороны, рассматривая ее как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя, общества, общины по конструированию различных проявлений девиантности - «преступность», «наркотизм», «пьянство», «проституция» (только в качестве примера: так называемая «храмовая проституция» - вовсе не проституция в сегодняшнем понимании, ибо отсутствует признак корысти), «коррупция» и др. С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности, возможно выявление факторов, условий,

---

2. Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е издание, СПб, 2009; Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения: Учебное пособие. Казань, 2006; Салагаев А. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань: Технологический ин-ут, 1997; Салагаев А.Л. Социальные девиации в молодежной среде: конфликтологический подход. Казань: КГТУ, 2011; Социология преступности. М., 1966; Amelang M. Sozial abweichendes Verhalten. Springer Verlag, 1986; Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. I. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues. Ibid.; Downes D., Rock P. Understanding Deviance. Ibid.; Goode E. Deviant Behavior. Seventh Edition. New Jersey: Pearson Prentice Hall, 2005; Liska A. Perspectives on Deviance. New Jersey, 1987; McCaghy Ch., Capron T., Jamieson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Fifth Edition. Allyn and Bacon, 2000; Pontell H. (Ed.) Social Deviance. Readings in Theory and Research. Third Edition. Prentice Hall, Upper Saddle River, 1999; Sumner C. The Sociology of Deviance: An Obituary. Ibid.; Traub S., Little C. (Eds.) Theories of Deviance. Fourth Edition. Itasca (Ill.) F.E. Peacock Publishers, Inc., 1994.

обстоятельств, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме.

Поскольку большинство исследователей в прошлом искренне надеялись найти *причины* преступности, пьянства, проституции, наркотизма и т.п. как реально существующих феноменов, постольку вся (или почти вся) история социологии девиантности и криминологии есть история попыток установления объективных «причин» *искусственного социального конструкта.*

Глава 4. История девиантологической мысли

§1. Зарождение девиантологических идей

Что было, то и будет,
и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.
Екклесиаст

Хотя социология девиантности как наука формируется лишь в XIX- XX вв., однако разнообразные взгляды относительно различных форм девиантного поведения существовали с того далекого времени, когда общество стало различать и выделять из всех видов человеческой жизнедеятельности те, которые наносят ущерб людям, обществу, государству.

«Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она... И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы... Нельзя ударить брахмана, но и брахман пусть не изливает свой гнев на обидчика. Позор тому, кто ударил брахмана, и еще больший позор излившему гнев на обидчика»[3], утверждается в «*Дхаммападе*» (Индия, III в. до н.э.). Мысли, полезные и в наши дни. Вообще буддизм утверждает терпимость, всепрощение, ненасилие. «Он не благороден, если совершает насилие над живыми существами. Его называют благородным, если он не совершает насилия ни над одним живым существом»[4].

А вот рассуждения *Мо-цзы* (Китай, 480-400 гг. до н.э.) по поводу «экономических причин» девиантности: «Причина в том, хороший год или плохой. Если год урожайный, то люди становятся отзывчивыми и добрыми. Если же год

3. Антология мировой философии. Т.1. Ч.1. М.: Мысль, 1969. С.129, 132, 133.

4. Там же. С.132.

неурожайный, то люди становятся черствыми и злыми»[5]. Он же о позитивных и негативных санкциях: «Кто делает добро, того следует прославлять; кто делает зло, того необходимо карать»[6].

Кто бы мог подумать, что суть известной американской пословицы «Того, кто украл буханку хлеба, сажают в тюрьму; того, кто украл железную дорогу, - избирают в сенат» была высказана иными словами еще Чжуан-цзы (Китай, 369-286 гг. до н.э.): «Того, кто крадет крючок с пояса, казнят, а тот, кто крадет царство, становится правителем»? Его же рассуждение о двойственной роли, «балансе» девиаций – позитивных и негативных: «Если мудрецы не умрут, то большие разбойники не исчезнут»[7]. *Чжуан-цзы* выступает против ханжеского лицемерия слишком «правильных» людей. «Кто чрезмерно нравственен, тот затемняет природу вещей, дабы сделаться таким знаменитым... В настоящее время трупы осужденных по различным причинам на смерть лежат наваленными друг на друга, а закованные в кандалы толкают один другого на дорогах. Куда ни посмотришь – всюду можно видеть приговоренных к различным наказаниям. А конфуцианцы и последователи Мо Ди почтительно ходят на цыпочках, пробираясь среди толп заключенных с колодками на шее. О! Сколь велико их бесстыдство и криводушие»[8].

Киники, будучи сами «девиантами», отрицающими многие моральные нормы своего времени, вскрывающими лицемерие, глупость, ханжество современников, с присущим им *цинизмом* откликались на «девиантные» ситуации. Так, основоположник кинизма *Антисфен,* увидев прелюбодея, спасавшегося бегством от неминуемой расправы, заметил: «Несчастный! Какой опасности ты мог бы избежать всего за один обол»[9]. Напомним, что один обол – входная плата в публичный дом, установленная Солоном.

---

5. Там же. С.203.

6. Там же. С.204.

7. Там же. С.214.

8. Там же. С.212, 214.

9. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.: Наука, 1984. С.54.

Подчеркивая относительность людских привычек, другой известный киник *Диоген,* говорил: «Если кто-нибудь будет расхаживать по улицам и указывать на все средним пальцем, то подумают, что он сошел с ума, а если – указательным, то нет»[10]. Диоген не обошел и уже упоминавшейся темы «хлеба и железной дороги». Увидев, как жрецы ведут мальчишку, укравшего чашу из храма, он воскликнул: «Крупные воры погоняют мелкого!»[11].

Одним из первых философов-энциклопедистов был Аристотель (384-322 гг. до н.э.), оставивший после себя систему знаний, накопленных человечеством и развитых самим Аристотелем. В его огромном творческом наследии мы находим мысли, интересные и в девиантологическом отношении. Одно из принципиальных положений: «Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда»[12].

Аристотель понимал, что «люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях… Люди поступают несправедливо по отношению друг к другу не только ради предметов первой необходимости,… но также и потому, что они хотят жить в радости и удовлетворять свои желания… Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости»[13]. Тем самым, в частности, неосновательны надежды на «имущественное равенство» как панацею от преступности. Мы еще вернемся к этой проблеме в гл.6. Видя одну из причин преступлений и других негативных девиаций в испорченных привычках и вкусах людей, а также в страстях, затмевающих разум, Аристотель придавал большое значение семейному воспитанию - основе добродетельного поведения.

Мы не ставим перед собой невыполнимую задачу хотя бы назвать всех предтеч социологии девиантности. Важно показать, что мыслители разных народов во все времена так или иначе касались извечной проблемы «зла» и «добра»,

10. Там же. С.65.

11. Там же. С.69.

12. Аристотель. Сочинения. Т.4. М.: Мысль, 1983. С.389.

13. Там же. С.421.

«правильного» и «неправильного» поведения, преступлений и наказания. Но, пожалуй, нельзя пройти мимо авторов социальных утопий.

Томас Мор (1478-1535) в своей «Утопии» (полное название его труда – «Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», 1516) высказал необычайно смелые для своего времени идеи относительно причин преступлений и целесообразности наказаний. Приведем обширную цитату. «Простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову, а с другой стороны, ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание… Вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать… По моему мнению, совершенно несправедливо отнимать жизнь у человека за отнятие денег. Я считаю, что человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира. А если мне говорят, что это наказание есть возмездие не за деньги, а за попрание справедливости, за нарушение законов, то почему тогда не назвать с полным основанием это высшее право высшей несправедливостью?»[14]. Т. Мор рассчитывал на предупреждение преступлений в результате радикального переустройства общества.

В «Городе Солнца» (1623) *Томмазо Кампанеллы* (1568-1639) нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца – Я.Г.) встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, - они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным

14. Мор Т. Утопия. М.-Л.: АН СССР, 1947. С.52-63.

для искупления проступка»[15]. Итак, в «переводе» на современный язык: определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, но тогда общество конструирует новый набор проступков, подлежащих наказанию; при этом меры «наказания» достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия она и есть утопия…

Мы находим у Т. Кампанеллы и позитивные санкции за позитивные девиации: «Памятники в честь кого-нибудь ставятся лишь после его смерти. Однако еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле»[16].

И по мнению *Бенедикта Спинозы* (1632-1677), зло, преступление не являются чем-то естественным по своей природе, а суть социальные конструкты. « Все вещи необходимы и *в природе нет ни добра ни зла*… В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию… В естественном состоянии нельзя представить себе *преступления*; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в *заслугу*… В естественном состоянии нет ничего, что можно было бы назвать *справедливым или несправедливым»*[17]. Как видим, уже Б. Спиноза фактически рассматривал преступление, как социальный *конструкт*.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению темы, представим основные этапы развития девиантологии в виде схемы 1.4.

---

15. Кампанелла. Город Солнца. М.-Л.: АН СССР, 1947. С.40.

16. Там же. С.97.

17. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 119, 554.

Схема 1.4

классическая школа уголовного права
и криминологии (XVIII в.)
|
позитивизм (XIX в.) направления:
|
биологическое — психологическое — социологическое (антропологическое)
|
критические, радикальные, интегративные,
постмодернистские и др. концепции
(XX в.- начало XXI в.)

§2. Классическая школа уголовного права и криминологии

Хотя зарождение социологии девиантности связывают с именем Э. Дюркгейма, однако некоторые идеи криминологии, возникшей раньше, имеют непосредственное отношение к осмыслению девиантности. Поэтому кратко рассмотрим предшественников криминологии - классическую школу уголовного права (XVIII в.)[18]. Ее идеи основывались на религиозном понимании свободы воли и греховности человека. Если благодаря свободе воли индивид выбирал путь греха, совершал преступление, он подлежал каре за содеянное. Чем тяжелее был грех, тем более жестоким должно было быть воздаяние. В рамках классической школы вызревали представления о преступности, преступлении, их причинах и мерах социального контроля.

Но взгляды крупнейших представителей классической школы криминологии (Ч. Беккариа, И. Бентам) существенно отличались от современных им уголовно-правовых воззрений.

18. С этого начинают нередко и западные историки девиантологии: Bryant C. (Ed.). Vol.1. Ibid. pp.43-45; Lamnek S. Theorien abweichenden Verhaltens. Vierte Auflage. München: W. Fink Verlag, 1990; McCaghy Ch., Capron T., Jamieson J. Ibid. pp.7-9.

Наибольшую известность приобрел труд *Ч. Беккариа* (1738-1794) «О преступлениях и наказаниях» (1764). Написанный совсем молодым ученым, он стал своего рода «бестселлером», переведенным с французского языка на десятки других языков. Принимая возмездный характер уголовной юстиции, пропорциональность воздаяния, Беккариа прежде всего ограничивает понятие преступления. Преступлением может считаться только такое деяние, которое причиняет реальный вред, прямо и ясно указано в законе, а сам закон обязателен для граждан и правителей. Эти требования были направлены против осуждения по аналогии, против неравенства перед законом.

Причины преступлений Ч. Беккариа видит во всеобщей борьбе человеческих страстей, и, прежде всего – в наслаждении и страдании[19]. При этом борьба человеческих страстей служит источником не только преступлений, но и полезных деяний («позитивных девиаций»!). Наряду с психологическими основаниями преступлений, ученый не обошел вниманием и социально-экономические факторы. Так, в кражах он усматривал преступления нищеты и отчаяния.

Особенно важны взгляды Ч. Беккариа по проблеме наказания. Его целью он считает удержание людей от совершения преступлений, а не месть. Ученый выступает против жестокости наказания. Жестокие наказания не только не выполняют функции предупреждения преступлений, но напротив: «В те времена и в тех странах, где были наиболее жестокие наказания, совершались и наиболее кровавые и бесчеловечные действия, ибо тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой и отцеубийцы и разбойника»[20]. Неудивительно, что Беккариа, вопреки распространенным в то время (да, к сожалению, нередко и в наши дни) взглядам, выступал против смертной казни: «Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает пример жестокости… Мне кажется нелепым, что законы,… которые запрещают и карают убийство, сами совершают его и для отвращения граждан от убийства сами предписывают совершение его».

---

19. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С.222.

20. Там же. С.310.

Ч. Беккариа впервые сформулировал принцип неотвратимости наказания: «Одно из самых действенных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности»[21].

Наконец, Ч. Беккариа, вслед за Ш. Монтескье, провозглашал приоритет предупреждения преступлений перед наказанием за них. При этом он понимал, что возможности государства по противодействию преступности ограничены, ибо «невозможно предупредить все зло».

И. Бентам (1748-1832) в известной степени разделял взгляды Ч. Беккариа. Кроме того, он еще в 1778 г. обратил внимание на статистические закономерности и устойчивость преступности. А его мысль о том, что человек стремится получить максимальное удовольствие и испытать минимальные страдания надолго завладела умами специалистов в области уголовного права.

В целом, зародившись в недрах классической школы уголовного права, классическая криминология сделала первые важные шаги в становлении криминологии как науки. Вместе с тем, прогрессивные для своего времени взгляды Ч. Беккариа и И. Бентама носили все еще умозрительный характер. Преодолеть этот недостаток стало возможным на основе позитивистских воззрений следующего – Х1Х столетия.

§3. Позитивизм в философии, науке, социологии

Зарождение позитивизма заслуженно связывают с именем О. Конта (1798-1857). К числу первых теоретиков позитивизма относят также Г. Спенсера (1820-1903) и К. Маркса (1818-1883).

О. Конт, будучи социальным философом (термин «социология» им впервые был использован в «Курсе позитивной философии», 1838), полагал, что существующие социальные науки не могут считаться таковыми (науками), пока и по-

21. Там же. С. 308-309.

скольку они метафизичны, носят умозрительный характер, не основываются на методах естественных наук – измерении, наблюдении, эксперименте и т.п. Наука должна основываться на фактах, а не догмах, воображение должно быть подчинено наблюдению. «Теологическое и метафизическое состояние какой-либо науки отличаются одной общей чертой: господством воображения над наблюдением… Чтобы сделать… науку позитивной, нужно установить в ней… преобладание наблюдения над воображением»[22].

Идеи позитивизма нашли отражение в трех основных направлениях: биологическом или антропологическом, психологическом и социологическом. Возникновение каждого из этих трех направлений связывают обычно (более или менее справедливо) соответственно с именами Ч. Ломброзо, Г. Тарда и А. Кетле. И хотя позитивизм в «чистом виде» давно сменился и плюралистическими концепциями, и неомарксизмом, и «критической криминологией», и постмодернизмом, однако с момента возникновения этих трех направлений и до сегодняшних дней мы почти безошибочно можем отнести к тому или иному из них любую девиантологическую школу, теорию, концепцию.

Биологическое (антропологическое) направление

Бесспорным родоначальником этого направления считается *Ч. Ломброзо* (1835-1909) – тюремный врач в Турине. С помощью антропологических методов он измерял различные параметры строения черепа многочисленных заключенных, их вес, рост, длину рук, ног, туловища, строение ушей и носов, а при вскрытии умерших – строение и вес внутренних органов. Всего за свою многолетнюю практику он исследовал свыше одиннадцати тысяч лиц, осужденных за совершение преступлений. Свое главное открытие Ч. Ломброзо описывает вполне поэтически: «Внезапно однажды утром мрачного декабрьского дня я обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей, …аналогичную тем, которые имеются у низ-

22. Конт О. Система позитивной политики. В: Родоначальники позитивизма. Выпуск второй. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. С.108, 111.

ших животных. При виде этих странных ненормальностей – как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта – я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня»[23].

Результаты исследований и выводы о «прирожденном» преступнике, отличающемся от других людей чертами «вырождения» («преступник – это атавистическое существо, которое воспроизводит в своей личности яростные инстинкты первобытного человечества и низших животных») нашли отражение в труде Ч. Ломброзо «Преступный человек» (1876). Признаки «вырождения» проявляются в многочисленных «стигматах»: «ненормальности» в строении черепа, низкий или скошенный лоб, огромные челюсти, высокие скулы, приросшие мочки ушей и т.п. Ч. Ломброзо создал целую серию «портретов» различных преступников – убийц, грабителей, воров, насильников, поджигателей и др. Разработанная им классификация преступников включала четыре типа: прирожденные, душевнобольные, по страсти (включая политических маньяков), случайные.

Ч. Ломброзо затронул еще одну девиантологическую тему: с биологических позиций он рассматривает проблему гениальности и помешательства[24].

Со временем, под давлением обоснованной критики, Ч. Ломброзо стал уделять внимание и иным – социальным, демографическим, климатическим факторам[25]. Однако он навсегда вошел в историю криминологии как автор теории врожденного преступника.

Результаты антропологических исследований Ч. Ломброзо не выдержали проверки. Так, еще при его жизни *Ч. Горинг* (1870-1919) осуществил сравнительное исследование трех тысяч человек – заключенных (основная группа) и учащихся Оксфорда, Кембриджа, колледжей, военнослужащих (контрольная группа). Результаты не выявили значимых различий между группами и были опубликованы

---

23. Цит. по: Яковлев А.М. Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М.: Юридическая литература, 1971. С. 20.

24. Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство. СПб., 1892 (имеется репринтное издание 1990 г.).

25. Ломброзо Ч. Преступление. СПб., 1900.

в книге «Заключенный в Англии» (1913). Вывод Ч. Горинга был вполне категоричен: «Нет такой вещи как физический криминальный тип»[26]. Позднее аналогичные исследования проводились и другими авторами (Н. Ист, В. Хиле, Д. Зернов и др.) с теми же результатами. Миф о «врожденном преступнике» был развеян, хотя иногда возникали его рецидивы…

Ученики Ломброзо и его соотечественники *Э. Ферри* (1856-1929) и *Р. Гарофало* (1852-1934) вслед за учителем признавали роль биологических, наследственных факторов. Вместе с тем они уделяли внимание психологическим (особенно Р. Гарофало) и социальным факторам в обусловленности преступлений. Они оба отрицали идею свободы воли, занимаясь поиском причин преступлений.

Э. Ферри выделял антропологические (телесная и духовная природа индивидов), физические (естественная среда) и социальные детерминанты преступлений. Наказание должно выполнять чисто предупредительную, оборонительную функцию. В «Криминальной социологии» (в российском издании – «Уголовная социология» [27]) Э. Ферри писал, обосновывая принципы позитивизма: «Раньше наука о преступлениях и наказаниях являлась по существу лишь изложением теоретических выводов, к которым теоретики пришли только с помощью логической фантазии. Наша школа превратила ее в науку позитивного наблюдения. Основываясь на антропологии, психологии и статистике преступности, а также на уголовном праве и исследовании тюремного заключения, эта наука превращается в синтетическую науку, которую я сам назвал «Криминальной социологией»». Э. Ферри отстаивал вероятностный характер обусловленности девиантного поведения теми или иными факторами. Он придавал большое значение превентивным мерам (улучшение условий труда, быта и досуга, освещение улиц и подъездов, условий воспитания и т.п.), считал, что государство должно стать инструментом улучшения социально-экономических условий.

Антропологическое или биологическое направление отнюдь не исчерпывается ломброзианством.

---

26. Goring Ch. The English Convict: A Statistical Study. L., 1913. p.173.

27. Ферри Э. Уголовная социология. СПб, 1900.

По мнению немецкого психиатра *Э. Кречмера* (1888-1964) и его последователей (прежде всего – американского криминолога У. Шелдона), прослеживается связь между типом строения тела, характером человека, а, следовательно, и его поведенческими реакциями, включая преступные. Согласно их теории «конституциональной предрасположенности», высокие и худые люди – эктоморфы («церебротоники», по *У. Шелдону*, или астеники) – чаще будут робкими, заторможенными, склонными к одиночеству, интеллектуальной деятельности. Сильные, мускулистые мезоморфы («соматотоники» или атлеты) отличаются динамичностью, стремлением к господству и наиболее склонны к девиациям. Невысокие, полные эндоморфы («висцеротоники» или пикники) – общительны, спокойны, веселы. Связь между физической конституцией, чертами характера и поведенческими реакциями действительно существует, но представители всех типов физической конституции и различных типов характера (со времен *И.П. Павлова* хорошо известны холерики, сангвиники, флегматики и меланхолики, хотя современные классификации характера намного сложнее и разнообразнее) могут отличаться как законопослушным поведением, так и девиантным – позитивным и негативным.

Эти замечания относятся и к различению *К. Юнгом* (1923) двух основных типов личности – экстравертов, ориентированных на общение, склонных к новаторству (иногда с элементами авантюризма), и интровертов – ориентированных на себя, замкнутых, избегающих риска, настроенных консервативно. *Г. Айзенк* (1963) для более полной характеристики типов личности дополнил экстравертов (открытость) – интровертов (замкнутость) характеристиками стабильности - нестабильности (уровень тревожности). И также пытался связать криминальное поведение с личностными особенностями. В частности, Г. Айзенк считал, что экстраверты более склонны к преступлениям, чем интроверты.

По мере развития современной биологии и генетики в рамках биологического направления возникают все новые

и новые теории. Назовем лишь некоторые из них. Подробное же их освещение можно найти в современной книге Д. Фишбайн[28].

Концепция близнецов. В ряде исследований (Loehlin, Nichols, 1976 и др.) было установлено, что одинаковое (в том числе девиантное) поведение взрослых пар однояйцовых (монозиготных) близнецов наблюдается относительно чаще, нежели у пар двуяйцовых (дизиготных) близнецов. В одном из исследований, например, такое совпадение было в 77% случаев однояйцовых и в 12% случаев двуяйцовых близнецов. Отсюда делался вывод о роли генетической предрасположенности к тем или иным поведенческим формам. Однако различные исследователи получали неодинаковые результаты, не всегда изучались условия воспитания обоих близнецов, так что сторонников «близнецового» объяснения девиантного поведения не так уж много.

Хромосомная теория. П. Джекобс (1966) на основе изучения заключенных в шведских тюрьмах выдвинул гипотезу о зависимости повышенной агрессивности и, соответственно, высокого уровня насильственных преступлений у мужчин с лишней Y хромосомой (XYY вместо стандартного набора XY). Позднее *Т. Поуледж* опроверг это предположение. Если мужчины с лишней Y хромосомой и отличаются повышенной агрессивностью, то их удельный вес в популяции крайне невысок (1 из 1000) и постоянен, а уровень насильственной преступности существенно меняется во времени и пространстве. По данным Р. Фокса (1971), заключенные с хромосомным набором XYY не более склонны к насилию, чем другие заключенные, но относительно чаще совершают имущественные преступления. Кроме того, повышенная агрессивность может проявляться и в общественно полезном или допустимом поведении (спортсмены, полицейские, военнослужащие).

Частота пульса. Кембриджское лонгитюдное (изучение одних и тех же лиц на протяжении значительного периода времени) исследование свыше 400 мужчин показало, что те из них, у кого частота пульса в состоянии покоя была ниже

28. Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, Thomson Learning, 2001.

(66 ударов в секунду), чем в среднем (68 ударов в секунду), относительно чаще оказались осужденными за насильственные преступления (D. Farrington, 1997). Аналогичные результаты были получены в исследованиях M. Wadsworth (1976) и A. Raine (1993)[29]. Но вероятнее всего такой одиночный фактор как частота пульса является лишь одним из показателей общего состояния нервной системы, так или иначе влияющего на поведение, в том числе, - агрессивное.

Уровень серотонина в крови. На основе многочисленных исследований предполагается, что повышенный уровень серотонина в крови свидетельствует о более высокой вероятности агрессивного поведения.

Роль тестостерона. Точно также считается, что повышенный уровень тестостерона (мужской половой гормон) может увеличивать агрессивность поведения. Некоторые исследователи полагают, что аналогичную роль в женском агрессивном поведении играют женские гормоны.

Однако, во-первых, результаты различных исследований нередко противоречивы. Во-вторых, ряд исследований показал, что уровень гормонов весьма чувствителен к внешним условиям. В-третьих, и это главное – нет никаких доказательств специфического влияния всех вышеназванных биологических факторов (лишняя Y хромосома, частота пульса, уровень серотонина или гормонов и др.) именно на девиантное поведение. Это не исключает того, что при прочих равных условиях генетическая составляющая может играть определенную роль в большей или меньшей вероятности той или иной поведенческой реакции конкретного индивида (достаточно, например, напомнить, что в генезисе алкоголизма роль наследственности велика, а в состоянии алкогольного опьянения совершается немало правонарушений). В одной из своих книг российский психолог В. Леви заметил: «Социум выбирает из психогенофонда». Иначе говоря, социальные факторы влияют на поведение опосредствованно – через генетические и психологические особенности свойств личности. Наконец, в-четвертых, все

29. Подробнее см.: Sheley J. (Ed.) Criminology: A Contemporary Handbook. Third Ed. Wadsworth, Thomson Learning, 2000, pp.326-328.

эти рассуждения, равно как иные идеи сторонников биологического и психологического направлений, имеют отношение к индивидуальному девиантному поведению, но никак не объясняют девиантность как социальный феномен.

Психологическое направление

Становление психологического направления связывают с двумя именами: Р. Гарофало и Г. Тарда. О первом из них уже говорилось выше. Его работа «Критерии опасного состояния» (1880) обосновывает, в частности, так называемый клинический подход в изучении личности преступника. Идеи «опасного состояния» позднее, во второй половине XX в., активно развивал Ж. Пинатель.

*Г. Тард (*1843-1904) в своих книгах «Законы подражания» и «Философия наказания» (обе вышли в 1890 г.) объяснял преступное поведение подражанием и обучением. Поскольку в основе преступного акта лежат психологические механизмы, постольку, с точки зрения Г. Тарда, суд должен решать вопрос лишь о виновности / невиновности обвиняемого, тогда как меры воздействия на виновного определяет медицинская комиссия.

Вполне обоснованно обращаясь к психологическим факторам индивидуального преступного поведения, Г. Тард излишне абсолютизирует роль подражания, усматривая в «законе подражания» едва ли не основной закон развития общества и цивилизации.

Склонность к психологизации социальных явлений не помешала Г. Тарду в ряде вопросов стоять на социологических позициях. Так, он социологически верно отмечает относительность самого понятия отклонения (преступления): «Система добродетелей, также как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории»[30]. Отношение ученого к преступности как социальному феномену позволило ему сделать вполне социологический вывод: «Если бы дерево преступности со всеми своими корнями и корешка-

30. Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907. С.33.

ми могло бы быть когда-нибудь вырвано из нашего общества, оно оставило бы в нем зияющую бездну»[31].

Г. Тард один из первых обратил внимание на то, что повышение благосостояния, уровня жизни, образования не влечет за собой сокращение преступности. Скорее – наоборот! «Рост трудовой деятельности и богатства делает естественным рост преступлений и преступников! А где же, следовательно, нравственная сила труда, нравственная добродетель богатства, о которых столько говорили? Образование сделало большие успехи. Где же благодетельное, столь прославленное действие просвещения на нравы?... Три великих предупредительных лекарства от социальной болезни: труд, общее довольство и образование – усиленно действовали не раз, а поток преступности, вместо того, чтобы пересохнуть, вдруг вышел из берегов»[32]. Г. Тард увидел также широчайшую распространенность преступлений «людей богатых и признаваемых честными» (позднее такие преступления будут названы «беловоротничковыми»).

Наконец, заметим, что на примере Р. Гарофало и Г. Тарда мы лишний раз убеждаемся в относительности любой схемы, любой классификации. Так, взгляды Р. Гарофало в равной степени относятся к антропологическому и психологическому направлениям, а работы Г. Тарда иллюстрируют и психологический, и социологический подходы к проблеме преступности, преступления и наказания. Впрочем, еще Э. Ферри обосновывал правильность и научную совместимость своих антропологических и социологических воззрений[33].

К психологическому направлению относится и фрейдизм. Сам З. Фрейд (1856-1939) не обращался специально к девиантологической тематике (если не считать психоаналитического разбора произведений Ф.М. Достоевского; в этой своей работе З. Фрейд сформулировал небезынтересное для нас утверждение: «Для преступника существенны

31. Тард Г. Преступник и преступления. М., 1906. С. 62.

32. Тард Г. Сравнительная преступность. Указ. соч. С. 95.

33. Ферри Э. Уголовная антропология и социализм. В: Уголовное право и социализм / ред. М.Н. Гернет. М., 1908. С. 204-215; Он же. Уголовная социология. СПб., 1910.

две черты – безграничное себялюбие и сильная деструктивная склонность; общим для обеих черт и предпосылкой для их проявлений является безлюбовность, нехватка эмоционально-оценочного отношения к человеку»[34]). Однако его теория не могла не отразиться на психологических подходах к проблеме девиаций, особенно - сексуальных.

Напомним, что З. Фрейд выделял в структуре личности три составляющие: «Я» (Ego), «Оно» (Id) и «Сверх-Я» (Super-Ego). «Оно» - глубинный слой бессознательных влечений, «разгул» сексуальных и агрессивных инстинктов. Не будь других составляющих личности, человек всегда действовал бы по велению «Id» (с точки зрения З. Фрейда, человек асоциален по природе). «Я» - сфера сознательного, посредник между бессознательным, внутренним миром человека и внешней реальностью – природной и социальной. Ego развивается из Id в процессе социализации индивида. «Сверх-Я» - внутриличностная совесть, «хранилище моральных установлений», своего рода моральная цензура, представляющая собой установки общества. «Super-Ego» - посредник между бессознательным и сознанием в их непримиримом конфликте, ибо сознание само по себе не способно обуздать веления бессознательного. Другим важнейшим положением Фрейда является учение о «либидо» - половом влечении, которое, начиная с раннего детства, на бессознательном уровне определяет большинство намерений и поступков человека.

Легко представить, сколь обширное поле открывается для девиантологической интерпретации этих положений. Это и «победа» бессознательного, проявившаяся в конкретном девиантном акте, и «либидо», выплеснувшееся в сексуальное или иное насилие, и роль невротических реакций в механизме индивидуального девиантного поступка, и сублимация (переключение) либидо либо в криминальное русло, либо – в творчество! Разумеется, учение самого З. Фрейда и его учеников и последователей – К. Юнга, А. Адлера, В. Рейха было неизмеримо сложнее и глубже, чем описанная выше схема. Психоаналитический подход позволяет

34. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. В: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. В 2-х книгах. Тбилиси: «Мирани», 1991. Кн. 2. С. 408.

вскрывать глубинные психологические особенности различных поведенческих актов. Интересное исследование этой темы было предпринято украинским криминологом А.Ф. Зелинским[35].

К. Юнг, также как З. Фрейд, а еще раньше – Ч. Ломброзо, интересуется проблемой творчества. Для них гениальность и помешательство, творчество и преступление, «гений и злодейство» - вопреки пушкинскому «Моцарт и Сальери» - *совместимы,* имеют единую природу, одни истоки, в частности, - вытесненную сексуальность, сублимацию. К. Юнг внимательно исследует с психоаналитической точки зрения, творчество Т. Парацельса и З. Фрейда, Дж. Джойса и П. Пикассо, Гете и Данте[36].

Неофрейдизм, характеризующийся бóльшей «социологизацией» изучаемых процессов, сделал еще один шаг в интересующем нас направлении. Так, *К. Хорни* (1885-1952) подробно исследует проблему невротизации личности, а ведь среди лиц, находящихся в местах лишения свободы наблюдается высокий удельный вес лиц с невротическими расстройствами. Мазохизм – моральный и физический – объясняется К. Хорни невротическими страданиями. Многие ее идеи о механизмах развития личности, роли детства в формировании личности представляют несомненный интерес для девиантологии[37].

Интересно, что в одном из писем К. Юнг так характеризует связь невротизма с потенциальными сексуальными отклонениями: «Подлинно здоровое состояние для невротика - это сексуальная распущенность»[38].

Труды другого крупнейшего представителя неофрейдизма – *Э. Фромма* (1900-1980) косвенно или непосредственно посвящены девиантологической тематике. Косвенно – когда обсуждаются проблемы этики, смысла жизни,

---

35. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков: Вища школа, 1986.

36. Юнг К. Собрание сочинений. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992.

37. См.: Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993.

38. Цит. по: Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993. С.167.

«иметь или быть»[39]. Непосредственно – когда ученый один из главных своих трудов посвящает исследованию агрессии и насилия как психологического, социального, политического феномена[40].

С точки зрения Э. Фромма, «Все человеческие страсти, «хорошие» и «дурные», следует понимать не иначе как попытку человека преодолеть собственное банальное существование во времени и перейти в трансцендентное[41] бытие». Это чрезвычайно важное для девиантологии положение. Любая девиация, девиантный поступок – попытка (осознанная или нет) прорвать сковывающие социальные нормы, самоутвердиться, самореализоваться как Индивидуальность, непохожая на «всех других», и тем самым «придать смысл своей жизни». Поэтому и садист – человек, «который не смог найти другого способа реализовать данные ему от рождения качества». И наилучший путь превенции негативных девиаций – «создать такие условия, при которых высшей целью всех общественных устремлений станет всестороннее развитие человека»[42].

Э. Фромм различает агрессию конструктивную, доброкачественную (например, игровая, оборонительная) и деструктивную, злокачественную. Последняя – проявление некрофилии. Типичный субъект некрофилии – Адольф Гитлер. Его деструктивной агрессии и некрофильской сути Э. Фромм посвящает целую главу (XIII) своего труда.

Некрофилам свойственно ратовать за негативные санкции, силовые решения конфликтов, за репрессивные меры социального контроля над девиантностью. На основании эмпирического исследования в США Э. Фромм делает вывод: «Антижизненные (деструктивные) тенденции весьма примечательно коррелируют с политическими воззрениями тех лиц, которые выступают за усиление военной мощи страны… Лица с деструктивной доминантой считали приоритетными следующие ценности: более жесткий контроль

39. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993; Он же. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.

40. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

41. Трансцендентное - выходящее за пределы наличного бытия, повседневности.

42. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Указ. соч. С.27.

над недовольными, строгое соблюдение законов против наркотиков, победное завершение войны во Вьетнаме, контроль над подрывными группами и их действиями, усиление полиции и борьба с мировым коммунизмом»[43]. Тогда как, согласно экспериментам Б. Скиннера, позитивные санкции, «похвала, вознаграждение являются более сильным и действенным стимулом, чем наказание»[44].

В работе «Здоровое общество» Э. Фромм говорит о «патологии нормальности», когда человек пытается быть конформным, соблюдать социальные нормы, которые сами - патологичны, ибо препятствуют самореализации личности.

Э. Фромм обсуждает и многие другие вопросы общественного бытия, имеющие отношение к нашей теме. Так, Э. Фромм пишет: «Гипнотические методы, используемые в рекламе и политической пропаганде, представляют собой серьезную угрозу психическому здоровью, особенно ясному критическому мышлению и эмоциональной независимости. Я нисколько не сомневаюсь в том, что ... употребление наркотиков наносит здоровью человека гораздо меньший вред, чем различные методы «промывания мозгов»»[45].

Подводя краткий итог психологическому направлению, можно отметить бесспорный интерес представленных этим направлением исследований психологической составляющей девиантного поведения и бесплодность попыток ответить на вопрос о причинах девиантности как социального феномена.

Социологическое направление

Строго говоря, именно в рамках этого направления сформировалась и развивается *социология девиантности и социального контроля как специальная социологическая теория.*

Описание многочисленных социологических школ и концепций в девиантологии существенно затруднено не

43. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С.293.

44. Там же. С.47.

45. Фромм Э. Иметь или быть? С.194.

только их изобилием, но и многочисленностью их классификаций. Почти каждый известный социолог девиантности относится исследователями к разным школам, течениям, теориям. В этом легко убедиться, полистав как отечественные, так и зарубежные учебники и монографии по социологии девиантности.

В большинстве из них выделяются следующие основные школы и концепции в рамках социологического осмысления девиантности: функционализм (Э. Дюркгейм); социальная дезорганизация (У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк); аномия (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Р. Клоуард, Л. Оулин); Чикагская школа; конфликт культур и девиантных субкультур; социальное научение *(Social Learning)*, включая теорию дифференцированной ассоциации и нейтрализации (Г. Беккер, Э. Сатерленд, Д. Кресси, Г. Сайкс и Д. Матза); контроля (Т. Хирши); символический интеракционизм или стигматизация (Ч. Кули, В. Гоффман, Ф. Танненбаум, Е. Лемерт); теории конфликта, включая марксистские и неомарксистские (К. Маркс, Р. Кини, Л. Лиазос); «современные» («радикальные», феминизм, постмодернизм)[46]. При этом, во-первых, лишь не более шести концепций повторяются у всех авторов. Во-вторых, как легко заметить, Э. Дюркгейма относят по меньшей мере к двум школам. В-третьих, лишь некоторые авторы рассматривают Р. Мертона не только как представителя теории аномии, но и создателя теории напряжения *(Strain Theory)*. Наконец, все авторы наряду с подробным анализом социологических концепций, упоминают многочисленные биологические, психологические, медицинские теории девиантного поведения.

Кроме того, и это очень существенно, в основе большинства девиантологических теорий лежат определенные философские, мировоззренческие предпосылки, а также заимствования из работ специалистов смежных профессий. Так, по мнению D. Downes и P. Rock, современные радикальные теории восходят к Платону, И. Канту, Г. В. Ф. Гегелю, Ж.-Ж. Руссо и К. Марксу; теории контроля включают идеи Т. Гоббса, психологов Г. Айзенка и З. Фрейда, социологию

46. Downes D., Rock P. (1998) Ibid.; Lamnek S. (1990) Ibid.; McCaghy Ch., Capron T. (1994). Ibid.; Pontell H. (1999) Ibid.; Traub S., Little C. (1994) Ibid.

Э. Дюркгейма, и т.п. Можно сказать, делают вывод авторы, что социология девиантности есть просто удобный случай обобщить все интеллектуальные труды Запада[47].

Ниже мы будем придерживаться существующих представлений об истории девиантологии, останавливаясь на тех из предшественников, чьи взгляды представляются наиболее значимыми.

Рождение социологического направления позитивистской криминологии датируется с точностью до дня. 9 июля 1831 г. статистик *А. Кетле,* выступая на заседании Бельгийской королевской академии наук в Брюсселе, в своем докладе заявил: «Мы можем рассчитать заранее, сколько индивидуумов обагрят руки в крови своих сограждан, сколько человек станут мошенниками, сколько станут отравителями, почти так же как мы заранее можем подсчитать, сколько человек родится и сколько человек умрет... Здесь перед нами счет, по которому мы платим с ужасающей регулярностью, - мы платим тюрьмами, цепями и виселицами»[48]. Статистические исследования свидетельствуют об относительной стабильности преступности и отдельных ее видов в прошлом и настоящем. Эта стабильность может использоваться для «предсказания» (прогноза) преступности в будущем. Относительно устойчиво не только число преступлений, но и использованных при этом орудий. «Во всем, что касается преступлений, числа повторяются с таким постоянством, что этого нельзя не заметить»[49]. В обобщающем труде «Социальная система и законы ею управляющие» (1848) А. Кетле доказывает, что казалось бы в хаосе общественной жизни проявляются статистические закономерности, все социальные феномены взаимосвязаны и влияют друг на друга.

Аналогичных взглядов придерживался и А. Герри – автор первых работ (1827, 1833) по уголовной и моральной статистике.

---

47. Downes D., Rock P. Ibid. p.11.

48. Цит. по: Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. Указ. соч. С.39. См. также: Кетле А. Человек, развитие его способностей или опыт социальной физики. Киев, 1965.

49. Кетле А. Указ. соч. С.5.

Если для Ч. Ломброзо «преступниками рождаются», то для А. Кетле «преступниками не рождаются, ими становятся». Становятся – под влиянием социальных условий, социальных факторов. По А. Кетле, «общество заключает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно... подготовляет преступление, а преступник есть только орудие». К факторам, влияющим на совершение преступлений, А. Кетле относит демографические, социальные (профессия, образование), природные (климат, сезонность).

Основные идеи А. Кетле, которые в той или иной степени разделяют и развивают всем представители социологического направления, сводятся к следующему:

- преступность порождена обществом;
- она развивается по определенным законам под воздействием социальных и иных объективных факторов;
- ей присуща статистическая устойчивость;
- повлиять на преступность (с целью сокращения) можно только путем изменения (улучшения) социальных условий.

Исходя из социологических представлений о природе преступности, *А. Лакассань,* выступая в 1885 г. на 1 Международном конгрессе антропологов в Риме, произнес знаменитую фразу: «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает». Позднее, воспроизводя ее, *Г. Манхейм* добавляет: «Каждое общество обладает таким типом преступности и преступников, которые соответствуют его культурным, моральным, социальным, религиозным и экономическим условиям»[50].

Экономические теории

Обычно экономические теории в криминологии и социологии девиантности вполне обоснованно связывают с именами К. Маркса (1818-1883) и Ф. Энгельса (1820-1895). По утверждению западных криминологов, именно в их «Манифесте Коммунистической партии» (1848) были за-

50. Manheim H. Comparative Criminology. L., 1973. Vol. 2. p.422.

ложены основы экономического детерминизма, а преступность, равно как проституция, пьянство, бродяжничество и даже самоубийства выступали побочным продуктом экономических условий.

Концепция марксистской социологии достаточно полно разрабатывалась в бывшем СССР, и в России нет недостатка в литературе по этому вопросу. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что значение марксизма для девиантологии выходит, с нашей точки зрения, за рамки узкого «экономического детерминизма». Разрабатываемая ранним К. Марксом концепция отчуждения, значение противоречий и конфликтов как «двигателей истории», роль классовых различий и социально-экономического статуса в детерминации человеческого поведения и т.п. имеют девиантологическое значение и активно используются в современной западной науке (в частности, в «критической криминологии»).

У К. Маркса есть несколько небольших по объему работ, посвященных непосредственно рассматриваемой тематике. Одна из них – «Население, преступность и пауперизм» (1859). В ней автор на основании анализа некоторых демографических, экономических показателей и данных уголовной статистики делает ряд принципиальных выводов: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения... Нарушение закона является обычно результатом экономических факторов, не зависящих от законодателя; однако... от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков... Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их»[51].

К. Маркс, может быть впервые, обращает внимание на существование корреляционных зависимостей между убийствами и самоубийствами, между убийствами, самоубийствами и... смертной казнью. «Не только самоубий-

51. Маркс К. Население, преступность и пауперизм. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С.515-516.

ства, но и самые зверские убийства совершаются тотчас же вслед за казнью преступников... Весьма трудно, а, может быть, вообще невозможно, найти принцип, посредством которого можно было бы обосновать справедливость или целесообразность смертной казни в обществе, кичащемся своей цивилизацией. Наказание, как правило, оправдывалось как средство либо исправления, либо устрашения. Но какое право вы имеете наказывать меня для того, чтобы исправлять или устрашать других? И вдобавок еще история и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устрашить наказанием. Как раз наоборот!»[52]. Вот это «как раз наоборот» чрезвычайно важно. Скорее жестокость наказаний порождает жестокость преступлений, чем наоборот.

Говоря о позитивизме в социальных науках вообще, не следует забывать о весьма обширном эмпирическом исследовании положения рабочего класса в Англии, проделанном Ф. Энгельсом и содержащем огромный фактический материал, в том числе о преступности, пьянстве, проституции как следствии условий жизни английских рабочих[53]. Современный социологический словарь (Penguin Books, 1986) так характеризует эту работу: ««Положение рабочего класса в Англии» (1845), основанная, главным образом, на данных непосредственного наблюдения, проведенного в Манчестере и Солфорде, остается классическим описанием жизни рабочего класса в Англии в период индустриализации»[54]. Очевидно, не случайно уже в наши дни английский социолог и криминолог Я. Тэйлор с коллегами провели «по стопам Ф. Энгельса» обследование условий жизни рабочих Манчестера и Шеффильда[55].

На основе английской действительности Ф. Энгельс повторяет основной тезис А. Кетле: «для большого горо-

52. Маркс К. Смертная казнь... В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.8. С.530.

53. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. С.231-517.

54. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. С.541.

55. Taylor I., Evans K., Fraser P. A Tale of Two Cities: A Study in Manchester and Sheffield. Routledge, 1996.

да или для целого округа можно с достаточной точностью заранее предсказать, как это нередко делалось в Англии, ежегодное число арестов, уголовных преступлений, даже число убийств, краж со взломом, мелких краж и т.д. Эта регулярность доказывает, что и преступность управляется конкуренцией; что общество порождает спрос на преступность, который удовлетворяется соответствующим *предложением...»*[56].

Последователем экономической теории является В. Бонгер. В книге «Преступность и экономические условия»[57] он обосновывает роль капиталистической экономической системы в генезисе преступности. Преступность сосредоточена в низших слоях общества, поскольку законодатель криминализирует деяния, порожденные бедностью и нищетой. В. Бонгер приводит статистические данные по ряду стран, доказывая связь таких преступлений как бродяжничество и нищенство с безработицей[58]. Он возлагает надежды на социалистическое переустройство общества.

Во многих странах в конце XIX в. - начале XX в. проходят криминологические исследования динамики корыстной преступности и цен на хлеб (зерно), как основного для того времени экономического показателя. Наблюдаются устойчивые корреляционные связи: чем выше цена на хлеб, тем выше уровень преступности. Одним из первых таких исследований было проведено *Г. фон Майером* в Баварии за 1836-1861 гг. По данным Г. Майера, увеличение на полпенни цены на рожь влекло рост уровня преступности на одну пятую. О связи преступности и цен на мешок муки, а также количества банкротств (еще один экономический показатель) во Франции 1840-1886 гг. свидетельствует статья П. Лафарга[59].

В наши дни экономическое направление в обосновании преступности и иных девиантных проявлений развивается

---

56. Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С.570.

57. Bonger W. Criminality and Economic Conditions. Boston: Little, Brown, 1916.

58. См. переведенную на русский язык выдержку из раннего издания (1905) упомянутой книги: Бонгер. Бродяжничество и нищенство. В: Уголовное право и социализм / ред. М. Гернет. М ., 1908. С.57-78.

59. Лафарг П. Преступность во Франции в 1840-1886 гг. В: Уголовное право и социализм / ред. М. Гернет. М., 1908. С. 1-56.

лауреатом Нобелевской премии по экономике Г. Беккером и его последователями[60].

С нашей точки зрения, сравнительный анализ показателей девиантности и экономических показателей (фондовый или децильный коэффициент, индекс Джинни, уровень безработицы и др.) актуален и в наши дни.

Теория аномии

Пожалуй, первая развернутая социологическая теория девиантности - теория аномии - принадлежит известному французскому социологу *Э. Дюркгейму* (1858-1917). Его взгляды как ученого подчеркнуто социологичны. Для него первично общество, социальный факт, а не индивид. *Социальное должно объясняться социальным.* Общество есть особая реальность, стоящая над индивидами, обусловливающая действия индивидов и осуществляющая над ними контроль. Поэтому он утверждает «нормальность» преступности в том смысле, что она присуща всем обществам, развивается по своим закономерностям, выполняет определенные социальные функции. «Преступления совершаются... во всех обществах всех типов... Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива... Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно»[61].

Более того, «преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права... Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения

60. Подробнее см.: Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / ред. Л. Тимофеев, Ю. Латов. М.: РГГУ, 1999.

61. Дюркгейм Э. Норма и патология. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 39-40.

индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немыслимо без другого... Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения... Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит!»[62]. И далее Э. Дюркгейм обосновывает эту мысль на примере осуждения Сократа. Итак, девиации необходимы для развития, прогресса общества.

Но преступность (как и другие девиантные проявления) нормальна при условии, что она «не превышает уровня, характерного для общества определенного типа»[63]. И здесь мы подходим к сути теории аномии. По Э. Дюркгейму, в стабильном обществе стабилен и уровень девиантных проявлений (пьянство, наркотизм, самоубийства, преступность и т.п.). В обществах же быстро меняющихся, в условиях *социальной дезорганизации* наблюдается состояние аномии, когда старые социальные нормы уже не работают, а новые еще не освоены, когда существует «конфликт норм» - правовых и моральных, публичного права и частного права и т.п., когда некоторые социально значимые сферы жизнедеятельности остались не урегулированными («нормативный вакуум»). В таком обществе резко возрастают проявления девиантности, превышая «нормальный» для данного общества уровень. Э. Дюркгейм подробнейшим образом теоретически и эмпирически обосновывает свою концепцию на примере самоубийств[64].

Думается, хорошей иллюстрацией дюркгеймовской аномии и ее последствий может служить современная Россия. Бурные социально экономические и политические изменения конца 80-х – 90-х годов минувшего века сопровождались противоречиями между советскими ценностями и менталитетом, с одной стороны, и новыми экономическими и политическими отношениями, с другой; между нормами «социалистического» права (уголовная ответственность

62. Там же. С. 42-43.

63. Там же. С. 40.

64. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

за бродяжничество, попрошайничество, «паразитический образ жизни», за злостное нарушение паспортного режима, за частное предпринимательство и коммерческое посредничество) и новыми нормами гражданского права, разрешающими частную собственность, легализующими статус безработного (бывший «тунеядец»); между нравственными ценностями старого общества (отрицательное отношение к богатым, стремление к «равенству») и новой моралью (обогащайтесь!). При этом многие сферы общественной и государственной жизни оказались без должного нормативного регулирования. Соответственно, с конца 80-х годов наблюдается резкий рост преступности, самоубийств, наркотизма. Все «по Дюркгейму»!

Э. Дюркгейм один из первых развивает теорию общественного разделения труда, обращает внимание на роль социально-экономического неравенства в генезисе человеческой активности, как позитивной, так и негативной. Он понимает эволюционное значение разделения труда («чем примитивнее общество, тем больше сходств между индивидами»), его необходимость для развития общества, но видит и отрицательные последствия (овеществление личностных отношений, «анормальные формы» разделения труда – аномическое, принудительное и др.)[65]. Всякое живое существо стремится к счастью. При этом для человека важно равновесие между стремлением к счастью и степенью удовлетворения. Если естественные потребности имеют естественные пределы (насытился и есть не хочется), то социальные потребности не имеют естественных ограничений, они безграничны. Мы еще вернемся к этой теме в 6-й главе.

Э. Дюркгейм внес весомый вклад и в разработку проблем социального контроля, но к этому мы также вернемся позднее – в части IV книги.

Многие идеи ученого актуальны и сегодня. И это не только (и не столько) выявленные им конкретные закономерности некоторых видов девиантности (сезонное распределение самоубийств, зависимость уровня девиантно-

65. Дюркгейм Э. Общественное разделение труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С.3-389.

сти от степени сплоченности общества и др.), но и главный социологический вывод: *девиантность закономерна, девиации выполняют вполне определенные социальные функции, общество без девиаций, включая преступность, невозможно.* Или, вспомним Г. В. Ф. Гегеля, «все действительное – разумно» (имеет основания).

В заключение заметим, что различные авторы и по разным основаниям относят криминологические взгляды Э. Дюркгейма и к теории социальной дезорганизации, и к структурному функционализму, и в качестве самостоятельного направления – концепции аномии.

Аномия и «напряжение»

К структурному функционализму и теории аномии (в отличном от Э. Дюркгейма варианте) относят и другого крупнейшего социолога, нашего современника – Р. Мертона (1910-2003). Он также считается родоначальником «теорий напряжения» (Strain Theories). Р. Мертон, как и Э. Дюркгейм, рассматривает различные проявления девиантности как закономерное порождение социальных условий. «Мы исходим из предположения, - пишет Р. Мертон, - что определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникшую ситуацию»[66].

Люди стремятся к успеху. В современном обществе богатство выступает признанным всеобщим символом успеха. Но часть населения живет в зонах трущоб, при ограниченных социальных возможностях («напряжение»). При этом возрастает жесткость классовой структуры, сокращается возможность легально изменить социальный статус в сторону его повышения. А ведь именно классовая структура обусловливает неравенство возможностей, различия в доступе к ценностям общества. «Поэтому отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями (к успеху, богатству – Я.Г.) и социально ор-

66. Мертон Р. Социальная структура и аномия. В: Социология преступности. Указ. соч. С. 299.

ганизованными средствами их удовлетворения»[67]. Мертон продолжает: «Обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств становится все более обычным, когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой цели достижения успеха расходится с координированным институционным значением средств»[68].

Возникает напряжение *(strain)*. Требования культуры, предъявляемые конкретному лицу, оказываются несовместимыми. «С одной стороны, от него требуют, чтобы оно ориентировало свое поведение в направлении накопления богатства; с другой – ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом. Результатом такой структурной непоследовательности является сформирование психопатической личности и (или) антисоциальное поведение, и (или) революционная деятельность»[69].

Культура каждого конкретного общества определяет его цели и легальные, институционализированные средства их достижения. В зависимости от принятия (+) или непринятия, отрицания (-) целей и средств существует пять теоретически возможных типов поведения (способов приспособления индивидов к социальным условиям), которые Мертон сводит в виде таблицы (4.1).

Табл. 4.1. Типы поведения (адаптации) по Р. Мертону

Тип	**Определяемые** культурой цели	**Институционализированные средства**
1. Конформизм	+	+
2. Инновация (реформизм)	+	-
3. Ритуализм	-	+
4. Ретретизм	-	-
5. Мятеж	- +	- +

67. Там же. С. 302.

68. Там же. С. 304.

69. Там же. С. 309.

Итак, индивиды, разделяющие цели общества и принимающие средства их достижения, будут вести себя законопослушно, *конформно.* Те, кто принимает цели, но не согласен с предоставляемыми средствами, будет предпринимать шаги по их улучшению, заниматься *реформаторской*, инновационной деятельностью. Не принимающие цели или, что гораздо чаще, - относящиеся к ним безразлично, но свято придерживающиеся легальных средств, будут беспрекословно следовать принятым нормам – *ритуалисты.* Не принимающие ни целей, ни средств данного общества будут либо «бежать» из него, уходя в алкоголь, наркотики, из жизни (самоубийство) – *ретретистское поведение,* либо пытаться все изменить – *мятежники* (по Р. Мертону), революционеры.

В целом «антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения»[70]. Не эта ли ситуация наблюдается в современной России?

Плюралистические концепции
(многофакторный подход)

Мы неоднократно встречаемся с тем, что различные авторы усматривают многочисленные «причины» девиантности, не ограничиваясь какой либо одной. Иногда такой подход рассматривается в качестве относительно самостоятельного («плюралистического» или «многофакторного»).

Выше уже упоминался Э. Ферри, выделявший антропологические, физические, социальные факторы.

К. Маннхейм утверждал, что не существует причин преступности, которые были бы необходимы и достаточны для ее объяснения. Существуют только факторы, которые могут оказаться «необходимыми» наряду с другими факторами.

70. Там же. С.310.

Аналогичные взгляды разделяли, например, У. Хили (1915), С. Бэрт (1925), а в России – А. Жижиленко, Х. Чарыхов и др.

«Дифференцированная ассоциация»

Мертоновская концепция неплохо объясняет девиантное поведение «униженных и оскорбленных», а как быть с преступностью элитарной, лиц, находящихся на вершинах социальной структуры? Над этим вопросом задумался, в частности *Э. Сатерленд* (1883-1950). В 1939 г. он впервые вводит в научный оборот понятие «преступность белых воротничков» *(White-collar Crime),* а в 1949 г. выходит его книга под тем же названием, в которой он подробно анализирует беловоротничковую преступность как пример криминальных действий и махинаций в сфере бизнеса[71]. Первоначально под преступлениями белых воротничков Э. Сатерленд понимал лишь респектабельную преступность властной и деловой элиты. Позднее этот термин распространился на всю должностную и предпринимательскую преступность, независимо от ранга чиновника или бизнесмена. Свое название *white-collar crime* получила в связи с тем, что в США должностные лица и бизнесмены ходят в белых рубашках в отличие от синих рубашек (комбинезонов), которые обычно носят рабочие. К типичным беловоротничковым деяниям относятся финансовые махинации корпораций, взяточничество, предоставление «за вознаграждение» выгодных контрактов, привилегий, криминальные коммерческие сделки и кредитные операции, лжебанкротства и т.п.

Э. Сатерленд изучал и профессиональную преступность[72], но наиболее известен он как создатель теории дифференцированной ассоциации (связи). Эту концепцию он впервые изложил в «Принципах криминологии» (1939), а затем развил совместно с Д. Крэсси[73]. С точки зрения Э.

71. Sutherland E. White-Collar Crime. NY: Holt, Rinehart & Winston, 1983 (первая публикация 1949 г.)

72. Sutherland E. The Professional Thief: By a professional thief. Chicago: University of Chicago Press, 1937.

73. Sutherland E., Cressey D. Principles of Criminology. NY, Philadelphia, 1960.

Сатерленда, определенным поведенческим формам, как законопослушным, так и девиантным, обучаются, взаимодействуя с другими людьми в процессе общения. Обычно это происходит в группах между людьми, связанными какими-то личными отношениями. Основной причиной образования дифференцированных связей (ассоциаций) служит конфликт культур, а главной причиной систематического девиантного поведения – социальная дезорганизация. Д. Крэсси, цитируя Э. Сатерленда, так формулирует основные положения этой теории: «Когда люди становятся преступниками, это происходит потому, что они соприкасаются с преступным образом поведения, а также потому, что они оказываются изолированными от воздействия антипреступного образа поведения… Они становятся преступниками в силу переизбытка у них подобного рода «связей» по сравнению с теми «связями», которые у них имеются с антипреступным образом поведения»[74]

Теория дифференцированной ассоциации неоднократно подвергалась модификации как самим Э. Сатерлендом, так и совместно с Д. Кресси, а после смерти Э. Сатерленда – одним Д. Крэсси. Это была одна из наиболее плодотворных для своего времени теорий. Она позволяла объяснить как «обычную», «уличную» преступность (street crime), так и беловоротничковую. Другое дело, что она, как и любая другая теория, не могла ответить на ряд вопросов (почему люди имеют те связи, которые у них есть; она не объясняет происхождение преступности и девиантности и др.).

Наконец, следует упомянуть, что концепции Г. Тарда и Э. Сатерленда нередко рассматриваются как «теории научения» (Learning theories).

«Чикагская школа» и экология преступности

Крупным явлением в истории социологии и девиантологии является «Чикагская школа». Первые исследования в Чикаго начались в 20-е гг. прошлого столетия сотрудниками Чикагского университета под руководством Э. Бёрджесса.

74. Крэсси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи. В: Социология преступности. С. 91-92.

Наиболее известные из участников этих исследований – К. Шоу, Г. Маккей, Р. Парк, Ф. Трэшер и др. В те годы Чикаго становится «криминальной столицей» США, в нем орудуют гангстерские банды (одна из наиболее известных – Аль Капоне). В результате их кровавых столкновений в 20-е гг. было убито свыше тысячи человек.

Чикагская школа прославилась прежде всего изучением влияния городской экологии на девиантность. В результате исследований были выделены пять концентрических зон Чикаго, отличавшихся своими функциями в масштабах города, составом населения, стилем жизни, социальными проблемами (делинквентность, преступность, детская смертность, туберкулез, психические расстройства): центральный деловой и промышленный район, промежуточная зона трущоб, рабочие кварталы, жилые городские кварталы, пригородная зона коттеджей среднего класса («владельцев сезонных билетов» на электричку). Наиболее криминогенными оказались промежуточные районы между жилыми и деловыми, деловыми и промышленными кварталами[75]. Это объяснялось, в частности, тем, что с развитием промышленности она и торговля вторглись в зону традиционных жилых застроек. Теперь проживание в этом районе становилось не престижным, мало желательным. Поэтому именно здесь поселялись бедняки и многочисленные иммигранты.

Аналогичный экологический анализ Балтиморы не подтвердил ряд выводов по Чикаго[76]. Это лишний раз свидетельствовало о некорректности распространения результатов локального исследования на все случаи жизни.

Чикагская школа провела интересные исследования подростковой делинквентности и преступности[77].

Одна из заслуг этой школы – широкое применение разнообразных методов исследования девиантности: анкет-

---

75. Шоу К., Маккей Г. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго. В: Социология преступности. Указ. соч. С.288-298.

76. Ландер Б. Экологический анализ Балтиморы. В: Социология преступности. С. 250-264.

77. См., например: Шоу К. Техника изучения отдельных дел. Значение собственного жизнеописания подростка-делинквента. В: Социология преступности. С. 114-127.

ные опросы и интервью, наблюдения, изучение биографий, личных документов и др.

Классической стала работа Ф. Трэшера по изучению чикагских банд[78].

Остается добавить, что наследие Чикагской школы проявляется и в современных исследованиях экологии города, применении метода «картирования», привязки социального контроля к локальным условиям районов большого города[79].

Теория субкультур

Теория субкультур возникла в результате исследований подростковой преступности и гангстеризма (бандитизма). В значительной степени она исходила из теорий аномии и напряжения. Классические работы – книга *А. Коэна* (род. 1918)[80], посвященная молодежным бандам, и исследование *Р. Клауорда* (род. 1926) и *Л. Оулина*[81] (род. 1918) различных делинквентных субкультур. Все трое подчеркивали значение конфликта между ценностями и целями «большого общества», а точнее – среднего класса и возможностями подростков из низших слоев достичь этих целей.

На недоступность ценностей культуры общества подростки реагируют созданием субкультуры со своими ценностями, целями и нормами. «Делинквентная субкультура извлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их, однако, наизнанку. По стандартам этой субкультуры поведение делинквента правильно именно потому, что оно неправильно по нормам более широкой культуры»[82]. По А. Коэну, делинквентная субкультура, как протестная по отношению к культуре общества, отличается

78. Thrasher F. The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 1927.

79. Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. NY: Oxford University Press, 1997; Community Policing in Chicago, Year Seven: An Interim Report. Chicago: Illinois Criminal Justice Information Authority, Nov. 2000.

80. Cohen A. K. Delinquent Boys. The Culture of the Gang. NY: Free Press, 1955.

81. Cloward R., Ohlin L. Delinquency and Opportunity. NY: Free Press, 1960.

82. Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры. В: Социология преступности. С.318.

неутилитарным, злостным и негативистским характером. «Здесь явно присутствует элемент злоумышленности, удовольствие от причинения беспокойства другим, восторг от самого факта отвержения различных табу»[83].

Р. Клауорд и Л. Оулин также исходят из того, что «лица, занимающие различные положения в социальной структуре, не имеют равных шансов на успех»[84]. Они различают и описывают три разновидности подростковой субкультуры: преступную, конфликтную и ретретистскую. Для *преступной субкультуры* характерны интеграция субъектов на различных возрастных уровнях и тесная интеграция представителей общепризнанных и незаконных ценностей, т.е. взаимодействие преступников со средой, включая скупщиков краденного, старьевщиков, юристов и т.п. *Конфликтная* субкультура – продукт трущоб, мира неудачников. «Молодые люди в подобных зонах подвержены острому чувству разочарования, возникающему в результате того, что доступ к цели успеха блокирован отсутствием каких бы то ни было институционализированных каналов, законных или незаконных»[85]. Ретретистская субкультура состоит из тех, кто бежит от общества, но нуждается во взаимосвязях с себе подобными (прежде всего, это субкультура потребителей наркотиков). Ретретистский вариант приспособления возникает, по Мертону, как следствие «двойной неудачи»: длительной неудачи достичь провозглашаемых обществом (культурой) целей с помощью законных средств и невозможности (в силу разных причин – от страха до сильно развитого чувства совести) прибегнуть к незаконным средствам.

Сторонники теории субкультур уделяют значительное внимание соотношению различных видов девиантного поведения и социального контроля. А. Коэн пишет, что репрессивное уголовное законодательство возводит в ранг преступления различные пороки – проституцию, азартные игры, употребление наркотиков. Между тем, «необходимо

83. Там же. С. 317.

84. Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры. В: Социология преступности. С.335.

85. Там же. С. 344.

отдавать себе отчет в том, что эти пороки, каков бы ни был их моральный статус, представляют собой виды деятельности, доставляющие людям глубокое удовлетворение... Усердное стремление к искоренению неконформистского поведения с помощью уголовных законов имеет тенденцию превращать в преступление то, что таковым и не является, способствовать созданию незаконных форм бизнеса и поощрять определенные виды правонарушений, на которые преступник идет ради того, чтобы получить возможность совершать преступления иного рода»[86]. Центр тяжести в социальном контроле над девиантным поведением должен быть перемещен в сторону медицинских мер, образования и возможностей для повышения статуса.

Близки к теории субкультур концепции *У. Миллера* (1968) и *Т. Фердинанда* (1980). Сравнительный анализ различных вариантов этой теории предпринят в «Криминологии» Г.Й. Шнайдера[87].

Конфликт культур

Т. Селлин (1896-1994) обратил внимание на девиантологическое значение хорошо известных различий ценностей и норм разных культур. Когда представители одной культуры попадают в среду распространения другой культуры возникает конфликт культур, нередко «разрешающийся» путем преступлений или иных правонарушений. Конфликт норм может возникнуть уже при переселении сельского жителя в город. Намного острее конфликт культур «когда встречаются Запад и Восток или когда горный житель Корсики оказывается в нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка. Конфликт культур неизбежен, если нормы культуры или субкультуры одной зоны перемещаются в другую или сталкиваются с нормами другой зоны»[88].

Конфликт между нормами различных культур может возникнуть: 1) когда эти кодексы сталкиваются на границе

86. Коэн А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С.285.

87. Шнайдер Г.Й. Криминология .М.: Прогресс-Универс, 1994. С.283-290.

88. Селлин Т. Конфликт норм поведения. В: Социология преступности. С. 282.

смежных культурных зон; 2) когда право одной культурной группы распространяется на территорию другой группы; 3) когда члены одной культурной группы переходят в другую группу.

Отечественным примером такой ситуации может служить уголовный запрет ряда «пережитков местных обычаев» (уклонение от примирения в случаях кровной мести, уплата и принятие выкупа за невесту, двоеженство или многоженство и др. – ст. ст. 231-235 УК РСФСР 1960 г.) в советской России. Практика свидетельствовала о том, что «пережиток» (например, калым – выкуп за невесту) сохранялся вопреки уголовному закону.

В современном мире, при массовых миграционных потоках проблема конфликта культур приобретает все более острый характер. Надо ли говорить при этом, что девиантные акты, возникающие из конфликта норм и культур – лишь частный случай девиантности?

И снова «напряжение»

Р. Мертон считается продолжателем дюркгеймовской теории аномии и родоначальником теории напряжения. Напомним, что последняя исходит из того, что отклонения в поведении возникают в результате невозможности индивидов легальным путем достичь провозглашаемых обществом целей, символов успеха. Как уже отмечалось, это – общая позиция и для теории субкультур (А. Коэн, Р. Клауорд, Л. Оулин). «Все дело, разумеется, в том, - пишет А. Коэн, - что возможности по самому своему существу ограничены и распределяются неравномерно, тогда как стимулы к усилению стремлений по сравнению с этим действуют более или менее равномерно, огульно»[89].

Позднее ряд авторов попытались дополнить классическую теорию напряжения. Они *(R. Agnew, D. Elliot, D. Greenberg, H. Voss)* исходили из того, что хотя напряжение как результат недостижимого успеха действительно является важным девиантогенным фактором, однако сам успех

89. Коэн А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С.292.

далеко не всегда связан с целями и ценностями американского среднего класса[90]. Так, отмечали они, для подростков важнее сиюминутные ценности (популярность среди сверстников, достижения в спорте, хорошие оценки, наличие сексуального партнера и т.п.). Некоторые участники дискуссии, считали, что главная потребность подростков – быть независимыми от взрослых. Некоторые критики теории напряжения обратили внимание на то, что к препятствиям в достижении целей относятся не только принадлежность к определенной социальной страте, но и личностные особенности (интеллектуальные, волевые, эмоциональные).

В результате Р. Агнью (Agnew) выдвинул Общую Теорию Напряжения *(General Strain Theory)*[91], согласно которой имеется несколько типов напряжения, вызываемого негативными отношениями с другими людьми, когда с людьми обращаются не так, как им хочется. С точки зрения Р. Агнью, три основных типа напряжения (негативных отношений с другими) возникают, когда другие: 1) мешают или угрожают мешать индивиду достичь позитивно оцениваемых целей; 2) устраняют или угрожают устранить позитивно оцениваемые стимулы индивида (например – утрата близкого человека); 3) предоставляют или угрожают предоставить индивиду вредные или негативно оцениваемые стимулы (случаи виктимизации, стрессовые события). Р. Агнью полагает, что Общая Теория Напряжения очень проста и в своей основе сводится к утверждению: если мы плохо обращаемся с людьми, они могут рассердиться и совершить преступление.

С нашей точки зрения, теория Р. Мертона более социологична, скорее объясняет девиантность, тогда как дополнения теории претендуют в большей степени на объяснение девиантного поведения, преступления. Различия в интерпретации «теории напряжения» на индивидуальном и социетальном уровнях отмечал еще F. Cullen (1983).

---

90. Подробнее см.: Agnew R. Sources of Criminality: Strain and Subcultural Theories. In: Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000. pp. 349-371; Vold G., Bernard T., Snipes J. Theoretical Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, Inc., 1998. pp.158-178.

91. Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency // Criminology, 1992. No 30. p. 47-87.

Теория стигматизации (этикетирования, клеймения, интеракции) – Labeling theory

Г. Беккер (род. 1928) в книге «Аутсайдеры» (1963) произнес фразу, ставшую знаменитой: «Девиант тот, кому был прикреплен соответствующий ярлык *(label);* девиантное поведение - это поведение, которое люди так обозначили»[92].

Но начнем издалека. Социальный психолог Г. Мид (1863-1931) предложил концепцию символического интеракционизма (взаимодействия). Это понятие распространяется на уникальный, присущий только человеку вид взаимодействия: способность людей «квалифицировать» («трактовать») действия, поступки, поведение других. Применить идеи интеракционизма к криминологии попытался *Ф. Танненбаум.* Подросток становится плохим, потому что так его называют. Процесс криминализации – процесс наклеивания ярлыков. Этот замкнутый круг есть *«драматизация зла»*[93]. Разорвать порочный круг можно лишь минимизировав навешивание ярлыков. В российском варианте это означает – «не обзывать!». Во избежание «драматизации зла» в западных обществах не принято называть других людей «алкоголиками», «наркоманами», «бандитами», «хулиганами», «проститутками», «двоешниками», «отстающими» и т.п. (там говорят: «У Джона проблема с алкоголем», «У Джека проблема с наркотиками», «У Смита проблема с законом», «У Тома проблема с математикой»...).

Возвратимся к Г. Беккеру. Он разработал модель *девиантной карьеры.* Человек, особенно молодой, может совершить какой-то неблаговидный поступок. Если ему это «понравится», совершение аморальных или преступных действий может стать системой. А далее наступает самый существенный этап: арест, административное или судебное разбирательство, наказание, иначе говоря – официальное клеймение индивида как правонарушителя, преступника, девианта. С этого момента человек начинает отождествлять себя с присвоенным ярлыком. Он теряет статус учащегося или место работы, его начинают сторониться, не принимать

92. Becker H. The Outsiders. The Free Press of Glencoe, 1963, p.9.

93. Tannenbaum F. Crime and the Community. NY: Columbia University Press, 1938.

в «порядочном обществе», изолировать от общества. Теперь рецидивы девиантного поведения становятся ответом на реакцию общества, на давление социального контроля. И если отверженный не найдет в себе сил выстоять и вернуться к правопослушному поведению, то последним шагом в девиантной карьере является вступление заклейменного (стигматизированного) в сообщество себе подобных, в преступную организацию.

Е. Лемерт (1912-1996), развивая взгляды коллег по теории стигматизации, ввел понятия вторичной девиантности[94]. «Первичная» - это девиантные действия до акта официального «клеймения», «стигматизации». Вторичная девиантность развивается после клеймения и как реакция на него. В полном соответствии с идеями Г. Беккера, девиант становится таковым лишь тогда, когда его таким признало общество. Е. Лемерт не претендует на объяснение девиантности, он пытается ответить на вопрос, как люди втягиваются в девиантную (преступную) карьеру, какие обстоятельства («стигматизация»!) способствуют рецидиву. Им выделяется ряд стадий «девиантизации» поведения: 1) первичная девиация; 2) санкция за нее; 3) следующая первичная девиация; 4) более серьезная санкция и отчуждение; 5) очередная первичная девиация с чувством обиды на тех, кто наказывает; 6) формальная акция со стороны общества (его институтов), которое потеряло терпение – официальная стигматизация девианта; 7) усиление девиантного поведения как реакция на стигматизацию и наказание; 8) окончательное принятие статуса девианта и соответствующее поведение. Перефразируя В. Маяковского, «если тебе девиант имя, имя крепи делами своими»... Для тех же читателей, которые удивятся долготерпению общества (лишь на шестом этапе – формальная стигматизация!), напомним, что девиантное поведение – не только преступное, это может быть серия прогулов в школу или побегов из дома, неоднократное злоупотребление алкоголем или потребление наркотиков и т.п.

Еще одним приверженцем рассматриваемой теории является Э. Шур, который ввел понятие «преступления без

94. Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. NY: McGraw-Hill, 1951.

жертв» (потребление алкоголя, наркотиков, занятие проституцией, производство абортов и т.п.)[95]. Одним из способов сокращения «драматизации зла», стигматизации и «вторичной девиантности» служит отказ от криминализации и декриминализация таких «преступлений», у которых нет непосредственных жертв (за исключением самих девиантов – наркоманов, алкоголиков, проституток). Он же является автором одной из книг о теории стигматизации[96].

Сторонником рассматриваемой теории выступает и известный современный немецкий социолог и криминолог Ф. Зак. Он считает, что подавляющее большинство взрослого населения современного общества хоть раз в жизни совершает преступление (с точки зрения действующего уголовного закона). Но лишь официальное признание того, что человек совершил преступление, делает его преступником[97]. Будучи раз стигматизирован как преступник, человек продолжает вести себя соответствующим образом.

В целом теория стигматизации вскрывает существенный пласт взаимоотношений преступника и общества. Страдая, как всякая теория, известной односторонностью, она заставляет задуматься над тем, всегда ли официальная санкция за первое или незначительное правонарушение есть благо. А отсюда ряд практических выводов, имеющих значение и по сей день[98]:

‹ необходимо отказаться от криминализации незначительных по своей опасности деяний, а также «преступлений без жертв»;

‹ для сокращения делинквентности и преступности подростков следует отделить их от традиционной системы уголовной юстиции, предельно сократив в отношении делинквентов формальные санкции, заменяя их неформальными или мягким формальным подходом;

‹ возможно большее число правонарушителей должно

95. Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965. См. также: Шур Э. Наше преступное общество М.: Прогресс, 1977. С. 267-309.

96. Schur E. Labeling Deviant Behavior: Its sociological Implications. Harper and Row, Publishers, 1971.

97. Sack F. Neue Perspectiven in der Kriminologie. In: Sack F., König R. (Hrsg.) Kriminalsoziologie. Wisbaden, 1968.

98. См.: Шнайдер Г.Й. Криминология. Указ. соч. С.343-344.

оставаться в своей общине, как можно меньшее их число должно осуждаться к лишению свободы, которое максимально заменяется альтернативными мерами воздействия.

Мы еще не раз будем возвращаться к этим проблемам, особенно в части IV книги.

Теории социального контроля и нейтрализации

Сторонники теорий социального контроля (подробнее о нем см. гл.16 настоящей книги) сосредоточивают внимание на реакции общества на девиантность и ответной реакции девиантов на давление социального контроля.

А. Рейсс (1951), *Ф. Най* (F. Nye, 1958), *М. Гоулд* (1963) исходили из роли социального контроля в противостоянии девиантному поведению. Они считали, что законопослушному, конформному поведению следует обучать. При успешной семейной социализации человек не будет совершать противоправные деяния. Внутренний контроль (самоконтроль) хорошо социализированного индивида намного эффективнее внешнего, формального контроля.

Г. Сайкс и Д. Матза (1957)[99] обратились к реакции правонарушителя на предъявляемые требования. По их мнению, во избежание санкций девианты прибегают к различного рода самооправданию, «нейтрализации», причем средства самооправдания черпают из норм самого общества. Г. Сайкс и Д. Матза выделяют пять типов нейтрализации:

1. отрицание ответственности (правонарушитель сам жертва обстоятельств);

2. отрицание вреда (никто не пострадал – автомобильная кража лишь «позаимствование», а драка членов шайки – их личное дело);

3. отрицание наличия жертвы (потерпевший «сам виноват», «он такой»);

4. осуждение осуждающих (грибоедовское «а судьи кто?»);

5. ссылка на высшие соображения (деяние во имя дружбы, чтобы не быть предателем).

---

99. Sykes G., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review, 1957. No 22. pp. 664-670.

Кроме того, Д. Матза считает, что молодой человек из низших слоев имеет возможность лавировать, «дрейфовать» (отсюда – концепция «дрейфа») между различными социальными нормами, осуждающими и допускающими те или иные формы поведения. Большинство делинквентов, став взрослыми, перестают «дрейфовать», переходя к вполне конформному поведению[100].

По мнению *В. Реклесса и С. Шохэма* (1963), нейтрализация нередко основана на эрозии социальных норм: «нормальность» потребления алкоголя, допустимость внебрачных половых связей, распространенность магазинных краж и т.п.

Т. Хирши в своей книге 1969 г. заметил: «мы все животные и потому все естественно способны совершать преступления»[101]. (Вообще-то, животные не совершают преступлений. Здесь цитируемый автор явно исходит из обыденных представлений о «животности» и «зверствах»[102]). Преступления совершаются в результате ослабления социальных связей. Противостоять этому могут тесные узы, связи социальных групп, таких как семья. Т. Хирши называет наиболее важные элементы социальных связей: привязанность (симпатии), обязательства (ангажированность), вовлеченность, вера (убежденность). Свою концепцию социальных связей Т. Хирши обосновывает на материале проведенных им эмпирических исследований (опрос-самоотчет 5,5 тыс. учащихся городских школ в Сан-Франциско). Основной результат опроса: чем теснее подросток связан с родителями, чем успешнее его учеба в школе, чем больше он вовлечен в конформные виды деятельности, тем меньше шансы стать девиантом. И наоборот.

Теории конфликта

Под этим названием объединяется значительный круг

100. Matza D. Delinquency and Drift. NY, 1964.

101. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berceley: University of California Press, 1969. p. 31.

102. Мною подробно опровергаются «обвинения» животных в «зверствах» в: Гилинский Я. Криминология. (2009). Указ. соч. С. 202-203; Он же. Человек человеку волк? // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1995. №6-7. С.100-118.

концепций, берущих начало от социологических теорий конфликта, связанных с именами *К. Маркса, Г. Зиммеля (1858-1918), Р. Дарендорфа (р. 1929), Л. Козера*[103]. Их общая суть – вскрытие конфликтной природы социального бытия в отличие от структурно-функционального подхода *(Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.),* тяготеющего к порядку, равновесию, устойчивости.

Для марксизма конфликт – неизбежное порождение социальной системы. Конфликты проявляются в полярной противоположности интересов (буржуазия – рабочий класс, капитал – наемный труд). Конфликты служат главным источником социальных изменений.

По Г. Зиммелю, конфликт также неизбежен в социальных системах. Хотя глубинная природа конфликта лежит в биологической природе людей, в инстинкте враждебности. При этом конфликт служит сохранению социального целого (общества). Среди многочисленных закономерностей конфликтных отношений Зиммель отмечает следующее: чем острее конфликт и меньше конфликтная группа, тем меньше в группах терпимость к отклонениям[104].

По определению *Л. Козера*, конфликт – это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противными сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытки нейтрализовать, причинить вред или устранить противника[105]. Поэтому, в частности, чем больше неимущие (я бы сказал – «исключенные») сомневаются в законности существующего распределения ресурсов, тем вероятнее разжигание конфликта. И чем более жесткой является социальная структура, тем острее будет конфликт. С другой стороны, чем менее жесткой является система, тем скорее конфликт будет порождать социальное творчество.

Л. Козер подчеркивал позитивные функции конфликта, его интеграционные и адаптационные возможности. Так,

---

103. Подробнее см.: Тернер Дж. Структура социологической теории. М: Прогресс, 1985. С. 125-218.

104. Simmel J. Conflict and the Web of Group Affiliation. Glencoe (Ill.): Free Press, 1956. pp. 93-97.

105. Coser L. The Functions of Social Conflict. L.: Free Press of Glencoe, 1956. p. 8.

например, насилие выполняет функции боли живого организма – быть сигналом неблагополучия и сконцентрировать усилия на его преодолении.

С точки зрения *Р. Дарендорфа,* функционализм (прежде всего, Т. Парсонс) порождает утопию упорядоченной социальной системы. Тогда как общество скорее характеризуется конфликтами, к изучению которых и следует перейти, разрушая иллюзии функционализма[106]. С некоторой издевкой характеризуя хорошо выстроенную Т. Парсонсом социальную систему, Р. Дарендорф пишет: «Правда, Социальная Система в состоянии произвести пресловутого возмутителя спокойствия из утопии - «девианта». Но даже для него требуется более подробная аргументация...»[107]. В основе социальных конфликтов лежит дифференцированное распределение власти. Правящие структуры заинтересованы в сохранении своего положения. Управляемые – стремятся к перераспределению власти. «В этом смысле всякое общество почитает конформизм, сохраняющий его, то есть господствующие в нем группы, - при этом всякое общество порождает в самом себе сопротивление, ведущее к упразднению этого общества».

Поскольку нормы (как формальные – юридические, так и неформальные – моральные) конструируются вполне определенными структурами, постольку «истоки неравенства между людьми... заключаются в существовании во всех человеческих обществах норм поведения, снабженных санкциями». Тех, кто создает социальные нормы, они их понятное дело устраивают. Те же, против кого нормы направлены, оказываются «девиантами». «В этом грубом делении на «конформистов» и «девиантов» уже содержится момент социального неравенства»[108]. Позитивные санкции (награды) и негативные (наказания) призваны выполнять одну и ту же функцию – принуждение к конформному поведению.

---

106. Darendorf R. Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analyses // American Journal of Sociology. September 1958. pp. 115-127. См. также: Дарендорф Р. Тропы из утопии: Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002.

107. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Указ. соч. С.343.

108. Там же. С.506, 507.

Ученые, придерживающиеся теорий конфликта, также считают, что «конфликт есть естественное состояние человеческого общества».

Одной из первых девиантологических теорий конфликта была концепция конфликта культур *Т. Селлина,* о чем говорилось выше.

Дж. Волд разработал теорию группового конфликта (1958). Каждый индивид и каждая социальная группа стараются сохранить или повысить свой статус. В результате возникают конфликты, нередко порождающие девиантное поведение. С точки зрения Дж. Волда, «преступность есть феномен, обязательно сопровождающий социальные и политические конфликты, ведущиеся с целью удержания или улучшения позиций групп в борьбе за власть в обществе»[109].

Более общая теория конфликта разработана *О. Тэрком* (р.1934)[110] и *Р. Куинни* (р.1934)[111]. В обществе постоянно идет борьба за власть. В этой борьбе властные структуры используют криминализацию (провозглашение тех или иных действий преступными) в целях давления и подавления. «Криминализация – это скорее методика ослабления позиций противника, чем основанная на справедливости будничная работа по поддержанию контроля за преступностью»[112]. В руках властной структуры орудием борьбы выступает не только процесс криминализации нежелательных, с ее точки зрения, деяний, но и реализация уголовного запрета. И этот процесс носит избирательный характер: уголовный закон применяется против неугодных лиц и «молчит», когда дело касается «своих» (хорошо известная «селективность» полиции и уголовной юстиции).

Теория конфликта, по *Р. Куинни,* базируется на представлении о человеке и обществе как процессе, конфликте, власти и социальном действии. Конфликт между людьми, социальными структурами или элементами культуры является нормальным состоянием общественной жизни. Опыт

---

109. Williams III F., McShane M. Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998, p.205.

110. Шнайдер Г.Й. Криминология. Указ. соч. С. 296.

111. Turk A. Criminality and Legal Order. Chicago: Rand McNally, 1969.

112. Quinney R. The Social Reality of Crime. Boston: Little, Brown & Co, 1970.

учит, что мы не можем достичь согласия по всем или большинству ценностей и норм. Конфликт выполняет вполне определенные социальные функции, он делает больше для возрастания, чем для уменьшения адаптации и упорядочения социальных связей и групп. Власть есть базовая характеристика социальной организации. Конфликт и власть тесно переплетены в общественных представлениях. Преступление, с точки зрения Р. Куинни, это определение человеческого поведения, создаваемое уполномоченными агентами политической организации общества. «Преступление есть творение» *(crime is created),* подчеркивает он[113]. Социальная же реальность преступления есть сконструированное путем формулирования и применения уголовное определение (состав преступления - Я.Г.), развитие поведенческих образцов *(pattern),* соответствующих этим определениям, и конструкция уголовных концепций.

«Ни мечты о земном рае, ни призраки земного ада не отражают адекватно социальных реалий. Напротив, реальная социальная жизнь является постоянным напряжением между утопизмом и реализмом»[114], пишет *О. Тэрк.* Он трезво оценивает роль власти, конфликта, политической преступности. (Возможно, именно он является родоначальником криминологии политической преступности, которая в России начинает формироваться в последнее время). Ключ к пониманию процесса политической организации на социетальном уровне лежит в анализе взаимосвязей между политической преступностью и политической полицией. «Политическая преступность становится понятной как социально определяемая реальность, продуцируемая конфликтом между людьми, которые претендуют на власть, и людьми, которые сопротивляются или могут сопротивляться этим субъектам»[115]. Этими словами заканчивается цитируемая работа О. Тэрка. Заканчивается и наш краткий анализ основных направлений «модернистской», теперь уже почти «классической», девиантологии и криминологии.

---

113. Quinney R. The Social Reality of Crime. In: Williams III F., McShane M. Ibid. p. 217.

114. Turk A. Political Criminality. In: Williams III F., McShane M. Ibid. p.261.

115. Ibid. p. 262.

§4. Современные девиантологические теории. Постмодернизм

Очень трудно провести границы между *современными* девиантологическими теориями 60-х – 70-х гг. минувшего столетия, рассмотренными (и не рассмотренными) выше, и *«самыми современными»,* в том числе постмодернистскими, теориями. Неслучайно авторы зарубежных учебников и специальных исследований[116] очень по-разному относят те или иные концепции к «критической» и/или «радикальной» криминологии, к постмодернизму. Здесь еще много не устоявшихся оценок.

Все же нельзя совершенно уклониться хотя бы от самого общего обзора «самого современного» состояния мировой девиантологической мысли, сколь бы спорным ни оказались наши собственные оценки.

Предварительно заметим, что новейшую критическую (радикальную), а тем более постмодернистскую девиантологию и криминологию характеризуют:

‹ весьма критическое отношение к предшествующим теориям;

‹ не менее критическое отношение к современным общественным, политическим, властным структурам и отношениям;

‹ радикально релятивистский подход к самим понятиям «девиантность», «преступность», «преступление» и др., как социальным (политическим) конструктам;

‹ нередко – обновление методологического инструментария.

Пожалуй, определенной вехой возникновения «радикальной» криминологии служит книга трех английских авторов – *Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга* - «Новая криминология» (1973)[117]. В ней обобщаются критические теории, отчетливо просматривается неомарксистская критика современного общества, при этом не отвергается с порога

116. Nelken D. (Ed.) The Futures of Criminology. SAGE Publications, 1994; Swaaningen van R. Critical Criminology. Visions from Europe. SAGE Publications Ltd, 1997.

117. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973.

«буржуазная» наука. Преступление определяется как причинение социального вреда. Правонарушитель сам рассматривается как двойная жертва – общества и уголовной юстиции. Последняя критикуется как отражение существующего господства. Авторы исходят из того, что важным «девиантогенным» фактором является неравенство возможностей, присущее современному капиталистическому обществу. Неравенство возможностей в свою очередь является результатом неравенства классового, полового или этнического. Авторы называют это «политической экономикой преступности». В этих условиях люди более или менее сознательно делают выбор, который может оказаться преступным (девиантным) – «социальная психология преступности». Но возможность выбора принадлежит не только индивиду, но и обществу (государству), которое может криминализировать ту или иную поведенческую реакцию и заклеймить ее автора («социальная психология общественной реакции»). Иначе говоря, Я. Тэйлор, П. Уолтон и Дж. Янг пытались объяснять преступность и преступление на различных уровнях, выстраивая систему детерминирующих факторов. По словам У. Айнштадтера и С. Генри, «вместо взгляда на некоторых людей как «плохие яблоки» или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе «плохую корзину», в которой все больше яблок будет портиться… Решение – только в новой корзине»[118].

Позднее Я. Тэйлор продолжал вскрывать экономические и политические предпосылки девиантности в современном мире «свободного рынка»[119]. Он не скрывает социалистические корни своих взглядов[120]. Пользуюсь случаем еще раз отдать дань светлой памяти Яна Тэйлора, много сделавшего для восстановления и упрочения научных связей между учеными городов-побратимов – Санкт-Петербурга и Манчестера.

---

118. Einstadter W., Henry S. Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995, p.227.

119. См., например: Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies. Harvester Wheatsheaf, 1990.

120. Taylor I. Crime, Capitalism and Community: Three essays in socialist criminology. Toronto: Butterworths, 1983.

Имя *Дж. Янга* еще будет упоминаться, в частности, в связи с концепцией «inclusive/exclusive» и «культуральной криминологией».

Р. Куинни и В. Чемблисс (Chambliss) рассматривают правопорядок в современном западном обществе как систему, созданную классом капиталистов для обеспечения своих интересов. Для финской исследовательницы И. Антиллы преступники в современном обществе служат «козлами отпущения».

Достаточно радикальны и взгляды некоторых современных немецких криминологов. М. Брустен настойчиво проводит мысль о селективности уголовной юстиции и применении ею уголовных санкций, подтверждая это результатами эмпирических исследований. Ф. Зак ставит под сомнение обоснованность имеющихся определений преступления и преступности (о чем уже говорилось выше). Он предлагает анализировать предмет криминологии с точки зрения различных дискурсов (о роли дискурсивного подхода см. ниже). Зак усматривает значительную зависимость социологии и криминологии и их различных теорий от политических властных структур.

Авторы «Новых направлений в социологической теории» - *П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолш,* будучи сторонниками *феноменологического* направления в социологии, противостоящего позитивизму, не могли не затронуть проблемы девиантности и преступности. Их основная идея – конвенциональный характер и девиантности, и преступности. С их точки зрения, отклонение «не внутренне присущее тому или иному действию качество, а следствие соотнесения действий с правилами и применения санкций к нарушителю... Социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей»[121]. Соответственно и «преступление (и преступник) – не «объективная» категория действия (и действующего лица), причины которого могут быть изучены, а совокупность обыденных

121. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С. 98, 99, 101.

социальных значений, используемых членами общества для обозначения некоего рода действий и лиц... Штампование «преступников» – это в прямом смысле слова социальная работа, она есть продукт практической деятельности некоторых организаций, отражающий и поддерживающий представления их сотрудников о социальной структуре»[122]. Как юридическая категория, преступление это то, что нарушает закон. «И в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон»[123].

Разумеется, конструирование распространяется и на другие виды девиантности[124].

«Левый реализм» (left realism), как и два предыдущих течения, родился в Англии. Его сторонники исходят из того, что не только среди преступников, но и в числе жертв преступлений большинство составляют представители низших классов, рабочие, те, кто также страдает от неравенства. Поэтому, именно исходя из их интересов следует усиливать борьбу с преступностью. Преступность нарушает качество городской жизни (Matthews, 1987). Более полное представление о преступности включает взаимосвязь преступника и жертвы, а также их обоих с представителями уголовной юстиции.

Родословная *феминизма* в социологии и криминологии *(Dorie Klein, Rita Simon, Freda Adler, Carol Smart)* включает феминистское движение, критическую криминологию, а также интерес к изучению женской преступности и девиантности[125]. Различают несколько направлений криминологического феминизма: либеральный, радикальный, марксистский, социалистический. Если либеральный феминизм на вопрос, в чем причина преступности, скромно отвечает – в социализации по полу (в ее особенностях), то радикальный утверждает: «преступления – мужское, не женское поведение. Это мужская биологическая природа – быть агрессивным и господствовать»[126].

---

122. Там же. С. 98, 286.

123. Там же. С. 97.

124. См., например: Kitzinger C. The Social Construction of Lesbianism. L., 1987.

125. Подробнее см.: Pontell H. Social Deviance. Ibid., pp.149-202.

126. Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998, p. 273.

Если идеологическая составляющая феминизма в криминологии общая для феминистского движения вообще, то акцентирование внимания на исследовании женской преступности вносит достойный вклад в науку.

Как относительно самостоятельное течение иногда рассматривают *аболиционизм*. Его последователи (прежде всего, норвежские криминологи Т. Матисен, Н. Кристи, а также голландец Л. Хулсман, американец Х. Пепинский, канадка Р. Моррис и др.) выступают против современной пенитенциарной (тюремной) системы, за альтернативные уголовной юстиции меры социального контроля. Подробнее об этом пойдет речь в части IV книги.

Х. Пепинский, наряду с *Р. Куинни* являются основателями «миротворческой криминологии» *(peacemaking criminology)*. Их усилия направлены на то, чтобы традиционную «войну с преступностью» заменить на «мир с преступностью»[127] (что отнюдь не означает оправдания преступлений, речь идет о выработке стратегии противодействия преступности). Эскалация преступности, особенно насильственной, в современном мире связана с эскалацией насилия со стороны государства, с институтом смертной казни и условиями пенитенциарных учреждений. Да, преступники причиняют зло, но если мы хотим изменить мир, мы должны начать с изменения самих себя. «Система уголовной юстиции основана на насилии. Эта система предполагает, что насилие может оборачиваться насилием, зло влечет зло»[128].

Миротворческую криминологию нередко обвиняют в нереалистичности, утопичности. Однако ее идеи приобретают все больше сторонников, причем не только среди ученых, но и практических работников (судей, прокуроров, полицейских). Неслучайно в официальном докладе Американской национальной комиссии по уголовной юстиции (1996) предлагается перейти от стратегии «войны с преступностью» к стратегии «меньшего вреда» (harm reduction). К этой теме мы еще вернемся позднее, в части IV.

---

127. Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) Criminology as Peacemaking. Bloomington: Indiana University Press, 1991

128. Pepinsky H., Quinney R. (Eds.). Ibid. p.12.

Постмодернизм

Постмодернизм в науке и искусстве – очень широкое, очень «модное» и не строго очерченное явление. «Постмодернизм и постструктурализм – сложны для определения и понимания»[129], сетует один из их исследователей. Постмодернизм зарождается во второй половине XX в. как реакция на крушение иллюзий и мифов относительно человеческого разума, порядка, прогресса, развеянных страшными реалиями Освенцима, Холокоста и т.п. Постмодернизм – это «модернизм, смирившийся с собственной невозможностью»[130]. Основоположниками постмодернизма обычно называют *Ж. Лиотара и М. Фуко,* хотя последний не считал себя постмодернистом.

Постмодерн – это «состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве конца XIX века»[131]. Он отражает, в частности «кризис детерминизма».

Постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к науке, релятивизацией всех знаний. Релятивны (относительны) и являются социальными конструктами – ценности, нормы, то, что называют девиантностью, преступностью, а также само общество как их источник. Преступления причиняют вред, но он порождается и всей рутинной практикой, социальными институтами, такими как труд, бюрократия, правительство, право и семья. Знания и «истина» также социальные конструкты. Одна из главных причин конфликтов и зла в обществах - результат вложения человеческой энергии в «дискурсивные различия»[132], веры в их реальность, защиты их и навязывания их другим. Постмодернизм отражает переход от клас-

---

129. Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency. Belmont: Wadsworth, 1997, p.134.

130. Bauman Z. Modernity and Ambivalence. Cambridge: Polity Press, 1991, p. 272. См. также: Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L.: Routledge, 1992.

131. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С.9.

132. Дискурс – определенная область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих установок для многих людей. Дискурсы изменяются со временем, а также от культуры к культуре. Так, по М.Фуко, меняется дискурс безумия: сперва безумец воспринимается как мудрец, провидец, затем – как преступник, позднее – больной.

совой структуры к обществу фрагментарному. Но чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур (а, следовательно, и вариантов «отклонений»). И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что тогда есть «отклонения»?

На сегодняшний день лучшей отечественной работой, специально посвященной постмодернизму в праве, является, с моей точки зрения, книга И. Честнова «Правопонимание в эпоху постмодерна»[133]. Обратимся к некоторым характеристикам постмодернизма, представленным в ней.

«Постмодерн выступает, прежде всего, рефлексией, критической позицией относительно эпохи модерна и показывает, что индустриальное общество достигло пределов своего развития и дальнейшее экспоненциальное его развитие невозможно – оно неизбежно приведет к глобальной катастрофе. Постмодерн ставит под сомнение такое исходное основание эпохи модерна, как вера во всемогущество человеческого разума, в его возможность познать абсолютную истину и на этой основе преобразовать весь мир»[134]. Критицизм постмодерна распространяется и на представления о праве, демократии, привычном правопонимании. Главные проявления постмодернизма, по мнению И.Л. Честнова, - релятивизм как взгляд на мир, отказ от истины, новое представление о социальной реальности[135]. Отсюда и присущая постмодернизму *ироничность*[136]. (Ироничность как необходимое условие деятельности исследователя, ученого отмечалось еще в 1975 г. В.С. Библером: «Постоянная ирония восприятия и делания пронизывает все сознание исследователя… Теоретик Нового времени встает над этой своей деятельностью, он необходимо ироничен, гиперкритичен, отстранен от своей собственной деятельности, он должен – хочет, не хочет – учитывать и свою роль «дурака», и роль

133. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб.: ИВЭСЭИП, 2002; Он же. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.

134. Честнов И. Л. Указ. соч. С. 3.

135. Там же. С.11.

136. См., например: Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

«шута», и роль «мудреца»»)[137].

Постмодернисты рассматривают связи между человеческой активностью и языком в конструировании значений, истины, справедливости, власти, знаний. Основная претензия постмодернизма к модернизму заключается в том, что последний вел скорее к угнетению, чем к освобождению. «Должна ли социология, наряду с другими типами гуманитарного знания участвовавшая в создании бентамовского Паноптикона, - т.е., в конечном счете, всеобщей тюрьмы, - с прежним миссионерским жаром взяться за построение всеобщего постмодернистского Бедлама?», - вопрошает З. Бауман[138].

Различают постмодернизм скептический и утверждающий. Сторонники первого сосредоточены на отрицании, критике предшествующих постмодернизму представлений о социальных реалиях, включая преступность. Представители второго стремятся к «реконструкции», переоценке, «перестройке» знаний и представлений об изучаемых феноменах.

Хотя М. Фуко, как уже упоминалось, сам не относил себя к постмодернистам, его идеи явно находятся в русле постмодернистских концепций. Девиантность относительна. В Древней Греции, да и в Древнем Риме «нормальна» как гетеро-, так и гомосексуальность.

В книгах «История безумия» (1961), «Рождение клиники» (1963), «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» (1975) М. Фуко исследует преступность, проституцию, бродяжничество, нищету, безработицу, сумасшествие в контексте *власти*. Книги М. Фуко представляют «через посредство изучения мира отклонений, далеко идущие разоблачения условностей и механизмов в нашем совершенно нормальном обыденном обществе»[139]. В конечном счете, новая дисциплинарная общественная формация с ее всеохватывающей дисциплинарной властью ассоциируется с тюрьмой.

---

137. Библер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Изд-во политической литературы, 1975. С.. 252, 268.

138. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L.: Routledge, 1992.

139. Линдгрен Свен-Оке. Мишель Фуко и история истины. В: Монсон Пер. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992. С. 356.

Этот образ «общество-тюрьма» не раз будет повторяться в исследованиях современных зарубежных и отечественных авторов[140].

М. Фуко сам был «девиантом»: творцом, разрушителем привычных догм в науке, да и «сомнительной» сексуальной ориентации. «Мы имеем дело с аутсайдером, который пошел собственным путем, который перевернул привычные представления и условности. В этом смысле его жизнь и творчество представляют единое целое»[141]. Да, пожалуй, и смерть: Фуко стал одной из первых жертв СПИД'а.

Одной из «классических» постмодернистских работ является книга Э. Янг, название которой весьма условно можно перевести как «Образ преступления: Человек, объявленный вне закона и криминальные беседы»[142]. Автор рассматривает преступление как понятие, используемое работниками уголовной юстиции, криминологами, социологами, политиками, журналистами (различные дискурсы). К исследованию проблемы привлекается материал философский, литературоведческий, криминологический, феминистский и др. В соответствие с постмодернистским подходом, Э. Янг сосредоточивает внимание на «материальной» роли языка в изображении преступления посредством метафор, символов и т.п. Одна из ее задач – показать репрессивность понятия общности. Нарушителя («человека вне закона») следует исключить из общества. Для Э. Дюркгейма общность двойственна – общность горожан, она же общность правонарушителей. Э. Янг интересуется структурой этой двойственности и тем, как она влияет на создание образа преступления. Другая тема – феминистическая. Автор исследует проблему семьи, одинокой матери, которая оказывается единственным лицом, ответственным за преступления детей. Казалось бы медицинские проблемы больных СПИД'ом и ВИЧ-инфицированных Э. Янг рассматрива-

---

140. Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society. Vol.3, N1, 2001, pp.95-133; Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М., 2001.

141. Линдгрен Свен-Оке. Указ. соч. С.372.

142. Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations. SAGE Publications, 1996.

ет с юридико-криминологических позиций (их положение в пенитенциарных учреждениях, лишение их страховых полисов и др.). Одна из задач автора – «делать невидимое видимым». Это она пытается достичь и с помощью анализа детективной литературы. Для Э. Янг, как представительницы постмодернизма (в феминистическом варианте), и история, и культура – открытые тексты, позволяющие бесконечно по-разному их прочитывать. Она призывает читателя «прочесть криминологию не криминологически».

Переоценка всего и вся, «реконструкция» и «перестройка» заставляют постмодернизм существенно переосмысливать саму методологию исследования. Как упоминалось в главе 1, постмодернизм обращается к таким общенаучным концепциям, как теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, к таким понятиям, как «странный аттрактор», бифуркация. Не имея возможности сколь либо подробно изложить методологические основы постмодернизма, отсылаем заинтересованного читателя к соответствующей литературе[143].

Одной из разновидностей постмодернизма является *конститутивная* криминология[144]. Ее суть заключается в том, что преступность и контроль над ней не могут быть отделены от тотального (всеобщего) структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются. Это утверждение противостоит мнению традиционной криминологии о возможности самостоятельного (раздельного) анализа преступлений, независимо от контекста. Преступность - интегральная часть тотального продукта общества. Поэтому криминологический анализ преступности должен осуществляться в общей социальной картине, наравне с другими составляющими общества. И это непростая задача.

Преступление – социально сконструированная категория. «Право – это игорный дом властей, преступление – их мышеловка»[145].

Преступность у постмодернистов - это ограничение вла-

---

143. Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

144. Henry S., Milivanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. SAGE Publications, 1996.

145. Ibid. p. 117.

стью индивида в его стремлении вести себя иначе, нежели предписывается властью (уголовным законом). Интересно, что отнюдь не постмодернист, А.И. Долгова определяет преступность, как «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»[146].

Конститутивная криминология переосмысливает преступление как вредные последствия вложения человеческой энергии во властные отношения. Преступление – это «власть отрицать других». Такие человеческие беды как «преступления» вытекают из отношений неравенства. В современных индустриальных странах Запада зло группируется вокруг следующих различий: экономических (класс, собственность), политических (власть, коррупция), морально-этических, прав человека, социального статуса (статус, престиж, неравенство), психологического состояния (безопасность, благополучное существование), самореализации / актуализации, биологической целостности и др.[147]

Множество девиантологических и криминологических теорий и обширный эмпирический материал привели с конца 70-х гг. прошлого века к попыткам создания обобщающих, интегративных теорий, на основе наиболее плодотворных элементов уже существующих[148]. Характерно, что практически все интегративные (да и многие другие) исходят из *единого объяснения девиантности, включая преступность.*

М. Ланье и С. Генри различают два вида интеграции: модернистскую и «холистскую» (холизм предполагает рассмотрение общества как единого целого, как системы)[149]. Теоретическая интеграция представляет собой комбинацию из двух и более уже существующих теорий. Например, интегративная теория может ориентироваться на теорию научения, используя при этом теорию социального контроля с учетом влияния классовой структуры и социальной эколо-

146. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С.7.

147. Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Ibid. p. 283.

148. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998.

149. Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Ibid. pp. 289-293.

гии. Так, Р. Эйкерс (Akers) в своей концепции «поглощения» заимствует понятия теории научения и теории социального контроля, переосмысливая их по-своему.

Аналогично Г. Пирсон и Н. Вайнер на основе тех же теорий (научения и контроля) создают свою интегративную концепцию.

Д. Эллиот (1979) с коллегами, пытаясь объяснить делинквентность подростков, построил интегративную теорию на основе теории напряжения, контроля и социального научения. В конечном счете, делинквентное поведение объяснялось через напряжение и неадекватную социализацию, которые приводят к ослаблению разрешенных связей и к усилению делинквентных связей с учетом процесса социальной дезорганизации[150].

К интегративным относится и теория баланса контроля *Ч. Титтла* (Tittle)[151]. Прежде всего Ч. Титтл подчеркивает взаимосвязи девиантности и преступности. Общая теория девиантности должна быть применима ко всем девиантным проявлениям. Баланс контроля предполагает соотношение (пропорции) суммарного количества того контроля, который оказывают индивиды, и того контроля, который оказывается по отношению к ним. При нарушении баланса контроля появится дефицит свободы. Для подтверждения и конкретизации теории баланса контроля требуются многочисленные эмпирические исследования, - повторяет Ч. Титтл. Только тогда можно будет показать, как пропорции контроля варьируют в зависимости от обстоятельств и широкого социального контекста.

Несколько амбициозно представляет *Дж. Брейтуэйт (J. Braithwaite)* свою интегративную теорию «восстановленного стыда»[152]. Он называет те концепции, которые интегрированы в его общую теорию: теории контроля, субкультур, дифференцированной ассоциации, напряжения, стигматизации.

---

150. См. подробнее:Vold G., Bernard T., Snipes J. Ibid. pp. 301-303.

151. Tittle Ch. Control Balance: Toward a General Theory of Deviance. Boulder: Westview Press, 1995.

152. Braithwaite J. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge University Press, 1989 (русский перевод: Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002).

Автор исходит из того, что общества, в которых у людей, с одной стороны, развито чувство стыда, а, с другой стороны, порицания за постыдный поступок корректны и не чрезмерны, характеризуются низким уровнем преступности (например, Япония). Дж. Брейтуэйт считает необходимым восстановить чувство стыда там, где оно утратило значение, не прибегая к позорящей стигматизации. Очень важно, чтобы общество было солидарно в оценках дозволенного и недозволенного, постыдного и не постыдного.

Один формальный контроль явно недостаточен для решения столь сложной социальной задачи. «Я уверен, - пишет Дж. Брейтуэйт, - что если к решению проблемы преступности и исправлению нравов не будет привлечена община, то власть закона сведется к бессмысленному набору процедур и санкций, которые будут иметь в глазах людей произвольный характер». Если стыд – путь к законопослушанию в результате свободного выбора, то репрессивный социальный контроль – путь к законопослушанию принудительному, т.е. ненадежному, кратковременному. Воссоединяющий стыд – средство предупреждения преступлений, клеймение же толкает правонарушителя к криминальной субкультуре. Внушение стыда, если оно не переходит в клеймение, служит наилучшим средством социального контроля.

Культуральная криминология представляется одним из последних достижений криминологической (и девиантологической) теории. Нельзя сказать, что ее положения абсолютно оригинальны. Важно, что преступность и иные проявления девиантности еще и еще раз воспринимается как элемент культуры. Для лучшего понимания культуральной криминологии, следует напомнить, что «культура» выступает не в привычном для российского читателя исключительно «позитивном» смысле, как нечто положительное (отсюда бытовизмы: «культурный человек», «культурное поведение»), а как способ существования общественного человека[153]. Способ существования, результатами которого являются как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, так и надписи на заборе, как труды А. Эйнштейна, так и школьные

153. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Он же. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

шпаргалки, как возвышенная любовь, так и порнография, как подвиг, так и преступление (вспомним «Преступление и кара, подвиг и награда» П. Сорокина).

Д. Гарланд (David Garland) продолжая М. Фуко, исследует роль власти в стратегии социального контроля[154]. Д. Гарланд увязывает социальные изменения последних десятилетий, сконцентрированные в изменяющейся культуре, новые вызовы среднего класса *(middle class),* испытывающего страх перед преступностью *(fear of crime)* с противоречивой политикой властей.

С одной стороны, это адаптивная стратегия *(adaptive strategy)* с приоритетами превенции и партнерства (разновидность - концепция community policing, в которой полиция представлена как сервисная служба, содержащаяся на деньги налогоплательщиков и призванная предоставлять услуги населению по защите от преступлений[155]). С другой стороны, стратегия «суверенного» полновластного государственного контроля *(sovereign state strategy)* и жесткого, «экспрессивного» *(expressive)* наказания[156].

Культуральную криминологию, наряду с Д. Гарландом, развивают Дж. Янг (Jock Young), Дж. Феррел (J. Ferrel), К. Хейворд (K. Hayward)[157] и др. Культуральная криминология есть рассмотрение преступности, девиантности и контроля над ними в контексте культуры, взгляд на преступность и агентов контроля как на культуральные продукты, созданные конструкции *(as creative constructs)*[158]. Д. Янг является одним из тех криминологов, которые применяют

---

154. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. 2000, Vol.40, N3, pp. 347-375; Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003.

155. Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. Oxford University Press, 1997.

156. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Ibid., p. 348.

157. Ferrel J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008; Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Oxford University Press, pp.102-121. Критический обзор в: Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. L.-NY.: Routledge, 2000.

158. Maguire M., Morgan R., Reiner R. Ibid., p. 102.

социологическую концепцию дифференциации людей на «включенных»/«исключенных» *(inclusion/exclusion*) для объяснения преступности в современном мире[159].

Завершая краткий обзор зарубежных девиантологических теорий, остается лишь напомнить, что за рамками сказанного остается море идей.

Для наглядности изобразим основные этапы развития зарубежной девиантологии в виде схемы.

159. Young J. The Exclusive Society. SAGE, 1999.

История зарубежной девиантологической мысли

Зарождение девиантологических идей

Примеры по тексту

Индия, III в. до н.э. в буддизме:«*Дхаммапада*»
Китай, в учении *Мо-цзы* (480–400 гг. до н.э.)
Китай, в учении *Чжуан-цзы* (369–286 гг. до н.э.)
У древних философов: *Антисфен, Диоген, Аристотель*
В социальных утопиях: *Т. Мор* (1478–1535), *Т. Кампанелла* (1568–1639)
В философии средних веков: *Б. Спиноза* (1632–1677)
и многое другое

Классическая школа уголовного права и криминологии (XVIII в.)
(идеи основывались на религиозном понимании свободы воли и греховности человека)

Развитие девиантологических идей

***Ч. Беккариа* (1738–1794)**
«О преступлениях и наказаниях» (1764)
Борьба человеческих страстей — источник не только преступлений, но и полезных деяний, выступал против жестокости наказания и смертной казни. Впервые сформулировал принцип неотвратимости наказания и приоритет предупреждения преступлений перед наказанием

***И. Бентам* (1748–1832)**
Статистические закономерности и устойчивость преступности

Позитивизм
в философии, науке, социологии
Первые теоретики позитивизма
О. Конт (1798–1857)
Г. Спенсер (1820–1903)
К. Маркс (1818–1883)

Направления развития девиантологической мысли

Биологическое или антропологическое

Психологическое направление

Социологическое направление

Направления исследований как антропологической так и психологической составляющей девиантного поведения не объясняют причин девиантности как социального феномена

Восприятие многочисленных социологических школ и концепций в девиантологии затруднено еще и многочисленностью их классификаций

Ч. Ломброзо (1835–1909) — теория врожденного преступника и проблема гениальности и помешательства.
Ч. Горинг (1870–1919) — опроверг теорию.
В дальнейшем *Ч. Ломброзо* и его последователи привлекали другие факторы:
Э. Ферри (1856–1929)
Р. Гарофало (1852–1934)
Э. Кречмер (1888–1964)
У. Шелдон
Loehlin, Nichols (1976) — концепция близнецов.
П. Джекобс (1966) — хромосомная теория.
Т. Поуледж и *Р. Фокс* (1971) — опровергали ее.
D.Farrington (1997), *M. Wadsworth* (1976) и *A. Raine* (1993) — частота пульса, уровень серотонина роль тестостерона

Г. Тард (1843–1904) — теория подражания и обучения. Совмещал психологический и социологический подходы. Отметил преступность среди «людей богатых и признаваемых честными».
Р. Гарофало (1852–1934) — идеи «опасного состояния». Совмещал антропологическое и психологическое направления.
Г. Айзенк (1963)

Фрейдизм
З. Фрейд (1856–1939) — теория [illegible]
Учение о «либидо». «Оно» и «либидо» — глубинный слой, «разгул» сексуальных и агрессивных инстинктов.
Последователи Фрейда в криминологии и социологии:
К. Юнг — «творчество и преступление — *совместимы*»,
А. Адлер, В. Рейх

Неофрейдизм — характеризуется б[illegible]льшей «социологизацией»
К. Хорни (1885–1952) — проблема невротизации личности,
Э. Фромм (1900–1980) — исследование агрессии и насилия как психологического, социального, политического феномена, различает агрессию конструктивную, деструктивную в т. ч. проявления некрофилии, проблемы этики, смысла жизни, «иметь или быть»

Основные школы и концепции социологии, на основе которых развивалась девиантология:

1. Функционализм (*Дюркгейм*);
2. Социальная дезорганизация (*Томас и Знанецкий, Парк*);
3. Аномия (*Дюркгейм, Мертон, Клоуард, Оулин*);
4. Чикагская школа;
5. Конфликт культур и девиантных субкультур;
6. Социальное научение, дифференцированные ассоциации и нейтрализация (*Беккер, Сатерленд, Кресси, Сайкс и Матца*);
7. Контроля (*Хирши*);
8. Стигматизация (*Кули, Гоффман, Танненбаум, Лемерт*);
9. Конфликта, марксистские и неомарксистские (*Маркс, Кини, Лиазос*);
10. «Современные» («радикальные», феминизм, постмодернизм)

Фундамент *социологии девиантности и социального контроля как специальной социологической теории*

Социологическое направление в период позитивизма

А. Кетле — основные его идеи разделяют все представители социологического направления: преступность порождена обществом; и т. д.
А. Герри — автор первых работ (1827, 1833) по уголовной и моральной статистике.
А. Лакассань (1885) — «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает».
Г. Манхейм — подтверждает

Экономические теории
К. Маркс (1818–1883) — концепция отчуждения и др. используются в частности в «критической криминологии».
Ф. Энгельс (1820–1895) — «Положение рабочего класса в Англии» (1845).
В. Бонгер — выступает за социалистическое переустройство общества.
Г. фон Майер — исслед. 1836–1861 гг.
П. Лафарг — исслед. 1840–1886 гг.
Г. Беккер и его последователи — вводят децильный коэффициент, индекс Джинни, уровень безработицы и др.

продолжение

Теория аномии

Э. Дюркгейм **(1858–1917) — первая развернутая социологическая теория девиантности. Девиации необходимы для развития, общества. Состояние аномии возникает в условиях *социальной дезорганизации* общества. Развивает теорию общественного разделения труда. Его взгляды относят также и к *теории социальной дезорганизации, и к структурному функционализму***

Аномия и «напряжение»

Р. Мертон **(1910–2003) — родоначальник «теорий напряжения» — символы успеха общества недоступны для большей части его населения. Его взгляды относят также *к структурному функционализму и теории аномии (в отличном от Дюркгейма варианте)***

Теория субкультур

А. Коэн **(род. 1918) — исслед. молодежные банды. Конфликт между ценностями «большого общества» и возможностями подростков из низших слоев достичь эти цели. Субкультура извлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их наизнанку.**
Р. Клауорд **(род. 1926) и *Л. Оулин* (род. 1918) — исслед. разные делинквентные субкультуры.**
Виды подростковой субкультуры: преступная, конфликтная и ретретистская.
У. Миллер **(1968) и *Т. Фердинанд* (1980) — последователи**

Снова «напряжение»

Вслед за Э. Дюркгеймом (Аномия), Р. Мертоном («напряжение») А. Коэном (теория субкультур)
R. Agnew **— Общая Теория Напряжения — имеется несколько типов напряжения, вызываемого негативными отношениями с другими людьми, («если мы плохо обращаемся с людьми, они могут рассердиться и совершить преступление») Теория менее социологична — объясняет девиантное поведение скорее на индивидуальном уровне.**
D. Elliot, D. Greenberg, H. Voss **— последователи**

Конфликт культур

Т. Селлин **— (1896–1994) — конфликт культур возникает, когда представители одной культуры попадают в среду распространения другой культуры**

«Чикагская школа» и экология преступности

Э. Бёрджесс **(20-е гг.)**
К. Шоу, Г. Маккей, Р. Парк, Ф. Трэшер **и др. — влияние городской *экологии* на девиантность, подростковую делинквентность и преступность, применение разнообразных методов исследования девиантности, в т. ч. метод «картирования» большого города. Трэшер — исслед. чикагских банд**

Плюралистические концепции

Э. Ферри **— выделял антропологические, физические, социальные факторы.**
Г. Маннхейм **— нет причин преступности, существует ряд факторов, объясняющих ее. Аналогичные взгляды разделяли, например, *У. Хили* (1915), С. Бэрт (1925), а в России — *А. Жижиленко, Х. Чарыхов* и др.**

продолжение

«Дифференцированная ассоциация» Социальное научение

Э. Сатерленд **(1883–1950) — создатель теории дифференцированной ассоциации (связи). Анализирует беловоротничковую преступность. Поведенческим формам обучаются в процессе общения, причиной образования дифференцированных связей служит конфликт культур, а главной причиной девиантного поведения —** ***социальная дезорганизация.***
Д. Крэсси **— последователь и продолжатель концепции Тарда и Сатерленда.**
Нередко рассматриваются как «*теории научения*»

Теория стигматизации (интеракции)

Г. Беккер **(род. 1928) — модель** ***девиантной карьеры. Клеймение*** **индивида как девианта.**
Ф. Танненбаум **— понятие «*драматизация зла*» в процессе наклеивания ярлыков (используя концепцию символического интеракционизма соц. психолога** ***Г. Мида*** **(1863–1931)).**
Е. Лемерт **(1912–1996) — ввел понятие вторичной девиантности, выделил ряд стадий «девиантизации».**
Э. Шур **— ввел понятие «преступления без жертв».**
Ф. Зак **показал, что большинство взрослого населения хоть раз в жизни совершает преступление. Но лишь официальное признание этого факта делает его преступником**

Теории конфликта

Социологические теории конфликта — вскрытие конфликтной природы социального бытия в отличие от структурно-функционального подхода (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), тяготеющего к порядку.
К. Маркс **— конфликт — неизбежное порождение социальной системы.**
Г. Зиммель **(1858–1918) — конфликт также неизбежен в социальных системах, но природа конфликта — в биологической природе людей, в инстинкте враждебности.**
Л. Козер **— конфликт — поведение, вызывающее борьбу за дефицитные ресурсы.**
Р. Дарендорф **(род. 1929), — основа конфликта — дифференцированное распределение власти. Правящие — за сохранение своего положения, управляемые — за перераспределение власти.**
Девиантологические теории конфликта
Т. Селлин **— см. конфликт культур.**
Дж. Волд **— теория группового конфликта (1958). Каждая социальная группа старается сохранить или повысить свой статус.**
О. Тэрк **(род. 1934) и** ***Р. Куинни*** **(род. 1934). В обществе постоянно идет борьба за власть. «Криминализация — методика ослабления позиций противника, но не контроль за преступностью. Роль власти, конфликта, политической преступности (*Тэрк)***

Теории социального контроля и нейтрализации

А. Рейсс **(1951),** ***Ф. Най*****, (1958),**
М. Гоулд **(1963) — роль социального контроля в противостоянии девиантному поведению, обучение законопослушному поведению, внутренний контроль эффективнее внешнего.**
Г. Сайкс **и** ***Д. Матза*** **(1957) — реакции правонарушителя — самооправдание, пять типов «нейтрализации», концепция «дрейфа» у молодежи.**
В. Реклесс **и** ***С. Шохэм*** **(1963) — нейтрализация основана на эрозии социальных норм.**
Т. Хирши **в 1969 г. — концепция социальных связей: привязанность, обязательства, вовлеченность**

Современные девиантологические теории

Критическая (радикальная) девиантология

Я. Тэйлор, П. Уолтон и Дж. Янг **— «политическая экономика преступности», где «девиантогенным» фактором служит** ***неравенство возможностей» в*** **капиталистическом обществе.**
Р. Куинни **и** ***В. Чемблисс*** **— правопорядок создан классом капиталистов в своих интересах.**
Антилла **— преступники — «козлы отпущения» современного общества.**
М. Брустен **— о селективности уголовной юстиции.**
Ф. Зак **— вводит понятие дискурсивного подхода**

«Левый реализм»

Его сторонники видят взаимосвязь преступника и жертвы (представители низших классов) с представителями уголовной юстиции. Поэтому следует усиливать борьбу с преступностью

продолжение

Феноменологическое направление в социологии **(противостоящее позитивизму).**
П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолш **— основная идея — конвенциональный характер и девиантности, и преступности. Штампование «преступников» и других видов девиантности**

Аболиционизм
Т. Матисен, Н. Кристи, Л. Хулсман, Х. Пепинский, Р. Куинни, Р. Моррис и др. **— выступают против современной пенитенциарной системы, за меры социального контроля, альтернативные уголовной юстиции.**
«Миротворческая криминология».
Замена стратегии «войны с преступностью» стратегией «меньшего вреда»

Феминизм
D. Klein, R. Simon, F. Adler, C. Smart **— различают либеральное, радикальное, марксистское и социалистическое направления**

Постмодернизм

Ж. Лиотар **и** ***М. Фуко*** **— основоположники постмодернизма**
Постмодерн отражает «кризис детерминизма»;
характеризуется скептицизмом по отношению к науке, релятивизацией всех знаний; релятивны и являются социальными конструктами — ценности, нормы, то, что называют девиантностью, преступностью, а также само общество как их источник; отражает переход от классовой структуры к обществу фрагментарному; различают постмодернизм скептический и утверждающий.
Э. Янг **— одна из ее задач — показать репрессивность понятия общности, другая тема — феминистическая.**
Постмодернизм существенно переосмысливает саму методологию исследования, обращается к таким общенаучным концепциям, как теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, к таким понятиям, как «странный аттрактор», бифуркация.
Конститутивная криминология **— одна из разновидностей постмодернизма — преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются, она переосмысливает преступление как вредные последствия вложения человеческой энергии во властные отношения**

Интегративные теории **(с конца 70-х гг. XX в.) —**
теории, обобщающие наиболее плодотворные элементы существующих концепций.
Практически все интегративные (да и многие другие) исходят из ***единого объяснения девиантности, включая преступность.***
М. Ланье и С. Генри **различают два вида интеграции: модернистскую и «холистскую».**
Р. Эйкерс **— концепция «поглощения» - заимствованы понятия теории научения и теории социального контроля, переосмысливая их по-своему.**
Г. Пирсон и Вайнер **— на основе тех же теорий (научения и контроля) создают свою интегративную концепцию.**
Д. Эллиот **— интегративная теория делинквентности подростков — построена на основе теории напряжения, контроля и социального научения.**
Ч. Титтл **— теория баланса контроля — также интегративная.**
Дж. Брейтуэйт **— интегративная теория «восстановленного стыда» — включает теории контроля, субкультур, дифференцированной ассоциации, напряжения, стигматизации**

Глава 5. История социологии девиантности в России

Понять настоящее с помощью прошлого.

М. Блок

Становление социологии девиантного поведения и социального контроля осуществлялась в России двумя путями. Во-первых, в недрах традиционных наук с середины XIX в. вызревало *социологическое* осмысление социальных реалий: социологическая школа уголовного права и криминологии, социологическое направление в изучении алкоголизма и наркотизма, суицидального поведения и проституции. Интенсивно проводились эмпирические исследования с использованием разнообразных методов. Во-вторых, с конца 60-х - начала 70-х гг. XX в. появились первые отечественные труды, положившие начало формированию социологии девиантности и социального контроля как *специальной социологической* теории. В 80-е гг. на территории бывшего СССР сложилось несколько центров социологических исследований девиантного поведения: в Ленинграде и Москве, в Эстонии и Грузии.

За четверть века становления и развития современной отечественной социологии девиантности и социального контроля был освоен и переосмыслен зарубежный опыт; сформированы собственные представления о девиантном поведении, как негативном, так и позитивном (творчество); в результате многочисленных эмпирических исследований накоплены сведения о состоянии, структуре, динамике социальных девиаций в России и различных ее регионах; выявлены некоторые закономерности взаимосвязей различных форм девиантного поведения и зависимостей от

экономических, социальных, культурологических и иных факторов; установлены и расширяются научные связи с зарубежными исследователями, включая совместные компаративистские исследования и участие в совместных научных конференциях. Ряд российских девиантологов являются членами 29-го Исследовательского комитета *(Deviance and Social Control)* Международной Социологической Ассоциации и участвуют в его работе.

Отстав от мировой социологии лет на сорок, формирование российской социологии девиантного поведения и социального контроля (девиантологии) не отрефлексировано еще в должной мере в истории науки.

В этой главе представлен краткий очерк становления и развития отечественной социологии девиантности и социального контроля[160].

§1. Социологические исследования отдельных проявлений девиантного поведения

Самоубийства. Может быть, одним из самых ранних свидетельств социологического осмысления девиантных проявлений в России явился доклад, прочитанный академиком К. Германом на заседаниях Российской Академии Наук 17 декабря 1823 г. и 30 июня 1824 г., на тему «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы». Автор доклада, сделанного за 70 лет до классического труда Э. Дюркгейма «Самоубийство: Социологический этюд» (1897), сравнивая число самоубийств и убийств по отдельным губерниям и регионам России, сопоставляет их с пьянством, экономическим положением, социально-политическими условиями (например, последствия войны 1812 г. в Смоленской губернии, где отмечался повышенный уровень самоубийств). В результате К. Герман делает уди-

160. См. также: Гилинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля//Социология в России/ред. В. Ядов. М.: ИС РАН, 1998. С. 587-609; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление/ред. Я. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000.

вительно глубокий для своего времени вывод, усматривая главные причины исследуемых явлений в крайностях: в диких нравах или утонченной цивилизации, в анархии или политическом гнете, в нищете или чрезмерном богатстве. И еще один вывод, значимый и сегодня: динамика числа убийств и самоубийств за ряд лет «позволяет по крайней мере частью узнать нравственное и политическое состояние народа». Доклад К. Германа не был опубликован на русском языке, ибо, по мнению министра народного просвещения А. С. Шишкова, «подобные статьи, неприличные к обнародованию оных, надлежало бы к тому, кто прислал их для напечатания, отослать назад с замечанием, чтобы и впредь над такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение»[161]. Так что борьба с «очернительством» имеет в России давнюю историю... Лишь в 1832 г. работа К. Германа была опубликована на французском языке[162].

В 1913 г. выходит в свет книга П. Сорокина «Самоубийство, как общественное явление». Пересмотрев биологические, расовые и прочие «причины» самоубийств, П. Сорокин делает единственно верный для социолога вывод: «причины или факторы самоубийства следует искать в социальной или общественной жизни людей. Перечисленные нами факторы – физические и биологические – имеют не главное, а второстепенное значение»[163].

Исследования самоубийств активно продолжались в конце прошлого и начале нынешнего столетия (подробнее история отечественной суицидологии излагается в работах В. Е. Кузнецова[164]).

---

161. Цит по: Гернет М.Н. Избранные произведения. Указ. соч. С.370-371.

162. Herman. Récherches sur le nombre des suicides et homicides commis en Russie pendant les années 1819 et 1820 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de S. Petersburg. VI Série. Tome premier, 1832, pp.3-20

163. Сорокин П.Самоубийство, как общественное явление. Рига: Наука и Жизнь, 1913. С.29.

164. Кузнецов В.Е. Истоки междисциплинарного подхода в отечественной суицидологии // Комплексные исследования в суицидологии. М.: НИИ психиатрии, 1986; Он же. Исторические аспекты исследования самоубийств в России // Актуальные проблемы суицидологии. М.: НИИ психиатрии, 1981.

Наметилось несколько исследовательских подходов: медико-статистический, клинико-описательный, психологический и социологический. Клинические основы понимания суицида были заложены трудами С.С. Корсакова, И.А. Сикорского, В.Ф. Чижа и др. Огромный исторический материал был обобщен в монографии П.Ф. Булацеля «Самоубийство с древнейших времен до наших дней» (СПб., 1900).

В 80-е гг. Х1Х в. И.П. Лебедев провел в условиях стационара обследование лиц, покушавшихся на самоубийство, и интерпретировал полученные данные с позиций теории дегенерации. Им впервые был поставлен вопрос об уточнении границы между нормой и патологией. Позднее представитель психологического направления Г.И. Гордон отметил отсутствие достоверного критерия для разграничения нормы и патологии.

Некоторые исследователи (Г.И. Гордон, И.А. Сикорский), под воздействием фрейдизма, объясняли суицидальное поведение нарушением «инстинкта самосохранения» или пробуждением «инстинкта смерти».

Именно в России складывается междисциплинарный подход в изучении этого феномена, и впервые термин «сюисидология» - предшественник современной «суицидологии» - науки о самоубийствах - появился в работах российских врачей П. Г. Розанова (1891), Ф. К. Тереховко (1903), И. О. Зубова (1903). Хотя среди медиков вообще, психиатров в частности, преобладало представление о покушении на свою жизнь как симптоме психического заболевания (Г. И. Гордон, И. О. Зубов, И. П. Лебедев, П. Г. Розанов и др.), однако такие крупнейшие психиатры, как В. М. Бехтерев и И. А. Сикорский неоднократно подчеркивали значение социальных факторов, включая условия семейного и школьного воспитания, в генезисе самоубийств. Они же обращали внимание на необходимость общественных усилий для *предупреждения* суицидального поведения. В обосновании и утверждении социологического направления в суицидологии сыграли значительную роль труды педагога А. Н. Острогорского, юристов М. Н. Гернета, А. Ф. Кони, социолога Н. М. Михайловского, а также психологов и психиатров Н.П. Бруханского, Я.Г. Лейбовича, М.Я. Феноменова. Так, А.Н. Острогорский в работе «Самоубийство как психологиче-

ская проблема» отказывается от понимания самоубийства как результата психического заболевания. Он утверждал, что душевное состояние, в котором самоубийца принимает решение, если нет прямых указаний на душевную болезнь, сходно с тем, какое можно наблюдать у здоровых. М.Я. Феноменов связывает рост самоубийств с дефектами школьного воспитания и господствующим духом практицизма и утилитаризма.

Российские исследователи обращали большое внимание на дефекты нравственного развития личности в генезисе суицидального поведения («нравственной инфекции», по словам И.А. Сикорского), связывали неблагоприятные тенденции и эпидемии самоубийств с кризисом нравственности и утратой смысла жизни. Быть может, нелишне напомнить, что Ф.М. Достоевский также полагал: «Потеря высшего смысла жизни... несомненно, ведет за собой самоубийство»[165].

Значительная доля суицидологических работ была посвящена самоубийствам детей, подростков и молодежи. Так, еще К. Герман обратил внимание на рост показателей самоубийств в детском и подростковом возрасте. Связь самоубийств среди рабочей и учащейся молодежи с социально-экономическими факторами - голодом, безработицей, пьянством - отмечали Г. И. Гордон (1912), Л. А. Прозоров (1913) и др. И. П. Лебедев в 80-е гг. XIX в. впервые в отечественной науке провел клиническое обследование суицидентов в возрасте до 20 лет. При этом он обращал внимание на условия воспитания, семейные отношения в семьях молодых людей, покушавшихся на свою жизнь, их ближайшее окружение. А.Н. Острогорский в 1882 г. отмечал отсутствие взаимопонимания между детьми и родителями как суицидогенный фактор. «Дети растут, вызывая недоумение в родителях только при каких-либо катастрофах: исключении из заведения, проявлении своеволия, побега, самоубийства», - с горечью замечал он[166].

Самоубийства среди воспитанников военно-учебных

165. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 24. Л.: Наука, 1982. С.49.

166. Острогорский А. Н. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1985. С.344.

заведений изучал В.А. Бернацкий, женские самоубийства – Н.И. Григорьев, С. Богатина. Появились работы о суициде среди врачей, военнослужащих, заключенных и ссыльных.

Обширный статистический материал представлен в книге К.С. Веселовского «Опыты нравственной статистики в России» (1874)[167]. Автором анализируется динамика самоубийств с 1803 по 1841 гг. Уровень самоубийств (на 100 тысяч жителей) составил в те годы 1,7 - 2,9, что было значительно ниже европейских показателей (например, во Франции 1831 - 6,4). Веселовский рассматривает такой индикатор, как доля смертей в результате самоубийств в общем количестве умерших (в течение рассматриваемого периода - 0,06% - 0,09%); отмечает неравномерное распределение самоубийств по территории России, повышенный уровень самоубийств в двух столичных городах - Санкт-Петербурге (1831 г. - 5,1) и Москве (1838 г. - 5,7). Доля женских самоубийств составляет в те годы 21-23% от общего числа, и относительно низкий их уровень автор объясняет пластичностью женщин и обращенностью их души внутрь себя, в отличие от мужчин, которые находятся в борьбе с миром и самими собой. Сезонные распределения самоубийств (весенне-летний пик и осенне-зимний минимум), выявленные К.С. Веселовским, позднее будет отмечено и Э. Дюркгеймом.

Одной из информативных специальных статистических работ является исследование Ф.К. Тереховко[168].

В начале XX в. крупнейшие психиатры России уже усматривают связь между самоубийствами и действием макросоциальных факторов. В.М. Бехтерев на VII Пироговском съезде (1902) назвал причиной самоубийств социально-экономические условия, а на Первом съезде русского союза психиатров и невропатологов (1911) говорил о тяжести существовавшего тогда режима как причинном факторе. В своем выступлении В.М. Бехтерев считал самоубийство невозможным без «угнетающего аффекта». И.А. Сикорский в 1913 г., по-видимому, первым поставил проблему эмоцио-

167. Веселовский К.С. Опыты нравственной статистики в России. СПб., 1847.

168. Тереховко Ф.К. К вопросу о самоубийстве в Санкт-Петербурге за двадцатилетний период (1881-1900). СПб., 1903.

нальной социальной поддержки в профилактике суицида.

В целом период до 1917 г. характеризуется широким спектром методологических подходов в изучении самоубийств, постепенной «социологизацией» проблемы, значительным количеством эмпирических исследований, становлением суицидологии как мультидисциплинарной отрасли научных знаний.

После октября 1917 г. продолжалось изучение медико-биологических, психиатрических проблем суицидального поведения. Важнейшим шагом в социологическом их исследовании явилось создание в 1918 г. в составе Центрального статистического управления (ЦСУ) Отдела моральной статистики во главе с М.Н. Гернетом. В 1922 г. вышел первый выпуск «Моральной статистики», включивший сведения о самоубийствах и социально-демографическом составе суицидентов. В 1923 г. в «Вестнике статистики» были опубликованы собранные и обработанные Отделом моральной статистики при ЦСУ сведения по 36 губерниям относительно количества, мотивов и способов самоубийств с подробными социально-демографическими характеристиками суицидентов. Женщины чаще прибегали к отравлению, утоплению, реже, чем мужчины, применяли огнестрельное оружие.

В 1927 г. издана работа «Самоубийства в СССР в 1922–1925 гг.» со вступительной статьей Д.П. Родина и предисловием М.Н. Гернета. В книге сравнивались показатели по СССР с данными ряда европейских государств, давался сравнительный анализ сведений по различным городам СССР, анализ самоубийств по социально-демографическому составу суицидентов, мотивам и способам самоубийств, а также - впервые, - о предшествующих самоубийству покушениях (суицидальных попытках), днях, часах и месте совершения самоубийства. Столь подробные сведения с тех пор никогда не публиковались в России.

В этом же 1927 г. вышли работы Н.П. Бруханского и М.Н. Гернета, посвященные социально-психологическому и социологическому исследованию проблем самоубийства[169]. Было зарегистрировано снижение количества и уровня

169. Гернет М.Н. Избранные произведения. С.438-468.

самоубийств в годы Первой мировой войны в воюющих странах и, с некоторым временным запозданием, - в нейтральных государствах. По окончании войны кривая самоубийств поползла вверх. Война внесла изменения и в состав суицидентов: снижение уровня самоубийств среди мужчин проходило интенсивнее, чем среди женщин, относительно увеличилась доля самоубийц старших возрастных групп (от 60 лет и старше). Среди суицидентов послевоенного времени возросла доля душевнобольных. М.Н. Гернет последовательно объясняет основные отличия в уровне, динамике и структуре самоубийств в СССР по сравнению с другими странами. При этом неизменным, со времен Дюркгейма, остается сезонное распределение самоубийств: весенне-летний максимум при осенне-зимнем минимуме. Остается заметить, что эта тенденция, по нашим данным, сохранялась и в 70–80-е гг. Описывая способы добровольного ухода из жизни, Гернет обратил внимание на самосожжение женщин в Азербайджане. В наши дни об этом подробно говорится в книге И.А. Алиева[170].

Интересные данные были получены Н.П. Бруханским в результате проведенного им социально-психиатрического обследования 359 случаев оконченных и незавершенных самоубийств в Москве[171]. Критическим возрастом оказались 15-30 лет, когда происходят перемены во всем психологическом складе личности. Н.П. Бруханский утверждал, что генезис развития стремления к смерти следует искать не в мотивах, а во взаимодействии всех средовых условий и психофизического состояния личности. А двумя основными путями предупреждения самоубийств должны служить оздоровление нервно-психической жизни населения и борьба с социальными болезнями.

Наконец, в 1929 г. вышел сборник «Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг.». На этом и закончилась публикация работ по этой тематике. Статья М.Н. Гернета 1933 г. - «Рост самоубийств в капиталистических странах» - говорит сама за себя: отныне на несколько десятилетий проблемы девиантного поведения могли освещаться лишь под рубрикой «их

170. Алиев И. А. Актуальные проблемы суицидологии. Баку: Элм, 1987.

171. Бруханский Н.П. Самоубийцы. Л., 1927.

нравы»... И не следует бросать упрек в этом российским исследователям.

Прошло более 40 лет. В 1971 г. автору этих строк, заручившись разрешением заместителя прокурора Ленинграда С. Г. Аверьянова, удалось изучить все материалы милицейского и прокурорского расследования по фактам самоубийств в четырех районах Ленинграда (двух центральных и двух «спальных»). В 1971–72 гг. аналогичное исследование было проведено в Орле. Результаты удалось опубликовать лишь в 1979 г. в Таллинне, под грифом «Для служебного пользования», тиражом 150 экз.[172].

В процессе исследования были изучены социально-демографические характеристики суицидентов, мотивы и способы самоубийств, пространственно-временно́е их распределение. Было обращено внимание на относительно высокий уровень суицидального поведения лиц с низким или маргинальным статусом: рабочих, служащих без специального образования, лиц без определенных занятий.

Большая заслуга в возрождении отечественной суицидологии принадлежит А.Г. Амбрумовой, организовавшей первую за несколько десятилетий встречу специалистов - семинар по суицидологии (1975), создавшей и возглавившей Всесоюзный суицидологический центр и суицидологическую службу Москвы, организовавшей выпуск сборников трудов по проблемам суицидологии (первый из них вышел в 1978 г.). Придерживаясь в объяснении суицидального поведения концепции социально-психологической дезадаптации личности, Амбрумова отстаивала мультидисциплинарный характер суицидологии, выступала против узкомедицинского (психиатрического) понимания самоубийств, сумела привлечь к исследовательской деятельности, помимо психиатров и психологов, также юристов и социологов (С.В. Бородин, М.З. Дукаревич, А.С. Михлин, Л.И. Постовалова, А.Р. Ратинов и др.). В 1984 г. Л.И. Постовалова защитила кандидатскую диссертацию «Социологические аспекты суицидального поведения»,

172. Гилинский Я., Проскурнина Н., Смолинский Л. Социальные и медико-психологические проблемы суицидального поведения молодежи. В: Отклоняющееся поведение молодежи / ред. Э. Раска. Таллин: Институт истории АН ЭССР, 1979.

явившуюся определенным итогом работы социолога в суицидологическом центре.

Несомненный интерес представляет сравнительное социально-психологическое обследование суицидентов и лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления, проведенное под руководством А.Г. Амбрумовой и А.Р. Ратинова. Результаты подтвердили гипотезу о взаимосвязи агрессии и аутоагрессии и «разведении» этих поведенческих форм психологическими особенностями индивидов, ибо суициденты и насильственные преступники представляли полярные психологические типы по множеству характеристик[173].

В результате многочисленных эмпирических исследований москвичей, проведенных А.Г. Амбрумовой, С.В. Бородиным, А.С. Михлиным, Л.И. Постоваловой, В.А. Тихоненко и др., и петербуржцев, осуществленных Я.И. Гилинским, А.Е. Мальченковой, В.К. Мягер, Н.Н. Проскурниной, Л.Г. Смолинским, Е.С. Ушаковой и др., были выявлены зависимости суицидальных проявлений от социально-демографических и психологических свойств индивидов, от социально-экономической и политической ситуации в стране, мотивы самоубийств, особенности их пространственно-временного распределения[174].

Определенным обобщением социологических исследований самоубийств в России явились работы с участием автора этих строк[175].

Междисциплинарный подход в суицидологии внес существенный вклад в становление отечественной девиантологии.

Пьянство и алкоголизм. Имеется обширная литерату-

---

173. Амбрумова А.Г., Ратинов А.Р. Мультидисциплинарное исследование агрессивного и аутоагрессивного типа личности. Комплексные исследования в суицидологии / Отв. ред. В. Ковалев. М.: НИИ психиатрии, 1986.

174. Амбрумова А.Г., Бородин С.В., Михлин А.С. Предупреждение самоубийств. М.: Академия МВД СССР, 1980; Гилинский Я.И., Смолинский Л.Г. Социодинамика самоубийств // Социологические исследования. 1988. №5. С.57-64; Ушакова Е.С. Суицидальный риск. Социологический анализ. Изд-во Lambert, 2011.

175. Гилинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологи. Учебное пособие. СПб, 1999; Гилинский Я.И. Самоубийство как социальный феномен // Социологический журнал. №2. 2011. С.39-48.

ра по истории «русского пьянства». Менее известна история социологического исследования процессов алкоголизации населения в стране [176].

Между тем из всех форм девиантного поведения пьянство более всего привлекало внимание российских ученых, литераторов, общественных деятелей. По мнению И.А. Голосенко, отечественная наука довольно быстро перешла от изучения медицинских проблем алкоголизма к более широкому, социологическому анализу этого явления.

С историей изучения алкоголизма связано одно из первых упоминаний о значении социальных факторов в генезисе девиантного поведения. Московский врач К.М. Бриль-Краммер в работе «О запое и лечении оного» (1819) отметил, что большинство известных ему больных алкоголизмом заболели со времени Отечественной войны 1812 г., когда многие лишились своего покоя, имущества, родственников; более высокая частота алкоголизма наблюдается у низших сословий, испытывающих постоянные лишения.

В числе исследователей алкогольных проблем следует назвать В. М. Бехтерева, Д.К. Бородина, Д.Н. Воронова, В.К. Дмитриева, С.А. Первушина, И. Янжула. Ими подвергалась сомнению легенда об особой «предрасположенности» русского человека к «питию». Лишь создание системы государственных кабаков (с XVI в.) резко изменило ситуацию достаточно жесткого социального контроля над потреблением алкоголя к худшему. Так что алчность правительства «подтолкнула» население к массовому - и на долгие годы! - пьянству (в 1819 г. питейный доход составил 11% доходной части бюджета, в 1859 г. - уже 38%, а за период 1865–85 гг. «пьяные» доходы почти удвоились)[177].

В 1898 г. для изучения проблемы алкоголизации населения была создана комиссия Российского общества народного здравия под руководством психиатра М.Н. Нижегородцева. Комиссия исследовала условия, способствующие

176. См.: Голосенко И. А. «Русское пьянство»: мифы и реальность // Социологические исследования. 1986, № 3 (см. также: Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб: СИ РАН, 2002. С.246-260); Шереги Ф. Э. Причины и социальные последствия пьянства / Социологические исследования. 1986, № 2.

177. Мстиславский С. Д. Свое и чужое. О пьянстве // Заветы. 1914, № 4.

развитию алкоголизма среди различных слоев населения. Результаты были доложены на Первом съезде психиатров.

Выдающиеся российские психиатры отмечали ведущую роль социальных факторов в этиологии алкоголизма. Так, В.М. Бехтерев и в научных дискуссиях, и в докладе на Первом съезде по борьбе с алкоголизмом отмечал значение воспитания, подражания в формировании алкогольных или антиалкогольных интенций. С.С. Корсаков в письме-ответе редактору одного из итальянских психиатрических журналов – Ч. Ломброзо - обращал внимание на отсутствие положительной социальной стимуляции как фактор влечения к одурманивающим веществам. Он же отмечал влияние налогового бремени и безработицы в обнищании рабочих, что, в свою очередь, приводит к их алкоголизации.

С 1894 г. попечительствами о народной трезвости была организована сеть амбулаторий в крупных промышленных и административных центрах. Материалы обращений в эти амбулатории (свыше 12 тыс. человек) были статистически обработаны. Были установлены связь алкогольной болезни с родом занятий, более высокая степень алкоголизации мужчин, возрастной «пик» заболеваемости - 35-40 лет, а также роль ближайшего окружения – концентрация больных алкоголизмом в одной семье.

Широко использовались статистические данные для оценки алкогольной ситуации. При этом были выявлены некоторые, казалось бы, нетривиальные факты. Так, наблюдалось массовое тяготение к алкоголю людей с наименьшими доходами, но и увеличение материального достатка сопровождалось ростом расходов на алкоголь. Низкая культура «подпитывала» тягу к алкоголю, но в крупных городах - центрах культуры и образования - пили больше, чем в слабо урбанизированных регионах. Выявленные временные колебания (по годам и сезонам) пытались сопоставить с экономическими факторами: цены на хлеб, урожай/неурожай, цены на алкоголь и т. п. Активно исследовалась степень алкоголизации различных групп населения в связи с социально-демографическими характеристиками. В частности, отмечалось, что в деревнях больше пили бедняки и зажиточные крестьяне-«кулаки» (опять «крайности»!), тог-

да как середняки оказались трезвенниками. Среди городских рабочих наблюдалось сокращение потребления алкоголя по мере роста квалификации и заработка.

В 1907 г. А.И. Шингарев провел монографическое исследование двух сел Воронежской губернии и установил, что во многих семьях не было необходимых продуктов питания, но водка имелась в каждой избе.

Связи алкоголизма и преступности была посвящена работа П.И. Григорьева (1900). Он же в результате почтового опроса заведующих сельскими училищами (1898) выявил почти сплошное потребление алкоголя деревенскими детьми. Аналогичные результаты были выявлены при исследовании в четырех городских школах (возраст учащихся – 8-13 лет). По социальному происхождению это были дети лавочников, артельщиков, швейцаров, дворников, т.е. относительно неблагополучных в материально-бытовом отношении социальных групп.

По результатам исследования А.М. Коровина (начало XX в., свыше 22 тыс. школьников сельских школ Московской губернии), алкоголь употребляли 67,5% мальчиков и 46,2% девочек.

Происходила концептуализация и классификация потребления алкоголя. Так, по мнению В.К. Дмитриева, решающее значение в динамике алкоголизации принадлежит экономическим факторам, процессу индустриализации, тяжелому положению городского пролетариата. Принципиальное значение имеет различение (сохранившееся до сегодняшнего дня) понятий «потребление алкоголя», «пьянство» и «алкоголизм», впервые проведенное С.А. Первушиным. Им же была предложена классификация алкопотребления: «столовое» потребление («для здоровья», «для аппетита»), присущее преимущественно высшим слоям общества; «обрядовое» - ритуальное, в соответствии с обычаем, наиболее распространенное среди крестьян; «наркотическое» - с целью забыться, отвлечься от тягот и забот, преобладающее в рабочей среде. В зависимости от типа потребления алкоголя должна различаться и тактика его профилактики.

Новая волна исследований была осуществлена в связи с «сухим законом» 18 июля 1914 г. Хотя первое время

фиксируется некоторый положительный результат (снижение производственного травматизма, пожаров, начавшийся интерес к совершенствованию производственного процесса), однако уже к концу 1915 г., по данным социологических исследований, ситуация возвращается на круги своя: появляется массовое потребление суррогатов (политуры, денатурата), а в деревне наблюдается огромный рост самогоноварения, расширяется контрабанда спиртного. Остается добавить, что спустя 71 год история «борьбы» с алкоголизмом в России повторилась с теми же результатами.

Первое время после октябрьского переворота продолжала действовать прогибиционистская антиалкогольная политика, отчасти подтвержденная постановлением СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Однако в 1921, 1922, 1923 гг. последовательно расширялся перечень разрешаемых к производству и продаже алкогольных напитков и, наконец, с 1 октября 1925 г. вводилось производство «сорокаградусной».

В.М. Бехтерев в 1927 г. правильно заметил, что запрет на продажу алкогольных напитков был парализован самогоном. Действительно, по данным ЦСУ РСФСР, в 1928 г. было изготовлено 50695,8 тыс. ведер самогона (или по 7,5 литра) на душу населения.

В 1927 г. исследования проблем алкоголизма были возложены на Институт социальной гигиены. С 1925 г. по 1932 г. были проведены обследования около 33 тысяч учащихся в городах Российской Федерации, Белоруссии и Украины. Использовались методы анонимного анкетного опроса и «замаскированного интервью» во время медицинских осмотров. В результате была получена картина алкоголизации детей и подростков и влияния на это родительской семьи.

К числу известных работ, посвященных алкоголизации населения России, относятся книги Р. Влассака[178], Э. Дейчмана[179], «Алкоголизм в современной деревне» (1929), а также публикации в «Административном вестнике» за 20-е гг.

178. Влассак Р. Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М.-Л., 1928.

179. Дейчман Э. Алкоголизм и борьба с ним. М.-Л., 1929.

В них отражалась статистика производства и потребления алкоголя, приводились сравнительные данные по городу и деревне, а также о последствиях пьянства (смертность, заболеваемость, «пьяные преступления» и т. п.).

В своих трудах М.Н. Гернет анализировал статистические данные о потреблении алкоголя, преступлениях, связанных с ним, о «тайном винокурении» и борьбе с ним, а также подчеркивалась неэффективность запретительных мер: ««Зеленый змий»... согнанный с зеркальных витрин богатейших магазинов, с полок и прилавков кабаков и ресторанов, он уполз в подполье и нашел себе там достаточно простора и немало пищи»[180]. Российская ситуация сравнивалась с американской, где развилась контрабанда спирта (бутлегерство) после введения «сухого закона».

С начала 30-х гг. тематика пьянства и алкоголизма не сходит полностью со сцены, но перерождается в «антиалкогольную пропаганду», «борьбу» под лозунгами типа «Пьянство - путь к преступлению» и «Пьянству - бой!», а в служебных характеристиках появляется непременное «морально устойчив», что означало для посвященных - «не алкоголик».

Исследовательская работа возобновилась лишь в 60-е гг. На IV Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров (1963) министр здравоохранения СССР отметил, что социально-гигиенические проблемы алкоголизма незаслуженно забыты. После чего последовала серия исследований. Появились труды Г.Г. Заиграева, Н.Я. Копыта, Б.М. Левина, Ю.П. Лисицына, В.В. Ногаева, П.И. Сидорова и др.[181]. Социальным, медицинским и психологическим проблемам пьянства и алкоголизма посвящены также исследования Б.С. Братуся, Б.М. Гузикова, В.М. Зобнева, А.А. Мейрояна.

Для социологии девиантности несомненны заслуги Г.Г. Заиграева, который, во-первых, всегда отстаивал социологический подход в изучении пьянства и алкоголизма; во-вторых, организовал ряд эмпирических социологических исследований, результаты которых отражены в

180. Гернет М.Н. Указ. соч. С.441.

181. Братусь Б.С., Сидоров П.И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М., 1984; Заиграев Г.Г. Борьба с алкоголизмом. М., 1986; Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты). М., 1983; и др.

серии его трудов; в-третьих, рискуя служебным благополучием, в годы «преодоления пьянства и алкоголизма» (с мая 1985 г.) последовательно сопротивлялся прогибиционистским требованиям, отстаивая разумную социальную антиалкогольную программу, разработанную под его руководством[182].

Как будет показано ниже, большую роль в становлении отечественной девиантологии сыграли работы А.А. Габиани. Им были организованы эмпирические социологические исследования многих проявлений социальных девиаций как на территории Грузии, так и в других регионах бывшего СССР, включая Россию. Не явились исключением пьянство и алкоголизм. Опубликованные результаты исследования (разумеется, с грифом «Для служебного пользования») позволяют судить о структуре, динамике и географии алкоголизма в Грузии, о социально-демографическом составе лиц, имеющих проблемы в связи с алкоголем, о производстве и реализации алкогольных напитков в республике, о размерах дохода от продажи алкоголя и размерах ущерба от его потребления (сальдо в «пользу» ущерба) и даже - о наполненности тбилисских ресторанов в зависимости от сезона, дней недели и времени суток[183].

Антиалкогольная компания 1985 г., проводимая обоснованно в условиях массовой алкоголизации населения страны, но совершенно неадекватными запретительными средствами, породила массу конъюнктурных «исследований» и публикаций-однодневок. Легко предсказуемый провал компании привел к тому, что тематика пьянства и алкоголизма отошла на второй план.

Из личных воспоминаний

В 1986 г. мне пришлось по заданию «сверху» ехать в один из совхозов Ленинградской области с лекцией о вреде алкоголя. Когда я приехал, выяснилось, что клуб, приготовленный для лекции, пуст. Понятно, что никого из жителей поселка

182. Заиграев Г.Г. Общество и алкоголь. М.: НИИ МВД РФ, 1992.

183. Некоторые результаты социально-экономического исследования проблем пьянства и алкоголизма: (По материалам Грузинской ССР) / ред. А. Габиани. Тбилиси, 1979.

и тружеников совхоза вред алкоголя не интересовал… Организаторы мероприятия, смущаясь, предложили мне «немного погулять» пока соберется народ (т.е. людей загонят в порядке трудовой дисциплины…). Гуляя, я зашел в сельмаг (сельский магазин), в котором, как обычно, с одной стороны лежали немногочисленные продтовары, с другой – промтовары. И вот в отделе, предназначенном для промтоваров, я увидел объявление: «Продажа питьевого одеколона с 16 часов». Поясню для непосвященных. Водки либо не было в продаже, либо она была не по карману сельским жителям. Наряду с денатуратом и прочими деликатесами, население пило одеколон. Естественно дешевый, типа «Тройного» (духи «Красная Москва» также были слишком дороги для сельчан). Вот этот «Тройной» одеколон и был работниками сельмага по наивности, но вполне обоснованно назван «питьевым» и приравнен по статусу к алкогольным изделиям, продажа коих допускалась только с 16 час., т.е. по окончании рабочего дня…

Наиболее серьезными исследованиями последнего времени, с нашей точки зрения, являются труды А.В. Немцова, основанные на большом статистическом и ином эмпирическом материале[184]. По данным Немцова, Россия к середине 90-х гг. минувшего столетия вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя, опередив традиционного лидера – винодельческую Францию. Проблема алкоголизации, равно как и наркотизации, получила фундаментальное социально-психологическое и социологическое освещение в работах И.Н. Гурвича[185].

Наркотизм. Первые отечественные исследования наркотизма относятся к концу XIX века. В 1885 году по заказу губернатора Туркестанского края, было проведено исследование С. Моравицкого «О наркотических и некоторых других ядовитых веществах, употребляемых населением Ферганской области». В результате были выявлены и описаны виды наркотиков, способы их выращивания и употре-

184. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995; Он же. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001; Он же. Алкогольный урон регионов России. М., 2003.

185. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. СПб ГУ,1999; Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Указ. соч.

бления, количество посадок, цены на наркотики. Их потребителей С. Моравицкий делит на две группы: случайных и привычных. В работе описаны случаи употребления наркотиков детьми в возрасте 7-13 лет, а также женская наркомания.

Важным (и вполне современным) представляется вывод о месте наркотиков в культуре. Для большинства жителей Туркестанского края и Ферганской области - мусульман наркотики выступают в роли заменителя алкоголя, включаются в «образ жизни» местного населения.

В конце XIX века вышло несколько книг, посвященных истории наркотиков и алкоголя. В книге Н.К. Реймера «Яды цивилизации» (1899) содержатся сведения о структуре потребляемых наркотиков, социальном составе и образе жизни их потребителей, приводятся интервью с наркоманами.

В начале XX века появляются исследования И. Левитова, Л. Сикорского. Однако более активное изучение проблемы происходит в 20-е годы. Так, А. Рапопорт обобщил материалы обследования 400 кокаинистов (1926), М.Н. Гернет проанализировал результаты обследования наркомании среди беспризорных Москвы (1926). При этом из 102 человек только двое ответили отрицательно на вопрос об употреблении табака, алкоголя или кокаина[186]. Тесную связь наркотизации населения с социально-бытовыми условиями подчеркивает А.С. Шоломович (1926). Н.К. Топорков (1925) различает «наркотистов» — лиц, пристрастившихся к потреблению наркотических средств в силу социальных условий, и «наркоманов» - лиц с патологической конституцией. Связь наркотизма и преступности отмечают М.Т. Белоусова (1926) и П.И. Люблинский (1925). При этом ряд исследователей фиксирует относительно меньшую частоту и тяжесть преступлений, совершаемых наркоманами (И.Н. Введенский, А. М. Рапопорт). Потребление наркотика (кокаина) чаще следовало за преступлением, а не предшествовало ему.

Детский наркотизм изучали врачи Зиман (1922-23), Дубрович (1925), Забутин (1926), а также Гернет (1924).

Затем наступила эпоха «ликвидации» в стране нарко-

186. Гернет М.Н. Избранные произведения. Указ. соч. С.444-445.

тизма как социального явления, а, следовательно, и ненужности каких-либо исследований...

В конце 50-х - 60-е гг. стали появляться исследования либо медицинского характера (В.В. Бориневич, 1963; Я.Г. Голанд, 1968; И.В. Стрельчук, 1956), либо юридического рассматривающие различного рода уголовно наказуемые действия с наркотиками (Л.П. Николаева, 1966; М.Ф. Орлов, 1969 и др.). И лишь позднее тема наркотизма занимает прочное место в исследовательской деятельности медиков, психологов, юристов, социологов (Э.А. Бабаян, Т.А. Боголюбова, А.А. Габиани, М.Х. Гонопольский, Р.М. Готлиб, И. Н. Пятницкая, Л.И. Романова и др.).

Первое крупное эмпирическое социологическое исследование наркотизма на территории бывшего СССР было проведено в Грузии в 1967–72 гг. под руководством А.А. Габиани. Результаты опубликованы в 1977 г. в книге Габиани «Наркотизм», изданной опять-таки с грифом «Для служебного пользования»[187]. Несмотря на некоторое методическое несовершенство исследования и понятные для того времени «технические» трудности, «Наркотизм» явился первым значительным монографическим исследованием темы - он включал историко-теоретический раздел, методологическую часть, изложение результатов эмпирического исследования (данные о социально-демографическом составе и условиях жизни потребителей наркотиков, структуре потребляемых средств, возрасте приобщения к наркотикам и его мотивах), схему деятельности преступных групп по распространению наркотиков (возможно, это было первым эмпирическим исследованием преступных организаций в стране), а также программу медицинских, правовых и организационных мер борьбы с наркотизмом.

В середине 80-х гг. под руководством А. Габиани было проведено панельное исследование наркотизма в Грузии с изложением сравнительных результатов обоих исследований в книге «Наркотизм: вчера и сегодня»[188].

В 1988–89 гг. А.А. Габиани проводит широкое социологи-

187. Габиани А. Наркотизм (конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1997.

188. Габиани А. Наркотизм: вчера и сегодня. Тбилиси: Сабчото Сакартвело, 1988.

ческое исследование наркотизма на территории Латвии, Приморского и Ставропольского краев, Горьковской, Новосибирской и Львовской (Украина) областей, в Москве и Ташкенте (Узбекистан). В ходе исследования было опрошено около 3.000 наркоманов и потребителей наркотиков, 2000 экспертов, 6000 учащихся школ и ПТУ. Особое внимание было обращено на обстоятельства приобщения к наркотикам: условия жизни, учебы и труда; повод «попробовать» наркотик; среда распространения наркотизма; с каких наркотических средств начинает новичок, где, с кем, когда происходит их прием; где добываются наркотики и средства на их приобретение. Исследователя интересуют и условия добровольного отказа от наркотиков, обращения за медицинской помощью и ее эффективность. Выводы в этой части достаточно пессимистические: «Чаще всего лечение наркомании не имело должного эффекта, а полного излечения не наступило ни в одном рассматриваемом нами случае»... Поэтому «самое надежное средство борьбы с наркоманией -недопущение первичного обращения молодых людей к наркотикам»[189].

Работы А.А. Габиани по социологическому исследованию как наркотизма, так и иных форм социальных девиаций, внесли заметный вклад в становление социологии девиантности в бывшем СССР.

В 80-е — 90-е гг. основным центром социологических исследований пьянства, алкоголизма и наркотизма становится сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологии АН СССР-РАН (Б.М. Левин — руководитель, Ю.Н. Иконникова, С.Г. Климова, Л.Н. Рыбакова, М.Е. Позднякова и др.). Работа продолжается с конца 90-х годов под руководством М.Е. Поздняковой[190]. Активизировалась исследовательская деятельность в организациях и учреждениях МВД России (А.Я. Гришко, В.М. Егоршин, В.И. Омигов, Б.П. Целинский и др.). В эти годы, в отличие от работ начала века, авторы пытаются найти при-

189. Габиани А.А. Кто такие наркоманы? // Социологические исследования. 1992, №2. С.83.

190. Наркомания: ситуация, тенденции, перспективы / ред. М. Позднякова. М..: ИС РАН, 1999; Наркотизация населения в современной России: специфика, субъекты, динамика / ред. М. Позднякова. М.: ИС РАН, 2003.

чины наркопотребления и пути решения проблемы. Чаще пишут о необходимости разработки государственной антинаркотической политики, не ограничивающейся привычными запретительно-репрессивными мерами.

По мнению известного психиатра А.Е. Личко, в развитии подростковой нарко- и токсикомании главную роль играет групповая активность и желание подростков «не отставать от других». Иной мотив вовлечения в потребление наркотиков – поиск необычных ощущений и переживаний (Ц.П. Короленко и В.Ю. Завьялов).

Б.Ф. Калачев (1987) снял завесу тайны наркопотребления в армии. В частности, 6% опрошенных в вузах молодых людей сообщили, что они приобщились к потреблению наркотических средств в армии.

В 1992 г. научным коллективом «ГАЛСИ» по заказу Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом было проведено обширное исследование «Социальные последствия возможной легализации наркотиков в России»[191]. Оно охватило семь экономических зон России, опрос проводился в 12 городах. По мнению руководителя проекта Г.Г. Силласте, проблемная ситуация, послужившая стимулом исследования, состоит в противоречии между стремлением властных структур гуманизировать отношение к наркоманам и стремительно расширяющимся потреблением наркотиков. Результаты исследования подтвердили растущее наркопотребление, наличие нелегального рынка наркотиков и неодобрение россиянами «либеральной» политики. С моей точки зрения, проект грешит определенной идеологизацией проблемы. Руководитель проекта исходит из необходимости усиления репрессивных мер в отношении потребителей наркотиков, преувеличивает «либерализацию» уголовного закона. К сожалению, законодатель пошел на поводу алармистских и популистских тенденций, приняв репрессивный Закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» (1997).

Среди прочих проблем наркотизм исследуется с 1989 г. сектором социологии девиантности и социального кон-

---

191. Силласте Г.Г. Новая наркоситуация в России // Социологические исследования. 1992. №2. С.138-145.

троля (Центр девиантологии) Социологического института РАН (до 2001 г. – Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН). Наркотизм рассматривается как одна из форм ретретистского поведения в условиях аномии. Другая исследовательская группа того же института провела ряд эмпирических исследований в Санкт-Петербурге, Самаре и Самарской области[192]. Основательные исследования наркотизма вообще, молодежного – в особенности осуществляются в Татарстане под руководством Ю.Ю. Комлева[193].

Проституция. Возможно, что «нездоровый интерес» (по терминологии советского официоза) обывателя к проблемам пола и секса проявился и в пристальном внимании обществоведов к проституции.

Отечественная социология знает немало оригинальных исследований конца XIX — начала XX вв.[194]. Наиболее известны работы Н. Дубошинского, В. Тарновского, Ф. Мюллера, П. Обозненко, а также Н. Бабикова, В. Зарубина, И. Клевцова, М. Кузнецова, А. Сабинина, А. Суздальского.

Одним из внешних импульсов исследовательской деятельности послужила волна венерических заболеваний, особенно сифилиса, в 80-е гг. прошлого столетия. Крупнейшим статистическим исследованием того времени (непревзойденным до сих пор) было обследование поднадзорной проституции в России (1889), организованное по инициативе Центрального статистического комитета МВД. Опрос проводился во всех регионах империи, за исключением Финляндии, и охватил свыше 17,6 тыс. женщин, занимавшихся проституцией. Обследованием были охвачены 1164 дома терпимости и 52 дома свиданий. Опубликованные по

---

192. Кесельман Л. Социальные координаты наркотизма. СПб Ф ИС РАН, 1999; Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб Ф ИС РАН, 2001.

193. Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. Казань: Каз. ГУ, 2003; Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань: Новое знание, 2005.

194. Обзор см.: Голосенко И.А. Российская социология проституции (1861-1917). СПб, 1997; Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России: (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис, 1998 (см. также: Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. Указ. соч. С.213-245); Проституция и преступность / Отв. ред. И. В. Шмаров.. М.: Юридическая литература, 1991. С.36-54.

результатам исследования данные включали сведения о числе домов терпимости и свиданий, количестве проституток, о социально-демографическом составе последних и содержательниц домов терпимости и др. Данные обследования подтвердили некоторые представления о генезисе проституции и, прежде всего - о роли экономических факторов.

В 1891-1893 гг. П.Е. Обозненко опросил в С.-Петербурге свыше пяти тысяч проституток, в результате были получены сведения о мотивах занятия проституцией, возрасте первых половых контактов проституток, их национальном составе, заболеваемости среди них, а также... о коррумпированности полицейских чинов, закрывающих глаза на всевозможные нарушения нормативной регламентации занятия проституцией и содержания публичных домов за «подношения»[195].

По данным П.Е. Обозненко, большинство питерских поднадзорных проституток крестьянского происхождения (свыше 572). П.Е. Обозненко разделял распространенное мнение о том, что «главная, основная причина, толкающая женщин и девушек на путь разврата, есть наследственная врожденная порочность». Однако он придавал большое значение и социально-экономическим фактором, полагая, что «врожденная порочность», проявляется или нет под влиянием условий воспитания и экономического положения женщин.

Истории петербургской проституции посвящены и современные труды[196].

Большинство эмпирических исследований того времени были проведены медиками. К числу солидных теоретических работ относится монография В.М. Тарновского[197]. Много исследований проводилось в связи с высокой заболеваемостью сифилисом. Некоторые из них свидетельствовали о повышенной распространенности сифилиса среди представителей высших социальных слоев (М.А. Чистяков,

195. Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета. Дисс. СПб., 1896.

196. Князькин И. История петербургской проституции. 2-е изд. СПб, 2005; Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. М.: Прогресс-Академия, 1994.

197. Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб., 1888.

К.М. Гретищев) и невысоком уровне заболеваемости среди рабочих (Ю.Ю. Гюбнер, Э. Шперк). Рост венерических заболеваний связывали с бедностью крестьян, развитием отхожих промыслов, а то и с... распространением марксизма (А.И. Ефимов).

В 20-е гг. продолжалось активное исследование проституции. Возможно, что это отчасти стимулировалось идеологическими соображениями: на примере проституции легко было показать «пороки капитализма» (В.М. Броннер, А.И. Елистратов, 1927; Л.М. Василевский, 1924; С.Е. Гальперин, 1928; А.Я. Гуткин, 1924; А. Н. Каров, 1927; Г.И. Лившиц, Я.И. Лившиц, 1920 и др.).

Летом 1924 г. в Москве была создана «Научно-исследовательская комиссия по изучению факторов и быта проституции». Комиссия организовала основательное исследование с использованием дореволюционного опыта и публикацией в 1925 г. основных результатов в журнале «Рабочий суд». Исследователи старались обеспечить добровольность и анонимность опросов (была опрошена 671 женщина, занимавшаяся проституцией в Москве), а также установление психологического контакта между интервьюером и респондентом[198].

В 1926–27 гг. в Харькове было проведено обследование 177 проституток. Опубликованные результаты позволяют сравнивать близкие по методике и инструментарию московское и харьковское исследования. Помимо социально-демографического состава опрошенных выяснялись материальные и жилищные условия, возраст начала сексуальных контактов, их частота на момент опроса, места поиска клиентов, потребление алкоголя, наркотиков, заболеваемость венерическими болезнями[199]. Статистические данные о проституции были представлены в статье М.Н. Гернета «К статистике проституции»[200].

После длительного перерыва к теме проституции начали обращаться лишь в 70-е гг. Но, поскольку проституция

198. Подробнее см.: Меликсетян А.С. Проституция в 20-е годы // Социологические исследования. 1989. №3. С. 71-74.

199. Федоровский А.Н. Современная проституция: Опыт социально-гигиенического исследования // Профилактическая медицина.1928. №9-10. С.154-169.

200. Гернет М.Н. К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. №7.

как социальное явление в стране победившего социализма была «ликвидирована», исследовались (разумеется, под грифом «для служебного пользования») некое «поведение женщин, ведущих аморальный образ жизни», либо же чисто юридические проблемы сохранившихся в уголовном кодексе республики составов преступлений: «содержание притонов разврата», «сводничество», «вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией» (Ю.В. Александров, А.Н. Игнатов и др.). Еще раз подчеркнем - это не вина, а беда отечественной науки и ее представителей. Социологические исследования проституции (под ее различными псевдонимами) в 70-е гг. проводились под руководством М.И. Арсеньевой, а также группой сотрудников ВНИИ МВД СССР К.К. Горяиновым, А.А. Коровиным, Э.Ф. Побегайло[201].

В 80-е гг. под руководством А.А. Габиани проводится социологическое исследование проституции в Грузии, результаты которого были опубликованы первоначально под грифом «Для служебного пользования», а затем и «для всех»[202].

Социально-правовые проблемы проституции и иных «отклонений» в сфере сексуальных отношений отражены в работах А.П. Дьяченко, А.Н. Игнатова, П.П. Осипова, Я.М. Яковлева и др. Наконец, в 80-е же годы появляются публикации Я.И. Гилинского, С.И. Голода, И.С. Кона, посвященные социологическому осмыслению и вторичному анализу эмпирических исследований проституции, определенным итогом этих исследований, помимо авторских монографий, явился сборник статей[203]. Так, сравнение результатов исследований 20-х гг. и 70-80-х гг. выявил две основные тенденции: расширение социальной базы проституции (если в 20-е гг. проститутки рекрутировались в основном из малообразованных и малоимущих слоев общества, то в 70-80-е гг. среди проституток преобладают лица с достаточно высоким образовательным и социальным статусом) и либера-

201. Горяинов К.К., Коровин А.А., Побегайло Э.Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. М., 1976.

202. Габиани А.А., Мануильский М.А. Цена «любви» (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987. №6.

203. Проституция и преступность / ред. И.В. Шмаров. М.: Юридическая литература, 1991.

лизация отношения к представительницам «древнейшей профессии».

Гомосексуализм. Хотя природа гомосексуальной ориентации до сих пор остается предметом дискуссий и гомосексуальная ориентация столь же нормальна, сколь и гетеро- и бисексуальная, гомосексуализм традиционно рассматривается и как вид девиантности. Очевидно, что по крайней мере ситуационный гомосексуализм (в местах лишения свободы, в закрытых учебных заведениях, в армии и на флоте) не безразличен к социальным факторам.

В конце XIX - начале XX в. изучение гомосексуальных проявлений носило преимущественно медицинский характер. Российский дерматовенеролог В.М. Тарновский (1885) предложил различать врожденный гомосексуализм и приобретенный как результат внешних влияний. Появляются работы Б.И. Пятницкого (1910) и И.Б. Фукса (1914), в которых рассматриваются психологические и юридические аспекты гомосексуализма. Однако нам не известны собственно социологические исследования этой проблемы в дооктябрьский период времени.

Из всего репертуара девиантных проявлений гомосексуализм оказался, пожалуй, наименее исследованным в советское время. Конечно, *это можно было бы объяснить тем, что гомосексуальная направленность в принципе не девиантна, а лишь вариант сексуального поведения.* Однако уголовный запрет даже добровольного мужеложства (ст. 121 УК РСФСР, отмененная лишь в 1993 г.) опровергает оптимистический вариант объяснения. Более вероятно, что долгие годы сказывалось отношение к гомосексуализму, как «преступлению».

Теоретико-исторический и социологический подход к гомосексуализму представлен в работах И.С. Кона[204], отчасти - Я.И. Гилинского[205]. Ситуационный гомосексуализм в ус-

---

204. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина. 1989; Он же. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997; Он же. Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. М.: Олимп, 1998.

205. Гилинский Я.И. Гомосексуализм: мифы и реальность (социально-правовые проблемы) // За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) / ред. Б. Левин. Кн. 2. М.: ИС АН СССР, 1991. С.146-156.

ловиях пенитенциарных учреждений отражен в трудах М.Н. Гернета, В.Ф. Абрамкина и Ю.В. Чижова, Г.Ф. Хохрякова и др. В работах сексопатологов акцентируются медицинские и психологические аспекты проблемы (Г.С. Васильченко, Д.Д. Исаев, С.С. Либих, А.М. Свядощ и др.). Одна из немногих отечественных работ, посвященных женскому гомосексуализму – книга О. Жук[206].

Бедственное положение гомосексуалистов в России заставило их объединяться[207]. В Москве стала выходить газета «Тема» гомосексуальной ориентации. В 1991 г. в Санкт-Петербурге были зарегистрированы их организации: Фонд им. П.И. Чайковского и Общество «Невские берега» (позднее «Крылья»). В июле того же года в Санкт-Петербурге состоялась первая в стране международная конференция гомосексуалистов с участием ученых и политиков города. В последующем, ежегодно в городе стали проходить фестивали гомосексуалистов *«Christopher Street Days»,* а в 1993 г. вышел первый номер петербургского «литературно-художественного и культурологического журнала, посвященного лесбийской и гомосексуальной культуре и искусству», «Gay, славяне!» (главный редактор – О. Жук).

Однако со временем, по мере отката в России от либерально-демократических завоеваний конца 80-х – начала 90-х годов минувшего столетия, положение представителей гомосексуального сообщества (ЛГБТ) вновь обострилось. Немаловажную реакционную роль сыграла в этом официальная позиция РПЦ.

Преступность. Преступность всегда считалась самым опасным видом «социальной патологии». Неудивительно, что из всего репертуара девиантного поведения преступность была наиболее изучаемым объектом юристов, социологов, психологов, представителей естественных наук. Поскольку повторять многократно изложенное представляется нецелесообразным в рамках данной работы, ограничимся кратким, схематичным описанием. Заинте-

206. Жук О. Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России, XX век. М.: Глагол, 1998.

207. См., например: Права гомосексуалов и лесбиянок в Российской Федерации. Отчет Международной комиссии по правам человека (подготовлен М. Гессен). М., 1994.

ресованного же читателя мы отсылаем к соответствующим разделам любого учебника криминологии, а также к ряду специальных работ[208].

В истории отечественной криминологии ее предвестником называют обычно А.Н. Радищева, который в своем труде «О законоположении» (1802) поставил вопрос о необходимости изучения преступности, ее причин, представил анализ уголовно-статистических сведений. Известно также, что Радищев многие беды тогдашней России, включая преступность, связывал с нищетой населения и лихоимством властей.

Любопытно, что один из руководителей декабристов – П.И. Пестель в своей «Русской Правде» записал: «Смертная казнь никогда не должна быть употребляема», мотивируя это, в частности, необратимостью судебных ошибок.

Выше упоминалось, что результаты одного из первых эмпирических исследований убийств и самоубийств, были представлены академиком К. Германом на заседаниях Российской Императорской Академии наук 17 декабря 1823 г. и 30 июня 1824 г. в докладе «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы».

Несмотря на пионерское начинание К. Германа, развитие криминологической мысли в России было существенно затруднено проблемами получения, обработки, анализа и публикации данных. Плохо налажена система уголовной статистики, отсутствует социологическая школа, исследователи испытывают давление со стороны властей, для которых криминальная информация неудобна, да и не нужна.

В России, как и во многих других странах, криминология вызревает в недрах уголовно-правовой науки. Идея о «криминологическом» расширении рамок уголовного права впервые в России была высказана в работах М.В. Духовского и И.Я. Фойницкого (70-е – 90-е гг. X1X в.). Так, М.В. Духовской главной причиной преступности считал общественный строй, «дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание». Оба автора полагали, что, согласно данным уголовной статистики, источник пре-

208. Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М.: Наука, 1991; Криминология. Исправительно-трудовое право: История юридической науки. М.: Наука, 1977; Девиантность и социальный контроль в России. Указ. соч.

ступлений коренится не только в личности преступника, но и в обществе; поэтому нельзя исходить из «свободной воли» преступника (постулат классической школы уголовного права); поэтому же нельзя рассчитывать на наказание как единственное или главное средство контроля над преступностью; необходимо изучать социальные причины преступлений, расширив тем самым рамки традиционного (догматического) уголовного права.

Хотя далеко не все российские криминалисты («классики») были согласны с этими положениями «социологов», в последующем уже стало невозможным не включать в курсы уголовного права разделы, посвященные индивидуальным, экономическим, социальным и даже космическим факторам преступности.

Далее отечественная криминология развивалась в русле мировой криминологии, включая различные направления (антропологическое, психологическое, социологическое).

Антропологическое направление в России было представлено, прежде всего, трудами Д.А. Дриля «Преступный человек» (1882), «Психофизические типы в их соотношении с преступностью» (1890), «Преступность и преступники» (1899) и др. Однако, в отличие от Ч. Ломброзо (во всяком случае, раннего) Д.А. Дриль придавал большое значение и средовым, социальным факторам. В первой из вышеназванных книг он пишет: «Преступность возникает обыкновенно на почве болезненной порочности и исцеляется или медицинским лечением или благоприятным изменением жизненной обстановки. Эта болезненно-порочная природа передается далее путем унаследования различных дефектов»[209].

Во второй половине Х1Х в. вопросы антисоциального поведения, включая преступное, интересовали и российских психиатров. Вслед за первым курсом психопатологии для юристов А.У. Фрезе появляются лекции по судебной психопатологии В.Ф. Чижа, «Судебно-психиатрические анализы» П.И. Ковалевского. На Третьем Пироговском съезде (1888) С.Н. Данилло выступил с докладом «О помешанных

209. Дриль Д.А. Преступный человек. СПб, 1882. С.101.

преступниках», на Пятом (1893) – Чиж с докладом «Медицинское изучение преступника».

Однако в целом антропологическое направление в России было развито значительно слабее, чем за рубежом.

Социологическое направление оказалось господствующим в стране. О дополнении юридического метода социологическим в науке уголовного права в 1912 г. писал Н.Н. Полянский. Социологический подход в изучении и объяснении преступности последовательно отстаивал Х.М. Чарыхов[210].

В России была неплохо представлена экономическая школа. Так, Е.Н Тарновский (1898), проанализировав динамику числа краж и хлебных цен за 20 лет (1874-1894), сделал вывод о решающем значении цены на хлеб – как показателя экономического состояния общества - на имущественные преступления. В связи с этим он усматривает в борьбе с экономической нуждой массы населения одновременно и средство против преступности. Другую ее причину он видит в пьянстве и неустроенности досуга людей.

В России получила развитие многофакторная теория преступности. И уже упоминавшиеся И.Я. Фойницкий и Х.М. Чарыхов, и А.А. Жижиленко исходили из того, что преступность, как сложное социальное явление, обусловлено многочисленными факторами различного уровня: экономическими, социальными, демографическими, психологическими, природными. И.Я. Фойницкий выделял три группы факторов – физические, общественные и личные, отдавая первенство общественным. По классификации А.А. Жижиленко, криминогенные факторы находятся: 1) в окружающей природе, 2) в индивидуальных особенностях личности, 3) в условиях социальной среды[211].

Трудно переоценить роль М.Н. Гернета (1874-1953) в развитии отечественной криминологии вообще, социологического направления в особенности[212]. В своих трудах

---

210. Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности: (Социологическая школа в науке уголовного права). М., 1910.

211. Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. Пг, 1922.

212. Гернет М.Н. Избранные произведения. Указ. соч.

«Социальные факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности» (1906), «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» (1916) М.Н. Гернет на основе огромного эмпирического материала как по России, так и в сравнении с другими европейскими странами, обосновывал социологический подход к преступности как сложному социальному феномену, порождению общества. Позднее (1926) М.Н. Гернет напишет, что единственной причиной преступности является «весь социально-экономический строй».

Он прослеживал корреляционные зависимости между уровнем преступности, ее отдельных видов и полом, возрастом, социальным статусом, алкоголизацией и наркотизацией населения, уровнем самоубийств. Он же, пожалуй, впервые стал рассматривать закономерности пространственно-временно́го распределения преступлений.

В генезисе преступности М.Н. Гернетом уделяется особое внимание социальному неравенству как источнику различных форм девиантности.

М.Н. Гернет постоянно ставил вопрос о необходимости введения «моральной статистики», которая учитывала бы, наряду со всеми значимыми показателями преступности, также сведения о самоубийствах, алкоголизме, наркотизме, проституции.

Нельзя не отметить либеральные взгляды тогдашней отечественной профессуры по проблемам наказания. М.Н. Гернет, М.В. Духовской, А.А. Жижиленко, И.Я. Фойницкий, а также А.Ф. Кистяковский, П.И. Люблинский, Н.С. Таганцев, В.Д. Спасович и многие другие выступали против жестокости наказания, против смертной казни[213]. Они отстаивали приоритет предупреждения преступлений путем решения социальных проблем.

М.Н. Гернет называл смертную казнь «институтом легального убийства», он особо подчеркивал, что только самые реакционные круги России выступают в ее поддержку. И как вывод: «Смертная казнь должна быть вычеркнута из

213. См. их выступления против смертной казни в: Смертная казнь: За и против. М.: Юридическая литература, 1989.

лестницы наказаний»[214]. Сенатор, академик Н.С. Таганцев, выступая в Государственном Совете (1906), заявил: «Я 40 лет с кафедры говорил, учил и внушал молодежи,... что смертная казнь не только не целесообразна, но и вредна... С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами, защищая законопроект об отмене смертной казни»[215]. Очень интересным и, увы, актуальным и поныне, является ответ А.Ф. Кистяковского (1896) тем сторонникам смертной казни, что ссылаются на «мнение народа»: «Особенно странным представляется то, что защитники смертной казни в этом случае опираются на воззрения народные... Отчего те же защитники не прибегнут к воззрениям народным для разрешения других, первой важности государственных, общественных и научных вопросов, например вопроса о податях, о поземельной собственности, о кредите... Отчего, например, они же не считают необходимы преследовать ведьм, в которых народ так еще крепко верит?»[216].

Труды прогрессивных российских юристов конца Х1Х – начала ХХ вв. в значительной мере заложили фундамент не только отечественной криминологии, но и девиантологии.

Первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. российская криминология продолжала развиваться силами старой профессуры.

В 20-30-е гг. внимание социологически ориентированных исследователей было сосредоточено на изучении экономических, социальных, демографических и иных факторов преступности. В этом направлении работают М.Н. Гернет, А.А. Жижиленко и др.

В 1918 г. по инициативе М.Н. Гернета в ЦСУ был создан Отдел моральной статистики. Появилась возможность систематического изучения статистических рядов преступности и ее видов (наряду со статистикой самоубийств и иных проявлений девиантности).

В учебниках и монографиях по уголовному праву по старой традиции включаются криминологические разделы (М.М. Исаев, 1925; А.А. Пионтковский, 1925).

---

214. Смертная казнь: За и против. Указ. соч. С. 133, 142,150.

215. Там же. С. 153.

216. Там же. С. 193.

Развивается отечественная пенитенциарная криминология (М.Н. Гернет, Е.Г. Ширвиндт, А.Я. Эстрин и др.).

Еще одно направление криминологической мысли того времени – клиническое, сосредоточившее внимание на изучении индивидуальных характеристик преступника (В.В. Браиловский, Н.П. Бруханский, С.В. Познышев и др.). С.В. Познышев убежден, что основные причины преступности таятся в личности преступника, в значительной степени определяемой наследственностью. Правда, ученый не отрицал и роли социальных факторов: «преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь»[217].

Большую роль в исследовании преступности сыграли кабинеты по изучению преступника и преступности. Первый из кабинетов открылся в 1918 г. в Петрограде. В Москве в 1925 г. был открыт Государственный институт по изучению преступности и преступника, подчинивший ранее разобщенные кабинеты, ставшие его филиалами. Институтом были выпущены четыре сборника «Проблемы преступности» (1926-1929). Именно в те годы было проведено много прикладных, эмпирических исследований с использованием разнообразных методов: опрос, изучение материалов уголовных дел, анализ статистических данных, клинические методы обследования. В результате были созданы криминологические «портреты» детоубийц (М.Н. Гернет), конокрадов (Н. Гедеонов, Р. Люстерник), хулиганов и поджигателей (Т. Сегалов), насильников (Н. Бруханский), убийц корыстных и из мести (И. Станкевич) и др.

Одновременно развивалось и антропологическое направление. Так, доктор А.П. Штесс на базе созданного им в 1922 г. в Саратове Кабинета криминальной антропологии и судебно-психиатрической экспертизы проводил соответствующие исследования. Позднее это «неоломброзианство» послужило поводом для политических обвинений.

К 20-м годам относятся значительные криминологиче-

217. Познышев С.В. Криминальная психология. М., 1926. С.6.

ские исследования М.Н. Гернета, Ф.Ф. Герцензона, В.И. Куфаева, Е.И. Тарновского, А.С. Шляпочникова и др.

Однако к концу 20-х – началу 30-х гг. в СССР сложилась ситуация, исключающая возможность дальнейших исследований. Одни ученые были объявлены «ломброзианцами», другие (А.Н. Трайнин, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский и др.) – «псевдомарксистами». Г.И. Волков, Е.Г. Ширвиндт, А.С. Шляпочников, А.Я. Эстрин и многие другие были репрессированы. С криминологией фактически было покончено. В ограниченных размерах и исключительно с «классовых», «марксистско-ленинских» позиций можно было заниматься лишь историей (пятитомная «История царской тюрьмы» М.Н. Гернета вышла в 1941-1956 гг.) или же критикой буржуазной правовой науки и практики, включая криминологическую. В отечественной же уголовной политике и практике на первое место выходит борьба с «врагами народа»...

Долгий, мучительный, полный «зигзагов» и ритуалов (обязательная ссылка на В.И. Ленина, действующего генерального секретаря ЦК КПСС, решения последнего съезда КПСС или пленума ЦК КПСС) процесс возрождения отечественной криминологии начался лишь в 60-е гг., благодаря хрущевской «оттепели» и развенчанию «культа личности» Сталина.

Первые шаги – книги А.Б. Сахарова[218], А.А. Герцензона[219], В.Н. Кудрявцева[220], И.И. Карпеца[221], Н.Ф. Кузнецовой[222], А.М. Яковлева[223]; открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963); начало преподавания курса криминологии в юридических вузах Москвы и Ленинграда (1964).

Нельзя не отметить первое крупномасштабное (на базе двух областей России) эмпирическое криминологическое

218. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

219. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.

220. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.

221. Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969.

222. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

223. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 1971.

исследование социальных условий преступности, осуществленное в 70-е гг. под руководством А.Б. Сахарова. Опубликованные программа (с инструментарием) и результаты исследования послужили стимулом к последующим работам[224]

С конца 60-х – начала 70-х гг. криминология бурно развивается. В рамках настоящей работы можно лишь наметить некоторые ее направления.

Во-первых, это - общетеоретические труды Г.А. Аванесова, Ю.Д. Блувштейна, С.Е. Вицина, В.Б. Волженкина, Я.И. Гилинского, А.И. Долговой, И.И. Карпеца, М.И. Ковалева, В.М. Когана, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Д.А. Ли, В.В. Лунеева, Б.С. Никифорова, В.А. Номоконова, И.С. Ноя, Г.М. Резника, А.Б. Сахарова, Л.И. Спиридонова, Д.А. Шестакова, А.М. Яковлева и др. Важно отметить разделяемый этими авторами социологический взгляда на преступность как социальный феномен, порождаемый обществом. Чрезвычайно важно и другое.Если согласно официальной партийно-советской идеологии причинами преступности в СССР являлись «пережитки капитализма» («родимые пятна» капитализма) и «капиталистическое окружение», то вышеназванные авторы старались по возможности утверждать научные взгляды на причины и условия преступности в «социалистическом обществе» (социальные противоречия, социально-экономическое неравенство, недостатки экономической, социальной, культурной политики). Следует также заметить, что среди названных ученых несколько особую позицию занимал И.С. Ной. Не отрицая значения социальных факторов, он настойчиво отстаивал значимость биологических (антропологических) исследований в криминологии и их роль в генезисе преступного поведения[225].

Во-вторых, развитие методологии и методов социологического исследования преступности и ее видов (Г.А. Аванесов, Ю.Д. Блувштейн, С.Е. Вицин, А.В. Добрынин, Н.Я. Заблоцкис, Г.И. Забрянский, Д.А. Ли и др.).

---

224. Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования. М., 1979; Методологические вопросы изучения социальных условий преступности: Сборник научных работ / ред. А.Б. Сахаров. М., 1979.

225. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.

В-третьих, формирование и развитие относительно самостоятельных направлений: преступность несовершеннолетних (Г.И. Забрянский, Г.М. Миньковский, С.Л. Сибиряков), насильственная преступность (С.Б. Алимов, Ю.М. Антонян, А.П. Дьяченко, А.Н. Игнатов, Н.А. Исаев, Э.Ф. Побегайло), семейная криминология (Д.А. Шестаков), виктимология (Л.В. Франк, П.С. Дагель, В.Е. Квашис, Д.В. Ривман, В.Я. Рыбальская), пенитенциарная криминология (В.Б. Малинин, А.С. Михлин, О.В. Старков, Г.Ф. Хохряков), экономическая преступность (Б.В. Волженкин, В.В. Колесников, Н.А. Лопашенко, А.М. Яковлев). В связи с формированием и развитием организованной преступности растет и число ее исследователей (А.И. Гуров, С.В. Дьяков, В.С. Овчинский, А.Л. Репецкая, Е.В. Топильская, Я.И. Гилинский). К началу XX1 в. формируется криминология политической преступности (С.В. Дьяков, П.А. Кабанов, В.В. Лунеев, Д.А. Шестаков).

В-четвертых, теория, методология и методы территориальных исследований преступности, «география преступности» (Ю.Е. Аврутин, Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гилинский, А.А. Габиани, Р.Г. Гачечиладзе, А. Лепс, Э. Раска, К.Т. Ростов и др.) Помимо ряда книг по этой тематике, в серии «Трудов по криминологии» Тартуского государственного университета выходили сборники «Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности» (1985, 1988, 1989, 1990, 1991).

В-пятых, исследования уголовной политики и превенции преступлений (Н.А. Беляев, Ю.Д. Блувштейн, С.В. Бородин, С.С. Босхолов, П.С. Дагель, А.Э. Жалинский, К.Е. Игошев, В.Н. Кудрявцев, Н.А. Лопашенко, С.Ф. Милюков, Г.М. Миньковский, В.С. Устинов и др.)

После длительного перерыва возобновился интерес к исследованию роли психических аномалий в генезисе преступного поведения (Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, В.В. Гульдан, Н.А. Исаев).

В 1984 г. за заслуги в создании теоретических основ криминологии Государственная премия СССР была присуждена И.И. Карпецу, В.Н. Кудрявцеву, Н.Ф. Кузнецовой, А.Б. Сахарову, А.М. Яковлеву. А в 1998 г. Государственная премия

Российской Федерации присуждена В.В. Лунееву за монографию «Преступность XX века: Мировой криминологический анализ».

Ликвидация советского государства и конец господства КПСС обусловили небывалую дотоле возможность свободно творить в любой области науки, включая криминологию и девиантологию. Впервые за много лет стала открываться уголовная статистика (ежегодники «Преступность и правонарушения», начиная с 1990 г.), появилась возможность исследований и публикаций трудов без оглядки на идеологические и цензурные ограничения, стали реальными контакты с зарубежными коллегами и знакомство с мировой криминологической литературой. Не сразу и не все воспользовались такой возможностью. К сожалению, начиная с конца 90-х гг. минувшего столетия доступ к статистике вновь осложняется.

§2.Становление отечественной социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как специальной социологической теории

Рассмотренные выше направления социологических исследований и осмысления различных форм девиантного поведения послужили основными «источниками и составными частями» социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как *специальной социологической теории.*

Хотя М.Н. Гернет по теоретико-методологическому подходу и репертуару исследуемых им социальных явлений фактически развивал социологию девиантности, однако ни он сам, ни его биографы и комментаторы не оценивают таким образом труды ученого[226]. С точки зрения В.Н. Кудрявцева, ближе всех к осмыслению отдельных проявлений девиантного поведения с более широких («девиантологи-

226. Гернет М.Н. Избранные произведения. Указ. соч. С.8-37, 614-622.

ческих») позиций подошел А.А. Герцензон в своей работе 1930 г.[227]

Ясно, однако, что реальные условия для формирования и развития социологии девиантного поведения и «социальный заказ» на нее появились в бывшем СССР лишь в период хрущевской «оттепели» и возрождения отечественной социологии. В 1971 г. вышли небольшие по объему работы двух ленинградских авторов, в заглавие которых были вынесены слова «отклоняющееся (девиантное) поведение»[228]. В них ставился вопрос о необходимости рассмотрения различных нежелательных для общества нормонарушающих проявлений с позиции более общей социологической теории, поскольку отклоняющееся поведение есть именно *социальный* феномен, различные его виды имеют общий генезис, находятся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических и социальных условий. Отмечалось значение понимания и выбора критерия (точки отсчета) «отклонения», оценки и измерения его «величины», а также - направленности. Ибо с точки зрения одного из авторов - Я. Гилинского, отклоняющееся поведение может быть как со знаком «минус» (негативное, отрицательное), так и со знаком «плюс» (позитивное - социальное, научное, техническое, художественное творчество). Эта позиция обосновывалась и отстаивалась мною во всех более поздних работах. Разумеется, в ранних отечественных публикациях отдавалось должное марксистско-ленинской трактовке предмета, содержалось много вынужденных положений (об исторической ограниченности и преходящем характере девиаций, о преимуществах социалистической системы и т. п.) и «критика» зарубежных социологов девиантного поведения за их позитивизм, психологизм, метафизичность и иные смертные грехи... Автор этих строк с искренней болью перечитывает соответствующие пассажи в своих рабо-

227. Герцензон А.А. Преступность и алкоголизм в РСФСР / ред. Г.М. Сегал и Ц.М. Фейнберг. М.: Красный печатник, 1930.

228. Гилинский Я.И. Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения». В: Преступность и ее предупреждение/ред. М. Шаргородский. ЛГУ, 1971; Он же. Отклоняющееся поведение как социальное явление//Человек и общество. Вып. VIII. ЛГУ, 1971; Здравомыслов А.Г. Методологические проблемы изучения девиантного поведения//Материалы социологического симпозиума. Ереван, 1971.

тах 70-х гг. Впрочем, и эта обязательная атрибутика тех лет не спасла меня от обвинений в том, что я «оказался в плену» буржуазных идей, что выдвигаемые мною положения имеют «чуждую нам идеологическую окраску», тогда как нам «нельзя делать уступок проникновению в какой-либо форме буржуазных идей»[229]. При этом я, пожалуй, не откажусь и сегодня от большинства *содержательных* положений своих работ сорокалетней давности.

В 70-е гг. появляется все больше трудов, посвященных проблемам формирующейся социологии девиантности (В.С. Афанасьев, А.А. Габиани, Я.И. Гилинский, В.Н. Кудрявцев, Б.М. Левин, И.В. Маточкин, Э. Раска, А.М. Яковлев и др.)[230].

Результаты первых крупных эмпирических исследований девиантного поведения отражены в ряде работ того времени[231]. В частности, следует отметить комплексное социологическое исследование социальных проблем областного центра (г. Орел), включающее позитивные и негативные девиации[232]. Хотя и в этом случае не обошлось без руки цензора (на с. 96 упомянутой книги после второй корректуры «исчезли» данные о преступности), однако впервые удалось совместить в одной монографии теоретические предпосылки, некоторые - очень ограниченные по цензурным соображениям - результаты большого эмпирического исследования (достаточно упомянуть, что, наряду с выборочным опросом населения г. Орла, был осуществлен опрос заключенных в трех исправительно-трудовых колониях на территории области, изучены материалы расследования по фактам самоубийства, проанализированы данные «открытой» и «закрытой» статистики) и все это - на фоне

229. Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 23. М.: Юридическая литература, 1975. С.11-12.

230. Помимо приводимых выше трудов А. Габиани, Я. Гилинского, В. Кудрявцева, А. Яковлева, см. также: Афанасьев В.С., Маточкин И.В. К вопросу о понятии антисоциального поведения // Вестник ЛГУ. 1979. №17, вып. 3.

231. Отклоняющееся поведение молодежи / ред. Э. Раска. Таллин: Институт истории АН ЭССР, 1979; Человек как объект социологического исследования / ред. Л. Спиридонов, Я. Гилинский. ЛГУ, 1977; Эффективность действия правовых норм / ред. А. Пашков. ЛГУ, 1977.

232. Человек как объект социологического исследования. Указ. соч.

исследования социальной стратификации и социальных перемещений.

Невозможно переоценить значение трудов В.Н. Кудрявцева в становлении, развитии и институционализации социологии девиантности[233]. Он нередко своим авторитетом «прикрывал» начинающих девиантологов от ретивых блюстителей идеологической чистоты.

В конце 70-х - начале 80-х гг. сложилось несколько исследовательских центров девиантного поведения: на базе лаборатории социологических исследований НИИ комплексных социологических исследований при Ленинградском Государственном Университете (руководители: Л. Спиридонов, затем Я. Гилинский, позднее - Ю. Суслов), сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологических исследований АН СССР (руководитель Б. Левин), Научно-исследовательская лаборатория социологии преступности МВД Грузинской ССР (руководитель А. Габиани), Лаборатория социологии девиантного поведения Тартуского Государственного Университета (руководитель Э. Раска, затем - Ю. Саар). Позднее в Ленинградском Институте социально-экономических проблем АН СССР была образована группа по изучению проблем пьянства и алкоголизма (руководитель В. Карпов). В 1989 г. ленинградские исследователи девиантности смогли, наконец, объединиться на базе вновь созданного Ленинградского филиала Института социологии АН СССР (группа, а затем и сектор социологии девиантного поведения, руководитель - В. Карпов, позднее - Я. Гилинский). Разумеется, отдельные исследования по тематике девиантного поведения на территории бывшего СССР осуществлялись и вне рамок названных учреждений (А. Лепс в Эстонии; Н. Голубкова, Л. Новикова, Д. Ротман в Белоруссии; С. Ворошилов в Молдове; А. Баимбетов в Башкирии; В. Гордин, Н. Кофырин в Ленинграде и др.).

Психологическим и социально-психологическим проблемам девиантного поведения посвящены работы Б. Бра-

233. Кудрявцев В.Н. Социологические проблемы исследования антиобщественного поведения // Социологические исследования. 1974. №1; Он же. Исследовательская проблема – социальные отклонения // Социологические исследования. 1983. №2; Он же. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982.

туся, С. Быкова, И. Горьковой, Е. Змановской, Ю. Клейберга, Е. Лабковской, И. Первовой, В. Шпалинского.

С 1988 г. выходят сборники научных статей по социологии девиантности[234]. В вузах России читается спецкурс «Социология девиантного поведения», подготовлено и издано соответствующее учебное пособие[235]. В рамках социологии девиантности начинают формироваться относительно самостоятельные научные направления: социальный контроль и социальная работа, девиантность (делинквентность) подростков[236], военная девиантология[237].

По инициативе Б. Левина, возглавлявшего секцию (комитет) социологии отклоняющегося поведения Советской социологической Ассоциации, проводились Всесоюзные конференции по проблемам социальных девиаций в Черноголовке (Московская обл., 1984), Уфе (1986), Суздале (1987), Бресте (1988), Душанбе (1989), а с 1990 г. -Международные конференции в Москве, привлекавшие большое количество зарубежных исследователей. В 1996 г. В Санкт-Петербурге состоялась Международная конференция «Девиантное поведение и социальный контроль в посттоталитарном обществе», а в 1997 г. -«Насилие в современном мире». В петер-

---

234. Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля / ред. Я. Гилинский. М.: ИС РАН, 1992; За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями). В 2-х кн. / ред. Б. Левин. М.: ИС АН СССР, 1991; За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) / ред. Б. Левин. М.: ИС РАН, 1993; Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями / ред. Б. Левин. М.: ИС АН СССР, 1988; Проблемы борьбы с девиантным поведением / ред. Б. Левин. М.: ИС АН СССР, 1989; и др.

235. Гилинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. СПб Ф ИС РАН, 1993.

236. Быков С.В. Социально-психологические детерминанты девиантного поведения подростков. Тольятти, 2003; Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. СПб.: Медицинская пресса, 2001.

237. Ворошилов С., Гилинский Я. Военная девиантология. Кишинев: АН Республики Молдова, 1994; Клепиков Д.В. Дедовщина как социальный институт. Дисс. ...канд. социологич. наук. СПб Ф ИС РАН, 1997; Вагин В.С., Клепиков Д.В. Девиантное поведение военнослужащих. СПб: ВМА, 1998; Тюриков А.Г. Регулирование девиантного поведения военнослужащих как функция военно-социальной организации. М.: ВУ, 2000; Он же. Военная девиантология: Теория, методология, библиография. М.: ВУ, 2001.

бургских конференциях принимали участие коллеги из Венгрии, Германии, Грузии, Латвии, Литвы, Польши, Франции, Швеции, Эстонии.

Вообще в 90-е гг. начинается активное взаимодействие российских и зарубежных девиантологов - участие в конференциях, совместных исследовательских проектах, в работе 29-го исследовательского комитета Международной социологической Ассоциации, включая выступления на Международных социологических Конгрессах в Билефельде (Германия, 1994), Брисбене (Австралия, 2002), Гетеборге (Швеция, 2010). Однако, это лишь первые шаги на долгом и нелегком пути вхождения в мировую науку.

С конца 90-х гг. расширяется география девиантологических центров в самой России. Хорошо известны труды *Казанского* университета[238]. Всероссийскую конференцию «Девиантология в России: история и современность» организовал в 2003 г. Тюменский Юридический институт МВД РФ. В Тюмени, а затем Казани работает автор оригинальных трудов С.Г. Ольков[239]. С 2007 г. *Краснодарский* университет МВД РФ ежегодно проводит Всероссийские научные конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения» с публикацией материалов.

Каковы же главные результаты развития отечественной социологии девиантности и социального контроля (девиантологии)?

1. Освоены достижения мировой и отечественной социологии. Из узкодисциплинарных (криминологических, наркологических, суицидологических, сексологических и пр.) исследований отдельных проявлений социальных девиаций выросла и сформировалась специальная социологическая теория - ***девиантология.*** Это позволило изучать и объяснять различные формы позитивных и негативных девиантных проявлений с общих, системных позиций, как

---

238. Салагаев А. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Указ. соч.; Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Указ. соч.

239. Ольков С.Г. Общественные болезни. Тюмень ВШ МВД, 1996; Он же. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция. Новосибирск: Наука, 1999.

проявления единых закономерностей и механизмов социального бытия[240].

2. Так называемое девиантное поведение рассматривается не как патология, а как естественный и необходимый результат эволюции социума, как *дополнительные* (в боровском смысле) конформным формы жизнедеятельности. «Отклонение» не есть объективная характеристика вполне определенных видов поведения, а лишь следствие соответствующей общественной *оценки* (конвенциальность «нормы» - «отклонения»).

3. Следовательно - и это очень важно для стратегии и тактики социального контроля! - *принципиально невозможно «искоренить», «ликвидировать», «преодолеть» негативные девиации и отдельные его виды.* Речь может идти лишь об адекватных способах и методах регулирования, управления ими (в целях оптимизации, минимизации, гармонизации и т. п.).

4. В результате многочисленных эмпирических исследований на территории бывшего СССР и современной России получены и продолжают накапливаться взаимопроверяемые, дополняющие и уточняющие друг друга сведения о состоянии, структуре, уровне и динамике различных форм девиантности. Ясно, например, в результате виктимологических опросов, что реальный уровень общеуголовной преступности в 10–15 раз выше официально регистрируемого; в 1993–94 гг. вновь начался рост латентности (неучтенности) многих видов преступлений. Существует определенная взаимосвязь между уровнем и динамикой убийств и самоубийств; вполне определенным образом меняется структура потребляемых наркотических средств; коррупция является существенным тормозом решения иных социальных проблем; требуются политические, социально-экономические меры сокращения социальной базы терроризма; и т. п.

5. Будучи порождением социально-экономических, политических, демографических, культурологических изменений, *характеристики девиантного поведения служат*

---

240. Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. Т.30. Общественные науки. №2. 1981.

важным индикатором, «зеркалом» общественного бытия и «качества» населения[241].

6. Девиантология оказывает значительное влияние на другие научные направления и дисциплины, изучающие общий объект. В трудах суицидологов, наркологов, психологов, криминологов все в большей. степени рефлексируются (с широким диапазоном оценок) идеи девиантологии (А. Амбрумова, Ю. Блувштейн, А. Долгова, А. Дьяченко, Г. Забрянский, Е. Змановская, И. Карпец, Г. Миньковский, И. Михайловская, А. Немцов, В. Номоконов, И. Пятницкая, С. Цыцарев и многие другие).

7. Результаты девиантологических исследований позволяют вырабатывать адекватную стратегию и тактику социального контроля.

8. Сложилось отечественное научное сообщество *(«невидимый колледж»)* специалистов в области социальных отклонений[242], сохранились научные связи с коллегами из «ближнего зарубежья» (прежде всего - Латвии, Литвы, Эстонии), возникли и крепнут связи со специалистами государств Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Австралии.

§ 3. Возможные перспективы

Современная Россия являет собой идеальную совокупность всех девиантогенных факторов (состояние аномии, резкая социальная и экономическая дифференциация и поляризация, экономический и политический кризис, социальная дезорганизация, «смена вех» в идеологии и т. п.). В этих тяжелых для страны условиях исследование различных форм девиантности приобретает особенную теоретическую и прикладную значимость.

---

241. Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб Ф ИС РАН, 1995; Гилинский Я.И. Девиантное поведение как одна из характеристик качества населения Петербурга. В: Качество населения Санкт-Петербурга / ред. Б. Фирсов. СПб Ф ИС РАН, 1993. С.149-161.

242. Интерактивным проявлением этого служит сайт deviantology.spb.ru

К сожалению, объективный социальный заказ не совпадает с реальной востребованностью: ни властные структуры, ни руководители науки, ни ведомства или же коммерческие структуры не предъявляют спрос на девиантологические исследования и не очень охотно реагируют на соответствующие предложения. В современных условиях это означает отток молодых талантливых специалистов из сферы научных исследований. Наиболее перспективными представляются следующие направления научно-исследовательской деятельности в рассматриваемой сфере:

‹ создание в регионах и России в целом системы мониторинга девиантных проявлений;

‹ сравнительные, *компаративистские* исследования с зарубежными партнерами по актуальным проблемам социальных девиаций (насилие, организованная преступность, наркотизация населения, его виктимность, подростково-молодежная делинквентность, коррупция);

‹ изучение девиантологических эффектов *глобализации*[243]*;*

‹ анализ девиантного поведения как *протестной реакции* в условиях социального конфликта;

‹ исследование девиантности в условиях *«общества потребления»* и мировых катаклизмов[244];

‹ изучение действующих форм *социального контроля* с точки зрения их адекватности генезису и закономерностям девиантного поведения;

‹ исследование *позитивного* девиантного поведения как возможной альтернативы негативным его проявлениям (проблема канализирования социального недовольства и протеста).

Как структурную часть, элемент социологического знания (социологии) девиантологию ожидают, по-видимому, новации, связанные с эволюцией общесоциологических теорий и методологии. Так, очевидна волна широкого применения *качественных* методов в эмпирических исследованиях.

---

243. См.: Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006.

244. См: Девиантность в обществе потребления / ред. Я Гилинский и Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012.

Современная глобалистика (У. Бек, И. Уоллерстейн и др.) - лишнее подтверждение наших представлений о необходимости исследовать социальные закономерности, социальные девиации и девиантное поведение в контексте более общих процессов эволюции мира и социума.

Идеи постмодернизма, постматериализма, постматериалистических ценностей (Р. Инглехарт и др.) и соответствующие кросс-культурные исследования не могут не затронуть глубинные пласты девиантологических концепций и представлений о дозволенном - недозволенном, нормальном - отклоняющемся, о релятивности и конвенциональности девиаций.

Глава 6. Генезис девиантности

Нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же «причины», действующие на один и тот же «объект», обязательно должны порождать одни и те же следствия.
Н. Моисеев

§1. Общие основания объяснения девиантности

В предыдущих главах были продемонстрированы многочисленные и, конечно же, далеко не все попытки ответить на вопрос о причинах существования и функционирования в обществе девиантного поведения. В этой главе будет представлена авторская позиция, столь же относительная и далекая от Истины, как и все прочие.

С моей точки зрения, не существует какой бы то ни было единой (пусть «интегративной» или «синтетической») и специфической причины девиантности как социального феномена в силу следующих обстоятельств.

1. Причинно-следственная связь – лишь одна из форм взаимосвязей и взаимозависимостей между элементами целого, системы, причем связь достаточно жесткая и более или менее отчетливо выделяемая лишь на уровне относительно простых, механических систем. Уже биологические, а тем более социальные системы и протекающие в них процессы столь сложны, вероятностны, нелинейны, стохастичны, что выделить «причину – следствие» оказывается принципиально невозможно. В этом отношении социальные процессы «ближе» квантовой физике, нежели классической механике.

2. Социальные девиации, о чем уже говорилось, - искусственный социальный конструкт, не имеющий качественной определенности в реальной действительности. Нельзя найти специфическую причину конструкта, причудливо меняющегося во времени и пространстве по воле законодателя, власти или общественного мнения.

3. Проявления девиантности столь различны по содержанию – преступность и самоубийства, злоупотребление алкоголем и коррупция, наркотизм и терроризм, сексуальные «отклонения» и нарушение традиций – что, конечно же, нет и не может быть какой-то единой порождающей их причины.

4. Вероятно, имеются обстоятельства *(факторы),* наличие которых делает более или менее *вероятным* девиантное поведение, а уж какую оно примет форму – чаще всего зависит от случайности или индивидуальных особенностей субъекта. Вообще случайность в современной науке играет неизмеримо большую объяснительную роль, нежели причинность, жесткая детерминированность[245].

Вместе с тем, оставить девиантность без каких бы то ни было объяснений – значит отказаться от девиантологии как науки. Разрешение кризисной ситуации – за новой, «сумасшедшей» теорией, которая вышла бы за пределы существующих парадигм (и потому первоначально была бы категорически отвергнута…)[246]. Пока же таковая не появилась (это задача молодых исследователей, не отягощенных грузом накопленных знаний[247]), поразмышляем над некоторыми факторами, влияющими на состояние, уровень, структуру, динамику девиантных проявлений.

Как всякое социальное явление (процесс) девиантность не может быть объяснена «из себя самой», а лишь с позиции социального целого – общества, чью субстанцию образует совокупность общественных отношений. Многие

---

245. Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999; Моисеев Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998; Синергетика и методы науки / ред. М.А. Басин. СПб.: Наука, 1998.

246. Подробнее см.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

247. «Важные открытия в конкретных науках почти всегда делали посторонние люди или ученые с необычным складом мышления» (Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С.135).

методологические трудности при изучении преступности, пьянства, наркотизма, самоубийств возникают вследствие попытки их исследовать и объяснить как самостоятельные, изолированные феномены. Между тем каждое из этих (и других) социальных явлений, будучи в конечном счете порождением общественной субстанции, социального целого, общества – вплетено в систему общественных отношений данного социума и «переплетено» с иными социальными феноменами, процессами.

Конечно, можно извлечь из арсенала девиантологии множество факторов, так или иначе воздействующих на состояние и динамику девиантного поведения. Это и экономические факторы (от цены на хлеб или на нефть до децильного коэффициента и индекса Джини), и социально-демографические (пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность и др.), и культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии), и даже космические (корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств, воровства и солнечной активностью, фазами луны[248]). В результате факторного анализа можно определить и относительный «вес» каждого фактора в «девиантогенном комплексе» отдельных видов девиантности.

Однако более глубоким нам представляется отыскание «ведущего звена» в «девиантогенном комплексе», объясняющем различные проявления девиантности. Другая задача – попытаться объяснить, какие факторы при наличии этого «ведущего звена», «разводят» различные формы девиантности (почему при наличии одних и тех же социальных условий некоторые люди совершают преступления, другие спиваются, третьи кончают жизнь самоубийством, а кто-то «уходит» в научное, техническое, художественное творчество).

Девиантность проявляется через действия, поступки людей. Между тем, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических или витальных (в пище при чувстве

248. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. С.350-405, 623

голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); духовных или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей распределены относительно равномерно (в современном развитом обществе люди нуждаются в качественных продуктах питания, чистом воздухе, просторном жилище с водоснабжением и отоплением, в интересной работе, в разнообразном отдыхе и т.д.) и имеют тенденцию к возрастанию (возвышению и расширению). А возможности удовлетворения потребностей – различны, неравны. И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит *социально-экономическое неравенство,* занятие индивидом различных, неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения *(можно говорить о едином социально-экономическом статусе)* индивида в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.

Социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная и т.п.). Средняя – самая значительная по объему часть – «средний класс», который, в свою очередь, согласно международной классификации, включает верхний средний класс, средний средний класс и нижний средний класс. В основании пирамиды, в ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники, так называемый «младший обслуживающий персонал»). За пределами официальной социальной структуры (а иногда в самом ее низу – все зависит от точки

зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгои (бездомные, длительное время безработные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т.п.). Совершенно очевидно, что чем ближе к верхушке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее индивид, тем больше возможностей по удовлетворению потребностей, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем меньше таких возможностей. При этом распределение индивидов по тем или иным социальным позициям («местам») обусловлено, прежде всего не зависящими от них (индивидов) факторами – социальным происхождением, принадлежностью к определенному классу, слою, группе, и лишь во вторую очередь – личными способностями, дарованием, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый простой американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается. В современном обществе одним из важнейших дифференцирующих признаков является наличие высшего образования. Как заметил однажды Т. Парсонс, человечество делится на две неравные части: окончивших колледж, и тех, кто его не заканчивал. Между тем, стартовые возможности выпускника российской сельской школы и элитной московской гимназии различны, также как стартовые возможности выходца из рабочей или профессорской семьи. Относительная жесткость социальной структуры, ограниченность социальной мобильности в условиях советского государства были эмпирически показаны и количественно оценены в одном из исследований 70-х гг. с нашим участием[249]. А все партийно-советские идеологические славословия по поводу «гегемона» - рабочего класса и чиновников – «слуг народа» меркнут перед анекдотами по поводу «гегемона» и предсмертной запиской рабочего Р., покончившего жизнь самоубийством, своему сыну: «Сашенька!.. Шагни дальше отца насколько можешь

249. См.: Человек как объект социологического исследования/ред. Л.И. Спиридонов, Я.И. Гилинский. Л.: ЛГУ, 1977. С. 170-191.

выше отца по социальной лестнице» (сохранен синтаксис подлинника – Я.Г.).

Социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда, значение которого для развития общества трудно переоценить. При этом для наших целей следует отметить ряд обстоятельств.

Во-первых, одним из важнейших критериев развития системы (в нашем случае - общества), повышения уровня ее организованности служит *дифференциация,* усложнение структуры, повышение разнообразия составляющих ее элементов. Это особенно важно напомнить сегодня, когда советские завораживающие стереотипы казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия преодолены не до конца. Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. Вообще дифференциация *общества как следствие углубляющегося разделения труда* есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия («принцип Расплаты»!). Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обусловливает и социально-экономическое неравенство, различия (и весьма существенные) в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать *зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции, принимающие форму различных девиаций.* «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»[250].

Во-вторых, главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а *степень различий,* «разрыва» в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это в свое время обратил

250. Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С.375.

внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно»[251]. Так что по-своему правы были наследники К. Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР и выпуская за его пределы только самых проверенных, надежных, «идейных» или зависимых. Об этом же говорил наш соотечественник Питирим Сорокин: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества.... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия»[252]. Не так ли чувствуют себя многие наши соотечественники, оказавшись среди бутиков, ресторанов, иномарок в Москве или Петербурге?

Социальная неудовлетворенность, а, следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе – незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными – по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности (когда происходила ломка «перед лицом смерти всех иерар-

251. Маркс К. Наемный труд и капитал. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6. С. 446.

252. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.273.

хических перегородок»[253]), наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств[254].

На роль социально-экономического неравенства в генезисе девиантности, включая преступность, обращали внимание еще в XIX в. Так, по мнению Ф. Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений.... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений»[255]. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами»[256]. С точки зрения А. Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить всех своих потребностей ведет к преступлению»[257].

Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества»[258].

Интересные результаты были получены в исследовании под руководством А.Б. Сахарова социальных условий в двух регионах России: «было установлено, что более неблагополучное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальных доход и т.д.) лучше, но зато значительнее контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп. В то же время в регионе с меньшим уровнем преступности материальные усло-

---

253. Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981. С.198.

254. Гернет М.Н. Избранные произведения. С. 306-310, 449-459; Podgórecki A. Patalogia źjcia spolecznego. Warszawa, 1969.

255. Гернет М.Н. Там же. С. 111.

256. Там же. С.119.

257. Там же. С.375.

258. Белл Д. Преступление как американский образ жизни. В: Социология преступности. Указ. соч. С.267.

вия жизни были хотя и несколько хуже, но более однородны и равномерны. Иными словами, состояние преступности коррелировалось не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности: с размером, остротой этого различия»[259]. Исследование преступности в динамике за ряд лет подтвердило зависимость уровня преступности от увеличения/уменьшения разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения. Степень неравенства, разрыва между элитой и аутсайдерами отчасти оценивается такими экономическими показателями как фондовый или децильный коэффициент дифференциации (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения) и коэффициент концентрации доходов – индекс Джини.

Резкое социально-экономическое неравенство выступает вообще важнейшим девиантогенным фактором, обусловливающим повышенный уровень и убийств, и самоубийств, и алкоголизации населения. Эмпирически этот факт подтвержден рядом исследований С. Олькова, И. Скифского, Э. Юзихановой[260] и др. Так, например, было выявлено, как с ростом показателей экономического неравенства - децильного коэффициента и индекса Джини (исчисляется от 0 до 1, чем выше индекс Джини, тем больше неравенство) – растет количество (и уровень) убийств и самоубийств (см. Табл. 6. 1).

Поэтому, в-третьих, все более тревожным и девиантогенным представляется наблюдающееся с конца XX в. углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» *(inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» *(exclusion)* появилось во французской социоло-

259. Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / ред. А.Б. Сахаров. М., 1979. С.29-30.

260. Ольков Г.С. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004. №8; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень Вектор Бук, 2007; Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах российской Федерации. Тюмень: ТЮИ МВД, 2007.

годы	Коэффициент Джини в РФ	Количество зарегистрированных убийств (тыс.)	Количество зарегистрированных самоубийств (тыс.)
1990	0.218	15.6	39.2
1991	0.260	16.2	39.4
1992	0.318	23.0	46.1
1993	0.398	29.2	56.1
1994	0.409	32.3	61.9
1995	0.381	31.7	61.0
1996	0.375	29.4	57.0
1997	0.381	29.3	55.0
1998	0.398	29.6	51.8
1999	0.394	31.1	57.3

Таблица. 6.1. Зависимость между показателями неравенства и количеством убийств и самоубийств (Ольков С.Г., 2004)

гии в середине 60-х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими[261]. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что феномен «исключения» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей[262]. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «Рост благосостояния

261. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140-156.

262. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»[263].

Процесс «inclusion/exclusion» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (нынешнего - Я.Г.) столетия примет метакод включения / исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»[264].

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны «отстали навсегда»!... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих

263. Погам С. Указ. соч. С.147.

264. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94-108.

«золотому миллиарду»»[265]. Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»?... По классификации Уоллерстайна (Центр, Периферия, Полупериферия), Россия относилась к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии»[266], все быстрее откатывается на Периферию.

Совершенно очевидны социальные следствия процесса «включения/ исключения». ***Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.).*** Так, «отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным, лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией»[267]. Неудивительно, что мировая девиантология и криминология активно обсуждают «inclusive/exclusive», как один из источников девиантного поведения[268]. Не следует, правда, забывать, что и гении, прославившие человечество, нередко происходили из числа «исключенных» (по экономическому, социальному статусу, этнической принадлежности)[269].

Итак, с нашей точки зрения, важным (важнейшим!) девиантогенным фактором служит *противоречие* («напряжение», strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, степень социально-экономической дифференциации и неравенства.

Для полноты картины нельзя не сказать, что социальная дифференциация, социально-экономическое неравенство и наличие аутсайдеров, «исключенных» служат... источ-

---

265. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С.360, 447.

266. Pro et Contra. Проблемы глобализации. 1999. Т.4, №4. С. 227

267. Погам С. Указ. соч. С.150.

268. Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999; Гилинский Я. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб., 2009.

269. См., например: Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли. М.: Прогресс, 1967; Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия. В 2-х томах. М.: Прогресс, 1992.

никами прогресса и двигателями истории. Действительно, существование социальных групп разной степени удовлетворенности наличным бытием, конкуренция, рынок труда (с неизбежно присущей ему безработицей – «исключенными»), вообще разнообразие социальных слоев, групп с различными интересами (добиться большего, удержать свои позиции, переменить условия жизни к лучшему) и обеспечивают *изменения,* развитие производства, экономики, культуры, в том числе - *через позитивные девиации.* Всеобщее «равенство» приводит к стагнации, прекращению изменений и, в конечном итоге, к гибели общества (всеобщее равенство достижимо лишь на кладбище).

Девиантность, порождаемая противоречием между потребностями массы людей и неравенством возможностей их удовлетворения, может проявляться как в негативных формах (преступность, наркотизм, пьянство и т.п.), так и в позитивных – социальное, научное, техническое, художественное творчество (вспомним реформаторов и «мятежников» Р. Мертона, «героев и еретиков» Б. Данэма). Ибо и те, и другие девиации служат средством («годным» или «негодным») разрешения противоречия, изменения социальной структуры (вертикальная социальная мобильность). Другой вопрос – соотношение, пропорции негативных и позитивных девиаций. Преобладание позитивных (творчество) ведет к прогрессу общества, разгул негативных – к его деградации.

§2. Место индивида в обществе – «трамплин» к девиантному поведению

Из вышесказанного ясно, что *вероятность* девиантных поступков неодинакова для различных социально-демографических групп. Так что статистически (отнюдь не фатально для каждого конкретного представителя той или иной группы!) мы можем говорить об *относительно* большем или меньшем «риске» девиантных проявлений.

Рассмотрим это подробнее.

Гендер

Для понимания гендерных различий девиантного поведения нелишними будут соображения о причинах большей девиантной активности мужчин.

Порожденная общественным разделением труда социальная дифференциация и сопутствующее ей социально-экономическое неравенство лежат в основе противоречий интересов людей, занимающих различные позиции в социальной структуре, в основе межклассовых, межэтнических, межконфессиональных, межгрупповых конфликтов. Однако истоки таких противоречий и конфликтов можно найти еще в естественном, демографическом разделении людей – по полу, возрасту, этнической принадлежности.

Различным было положение женщины на разных этапах человеческой истории и в различных обществах. Несомненен то затухающий, то вспыхивающий «конфликт полов». Так, еще в первобытном обществе мужские тайные союзы выступали как «весьма действенное средство насильственного утверждения в обществе мужского господства и подавления женской части населения»[270]. Да и сейчас, по мнению некоторых исследователей, «взаимные обвинения полов... становятся все ожесточеннее и относятся не только к стилю одежды или внешнего поведения, они затрагивают суть личности современной женщины или мужчины»[271].

В целом на протяжении истории положение женщины в производственной, экономической, политической и – как следствие – в семейно-бытовой сфере было, как правило, зависимым, подчиненным. Первоначальное – естественное разделение полов, вызванное их различными функциями в процессе воспроизводства человеческого рода, получило свое социальное «оформление» в виде многовекового подчиненного положения женщины. Это продолжительное социальное неравенство не может не сказываться и тогда,

---

270. История первобытного общества. Эпоха классообразования М.: Наука, 1988. С. 238.

271. Токарева Е.К. Узы брака и узы свободы // Социологические исследования, 1987. №2. С.86. См. также: Воронина О.Ф. Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. 1988. №2. С.104-110; Ушакова В.К. Гинекоцентризм против андроцентризма // Социологические исследования.1985. №1.С. 167-171.

когда во всех развитых странах победили женская эмансипация и юридическое равноправие полов (и даже преувеличенное подчеркивание равенства и женского равноправия, например, в США, свидетельствует о стоящем исторически, «за спиной» не совсем равенстве...). Не может оно не сказаться и на различной интенсивности девиантных проявлений мужчин и женщин.

Говоря о природных, естественных различиях между полами, значимых для поведенческих реакций, нетрудно составить некоторый перечень: например, женщины физически слабее (оставим в стороне «исключения» – сильных женщин и слабых мужчин), более эмоциональны и импульсивны, более впечатлительны, в определенные, физиологически обусловленные периоды жизни неустойчивость их психических реакций может усиливаться и т.п. Однако представляется, что есть более глубокие, фундаментальные биологические различия, обусловливающие принципиально различное место мужчины и женщины в обществе, в системе общественных отношений и, соответственно, существенно разную *стратегию* их жизнедеятельности (и общественно значимого поведения).

Эти фундаментальные различия изучил и последовательно обосновал В.А. Геодакян в связи с более общей проблемой полового диморфизма и его роли в эволюции живых существ[272].

Здесь я должен извиниться перед читателями за предстоящий довольно продолжительный экскурс в область, казалось бы далекую от девиантологии. Но изложенные выше методологические *принципы универсальности законов мироздания и универсальности общенаучных методов познания действительности* пусть послужат мне в оправдание.

Суть концепции В.А. Геодакяна состоит в том, что в процессе биологической эволюции формируется половой диморфизм, т.е. «раздвоение» биологических видов на мужские и женские особи. При этом дифференциация полов

272. Геодакян В.А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник 1986. М.: Наука, 1987. С. 355-376. В статье имеется библиография, включающая еще 14 работ автора, развивающих его концепцию полового диморфизма.

оказывается «выгодной», адаптивной формой информационного контакта со средой, обеспечивающего специализацию по двум главным направлениям эволюции: *сохранения и изменения.*

Существование любой системы мироздания (физической, биологической, социальной) представляет собой двуединый процесс сохранения и изменения (сохранения через изменения). Прекращение изменений системы в условиях постоянно изменяющейся среды означает, в конце концов, гибель системы как таковой. В едином процессе самодвижения, самоорганизации материи, мироздания совершенствуются механизмы адаптации (приспособляемости), «выживаемости» систем, в том числе путем повышения уровня их организованности. Биологические системы несравнимо «выше» (сложнее) по степени организованности, чем физические, а социальные – выше, сложнее, нежели биологические системы. Повышение уровня организованности (уменьшение энтропии системы, рост негэнтропии) сопровождается дифференциацией систем (живые организмы и их сообщества значительно дифференцированнее физических систем, а социальные организмы – общества – более дифференцированы, чем биологические). При этом чем «выше», организованнее система (животное, популяция, общество), тем оно дифференцированнее. Дифференциация полов, по В.А. Геодакяну, лишь проявление более общего «принципа сопряженности подсистем»: «любая адаптивная, следящая система, эволюционирующая в изменчивой среде, дифференцируясь на две сопряженные подсистемы, специализированные по консервативным и оперативным аспектам эволюции, повышают свою устойчивость в целом»[273].

Применительно к рассматриваемым вопросам полового диморфизма, эволюционной роли полов это означает, что *женский* пол обеспечивает *сохранение* генофонда, потомства, популяции, отбор и закрепление адаптационно полезных свойств. Образ женщины как «хранительницы домашнего очага» приобретает не только историческое обоснование (женщины берегли, поддерживали огонь, ког-

273. Геодакян В.А. (1987) Указ. соч. С. 361.

да мужчины уходили на охоту), но и биологическое, эволюционное.

Мужской же пол «отвечает» за *изменения,* эволюционные преобразования путем поиска, проб и – ошибок… Вот почему у мужчин выше поисковая активность, исследовательский инстинкт, рискованность поступков. Вот почему «все профессии, виды спорта, игры, хобби сначала осваивали мужчины, потом женщины. Даже социальные пороки (пьянство, курение, наркомания, азартные игры, преступность) были присущи вначале мужчинам, потом включались женщины»[274]. Но уж то, что оказалось полезным, адаптивным для выживания, сохранения, благополучия семьи и рода, женщины выполняют лучше, совершеннее мужчин. Кстати говоря, мужской пол расплачивается за свою роль авангарда биологической эволюции и социальных изменений… пониженной жизнеспособностью. Так что объективно «слабым» полом является мужской, а не женский. Продолжительность жизни – важнейший индикатор «качества жизни». Так вот, сегодня в мире продолжительность жизни женщин в среднем на 4 года больше, чем мужчин, а в России – на 13-14 лет![275]

Итак, инновационная «миссия» мужчин (вообще – самцов, не следует забывать, что концепция В.А. Геодакяна распространяется на весь мир живого), их повышенная поисковая активность, более широкий разброс поведенческих форм, включая рискованные в самом широком смысле слова (от альпинизма и мотогонок до наркотиков и преступлений), составляют биологические предпосылки большей, по сравнению с женщинами (самками) амплитуды *девиаций* (отклонений) в поведении от признаваемой обществом «нормы». В.А. Геодакян в цитируемой работе называет это «двумя зонами патологии», «плюс и минус отклонениями от нормы». Мне представляется предпочтительным говорить о *позитивных и негативных девиациях*. Как бы то ни было, но мужчины относительно активнее как в социаль-

---

274. Геодакян В.А. (1987) Указ. соч. С. 369.

275. Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад / ред. А.Г. Вишневский. М.: Университет, 2002. С.99.

ном творчестве, так и в социальной «патологии». Женщины же «нормальнее», гармоничнее в своей жизнедеятельности.

Возраст

Чем объясняется повышенная криминальная, «наркотическая» и вообще девиантная активность подростков и молодежи?

Возраст, взятый сам по себе, отражает лишь длительность индивидуального существования. Однако все природные свойства человека (включая пол, возраст, этническую принадлежность, интеллектуальные и физические характеристики) опосредованы обществом, системой общественных отношений. Нормативность/девиантность поведения существенно зависит от степени социализации индивида, степени его включенности в общественные отношения.

Социализация индивида, как функция общества, состоит в том, что оно, во-первых, предоставляет своим членам определенный набор социальных позиций (в сферах экономики, труда, политики, образования, быта и досуга). Во-вторых, формирует (путем воспитания, образования) свойства, необходимые для замещения этих позиций и перемещения по ним (карьера). В-третьих, определяет механизм распределения и перераспределения индивидов по социальным позициям[276].

Ясно, что степень социализированности зависит, помимо иных многочисленных факторов, от *стадий* социализации, прохождения индивидом различных возрастных фаз развития[277].

Молодость – это период бурного расцвета всех сил и способностей человека: интеллектуальных, физических, волевых, эмоциональных. «Акме» («пик» расцвета) деятелей науки и искусства приходится, как правило, на молодые

---

276. Спиридонов Л.И. Социализация индивида как функция общества // Человек и общество. Вып.IX. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С.3-43.

277. См., например: Гилинский Я. Стадии социализации индивида // Человек и общество. Вып. IX. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 44-55; Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.

годы: до 30 лет у химиков, 23 года у математиков, 32-33 года у физиков, около 30 лет у изобретателей, 20-25 лет в хореографии, около 35 лет – в области музыкального и поэтического творчества[278]. Еще раньше проявляются спортивные таланты. Вместе с тем, на молодые годы приходится и «пик» негативных девиаций.

Нет каких-то особых, специфических «причин» девиантности подростков и молодежи. Но социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным группам (стратам), своеобразно проявляется применительно к подросткам и молодежи.

Во-первых, во всех обществах понятия «старший» и «младший» означают не только возрастные, но и статусные различия. «Понятие «старшинства» имеет не только описательное, но и ценностное, социально-статусное значение, обозначая некоторое неравенство или, по меньшей мере, ассиметрию прав и обязанностей. Во всех языках понятие «младший» указывает не только на возраст, но и на зависимый, подчиненный статус»[279]. Различия возрастные оборачиваются социальным неравенством.

В российском обществе дети, подростки, молодежь страдают не только от непонятости, заброшенности, репрессивных мер «воспитания», но и от неравенства положения, неравенства шансов – по сравнению со взрослыми – получить жилье, работу, вознаграждение за нее, защитить свои интересы. Подростки отличаются не только повышенной девиантностью, но и повышенной *виктимностью* (способностью стать жертвой).

Во-вторых, противоречия между наличными (и постоянно растущими) потребностями людей и неравными возможностями их удовлетворения приобретают особенно острый характер применительно к подросткам и молодежи. Бурное развитие их физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желание самоутвердиться в мире взрослых вступает в противоречие с недостаточной оциальной

278. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

279. Кон И. Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988. С.85.

зрелостью, отсутствием профессионального и жизненного опыта, невысокой квалификацией (или отсутствием таковой), а, следовательно, и невысоким (неопределенным, маргинальным) статусом.

В-третьих, применительно к подросткам остро стоит проблема «канализирования» энергии, социальной активности в общественно одобряемом или хотя бы допустимом направлении, ибо молодость особенно нуждается в социальном признании, самоутверждении опять же при недостаточных возможностях. Неудовлетворенная потребность в *самоутверждении* приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве (что достаточно сложно), но и в негативных формах активности («комплекс Герострата») – насилии, преступлениях (что «проще») или же приводит к ретретизму, «уходу» - в алкоголь, наркотики, из жизни.

Фундаментальное противоречие между потребностями и возможностями, названное выше, может быть конкретизировано применительно к несовершеннолетним в современном российском обществе, как, например, это делает Г.И. Забрянский[280]:

‹ противоречие между целями, к которым общество призывает стремиться подростков, и теми легальными возможностями, которые оно им предоставляет для их достижения;

‹ противоречие между расширением возможностей выбора в различных сферах жизнедеятельности и сужением легальных средств реализации этих возможностей;

‹ противоречие между расширением потребностей в квалифицированном, престижном и высокооплачиваемом труде и ограниченными возможностями их удовлетворения;

‹ противоречие между стремлением к богатству и ощущением невозможности его достижения легальными способами;

‹ противоречие между необходимостью усиления социальной и правовой защиты несовершеннолетних и ограниченными материальными возможностями общества.

---

280. Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997. С.77.

Будучи непонятыми взрослыми, подростки объединяются в группы, образуют подростковую *субкультуру* со своими ценностями, нормами, интересами, языком (сленгом), символами, которая далеко не всегда отличается законопослушностью.

Если под *культурой* понимать специфически человеческий *способ жизнедеятельности*, обеспечивающий социальное наследование[281], а под *образом жизни* – относительно устойчивые, типичные для конкретного общества (группы, класса) формы жизнедеятельности, то сообщества с преобладанием ценностей, норм, образцов поведения, отличных от господствующих в обществе («общепринятых») образуют *ценностно-нормативные субкультуры* (богемную, наркотическую, религиозно-культовую, криминальную и др.).

Субкультура формируется в результате интеграции людей, чьи взгляды, деятельность и образ жизни противостоят (не соответствуют) господствующим в обществе или провозглашаемым и принимаемым им, а потому им отвергаются (порицаются, преследуются). *Социально-экономические предпосылки* образования субкультур – социальная неоднородность, неравенство, несправедливость, «социальная неустроенность» индивидов[282]. *Социально-психологические* факторы формирования субкультурных сообществ – потребность людей в объединении, психологическая защита, потребность быть «понятым», самоутверждение среди себе подобных. «Вообще они бегут не «куда», а «откуда». От нас они бегут, из нашего мира они бегут в свой мир… Мир этот не похож на наш и не может быть похож, потому что создается вопреки нашему, наоборот от нашего и в укор нашему. Мы этот их мир ненавидим и во всем виним, а винить-то надо нам самих себя»[283].

Субкультурные сообщества тем более сплочены и от-

---

281. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М.: Наука, 1983.

282. Под «социальной неустроенностью» нами понимается несоответствие между личностными свойствами, характеристиками индивида и требованиями занимаемой им социальной позиции (мещанин во дворянстве, дурак в министерском кресле, талант в роли истопника или сторожа…).

283. Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность, 1988. №6.С.31.

личны от господствующей культуры, чем более жестко и категорически ею отвергаются. Поэтому, например, группа наркоманов интегрирована больше, чем компания алкоголиков, но меньше, чем криминальная или тюремная субкультуры.

Подростковая субкультура и делинквентная или криминальная подростковая субкультуры не одно и то же. Так, например, подростковой субкультуре в целом могут быть присущи некоторые общие языковые особенности, относительно негативное или настороженное отношение ко взрослым, предпочитаемые виды досуговой деятельности (дискотеки, «тусовки» и др.), одежды, даже питания и напитков. Делинквентная (или девиантная) субкультуры неоднородны. Так, Р. Клауорд и Л. Оулин различают ретретистскую (чаще всего – наркотическую), конфликтную и преступную субкультуры[284].

Раса (этническая принадлежность)

В бывшем Советском Союзе идеология «дружбы и братства всех народов» (хорошая по сути, но не отражавшая реальной действительности) исключала статистические наблюдения и исследования зависимости уровня и структуры девиантных проявлений от этнической принадлежности лиц, их совершивших[285]. Эта традиция перешла и к современной России. Создалась довольно сложная ситуация. С одной стороны, знание этнического состава девиантов небезразлично для девиантологии, профилактики негативных девиаций и развития позитивных. С другой стороны, многочисленные этнические конфликты на территории России и бывшего СССР, сформировавшееся предубеждение по отношению к «лицам кавказской национальности» могут лишь подогреваться публикуемыми сведениями о неодинаковой девиантной активности представителей различных этносов.

---

284. Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С.334-354.

285. Одно из немногих исключений – исследования в быв. Эстонской ССР: Лепс А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин, 1981.

При этом вряд ли население в целом, да и некоторые представители правоохранительных органов будут разбираться в «тонкостях»: повышенная «девиантность» зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесенными, по разным причинам, в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни «коренного населения»; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются «на заработок» в другие страны и регионы наиболее активные – молодые мужчины, чья «повышенная» девиантность рассмотрена выше.

Процесс глобализации, повышенная миграция населения, приток в традиционно «русские» регионы мигрантов из республик Северного Кавказа, государств Средней Азии обострил межэтнические отношения в России, привел к росту ксенофобии, «преступлений ненависти» *(Hate crimes)*[286].

В зарубежной девиантологии, особенно американской, исследованиям этнического состава преступников, лиц, страдающих наркоманией, алкоголизмом уделяется большое внимание[287].

Класс

Из ранее сказанного ясно, что «класс», т.е. принадлежность индивида к той или иной социальной группе – классу, страте, слою, касте, иначе говоря – социально-экономический статус, существенно определяет вероятность тех или иных девиаций. Но, во-первых, только *вероятность* (а не необходимость). Во-вторых, нет какого бы то ни было «специального» «девиантного» класса (группы). Идея «опасного класса» *(«dangerous class»)* родилась в западной девиантологии и криминологии на основе некритического анализа официальной статистики: большинство «общеуголовных» или «уличных» преступлений *(street crimes)* совершали

286. Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005; Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identit Politics. Oxford University Press, 1998.

287. Bryant C. (Ed.) Ibid. Vol. IV.

представители низших страт[288]. Очень высокая латентность «беловоротничковой» преступности *(white-collar crime)* – экономической, коррупционной, экологической, селективность полиции и уголовной юстиции - не позволяют в полной мере оценить масштабы преступлений представителей высших страт, не говоря уже о других видах девиантности – потреблении «престижных» наркотиков (кокаина), злоупотреблении алкоголем, нарушении моральных норм и т.п.

Интересные данные о распределении различных преступлений между разными группами населения в Австрии, Германии, России, Франции приводил еще М.Н. Гернет в работе 1914 г.[289] Один из его выводов: «Класс состоятельных, не зависимо от профессионального состава, обнаруживая такую склонность к мошенничествам, чувствует отвращение к таким нарушениям права собственности, при совершении которых преступник действует открыто, смело и дерзко... Эта психологическая особенность преступности богатых, всегда предпочитающих совершить преступление при помощи менее грубых способов, но вместе с тем и более изощренных, с соблюдением внешнего декорума приличия, и во всяком случае втихомолку, обнаруживается даже в убийствах с корыстною целью: рабочий превращается в разбойника, экспроприатора, состоятельный – в отравителя: один прибегает к ножу, другой к шприцу врача, к бокалу вина»[290].

Точно также и различные виды позитивных девиаций в разной степени распределены по стратам.

§3. Механизм индивидуального девиантного поведения

А на уровне индивидуального поведения события раз-

288. См.: Gilinskiy Y. The Underclass in Today's Russia. In: A Dangerous Class: Scotland and St. Petersburg: Life on the Margin. Edinburgh, [1998], pp. 99-108.

289. Гернет М.Н. Избранные произведения. Указ. соч. С. 277-287.

290. Там же. С.283.

ворачиваются следующим образом[291]. Противоречие между наличными потребностями индивида и реальными возможностями их удовлетворения, нередко воспринимаемое как неизбежное, оправданное («всяк сверчок знай свой шесток»), а то и неосознаваемое, может актуализироваться и усугубляться несоответствием объективных личностных свойств индивида (интеллектуальный уровень, физические, волевые и эмоциональные характеристики, образование, профессия, квалификация и т.п.) требованиям занимаемой социальной позиции – *«социальной неустроенностью»*[292].

Социальная неустроенность вероятна, когда индивид занимает позицию «ниже» своих объективных возможностей (примеры из недавнего прошлого: талантливый человек - художник, поэт, ученый на должности сторожа, истопника), «выше» своих возможностей (посредственность в министерском кресле) или же находится «вне» официальной структуры общества. Во всех этих случаях наблюдается, очевидно, и «рассогласование статусов», предложенное Л.И. Спиридоновым в качестве причины покушения индивида на существующий порядок[293]. Возможно также, что личностные особенности и занимаемая социальная позиция совпадают (малообразованный, малоквалифицированный, с не очень высокими интеллектуальными задатками человек работает подсобным рабочим), но сама позиция является «устаревшей», «пережиточной», отмирающей в условиях развитого общества.

Социальная неустроенность может не осознаваться индивидом или, будучи осознана, проявляться психологически как *неудовлетворенность*. Индивид, находящийся в состоянии социальной неустроенности, будет стараться преодолеть ее – либо активной «позитивной» деятельностью (повышение образовательного и профессионального уровня, приобретение второй профессией, овладение ино-

---

291. См. также: Грошева И.А. Социологический анализ механизмов формирования девиантного поведения личности. Тюмень, 2006.

292. Гилинский Я.И. Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения. В: Актуальные проблемы социального планирования. Иркутск, 1975. С. 244-252; Человек как объект социологического исследования. Указ. соч. С.89-90.

293. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л.: ЛГУ. 1973. С. 167.

странными языками, изобретательство, рационализаторство и т.п.), либо активной нежелательной для общества деятельностью, в частности преступной. Не сумев активно преодолеть неустроенность (мертоновская «двойная неудача»), индивид может либо смириться, либо найти утешение в алкоголе, наркотиках, либо решиться на самоубийство.

Социальная неустроенность (в случае занятия индивидом позиции выше его объективных данных), а также безграничность социальных и идеальных потребностей, их принципиальная «неутолимость» объясняют, с моей точки зрения, и «беловоротничковую», элитную преступность. В случае нахождения на позиции выше своих объективных возможностей чиновник высокого ранга, менеджер, иной руководитель будут предпринимать усилия, чтобы сохранить позицию, а то и подняться выше, используя все доступные, в том числе нелегальные, способы (подкуп, подлог, устранение конкурентов и т.п.). Кроме того, и среди тех, у кого «все есть», существуют непонятные для «простых людей» конкуренция, зависть, соперничество, приводящие к «престижному», избыточному потреблению, так хорошо описанному Т. Вебленом[294]. Следует, однако, заметить, что неуемное стремление к наживе и избыточное потребление присущи не лучшим представителям элиты. Неразумное сверхпотребительство «верхов», обеспечиваемое нелегальными, чаще всего в ущерб остальному населению, средствами, рано или поздно может обернуться против них: «Чем больше неимущие группы сомневаются в законности существующего распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они должны будут разжечь конфликт»[295]. При этом «чем более жесткой является социальная структура, тем меньше в ней будет институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность, тем острее будет конфликт»[296]. К сожалению, представители современной российской власти нередко забывают об этом…

В отечественной литературе нередко потребности под-

294. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

295. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. С.167.

296. Там же. С.169.

разделяют на нормальные или естественные и ненормальные или извращенные. После чего утверждается, что в основе криминального поведения обычно лежат извращенные *потребности.* Представляется, что такое деление излишне аксиологично и недостаточно корректно. Потребности «нейтральны», они не могут оцениваться как «хорошие» (естественные) или «плохие» (извращенные). *Способы, средства* их удовлетворения могут признаваться желательными, допустимыми или недопустимыми, с точки зрения общества, государства. Очевидно любая, самая «естественная» потребность может быть удовлетворена с помощью как легальных, так и нелегальных средств (продукты в случае голода можно купить, попросить или украсть; для отдыха, снятия напряжения можно пойти погулять, поплавать, почитать книгу или же напиться и учинить драку). «Не существует потребностей хороших и плохих, низших и высших, разумных и неразумных. Все основные потребности органически присущи каждому человеку: их нельзя ни уничтожить, ни искусственно насадить. Разумными и неразумными, возвышенными и низменными могут быть только формы удовлетворения этих потребностей»[297].

Особое девиантологическое значение имеют социальные потребности (точнее, их неудовлетворенность, нужда) – в статусе, престиже, самоутверждении. Витальные потребности, во-первых, ограничены, «конечны», имеют естественный предел (сытому человеку не надо думать о еде), во-вторых, в современных развитых странах относительно легко удовлетворяются. Социальные же и духовные потребности безграничны, для их удовлетворения требуется больше сил, возможностей, благоприятных условий. Между тем, именно неудовлетворенные социальные потребности, в частности, в самоутверждении нередко приводят к преступному насилию или же к ретретистским формам девиантного поведения. Несвершение, нереализованная потребность в самоутверждении приводит в конечном итоге к фрустрации[298], кризису личности, девиантным проявлениям.

---

297. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987. С. 216.

298. Фрустрация – психическое состояние тревоги, дискомфорта, напряженности в случаях, когда человек не может ни достигнуть желаемого, ни отказаться от него.

Нелишне заметить, что роль «социальных» потребностей велика и в детерминации поведения стадных животных. Так, среди них идет борьба за «статус», ранг, положение в «обществе» себе подобных. «Высокий ранг в группе обеспечивает преимущественный доступ к пище, местам отдыха и самкам»[299] (почти как у людей…). В ряде случаев ранг определяется с момента рождения. Когда вылупливаются цыплята домашней куры, они сразу же «определяют» свой ранг. Цыпленок первого (высшего) ранга впредь может клевать всех братьев и сестер, его же – никто из них. Цыпленок второго ранга может клевать всех остальных, кроме цыпленка первого ранга, и т.д. (американские исследователи используют понятие «теория клевков» - кто кого вправе «клевать» в человеческом обществе). В других случаях ранг зависит от «социального происхождения»: «У резусов (порода обезьян – Я.Г.) сыновья высокоранговых матерей имеют шанс занять более высокий ранг»[300]. Экспериментально было показано, что если в стаде обезьян самца первого ранга начать кормить после других членов семейства, пусть также обильно и вкусно, как он привык, он проявляет все признаки стресса, фрустрации, невроза вплоть до инфаркта миокарда[301].

Не меньшее значение имеет потребность в «знаниях», «информации», «самоутверждении» животных, проявляющаяся как в борьбе за статус (ранг), так и в повышенной поисковой активности некоторых особей («исследователей», «первопроходцев», «пионеров»). Так, в семействе крыс, помещенных в идеальные условия с изобилием пищи, наличием тепла, света, мягкой подстилки («крысиный рай»), всегда находились особи (примерно одна треть), которые не довольствовались столь санаторно-курортными условиями и в поисках неведомого устремлялись в темные, холодные, полные опасности территории «крысиного ада» (примыкающие к «раю»), получали там удары током, повреждения острыми предметами, но, передохнув в «раю», вновь и

299. Симонов П.В. Мотивированный мозг. Указ. соч. С. 33.

300. Там же. С.33.

301. Большой теоретический и эмпирический материал содержится в вышеназванной книге П.В. Симонова.

вновь упорно отправлялись «на разведку» в «ад». Как тут ни вспомнить покорителей горных вершин, полюсов Земли, глубин океана и просто мотогонщиков.

Изложенные соображения позволяют придти к выводу о профилактических возможностях «канализирования» социальной активности в социально приемлемых формах (идея «баланса социальной активности» и возможности «канализирования» активности были мною высказаны еще в 70-80-х гг.[302]). Так, «в зависимости от способов и средств удовлетворения присущая подростку потребность занять определенное место в группе сверстников, утвердить себя среди других, а, следовательно, и в своих собственных глазах может трансформироваться в общественно полезную деятельность – учебу, изобретательство, спорт и т.п. или в хулиганские действия, кажущиеся «немотивированными»»[303]. Вот почему «первейшая задача воспитания заключается в таком канализировании потребностей, которое способствовало бы максимальному раскрытию способностей личности, ее развитию... Канализация удовлетворения потребностей в желательном для общества направлении достигается двумя путями: 1) непосредственным воздействием на сознание и подсознание субъекта с помощью имитационнного воспроизведения поведенческих эталонов и 2) через вооружение субъекта социально ценными способами и средства удовлетворения его потребностей»[304].

Мы рассмотрели более или менее вероятные источники («девиантогенный комплекс») девиантности и девиантного поведения. Остается прояснить вопрос, почему одни и те же девиантогенные факторы оборачиваются то преступлением, то самоубийством, то уходом в алкоголь или наркотики. И здесь нам придется от социетального уровня спуститься

---

302. Гилинский Я.И. Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения. В: Актуальные проблемы социального планирования. Иркутск, 1975. С. 244-252; Человек как объект социологического исследования. Л.: ЛГУ, 1977. С.103; Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. Т.30. №2. 1981. С. 134-143.

303. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984. С.66.

304. Симонов П.В. Мотивированный мозг. Указ соч. С. 216.

на уровень личностный, индивидуальной психологии (не забывая и о роли Его Величества Случая).

Итальянский писатель Ч. Павезе, покончивший жизнь самоубийством, как-то заметил: «Самоубийцы – робкие убийцы». Иначе говоря, при наличии одной и той же конфликтной ситуации «робкий» убьет себя, «храбрый» - другого. Как поведет себя тот или иной конкретный индивид под воздействием определенных обстоятельств («социальной неустроенности», например) в значительной степени зависит от комплекса личностных особенностей: характера, темперамента, интеллектуальных, волевых, эмоциональных особенностей, условий социализации, воспитания, образовательного уровня и т.п. «Разведение» убийств и самоубийств по полярным психологическим типам было эмпирически подтверждено исследованием А.Г. Амбрумовой и А.Р. Ратинова, о чем речь пойдет в гл. 12.

Сказанное относится в равной степени и к генезису позитивных девиаций, творчества. Ж.-П. Сартр писал: «Гений не дар, но выход, который придумывают в отчаянных случаях»[305]. Как поведет себя человек в «отчаянных случаях» (сделает открытие, или сопьется, или пырнет кого-нибудь ножом) - зависит от множества обстоятельств. А вот еще возможные «варианты» исхода в тяжелой жизненной ситуации: «говорят: если бог хочет сделать гения, он берет десяток талантливых и – бросает в огонь для закалки, как кувалдой, бьет их горем по голове, истязает всячески. Расчет у мудрого господа прост: трое – свихнутся, трое – сопьются, трое – удавятся, а один – авось да выдюжит, и получится из него – Достоевский!»[306]. Напомним, кстати, что Ф.М. Достоевский был приговорен к смертной казни по делу петрашевцев (1849) с последующей заменой наказания.

И все же тонкие механизмы разведения различных форм девиантности на личностном уровне, взятые в массе, позволяют находить определенные социальные закономерности. Некоторые эмпирические данные «разведения» преступлений, самоубийств, алкоголизма во времени

305. Цит. по: Филиппов Л.И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М.: Наука, 1977. С. 258.

306. Бородай Ю. Психоанализ и «массовое искусство». В: «Массовая культура» - иллюзии и действительность. М.: Наука, 1975. С. 181-182.

и пространстве города были получены нами еще в 70-е гг.[307] Более поздний сравнительный анализ смертности от убийств и самоубийств в различных странах привел автора к гипотезе о зависимости соотношения уровня (в расчете на 100 000 жителей) убийств к уровню самоубийств от степени «цивилизованности/социальности» общества. Общий вывод – чем цивилизованнее общество, тем ниже значение этого показателя («индекса насилия»)[308]. Иначе говоря, граждане цивилизованного общества в критических ситуациях скорее убьют себя, чем другого.

Остается еще раз напомнить, что проблема генезиса преступности и иных форм девиантности чрезвычайно сложна и все высказанное в этой главе – скорее «информация для размышления», нежели ответ на вопрос.

---

307. Человек как объект социологического исследования. Указ. соч. С.103; Эффективность действия правовых норм / ред. А.С. Пашков и др. Л.: ЛГУ, 1977. С. 98-100.

308. Гилинский Я.И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. Т.IV. №2. С. 127-128.

ЧАСТЬ III. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ДЕВИАНТНОСТИ

В этой части мы рассмотрим некоторые традиционные и относительно новые проявления девиантности. К сожалению, большая часть будет посвящена *негативным* девиациям. И не потому, что их «больше», а лишь поскольку они всегда беспокоили общество, государство, интересовали ученых. *Позитивные девиации* – различные виды творчества не были предметом столь пристального внимания. Мы сможем только отчасти восполнить эту явную несправедливость.

Кроме того, еще раз напомним: девиантность в целом и ее элементы суть социальные конструкции. Мы вынуждены рассматривать как девиантность по сути лишь то, что в современном христианском мире, христианской цивилизации (в основном - Европа, Северная и Южная Америка, Австралия) признается девиантным. В других культурах, других цивилизациях наши «девиации» могут восприниматься как норма, а «их» девиации – нормальны для нас. Оставляю в стороне проблему различных оценок тех или иных поведенческих форм многочисленными субкультурами и индивидами (включая ученых) *внутри* одной цивилизации (культуры).

Глава 7. Преступность

Преступность - нормальное явление
потому, что общество без преступности
совершенно невозможно
Э. Дюркгейм

Преступность – наиболее опасный и наиболее изученный вид девиантности. Именно *криминология* – наука, изучающая преступность и преступление, преступника и его жертву, преступление и наказание, наиболее развитая часть девиантологии. Многие проблемы девиантологии «обкатывались» и «оттачивались» на примере преступности. Авторские взгляды на предмет криминологии, а также анализ основных видов преступности подробно представлены в книге 2009 г., к которой мы и отсылаем заинтересованного читателя[1]. Ниже будут рассмотрены лишь наиболее принципиальные положения и характеристики, относящиеся к преступности в целом.

§1. Понятие преступности

Преступность – центральное понятие криминологии. Но, как нередко бывает в науке, - наименее ясное и определенное.

Зарубежные криминологи уходят от определения этого понятия, ограничиваясь определением *преступления* как поведенческого акта, нарушающего уголовно-правовой запрет *(«behavior which is prohibited by the criminal code»)*, или же констатируют три основных подхода к пониманию преступности (преступления): *легалистский* (преступно то,

1. Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.

что запрещено законом), *социальной реакции* (преступно то, что осуждается обществом, государством, за что назначается наказание) и *критический* (не согласный с двумя названными)[2]. Schmalleger в книге 2002 г. приводит ряд определений преступлений в зависимости от «профессионального» подхода: юридическое определение («Преступление есть нарушение закона»), *политическое* («Преступления суть акты, воспринимаемые властью как прямая или косвенная угроза ее интересам»), *социологическое* («Преступление есть такой антисоциальный акт, который естественно вызывает репрессию или предполагает необходимость защиты существующей социальной системы») и *психологическое* определение («Преступление есть форма социального неумения приспособиться к окружающей среде, которое может быть определено как более или менее резко выраженные затруднения, которые индивид испытывает при реагировании на влияние/стимулы своего окружения»)[3].

Кроме того, в современной криминологии подчеркивается неопределенность и многозначность понятия «преступление». Так, преступление может рассматриваться как: форма нормального поведения; нарушение поведенческих норм; нарушение уголовного закона; форма девиантного поведения; поведение, определяемое законом; всеми осуждаемое поведение; идеологическое осуждение; нарушение прав человека; социальный вред; форма неравенства; ограничение возможности инакодействия; историческое изобретение; социальный конструкт[4].

В отечественной литературе долгие годы господствовало понимание преступности как «исторически преходящего социально-правового явления классового общества,

---

2. Barlow H., Kauzlarich D. Introduction to Criminology. Prentice Hall: Upper Saddle River, 2002, pp.7-8; Brown S., Esbensen F-A., Geis G. Criminology: Explaining Crime and its Context. Third Edition. Anderson Publishing Co., 1998, pp.17-23; De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996, pp.31-63; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Ibid., 1998, pp.13-35; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179-337.

3. Schmalleger F. Criminology Today. An Integrative Introduction. Third Edition. Prentice-Hall, Upper Saddle River, NJ, 2002, p.16.

4. Barak G. (1998). Ibid. P.22; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) (1996) Ibid. pp.12-17.

представляющего собой совокупность всех преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени»[5]. В этом определении все вызывает сомнение: и «преходящий» характер преступности, и привязанность к классовому обществу, и определение социального явления через совокупность индивидуальных поведенческих актов. За последние годы появились более корректные подходы: «преступность – отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущие негативные для общества и людей последствия, и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ней»[6]. В целом это вполне приемлемое определение, если бы ни одно «но»: попробуйте подставить в это определение вместо слова «преступность» слова «пьянство», или «наркотизм», или «коррупция»... Поставили? Подходит? Но тогда такое определение не специфично именно для преступности.

Более социологичны определения представителей ленинградской – санкт-петербургской криминологической школы: «Преступность – это момент, состояние социального организма... Преступность как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма»[7]. И: «свойство общества воспроизводить множество опасных для человека деяний, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов»[8]. Однако, как мне кажется, и в этих определениях, правильно отражающих социальную

---

5. См., например: Криминология / ред. Б.В. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М.: Юридическая литература, 1988. С. 63.

6. Криминология / ред. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е Криминология. М.: Юристъ, 1997. С.22.

7. Спиридонов Л.И. Криминологический факт и его оценка. В: Криминология и уголовная политика. М.: ИГиПАН СССР, 1985. С.21; Он же. В русле социологического подхода. В: Отклоняющееся поведение молодежи. Таллин: Институт истории АН Эст. ССР, 1979. С.3-4.

8. Шестаков Д.А. Криминология: Краткий курс. СПБ.: Лань, 2001. С.72.

природу, сущность преступности, отсутствует указание на ее *специфичность.*

Случайно ли ни отечественные, ни зарубежные криминологи не выработали «правильного» определения главного предмета своих исследований? Конечно же, нет. Преступность – сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ (в отличие, например, от наркотизма, пьянства, самоубийств) и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: 1) «общественной опасности», реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом *(nullum crimen sine lege* – нет преступлений без указания о том в законе). Обсудим эту тему.

Очевидно, что в различных странах и в разное время существенно различен круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной стране – преступление, в другой не признается таковым. То, что преступным было вчера (например, добровольный гомосексуализм взрослых партнеров – ст.121 УК РСФСР 1960 г., бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни – ст.209 УК РСФСР) – непреступно (декриминализировано) сегодня, и наоборот (легализация денежных средств или иного имущества, приобретенное другими лицами преступным путем – ст.174 УК РФ 1996 г., фиктивное банкротство – ст.197 УК РФ).

В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se. Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), *конвенциональные* («договорные», как «договорятся» законодатели), они суть – социальные *конструкты,* лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т.п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления не что иное как *конструкции*, более или менее ис-

кусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия[9]. «Рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные "реальности"»[10]. И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще... Древнему Риму *(ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими западными учеными. Выше, в гл.1, приводилось мнение германских криминологов Х. Хесса и С. Шеерера о том, что преступность - мыслительная конструкция, она почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковый конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»[11].

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность не* существует в природе, это выдумка *(invented*) людей», - пишет М. Робинсон[12].

Н.Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных про-

---

9. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.

10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С.11.

11. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N10, pp.63-80.

12. Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004, p.2.

цессов[13]. А отсюда казалось бы парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (Crime does not exist)[14].

Поскольку основным побудителем всех человеческих действий являются потребности, точнее – неудовлетворенные потребности – нужда, постольку основными вопросами криминологии окажутся:

1. Какие потребности существуют у современных людей?

2. Какие легальные возможности удовлетворения потребностей предоставляет современное общество современным людям?

3. Какие средства и способы удовлетворения потребностей признаются современным государством недопустимыми, в том числе – преступными, и почему?

Как заметил в 1983 г. В. Коган, «преступление, независимо от его вида, образуется соединением побуждения, которое само по себе непреступно, с операцией, которая сама по себе непреступна, если такое соединение причиняет вред либо создает угрозу объектам, поставленным в связи с их социальной ценностью под уголовно-правовую охрану, и при этом запрещено уголовным правом»[15].

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, преступности в частности, совершенно произвольно. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный *вред*, наносят *ущерб,* а потому *негативно* воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом, государством. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний не причиняют вреда другим, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление

13. Christie N. A suitable Amount of Crime. L.-NY.: Routledge, 2004, pp. 10-11.

14. Christie N. Ibid., p.1.

15. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983. С.89.

наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта[16].

Канадский криминолог John Hagan рассматривает девиации и преступления как «континуум (протяженность) вариаций» *(«continuous variable»).* Он попытался проранжировать степень воспринимаемой населением опасности, тяжести различных видов «отклонений» и получил шкалу от «прогулов 16-летних школьников» (0,2 балла) и «бродяжничества» (0,3 балла) до «изнасилования» (52,8 балла) и «закладывания бомбы в общественное здание, в результате взрыва которой погибло 20 человек» (72,1 балла)[17]. Сколько баллов «достаточно», чтобы признать отклонение преступлением? О континуальном характере поведения людей – от позитивного через нейтральное к негативному, включая преступное, говорится и в других современных трудах по криминологии[18]. Нет природных, естественных границ, отделяющих преступное поведение от непреступного. Эти границы устанавливаются законодателем, а потому они искусственны, относительны, *конвенциональны.*

О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что, согласно букве уголовного закона большинства современных государств, включая Россию, 100% взрослого населения оказываются уголовными преступниками. Кто, например, в России ни разу не оскорбил кого либо – ст.130 УК РФ[19], или не ударил кого либо, причинив физическую боль – ст.116 УК РФ, или не уклонился от уплаты налога – ст.198 УК РФ и т.п.? Но и в других странах ситуация не лучше. Так, по результатам нескольких опросов населения в США, от 91% до 100% респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон

16, Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965. См. также: Криминология / ред. Дж. Шели . СПб.: Питер, 2003. С.287-318.

17. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. NY: McGraw Hill, 1985.

18. См., например: Ellis L., Walsh A. Criminology. A Global Perspective. Allyn and Bacon, 2000, pp.4,15-17

19. В настоящее время это «преступление» вполне обоснованно декриминализировано.

признает преступлением (данные Уоллерстайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает *преступность как порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть.*

Ясно, что правовые (в том числе – уголовно-правовые) нормы и их реализация (что не всегда одно и то же) непосредственно зависят от политического режима[20].

Объективная сложность логического определения преступности и состоит, очевидно, в том, что она «конструируется» по двум разным основаниям, лежащим в разных плоскостях: реальный (онтологический, объективный) *вред* и «указание о том в законе», криминализированность, которая всегда является результатом *субъективной воли* законодателя. На это обстоятельство обратил внимание В.Е. Жеребкин еще в 1976 г. Он заметил, что одни признаки понятия «преступление» являются материальными, субстанциальными (общественная опасность или, более корректно – вред), тогда как другие – формальны, несубстанциальны (противоправность, указание в уголовном законе). Сам В.Е. Жеребкин так определяет эти два признака: *«Материальный признак* – это такой признак, который присущ предмету как таковому, является субстанциальным, имманентным его свойством. Это признак объективный, существующий независимо от субъекта познания (законодателя) и до него.

Формальный признак – это признак не субстанциальный, он не принадлежит предмету действительности, не является его имманентным свойством. Этим признаком реальный предмет наделяется субъектом познания (законодателем)»[21]. Однако отечественные криминологи, кажется, прошли мимо этих рассуждений.

Исходя из представлений о преступности как частном случае девиантности, предложим следующее определение:

---

20. Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С.39-65.

21. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. С.37.

преступность - относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе[22].

Аналогичное определение преступлений было предложено Дж. Хаганом: «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом»[23]. Разумеется, наше определение тоже «хромает», носит рабочий характер и не претендует на «правильность».

Преступность как социальный феномен характеризуется рядом свойств:

‹ *массовость,* распространенность;

‹ относительная статистическая *устойчивость;* изменения носят «плавный» и закономерный характер;

‹ историческая *изменчивость* – при этом речь идет не только (не столько) о зависимости конструкта «преступность» от воли законодателя, сколько о закономерных изменениях структуры преступности, ее качественных особенностей (например, групповая преступность была всегда, организованная – продукт XX в., заказные убийства были всегда, появление профессии киллера – одно из «новшеств»);

‹ *иррегулярность* – отдельные преступления, как элементы статистической совокупности, совершаются независимо друг от друга.

Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость – все эти свойства преступности заставляют думать о преступности как культурном феномене, как элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Повторимся: нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание *культуры как способа человеческого существования, способа человеческой деятельности.* Культура включает также объективированные результаты

---

22. Гилинский Я., Афанасьев В., 1993. Указ. соч. С.75; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): Тенденции и социологической осмысление/ ред. Я. Гилинский. 2000 . Указ. соч. С. 79.

23. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. NY: McGraw-Hill.1985. p.49.

этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Для нашей темы важно, что при таком – не аксиологическом (ценностном) - понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые, не только «образцы культуры» со знаком «+», но и со знаком « - ». В культуру входят способы технического, научного, художественного творчества, но и способы взлома квартиры (с помощью «фомки» или «слоника» или путем отжима ригеля), нормы христианской (вообще религиозной или же светской) морали, но и нормы воровской культуры (субкультуры), не только лучшие образцы мирового зодчества, но и надписи на заборах...

Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), «которую оно заслуживает», а корректнее - которая соответствует культуре данного общества, является ее элементом. В современных странах Западной Европы вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах соответствующей «информационной» культуры. В российскую культуру традиционно интегрирована культура «блатная», тюремная (от знаменитых «Гоп-со-смыком» и «Мурки» до творчества С. Есенина, В. Высоцкого, А. Галича и др.)[24]. Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий (перестать встречаться, «выяснить отношения», вызвать на дуэль, покончить жизнь самоубийством, напиться, украсть, поменять место работы и др.). Культурно обусловлены не только характер и способы совершения преступлений, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание. К этому мы вернемся в IV части книги.

24. См., например: Черный ворон (песни дворов и улиц). СПб.: Пенаты, 1996.

§2. Основные характеристики (показатели) преступности

Любое изучение и описание преступности или же ее отдельных видов, равно как любых иных проявлений девиантности, требует количественных показателей. *Измерение преступности* – одна из главных исследовательских задач зарубежной криминологии[25]. Проблемность этой задачи объясняется рядом факторов.

1. Как мы заметили выше, уголовное законодательство большинства современных государств сконструировано таким образом, что практически все или почти все взрослые граждане в течение жизни совершают преступления, да и не единожды (все граждане – преступники-рецидивисты...). Этот феномен можно обозначить как *избыточность уголовного закона*. Понятно, что регистрируется лишь незначительная часть всех совершаемых «преступлений» (привычный образ – «надводная часть айсберга»). Незарегистрированное большинство преступлений носит название *латентной* преступности и о ней речь пойдет ниже. Ясно, что выявление и оценка масштабов латентной преступности – задача не из легких.

2. Иногда утверждают, что зарегистрированная (учтенная) преступность «представительна» для всей совокупности. И в зарегистрированной преступности отражается целое как в капле воды. Но насколько мы можем доверять представительности (репрезентативности) учтенной преступности? Ведь что и как регистрируется зависит от активности населения (насколько оно, включая жертв преступлений, сообщает в органы, регистрирующие преступления, о таковых), от активности полиции (насколько она полно и точно регистрирует все факты преступлений, ставших ей

25. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Pentice Hall, Upper Saddle River, 1997, pp. 51-83; Brown S., Esbensen F.-A., Geis G. (1998) Ibid. pp.79-124; De Keseredy W., Schwartz M. (1996) Ibid. pp. 109-150; Lanier M., Henry S. (1998) Ibid. pp. 36-62; Muncie J., McLaughlin E. (1996) Ibid. pp. 19-41; Sheley J. (Ed.) Criminology: A Contemporary Handbook. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000, pp.56-83; Tierney J. Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996, pp. 24-43; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 241-301.

известными), от государственной политики (что именно, с точки зрения властей, является главным объектом «борьбы с преступностью»), от характера преступлений (всегда ли населению и полиции становятся известны факты мошенничества, экологических преступлений, фальсификации товаров и услуг?). Во всем мире хорошо известна селективность (избирательность) полиции и уголовной юстиции при выявлении, регистрации и раскрытии преступлений: наиболее полно учитываются так называемые «street crimes» (уличные или «общеуголовные» преступления) и «не замечается» преступность «респектабельная», «элитарная», «беловоротничковая» *(white-collar crime)*[26]. По образному выражению A. Liazos, «борьба» ведется преимущественно с *«nuts, sluts and perverts»* (с пьяницами, опустившимися, извращенцами)[27]. И тогда пойманные полицией и осужденные судом *«nuts, sluts and perverts»* - лишь «козлы отпущения», призванные демонстрировать успехи борьбы с преступностью.

3. Уголовное законодательство различных стран и в разное время признает преступными существенно различные деяния. Как сравнивать, сопоставлять при этом криминальную ситуацию и ее динамику?

В современных развитых странах существует несколько взаимодополняющих систем учета совершаемых преступлений.

Прежде всего, это *официальная* полицейская (прокурорская, судебная) *статистика*. Используемая во всех странах, она формируется по разным критериям: по числу арестов подозреваемых, по числу возбужденных уголовных дел, по числу зарегистрированных преступлений (последний вариант принят и в современной России). Иногда за основу берутся не все зарегистрированные преступления, а наиболее опасные или распространенные. Так, в США публикуются сведения ФБР об «индексной преступности» (Uniform Crime Reports - UCR), в состав которой входят убийства, изнаси-

26. Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. NY: St. Martin's Press, 1985; Podgor E. White Collar Crime in a Nutshell. St. Paul (Minn.): West Publishing Co, 1993.

27. Liazos A. The Poverty of the Sociology of Deviance: nuts, sluts and perverts // Social Problems. 1972. 20, pp.102-120.

лования, разбойные нападения, грабежи, берглэри (burglary – вторжение в чужое жилище с преступными намерениями), кражи (на сумму свыше $50), кражи автотранспортных средств. Достаточно полные сведения о преступности (в целом и по видам, по федеральным землям, по городам с населением свыше 100 тыс. жителей, о лицах, совершивших преступления, о жертвах и многое другое) публикуются в ФРГ[28]. Впрочем, и во многих других западноевропейских странах сведения о преступности публикуются полно, открыто и наглядно (цветные графики, диаграммы и т.п.)[29]. Сравнительные статистические данные по десяткам стран имеются в отчетах ООН, ее управлений (например, UNODC – United Nations Office on Drugs and Crime, Вена) и институтах (например, HEUNI, Хельсинки)[30].

Home Office Великобритании - департамент, ответственный за иммиграционный контроль, безопасность и порядок, а также за правительственную политику по вопросам безопасности, наркотиков, борьбы с терроризмом – ежегодно выпускает бюллетени (под неизменной редакцией профессора Gordon Barclay) международной уголовной статистики[31].

В СССР вся уголовная статистика была засекречена. Первые, крайне убогие сведения начали публиковаться с 1987 г. в ежегодных статистических сборниках «СССР в цифрах». Первый относительно полный статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» вышел в 1990 г. и содержал наиболее общие сведения с 1961 г., а по отдельным преступлениям с 1980 г[32]. По понятным при-

---

28. См., например: Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004. Bundeskriminalamt. Wiesbaden, 2005.

29. См., например: The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. London, 2000. 18/00.

30. См., например: Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999; Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010.

31. См., например: Barclay G., Tavares C. and all. (Eds.) International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003. October, 2003.

32. Преступность и правонарушения в СССР. 1989. М.: Юридическая литература, 1990

чинам общесоюзные сборники прекратили свое существование уже в 1991 г., но с 1992 г. стали публиковаться российские ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения»[33]. Если выпуски до 1992 г. включительно поступали в открытую продажу, то уже с 1993 г. их приходится «доставать». То же самое относится к кратким ежемесячным и ежегодным справочникам МВД РФ «Состояние преступности в России». Есть и другие источники статистической информации, в частности, публикуемые в изданиях Криминологической ассоциации (Москва), в трудах отечественных криминологов, но эти данные носят вторичный, производный характер.

Поскольку официальные полицейские статистические данные заведомо страдают существенной неполнотой, они дополняются проводимыми во многих странах *виктимологическими опросами* населения (victimology survey). Суть последних – анонимный репрезентативный (представительный) опрос жителей о том, были ли они лично или члены их семьи жертвами преступлений за определенный предшествующий опросу промежуток времени (за год, полугодие, квартал) и если – да, то каких именно. В США результаты такого рода опросов (National Crime Victimization Survey – NCVS) образуют второй важнейший источник сведений о преступности, наряду со статистикой ФБР, а сравнения данных UCR и NCVS – предмет криминологических исследований[34].

К сожалению, в России никогда не проводились национальные (федеральные) виктимологические опросы, а региональные – лишь в незначительном количестве регионов и нерегулярно. И, пожалуй, самое главное - региональные виктимологические опросы если и проводятся, то по различным методикам, а потому их результаты не сопоставимы. Я могу сослаться лишь на относительно систематические виктимологические опросы населения Санкт-Петербурга, проводимые с моим участием начиная с 1989 г.,

---

33. См., например: Преступность и правонарушения 2003-2007. Статистический сборник. М.: МВД РФ, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2008.

34. Например: Sheley J. Criminology. Wadsworth, 2000. pp. 60-79.

причем с 1999 г. по единым методикам, принятым в США[35].

Третьим способом измерения масштабов преступности является метод *самоотчета (Self-Report Survey)*. Он заключается в анонимном анкетном репрезентативном опросе населения с целью выяснить: совершал ли опрашиваемый (респондент) какие-либо уголовно-наказуемые деяния за определенный прошедший период времени. Достаточно распространенный за рубежом, этот метод почти не применяется в России (мне известен лишь один такой опрос, проведенный с моим участием в Санкт-Петербурге в середине 90-х годов).

Существуют и иные национальные или региональные исследования, направленные на решение частных задач (определение уровня насильственных преступлений в регионе, степени латентности тех или иных преступлений и т.п.). Так, в США хорошо известны национальные исследования молодежи *(National Survey of Youth),* позволяющие уточнить состояние молодежной преступности.

Какие же основные *показатели* характеризуют ситуацию с преступностью (по этим же показателям можно «считать» и описывать все иные виды девиантности)?

1. *Объем* преступности – абсолютное количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени. Например, объем преступности в России в 2011 г. составил 2404807 зарегистрированных преступлений.

2. *Уровень* преступности – количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени, в расчете на какое-либо количество жителей этой же территории (обычно – в расчете на

35. Результаты частично опубликованы в: Afanasyev V., Gilinskij Y., Golbert V. Social Changes and Crime in St. Petersburg. In: Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg. 1997. pp.162-181; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб.: СПБ Ф ИС РАН, 1999.; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет – 2) СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2000; Сравнительное социологическое исследование « Население и милиция в большом городе» (Отчет – 3). СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2001; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет – 4). СПб, 2002; Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal, 2005, Vol.6, N 4.

100000 человек, хотя возможен расчет и на 100000, и на 1000 человек). Нередко уровень преступности рассчитывается на 100000 жителей, достигших возраста наступления уголовной ответственности (в России – с 14 лет).

Уровень преступности на 100000 человек населения выражается коэффициентом, который рассчитывается по формуле:

$$K = \frac{n \times 105}{N}, \text{ где}$$

K – коэффициент преступности,

n – количество зарегистрированных на определенной территории за определенное время преступлений,

N - численность населения (или численность населения в возрасте с 14 лет) на этой же территории.

Например, мы знаем, что объем преступности в России в 2011 г. составил 2404807. Уровень, рассчитанный по вышеприведенной методике, составил 1694.

Коэффициент преступности (как показатель ее уровня) позволяет сравнивать состояние преступности в различных странах и регионах.

3. *Структура* преступности – внутренний состав преступности *по видам преступлений* (в 2011 г. краж в России было зарегистрировано 43,2% от всех преступлений, разбоев и грабежей – 6,1%, тяжких преступлений против личности – 2,4 %, преступлений экономической направленности – 8,4%, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков – 8,9%, иных преступлений – 30,9%), или *по социально-демографическому составу* лиц, совершивших преступления (в 2011 г. в России женская преступность составила 15,3%, мужская – 84,7%; преступность несовершеннолетних – 6,3%, взрослая преступность – 93,7%), или *по иному основанию.*

Доля каждого структурного элемента преступности исчисляется в процентах и обычно называется удельным весом (так, в наших примерах *удельный вес* краж был 43,2%, удельный вес женской преступности – 15,3%).

4. *Динамика* преступности – изменение вышеназванных показателей (объем, уровень, структура) во времени. Например, динамика уровня преступности (на 100000 человек

населения) в России с 1999 по 2011 гг.: 1999 – 2051,4; 2000 – 2028,3; 2001 – 2045,6; 2002 – 1760, 5; 2003 – 1926,2; 2004 – 2007,2; 2005 -2477,6; 2006 – 2700,7; 2007 – 2519,0; 2008 – 2260,0; 2009 – 2110,0: 2010 – 1852,0; 2011 – 1694,0[36].

5. *Иные показатели.* Помимо четырех вышеназванных основных показателей в криминологии применяются многочисленные другие количественные характеристики преступности, отдельных видов преступлений, лиц, совершивших преступления: индекс *судимости* (число лиц, осужденных к уголовным наказаниям по вступившим в законную силу приговорам, на определенной территории за определенный промежуток времени в расчете на 100000 жителей); индекс *латентности* преступности (отношение незарегистрированного объема преступности к зарегистрированной ее части); коэффициент *криминальной активности* (отношение определенной социально-демографической группы населения в числе лиц, совершивших преступления, к доле это же группы в населении); уровень *раскрываемости* преступлений (отношение раскрытых преступлений к зарегистрированным); уровень *виктимности* (отношение доли определенной социально-демографической группы населения в числе жертв преступлений к доле этой группы в населении) и другие, а также интегративные показатели, учитывающие одновременно количество преступлений, их тяжесть и другие характеристики[37].

6. Наконец еще одно понятие, характеризующее преступность. Это – ее состояние. Обычно под состоянием преступности понимается ее обобщенная характеристика, включающая объем, уровень, структуру, динамику, латентность, причиненный ущерб и т.п., то есть общая характеристика криминальной ситуации на определенной территории в определенное время, место, а также значение

---

36. Криминологический журнал Байкальского института экономики и права. 2002, №1. С.95-96; Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012, №1.

37. Подробнее см.: Забрянский Г.И. Методика статистического изучения преступности (введение в криминологическую статистику). М., 2010; Коган В.М. Социальные свойства преступности. М.: Академия МВД СССР, 1977. С.37-44; Криминология: Учебное пособие М.: ИНФРА.М-НОРМА, 1997. С.23-26, 47-99; Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. М.: Юристъ, 1995.

преступности в числе социальных проблем. Однако в отечественной криминологической литературе прошлых лет под состоянием преступности нередко понималось то, что сегодня чаще называется объемом.

§3. Латентная преступность

Под латентной преступностью *(англ. «dark number», нем. «dunkel Ziffer», «темное число»)* понимается ее незарегистрированная часть. Рассмотрим эту проблему подробнее.

В связи с распространенной избыточностью уголовно-правового закона, а также с учетом реальных возможностей полиции и уголовной юстиции подавляющее большинство деяний, формально подпадающих под действие уголовного закона, остаются неучтенными, незарегистрированными. Более того, известно, что из числа зарегистрированных раскрывается не более половины, из которых доходят до суда еще меньше, а осуждается меньшее число лиц, нежели предстает перед судом. Это – так называемая «воронка» уголовной юстиции, которая не может «переварить» даже все зарегистрированные преступления. Так, например, в 2009 г. в России было рассмотрено 22788829 заявлений о совершенных преступлениях, зарегистрировано 2994820 преступлений, выявлено лиц, совершивших преступления - 1219789 человека, осуждено по приговорам, вступившим в законную силу – 882288 человек.

Различают три основных вида причин латентности преступлений.

Естественная латентность, когда органам, регистрирующим преступления, не известно о них.

Чаще всего это бывает потому, что потерпевшие от преступлений не сообщают о них. Так, по результатам нашего опроса населения Санкт-Петербурга, в 2001 г. не обратились в милицию свыше 73% жертв преступлений. Причины отказа от обращения: «милиция ничего не стала бы делать» и «бессилие милиции» – свыше 23% (от числа не обратившихся), отсутствие или незначительность ущерба – 10%,

отсутствие доказательств и неизвестность подозреваемого – 18%, иные причины – свыше 48%. Нередко потерпевшие не знают, о том, что они стали жертвами преступления (при экологических преступлениях, в результате фальсификации продуктов питания и др.).

Искусственная латентность – когда правоохранительным органам стало известно о факте преступления, но они его не регистрируют.

Искусственная латентность приобретает массовый характер в тоталитарных и авторитарных государствах. Причины – скрыть от населения истинные масштабы преступности, борьба за «честь мундира», желание «выслужиться» (чем «меньше» преступлений, тем «лучше» работает полиция), а то и выполнение прямого приказа «сверху». Так, очень высокая искусственная латентность была в СССР до 1983 г. В 1983 г. одним из поводов для снятия Н. Щелокова с поста министра внутренних дел послужили «вскрытые» Генеральной прокуратурой (как будто об этом раньше не было известно!) массовые случаи сокрытия преступлений от регистрации. Навели «порядок», поснимали с постов ряд ответственных работников МВД, преступность в 1983 г. «выросла» в результате регистрации ранее сокрытых преступлений на 21,8% по сравнению с 1982 г. (это – огромный прирост преступности, до 1983 г. максимальный годовой прирост в 1966 г. составил 18,1%, средние же колебания преступности были ± 5%). С начала 90-х гг. по 1994 г. искусственная латентность в России находилась на «приемлемом» уровне. Затем вновь начался ее рост. Об этом свидетельствуют несколько обстоятельств.

Во-первых, уровень раскрываемости преступлений. Средний для европейских стран уровень раскрываемости – 40-46% (1988 г.: во Франции - 40,3%, в Великобритании - 32,0%, в ФРГ - 45,8%; 2000 г.: в Дании – 19%, в Финляндии – 58%, в Норвегии - 30%, в Швеции – 19%). Уровень раскрываемости в СССР свыше 90-95% (1980 г. – 95,4%, 1982 г. – 95,9%, 1984 г. – 90,2%) был заведомо нереален, «липовый». Впервые правдоподобный показатель 46,9% достигнут в России в 1992 г., что свидетельствовало об относительно достоверной регистрации преступлений. «Рост» раскрываемости, начавшийся в 1993 г. (50,6%), до 75,6% в 2000 г. мог быть до-

стигнут только за счет массового сокрытия от регистрации «глухарей», «неочевидных», заведомо неперспективных для раскрытия преступлений. Правда, после соответствующего признания бывшего министра внутренних дел Б. Грызлова уровень раскрываемости к 2002 г. несколько понизился, однако о существенном изменении ситуации с искусственной латентностью говорить пока не приходится.

Во-вторых, как показывают результаты виктимологических исследований в Санкт-Петербурге, при «сокращении» статистических показателей преступности в 1994-1997 гг., количество жертв преступлений в городе не сокращается, а возрастает (в 1991 г. – 12% опрошенных, в 1994 г. - 26%, в 1998 г. – 26%, в 1999 г. – около 27%).

В-третьих, по мировым данным, умышленные убийства как преступления с относительно низкой латентностью и относительно стабильной динамикой, являются важнейшими индикаторами криминальной ситуации, репрезентируя (представляя) состояние преступности в целом. Например, удельный вес (доля в %) умышленных убийств в структуре преступности в течение многих лет составлял: в Дании, Норвегии, Швеции – 0,01-0,03%, в Канаде, Финляндии, Франции, ФРГ – 0,06-0,07%, в Венгрии, Италии, США, Японии – 0,12-0,23% и т.д. В России в течение 1985-1992 гг. умышленные убийства составляли 0,70-0,85% и лишь в 1993 г. этот показатель вырос до 1,04%, а в 1994 г. до 1,2%, т.е. в 1,6 раза (в последующие годы удельный вес убийств также выше 1%). Отмеченные «отклонения» могут быть объяснены как результат значительного увеличения латентной массы преступлений[38].

Пограничная латентность – следствие юридической ошибки, заблуждения. Правоохранительным органам известно о событии, но оно ошибочно воспринимается как непреступное. Например, в результате ошибочного заключения пожарной инспекции факт пожара расценивается как самовозгорание, а в действительности имел место поджог. Или хорошо замаскированное убийство воспринимается как самоубийство или несчастный случай.

---

38. Подробнее см.: Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право, 2001. №1. С.47-62.

Латентность существует во всех странах, но ее масштабы и соотношение видов существенно зависят от профессионализма и добросовестности работы полиции, а также от уголовной политики государства.

Существует много способов и методик определения уровня латентности различных видов преступности[39]. Выше уже назывались виктимологические опросы и «самоотчеты». Нередко используется метод *экспертных оценок,* когда специалисты в той или иной области на основе профессиональных знаний отвечают на вопрос о предполагаемом уровне латентности определенного вида преступлений. Возможно уточнение латентной преступности в результате специальных экономических, бухгалтерских, технологических исследований. Так, изучая расход электроэнергии, сырья, промышленных вод на предприятии и сравнивая эти данные с выпущенной продукцией, можно определить размер хищений готовой продукции.

Проблема латентной преступности тесно связана с задачей определения реального состояния преступности в стране, регионе.

§4. Состояние преступности в современном мире

Основные мировые тенденции преступности

Начиная обзор состояния преступности и основных тенденций ее изменений, необходимо еще раз напомнить, что мы можем судить только о *зарегистрированной* ее части, а потому любые наши суждения будут носить *относительный,* ориентировочный характер. С другой стороны, нельзя совсем пренебречь имеющимися данными уголовной статистики и, по возможности, результатами исследований,

39. Подробнее см.: Горяинов К.К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М.1994; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011; Шнайдер Г.Й. Криминология. Указ. соч. С.124-146.

ибо они составляют необходимую эмпирическую базу для теоретических рассуждений.

Криминологический анализ мировых и отечественных тенденций преступности достаточно полно отражен в работах В.В. Лунеева – в статьях, монографии и курсе криминологии[40]. Поэтому мы можем ограничиться лишь самыми общими сведениями и комментариями.

Как отмечено в монографии Лунеева, основной мировой тенденцией с середины XX столетия является *абсолютный и относительный* (в расчете на 100000 жителей) рост регистрируемой преступности. Этот вывод основывается, прежде всего, на анализе четырех обзоров ООН, обобщенных в виде таблицы, которую мы и воспроизводим (табл. 7.1).

Таблица 7.1. Усредненные и оценочные данные о преступности в мире

Номера обзоров и годы	Число стран, приславших ответы	Уровень преступности (на 100 тыс. населения)		
		Развитые страны	Развивающиеся страны	Всего
Первый, 1975	64	4200	800	1600
Второй, 1980	70	5200	1000	3200
Третий, 1985	95	6800	1300	4100
Четвертый, 1990	95	8000	-	5500
Прогноз, 1995	100	Свыше 8000	Свыше 1500	Свыше 7000

40. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluver, 2005; Он же. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т.1. М.: Юрайт, 2011.

Итак, наблюдается устойчивый рост зарегистрированной преступности при значительно б*олее высоком уровне преступности в развитых странах* по сравнению с развивающимися. Но что это - реальный рост криминальности или же результат повышения активности полиции и нетерпимости населения к преступности?...

Кроме того, во многих европейских странах с середины-конца 90-х годов прошлого столетия наметилось сокращение показателей преступности. Так, если с 1989 по 1999 г. преступность по странам – членам Европейского союза выросла на 6%, то за 1995-1999гг. – снизилась на 1%, а за 1991-2001гг. – на 0,1%[41]. «Переломными» явились для Австрии - 1994/95 гг., для Англии - 1992/93 гг., Германии – 1993/94 гг., Дании - 1997/98 гг., Канады – 1992/93 гг., Нидерландов – 1993/94 гг., США – 1991/92 гг., Франции – 1994/95 гг.[42] Правда, в некоторых странах рост преступности продолжался до начала XXI в. (Австралия, Бельгия, Норвегия). Тенденция к сокращению объема и уровня преступности, прежде всего, убийств в странах Европы, Азии, Северной Америки четко проявилась в XXI веке. Исключение составляют страны Латинской Америки[43]. Если учесть сокращение объема и уровня преступности в России с 2007 г., то, возможно, мы сталкиваемся с новой, еще не до конца осознанной, тенденцией. Возможно, преступность развивается по своим собственным, имманентным законам, независимо от деятельности полиции и уголовной юстиции. Другое возможное объяснение: молодежь, наиболее активный субъект street crimes, ушла в Интернет, и там проявляет свою активность – как позитивную, так и негативную.

Еще одна особенность, отмеченная В.В. Лунеевым – «гуманизация» преступности: сокращение доли насильственных преступлений в общем ее объеме.

---

41. Barclay G., Tavares C., Siddique A. International comparisons of criminal statistics 1999 //Home Office Statistical Bulletin, 2001. Issue 6/01. p.7; Barclay G., Tavares C. et all. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003. Issue 12/03. p.3

42. Некоторый рост регистрируется в 2001-2002 гг. (Du Clos L. Recent Trends of Crime in Paris. Roma, ISTAT, 2003).

43. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki, HEUNI, 2010, pp. 11-17.

Рассмотрим в качестве примера динамику преступности в ряде стран, основываясь на данных официальной статистики.

В **ФРГ** уровень общей преступности (на 100 тыс. населения) составлял: 1955 г. – 3018; 1960 – 3660; 1965 – 3031; 1970 – 3924; 1975 – 4721; 1980 – 6198; 1985 – 6909; 1990 – 7108; 1992 – 7921; 1993 – 8337; 1994 – 8038; 1995 – 8179; 1996 – 8125; 1997 – 8031; 1998 – 7869; 1999 – 7682; 2000 – 7625; 2001 – 7736; 2002 – 7893; 2003 – 7963; 2004 - 8037[44]. Таким образом, с 1955 г. по 1993 г. уровень преступности вырос почти в 2,8 раза. С 1993 г. уровень преступности стабилизировался с тенденцией к снижению. Однако с 2003 г. вновь наблюдается некоторый рост этого показателя. Уровень убийств и «смертельных повреждений» (Totschlag) также возрастал в ФРГ (хотя этот уровень ничтожен, по сравнению с Россией): 1953 г. –1,6; 1963 – 2,3; 1973 – 4,3; 1983 – 4,4; 1985 – 4,6. С 1986 г. этот показатель несколько снизился (1988 г. - 4,1; 1990 – 3,8), но с 1991 г. вновь увеличивается до 5,2 в 1993 г. с последующим постоянным снижением до 3,2 к 2001 г.[45]. Уровень убийств (без «смертельных повреждений») в среднем за 1999-2004 гг. в ФРГ составил 1,13. Вообще в ФРГ фиксируется «всплеск» преступлений в 1993 г., а затем наблюдается их сокращение. Не есть ли это «эхо» социально-политических изменений, связанных с объединением двух Германий? В связи с этим интересно и другое: если общий уровень преступности и уровни отдельных видов преступлений на территории бывшей ГДР (Восточные или «новые» земли) к началу объединения был ниже, чем в ФРГ, то постепенно эти показатели по ряду преступлений догнали и перегнали «старые» земли (так, уровень убийств и «смертельных повреждений» в старых землях был в 1993 г. - 5,1, в 1996 г. – 4,2, тогда как в новых землях соответственно 5,6 и 4,7, уровень грабежей в эти же годы в старых землях 73 и 81, в новых землях – 92 и 89 и т.п.). Среди городов с населением свыше 100 тыс. жителей самые высокие показатели преступности в 2006 г. были во Франкфурте-на-Майне – 16378

44. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004. Bundeskriminalamt. Wiesbaden, 2005. S.28.

45. Polizeiliche Kriminalstatistik. Ibid . S.135-137;.

(на 100 тыс. жителей) и Ганновере – 1616[46], самые низкие в Гладбахе (5704)[47].

Количество зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками, выросло с 1189 за 1956-1960 гг. до 271450 за 2001-2005 гг.[48]

Для Германии, как и для многих других стран, характерен преимущественный рост преступности подростков и молодежи. Так, если коэффициент преступлений в расчете на 100 тыс. человек соответствующей возрастной группы для взрослого населения вырос за 1984-1997 гг. с 1700 до 2000, то для подростков за те же годы с 4200 до 7000, а для молодежи с 3600 до 7100[49]. В 1995 г. среди подозреваемых (всего – 2118104 человека) было: женщин – 22%, подростков – 12%, молодежи (до 21 года) – 10%. Представители некоренной национальности (не немцы, мигранты) в 1992 г. составили 26,8%! В 2001 г. - 24,9% подозреваемых (в убийствах – 30,4% в сексуальных посягательствах – 30,9%), что свидетельствует о высокой криминальной активности мигрантов. Правда к 2004 г. их доля снизилась до 19,3%, но это неизмеримо выше, чем в России.

В Германии, как и в ряде других развитых стран, большое внимание уделяется жертвам преступлений. Это находит отражение и в полноте статистических сведений о потерпевших. Так, в 2004 г. среди жертв завершенных убийств (всего 868 чел.) оказались: мужчин – 54,1%, женщин – 45,9 %, детей – 11,4%, подростков – 2,2%, молодежи – 3,2%, лиц в возрасте 21-60 лет – 64,4%, от 60 лет и старше – 18,8%. В числе жертв завершенных преступлений против половой неприкосновенности (15371) были: мужчины – 8,0%, женщины – 92,0%, дети – 11,2%, подростки – 30,6%, молодежь – 13,7%, лица в возрасте 21-60 лет - 43,3%, 60 лет и старше – 1,3%.

В **Англии (с Уэльсом)** наблюдается последовательный

---

46. Barclay G., Tavares C. at all. (2003). Ibid. p.10.

47. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2006. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2007), S.36

48. Zweiter Periodischer Sichereitsbericht. Budesministerium der Justiz. Berlin, 2006, S.49.

49. Polizeiliche Kriminalstatistik. Ibid. S.98.

рост общей преступности с максимумом в 1993-1995 г. и последующим сокращением на 10% к 1999 г. В 2000-2003 гг. продолжалось снижение показателя преступности[50]. Однако сравнение показателей уровня преступности (в расчете на 100 тыс. населения) в 1995 г. - 9910 и в 2004 г. – 10531 свидетельствует о неоднозначности происходящих процессов[51]. При этом имеются некоторые различия между данными полицейской статистики (максимум в 1993 г.) и результатами исследований (British Crime Survey - BCS, максимум в 1995 г.)[52]. Удельный вес женщин среди всех виновных составил: 1990 г. –12,9%, 1992 г. – 12,4%, 1994 г. – 12,6%, 1996 г. – 12,7%, 1998 г. – 13,9%, 1999 г. – 14,4%, т.е. наблюдается тенденция возрастания доли женщин. Наиболее высокий показатель женских преступлений за 1990-1999 гг. – кражи, включая кражи продуктов – 55-71 тыс. ежегодно, наименьшие показатели – сексуальные преступления (0,1 тыс. в год) и грабежи и разбои (0,3-0,6 тыс. ежегодно). Но кое в чем женщины лидируют. Так, среди совершивших преступления, связанные с наркотиками, в возрастных группах 21-24 года, 30-39 лет и 40-49 лет, доля женщин выше, чем мужчин[53]. Интересен этнический состав лиц, совершивших преступления (уровень на 1000 населения старше 10 лет): при среднем уровне в Англии и Уэльсе в 1998/99 г. – 22, в 1999/2000 – 18 было соответственно белых – 20 и 16; черных – 118 и 81; азиатов – 42 и 26; иных (включая не установленной расы) – 21 и 15. Из 2003 убийств за 1997-2000 (на 20 октября) гг. были совершены белыми – 1584, черными – 200, азиатами –111, иными (включая не установленной расы) – 1084.

Приведем некоторые данные, опубликованные в 2003 г.,

---

50. Kershaw et al. The 2001 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin, 2001. N18/01; Barclay G., Barclay F. Criminal Victimization in the United Kingdom. Roma, ISTAT, 2003.

51. Aromaa K., Heiskanen M. (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995-2004. Helsinki: HEUNI, 2008.

52. The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin, 2000.18/00, pp. 11,111,63; Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Digest 4, October 1999, pp. 7,12.

53. Statistics on Women and the Criminal Justice System. Home Office, 2000, pp. 6,7,30.

по отдельным видам преступности в четырех Скандинавских странах (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция)[54].

Уровень *общей преступности* возрастал во всех **Скандинавский странах:** в Дании - с 2617 (на 100000 жителей) в 1959 г. до 9322 в 1985 г., далее с 1986 по 1997 г. держался на уровне 10015-10539 с последующим снижением в 1998-2000 гг. до 9291-9448 и к 2004 до 8807; в Финляндии – с 1139 в 1955 г. до 7454 в 2000 г. с ростом к 2004 г. до 10375; в Норвегии – с 959 в 1957 г. до 6440 в 2000 г. со снижением к 2004 г. до 6305; в Швеции - с 2307 в 1950 г. до 12106 в 2000 г. и 13940 к 2004 г. Уровень убийств в Дании до 1978 г. не превышал 0,8. С 1979 г. по 1990 гг. этот показатель колебался от 0,9 до 1,3. Максимальный уровень 1,7 был только в 1991 и 1997 гг. В 1998-2000 г. средний уровень убийств составил 1,0, а в 2004 г. – 0,8. В Финляндии минимальный уровень убийств – 1,2 был в 1970 г., максимальный – 3,4 – в 1950 г., в остальные годы колебался без выраженной тенденции в пределах 1,8-3,1, в 2004 г. – 2,8. В Норвегии уровень убийств один из самых низких в мире: от 0,1 до 1,5 (только в 1989 г.) и0,8 в 2004 г. В Швеции – от 0,8 до 1,8 (только в 1986 г.) и 1,2 в 2004 г. Уровень изнасилований в Дании колебался с 1960 по 1982 г. в пределах 3,4-8,6 (в 1978 г. – 9,5), с 1983 по 1992 г. – с 8,3 до 10,8, с 1993 по 2000 г. – 7,3-9,6; в Финляндии – имел тенденцию к росту от 2-3 в 50-е гг. до 10-11 в 1999-2000 гг.; в Норвегии также наблюдается рост от 1,8-2,8 в 50-е - 60-е гг. до 8,1-8,7 в 1997-2000 гг.; в Швеции этот показатель постепенно возрастал от 4-6 в 50-е гг. до 10-12 в 80-е гг. и достиг 15,8 – 22,8 с 1988 по 2000 гг. Уровень грабежей в Дании был в пределах 2,5-4,5 в 50-е гг., 3,5-7,0 в 60-е гг., 8-19 с 1970 по 1977 гг., и далее рост с 23 в 1978 г. до 59 в 2000 г. Аналогичная динамика наблюдается и в остальных Скандинавских странах: в Финляндии с 4-5 в начале 50-х гг. до 40-50 в 90-е гг. и 2000 г.; в Норвегии с 2-4 в 50-е – 60-е гг. до 20-38 с конца 80-х до 2000 г.; в Швеции с 3-6 в 50-е гг. до 60-90 в 90-е гг. и 101 в 2000 г. Во всех странах этого региона рос уровень нападений (assault), а также краж, но последний показатель начал снижаться в конце 90-х гг. (кроме Норвегии).

В начале 90-х годы все же наметилась тенденция сокра-

54. Statistics on Race and the Criminal Justice System. Home Office, 2000, pp.10, 16.

щения уровня общей преступности и некоторых ее видов как в Скандинавии, так и в других западноевропейских странах: в Италии и Шотландии с 1991 г., в Греции и Швеции с 1992 г., в Германии и Норвегии с 1993 г. При этом значительное снижение грабежей произошло в Шотландии с 1992 г., в Италии с 1991 г., краж – в Англии с 1992 г. (хотя в целом уровень краж продолжает расти в Голландии, Германии, Финляндии). Уровень мошенничества сократился во всех Скандинавских странах (особенно в Финляндии - с 1786 в 1990 г. до 287 в 2000 г., и в Швеции - с 1263 в 1990г. до 581 в 2000 г.). Во всех западноевропейских странах, кроме Северной Ирландии сокращается (и без того низкий) уровень убийств. Растут и в 90-е годы разбойные нападения во Франции, Голландии, Германии, Скандинавии, Швейцарии[55].

Япония – одна из самых благополучных в криминальном отношении стран. Тем не менее, и в ней прослеживается тенденция некоторого возрастания преступности с 1976 г., хотя и очень невысокими темпами. Так, уровень общей преступности в Японии составлял: 1948 г. – 2000 (максимальный уровень за последние 50 лет), 1950г. – 1756, 1960 г. – 1476, 1970 г. – 1234, 1975 г. – 1103, 1980 г. – 1160, 1985 г. – 1328, 1989 г. – 1358, 1991 г. – 1377, 1992 г. – 1400, 1995 г. – 1420. Количество убийств выросло с 1215 в 1991 г. до 1281 в 1995 г., грабежей и разбоев за то же время с 1848 до 2777[56]. По некоторым видам преступлений наблюдается снижение объема и уровня. Своеобразна и «гуманна» структура японской преступности (1995 г., всего зарегистрировано 2435983 преступления): фальшивомонетничество и подделка денег – 0,4%, вымогательство – 0,5%, преступления против личности – 0,7%, уничтожение (повреждение) собственности – 1,3%, мошенничество – 1,9%, растраты – 2,5%, ДТП («профессиональная небрежность» - *traffic professional negligence)* – 26,8%, кражи – 64,5%. Два последних вида преступлений составляют 91,3%. При этом значительная часть ДТП представляют собой по существу административные правона-

55. Joutsen M. Recent Trends in Crime in Western Europe // European Journal on Criminal Policy and Research. 1996, 5.1, pp.15-39.

56. Summary of the White Paper on Crime. 1996. Research and Training Institute Ministry of Justice [Japan], 1997, pp. 43, 46.

рушения, а не уголовные преступления. Обращает на себя внимание незначительный удельный вес преступлений против личности.

Если общий уровень преступности существенно зависит от уголовного закона (процессов криминализации / декриминализации), уровня латентности различных видов преступлений, активности полиции и т.п., то уровень смертности от убийств служит относительно надежным показателем реальной криминальной ситуации. Из данных, приведенных в таблице 7.2, явствует, что в большинстве стран уровень смертей от убийств относительно стабилен. Для стран Западной Европы характерен низкий уровень смертности от убийств, в странах Центральной Европы (Венгрия, Польша) он несколько выше, еще выше – в США (справедливости ради заметим, что с 1992-1993 гг. этот показатель стал снижаться и достиг в 1998 г. - 6,3[57], а к 2004 г. – 5,5) и чрезвычайно высок в некоторых странах Латинской Америки (добавим к данным табл. 7.2, что в 90-х годах уровень смертей от убийств в Пуэрто-Рико был выше 24,9, в Коста-Рика выше 4, в Перу около 3, в Никарагуа свыше 5, в Чили свыше 3). Очень высок этот показатель в России, о чем подробнее будет говориться в следующем разделе. В связи с различными источниками (в табл. 7.2 приведены данные медицинской статистики до 1995 г., содержащиеся в Ежегодниках Всемирной Организации Здравоохранения – ВОЗ, а ниже приводится полицейская статистика за 1998-2004 гг.[58]), было бы некорректно объединять эти сведения в одной таблице. Итак, среднегодовой уровень убийств (на 100000 жителей) за 1999-2004 гг. составил: Австралия – 1,9; Австрия – 1,2; Англия (с Уэльсом) – 1,6; Бельгия – 1,8; Венгрия – 2,3; Германия – 1,1; Дания – 1,0; Испания – 1,1; Италия – 1,5; Канада - 1,8; Нидерланды – 1,5; Норвегия – 0,9; Польша – 2,0; Португалия – 1,2; Россия – 22,1; США – 5,6; Финляндия – 2,9; Франция – 1,7; Чехия – 2,5; Швейцария – 1,1; Швеция – 1,1; Япония – 1,0.

---

57. Homicide Trends in the United States: 1998 Update. Washington: U.S. Department of Justice, 2000.

58. Barclay G., Tavares C., at all. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, October 2003, Issue 12/03, p.10.

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	2001	2004
Австралия				1,9	2,4	1,8	2,2	2,5	1,6	1,8	1,8		1,8	
Австрия				1,3	1,2	1,1	1,6		1,5	1,3		1,0	1,2	0,6
Аргентина	4,5	4,9		5,4			5,0	4,3	4,6	4,4				
Венгрия				2,5	2,7	2,9	3,1		4,0	4,5	3,5	2,9	2,3	2,1
Германия				1,1	1,1	1,0		1,1	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,0
Дания			1,2	1,0	1,1	1,2	1,0		1,3	1,2	1,3	1,2	1,0	0,8
Израиль			1,8	1,3	1,3		1,7	1,2	1,4	2,3	2,7	1,4		0,8
Испания	0,9	1,0	1,0	1,2			0,9	0,9	1,2	0,9	0,9	1,0	1,1	1,2
Италия	1,6	1,5	1,3	1,6	1,9		2,6	2,8	2,2	1,7		1,8	1,5	1,2
Канада			2,0	2,2		2,1		2,3	2,1	1,8	1,7	1,6	1,8	2,0
Колумбия	33,3							89,5	88,5	88,5	78,7			
Мексика		18,6	19,4					17,5	18,8	17,8	17,7	17,1		
Нидерланды			1,0	0,9	0,9	0,9		1,2	1,3	1,2	1,1	1,8	1,5	1,3
Норвегия			1,5	1,4	1,1	1,3		1,5	1,1	0,9	0,8	1,0	0,9	0,8
Польша			1,7		1,7	2,1	2,9		2,9	2,7	2,9	2,2	2,0	1,7
Россия					9,7	12,6	14,3	15,2	22,9	30,6	32,6	30,8	22,0	22,2
США	8,2	8,9	8,5	8,9		9,9	10,4	9,8	9,9	9,1	9,1	8,3	5,6	5,5
Финляндия				3,1	2,8	3,2			3,4	3,3	3,2	2,9	2,8	2,8
Франция			1,2	1,1	1,0	1,1		1,1	1,0	1,1	1,1		1,7	1,7
Швейцария				1,2	1,2	1,3	1,5		1,5	1,5	1,3	1,2	1,1	1,0
Швеция			1,4	1,2	1,4		1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	1,0	1,1	1,2
Япония				0,7	0,7	0,6	0,6		0,6	0,6	0,6		1,0	

Таблица 7.2. Уровень (на 100 тыс. населения) смертности от убийств в некоторых государствах (1984 – 2004).
Источник: World Health Statistics. Annual. Geneva; Aromaa K., Heiskanen M. Ibid.

Состояние преступности в России

Помимо вышеназванных трудов В.В. Лунеева, анализ состояния и динамики преступности в России за два минувших столетия представлен в коллективной монографии «Девиантность и социальный контроль в России (Х1Х-ХХ вв.): Тенденции и социологическое осмысление»[59], а также в упоминавшейся «Криминологии» Я. Гилинского (2009). Поэтому мы остановимся лишь на некоторых важнейших, с нашей точки зрения, тенденциях.

Россия до 1917 г.

В таблице 7.3 представлена динамика количества осужденных в России за 1874-1912 гг. Мы наблюдаем постепенное возрастание числа *осужденных;* относительно устойчивый удельный вес женской преступности (в среднем 10-12% от общего числа осужденных), преступности несовершеннолетних (в среднем 16-17% с некоторым возрастанием к концу периода до 20-22%) и рецидивной преступности (в среднем 17-19% с максимальным разрывом от 15,2 до 22,5%). Относительная стабильность демографических показателей и уровня рецидива на протяжении 38 лет позапрошлого столетия лишний раз свидетельствует о внутренних закономерностях развития преступности как социального феномена. Более того, и в современной России, спустя столетие и при совершенно изменившихся социальных, политических, экономических условиях, сохраняются на том же уровне доля женской (11-13% в 1991-1994 гг.) и подростковой (14-17% за те же годы) преступности при незначительном увеличении рецидивной (21-24%).

Более показательными являются данные об убийствах. Сведения за 1909-1913 гг. свидетельствуют об их росте и высоких для своего времени показателях: число следствий по делам об убийствах в 1909 г. – 30942 (осуждено по законченным делам около 7 тыс. человек), в 1910 г. – 31113 (осуждено

59. Девиантность и социальный контроль в России (Х1Х-ХХ вв.): Тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000.

Годы	Всего осужденных	В том числе, %		
		женщин	несовершенно-летних	рецидивистов
1874	54 934	10,8	16,5	7,4
1875	52 548	10,6	16,2	15,2
1876	55 241	10,4	15,7	16,7
1877	55 787	10,5	16,8	17,6
1878	57 911	10,9	17,4	17,4
1879	64 139	10,7	17,4	16,8
1880	69 867	10,9	17,1	16,1
1881	75 069	10,4	17,4	17,3
1882	73 509	10,8	17,0	17,9
1883	72 706	10,5	17,1	19,3
1884	78 164	10,6	16,6	20,1
1885	82 277	10,8	16,0	19,7
1886	91 315	10,7	15,5	19,7
1887	97 522	11,6	15,9	19,6
1888	93 045	11,7	16,3	19,9
1889	94 783	11,9	16,1	20,0
1890	110 792	12,2	16,7	19,7
1891	102 993	12,2	17,1	20,4
1892	112 878	12,4	16,9	19,2
1893	105 085	13,0	17,5	18,6
1894	92 927	13,2	17,8	19,8
1895	101 161	13,8	-	22,5
1896	99 495	13,7	19,8	19,8
1897	106 387	14,2	18,6	19,6
1898	115 257	13,8	13,6	19,3
1899	126 452	13,9	17,4	19,5
1900	118 123	13,9	18,2	19,6
1901	118 754	13,4	18,1	20,5
1902	119 902	13,5	13,0	20,9
1903	120 195	13,0	18,5	21,1
1904	111 389	11,8	20,5	20,9
1905	101 663	11,6	22,1	22,0
1906	114 265	9,9	21,1	16,8
1907	144 143	9,3	20,9	16,5
1908	150 546	10,4	-	15,8
1909	175 040	10,8	20,2	17,6
1910	158 825	12,2	-	18,1
1911	176 343	10,1	20,5	20,4
1912	176 898	11,8	21,4	21,4

Таблица 7.3. Количество осужденных
в Российской империи (1874 - 1912)

7517 человек), в 1912 – 33879 (осуждено 8134 человека), в 1913 г. – 34438[60].

Приведем некоторые сведения *о структуре преступности* за 1909-1913 гг.[61]. Среди 25 учитываемых видов преступлений первое место (по показателю «возникло следствие») занимают кражи – свыше 125 тыс. (1909 г.) - 167 тыс. (1913 г.), или 31-36% от общего числа учитываемых статистикой преступлений. На втором месте со значительным отрывом от краж преступления против телесной неприкосновенности – свыше 45,5 тыс. (1909 г.) – 43 тыс. (1911 г.), или 10-12%. Далее следуют: насильственное похищение имущества (в отличие от краж – тайного похищения) - свыше 40-43 тыс., или 9-11%; оскорбление чести – около 8%; убийства –7,3-7,7% (очень высокий удельный вес для такого тяжкого преступления); поджоги, истребление имущества – 6,4-8%, служебные преступления – около 3%; против женской чести – также около 3%; присвоение и растраты – чуть больше 1%; мошенничество – 1%; религиозные преступления – 0,6-0,7%; государственные преступления (свыше 2 тыс. следствий) – 0,4-0,5%.

Уровень преступности, по не очень полным и трудно проверяемым сведениям, составлял: 1846-1857 гг. – 239; 1874-1883 гг. – 177; 1884-1893 гг. – 149; 1899-1905 г. - 229; 1906-1908 гг. – 271; 1909-1913 гг. – 274.

Некоторые данные *о социально-демографическом* составе осужденных приводились выше. Добавим к этому, что в 1913-1916 гг. отмечается резкий рост преступности несовершеннолетних в крупных городах: в Петербурге (Петрограде) количество дел в судах о малолетних выросло за эти годы с 1640 до 3217, в Москве с 1514 до 3684, в Киеве с 1132 в 1916 г. до 1703 в 1916 г. Доля 10-16-летних в общем количестве дел о государственных преступлениях составляла в 1883-1890 гг. 0,8%, 17-20-летних – 18,8%, 21-25-летних – 35,4%. По данным Е. Тарновского, различается вклад различных социальных групп в разные преступления. По кражам коэффициент криминальной активности рабочих в

60. Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 549-550.

61. Гернет М.Н. Там же. С.549-550; Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник) СПб. 1995. С.393-394.

250 раз превышал показатель хозяев, а по изнасилованиям и растлениям – сближался до 1:1. Высокий уровень преступности рабочих «против женской чести» (14 на 1000 человек рабочих) уступает преступности священно- и церковнослужителей (15). Для купцов и приказчиков очень высок уровень мошенничества, подлогов и присвоений[62].

Как и в современной России, уровень городской преступности в целом был выше сельской. Так, в 1897-1914 гг. на 100 тыс. населения приходилось осужденных в городах – 97, в столицах – 72, в сельской местности – 37. Однако по тяжким насильственным преступлениям лидировало село. Эта закономерность сохранилась столетие спустя: и в наши дни уровень убийств и тяжких телесных повреждений (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) в сельской местности в 1,5-2 раза выше, чем в городах.

Россия советская и постсоветская

Понятно, что сведения за первые годы *советской власти* неполны и отрывочны (по отдельным губерниям). С 1925 по 1928 г. имеются данные в целом по СССР. За эти годы были осуждены 3739196 человек. Всего же за первые 10 лет советской власти число осужденных приблизилось к 10 млн. человек. Иначе говоря, уже был осужден каждый 15-й житель страны. И это – при еще минимальном количестве так называемых «контрреволюционных преступлений». Вот когда началась *призонизация* (от англ. Prison – тюрьма, т.е. «отюрьмовление») всей страны, приведшая с учетом последующих репрессий и не очень-то либеральной уголовной политики в постсталинские времена к тому, что сегодня не менее 15-20% взрослого мужского населения страны прошло через тюрьмы, лагеря, колонии…

Важно и другое – для сохранившихся любителей советского «порядка»: «С первых лет Октября появилась реальная опасность сращивания интересов преступности и правоохранительных органов на базе тотального расхищения формально обобществленной экономики»[63]. Только в 1920

62. Гернет М.Н. Указ. соч. С. 281-283.

63. Там же. С.117.

г. по 79 губерниям сотрудниками милиции было совершено не менее 8 тыс. различных преступлений. Неслучайно уже 30 ноября 1922 г. ЦК РКП(б) издает циркуляр «О борьбе со взяточничеством».

В те же годы быстро растет и профессиональная преступность, закладывается фундамент организованной преступности (в 20-е гг. в виде банд, с начала 30-х гг. формируется сообщество «воров в законе»). «Группа профессиональных преступников увеличивается более, чем какая-либо другая категория, преступность становится уделом более или менее стойкой группы деклассированных элементов»[64].

Статистические данные о преступности в сталинский период не публиковались. Лишь в последние годы мы получили возможность ориентировочно судить о «контрреволюционных преступлениях» и репрессиях органов НКВД и уголовной юстиции по отношению к «врагам народа». Однако даже после «открытия архивов» сведения о количестве репрессированных противоречивы и неточны. По некоторым, заведомо неполным данным, с 1918 по 1958 г. были осуждены за «контрреволюционные» («государственные») преступления 3785052 человека, в том числе к высшей мере наказания (расстрелу) 826933 человека (не считая осужденных к иезуитским «10 годам лишения свободы без права переписки», что фактически означало – к расстрелу, и 16009 человек – «разницы» между различными отчетами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ)[65].

Только за страшные 1937-1938 г. были осуждены как «враги народа» (и члены их семей) 1344923 человека, из них 681692 - к расстрелу. Кроме того, значительное число лиц было уничтожено «без суда и следствия» (они, конечно, не попали в статистические сведения). Наконец, огромное количество людей были высланы «в административном порядке» и погибли в нечеловеческих условиях мест поселения. Так, только в 1930-1931 гг. было выселено «кулаков» 1803392 человека. Всего же «борьба с кулачеством» затронула более 20 млн. человек. На 15 июля 1949 г. значилось

64. Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М.,1931. С.85,160.

65. Лунеев В.В. (1997) Указ. соч. С.180; Лунеев В.В. Политическая преступность // Государство и право. 1994. №7. С.107-121.

2552037 переселенцев, на 1 января 1953 г. – 2753356 человек[66].

При переписи населения 1937 г. «не хватило» 18 млн. человек. Разумеется, организаторы переписи пополнили список расстрелянных[67]. По данным А. Антонова-Овсеенко, только с января 1935 г. по июнь 1941 г. было репрессировано свыше 19 млн. человек, из них в первый же год после ареста погибло (казнено, умерло, в том числе под пытками) около 7 млн. человек. По мнению А.И. Солженицына, с 1917 по 1959 г. жертвами государственного терроризма стали 66,7 млн. человек. Близкая к этому цифра – 61,9 млн. человек (с 1917 по 1987 г.) названа в книге Н. Крессела[68]. Во всяком случае, в СССР были уничтожены десятки миллионов невинных жертв, что означает геноцид правящей верхушки против своего народа. Подробный анализ массового террора в СССР предпринят в книге В.Н. Кудрявцева и А.И. Трусова[69].

Значительно более полные, сопоставимые и интересные для нас, современников, сведения о зарегистрированной преступности в России имеются с 1961 г. Некоторые из них представлены в таблице 7.4. На основании этих данных, тоже далеко не полных, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, явно выражено постепенное повышение объема и уровня преступности, что вполне отвечает общемировым тенденциям эпохи после Второй мировой войны.

Во-вторых, отмечается снижение объема и уровня преступности в периоды хрущевской «оттепели» (1963-1965 гг.) и горбачевской «перестройки» (1986-1988 гг.). То, что это не случайность, подтверждается позитивной динамикой в те же годы других социальных показателей (снижение уровня самоубийств, смертности, рост рождаемости и т.п.). Очевидно прогрессивные реформы, направленные более (М. Горбачев) или менее (Н. Хрущев) на демократизацию общества, либерализацию экономики, приоткрывающие

66. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (По документации НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. №11. С.3-17.

67. Лунеев В.В. (1994) Указ. соч. С.120.

68. Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996, pp. 252-253.

69. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

форточку или окно гласности, вселяют в людей надежду и свидетельствуют об их действительных чаяниях лучше, чем цены на колбасу и водку.

В-третьих, наблюдается резкий всплеск зарегистрированной преступности в 1989-1993 гг. (абсолютное количество преступлений и уровень по отношению к 1988 г. увеличились в 2,3 раза!). Это вполне объяснимо для периода бурных социальных, экономических, политических перемен при сохранении глубокого и всестороннего (тотального) кризиса в стране.

В-четвертых, социальный контроль над преступностью, деятельность милиции и уголовной юстиции все больше «не поспевают» за ростом зарегистрированной преступности. Об этом свидетельствует хотя бы то, что при росте числа преступлений с 1970 по 2001 г. – в 4,3 раза, число выявленных лиц возросло всего в 2,3 раза, а число осужденных лишь в 2,2 раза. Если же учесть высокую, и с моей точки зрения, все возрастающую латентность преступности, то разрыв между темпами ее роста и роста активности правоохранительных органов увеличивается многократно.

В-пятых, отмечается снижение показателей зарегистрированной преступности в 1994-1997 гг. Возможно, что в 1994-1997 гг. наступила некоторая стабилизация в динамике преступности, вызванная, в частности, достижением «порога насыщения» в предшествующие годы. Вместе с тем, есть серьезные основания полагать, что с 1993-1994 гг. началось массовое противозаконное сокрытие преступлений от регистрации. О росте искусственной латентности уже говорилось выше. Большинство отечественных криминологов также констатируют массовое сокрытие преступлений, начавшееся в 1993-1994 гг. Так, Л. Волошина пишет: «Из приведенных выше фактов вытекает очень опасное социальное следствие: чем шире разрастается латентность, тем легче манипулировать преступностью в ведомственных интересах, так как выборочно работая… с резервом латентных преступлений, проще повысить или понизить показатели… Современная уголовная статистика не дает государству и

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс населения)*	Число выявленных лиц	Число осужденных
1961	534 866	446,5	-	-
1962	539 302	446,1	-	-
1963	485 656	397,7	-	-
1964	483 229	392,2	-	-
1965	483 550	388,7	-	-
1966	582 965	464,5	596 764	-
1967	572 884	452,5	628 463	-
1968	618 014	483,6	626 129	-
1969	641 385	497,6	659 607	-
1970	693 552	533,1	700 685	554 589
1971	702 358	536,6	652 763	574 350
1972	706 294	536,3	698 964	575 056
1973	695 647	524,6	682 399	538 156
1974	760 943	570,4	718 161	579 642
1975	809 819	603,4	753 005	581 035
1976	834 998	618,0	770 473	599 652
1977	824 243	606,5	746 354	525 984
1978	889 599	650,7	782 099	557 564
1979	970 514	705,8	818 746	590 538
1980	1 028 284	742,2	880 908	645 544
1981	1 087 908	779,7	919 001	682 506
1982	1 128 558	803,1	988 946	747 865
1983	1 398 239	988,1	1 077 802	809 147
1984	1 402 694	984,4	1 123 351	863 194
1985	1 416 935	987,5	1 154 496	837 310
1986	1 338 424	929,9	1 128 439	797 286
1987	1 185 914	816,9	969 388	580 074
1988	1 220 861	833,9	834 673	427 039
1989	1 619 181	1098,5	847 577	436 988
1990	1 839 451	1242,5	897 299	537 643
1991	2 173 074	1463,2	956 258	593 823
1992	2 760 652	1856,5	1 148 962	661 392
1993	2 799 614	1887,8	1 262 737	792 410

Таблица 7.4 Зарегистрированная преступность, число выявленных лици осужденных в России (1961 - 2011)

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс населения)*	Число выявленных лиц	Число осужденных
1994	2 632 708	1778,9	1 441 568	924 754
1995	2 755 669	1862,7	1 595 501	1 035 807
1996	2 625 081	1778,4	1 618 394	1 111 097
1997	2 397 311	1629,3	1 372 161	1 013 431
1998	2 581 940	1759,5	1 481 503	1 071051
1999	3 001 748	2051,4	1 716 679	1 223 255
2000	2 952 367	2028,3	1 741 439	1 183 631
2001	2 968 255	2039,2	1 644 242	1 244 211
2002	2 526 305	1760,5	1 541 007	859 318
2003	2 756 398	1926,2	1 236 733	773 920
2004	2 893 810	2007,2	1 222 504	793 918
2005	3 554 735	2477,6	1 297 122	878 893
2006	3 855 373	2700,7	1 360 860	909 921
2007	3 582 541	2519,0	1 317 582	916 566
2008	3 209 862	2260,5	1 256 199	914 541
2009	2 994 820	2110	1 219 789	882 288
2010	2 628 799	1852	1 111 145	-
2011	2 404 807	1694	1 041 340	-

Таблица 7.4 Зарегистрированная преступность, число выявленных лици осужденных в России (1961 - 2011). Продолжение

обществу адекватного представления о положении дел»[70]. О массовом сокрытии преступлений от регистрации («соцсоревновательном методе») подробно пишет В.В. Лунеев[71]. Но даже сокрытие преступлений от учета не смогло надолго приостановить рост преступности.

Поэтому, в-шестых, в 1998-2001 гг. вновь отмечается рост преступности, так что в 1999 г. количество зарегистрированных преступлений впервые превысило 3 млн., а уровень впервые (после 20-х годов) превзошел 2 тыс. (на 100 тыс. жителей). Некоторое снижение показателей преступности в 2002 г. (зарегистрировано преступлений - 2526305,

70. Волошина Л.А. Тяжкие насильственные преступления: статистика и реальность // Тяжкая насильственная преступность в России начале 90-х годов. М., 1996. С.3-9.

71. Лунеев В.В. (2005). Указ. соч.; Лунеев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право, 1998. №5. С.47-58.

уровень – 1760,5) предстоит еще объяснить с учетом последующей динамики.

Наконец, в-седьмых, начиная с 2007 г. фиксируется непрекращающееся снижение объема и уровня преступности в целом и большинства ее видов (см. табл. 7.5). Тому есть несколько гипотетических объяснений. Во-первых, большинство отечественных криминологов (профессора М.М. Бабаев, А.И. Долгова, В.В. Лунеев, С.Ф. Милюков, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло и др.) объясняют происходящее резким увеличением искусственной латентности, как результата массового сокрытия преступлений от регистрации. Этому есть немало примеров. Во-вторых, не отрицая роли подобного объяснения, с точки зрения автора этих строк, сокращение зарегистрированной преступности в России совпадает с аналогичной тенденцией стран Балтии, Западной Европы, США, а потому может отражать некую общемировую тенденцию. Ее причины весьма гипотетичны. Возможно, преступность, как сложное социальное явление, развивается по своим собственным законам, независимо от усилий полиции, уголовной юстиции, политических режимов. Другое объяснение – «уход» молодых, наиболее активных граждан в интерактивный мир Интернета и проживание там переживаний и страстей, нередко проявлявшихся в виде преступных деяний. Не исключено и общее повышение уровня жизни в большинстве стран.

Как уже отмечалось, более точную картину дает динамика относительно менее латентных тяжких преступлений, таких как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, разбойные нападения. Сведения о них представлены в таблице 7.5.

Сведения, приведенные в таблице, позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, наблюдается интенсивный рост тяжких преступлений в 1989-1994 гг. Так, по сравнению с 1987 г. (наименьшие показатели эпохи «перестройки») уровень умышленных убийств (с покушениями) к 1994 г. вырос в 3,5 раза, тяжких телесных повреждений – в 3,3 раза (при росте общей преступности за те же годы в 2,2 раза). Уровень грабежей за 1987-1993 гг. вырос в 5,9 раза, разбойных нападений

– в 6,9 раза (при росте общей преступности за те же годы в 2,3 раза).

Во-вторых, после непродолжительного «затишья» 1995-1997 гг. возобновился рост тяжких преступлений в 1998-2001 гг.

В-третьих, новое значительное сокращение большинства видов преступности началось в России с 2007 г. и продолжается до сих пор.

В-четвертых, сам уровень (на 100 тыс. населения) умышленных убийств (около 20 в 1993, 1996, 1997 гг. и свыше 20 в 1994-1995, 1998-2001 гг.) чрезвычайно высок по сравнению с мировыми и особенно – западноевропейскими данными (ср. с табл. 7.2). При этом сведения милицейской статистики, приведенные выше, далеко не полны: в ней не учитываются преступления, квалифицированные по иным статьям УК, кроме «умышленные убийства» (ст.102, 103 УК РСФСР 1960 г., ст.105 УК РФ 1996 г.). Неудивительно, что по данным медицинской статистики (она же – официальная государственная статистика, передаваемая в международные организации – ООН, ВОЗ), уровень смертей от убийств значительно выше (см. табл. 7.2). Наконец, не учитывается количество убитых среди «пропавших без вести» и не обнаруженных, а эта цифра составляет со второй половины 90-х гг. свыше 25 тыс. человек ежегодно (конечно, не все они убиты, но, вероятно, значительная часть).

Данные о некоторых социально-демографических характеристиках лиц, совершивших преступления, представлены в таблице 7.6.

Эти самые общие сведения нуждаются в конкретизации по отдельным видам преступлений.

Доля *женщин* в целом сокращалась с 1987 г. (21,3%) до 1993 г. (11,2%) с последующим возрастанием до 15,9% в 1996 г. и 17,0% в 2001 г. 17,8% в 2002 г. и вновь сокращением до 13-15% к 2005-2011 гг. Разумеется, вклад женщин в преступность неодинаков для различных преступлений. Так, в 90-е гг. женщины совершили 9,9% (1990) – 13,4% (1995) убийств; 7,2% (1990) – 13,1% (1996) тяжких телесных повреждений; 4-9% хулиганств; 4-6% разбойных нападений; 6-8% грабежей; 9-13% краж; 38-47% присвоений (растрат) вверенного имущества; 25-34% дачи или получения взятки; 7-12% пре-

Годы	1985	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
всего	989,8	816,9	833,9	1098,5	1242,5	1463,2	1856,5	1887,8
Умышл. убийства (с покушениями)	8,5	6,3	7,2	9,2	10,5	10,9	15,5	19,6
Тяжкие телесные повреждения, умышл. причинение тяжкого вреда здоровью	19,9	13,9	18,2	25,0	27,7	27,8	36,2	45,1
Кражи	324,7	251,1	327,2	512,1	616,8	837,3	1110,2	1965,2
Грабеж	29,9	21,0	29,9	51,0	56,3	68,8	110,9	124,3
Разбойные нападения	5,8	3,9	5,5	9,9	11,2	12,4	20,4	27,0

Годы	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
всего	1778,9	1862,7	1778,4	1629,3	1759,5	2051,4	2028,3	2039,2	1760,5
Умышл. убийства (с покушениями)	21,8	21,4	19,9	19,9	20,1	21,3	21,9	23,2	22,5
Тяжкие телесные повреждения, умышл. причинение тяжкого вреда здоровью	45,7	41,7	36,2	31,4	30,8	32,6	34,2	38,5	40,7
Кражи	888,4	924,6	818,0	716,3	779,2	966,2	900,0	879,2	645,9
Грабеж	100,4	95,0	82,2	76,2	83,4	95,0	91,0	102,8	116,5
Разбойные нападения	25,6	25,5	24,3	23,3	26,2	28,1	27,1	30,9	32,8

Таблица 7.5. Динамика уровня (на 100 тыс. населения) общей преступности и некоторых видов преступлений в России (1985 – 2002)

ступлений, связанных с наркотиками. В 2007 г. удельный вес женщин составил: 14,8% убийств, 16,5% причинения тяжкого вреда здоровью, 4,7% разбойных нападений, 12,9% краж, 42,7% растрат и присвоений, 20,5% взяточничества, 15% преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

По возрасту прослеживается отчетливая тенденция сокращения доли несовершеннолетних в общей массе лиц, выявленных как совершивших преступления с 17,7% в 1989 г. до 10,0% в 2007 г. и далее до 6,3% в 2011 г. Отмечаются по-

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
всего	1926,2	2007,2	2477,6	2700,7	2519, 0	2260,5	2110	1852	1694
Умышл. убийства (с покушениями)	22,1	21,9	21,5	19,2	15,6	14,5	12,5	10,9	10,1
Тяжкие телесные повреждения, умышл. причинение тяжкого вреда здоровью	39,9	39,8	40,3	35,0	33,3	31,9	30,4	27,8	26,9
Кражи	804,2	885,7	1096,4	1174,7	1101,8	934,0	838,2	775,0	726,3
Грабеж	138,4	174,4	240,1	250,3	207,5	171,8	144,8	115,1	89,3
Разбойные нападения	34,0	38,5	44,4	41,9	31,9	24,9	21,2	17,1	14,0

Динамика уровня (на 100 тыс. населения) общей преступности и некоторых видов преступлений в России (2003 – 2011)

ниженные темпы роста преступности несовершеннолетних по сравнению с темпами роста общей преступности. Если учесть, что та же тенденция просматривается по отдельным видам преступлений, то можно сделать гипотетический вывод об относительно лучшей адаптации подростков к резко меняющимся условиям социального бытия. Другой вопрос – каковы способы адаптации? «Уход» в наркотики? В преступные организации? Или же – в Интернет? Известно, например, что подростки и молодежь составляют главный резерв и действующие кадры организованной преступности, которая благодаря очень высокой латентности не находит отражения в статистике. Кроме того, фиксируется повышение удельного веса несовершеннолетних в тяжких насильственных преступлениях: по убийствам с 3,4% в 1988 г. до 7,5% в 2001 г., по причинению тяжкого вреда здоровью за те же годы с 3,4% до 8,4%.

По социальному составу наблюдается резкое сокращение доли рабочих (от 53,5 до 21%). Очевидно это, как и сведение на нет доли колхозников – работников сельского хозяйства (от 5,2 до 0,5%), объясняется размыванием и сокращением этих классов бывшего социалистического общества. Столь же объяснимо резкое увеличение удельного веса лиц, не имеющих постоянного источника доходов (от

Годы	Всего	Муж.	Жен.	14-17 лет	18-29 лет	Рабочие	Служащие	Сельхоз. работн..	Учащ-ся	Студент.	Предприниматели	Без источн. доходов	Безработн.	Ранее соверш. преступл.	В состоян. алког. опьянения	В сост. наркот. возбужд.
1987	969 388	78,7	21,3	12,1	38,5	53,5	12,9	5,2	10,0	-	-	11,8	-	21,3	28,1	0,3
1988	834 673	83,3	16,7	15,6	40,3	55,1	10,5	4,9	11,2	-	-	13,8	-	23,9	33,0	0,2
1989	847 577	85,6	14,4	17,7	40,2	54,1	8,4	4,8	11,4	-	-	16,5	-	25,3	37,2	0,2
1990	897 299	86,3	13,7	17,1	39,2	53,7	7,5	4,8	10,4	-	-	17,8	-	24,2	38,0	0,2
1991	956 258	87,2	12,8	16,7	38,3	52,3	6,5	5,0	9,7	-	-	20,2	-	23,7	37,9	0,2
1992	1 148 962	88,6	11,4	16,4	38,1	47,5	5,3	4,8	7,2	1,1	-	27,0	-	22,6	39,1	0,2
1993	1 262 737	88,8	11,2	16,1	38,9	31,6	4,2	4,4	6,9	1,0	2,5	35,9	2,9	22,7	41,4	0,7
1994	1 441 568	87,0	13,0	13,9	37,9	30,1	4,1	3,0	5,8	0,9	1,9	42,1	3,5	20,9	41,2	0,5
1995	1 595 501	85,1	14,9	13,0	37,3	31,3	3,7	1,5	5,7	0,8	1,9	47,2	4,6	22,0	39,0	0,4
1996	1 618 394	84,1	15,9	11,9	37,8	29,8	3,5	1,2	5,6	0,8	2,3	50,0	4,7	22,7	36,4	0,4
1997	1 372 161	86,4	13,6	11,8	41,1	26,7	3,4	2,7	6,0	1,0	1,7	54,2	5,9	28,9	33,8	0,8
1998	1 481 503	85,3	14,7	11,1	42,1	25,8	3,8	2,2	6,0	1,0	1,7	55,6	5,7	27,9	29,8	0,8
1999	1 716 679	84,8	15,2	10,7	43,3	25,1	3,4	1,9	6,1	1,2	1,7	55,6	9,8	24,1	25,8	0,9
2000	1 741 439	83,7	16,3	10,2	43,3	25,9	3,7	1,8	5,8	1,1	1,8	54,8	9,6	22,1	23,1	0,9
2001	1 644 242	83,0	17,0	10,5	43,4	25,9	3,7	1,5	5,7	1,2	1,7	55,1	5,4	26,1	22,6	0,8
2002	1 257 700	82,2	17,8	11,2	43,5	26,6	5,2	1,1	6,2	1,4	1,6	52,4	5,0	24,4	24,2	0,6
2003	1 236 733	83,4	17,6	11,8	45,2	26,0	4,6	1,0	6,6	1,6	1,3	53,7	5,3	24,4	24,0	0,6
2004	1 222 504	86,6	13,4	12,4	44,9	21,1	4,4	0,9	7,0	1,6	1,1	58,8	6,9	25,9	22,5	0,5
2005	1 227 123	86,2	13,8	11,6	45,3	20,2	4,4	0,7	6,7	1,6	0,5	60,3	6,3	28,8	21,3	0,4
2006	1.360 860	84,9	15,1	10,9	45,5	20,3	4,7	0,6	6,6	1,7	0,6	59,6	6,2	28,8	19,5	0,6
2007	1 317 582	84,8	15,2	10,0	45,6	21,0	4,6	0,5	6,4	1,7	1,0	59,6	5,6	29,1	17,4	0,7

Таблица 7.6. Социально-демографический состав выявленных лиц, совершивших преступления в 1987 – 2007 гг. в России

11,8 до 59-60%) и набирающий темпы рост доли лиц, официально признанных безработными. Динамика фермеров и предпринимателей незначительна. Доля учащихся сокращается и в силу уменьшения их числа в популяции и по причинам, общим для подростков. Стабильно низка с тенденцией к сокращению доля служащих. Однако при этом следует делать поправку на очень высокую латентность должностной и экономической преступности.

Как всегда, во все времена и во всех странах, относительно устойчива доля рецидивной преступности. Это удивительное постоянство при всех изменениях уголовной юстиции послужило одним из доводов при обосновании «кризиса наказания». Подробнее об этом – в заключительной (IV) части нашей монографии.

В целом прослеживается тенденция роста «пьяной» преступности с 1987 г. до 1994 г. (от 28 до 41%) с последующим снижением до 17,4% в 2007 г. Особенно высок удельный вес убийств (71-78%), причинения тяжкого вреда здоровью (74-80%), изнасилований (70-78%), хулиганства (72-75%), совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Заметим, что до 1917 г. удельный вес «пьяной» преступности был значительно ниже (в среднем 11%, по данным М.Н. Гернета), равно как и в 20-е гг. XX столетия (6-15%).

Незначительна доля лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического и токсического опьянения (0,2-0,9%) или же наркоманами (в среднем 0,2%). Только привычной толерантностью (терпимостью) к потребителям алкогольных напитков и официальной идеологией «войны с наркотиками» можно объяснить столь «несправедливое» отношение официоза и Mass Media к потребителям наркотиков (образ хищного преступника) по сравнению с традиционными для России пьяницами.

§5. Организованная преступность

Как отмечалось выше, в данной работе не рассматриваются отдельные виды преступности, поскольку это нашло отражение в одной из предыдущих книг автора («Криминология», СПб, 2009). Однако для организованной преступ-

ности сделано исключение в силу относительной самостоятельности и важности проблемы.

Тема организованной преступности актуальна в современном мире, включая Россию, и вместе с тем крайне мифологизирована. Но если организованная преступность Италии, США, Японии и других «капиталистических» стран изучается и обсуждается с конца 20-х годов минувшего века (одно из первых исследований - The Illinois Crime Survey, 1929, деятельность комиссии Kefauver, 50-е годы, труды D. Bell и D. Cressey 50-60-е годы), то для постсоветской России это совсем новая тема. Нередко она используется различными политическими силами в популистских целях: «Как только мы придем к власти, так ликвидируем мафию». Задача предлагаемого параграфа - попытаться посмотреть на проблему теоретически и показать реальную, с точки зрения автора, картину в современной России.

Что такое «организованная преступность»? Организованная преступность - сложный социальный феномен. Возникнув, она так прочно переплелась с другими социальными институтами и процессами, так прочно вросла в общественную ткань, что с трудом может быть из нее вырвана для изучения.

Более того, вызывает все большие сомнения корректность самого понятия «организованная преступность», ибо, во-первых, преступность вообще не имеет субстрата в реальной действительности, а является *релятивным, конвенциональным социальным конструктом.* Во-вторых, с точки зрения общей теории организации, «организованность» - неотъемлемое свойство всех биологических и социальных систем, а потому «неорганизованной преступности» просто не существует. В-третьих, «в современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушением уголовного закона, понятие «организованная преступность» оказывается синонимом понятий «общество», «государство», «социальная действительность», «социальное явление»». Так что «понятие организованная преступность выполняет социальную функцию «персонификации общественного зла»»[72]. В

72. Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм. В: Преступность и криминология на рубеже веков. СПб.: СПб Ф ИС РАН. 1999. С. 46.

результате предлагается отказаться от понятия «организованная преступность» как научного, признав его бытовым понятием[73]. Соглашаясь с этими доводами, я не призываю к немедленному отказу от понятия «организованная преступность». Имеются научные традиции, накоплен большой эмпирический материал, осуществляется практика социального контроля над так называемой организованной преступностью. Но проблема нуждается в демифологизации и корректном, не идеологизированном изучении и освещении.

Имеется множество определений организованной преступности[74].

Если учесть, что идеальных определений не бывает, можно в качестве рабочего принять следующее определение: организованная преступность – это *«функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции».*

Это определение было зафиксировано в документах Международной конференции ООН по проблемам организованной преступности в 1991 г. в Суздале (Россия).

Следует предостеречь от понимания организованной преступности как простой совокупности деятельности преступных организаций. Организованная преступность – не сумма преступных организаций или преступлений, совершаемых ими. Это качественно новая характеристика такого состояния преступности, когда она встроена в социальную систему, оказывая существенное влияние на другие элементы системы и, прежде всего – на экономику и политику.

Важно не столько формальное определение организованной преступности, сколько понимание ее как социального феномена.

Представляется, что три основные модели организованной преступности, известные в мировой криминологии, -

---

73. Там же. С.47.

74. См.: Abadinsky H. Organized Crime. Fourth Edition. Chicago: Nelson-Hall, 1994, pp.2-8; Albanese J. Organized Crime: The Mafia Mystique. In: Criminology. A Contemporary Handbook. Wadsworth Publishing Co., 1995, pp. 231-232; Kelly R., Ko-lin Chin, Schatzberg R. (Eds.) Handbook of Organized Crime. In United States. Greenwood Press, 1994, pp. 21-31.

иерархическая, локальная или этническая и организованная преступность как предпринимательство, бизнес (business enterprise)[75] – дополнительны. При этом «business enterprise» составляет сущность организованной преступности, а иерархическая и локальная (этническая) модели – ее организационные *формы*.

Организованная преступность выступает, прежде всего, как предпринимательство, бизнес, индустрия, производство товаров и/или услуг. Ее главной целью является экономическая выгода, *прибыль*[76]. И в этом отношении организованная преступность не отличается от обычного бизнеса. Различия начинаются с *методов* деятельности. Преступные организации добиваются высокой прибыли любыми методами, включая криминальные. Но и вполне респектабельный бизнес не избегает полулегальных, а то и преступных действий для достижения выгодного результата... Становясь известными, такие случаи расцениваются как примеры «беловоротничковой» *(white-collar crime),* а не организованной преступности.

Криминальный бизнес возникает, существует и развивается при наличии ряда условий:

‹ спрос на нелегальные товары (наркотики, оружие и др.) и услуги (сексуальные и др.);

‹ неудовлетворенный спрос на легальные товары и услуги (например, «дефицит», присущий социалистической экономике);

‹ рынок труда, безработица, незанятость подростков и молодежи;

‹ пороки налоговой, таможенной, финансовой политики государства, препятствующие нормальному развитию легальной рыночной экономики.

Пока есть спрос, будут предложения. Функционирование наркобизнеса как экономической отрасли рассмотрено в книге Л. Тимофеева «Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли». В результате экономического анали-

---

75. Albanese. Ibid. P.233-240; Kelly, Ko-lin Chin, Schatzberg. Ibid. pp.78-87.

76. Abadinsky. Ibid. ; Albanese. Ibid.; Arlacchi P. Mafia Business. The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism. Verso Edition, 1986; Kelly, Ko-lin Chin, Schatzberg. Ibid. pp. 121-150; Reid S. Crime and Criminology. Fifth Edition. Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1988, p.334.

за автор приходит к выводам: «Из всех возможных способов регулирования отрасли - налогообложение, национализация, запрет - запрет как раз наименее продуктивен. Запретить рынок - не значит уничтожить его. Запретить рынок - значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок - значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства»[77]. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить последствия «сухого закона» в США - бутлегерство и зарождение мафии, а также политики «преодоления пьянства и алкоголизма» в середине 80-х гг. в бывшем СССР - массовое самогоноварение, начало подпольного производства и распространения фальсифицированных алкогольных изделий, наконец, сегодняшнюю ситуацию с наркобизнесом. Всеобщая легализация наркотиков означала бы конец наркобизнеса (к этой проблеме мы еще вернемся в главе 10).

Об организованной преступности *как социальном феномене* (а не совокупности преступных организаций, которые существуют не одно столетие) можно говорить только тогда, когда она начинает серьезно *влиять на экономику и политику страны.* Это присуще и современной России.

Глобальное развитие организованной преступности (повышение степени *организованности* преступности) - *естественный, закономерный* процесс, всего лишь проявление повышения уровня организованности всех социальных институтов: экономики, производства, управления, политики, образования и др. Как выразился один из представителей преступного сообщества Санкт-Петербурга в интервью сотруднику Центра девиантологии Социологического института РАН Я. Костюковскому: «Время разбойников с обрезами прошло. Конечно, есть обычные уличные грабители, но они даже если за день ограбят тысячу человек - это ничего по сравнению с тем, что могу заработать я, нажав три клавиши на компьютере».

---

77. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М.: РГГУ, 1998. С. 107.

Неудивительно, что одной из современных тенденций организованной преступности является стремление к легализации своей деятельности, в частности, путем создания легальных предприятий, инвестируя в них деньги, добытые преступным путем, а затем «отмытые».

Организованная преступность институционализируется в различное время в разных странах, становясь социальным *институтом.* Социальные институты – регулярные, долговременные социальные практики, образцы поведения, служащие удовлетворению различных потребностей людей[78]. Основные признаки организованной преступности как социального института: *длительность* существования; *регулярность* (постоянство) функционирования; выполнение определенных социальных *функций* (обеспечение заинтересованных групп населения товарами и услугами, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); наличие комплекса *норм* (правил поведения); «профессионального» *языка*, вполне определенных *ролей.* Институционализация (процесс, в ходе которого социальные практики становятся регулярными, долговременными и «обрастают» всеми признаками института) организованной преступности начался в России (СССР) с конца 50-х – начала 60-х гг. минувшего столетия и завершился в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века.

Прогнозируя развитие организованной преступности, отмечают:

- эрозию традиционных мафиозных структур;
- расширение применения насилия для достижения результатов;
- более активное использование безопасных видов деятельности (подделка кредитных карт, авиабилетов);
- внедрение в легальный бизнес и финансовую деятельность;
- отмывание денег через рестораны, ночные клубы, казино и т.п.;
- использование новых технологий[79].

---

78. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004 С. 166-167.

79. Albanese. Ibid. pp.245-247; Siegel L. Criminology. Fourth Edition. West Publishing Co., 1992, pp. 386-387.

Все исследователи прогнозируют дальнейшую интернационализацию, глобализацию организованной преступности.

Преступная организация. Имеется уголовно-правовое (ст.35 УК РФ) и криминологическое понимание преступной организации. Ниже анализируется лишь последнее.

Нами не будут рассматриваться преступные организации политической направленности (признанные таковыми в судебном порядке - руководящий состав национал-социалистической партии Германии, гестапо, СД, СС, или же оставшиеся без формального юридического осуждения – руководство ВКП(б)-КПСС, НКВД-КГБ), а также легальные организации, использующие в своей деятельности преступные методы.

Предметом нашего анализа являются те из преступных организаций, которые создаются для извлечения прибыли в результате производства и распределения *нелегальных* товаров и услуг. Их можно условно назвать *«организациями преступного предпринимательства»*. Однако в силу традиции и для краткости будем использовать привычный термин «преступная организация». Они относятся к социальным организациям типа «трудовой коллектив» (различают несколько типов социальных организаций: семья, трудовой коллектив, общественная организация, общество, метаобщество)[80].

Действительно, с экономической точки зрения, «преступная деятельность - такая же профессия, которой люди посвящают время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступником по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что «прибыль» от решения стать преступником - приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными, - превосходит

80. Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность. В: Организованная преступность в России: Теория и реальность / ред. Я. Гилинский. СПбФ ИСРАН, 1996. С. 1-15.

«прибыль» от занятия иными профессиями»[81].

Как любой трудовой коллектив, преступная организация имеет свою более или менее сложную структуру, правила работы; заботится о подборе, подготовке и расстановке кадров; поддерживает дисциплину труда; обеспечивает безопасность деятельности; стремится к высоким доходам (прибыли). Издаются пособия по руководству мафией[82]...

Преступные организации высоко адаптивны и устойчивы в силу жестких требований к «подбору кадров», «дисциплине труда», рекрутированию наиболее молодых, сильных, волевых «сотрудников», благодаря «свободе» от налогового бремени, да и от общепринятых моральных требований (своя этика существует и строго поддерживается). Так что эта разновидность трудовых коллективов отличается высокой конкурентоспособностью.

Из интервью представителя преступной группировки Санкт-Петербурга Я. Костюковскому[83]:

«У меня бригада есть - угонами занимается. Там такие умельцы - машину с любой противоугонкой за пять минут вскрывают. Недавно купили сканирующее устройство - коды считывать. Техника... Я вообще думаю, что вся новая техника через криминал проходит. Это в государственных учреждениях сидят в тетрисы на компьютерах режутся. А у меня в конторе по двенадцать часов люди работают».

Иногда различают три уровня преступных организаций: преступная группа, объединение (ассоциация), преступное сообщество.

В отечественной и зарубежной литературе перечисляется множество признаков преступной организации. С точки зрения автора, к числу наиболее существенных признаков

---

81. Бекер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 33-34.

82. The Mafia Manager: A Guide to the Corporate Machiavelly. NY: St. Martin's Press, 1996 (автору уже встречался русский перевод этой брошюры).

83. Я. Костюковский провел свыше 100 глубинных интервью с представителями действующих преступных группировок. Результаты исследования представлены в: Костюковский Я.В. Организованная преступность и преступные организации: социологический анализ. Дисс....канд социологич. наук. СПб, 2002 и ряде научных публикаций.

организации преступного предпринимательства относятся:

‹ устойчивое объединение людей, рассчитанное на длительную деятельность;

‹ цель: извлечение максимальной прибыли (сверхприбыли);

‹ содержание деятельности: производство и распределение товаров и услуг;

‹ характер деятельности: сочетание *нелегальных* (преступных) и легальных видов деятельности;

‹ структура организации: сложная *иерархическая* с разграничением функций;

‹ основное средство безопасности: *коррумпирование* органов власти и управления, правоохранительных органов (полиции, уголовной юстиции);

‹ стремление к *монополизации* в определенной сфере деятельности или на определенной территории ради успешного достижения главной цели.

Эти признаки в большей или меньшей степени присущи всем трудовым коллективам. Лишь преступный характер деятельности и коррумпирование у легальных трудовых коллективов проявляются в качестве необязательных (но вполне возможных) признаков. Следует отметить еще одну особенность: преступная организация, как правило, нелегальна в том отношении, что не имеет статуса юридического лица и всех соответствующих легальных атрибутов (лицензия, счет в банке, печать и др.). Однако в последнее время криминальные структуры преодолевают и это «неравенство», создавая легализованные дочерние «предприятия» или же проходя... юридическое оформление как «общественная организация» (например, хорошо известная преступная группировка «Уралмаш» - однофамилец государственного гиганта и футбольной команды).

Что касается «мафии» - это не научный термин. Иногда он употребляется как синоним «преступной организации», иногда - как собственное имя определенных преступных сообществ типа сицилийской мафии.

Организованная преступность в современной России

Преступные организации в России имеют долгую историю - они известны с XV-XVI веков. «Воровские» традиции и воровской сленг («блатная феня») восходят к XVIII веку.

После 1917 г. преступные организации в России действовали в виде банд, совершавших вооруженные нападения на граждан и учреждения. С 30-х годов формируется криминальное сообщество «воров в законе», которое со значительными изменениями (менее строгий воровской «закон», утрата былых позиций вне пенитенциарной «зоны» и др.) существует до сих пор. «Воры в законе» имеют «общак» - общую кассу, в которую отчисляется определенный процент от награбленного. Об этой уникальной форме преступной организации сегодня, пожалуй, известно столько же, сколько о сицилийской мафии[84].

После смерти И. Сталина, на волне хрущевской «оттепели» появляются первые подпольные дельцы - «цеховики» (в легальных и подпольных цехах нелегально изготовлялась продукция для населения - одежда, обувь и др., которыми не могла обеспечить государственная промышленность). Цеховики, как и представители других сфер нелегального в условиях «социализма» бизнеса, представляли теневую экономику, были «теневиками». Особенность российской (вообще советской) теневой экономики состояла в том, что «теневиками» производились вполне легальные товары и предоставлялись легальные - для нормального общества с нормальной экономикой - услуги (например, обмен валюты).

В 70-80-е годы идет активный процесс сращивания «цеховиков», теневой экономики и сообщества «воров в законе», а также коррумпированных властных структур - «зонтика». Горбачевская перестройка при всех ее несомненных достоинствах, с ее легализацией частной собственности, частной предпринимательской деятельности позволила владельцам подпольных капиталов, а также партийно-государственной номенклатуре первыми захватить новое

84. Гуров А., Рябинин В. Исповедь «вора в законе». М.: Самоцвет, 1995; Дикселиус М., Константинов А. Преступный мир России. СПб.: Библиополис, 1995; Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. М.: Художественная литература, 1994; Сидоров А. Великие битвы уголовного мира: История профессиональной преступности Советской России. В 2-х кн. Ростов-на-Дону: МарТ, 1999; и др.

экономическое поле. Сплав старых «воров в законе», «теневиков», коррумпированных чиновников и новой генерации криминального мира - «бандитов» или «спортсменов» раздвоился: большая часть ушла со своими капиталами, криминальными и полукриминальными связями и нравами в легальный бизнес, меньшая часть образовала преступные организации с традиционными видами деятельности: продажа наркотиков и оружия, рэкет, контроль над игорным бизнесом и проституцией и т.п. В результате названных процессов современный российский капитализм оказался в значительной степени криминализирован – по «начальному капиталу», методам деятельности, взаимоотношениям участников, «этике» и лексике «братков»[85]. Представители криминальных структур нередко входят в состав совета директоров предприятий, правлений банков (кстати говоря, наши конфиденты считают, что в банковской сфере контроль криминалитета достигает 90-100%, тогда как в сфере предпринимательства «ограничивается» 60-80%).

Бизнес в Санкт-Петербурге и в других регионах России в значительной степени находится под контролем криминальных структур. В Петербурге действовали несколько преступных сообществ мафиозного типа (Тамбовское, Азербайджанское, Казанское и др.), десятки преступных объединений (например, Комаровское, по трассе Петербург – Выборг - государственная граница) и сотни преступных групп.

Наши респонденты, представители отечественного бизнеса, рассказывали еще в середине 90-х гг.: «100% коммерческих структур подвергаются рэкету... Рэкетиры контролируют все предприятия, кроме оборонного комплекса и некоторых иностранных фирм».

И сегодня (интервью 2000 г.) руководитель одного из подразделений регионального УФСБ считает, что не менее 90% предпринимателей вынуждены платить дань криминальным структурам «за охрану».

Если в конце 80-х – начале 90-х гг. преобладал «черный рэкет»: поборы с мелких магазинов, ларьков, киосков, то в

85. См.: Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики, 2001. №5. С. 4-25.

настоящее время, за исключением сохранившихся мелких рэкетиров, господствует хорошо отлаженная и вполне «легальная» система «патронажа» над крупными предприятиями и банками с заключением юридически оформленных договоров на «обеспечение безопасности», «маркетинговые услуги», «партнерство». Вообще легальный и нелегальный бизнес в стране тесно взаимосвязаны. Наши респонденты из числа бизнесменов утверждали:

«Невозможно работать без нелегальной деятельности... Легальные и нелегальные методы взаимосвязаны».

Руководители подразделений милиции по борьбе с экономической и организованной преступности подтверждали:

«Средний бизнесмен чрезвычайно вовлечен в криминал... Взятки дают за все...Долги выбивают силой... С налоговой инспекцией нельзя иметь дело без взяток... Взятка неизбежна в бизнесе...Налоговая инспекция крайне коррумпирована... Мафиози нередко могут стать членами правления банков».

Многочисленные интервью с бизнесменами, офицерами полиции и действующими представителями петербургских криминальных структур позволили установить типичные ситуации вынужденного вовлечения предпринимателей в криминальную деятельность:

‹ *дача взяток* - при регистрации (получении лицензии) своего бизнеса; при аренде помещения; при получении разрешения на предпринимательскую деятельность от санитарно-эпидемиологической службы, от пожарной инспекции и др.; для получения банковского кредита; при отчете налоговой службе; при взаимоотношении с таможенными органами и т.п.;

‹ *сокрытие доходов от налога,* ибо при существующем налоговом прессе невозможно выжить в условиях конкуренции при добросовестном выполнении налоговых требований;

‹ *зависимость от рэкета* («крыши») и *необходимость сотрудничать с криминальными структурами* (преступными сообществами), в том числе вводя их представителей в руководство предприятия, банка, в целях личной безопасности и возможности заниматься бизнесом;

‹ *недостатки законодательной базы*, бюрократизация и коррумпированность полиции и юстиции заставляют «восполнять» государственную и судебную защиту неправовыми методами (в том числе, прибегая к «помощи» криминалитета: «арбитраж», «исполнительное производство» и др.).

Результаты наших эмпирических исследований организованной преступности в Санкт-Петербурге (2005 г.) свидетельствуют о таком «новшестве», как вытеснение *криминальных «крыш» ментовскими* (милицейскими). По признанию сотрудников милиции/полиции, ее подразделения «крышуют» магазины, кафе, рестораны, «точки» по продаже наркотиков, сексиндустрию[86].

Основные виды деятельности российских преступных организаций: финансовые (банковские) махинации, торговля оружием, кража и перепродажа автомобилей, продажа цветных металлов, изготовление и продажа фальсифицированных товаров и прежде всего- алкогольных изделий, наркобизнес, контроль над игорным бизнесом и проституцией. Проиллюстрирую сказанное фрагментами из интервью сотрудника упомянутого исследовательского Центра Я. Костюковского с представителями петербургских преступных организаций.

«И. (интервьюер): Какие виды криминального бизнеса наиболее популярны?

Р. (респондент): В течение 1994 г. половина всего металла из России экспортировалось нелегально. Это был хороший бизнес! Люди за два-три месяца зарабатывали так, что до сих пор хватает. Правда, это была работа по 25 часов в сутки. Но игра стоила свеч. Разница в цене здесь и в Эстонии, например, была безумная».

«И.: Как в отношении азартных игр?

Р.: Если ты спрашиваешь о казино…Это дело подходящее. Я могу пригласить в казино интересного для меня человека и он будет выигрывать. Он сможет выиграть столько, сколько я захочу. Это ситуация простая и прекрасная: нет взятки, нет коррупции. Человек доволен, нет проблем… Через казино можно реализовать огромные деньги без контроля. Иногда бывают милицейские налеты. Обнаружить

86. Подробнее см.: Гилинский Я. Криминология (СПб, 2009). С. 284-287.

нарушения в казино всегда можно. Но кто будет проверять, когда вице-губернатор сидит? В общем, белые начинают и выигрывают…»

«И: А как дела с проституцией?

Р.: Проституция в Санкт-Петербурге обычная индустрия. Существует не со вчерашнего дня. Имеются сотни «контор» (агенства по предоставлению сексуальных услуг – Я.Г.). Их еще больше в Москве. В нашем городе самые дорогие женщины в барах, гостиницах, казино. Есть “call girls”, девочки в саунах, в «центрах досуга». Так, в массажных салонах… Уличные намного дешевле…

И.: А как с детской проституцией?

Р.: Конечно. Есть очень много любителей. Есть также много алкоголиков, которые продают своих детей. Можно даже за бутылку водки. Если говорить о проституции в целом, есть мужская проституция и гомосексуальная проституция тоже. Мужчины более дорого стоят.

И.: Что ты можешь сказать о «бизнес-поездках»?

Р.: Да, существуют. Более того, девочки не всегда проститутки. Это могут быть приглашения для работы в стриптизе или вообще в сфере услуг. Но они экспортируются, например, в Турцию и их насильно заставляют заниматься проституцией. Это их счастье, если им удается бежать. Но обычно конец очень плохой…».

Преступные организации проявляют большой интерес к приватизации. Они получают своевременно информацию об аукционах, направляют туда представителей, которые нередко диктуют - кто, что и за какую цену купит.

Большой размах получила нелегальная торговля оружием. Купить можно все. Вопрос только - по какой цене.

«Р.: Мы занимаемся мелочью по сравнению с тем, что сейчас делается в армии, в оборонке – вот там да, целая экономика. Сейчас говорят, вот, в армии все воруют. А, по-моему, там все намного сложнее. Просто выгоднее прикинуться простыми воришками, а на самом деле там же миллионы баксов крутятся».

Последние годы активно развивается рынок наркотиков. Если несколько лет назад в городе преобладали анаша и маковая соломка, то теперь - героин, для элитного потребления - кокаин, на дискотеках - экстази.

Особая тема - «вхождение во власть» криминальных структур. Их представители сегодня в руководстве предприятий и банков, законодательных и административных органов, они лоббируют законы и контролируют их исполнение, финансируют избирательные компании, спонсируют учреждения образования и культуры, а кое-где и полицию[87]...

В настоящее время (с конца 2010 г.) преступное слияние организованной преступности («бандитов»), «правоохранительных» органов – «силовиков» (включая полицию) и местных органов власти признают на самом высшем уровне. В послании бывшего президента России Д. Медведева Федеральному Собранию говорится[88]: «За последнее время, к сожалению, произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом». Ему вторит Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин[89]: «Увы, с каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кущевской», — не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем — и профессиональным экспертам, и рядовым гражданам — очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное».

А вот компетентное мнение посла США в России Джона Байерли, ставшее известным благодаря Джулиану Ассанжу и публикациям WikiLeaks и британской газеты «The Guardian»: «В столице (Москве – Я.Г.) действует трехступенчатая криминальная система, на самой верхушке которой — Лужков. Вслед за ним идут две огромные структуры — ФСБ и МВД. В самом низу пирамиды — уже мелкие преступники и рядовые инспекторы различных государственных

87. Шаров Л. Оставьте преступность в покое // Общая газета. 1998. 15-21 января. С.5.

88. «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5350 от 1 декабря 2010 г.

89. «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5359 от 10 декабря 2010 г.

структур. Причем подчеркивается, что ФСБ — это «вообще лучшая „крыша“ для бизнеса в России»». «МВД собирает деньги с малого бизнеса, а ФСБ — с большого». «Источники указывают, что здесь отпала необходимость в криминальных бандах, которые занимались бы «крышеванием». Куда проще в Москве использовать МВД и ФСБ». В своем очередном докладе Госдепу Дж. Байерли сообщает: «преступные элементы имеют «крышу», которая пронизывает все ряды милиции, ФСБ, МВД и Генеральной прокуратуры, а также бюрократические структуры московского городского правительства».

Для российской организованной преступности характерны следующие особенности:

широкая распространенность и влияние на экономику и политику (по мнению правоохранительных органов, около 40-60% предприятий и 60-80% банков находятся под контролем криминальных структур, с точки зрения представителей криминалитета, эти цифры еще выше);

‹ очень высокий доход (сверхприбыль) преступного бизнеса;

‹ организованная преступность принимает на себя выполнение функций государства: обеспечение безопасности, «арбитраж», «исполнительное производство» и т.п.;

‹ тотальная коррумпированность властных структур и правоохранительных органов всех уровней;

‹ широкая социальная база организованной преступности - незанятость подростков и молодежи, невозможность в условиях современной России («сверх-налоги», коррупция) нормально развиваться легальному бизнесу;

‹ распространение насильственных методов «решения конфликтов»;

‹ новые тенденции: стремление к легализации криминальной деятельности; переход к легальной и полулегальной деятельности; проникновение в легальный бизнес и во властные структуры;

‹ политизация организованной преступности и криминализация политики, экономики, общества и государства.

§6. «Преступления ненависти» и ксенофобия

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды - «преступления ненависти» (Hate crimes) были всегда. Достаточно вспомнить многочисленные религиозные войны, крестовые походы, межнациональные и межэтнические конфликты, погромы и преследования на почве антисемитизма. Вообще с первых шагов человечества зародились подозрительность и нелюбовь к «чужим», не «своим», нередко переходящая в открытую вражду (впрочем, это присуще всем стадным животным)[90].

Однако со второй половины XX столетия такого рода преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Тому есть как минимум два объяснения. Во-первых, по мере развития цивилизации, либерализации и гуманизации межчеловеческих отношений население развитых стран стало особенно болезненно воспринимать любые проявления ксенофобии и преследования на почве национальной, расовой, религиозной вражды, а также по мотивам гомофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения (нищим, бездомным, инвалидам, проституткам и т.п.). Высмеиваемая подчас «политкорректность» людей западной цивилизации, недопустимость «обзывать» кого бы то ни было алкоголиком (лучше сказать – «У Джона проблема с алкоголем»), наркоманом («У Кэтрин проблема с наркотиками»), преступником («У Смита проблема с законом»), - в действительности есть проявление подлинно человеческой толерантности, достойной уважения. По этой же причине в США не принято употреблять слово «негр», исторически носящее уничижительный характер («нигер»), а предпочтительнее – афро-американец. Во-вторых, одним из негативных последствий глобализации является усиление ксенофобии во всем мире. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это в свою очередь приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев,

90. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.

привычек, стиля жизни и т.п. Не миновала чаша сия и Россию. Между тем ксенофобия, нетерпимость во всех ее проявлениях служит реальной угрозой существованию и отдельных обществ и человечества в целом[91].

Неслучайно поэтому в 1985 г. впервые было «слово названо»: John Coneyrs, Barbara Kennelly и Mario Biaggi опубликовали «Hate Crime Statistics Act». В 1989 г. была издана статья Джона Лео «The Politics of Hate». Интересно, что одна из первых работ (1991 г.) была посвящена насилию в отношении геев и лесбиянок. В начале 90-х гг. минувшего столетия термин «Hate crimes» приобрел легалистский (правовой) характер, включая законодательные акты[92]. Криминализации подверглось, прежде всего, насилие по мотивам расизма, антисемитизма, а также – гомофобии, враждебного отношения к гомосексуалистам. Прошло немного времени, и стал нарастать вал литературы, посвященной проблеме преступлений, совершаемых по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и на почве гомофобии[93]. В США к группам, совершающим преступления ненависти, были отнесены нео-нацисты, скинхеды и Ку-Клус-Клан.

Основные понятия. «Преступления ненависти», во-первых, суть *социальный конструкт* (как и преступность, наркотизм, проституция и иные социальные феномены, не имеющие онтологических оснований и «естественных» границ). Во-вторых, и это отчасти вытекает из вышесказанного, это понятие еще не устоявшееся, по-разному понимаемое различными законодателями и учеными.

Дж. Джейкоб и К. Поттер в вышеназванной книге подчеркивают, что преступления ненависти – прежде всего

91. См.: Гилинский Я.И. Толерантность в России: возможность и невозможность. В: Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб ГУ, 2004. С. 53-58; Он же. Интолерантность в современной России. В: Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005. С.98-103.

92. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998, p.4.

93. Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives, Warsaw, 2005; Gerstenfeld Ph. Hate Crimes: Causes, Controls and Controversies. SAGE Publications, 2004; Gerstenfeld Ph., Grant D. (Eds.) Crime of Hate: Selected Readings. SAGE Publications, 2004; Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005.

преступления, *порождаемые предубеждением, предрассудком (bias, prejudice)* по отношению к лицам другой расы, нации, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации и т.п. Это преступления, мотивированные предубеждением. Преступления ненависти, как социальный и правовой конструкт, не существуют как таковые в природе, *sui generis, per se*. Это «обычное» насилие, но совершаемое в силу определенных, перечисленных в законе мотивов.

По Дж. Джейкобу и К. Поттер, ««Hate crime» есть социальный конструкт. Это новый термин, который не привычный, не самоочевидный (self-defining). Придуманный в конце 80-х для выражения криминальных деяний, мотивированных предубеждением, сфокусированный скорее на психологии преступлений, чем на криминальных действиях»[94].

Н. Холл также относит преступления ненависти к социальным конструктам. Он отмечает трудность всех определений преступности вообще и преступлений ненависти, в частности. В своей монографии Н. Холл приводит многочисленные определения hate crime (P. Gerstenfeld, K. Craig, L. Wolfe, L. Copeland, C. Sheffield, B. Perry и др., а также ряд нормативных определений)[95]. Холл подробно останавливается и на анализе всех «составляющих» анализируемого понятия и его определений: «ненависть», «предубеждение», «предрассудок», «дискриминация» и др.

Приведем некоторые из рассматриваемых Н. Холлом определений. «Простейшее определение преступления ненависти: криминальный поступок, который мотивирован, по крайней мере, групповой принадлежностью жертвы»; «незаконное деяние, включающее преднамеренную селекцию (отбор) жертвы, основанную на предрассудке или предубеждении преступника против реального или предполагаемого статуса жертвы»; «насилие, направленное в отношении групп людей, которые в целом не одобряются большинством общества, которые испытывают дискриминацию в различных сферах деятельности…»; «преступление ненависти включает акты насилия и устрашения, обыч-

94. Jacobs, J., Potter, K. Ibid., p. 27.

95. Hall N. Ibid., pp. 1-9.

но направленные в отношении уже стигматизированных и маргинализированных групп».

В российском уголовном праве мы встречаемся с такими составами преступлений, как насильственные преступления, совершенные «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды» (ст. ст. 105 ч.2 п. «л», 111 ч.2 п. «е», 112 ч.2 п. «е», 117 ч.2 п. «з» УК РФ); «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе…» (ст.282 УК РФ).

Кроме того, согласно п. «е» ст. 63 УК к отягчающим наказание обстоятельствам относится совершение преступления «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды…»; ст. 136 УК предусматривает уголовную ответственность, в частности, за «нарушение равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от … расы, национальности,… отношения к религии»; в ч. 2 п. «б» ст. 244 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») рассматриваются в качестве квалифицирующего признака действия «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, или религиозной ненависти или вражды».

Монографическим отечественным исследованием преступлений ненависти, служит пока только диссертация К.Н. Бабиченко[96]. Международная судебная практика, включая практику Европейского суда по правам человека, в связи с дискриминацией по признаку расы и национальной принадлежности представлена в недавно опубликованном сборнике статей[97].

Классификация преступлений ненависти. В зависимости от уголовно-правового закона и доктринальных суждений различаются виды преступлений ненависти: по мо-

96. Бабиченко К.Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение. Дисс.…канд. юрид. наук. СПб., 2005.

97. Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / ред. А.К. Соболева. М., 2005.

тивам расовой, национальной, этнической неприязни или вражды; по мотивам религиозной неприязни или вражды; в отношении сексуальных и иных меньшинств.

Следует, очевидно, отграничивать преступления ненависти от еще одного вида преступлений, почти не артикулируемого в отечественной литературе, - *«стокерства» или «сталкерства»* (stalkers – упорные преследователи, «охотники»)[98]. Речь идет о людях, преследующих кого-либо. Потенциальными и реальными жертвами стокеров (для россиян привычнее – сталкеров, благодаря роману братьев А. и Б. Стругацких и фильму А. Тарковского) могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т.п.), сослуживцы, коллеги по профессии, соученики. Нередко «стокерство» - результат психических отклонений (сутяжничество, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, мести или иной непримиримости.

Существенное отличие «стокерства» от «преступлений ненависти» состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют какое-либо *конкретное лицо* (персонально), а не неопределенный круг лиц, принадлежащих к ненавистной группе («черные», «косоглазые», «гомики» и т.п.). Во вторых, стокер преследует и может учинить насилие над преследуемым по *личным мотивам,* вытекающим из личных неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т.п.).

Hate crimes в современной России. Последние годы отмечены небывалым ростом преступлений ненависти в России. Газеты, специальные издания, милицейские сводки практически ежедневно сообщают о случаях нападения, избиения, убийств фактически по мотивам расовой, национальной ненависти, реже – религиозной, которую не всегда возможно отделить от национальной (нападение в московской синагоге, в ряде мечетей, осквернение еврейских и мусульманских кладбищ и т.п.). Правда, в большинстве случаев действия виновных, если их удается найти, квалифицируются как хулиганство, убийство, не связанные с ксенофобской мотивацией. Поэтому, например, по ст. 105 ч.2 п.

98. Mullen P., Pathé M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000; Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. Stockholm, 2006.

«л» УК РФ было зарегистрировано всего 9 случаев в 2001 г., 10 – в 2002 г., 11 – в 2003 г., 10 – в 2004 г.[99]

Зам. начальника департамента охраны общественного порядка МВД РФ В. Голубовский, выступая на «Круглом столе» в НИИ МВД РФ 25 октября 2007 г., заявил: «На оперативных и профилактических учетах в органах внутренних дел состоят 302 неформальных молодежных объединения экстремистской направленности общей численностью свыше десяти тысяч человек».

Динамика преступлений, образующих состав ст. 282 УК РФ, и выявленных лиц, их совершивших, выглядит следующим образом: 1999 – 25/11; 2000 – 17/8; 2001 - 32/7; 2002 – 74/16; 2003 – 72/15; 2004 – 59/26; 2005 – 80/42; 2006 – 173/103; 2007 – 170/129; 2008 – 182/168; 2009 – 223/182; 2010 – 272/187[100]. В то же время СМИ и специальная литература называет сотни преступлений ненависти, совершаемых в стране за год[101].

Так, по данным Информационно-аналитического центра «СОВА» и Московского Бюро по правам человека (МБПЧ), было совершено нападений по мотивам ксенофобии: 2004 г. – 267 пострадавших, 49 убитых; 2005 г. – 464 пострадавших, 47 убитых; 2006 г. – 552 пострадавших, 56 убитых; 2007 г. – 317 пострадавших, 74 убитых; 2008 г. – 486 пострадавших, 120 убитых; 2009 г. – 333 пострадавших, 75 убитых; 2010 г. – 368 пострадавших, 37 убитых. Близки к этим данные, оглашенные директором департамента «Э» («экстремизм») генерал-полковником полиции Ю. Коковым: «В 2004 году совершено 130 преступлений, в 2008-м - 460, в 2009-м - 548. Это данные официальной статистики, но их нельзя назвать абсолютно достоверными». По сведе-

---

99. Бабиченко К.Н. Указ. соч., с. 128.

100. Статистика МВД РФ URL: http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/ (дата обращения: 20.08.2012).

101. Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия: Радикальные группы, представления лидеров, роль церкви. М., 1999; Другой – чужой – враг // Индекс. Досье на цензуру, 2005, №22; Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002; Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М., 2005; Пределы толерантности в современном обществе / ред. И. Первова, В. Козловский. СПб ГУ, 2003; Радикальный русский национализм. Структуры, идеи, лица. М.СОВА, 2009.

ниям этого департамента, «сегодня на территории России действуют более 150 радикальных неофашистских группировок, члены которых исповедуют культ национализма, расового превосходства и воплощают свою идеологию на практике путем криминального насилия, в том числе убийств, на национальной, расовой и религиозной почве».

Более того, с 2009 г. фашисты заявляют, что они «пойдут во власть». Существует фашистская террористическая сеть в масштабах России, имеющая зарубежные контакты, оружие, деньги, «окна» на границе, связь с «правоохранительными» органами. Их «Стратегия – 2020» гласит: «Национально-освободительное движение принимает форму вооруженной партизанской войны против правящего режима»[102].

Летом 2004 г. в Петербурге был убит ученый и антифашист Николай Гиренко, выступавший экспертом по делам наших патриотов-фашистов. А спустя ровно три года – в июне 2007 г. была зверски избита Валентина Узунова, коллега Н. Гиренко, принявшая от него эстафету экспертиз по делам отечественных неофашистов.

Наибольшее количество преступлений ненависти совершается в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Краснодарском крае.

Субъектами «преступлений ненависти» в России выступают обычно подростки мужского пола в возрасте 14-21 год, безработные или школьники и студенты, нередко из «хороших семей». Обычно это скинхеды, «наци», неофашисты[103].

Их *«идеология»* это «Россия для русских!», «Мигранты go home!», «Бей черных!».

Жертвами преступлений ненависти служат жители Китая и Индии, Египта и Камеруна, Уганды и Мали, Израиля и Ливии, Ганы и Сенегала, а также многочисленные «лица кавказской национальности» (армяне, грузины, азербайджанцы, чеченцы и др.). Чаще всего это студенты российских университетов, легальные и нелегальные мигранты.

Каковы *методы* преступлений ненависти? Чаще всего это неожиданное нападение толпы молодых людей – скин-

---

102. Новая Газета, 07.10.2010. С.2-3.

103. См., например: Беликов С.В. Скинхеды в России. М., 2005.

хедов, нацистов (10-15 человек) – с ножами, металлическими прутьями, бейсбольными битами на жертву. Они стараются убить «чужого» «фирменным» ударом ножа в горло.

Ученый и поэт академик А. Городницкий с горечью отмечает: «Общая ксенофобия в России чудовищно выросла… Это внушает тревогу… за общий дух, который сегодня царит в обществе. Что же нужно нашему народу? Опять полицейское гетто? Или фашистское государство? Новый фюрер?»[104]. Известный психолог профессор А. Асмолов пишет: «Россия поражена тяжелейшей идеологической болезнью, которая более тяжела, чем водородная бомба XX века. Имя этой болезни – ксенофобия». И, комментируя нежелание властей и правоохранительных органов называть вещи своими именами, Асмолов продолжает: «Я считаю, что сокрытие подлинных мотивов преступления приводит к росту подобных преступлений»[105]. Ему вторит не менее известный ученый-археолог Л. Клейн: «Народ в массе симпатизирует убийцам инородцев, жалеет не убитых и их родных, а убийц… Складывается впечатление, что народ готов к погромам инородцев… Сейчас в России социально-экономическая база нацизма уже создана»[106].

Следует признать, что пока общество, власть, правоохранительные органы не начнут предпринимать реальные действия по воспитанию толерантности населения и жесткому преследованию субъектов ксенофобии и преступлений ненависти, разрастание последних невозможно предотвратить, и самые печальные прогнозы ученых сбудутся.

О реальной опасности правонарушений на почве ксенофобии свидетельствует и тот факт, что их число резко возрастает даже в традиционно демократических и толерантных странах. Так, по данным, приводимым Холлом в Приложении к ранее цитируемой книге, количество зарегистрированных полицией «расовых инцидентов» (не только преступлений) увеличилось с 1996/97 по 2002/03 гг. по регионам (графствам) Великобритании: Dorset – с 67 до 260, Humberside – с 55 до 350, Wiltshire – с 35 до 332. Справед-

---

104. «Новая газета», 10-13.03. 2005. С.11.

105. «Новая газета», 13-16.07. 2006. С.18.

106. «Новая газета», 17-19.07. 2006. С.10.

ливости ради, следует заметить, что в ряде графств число таких преступлений сократилось. В Лондоне инцидентов на расовой почве было зарегистрировано в 1996/97 г. – 5621, их количество возросло до 23346 в 1999/2000 г., но затем снизилось до 15453 в 2002/03 г. Но общий итог – тревожный.

«Кто виноват?». Ответ на этот вопрос требует специального изучения применительно к тому или иному государству и обществу. Антисемитизм в Австрии, гитлеровской Германии, Польше, России имеет свои специфические особенности и «причины». Расовая нетерпимость по отношению к африканцам в южных штатах США и нетерпимость к «черным» в современной России имеют различные корни.

Более того, отношение к тем или иным «меньшинствам» исторически меняется. Отношение к мусульманам в XX веке было терпимым или дружественным. Исламский фундаментализм конца XX – начала XXI в., усугубленный террористической деятельностью, резко обострил взаимоотношения между миром исламским и – условно - западным.

Рассмотрим некоторые факторы, обусловливающие ксенофобию и совершаемые на ее почве преступления ненависти в России.

Объективно нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть есть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства *(«включенных», «included»)* и нищего и полунищего большинства населения *(«исключенных», «excluded»)*[107]. Большинство «исключенных» - подростки и молодежь – без образования, без профессии, без работы, без легальных доходов, но окруженные «гламуром», иномарками, ресторанами, бутиками… Совершенно очевидно, что *безнадежность существования большинства россиян* не может не вызывать соответствующую реакцию. Остается только найти «козлов отпущения».

К этому следует добавить такой бесспорный объективный фактор, как приток иммигрантов, которым не так про-

---

107. Подробнее см.: Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6, с.69-77.

сто адаптироваться в новой среде, а «среда» не хочет адаптироваться к приезжим. Возникает взаимное недоверие и часто – неприязнь. Среди коренного населения начинают циркулировать идеи повышенной «криминальности» приезжих. Однако, во-первых, эти слухи сильно преувеличены. Так, например, в 2009 г. среди всех лиц, совершивших преступления, удельный вес иностранных граждан и лиц без гражданства составил всего 3,5%, в том числе гражданами государств СНГ – 3,2%[108]. Напомним, что в ФРГ доля преступлений мигрантов превышает 20%.

Во-вторых, повышенная «криминальность», если она имеет место, зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесенными, по разным причинам, в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни «коренного населения»; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются «на заработок» в другие страны и регионы наиболее активные – молодые мужчины, чья «повышенная» криминальность известна.

В зарубежной криминологии, особенно американской, исследованиям расового (этнического) фактора уделяется значительное внимание.

Перейдем к *«субъективным»* факторам. В 1990 г. я попытался проследить систему мифов тоталитарного общества на примере СССР[109]. Основные вехи *мифологизированного сознания,* по-моему, таковы: «Человек создан для счастья» - «Светлое будущее» - «Светлый путь» - знающий этот путь Вождь (Фюрер)... Но: «До «светлого будущего» было что-то далековато, а настоящее – несмотря на все «небывалые успехи», мрачновато. Значит – виноваты «враги»! Кулаки и «подкулачники», правые и левые, вредители и саботажники, «враги народа» и члены семей врагов народа, крымские татары и немцы Поволжья, космополиты и «врачи-отравители», и несть им числа... Поиск «врагов народа» (то бишь

108. Состояние преступности в России за 2009 г. М., 2010. С.19.

109. Гилинский Я. Мифологизированное сознание и тоталитаризм // Радуга, 1990, №9, с.29-31. Воспроизведено в: Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004, с.43-46.

«козлов отпущения») и «борьба» с ними – самая страшная страница прошлого»[110].

В политике неудачливой власти искать «врагов» и натравливать на них «народ» нет ничего нового. Это старо, как мир от древнеримского «Разделяй и властвуй» до сталинских «врагов народа», «убийц в белых халатах», «безродных космополитов» и т.п.

Вот почему прав бывший депутат Госдумы и правозащитник Юлий Рыбаков: «Безнаказанность, в условиях которой действуют националисты, наталкивает на мысль, что государство взяло на вооружение эту силу и придерживает ее на случай, если в один прекрасный момент понадобится сказать «фас». Власть предержащие (а сегодня это, если называть вещи своими именами, чекисты и чиновники) пытаются построить новую империю. Они понимают, что на этом пути их ждут сложности, а народ, который становится все беднее на фоне баснословно богатеющей элиты, будет искать виноватых. Естественно, власти не хотят, чтобы люди в один прекрасный момент показали пальцем именно на них. Поэтому нужно найти «крайних», виноватых. Как правило, на эту роль лучше всего подходят инородцы – армяне, евреи, азербайджанцы, неважно кто»[111]. И население, увы, готово проглотить эту наживку. Так, в ответ на создаваемый Рыбаковым Санкт-Петербургский антинацистский Центр ему звонили возмущенные жители «культурной столицы»: «Спрашивают, что мы имеем против нацизма, говорят, что приезжие заполнили город, что нужно что-то с этим делать...»[112]. И это мнение возмущенных граждан может быть страшнее самих фашиствующих молодчиков. Так же, как результаты многочисленных опросов общественного мнения, согласно которым до 65% населения согласны с националистическим лозунгом «Россия для русских»...

«Что делать?». Знание факторов, провоцирующих ксенофобию, позволяет в принципе выстроить хорошо обоснованную систему мер противодействия ей. Но не

110. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб, 2004, с.46.

111. «Новая газета», 21-23.03.2005, с.21.

112. Там же.

просматриваются сегодня реальные основания для такого противодействия. Социально-экономический разрыв сверх богатого меньшинства и нищенствующего большинства не сокращается. Напротив, богатые становятся богаче, бедные беднее (если не абсолютно, то относительно). Доступ молодежи к профессиональному образованию, особенно высшему, сокращается. Недовольство взрослых и подростков увеличивается. Соответственно растет ненависть, которая так легко обращается против «инородцев», за недоступностью собственной власти… Разрыв между властной «элитой» и «народом» достиг небывалых размеров. Более того, ксенофобия усиливается межконфессиональными распрями и религиозным мракобесием.

Было бы банальностью, хотя и вполне справедливой, в очередной раз говорить о том, что семья, школа, вуз должны воспитывать толерантность к любым «другим» - по национальности, культуре, религии или атеизму, толерантность к инакомыслию и инакодействию.

Я убежден, что без высокого уровня толерантности само существование человечества является проблематичным, а вместо поисков в России «национальной идеи» следует обратиться к так называемым «общечеловеческим ценностям», хорошо известным цивилизованному миру. *Это либеральные, демократические ценности.* И наиболее актуальные из них сегодня:

‹ *ненасилие* (ибо без него – гибель, как индивидуальная, так и, в конечном итоге, человечества как рода);

‹ *толерантность, терпимость* – политическая, расовая, этническая, конфессиональная, идеологическая (ибо без нее невозможно ненасилие);

‹ *интернационализм или космополитизм* (ибо без него – нетерпимость).

Насколько воспитанная с детства толерантность помогает в экстремальной обстановке свидетельствуют осенние 2005 г. события во Франции. Неделями в Париже и в ряде других городов «инородцы» - жители окраин громили автомобили, магазины центральных районов. И – ни капли пролитой крови! Ни полицией, ни белым населением французских городов!

§7. Торговля людьми

Жизнь является высшей, абсолютной ценностью. Причем – *любая жизнь*, в том числе, животных, перед которыми мы, люди, безмерно виноваты. Неслучайно свой знаменитый девиз «Veneratio vitae» («благоговение перед жизнью») Альберт Швейцер распространял на все живое. Но абсолютную ценность представляет и *Свобода*. Только Свободный Человек в состоянии возможно более полно реализовать свои способности, дарования, талант, «осуществить себя». Жизнь неразрывно связана со Свободой. Вот почему первые же положения Всеобщей декларации прав человека (1948г.) гласят: «Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах» (ст.1 Декларации); «Каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия» (ст.2); «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (ст.3).

К сожалению, современный мир полон рисков для человеческой жизни и свободы (не говоря уже о животных). Неудивительно, что У. Бек рассматривает современное общество как «общество риска»[113]. И проблема безопасности человека и его свободы является одной из острейших.

Торговля людьми *(«Human trafficking»)* – мировая проблема. Понятие «торговля людьми», согласно «Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 2000 г.), включает три элемента: (1) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей; (2) использование неподобающих средств (принуждение, похищение, мошенничество или обман); (3) цели эксплуатации (сексуальная эксплуатация, принудительный труд, услужение или рабство)[114]. Обычно различают следую-

113. Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000. См. также: Гилинский Я.И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд, 2005, №2. С.51-58.

114. Подробнее см.: Kangaspunta, K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3, N 1, 2, pp.81-103.

щие виды торговли людьми: торговля женщинами («белые рабыни»), детьми (для проституции, порнографии, нелегального усыновления), принудительный труд (рабство), продажа органов. Особой разновидностью является контрабанда мигрантов.

Торговля людьми тесно связана с организованной преступностью, является разновидностью ее деятельности. Часто торговля людьми носит международный, транснациональный характер (хотя, конечно, возможна и торговля в рамках одного государства - «белое рабство», сексуальная эксплуатация детей, принудительный труд и др.).

Сведения об этом виде криминального бизнеса мало доступны. Данные официальной статистики чрезвычайно скупы и не отражают реальных масштабов бедствия. Лишь в некоторых странах ведется более или менее подробный учет деяний, связанных с торговлей людьми (Германия[115], Нидерланды[116], Швеция[117]). Между тем, некоторые сравнительные данные, собранные «по крохам», опубликованы в статье Кристины Кангаспунты.

Так, среди стран происхождения, транзита или назначения в мировых отчетах первые места занимают (в порядке убывания): Россия, Украина, Нигерия[118]. Среди регионов на первом месте по «экспорту» людей находится Азия, на втором – страны СНГ, на третьем - Африка, на последнем (шестом) – «развитые страны». Зато среди стран назначения на первом месте – «развитые страны». Что касается жертв торговли людьми («продаваемых»), то первые места (в порядке убывания) по упоминанию занимают Украина, Россия, Нигерия, Албания, Румыния, Молдова. Среди жертв сексуальной эксплуатации большинство – женщины, второе место занимают дети, ничтожное количество мужчин. Жертвами принудительного труда являются прежде всего

---

115. Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999, 2000, 2001.

116. Trafficking in Human Beings: First Report of the Duth National Rapporteur. The Hague: Bureau NRH, 2002.

117. Trafficking in Women: Situation Report. N1-5. Stockholm: National Criminal Investigation Department, 1998-2002.

118. Kangaspunta K. Ibid. Pp.94, 99.

дети, на втором месте – женщины, на третьем – мужчины. Гораздо меньше данных о правонарушителях (этот вид криминального бизнеса наиболее латентен). Однако и по этому показателю Россия занимает первое место, второе и третье делят Нигерия и Украина. Итак, по ряду показателей Россия наряду с Украиной и Нигерией входят в тройку стран максимального риска порабощения.

Изложенная ситуация неудивительна, поскольку основной объект торговцев людьми – *«исключенные» (excluded),* лица, лишенные достатка, безработные, бездомные, сироты, малообеспеченные и наименее защищенные слои населения[119]. Между тем в России по официальным данным около трети населения находятся за чертой бедности. По данным Доклада о мировом развитии 2005г. Всемирного банка, 23,8% населения России находятся за *международной* чертой бедности, а по российским национальным стандартам – свыше 30%[120]. По мнению социолога профессора Ф. Бородкина, свыше 50% населения – «исключенные» из активной экономической, социальной, политической жизни[121]. Но ведь помимо нищих, находящихся ниже черты бедности, есть масса *бедных,* также практически «исключенных» и готовых к «продаже»...

З. Бауман, избегая термины «включенные» / «исключенные» предпочитает говорить о «туристах» (включенные) / «бродягах» (исключенные), подчеркивая, что эти группы - «два мира, два представления о мире, две стратегии»[122]. Иногда «исключенных» он именует «отбракованными» *(burned-out).*

Применительно к России идеи З. Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч

---

119. О криминологическом значении включенности/исключенности см.: Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004, №6. С.69-77.

120. Доклад о мировом развитии 2005: Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005. С.261.

121. Бородкин Ф. Социальные эксклюзии // Социологический журнал, 2000, N3-4, с.5-17

122. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 142.

жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда»[123].

Различные виды торговли людьми «ставят под сомнение возможность демократии в странах, где половина населения может рассматриваться как потенциальный товар, который может быть куплен, продан и порабощен»[124].

Остановимся кратко на некоторых видах *human trafficking*.

Торговля женщинами. «Белые рабыни» - преобладающий «товар» на рынке людей. Объем мировой торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации оценивается от 7 до 12 миллиардов долларов в год, ежегодно принуждаются к работе в секс индустрии до 2 миллионов женщин и детей[125].

Называют четыре «волны» импорта «белых рабынь»: первая – из Таиланда и Филиппин, вторая – из Доминиканской Республики и Колумбии, третья – из Ганы и Нигера. Четвертая волна женщин охватила страны бывшего СССР, прежде всего Россию, Украину, Белоруссию, а также Латвию. В мировой секс индустрии отмечается спрос на славянских женщин. В частности, для бизнесменов Японии, Китая, Таиланда они считаются «символом престижа»[126]. Много женщин из России и стран СНГ занимаются проституцией в странах Западной Европы и США (автору приходилось встречать наших соотечественниц на Репербане Гамбурга, в «квартале красных фонарей» Амстердама, в портовых кварталах Антверпена). Свыше 10000 женщин были вывезены транснациональными преступными организациями из России и Украины в Израиль для занятия в сфере секс

---

123. Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. №1/2. С. 205.

124. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001. С.81.

125. Репецкая А.Л., 2001. Указ. соч. С.77.

126. Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000, №1. С.57-66.

индустрии, оборот которой вырос до 450 миллионов долларов в год[127]. В докладе профессора Хана на конференции в Киото (10-11 декабря 2004 г.) говорилось о динамике миграции женщин в Корею. Если до 1993 г. абсолютно преобладали жительницы Филиппин, то с 1994 г. начался «заезд» женщин из России, а с 1996 г. и из Узбекистана. К 2000 г. число мигранток из Филиппин и России сравнялось, а с 2001 г. большинство составили последние. Так, в 2002 г. количество приезжих женщин из Филиппин достигло 1664, из России - 2290, из Узбекистана – 496, на все другие страны пришлось 835 женщин.

Поскольку условия труда в сфере сексуальных услуг рабские, некоторые женщины, спасая себя, по договоренности с «хозяевами» возвращаются на родину для вербовки новых жертв. Это приобрело название «вторая волна». При этом вербовщица получает за каждую завербованную женщину от 200 до 5000 долларов. Перевозка завербованных женщин из страны-экспортера в страну-импортер производится как легально (туризм, на работу, к родственникам), так и нелегально.

Активно функционирует рынок «живого товара» – *незаконная миграция, экспорт проституток.*

Российские проститутки экспортируются в страны Западной Европы, в США, Канаду, страны Латинской Америки, а также в Китай. Им посвящены публикации от академических изданий до массовых иллюстрированных журналов[128].

Торговля детьми. Это одна из самых страшных разновидностей *human trafficking.* Дети используются для секс бизнеса, порнографии, нелегального усыновления (последнее – не худший вариант).

Социальной базой торговли детьми в России служат более чем два миллиона бездомных и сирот, дети алкоголиков, а также те из детей, которые добывают деньги для «сладкой жизни».

Сотрудники Центра девиантологии СИ РАН исследовали сексуальную эксплуатацию детей в Северо-Западном

---

127. Репецкая А.Л. 2001. Указ. соч. С.79.

128. Например, From Russia with sex // New York, August, 10, 1998.

регионе (Санкт-Петербург, Выборг, Петрозаводск и др.)[129]. Большинство клиентов детской проституции – «новые русские», городские «авторитеты» и иностранные гости, преимущественно из Финляндии, а также из Швеции, Германии и Великобритании. Оральный секс с детьми стоил (на момент исследования - 2000-2001 гг.) 100-150 руб., половое сношение – 200-250 руб., ночь с клиентом – от 500-600 до 1000 руб. Мальчики ценятся дороже – 3-7 тыс. руб. Но если родители детей - алкоголики, то они продавали детей за бутылку водки…

Детская порнография – очень скрытый и весьма доходный бизнес. Уличные дети охотно отвечают на предложение вербовщиков «заработать хорошие деньги». К изготовлению гомосексуального порнографического материала привлекаются и кадеты военных училищ города[130].

Принудительный труд или рабство. Удивительно, но принудительный труд, рабство оказались распространенными в XX-XXI вв. Жертвами этого вида торговли людьми становятся мужчины, женщины, дети.

В современной России рабский труд был распространен в Кавказском регионе, но в печать проникали сведения и о рабстве в центральных регионах Европейской части страны. О таком «рабовладельце» в Ленинградской области говорится в одном из очерков А. Константинова[131].

В настоящее время рабский труд широко распространен в России за счет легальных и – в основном – нелегальных мигрантов из стран СНГ, особенно Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Молдовы, а также из Китая, Вьетнама, Афганистана, Северной Кореи, отчасти – из африканских и латиноамериканских стран. Условия труда и жизни рабов XXI века ужасны. Нередко их жизнь кончается самоубийством[132].

---

129. Gurvich, I., Rusakova, M., Pyshkina, T., Yakovleva, A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Sweden: Stockholm, 2002.

130. Gurvich I. et all. Ibid., p.27

131. Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб: Библиополис, 1997. С.251-258.

132. Репецкая А.Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический альманах, 2003, №3. С.34.

Торговля внутренними органами. Это одна из наиболее скрытых и быстро развивающихся отраслей криминального бизнеса. Существует международный черный рынок «изделий» для трансплантации сердца, почек и других органов человека.

Мировые и национальные проблемы предупреждения и сокращения торговли людьми чрезвычайно сложны.

Во-первых, этот вид криминальной деятельности один из наиболее скрытых, латентных. Достаточно отметить, что при значительной распространенности торговли людьми в России были зарегистрированы в 2001-2010 гг.: принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации (ст.120 УК РФ) – 0-1 преступлений; торговля людьми (ст.127-1 УК) – 60-103 преступлений; использование рабского труда (ст. 127-2 УК) – 8-35 преступлений; торговля несовершеннолетними (ст.152 УК) – соответственно по годам 16, 10, 21, 0 преступлений; незаконное усыновление (ст.154 УК) – соответственно 1-9 преступлений[133].

Во-вторых, все формы торговли людьми – порождение экономических, социальных, политических процессов в условиях глобализации. Социально-экономическое неравенство различных стран и социальных групп – основной фактор *human trafficking* также как иных девиаций – преступности, нарко- и алкопотребления, проституции и др. Ясно, что неимущие, «исключенные» нуждаются в средствах для выживания, другая часть населения – в деньгах для «лучшей жизни» («сладкой жизни»). Криминал пользуется этим, «обеспечивая» тех и других (и прежде всего – себя) такими средствами.

В-третьих, торговля людьми в эпоху глобализации относительно новая проблема. Привычные методы выявления, регистрации, профилактики, противодействия социальному «злу» в данном случае не срабатывают. Тем более важны национальные и межгосударственные (кросскультуральные) исследования торговли людьми и выработ-

133. Статистика МВД // URL . http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/ (дата обращения: 06.07.2012).

ка методов и средств противодействия этому[134].

Глава 8. Терроризм: понятие, угрозы, перспективы

Враги теперь в смешавшейся крови
Лежат, и пыль уста их покрывает,
И мощно смерть соединила их –
Непобедившего с непобежденным.

Еврипид

Терроризм *(terror – лат. страх, ужас)* является одной из серьезнейших современных глобальных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма и в общественных науках.

Вот лишь некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста[135]):

‹ «систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилием»[136];

‹ «форма угрозы насилием или применения насилия по политическим мотивам»[137];

‹ «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»[138];

---

134. Торговля людьми. Социокриминологический анализ. М., 2002; Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, 2006; Herz A. Trafficking in Human Beings. An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg, MPI, 2006.

135. Cassesse A. Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, 1989, p.3; Schmidt A., Jongman A. (Eds.) Political Terrorism. Amsterdam, 1988.

136. Чаликова В. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С.309.

137. Terrorismus // Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. B.16. S.59.

138. Шнайдер Г. Й. Криминология. М.: Прогресс – Универс, 1994. С.439.

‹ «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»[139];

‹ «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»[140];

‹ «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников»[141].

Из приведенных и других многочисленных определений вырисовываются прежде всего *два основных* признака терроризма:

1. применение или угроза применения *насилия;*

2. его политическая *мотивация.*

Но есть, очевидно, еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов террористического акта,* применение насилия в отношении неопределенного круга лиц (ни в чем не повинных людей) ради достижения отдаленного объекта – удовлетворения политического (экономического, социального) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика»[142].

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще W. Laqueur: «один – террорист, другой – борец за свободу»[143]. Действительно, например, Че Гевара – террорист или борец за свободу?... Эта тема

---

139. Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск: МГЭИ, 2000. С.40.

140. Laqueur W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977, p.79.

141. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С.53.

142. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С.8.

143. Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown &Co, 1987, p. 302.

подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму B. Ganor[144]. Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Слишком многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам. Вместе с тем, B. Ganor пытается провести различия между анализируемыми феноменами. В приводимых и обосновываемых им схемах вначале отграничиваются *объявленная война* - между государствами и *необъявленная война* – между организациями и государством. Последняя включает, прежде всего, *терроризм и партизанскую войну.* Кроме того, к необъявленной войне могут относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война ведется против вооруженных сил,* военных и техники, тогда как *терроризм* направлен против мирного населения, «некомбатантов» *(noncombatant)* при сохранении политической мотивации насильственных действий. Мне представляется это различение весьма существенным и позволяющим конкретизировать некоторые наши оценки. Другое дело, что и предлагаемое различие несколько условно (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»...). Во всяком случае, Ganor называет три важнейших элемента терроризма: 1) применение или угроза применения *насилия;* 2) *политические цели (мотивы) деятельности;* 3) реальными целями оказывается *мирное население,* граждане[145].

Следует различать терроризм и индивидуальный террористический акт против конкретного лица (убийство Александра II, Дж. Кеннеди).

Обычно различают террор и терроризм:

‹ *террор* со стороны правящих властных структур (или

144. Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3, N 4. pp. 287-304.

145. Ganor. L.c. pp.294-295.

«насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);

‹ *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв «государственного террора»»[146].

Иначе говоря: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм – это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»[147].

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют – осознанно или нет – интересы массы exclusive («исключенных») в современном мире. Поляризация на очень богатое и властное меньшинство «включенных» (inclusive) и очень бедное и бесправное большинство *«исключенных»* (при относительном размывании *«среднего класса»* - гаранта устойчивости социальных систем) приводит в условиях глобализации экономики, политики, информационных процессов к опасному для всего человечества разделению на *«включенные/исключенные»* страны и *«включенных/исключенных»* в каждой стране. Думается, что этот глобальный процесс и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. Примеры тому - агрессия США против Ирака (сколь бы «плохим» ни был Садам Хусейн) и действия России в Чечне (какими бы «плохими» ни были «боевики»). Террор вызывает терроризм. Или, как писал петербургский экономист Д. Травин в газете «Дело»: «Не мочите, да не мочимы будете!». И не столь важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Хотя история политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит вглубь веков[148], однако большинство исследователей отмечают существенные отличия и современного террора как

---

146. Чаликова В. Указ. соч. С.310; Ферро М. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 314.

147. Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С.23.

148. Применительно к России см.: Будницкий О.В. (автор-составитель). История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Дону: Феникс, 1996.

«неотъемлемой части государственного террора – одной из форм государственной политики»[149], и современного терроризма как систематического устрашения общества насилием: массовый характер (вплоть до геноцида со стороны властных структур), все возрастающее количество терактов и их жертв, глобализация (интернационализация) терроризма[150].

Нью-Йоркская трагедия 11 сентября 2001 г. стала страшным символом новых реалий XXI века[151]. Показательно, что в качестве объекта самого страшного террористического акта в мировой истории были выбраны Нью-Йорк (как тут не вспомнить «Город Желтого Дьявола» М. Горького) и Международный Торговый центр – своеобразные символы стран «Золотого миллиарда» («включенных»).

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; военные действия, включая партизанские; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др.

Неопределенность, размытость, многоликость терроризма приводят к многочисленным его классификациям по разным основаниям[152].

Не останавливаясь на юридическом (уголовно-правовом) аспекте проблемы терроризма[153], рассмотрим некото-

---

149. Ферро М. Указ. соч. С.313.

150. Глобальная статистика представлена в: Schmid A. Statistics on Terrorism: the Challenge of Measuring Trends in global Terrorism // Forum on Crime and Society. 2004. Vol.4, NN 1, 2.

151. Alexander D., Alexander Y. Terrorism and Business. The Impact of September 11, 2001. Transnational Publishers, Inc., 2002; Aust S., Schnibben C. (Hg). 11. September. Geschichte eines Terrorangrifs. Deutsche Verlags-Anstalt, 2002; Hess H. Terrorismus und Weltstaat // Kriminologische Journal, 2002. N. 34. H. 2. S.143-150.

152. Обзор см.: Дмитриев А.В., Залыскин И.Ю. Указ. соч. С.30-57; Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ,1998. С.9-11; White J. Terrorism. An Introduction. Pacific Grove (Calif.): Brooks/Cole Publishing Company, 1991, pp.8-13.

153. См.: Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа). СПб.,2004; Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Кабанов П.А. Указ. соч.; Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997; Овчинникова Г.В. Указ. соч.

рые социально-политические вопросы.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимые страдания, бесспорно является преступной деятельностью (преступлением) и заслуживает самой суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, нежели чисто юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но ведь терроризм преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи – «справедливы», имеют не меньшую ценность чем те, против которых они выступают. Поэтому борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, идеологический) характер - малоэффективна (хотя и необходима). Об этом свидетельствуют печальный опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с чеченскими – в России…

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и акторов «преступлений ненависти» *(Hate crimes)*. Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, «мучеников», а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом»[154].

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего политические (экономические, социальные) усилия по *предотвращению* условий для терроризма, по ненасильственному разрешению социальных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов. Разумеется, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но *не существует «простых решений» сложных социальных проблем*. Точнее говоря, так называемые «простые реше-

154. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993. С.171.

ния» (типа «ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) «бороться» с отдельными исполнителями терактов – угонщиками самолетов, киллерами, лицами, закладывающими взрывные устройства и т.п., но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить причины, источники терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов. Очевидно, не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах – Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. Из 79 известных к 1990 г. террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления пан-арабского и исламского фундаментализма, 7 – служили примером удивительной смеси пан-арабизма и марксизма, 4 - относились к правоэкстремистским и нео-фашистским[155]. Разумеется, это соотношение претерпело существенные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских.

Сосредоточившись, по понятным причинам, на проблеме международного *терроризма,* наука и политика не должны забывать уроков *террора,* в значительной степени провоцирующего и террористические выпады. Террор гитлеровской Германии явился предметом научного изучения, политических и правовых выводов[156]. Сталинский террор

155. Long D. The Anatomy of Terrorism. The Free Press, 1990.

156. См., например: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М.: Государственное изд-во юридической литературы. В 7 томах. 1957-1961.

остался безнаказанным, и последствия его проявляются до сих пор[157].

В силу многих причин количественные характеристики террористических проявлений крайне неполны и противоречивы. Отметим лишь в качестве примера, что в 1999 г. в России были зарегистрированы 20 преступлений по ст.205 УК РФ (теракт), по ним выявлено лиц – 0. В 2000 г. – соответственно 135 и 24[158]. При этом в 2000 г. были зарегистрированы 4388 преступлений «террористической направленности» (это могут быть захват заложника – ст.206 УК, диверсия – ст.281 УК, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля – ст.277 УК, некоторые виды убийства – пункты «в», «л» части 2 ст.105 УК и др.)[159]. В 2005 г. по признакам ст. 205 УК зарегистрировано 203 преступления, выявлено лиц – 68; в 2006 г. – соответственно 112 и 117; 2007 - 48 и 43; 2008 – 10 и 22; 2009 – 15 и 26; 2010 - 31 и 11[160].

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической, политологической литературе[161].

Важно понять:

- мир без насилия в обозримом будущем невозможен;
- основная антитеррористическая задача – максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);
- основной путь такого сокращения – предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрессивными, политическими методами.

---

157. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; Конквест Р. Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. Указ. соч.; Черная книга коммунизма. М., 1999.

158. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. С.538.

159. Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С.276.

160. Статистика МВД // URL: http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/ (дата обращения: 06.07.2012).

161. Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2000. С.221-277; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С.242-296.

«Абсолютно ненасильственный мир – это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его минимуму. Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти»[162]. Думается, следует внимательно изучить опыт антитеррористического урегулирования (с переменным успехом) конфессиональных и этнических конфликтов в Северной Ирландии, между Алжиром и Францией, басками и Испанией и т.п.

162. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С. 296.

Глава 9. Коррупция

Do ut facias[163]

Взяточничество губительно для государства, в котором я хотел бы жить.

В. Рейсмен

§1. Понятие коррупции

Коррупция, равно как организованная преступность, наркотизм, терроризм, - сложные социальные явления, вокруг которых сложилось множество мифов, популистских политических игр, а потому нуждающихся в объективном (насколько это возможно) исследовании.

Коррупция сопровождает человечество с древнейших времен. Наказание за взяточничество (подкуп) предусматривалось законами Хаммураби (четыре тысячи лет назад), устанавливалось египетскими фараонами[164].

Имеется множество *определений* коррупции (Волженкин, 1998; Friedrich, 1972; Heidenheimer, Johnston, Le Vine, 1989; Meny, 1996; Nye, 1967; Palmier, 1985; Rose-Ackerman, 1978; Wewer, 1994 и др.). Возможно, наиболее краткое (и точное) из них: *коррупция – это «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» (Joseph Senturia[165]).*

Аналогичные определения встречаются в документах ООН. Более полное из них содержится в документах 34-й

163. Даю, чтобы /ты / сделал (лат.)

164. Подробнее см.: Kugel Y., Gruenberg G. International Payoffs. Lexington Books, 1977.

165. См.: Wewer G. Politische Korruption. In: Politic-Lexicon. München, Wein: Oldenbourg Verlag, 1994. S.481.

сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения». Приведем также отечественное доктринальное определение: «использование государственными служащими и представителями органов государственной власти занимаемого ими положения, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения, получения материальных и иных благ и преимуществ, как в личных, так и групповых целях»[166].

Существует множество *форм* (проявлений) коррупции: взяточничество, фаворитизм, непотизм (кумовство), протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам – товарам, услугам, источникам доходов, привилегиям, оказание различных услуг родственникам, друзьям, знакомым)[167] и др. Соответственно приводятся различные классификации коррупции и коррупционной деятельности[168]. J. Coleman различает коммерческое взяточничество и политическую коррупцию[169]. Г. Сатаров говорит о бытовой и деловой кор-

---

166. Российская юридическая энциклопедия. М.: ИД ИНФРА-М., 1999.

167. Ledeneva A. Russia Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge, 1998; Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе. В: Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 111-124..

168. Быстрова А.С., Сильвестров М.В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т.III. №1; Кузнецов И. Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследования. Дисс…канд. социологич. наук.СПб., 2000; Johnston M. Political Corruption and Public Policy in America. Monterey, CA: Brooks/Cole Publishing Co.,1982; и др.

169. Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. NY: St. Martin's Press, 1985, pp. 46-54.

рупции[170]. Однако, исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности невозможен. Хорошо известно, что в России легально существовало «кормление», переросшее затем в мздоимство и лихоимство. Может быть, российское кормление служит первым проявлением того, что В. Клэверен, с экономической (рыночной) точки зрения, оценивает коррупционную деятельность как бизнес: коррупционер относится к своей должности как бизнесу, пытаясь максимизировать «доход»[171].

Важно понимать *социальную природу (сущность)* коррупции. Это позволит избежать излишней политизации, «юридизации» и, в конечном счете, мифологизации проблемы.

Коррупция – сложный *социальный феномен,* порождение общества и общественных отношений, одно из проявлений *продажности.* Социальный феномен продажности (от коррупции должностных лиц до брачных аферистов и проституции – в сфере политики, науки, искусства, журналистики или же – сексуальных отношений) возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений, когда «способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, вещное, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на все без разбора, т.е. развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) - тождественно всеобщей продажности, *коррупции»*[172]. Тот или иной вид продажности, осознаваемый как проблема, представляет собой социальную конструкцию[173]: общество определяет, что именно, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями рассматривается как коррупция, проституция и др. Процесс социального конструирования коррупции включает:

‹ наличие множества фактов продажности (взяточничества) различных государственных служащих и должностных лиц;

170. Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М.: ИНДЕМ, 2002.

171. Heidenheimer A., Johnston M., Le Vine V. (Eds.) Political Corruption: A Handbook. New Brunswick, NJ, 1989. p.9.

172. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч.1. С.106.

173. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Указ. соч.

‹ сознание этих фактов как социальной проблемы;

‹ криминализацию некоторых форм коррупционной деятельности;

‹ реакцию политиков, правоохранительных органов, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию и т.п.

В современном обществе, включая российское, коррупция – *социальный институт, элемент системы управления,* тесно взаимосвязанный с другими социальными институтами – политическими, экономическими, культурологическими. Как уже отмечалось, *социальный институт* характеризуется наличием регулярных и долговременных социальных практик, поддерживаемых с помощью социальных норм, имеющих важное значение в структуре общества, наличием множества ролей.

Об институционализации (процессе становления социальных практик регулярными и долговременными) коррупции свидетельствуют:

‹ выполнение ею ряда социальных *функций* – упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.[174];

‹ наличие вполне определенных *субъектов* коррупционных взаимоотношений (патрон – клиент), распределение *социальных ролей* (взяткодатель, взяткополучатель, посредник);

‹ наличие определенных *правил игры, норм,* известных субъектам коррупционной деятельности;

‹ сложившийся *сленг и символика* (например, хорошо известный и всеми понимаемый жест потирания большим пальцем руки указательного и среднего пальцев) коррупционных действий;

‹ установившаяся и известная заинтересованным лицам такса услуг. Например, такса поборов *работниками*

174. Left N. Economic Development trough Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964, VIII; Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972; и др.

ГАИ была опубликована еще в 1996 г. газетой «Стрела». В газете «Ваш тайный советник» в 2000 г. публиковались размеры взяток ($10000-15000) за поступление в *престижные вузы* Санкт-Петербурга (включая юридические). *Средняя* же «такса» для поступления в Петербургские вузы в 2003 г. – $2500-4000[175]. Опубликованы существующие таксы в сфере *«правоохранительной деятельности»*: плата за невозбуждение уголовного дела ($1000 – 10000), за изменение меры пресечения с освобождением из-под стражи ($20000-25000), за смягчение наказания ($5000-15000), за игнорирование таможенных нарушений ($10000-20000 или 20-25% от таможенного сбора)[176]. А вот бывшая «расценка услуг» на *высшем федеральном уровне*: стоимость назначения депутата Государственной Думы на должность председателя комитета – порядка $30000, стоимость внесения любого законопроекта на рассмотрение Государственной Думы – около $250000, статус помощника депутата оценивается в $4000-5000[177].

Конечно, со временем таксы растут. Так, например, «цена» поступления на экономический факультет МГУ выросла от $30 000 в 2002 г. до $ 80 000 в 2007 г. Общая коррупционная емкость в высшей школе составила в 2001 г. - $449млн., в 2007 г. - $520 млн., в 2008 г. – $618 млн., в 2009 г. – не менее $750 млн.

Институционализация коррупции в развитых странах Запада рассмотрена В. Рейсменом еще в 1979 г. (русский перевод 1988 г.[178]), в отечественной литературе этому посвящены, прежде всего, книги В. Радаева[179] и Л. Тимофеева[180], а также диссертационное исследование И. Кузнецова[181].

---

175. Новая газета. 2003. 17-19.07. С.13.

176. Коррупция и борьба с ней. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000. С.62-63.

177. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / ред. А.Ю. Сунгуров. СПб.: Норма, 2000. С.41.

178. Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы и реформы». М.: Прогресс, 1988.

179. Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр полит. технологий, 1998.

180. Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000.

181. Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Указ. соч.

Исследования И. Клямкина, А. Олейника, В. Радаева, Л. Тимофеева, Т. Шанина и др.[182], позволяют утверждать, что коррупция, наряду с теневой экономикой, теневой политикой, теневым правом и т.п., сформировавшимися в России еще в годы советской власти и сохраняющимися по сей день (пусть иногда в измененном обличии), образуют институционализированную теневую реальность, не считаться с которой, значит не понимать реальную социальную действительность, происходящие в обществе процессы, а, следовательно, находиться в плену прекраснодушных и сладкозвучных иллюзий... «Оказалось, что теневая реальность – это не только «вторая экономика» или коррупция, но охватывающая все общество в целом, законченная институциональная система (экономика, право, административные отношения и т.д.), - вся целиком вне сферы юридического закона»[183]. И коррупция – лишь элемент (пусть один из важнейших, быть может – самый главный) этой теневой реальности нашего бытия.

§2. История коррупции в России

История отечественной коррупции изложена в ряде солидных публикаций[184]. Здесь остановимся лишь на некоторых «узловых» моментах.

Зарождение «легальной» коррупции относится к IX-X вв., когда возникает, по примеру Византии, институт *«кормления»* - древнерусский институт направления главой

182. См.: Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М.: РГГУ, 2000; Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма//Вопросы экономики, 2001. №5. С. 4-25; Радаев В.В. Указ. соч.; Тимофеев Л. Указ соч.; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999.

183. Тимофеев Л. (2000) Указ. соч. С. 62.

184. Голосенко И.А. Феномен русской взятки: Очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.II. №3; Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск: Гузель, 1995; Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997 и др.

государства (князем) своих представителей (воевод, наместников) в провинцию без денежного вознаграждения. Предполагалось, что население региона будет «кормить» наместника. Последний обладал огромными полномочиями, и ясно, что население не скупилось на подношения... «Откормленные» воеводы, возвращаясь в столицу – Москву, везли с собой накопленное добро, «подарки», «излишки» которых изымались еще при въезде в «златоглавую» в пользу казны... Так возникала круговая порука взяточников провинциальных и столичных. Кормление было официально отменено в 1556 г., но традиция жить и богатеть за счет подданных фактически сохранилась надолго, быть может – до сих пор. Чем иначе можно объяснить размер заработной платы – нередко ниже прожиточного минимума, установленный в постсоветской России сотрудникам милиции (сейчас в отношении полиции ситуация изменилась к лучшему), таможенной службы, государственной санитарно-эпидемиологической службы и др.? Не было недостатка в моральном и государевом осуждении взяточничества (в XIII в. митрополит Кирилл, затем цари Иван III, Иван IVГрозный, при котором состоялась первая известная казнь за взятку), но – «Коррупция хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и всех народов»[185].

Кормление трансформировалось в *лихоимство* (подкуп за действия, нарушающие действующее законодательство) и *мздоимство* (за действия без нарушения закона). К XV в. лихоимство и мздоимство уже образовывали систему взяточничества, коррупции. Первым законом, определившим наказание за взятку судей явился «Судебник» 1497 г. Новое проявление взяточничества – вымогательство известно с XVI в. С этого же времени возникает практика «взятки за лицензию», начатая царским тестем боярином Ильей Милославским. А глава Земского приказа Леонтий Плещеев превратил суд в инструмент беспредельного вымогательства. Шурин Плещеева – Петр Траханиотов, ведавший Пушкарским приказом, месяцами не выплачивал жалованье стрельцам, оружейникам и иным подчиненным, присваи-

185. Кирпичников А.И. Указ. соч. С.4.

вая деньги. Доведенный до отчаяния народ 25 мая 1648 г. учинил в Москве бунт, требуя выдачи и казни Плещеева, Траханиотова, Морозова. Поскольку мятеж не удавалось пресечь, царь (Алексей Михайлович) был вынужден выдать сперва Плещеева, забитого насмерть толпой, а затем и Траханиотова, казненного «по правилам». Московский бунт 1648 г. оказался единственным (и в какой-то степени успешным!) в российской истории выступлением против взяточников и коррупционеров.

К XVIII в. коррупция в России становится массовым, тотальным злом. Петр I был потрясен ее масштабами. Он пытался с ней бороться привычными репрессивными мерами вплоть до смертной казни (Указы 23 августа 1713 г., 24 декабря 1714 г., 5 февраля 1724 г.). Были казнены за взяточничество сибирский губернатор князь Матвей Гагарин, обер-фискал (Главный прокурор) Алексей Нестеров и др. Но все было тщетно (напомним, что ближайший сподвижник Петра – князь А. Меньшиков был и крупнейшим коррупционером...).

Безмерная коррупция царствовала в стране и при наследниках Петра – Екатерине I, Елизавете, Екатерине II и др. К XX в. в России «взяточничество неразрывно сплелось и срослось со всем строем и укладом политической жизни»[186].

Проходили века, менялся общественно-политический строй, но коррупция в России оставалась бессмертной. Так, «Коррупция поселилась в Советах еще до прихода их к власти... Коррупция пронзила структуры советской власти с первых же минут ее реального владычества»[187]. И советское государство с первых дней своего существования предпринимало попытки жесточайшими мерами, включая смертную казнь, бороться со взяточничеством и столь же тщетно. К 70-м годам XX в. *советская номенклатура и бюрократия вплоть до руководителей государства* и Коммунистической партии были тотально *развращены и коррумпированы* (достаточно вспомнить «хлопковые», «фруктовые», «рыбные», они же - «узбекские», «казахские», «молдавские», «москов-

186. Берлин П. Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. №8.

187. Кирпичников А.И. Указ. соч. С.48, 50.

ские», «одесские» и прочие дела и процессы, отразившие лишь видимую, поверхностную часть явления).

Реальная, не идеализированная и не мифологизированная история государства Российского свидетельствует о том, что коррупция, наряду с другими социальными недугами (воровством, пьянством, беззаконием и др.), нищетой и бесправием большинства населения, всегда были чрезвычайно распространены в стране.

§3. Коррупция в современной России

Экономические, социальные, политические *последствия* коррупции хорошо известны и не нуждаются в комментариях. Коррупция существует во всех современных государствах. Другой вопрос – масштабы коррупции.

По данным международной организации *Transparency International,* оценивающей, в результате исследований, уровень восприятия коррупции от 1,0 (самые коррумпированные страны) до 10,0 (наименее коррумпированные), Россия входит в число наиболее коррумпированных стран мира. Так, в 2006 г. Россия с баллом 2,5 (наименее коррумпированные - Финляндия, Исландия, Новая Зеландия - имели балл 9,6) оказалась наряду с Бенином, Гамбией, Гайаной, Гондурасом, Непалом, Филиппинами, Руандой, Свазилендом; в 2007 г. с баллом 2,3 (наименее коррумпированные - Дания, Финляндия, Новая Зеландия - с баллом 9,4) — вместе с Гамбией, Индонезией, Того. В 2008 г. – 2,1 балла, и Россия делит 147-е место с Сирией, Кенией и Бангладеш. Это самый низкий результат за последние восемь лет: в 2000 г. – этот показатель составлял 2,8 балла, в 2002 г. – 2,7. Так Россия с каждым годом все больше скатывается в коррупционную бездну. Правда, в 2009 г. у России 2,2 балла (наименее коррумпированы Новая Зеландия – 9,4 балла и Дания - 9,3 балла), и она занимает 146 место наряду с Камеруном, Эквадором, Кенией, Сьерра-Леоне, Тимором, Украиной и Зимбабве. Но это вряд ли служит большим утешением. Тем более, что в 2010 г. показатель России вновь упал до

2,1 балла, наряду с Центрально-Африканской Республикой, Камбоджей, Папуа—Новая Гвинея, Кенией, Лаосом и Таджикистаном…

Ежегодные убытки от коррупции в стране составляют $25-35 миллиардов. Экспорт капитала за границу достигал $15-20 миллиардов в год, а всего за 1988-1999 гг. - $300-350 миллиардов[188]. В настоящее время бегство капитала превысило эти цифры в 2-3 раза. Годовые затраты всех граждан на взятки – порядка $2,8 миллиардов. Ежедневно российские и зарубежные средства массовой информации публикуют факты коррупции в России. Доклад Конгресса США «Российский путь к коррупции» («Russia's Road to Corruption», сентябрь 2000 г.) также содержит соответствующие сведения.

Центр девиантологии Санкт-Петербургского Социологического института РАН проводит систематические исследования организованной преступности и связанной с ней коррупции. Наши респонденты из числа предпринимателей и руководителей подразделений правоохранительных органов Санкт-Петербурга отмечали: «Давать надо за все… Налоговой инспекции баланса так просто не сдать… Без взятки в сфере предпринимательства невозможно работать… Налоговая инспекция крайне коррумпирована».

Представители петербургских преступных группировок рассказывают (интервьюер – научный сотрудник Центра Я. Костюковский): «Занимались недвижимостью… В нашей конторе все повязано было – эксплуатационные правления, нотариусы, парочка участковых (милиционеров – Я.Г.) прикармливались»; «Мы еще когда на рынке работали, все время за место платили. Ну, и ментам (милиционерам – Я.Г.) конечно надо было отстегивать». На вопрос интервьюера «А как же налоговая?»: «Да ну, брось ты. Что ты думаешь, в Большом доме[189] не знают о том, как я работаю? Просто со всеми дружить надо…» (следует ли пояснять, что «дружба» дорого стоит?).

Центр девиантологии в течение 1999-2002 гг. совмест-

188. Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества / ред. М.Б. Горный. СПб.: Норма, 2000. С.18-21, 72-73.

189. «Большой дом» - д.4 по Литейному проспекту Санкт-Петербурга, где до 2001 г. располагалось Главное Управление Внутренних дел (ГУВД), а также – до настоящего времени – региональное Управление ФСБ.

но с Санкт-Петербургским Университетом экономики и финансов проводил исследование «Население и милиция в большом городе». Жителям Санкт-Петербурга, а в 2000 г. также жителям Волгограда и Боровичей задавался, в частности, вопрос: является ли проблемой получение взяток сотрудниками милиции? Результаты ответов (в процентах от числа опрошенных) представлены в табл. 9.1[190].

Табл. 9.1. Получение взяток

	Петербург			Волгоград	Боровичи
	1998	1999	2000	2000	2000
Не проблема	4,6	2,6	3,2	4,8	1,6
Малозначительная проблема	4,7	6,8	6,6	6,3	12,7
Серьезная проблема	36,5	41,9	39,8	45,0	13,1
Затрудняюсь ответить	54,2	48,8	50,4	44,0	72,5

Исследование региональной элиты Северо-Запада России, осуществленное группой политической социологии Санкт-Петербургского Социологического института РАН (руководитель А.В. Дука), затрагивало и проблему коррупции. Результаты этого эмпирического исследования показали, в частности, что «среди представителей региональной элиты Санкт-Петербурга и Ленинградской области преобладает уверенность в широком распространении коррупции и взяточничества в России. Эта уверенность коррелирует с убеждением в нечестном происхождении больших денег в стране и выраженностью негативной оценки ситуации в России»[191].

Многочисленные факты петербургской коррупции от А.

190. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет – 3). СПб, 2001 С. 48,63.

191. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / ред. А.В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001. С.173.

Курбатова (эпоха Петра 1) до середины 90-х гг. ушедшего века описаны – при характерном посвящении: «300-летию петербургской коррупции посвящается…» - в книге А. Константинова[192].

Официальные данные о взяточничестве в России приводятся в табл. 9.2, но это лишь верхушка айсберга. Латентность коррупционных преступлений чрезвычайно высока. Достаточно оценить тот факт, что уровень зарегистрированных коррупционных преступлений (взяточничество, присвоение и растрата) в 1999 г. оказался самым низким … в Москве (11,8 на 100 тысяч населения) и Санкт-Петербурге (11,2), тогда как наиболее высоким – в Коми (78,7), Курганской (75,6) и Костромской (70,9) областях[193]. Очевидно, этого не может быть, потому что не может быть никогда… Из табл. 9.2 мы видим, что даже с учетом высочайшего уровня латентности взяточничества, реально раскрывается лишь половина из зарегистрированных преступлений, а осуждается половина выявленных лиц, обвиняемых во взяточничестве. Наконец, данные табл. 9.3 показывают, что осуждаются за взяточничество нередко молодежь (17-30%), рабочие (13-38%), лица, не имеющие постоянного источника доходов (2-14%) и даже учащиеся, т.е. взяткодатели или же «мелкая рыбешка» среди взяткополучателей, а отнюдь не солидные коррупционеры.

Между тем, именно коррупция, с нашей точки зрения, является сегодня в России проблемой №1, главной угрозой обществу. *В условиях тотальной коррумпированности всех ветвей власти на всех уровнях принципиально невозможно решить ни одной иной социальной, экономической, политической проблемы.* Ибо все упирается в вопрос: кому и сколько надо заплатить?[194]

О масштабах и всевластии коррупции, помимо бесчисленных фактов, которые можно множить до бесконечности,

---

192. Константинов А. Коррумпированный Петербург. СПб.: Фолио-Пресс, 1997.

193. Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России // Государство и право, 2000. №11. С.23-34.

194. См. также: Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб: Юридический центр Пресс, 2005; Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков. М.: Дружба народов, 2008.

свидетельствует формирование в России *коррупционных сетей*. Позволю себе длинную цитату: «От единичных разрозненных сделок коррупционеры переходят к организованным и скоординированным действиям, объединяясь в преступные сообщества, образующие коррупционные сети... В последние годы наметился переход коррупции на более высокий уровень, когда именно коррупционные сети и являются основой и наиболее сильным инструментом коррупционных сделок. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления,... а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и структурами. Эти взаимосвязи и взаимозависимости направлены на систематическое совершение коррупционных сделок, как правило, с целью личного обогащения, распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную сеть, повышения прибылей, их максимизации, или получения конкурентных преимуществ финансово-кредитными и коммерческими структурами, входящими в коррупционную сеть»[195]. В коррупционную сеть входят чиновники, бизнесмены, финансисты. «Руководителями коррупционных сетей часто являются самые высокопоставленные российские чиновники и политики»[196].

Коррупционные сети тесно связаны с организованной преступностью. Так, на Урале хорошо известно мощное криминальное сообщество «Уралмаш», зарегистрированное органами юстиции как «общественная организация». Эта группировка контролирует одноименное крупнейшее в Свердловской области машиностроительное предприятие региона. Так вот, «вокруг этих структур и формируются коррупционные сети»[197].

Средства, получаемые в результате экспорта нефти, газа, металлов, функционирования транспорта, связи, энергетики, лесного хозяйства, от оптовой торговли и финансирова-

195. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции. Указ. соч. С. 72.

196. Там же. С.72.

197. Там же. С.78.

ния оборонных заказов и Вооруженных Сил и т.п., - распределяются по коррупционным сетям.

В состав коррупционных сетей входят:

‹ группы государственных чиновников, обеспечивающих соответствующие решения;

‹ коммерческие и финансовые структуры, реализующие получаемые выгоды, льготы, доходы;

‹ силовое прикрытие («крыша») со стороны представителей органов МВД, ФСБ, прокуратуры, налоговой полиции и иных «силовиков».

И еще одна длинная цитата: «Крупнейшие российские коррупционные сети выстраиваются вокруг Центрального банка РФ и некоммерческих банков, таких как Сбербанк РФ, Внешэкономбанк РФ... Крупнейшая коррупционная сеть сформировалась в системе силовых органов, включая ФСБ, МВД и Государственный таможенный комитет. Это, по-видимому, и наиболее развитая коррупционная сеть. В нее включены чиновники федерального и регионального уровней, работники таможен, складов, перевозчики, репортеры средств массовой информации и многие другие. На высшем уровне разрабатываются схемы проведения крупных операций, для чего проводятся совместные совещания, причем как полулегальные, так и нелегальные... Все российские министерства и ведомости поражены коррупцией. Крупнейшие коррупционные сети выстроены вокруг Министерства финансов РФ, Министерства экономики РФ, Мингосимущества РФ... Очень сильно коррумпированы суды, в которых можно за взятку получить любое желательное решение или не допустить нежелательного решения. В судах всех уровней, уголовных и общей юрисдикции, действуют стандартные и всем известные расценки на выполнение тех или иных действий. Особенно коррумпированы арбитражные суды, в которые по этой причине предприниматели предпочитают не обращаться вообще... Коррупционные сети выстраиваются в России вокруг частной зарубежной финансовой и материальной помощи, строительства и реконструкции зданий и сооружений... Сети выстроены во-

круг всех российских естественных монополий, таких как РАО ЕЭС и Министерство путей сообщения»[198].

Что касается упомянутых в цитате арбитражных судов, то добавлю от себя: по моим источникам, в Санкт-Петербурге, например, действует посредническая организация, официально зарегистрированная как консультационная, которая «регулирует» взаимоотношения между сторонами в арбитражном процессе и коррумпированными судьями. «Если у меня слушается дело в арбитраже, - рассказывает наш респондент, адвокат - то я обращаюсь в эту организацию, называю дело, и мне сообщают, сколько будет стоить решение в мою пользу. Однажды мне назвали сумму, а потом, извинившись, сказали, что другая сторона уже проплатила ее, и если я хочу выиграть дело, то должен перекупить судью, предложив сумму на $3000 больше ранее названной, поскольку судья вынужден будет возвратить другой стороне полученное от нее». Этот факт был подтвержден другим нашим респондентом.

В результате построения мощных коррупционных сетей на высоком и «самом высоком» уровнях «низовая коррупция» оказалась оторванной от них и продолжает существовать за счет поборов с населения.

Известно, что различают «белую» (общепринятую), «серую» (отчасти осуждаемую) и «черную» (осуждаемую и законом, и обществом) коррупцию[199]. Российская коррупция все больше и больше «светлеет», т.е. становится повседневной, обычной. Возрастает толерантность по отношению к ней. Лишь немногим более половины (55%) наших респондентов (Санкт-Петербург, 1993 г.) оценивали коррупцию как негативное явление, при этом готовы были сами давать или брать взятки около половины (45%) опрошенных[200]. 37% респондентов общероссийского репрезентативного опроса (1999 г.) указали на то, что они были участниками

198. Там же. С.76-78.

199. Heidenheimer A., Johnston M., Le Vine V. (Eds.) Political Corruption: A Handbook. New-Brunswick, 1989.

200. Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб.: СПб Ф ИС РАН, 1995. С.94.

коррупционной активности (из числа предпринимателей – 65%), 50% ответили, что им приходилось делать «подарки» в медицинских учреждениях (из числа предпринимателей – 62%)[201]. По данным другого опроса, проведенного в 2001 г. газетой «Экономика и жизнь», респондентам в течение последних перед опросом лет приходилось давать взятки (если были соответствующие случаи): при устройстве на работу – 63% бизнесменов, 40% служащих; при устройстве ребенка в школу – 58% бизнесменов, 50% служащих; при поступлении в институт – соответственно 85 и 73%; находясь в больнице – 82 и 75%; в военкомате по поводу призыва в армию – 100 и 70% (!); в случае привлечения к уголовной ответственности – 100 и 100% (!); при получении квартиры, жилья – 58 и 59%; при регистрации или продлении регистрации фирмы – 88 и 46%; при подаче налоговой декларации – 70 и 44%; при растаможивании грузов – 97 и 42%; при получении водительских прав, регистрации автомобиля, прохождении техосмотра – 81 и 66%; при нарушении правил дорожного движения и задержании сотрудниками ГАИ – 100 и 87% (!)[202].

Сегодня каждый школьник, каждый студент в России знает, что все продается и все покупается. Толерантность по отношению к коррупционной деятельности сама становится злом. Чиновники и «правоохранители» могут спать спокойно – бунт (подобный 1648 г.) им не грозит[203].

Каковы факторы («причины»), обусловливающие массовость коррупции в современной России? Возможно, что основными из них являются:

‹ давняя российская традиция; неслучайно массовая коррупционная деятельность породила пословицы типа: «Не подмажешь, не поедешь», «Сухая ложка рот дерет», «Ты – мне, я – тебе», «Руки для того, чтобы брать» и т.п.;

‹ бывшая советская коррумпированная «номенклату-

---

201. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М.: РГГУ, 2000. С.11,14.

202. Алексеев М. Имя им – легион... // Экономика и жизнь, 2001, сентябрь, №37. С.2-3.

203. Следует оговориться: автор в принципе за толерантность и против бунтов.

ра» в значительной степени сохранила или восстановила свои позиции в «новой» системе власти, привнеся в нее свои нравы;

‹ номенклатурная приватизация послужила экономической основой как беловоротничковой преступности в целом, так и коррупции;

‹ организованная преступность успешно использует взятки, подкуп для обеспечения своей безопасности;

‹ издавна коррумпированными в России (включая времена СССР) оказывались высшие эшелоны власти; ясно, что среднее и низшее звенья чиновничества «с чистой совестью» следуют их примеру (и этот факт подметила «народная мудрость»: «рыба гниет с головы»);

‹ немаловажным, хотя и не главным, является то, что официальная зарплата служащих, сотрудников правоохранительных органов крайне низка, и это служит моральным «оправданием» взяточничества (другое дело, что развращенные чиновники продолжат брать взятки и в случае повышения должностных окладов: денег много не бывает…).

§4. Стратегия противодействия коррупции

Ясно, что *общество* заинтересовано в сокращении коррупции, ограничении коррупционного беспредела чиновников всех уровней и рангов. Сложнее отношение *государства:* популистские призывы к «усилению борьбы» и обещания «покончить» сочетаются с отсутствием реальных шагов по ограничению коррумпированности «слуг народа». Это просматривается как на федеральном уровне (не реализуется принцип in rem, нет уголовных дел по фактам взяточничества чиновников федерального уровня), так и на региональном (в Санкт-Петербурге, например, где взятки – повседневная практика, количество зарегистрированных фактов взяточничества за последние 10 лет колебалось от 82 случаев в 1991 г. до 135 в 2000 г., при этом большинство дел не дошло до суда…). Видимость «борьбы» легко создается не только путем постоянных деклараций с экранов телеви-

зоров, по радио, в прессе. Обычным средством «успокоить» массы служит криминализация коррупционных видов деятельности и «усиление ответственности» (например, увеличение предусмотренных законом сроков лишения свободы, а то и призывы к возврату смертной казни). А то, что отвечать никому не придется (разве что отдельным «стрелочникам», не угодившим властям), - другой вопрос. Впрочем, это отмечали еще Т. Арнольд (1937), В. Оберт (1962), В. Рейсмен (1979): «За этим скрывается намеренное использование неэффективного законодательства в качестве орудия умиротворения классового недовольства... Если /государство/ не заинтересовано в пресечении нарушений закона, криминализация венчает «борьбу» и все успокаиваются»[204]. Практика последних лет в России свидетельствует о некоторых «новшествах»: с шумом и демонстрацией по телевидению «возбуждают дела», производят обыски и выемки, устраивая «маски-шоу», берут под стражу, а затем без всякого шума дела разваливаются, прекращаются, а «фигуранты» исчезают в неизвестном направлении. Очень эффектно также возбуждение уголовных дел против лиц, находящихся за рубежом и явно не испытывающих желания возвратиться...

Проблема коррупции не столько правовая (уголовно-правовая), сколько социально-политическая. Ясно, что и стратегия превенции должна ориентироваться на меры экономические, социальные, политические. При этом следует отчетливо понимать, что *«ликвидировать» коррупцию, как и любое иное социальное зло, имеющее прочные основы в экономическом, политическом, социальном устройстве общества, – невозможно.* Речь должна идти лишь о значительном *ограничении масштабов явления,* введении его в «цивилизованные рамки», *защите массы населения* от тотальных поборов на всех уровнях – от рядового работника жилищной конторы и милиционера до представителей высших эшелонов власти.

С нашей точки зрения, к числу антикоррупционных мер можно отнести следующие:

‹ максимальное сокращение (по крайней мере, на ни-

204. Рейсмен В. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. Указ. соч. С.33.

зовом уровне) объема управленческих решений, зависящих от усмотрения государственного служащего, ограничение его компетенции формализованными и четко регулируемыми «регистрационными» функциями; иначе говоря – *ограничение власти и произвола бюрократии;*

‹ резкое сокращение прав государственных служащих по «регулированию» экономики, образования, науки и т.п.; иначе говоря – *повышение независимости бизнеса и граждан;*

‹ формирование гражданского общества;

‹ сокращение (а не расширение!) «запретительной» нормативной базы; проведение в жизнь принципа *«Разрешено все, что не запрещено»,* ибо, чем больше запретов, тем больше возможностей обойти их с помощью подкупа;

‹ резкое количественное сокращение управленческого аппарата, особенно с параллельными функциями;

‹ обеспечение реальной ответственности государственных служащих за нарушение сроков разрешения подведомственных вопросов;

‹ существенное повышение оплаты труда государственных служащих и одновременно - требовательности к ним (при значительном сокращении числа служащих это не вызовет чрезмерного увеличения расходов);

‹ обеспечение реальной ответственности государственных служащих за правонарушения и преступления по службе; это тот случай, где неотвратимость санкций неизмеримо важнее их строгости;

‹ обеспечение независимости и повышение престижа суда (судей);

‹ максимальная прозрачность деятельности государственных служащих для общественности, населения, средств массовой информации;

‹ наличие реальной, а не декларативной политической воли по осуществлению этих и других мер

Разумеется, это лишь примерный, далеко не полный перечень некоторых антикоррупционых мер. Важно подчеркнуть, что они не должны сводиться к «борьбе» силами правоохранительных органов.

Автор не питает иллюзий по поводу возможности реализовать эти и любые иные меры превенции коррупционной

деятельности в современной России (как на федеральном, так и на региональном уровнях), ибо «борьба с коррупцией» относится к компетенции наиболее коррумпированных властных и «правоохранительных» структур…

Табл. 9.2. Взяточничество в России (1987 -2010)

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100000 жителей с 16 лет)	Выявленные лица	Осужденные
1987	4155	3,8	2836	2008
1988	2462	2,2	1994	812
1989	2195	2,0	1306	451
1990	2691	2,4	1510	649
1991	2534	2,3	1266	612
1992	3331	2,9	1537	686
1993	4497	3,9	2279	843
1994	4921	4,3	2727	1114
1995	4889	4,3	2342	1071
1996	5453	4,8	2692	1243
1997	5608	4,9	2320	1381
1998	5804	5,0	2803	1314
1999	6871	5,9	2921	1515
2000	7047	6,0	3481	1529
2001	7909	6,8	3696	2084
2002	7311	6,2	3796	2035
2003	7346	6,3	3939	2232
2004	8928	7,5	4609	2930
2005	9821	8,2	5109	3609
2006	11063	9,3	5619	4229
2007	11616	9,7	6046	4669
2008	12512		6890	5339
2009	13141		7080	5388
2010	12012		6343	

Источники: Преступность и правонарушения в СССР. М., 1991. С. 83-84; Преступность и правонарушения. М., 1992. С. 97,146; Преступность и правонарушения. М., 1995. С. 117, 154; Преступность и правонарушения. М., 2002. С. 117, 122; Преступность и правонарушения. М., 2008. С. 117-118, 169.

Глава 10. Наркотизм

Любите ближнего своего, даже если он
употребляет эти проклятые наркотики

А. Требач

§1. Основные понятия

Сегодня проблема наркотиков, их потребления, наркомании (впрочем, как большинства социальных девиаций) весьма мифологизирована, политизирована, используется в популистских целях. Попытаемся, по возможности, демифологизировать эту действительно сложную социальную проблему.

Но прежде следует договориться о некоторых понятиях, связанных с наркотиками и их потреблением.

Наркотики – средства (вещества), оказывающие воздействие на психику и поведение человека; их потребление способно приводить к формированию физической и/или психической зависимости (наркомании), состоянию, при котором человек испытывает потребность в регулярном приеме наркотиков и дискомфорт при отсутствии такой возможности.

Международными и национальными органами здравоохранения устанавливается и изменяется перечень средств, относящихся к наркотическим.

Потребление наркотиков может быть либо обусловлено заболеванием и рекомендовано врачом в качестве лекарственного средства (так называемое легальное, медицинское потребление наркотиков – обезболивающих, психостимуляторов, снотворных и др.), либо является немедицинским потреблением – злоупотреблением, т. е. потреблением без назначения врача, или в дозах, превыша-

Всего	**1987**	**1989**	**1991**	**1993**	**1995**	**1997**	**1999**	**2001**	**2003**	**2005**	**2007**
Пол:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
-муж	58,7	59,7	66,3	75,2	77,5	73,7	70,1	73,4	74,7	77,8	79,5
жен	41,3	40,3	33,7	24,8	22,5	26,3	29,9	26,6	25,3	22,2	20,5
Возраст:	0,3	0,1	0,2	0,3	*	*	*	*	*	*	*
16-17	17,8	20,5	19,6	27,2	29,8	27,1	8,9	26,2	26,0	26,3	
18-29	81,9	79,4	80,2	72,2	70,2	72,9	90,0	72,9	73,9	73,3	26,6
30 и старше	33,2	37,7	34,0	16,4	19,3	13,7	13,2	16,8			72,8
Социальное положение:											
рабочие	33,2	37,7	34,0	16,4	19,3	13,7	13,2	16,8	20,9	20,9	23,0
служащие	58,3	51,2	53,9	43,9	50,9	46,3	50,7	43,2	39,8	36,9	43,6
крестьяне	1,7	1,8	0,6	1,5	0,2	0,6	0,5	0,6	0,5	0,3	0,4
студенты	0,7	0,6	0,7	2,2	0,5	1,7	1,3	4,0	2,0	2,4	2,5
предприниматели	*	*	*	6,1	4,6	7,9	6,6	5,8	8,0	3,4	5,5
без постоянного источ-ника доходов	1,7	3,1	3,9	6,8	12,6	14,2	9,8	15,1	15,7	21,8	21,6

Табл. 9.3. Социально-демографический состав лиц, обвиняемых в получении или даче взятки (%) (1987 – 2007)

ющих назначенные, или продолжающимся после отмены назначения, или же приемом иных средств, нежели были назначены врачом.

Наркомания – заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости от наркотических средств, в непреодолимом влечении к ним – аддикции (от англ. addict – предаваться чему-либо, addicted – приверженный чему-либо, addiction – склонность, пагубная привычка), приводящем к глубокому истощению физических и психических функций организма.

При этом под физической зависимостью понимается состояние организма, характеризующееся развитием абстинентного синдрома при прекращении приема средства, вызвавшего зависимость. *Абститентный синдром* – комплекс специфических для каждого наркотического (токсического) средства, включая алкоголь, болезненных симптомов: головная боль, боль в мышцах и суставах, насморк, желудочно-кишечные расстройства, бессонница, судороги и т.п. На сленге абстинентный синдром носит название «ломки» (а бытовое название при алкоголизме – «похмелье»). Не все наркотические средства приводят к физической зависимости.

Психическая зависимость – состояние организма, характеризующееся патологической потребностью в приеме какого-либо средства, вещества, с тем, чтобы избежать нарушений психики, психологического дискомфорта, вызванных прекращением приема этого средства (вещества), хотя и при отсутствии абстиненции. Таким веществом может быть не только наркотик или алкоголь, но и кофеин (кофе), теин (чай), никотин (табак), лекарства. Последнее время все чаще упоминают и исследуют психическую зависимость от компьютерных и иных игр, болезненное влечение к ним (gambling addiction[205]), а также лекарственную зависимость (prescribed addiction[206]).

Токсикомания – заболевание, аналогичное наркомании, вызванное потреблением не наркотических средств, а иных

205. Griffiths M. Against the Odds: An Overview of Gambling Addiction. In: Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1998, pp.49-66.

206. Fay K. Prescribed Addiction. In: Bloor M., Wood F. Ibid. pp. 67-84.

токсических (сильнодействующих) веществ (лекарственные препараты, не отнесенные к наркотическим, предметы бытовой химии – лаки, краски, клей, бензин, ацетон и др.).

Наркотизм – относительно распространенное, статистически устойчивое социальное явление, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических (и токсических) средств и в соответствующих последствиях.

Наркотики сопровождают человечество всю известную историю. Еще «отец истории» Геродот описывал употребление древними египтянами производных каннабиса, а «отец медицины» Гиппократ использовал опий в своей медицинской практике, оставаясь верным своему знаменитому девизу «Не навреди!». О снотворном действии опия упоминается в Шумерских таблицах, т.е. 6 тысяч лет назад. Раскопки в Перу и Эквадоре свидетельствуют об употреблении листьев коки около 2300 лет назад. Очевидно, человеку, как и некоторым животным (вспомним кошку и валерьянку, собаку, которая что-то откопала в лесу и «ловит кайф», валяясь на спине), присуще стремление изменять психику с помощью каких-либо средств – будь то наркотики, алкоголь, токсические вещества, табак или же крепкий чай (включая «чифир»), крепкий кофе и т.п.

Долговечность наркопотребления, как и любого социального «зла», свидетельствует о том, что оно выполняет вполне определенные социальные функции. Как и алкоголь (который тоже является наркотиком, различия между ними не в характере воздействия на центральную нервную систему – ЦНС, а в юридической оценке – потребление легально или запрещено), наркотики выполняют функции анастезирующую (снятие или уменьшение боли), седативную (успокаивающую, снижающую напряжение), психостимулирующую (наряду с чаем или кофе), интегративную (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков может служить формой социального протеста, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из них – «элитарных», «престижных» (например, кокаина) играет престижно-статусную роль. Другое дело, что за все приходится платить (я это называю «принципом Расплаты»), и

потребители наркотиков или иных психотропных веществ расплачиваются здоровьем, потерей работы, учебы, семьи, жизнью...

§2. Коротко о наркотиках[207]

Возникает вопрос: если наркотики вызывают одни неприятности (зависимость, «ломки», физическая, психическая и социальная деградация, страдания близких, ранняя смерть), то чего ради люди их потребляют? В основе стремления к приему наркотиков лежит эйфоризирующий эффект («кайф»), состояние легкости, восторга, блаженства, душевного покоя или же необычайной остроты ощущений - красок, запахов, звуков. При внутривенных инъекциях опиатов — «на кончике иглы» «кайфу» предшествует «приход», когда «теплая густая волна ударяет в голову, прокатывается по всему телу, проходит по рукам и ногам, и, кажется, что тепло выходит через спину в области лопаток»[208]. Как уже отмечалось, за все приходится платить – и за «кайф» или «приход» - мучительными «ломками», утратой социального статуса, ранней гибелью. Страх перед «ломками» - вторичная причина, заставляющая наркомана постоянно возобновлять прием наркотиков.

Характер эйфории («кайфа») и абстинентного синдрома («ломок») зависят от вида наркотических средств или иных

---

207. Подробнее см.: Учебное пособие по основным наркотическим средствам, используемым в незаконном обороте. Выборг: ГТК РФ, СЗТУ РФ, 1995; Кесельман Л. Социальные координаты наркотизма. СПБ Ф ИС РАН, 1999; Рогатых Л.Ф., Стрельченко Э.Г., Топоров С.Б. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих средств. СПб., 2003; Боннардо Ж.-Л. Психоактивные средства и их действие // ИМПАКТ, 1985, №1. С.114-127; Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // ИМПАКТ, 1985. №1. С.90-101; Santino U., La Fiura G. Behind Drugs: Survival economies, criminal enterprises, military operations, development projects. Edizioni Gruppo Abele, 1993, pp.17-31.

208. Голанд Я.Г. Особенности клинических проявлений опийной токсикомании при внутривенном способе введения препарата. В: Алкоголизм и токсикомания. М., 1986. С.182 и след.

сильнодействующих веществ[209]. Существует несколько классификаций наркотических средств по разным основаниям. Приведем одну из них.

К первой группе наркотиков относятся *опиаты* – производные опийного мака или же синтетические препараты с морфиноподобным действием: опий, морфин, омнопон (пантопон), кодеин, дионин, промедол, метадон, фентанил, кокнар, бупренорфин (норфин) и др., а также героин – один из самых сильных и распространенных наркотиков в современной России. «Кайфу» предшествует «приход» (до трех тепловых волн). Абстиненция развивается спустя 5-6, иногда 6-12 часов после последнего приема («дозы») и сопровождается сердцебиением, потливостью, зевотой, чиханием, кашлем, ознобом. Пульс становится частым и слабым, зрачки расширены (вообще же у опийного наркомана зрачки резко сужены). В костях и мышцах – тянущие боли, мучительные для больного. Отмечаются тошнота, рвота, понос, боли в животе, нарушение сна. Возможны потеря сознания, коллапс. Превышение дозы («передоз») заканчивается смертью. Наркоманы со стажем, измученные зависимостью, разрушением семейных связей, «ходками» в «зону» (лишение свободы) нередко сознательно применяют передозировку с целью ухода из жизни («золотой укол»).

Вторая группа наркотиков – *психостимуляторы:* кокаин и его производные, включая «крэк», кофеин, фенамин, эфедрон, МДМА (экстази), первитин, хат или кат и др. Зарубежные авторы относят к этой группе и никотин[210]. Кокаин добывается из листьев южноамериканского кустарника – коки. После приема кокаина наблюдается легкое головокружение, головная боль, сменяющиеся воодушевлением, повышенной работоспособностью, ускорением мыслительных процессов, повышенной двигательной активностью, стремлением общаться. Легальные психостимуляторы,

---

209. Подробнее см.: Белогуров С.Б. О наркотиках и наркоманах. СПб: Университетская книга, 1997. С. 10-31; Иванова Е. Как помочь наркоману. СПб: Комплект, 1997. С. 16-34; Кесельман Л. Социальные координаты наркотизма. Указ. соч. С.107-117.

210. Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV. Self-Destructive Behavior and Disvalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001, p. 249.

включая кофе, чай, а в экстремальных условиях военных действий или спасательных операций – кофеин принимают в целях продолжения вынужденной трудовой или учебной (перед экзаменами) деятельности. Абстинентный синдром – общая слабость, головная боль, состояние тревоги, страха, вспыльчивость, раздражительность, позднее – вялость, апатия, зрачки сужены. Возможно развитие кокаинового психоза, похожего на алкогольный («белая горячка»).

Третья группа – *психодепрессанты:* барбитураты и другие снотворные препараты (барбамил, этаминал-натрий, барбитал-натрий, ноксирон и др.). Зарубежные авторы относят к этой группе и алкоголь[211]. Злоупотребление этими средствами нередко является результатом самолечения или привыкания в процессе медицинского, легального потребления. Эйфоризирующий эффект напоминает состояние алкогольного опьянения. Зависимость от барбитуратов имеет очень тяжелые последствия. Вылечить от привыкания к казалось бы «безобидным» лекарственным препаратам оказывается еще сложнее, чем от других видов наркотической зависимости. В состоянии абстиненции – бессонница, тревога, страх, сердцебиение, возможны судороги, психические расстройства.

Четвертая группа наркотических средств – *производные каннабиса – индийской* (а также чуйской, дальневосточной) конопли: марихуана или гашиш, именуемые также анашой, планом. Через несколько минут после курения наступает эйфорический эффект: «вначале испытывается безотчетное состояние довольства... Хочется петь, плясать, поднимать огромные тяжести. Мысли бегут, как у маньяка, все быстрее и быстрее, рождаясь и исчезая... Чувство времени и пространства извращаются. Опьяненному гашишем минуты кажутся годами, часы – веками. Весьма причудливы иллюзии зрения. Идущему по лестнице кажется, что она простирается до облаков. Самый ничтожный шум воспринимается как бурный плеск волн, грохот водопадов»[212]. Абстинентный синдром при гашишизме выражен слабее, чем при опиомании: головная боль, расстройство сна, раз-

211. Bryant C. (Ed.). Ibid. Vol. IV, p. 248.

212. Стрельчук И.В. Клиника и лечение наркоманий. М., 1956. С. 295.

дражительность, неприятные ощущения в области сердца, грудной клетки и др. Однако длительный прием производных каннабиса может привести к ряду психических расстройств: гашишный психоз, сумеречные состояния с агрессивными стремлениями.

В качестве относительно самостоятельной, пятой группы выделяют галлюциногены. К ним относятся вещества естественного происхождения – мескалин (из почек одной из разновидностей кактуса), псилоцибин (из разновидности грибов), а также синтетического – печально известный ЛСД (диэтиламид альфа-лизергиновой кислоты), фенциклидин или ПЦП или «ангельский порошок» и некоторые другие. *Галлюциногены* вызывают галлюцинации, обострение всех ощущений, изменение восприятия времени и пространства.

Существуют и другие классификации наркотиков. Так, выделяют в самостоятельную группу ингалянты (ряд токсических средств, применяемых путем ингаляций – «впрыскиваний»), энактогены (включая упоминавшийся экстази), стероиды и др.[213]

Наконец, следует заметить, что активизация правоприменительной («правозапретительной») деятельности по изъятию одних наркотиков, находящихся в нелегальном обороте (героин, производные каннабиса) приводит к «изобретению» все новых психотропных препаратов, чье вредоносное воздействие на организм оказывается более разрушительным, чем «изъятый» наркотик. Классический и очень страшный пример – печально знаменитый «крокодил» (дезоморфин). «Крокодил» относится к синтетическим опиатам, в сравнении с морфином быстрее вызывает стойкую зависимость - уже после 2-х внутривенных инъекций. Психическая зависимость от употребления «крокодила» развивается быстрее физической, уже после первой инъекции возникает сильное желание повторить пережитые ощущения.

«Крокодил» называют наркотиком бедных, так как его приготовление довольно дешевое, и как только у наркомана заканчиваются деньги на героин (или возможность его до-

213. Подробнее см.: Bryant C. (Ed.). Ibid. Vol. IV, pp.248-251.

стать сильно ограничена действиями Федеральной службы контроля за оборотом наркотиков - ФСКН), он переходит на «крокодила».

««Крокодиловая» наркомания – это довольно молодой вид наркомании, широкое распространение крокодиловая наркомания получила после 2000 года, а стремительное распространение произошло после 2005 года. Крокодиловая наркомания стоит на втором месте после героиновой. Почему наркотик «крокодил» стал так широко популярен среди наркоманов? В 2000-х годах началась активная борьба с наркотиками, в результате которой из крупных городов исчезли героин, кокаин и др. наркотики, - это вынудило наркоманов искать другие пути получения удовольствия. Произошел парадокс, связанный с хорошей работой наркополицейских… По степени вреда здоровью наркотик «крокодил» в несколько раз превосходит героин. Именно поэтому наркотик «крокодил» называют наркотиком самоубийц. Средняя продолжительность жизни героинового наркомана составляет 7 лет от начала употребления наркотика, а наркомана употребляющего «крокодил», - не более одного года. Смерть «крокодилового» наркомана наступает от множества осложнений, которые вызывает наркотик. Человек, употребляющий наркотик «крокодил» более 4 месяцев практически неизлечим и обречен на гибель»[214].

§3. Состояние наркотизма

Ситуация в мире

Состояние наркотизма в стране или регионе характеризуется рядом показателей: смертность от причин, связанных с потреблением наркотиков; количество и уровень зарегистрированных потребителей наркотиков и наркоманов; количество и уровень преступлений, связанных с нар-

214. Наркотик «крокодил» - что это? // URL: http://russlav.ru/narkotik/narkotik-krokodil.html (дата обращения: 07.07.2012).

котиками; структура потребляемых наркотических средств и т.п. Рассмотрим динамику некоторых показателей за последние годы *в европейском регионе*.

В 90-е годы минувшего века в целом наблюдался рост наркопотребления и соответствующих последствий. Так, количество смертей от причин, непосредственно связанных с потреблением наркотиков (в Австрии учитывается смерть от передозировки, в Дании – от острого отравления и т.п.), выросло в Австрии с 20 случаев в 1989 г. до 160 в 1995 г.; в Бельгии от 20 случаев в 1986 г. до 96 в 1990 г. с постепенным снижением к 1995 г. до 48; в Дании со 109 случаев в 1986 г. до 274 в 1995 г.; в Финляндии за те же годы с 14 до 76 случаев; во Франции со 185 (1986 г.) до 564 в 1994 г. при 465 случаях в 1995 г.; в Германии наблюдался рост с 348 случаев в 1986 г. до 2125 в 1991 г. с последующим снижением до 1565 к 1995 г.; в Италии рост за 1986-1995гг. с 292 до 1195 случаев; в Нидерландах с 55 случаев в 1986 г. до 84 в 1994 г. с последующим снижением до 65 в 1995 г.; в Португалии рост с 18 случаев в 1986 г. до 196 в 1995 г.; в Испании со 163 в 1986 г. до 579 в 1991 г. со снижением к 1995 г. до 394; в Швеции со 138 до 205 случаев за 1986-1994 гг. со снижением в 1995 г. до 194; в Великобритании за 1988-1995 гг. с 1212 до 1778 случаев[215].

Количество выявленных противоправных действий с наркотиками, характеризуемых числом арестов (Франция), зарегистрированных случаев (Австрия), выявленных лиц (Бельгия, Дания, Италия, Испания, Швеция), правонарушений (Финляндия, Германия, Нидерланды, Португалия), выросло с 1986 по 1996 г. в Австрии с 4739 до 16196, в Финляндии с 1194 до 6059, во Франции с 30493 до 77640, в Испании с 19203 до 48529, в Португалии с 2047 до 9054. В Бельгии названный показатель вырос с 4646 в 1986 г. до 19482 в 1993 г. со снижением к 1995 г. до 18376. В Дании – рост с 7862 в 1987 г. до 12421 в 1993 г. с последующим снижением до 8678 к 1996 г. В Германии рост с 67844 1986 г. до 156117 в 1995 г. В Италии рост с 14851 в 1986 г. до 27677 в 1992 г. со снижением к 1996 г. до 22020. В Швеции рост с 6426 в 1986

215. Здесь и далее, если не оговорено иное, см.: Annual Report on the State of the Drugs Problem in the European Union. Lisboa: EMCDDA, 1997.

г. до 8604 в 1994 г. В Великобритании рост с 6200 в 1986 г. до 30693 в 1995 г. Несколько иная ситуация в Нидерландах: в течение1986-1995 гг. наблюдается максимум зарегистрированных правонарушений (5400-5900) в 1986, 1987, 1990 гг. со значительным снижением (3010-3470) в 1992-1995 гг. Правда, последнее обстоятельство может быть связано с изменением законодательства, идущего по пути декриминализации ряда преступлений, связанных с наркотиками, и легализации потребления «легких» наркотиков (производных каннабиса).

В целом по двум рассмотренным показателям можно сделать вывод о преобладающей тенденции роста наркотизации населения европейских стран, начиная с 1986 г. (этот рост прослеживался и ранее, о чем частично будет сказано ниже) при наметившейся тенденции стабилизации и даже сокращения связанных с наркотиками инцидентов в ряде стран с 1991- 1993 гг. (Бельгия, Италия, Нидерланды и др.).

Некоторое представление о тенденциях наркотизма в Европе и о структуре потребляемых наркотиков дает динамика изъятия полицией различных их видов.

В целом по 15 исследуемым странам Западной Европы (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция, Великобритания) изъятие каннабиса возрастало с 1985 г. (164,5 тыс. кг) до 1995 г. (около 718 тыс. кг) при некотором снижении с 1994 г. (когда было изъято 727,3 тыс. кг) в ряде стран.

Количество изъятого героина возрастало с 1985 г. (2074 кг) до 1991 г. (5634 кг) с сокращением в 1992-1993 гг. (до 4771 кг), новым всплеском в 1994 г. (5862 кг) и сокращением в 1995 г. (5189 кг).

Кокаина было изъято в 15 странах Европы в 1986 г. всего 1925 кг. К 1990 г. количество изъятого наркотика увеличилось до 16,4 тыс. кг (в 8,5 раз за 4 года). Новый скачок в изъятии кокаина происходит с 1993 г. (16,8 тыс. кг) к 1994 г. (29,1 тыс. кг или в 1,7 раз за один год). Однако в 1995 г. наблюдается сокращение до 20,6 тыс. кг.

Амфетамина было изъято в 1986 г. 380,4 кг, в 1987 – 568,6 кг, за 1988-1989 гг. количество изъятого наркотика снижает-

ся до 387,1 кг, затем идет непрекращающийся рост до 1418,6 кг в 1994 г. со снижением в 1995г. до 1228,2 кг.

Наконец, еще один показатель: количество случаев конфискации различных наркотических средств в европейских странах. В частности, по экстази это число возросло от 0 в 1986 г. до 7963 в 1995 г. Можно проследить, с какого времени началось активное распространение экстази в различных странах: в Австрии с 1994 г., в Бельгии – с 1991 г., во Франции с 1989-1990 гг., в Швеции – с 1995 г., в Великобритании – с 1989г.

Что касается ЛСД, то в 1986-1988 гг. во всех вышеназванных странах Европы число случаев конфискации сохранялось на уровне 701-716, затем начинается быстрый рост: 1989 г. – 1344, 1990-1991 гг. –2100-2200, в 1993 г. – 3396 и некоторое сокращение к 1995 г. – до 2428.

Еще раз напомним, что все приведенные выше сведения свидетельствуют не только о реальной распространенности нелегального оборота наркотиков, но и об активности полиции.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные за более длительный период времени по различным странам свидетельствуют о двух основных тенденциях: возрастание наркопотребления с 50-х – 60-х годов XX столетия до начала-середины 90-х с *последующей тенденцией к сокращению*. Так, в Италии уровень привлеченных к ответственности за нелегальный оборот наркотиков (на 100 тыс. населения) возрастал с 0,14 в 1967 г. до 67,5 в 1992 г. с последующим снижением. Одновременно уровень смертности от потребления наркотиков увеличился от 0,01 до 2,43 (1991 г.) с сокращением к 1994 г. до 1,52[216].

С 1993 г. сокращается смертность от потребления наркотиков в Германии[217].

Некоторое сокращение арестов и других показателей наркотизма с 1982-1984 гг. наблюдается в Японии[218].

---

216. Klingemann H., Hunt G. (Eds). Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE, 1998. p. 225.

217. Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Ibid. p.152. См. также: Стинг С., Вульфф М., Циппе К. Ситуация с наркотиками в Германии и Саксонии. В: Молодежь и наркотики. Харьков: Торсинг, 2000. С.295-312.

218. Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Ibid. p. 341.

Хотя считается, что в США чрезвычайно распространено потребление наркотиков, особенно среди учащихся различных типов учебных заведений, однако специальные исследования показывают, что по большинству показателей (включая сравнительное потребление наркотиков, алкоголя и табачных изделий) произошло постепенное сокращение наркопотребления с 1978-1982 гг.[219]

Итак, с конца XX – начала XXI столетия прослеживается сокращения деяний, связанных с торговлей наркотиками и их потреблением. Об этом свидетельствует и уголовная статистика. Так, в Германии сокращение преступлений, связанных с наркотиками, наблюдается с 2004-2005 г.[220], в Финляндии и Канаде с 2007 г., в целом в странах Европейского Союза – с 2004-2005 гг.[221] Несколько раньше началось снижение показателей преступлений, связанных с наркотиками в Англии с Уэльсом (1997 г. – 23336, в 2000 – 19820, 2001 - 19645); Франции (1999 г. – 12529, 2000 г. – 4254, 2001 - 4047); Испании (1997 – 14274, 2000 – 11032); Италии (1999-45038, 2000 - 34800); Швеции (1996 – 5501, 2000 – 4012, 2001 - 3719), а также в Австралии (1996 - 24994, 2000 – 14426, 2001 - 12697) и в ряде других стран[222].

Вместе с тем, нельзя не отметить опасность устойчивого и стремящегося к экспансии нелегального рынка наркотиков, международного наркобизнеса. Сегодня неплохо изучены основные пути распространения основных наркотических средств. Так, *героин* из Афганистана и Пакистана идет в Россию, Восточную Европу, Среднюю Азию и Африку, а из Средней Азии и Турции в Западную Европу. Из Колумбии и Мексики героин распространяется на Северную и Южную Америки. *Кокаин* из Колумбии, Перу и Боливии

---

219. Johnston L., Malley P., Bachman J. Drug Use, Drinking, and Smoking: National Survey Results from High School, College, and Young Adults Populations. 1975-1988. Rockville, 1989.

220. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2006. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2007.

221. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. Ibid., pp. 57-59

222. Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2000 // Home Office Statistical Bulletin, 2002, p.15; Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003, p.16.

транспортируется по всему миру. Относительная локализация источников кокаина в ряде стран Латинской Америки обусловливает его дороговизну на рынке. Марихуана движется из Таиланда, Камбоджи и Филиппин в Японию и Австралию. В Северную и Южную Америки марихуана поступает из Колумбии, Парагвая, Мексики, Ямайки. Есть местные источники в США и Канаде. Африка снабжается *марихуаной* из Кении, Нигерии, Ганы и Южной Африки, частично из этих стран марихуана поступает в Западную Европу. Гашиш из Афганистана и Пакистана идет в Россию и Европу, а из Марокко – в Западную Европу и Северную Америку. Известны также пути распространения синтетических наркотиков (в основном, из стран Западной Европы), амфетаминов и др.[223]

Наркотизм в России

Латентность наркотизма очень велика. Это необходимо учитывать, используя данные официальной статистики, да и выборочных региональных исследований[224].

Согласно официальным данным, уровень потребителей наркотиков (в расчете на 100 тыс. жителей) вырос в России с 25,7 в 1985 г. до 60,6 в 1994 г., а потребителей наркотиков и сильно действующих веществ - с 47,8 в 1991 г. до 195,7 в 1998 г.[225]. Количество зарегистрированных лиц, страдающих наркотической зависимостью, выросло с 200 тыс. человек в 2000 г. до 550 тыс. человек в 2008-2010 гг.[226] Уровень зарегистрированных лиц, больных наркоманией (первичное

223. Подробнее см.: Huisman S. Crime Pattern Analysis: Syntetic Drugs 2002-2004. Driebergen, Netherlands, 2005.

224. Подробнее см.: Кесельман Л.., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб, Ф ИС РАН, 2001; Мусаев А.Н., Сбирунов П.Н., Целинский Б.П. Противодействие незаконному обороту наркотических средств. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000; Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы / ред. М.Е. Позднякова. М.: ИС РАН, 1999; Gilinskiy Y., Zazulin G. Drugs in Russia: Situation, Policy and the Police // Police Practice and Research. Vol. 2 (4), 2001. pp.345-364; Paoli L. Illegal Drug Trade in Russia. Freiburg: Edition juscrim, 2001.

225. Преступность и правонарушения в СССР. М., 1990, с.79; Преступность и правонарушения. М., 1992, с.103; Преступность и правонарушения. М., 1999, с.125.

226. Статистика распространения наркомании в России // URL: http://www.rian.ru/spravka/20100422/225438645.html (дата обращения: 22.07.2012).

обращение в медицинское учреждение), вырос с 0,9 в 1970 г. (1,3 в 1980 г.; 2,1 в 1985 г.) до 31,0 в 1997 г.[227]. Ясно, что это далеко не полные данные в силу высокой латентности наркотизма.

Сведения о зарегистрированных преступлениях, связанных с наркотиками, отражены в табл. 10.1 и 10.2[228]. Мы видим, во-первых, постоянный рост регистрируемых преступлений. Небольшое сокращение в 2002-2005 гг. сменилось дальнейшим ростом. И только в 2010 г. наметилось незначительное сокращение, продолженное в 2011 г. (всего зарегистрировано преступлений, связанных с наркотиками в 2009 г. – 238523, в 2010 г. – 222654, в 2011 г. – 215214). Их уровень в стране с начала 90-х годов прошлого века по 2007 г. вырос в 4,5 раза. Правда, столь значительный рост этого вида преступлений объясняется не только их реальным увеличением, но и повышенной активностью органов правоприменения. Подавляющее число выявленных лиц – потребители наркотических средств, «раскрытие» таких преступлений не представляет значительной сложности, зато свидетельствует об «усилении борьбы» и повышает общий уровень раскрываемости преступлений. Во-вторых, наибольшую долю составляют преступления в виде нелегального изготовления, или приобретения, или хранения, или пересылки наркотических средств или психотропных веществ. Большая часть этих преступлений совершается без цели сбыта, т.е. потребителями наркотиков. Об этом свидетельствуют данные судебной статистики: в 1989 г. за вышеназванные преступления *без цели сбыта* было осуждено 88,6% всех осужденных, в 1992 г. – 92,4%, в 1995 г. – 90,2%, в 1998 г. – 70,4%, в 2001 г. - 74,0%, в 2004 г. – 91,9%, в 2005 г. – 70,2%, в 2006 г. – 67,0%, 2007 – 69,4%, 2008 – 69,4%, 2009 – 70,5%[229].

Существенны территориальные различия рассматрива-

227. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.:UNDP, 1999, с.69.

228. Постоянно меняющееся уголовное законодательство о преступлениях, связанных с наркотиками, обусловило сведение данных в две таблицы по разным основаниям.

229. Судебная статистика // URL: http://crimpravo.ru/page/sudstatistic/sudstatistic416/ (дата обращения:07.07.2012).

емых преступлений. Так, в 2007 г. уровень зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками (на 100 тыс. жителей), колебался от 58,4 в Кировской области до 333,8 в Ханты-Мансийском АО, 338,2 в Магаданской области и 377,1 в Еврейской АО. Очевидно, значительные региональные различия отражают не только реальную ситуацию, но и активность правоохранительных органов по выявлению и регистрации этого вида преступлений.

Нельзя не отметить низкий удельный вес преступлений, совершаемых наркоманами (0,1 – 0,3%) и лицами, находящимися в состоянии наркотического и токсического опьянения (0,2 – 0,9%). Как явствует из материалов уголовных дел, большинство преступлений наркоманы совершают ради добычи наркотиков, средств для их приобретения. Поэтому приведенные показатели были бы еще ниже, если бы больные наркоманией имели легальную возможность приобретать наркотик (например, метадон, широко применяемый в медицинских целях даже в тех странах, где сохраняется запрет на наркотики), необходимый для снятия или предотвращения «ломок» (абстинентного синдрома).

Некоторые представления о лицах, совершивших преступления, связанные с наркотиками, дает табл. 10.3.

Как и следовало предполагать, подавляющую массу осужденных за этот вид преступлений составляет молодежь в возрасте до 30 лет (свыше 50-60%). Очень высок удельный вес лиц, не имеющих постоянного источника доходов (с возрастанием от 23,4% в 1987 до 69-73% к середине 2000-х годов). Возрастает доля безработных (от 4% до 7-9%). Прослеживается первоначальное возрастание доли женщин (с 6,5% в 1992 г. до 17,7% в 2001 г.) с последующей стабилизацией. Снижается доля иностранцев (с11-13% до 3-4%).

	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Всего	18534	13446	19321	53152	79819	185832	216364	243572	241598	189576	150096	175241	175241
уровень (на 100 тыс. населения)	*	*	*	35,8	54,0	126,3	147,9	167,3	166,0	132,1	104,1	122,1	122,1
В том числе:													
хищение наркотиков	832	436	433	475	691	399	468	*	*	*			
изготовление, приобретение, хранение, пересылка	15506	10594	17036	49249	72457	175868	206874	233490	231601	179938	139345	159497	159497
организация или содержа-ние притонов для потребления наркотиков	444	171	181	499	750	933	1033	989	813	*	356	730	3143
незаконные посевы мака, конопли или иных растений	136	3	76	343	666	2432	3630	4409	4017	*	2393	3042	3405

Таблица 10.1. Зарегистрированные преступления, связанные с наркотиками (1987–2005).
Источники: Преступность и правонарушения М., 1990

Составы преступлений*	Количество зарегистрированных преступлений						Количество выявленных лиц					
	2005	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**
Ст. 228 УК	44855	61596	73636	83506	88414	87949	33243	49266	60516	68629	75220	75325
Ст. 228-1	114344	128651	131160	127486	129277	117306	33466	38853	38501	37804	38024	34589
Ст. 228-2	298	2664	5327	2622	709	211	149	1288	3391	1536	300	102
Ст. 229	171	234	151	115	159	212	56	127	90	87	89	101
Ст. 230	371	385	367	398	333	259	60	204	201	244	231	191
Ст. 231	4305	3393	3467	3632	3415	2834	2531	2850	2908	3082	2959	2500
Ст. 232	3143	4509	5098	5466	6414	6554	1573	3751	4297	4756	5477	5978
Ст. 233	314	212	316	112	22	21	51	78	186	46	15	14
Ст. 234	7909	8248	8676	7896	7298	5671	2184	2917	2996	3314	3091	2683

Табл. 10.2. Зарегистрированные преступления, связанные с наркотиками (2005–2010).

* Ст. 228 УК РФ – незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов… Ст. 228-1 УК – незаконное производство, сбыт или пересылка наркотич. средств, психотропных вещ-в или их аналогов… Ст. 228-2 УК – нарушение правил оборота наркотич. средств или психотропных вещ-в. Ст. 229 УК – хищение либо вымогательство наркотич. средств или психотропных вещ-в, а также растений, содержащих наркотич. средства или психотропные вещ-ва, либо их частей, содержащих наркотич. средства или психотропные вещ-ва. Ст. 230 УК - Склонение к потреблению наркотич. средств или психотропных вещ-в. Ст. 231-незаконное культивирование растений, содержащих наркотич. средства или психотропные вещ-ва либо их прекурсоры. Ст. 232 – организация либо содержание притонов для потребления наркотич. средств… Ст.233 – незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотич. средств или психотропных вещ-в. Ст. 234 – незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта.

Всего	**1987**	**1989**	**1991**	**1993**	**1995**	**1997**	**1998**	**1999**	**2000**	**2001**	**2003**	**2005**	2007
	15523	9036	13609	24065	52688	102172	116471	129440	134316	134741	89494	70373	96738
В том числе (%)													
мужчины	88,6	84,6	90,5	91,2	89,4	88,3	86,9	85,9	82,9	82,3	85,9	82,6	84,9
женщины	11,4	15,4	9,5	8,0	7,3	8,6	7,2	14,1	17,1	17,7	14,1	17,4	15,1
14-17 лет	9,6	9,8	9,3	8,0	7,3	8,6	7,2	5,6	5,0	4,2	4,6	3,8	3,2
18-29 лет	64,2	59,1	58,8	61,3	59,8	63,7	65,7	65,8	65,6	63,9	61,3	50,1	51,9
рабочие	49,9	43,5	35,6	22,2	22,2	20,3	19,3	17,7	16,8	17,2	21,8	16,7	19,6
служащие	6,9	7,8	3,8	3,0	2,1	1,9	1,6	1,3	1,3	1,2	1,6	2,1	2,1
учащиеся	9,2	6,6	5,9	4,8	4,1	7,5	7,0	6,4	5,3	4,3	6,0	4,6	4,6
без постоянного источника дохода	23,4	30,7	37,0	48,3	58,7	64,2	66,6	69,7	72,2	73,1	66,2	71,1	68,9
безработные	-	-	-	4,1	4,3	4,1	3,7	3,9	5,0	4,9	5,2	9,2	7,1
иностранцы	-	-	-	13,3	11,9	3,3	3,3	3,5	3,6	3,8	4,4	4,5	3,4

Таблица 10.3. Социально-демографический состав лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками, в России (1987–2007)

§4. Социально-демографический состав потребителей наркотиков и наркозависимых

Отсутствие в СССР и России «моральной статистики», за организацию которой так ратовал М.Н. Гернет, не позволяет более или менее достоверно судить о структуре «девиантов» по всем проявлениям девиантности кроме преступности (в отношении лиц, выявленных как совершивших преступления, имеется статистика, публикуемая МВД). Между тем, социально-демографический состав потребителей наркотиков, алкоголя, суицидентов и т.п. представляет значительный теоретический и практический интерес. Поэтому приходится приводить хотя бы какие-то данные, результаты локальных исследований. Правда, последние проводятся в разное время по разным методикам, и не могут претендовать на репрезентативность, что необходимо учитывать при их анализе.

Гендер

Как во всех девиантных проявлениях, среди потребителей наркотических средств и наркоманов преобладают мужчины. По официальным данным, соотношение женщин и мужчин среди наркопотребителей и больных наркоманией составляет от 1:2 – 1:3 в развитых странах до 1:20 в странах третьего мира. Общая тенденция – возрастание доли женщин среди наркопотребителей. К началу 90-х гг. XX века это соотношение в различных регионах России составляло 1:2 - 1:6. К 2000 г. среди тех жителей Санкт-Петербурга, кто хотя бы раз пробовал наркотики, женщин было 10,7%, мужчин – 28,6%, а среди активных потребителей наркотических средств – соответственно 2,9% и 10,4%. В Самаре хотя бы раз пробовавших наркотики было 22,5% мужчин и 6% женщин, а среди активных потребителей – соответственно 8,5% и 2,5%[230].

230. Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб, 2001. С.39.

Возраст

Наркотизм – преимущественно молодежная мировая проблема. В трудах А. Габиани отмечалось, что среди потребителей наркотиков и наркоманов свыше 67% были молодые люди в возрасте до 30 лет, а начало потребления наркотиков приходилось на 14-16 лет[231]. В наши дни (2000 г.) среди петербуржцев – активных потребителей наркотиков лица в возрасте до 19 лет составляют почти 37%, 20-24 лет – свыше 29% и 25-29 лет – свыше 20%. Всего молодежь до 30 лет – около 87%. В Самаре доля в популяции активных потребителей наркотиков в возрасте до 19 лет – свыше 9%, 20-24 года – свыше 5%, 25-29 лет – около 3%[232]. Возраст первой пробы наркотических средств или сильнодействующих веществ из числа их потребителей в Санкт-Петербурге: 11-13 лет – около 6%, 14-16 лет – около 56%, 17-19 лет – свыше 38%[233].

Раса (этническая принадлежность)

В зарубежной девиантологии, особенно американской, исследованиям этнического состава наркоманов, алкоголиков, преступников и других девиантов уделяется большое внимание.

Пожалуй, единственной известной нам попыткой рассмотреть этнический фактор девиантного поведения подростков в современной России является исследование, результаты которого отражены в ранее называемой книге группы авторов – сотрудников Центра девиантологии Социологического института РАН. Так, в Санкт-Петербурге среди подростков наиболее вовлеченными в наркопотребление оказались представители тюркских этнических групп, на втором месте были представители финно-угор-

231. Габиани А. Кто такие наркоманы?//Социологические исследования, 1992. №2. С.78-83.

232. Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб, 2001. С.40.

233. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. СПб., 2001. С.81.

ских этносов. Менее всех втянуты в наркопотребление западноевропейские этнические группы[234].

Образование

Образовательный уровень потребителей наркотиков и наркоманов довольно высок, хотя и несколько уступает среднему для популяции. В Санкт-Петербурге в целом наблюдается снижение наркопотребления с возрастанием образовательного уровня. Но среди всех групп потребителей - изредка пробовавших наркотики, бывших и реальных активных потребителей – наибольший удельный вес составляют лица с незаконченным высшим образованием[235].

Семейное положение

Среди наркопотребителей отмечается относительно высокая доля одиноких, несемейных лиц. Это объясняется отчасти молодым возрастом любителей наркотиков, отчасти невозможностью для них устроить личную жизнь. У части наркоманов семьи распались по вполне понятным причинам.

Социальный статус

На примере бывшего СССР и современной России видно, как изменяется социальный статус потребителей наркотиков. По данным А. Габиани (80-е годы XX в.), среди наркопотребителей рабочие составляли свыше 70%, колхозники менее 1%, ИТР и служащие – около 9%, не работавшие и не учащиеся – свыше 15%. Из общего числа лиц, совершивших в СССР преступления, связанные с наркотиками, рабочих оказалось 42%, служащих – более 8%, учащихся – 6,4%, неработающих и не учащихся – около 31%. По нашим данным, в Ленинграде за ряд лет среди осужденных за преступления, связанные с наркотиками, рабочих было 37-42%, служащих

234. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Указ. соч. С.85, 145.

235. Кесельман Л. , Мацкевич М. Указ. соч. с.55.

– 3-10%, учащихся – 5-12%, неработающих и не учащихся – 35-45%. Расчет коэффициента криминально-наркотической активности (частное от деления доли социальной группы среди осужденных на долю той же группы в населении) показал максимальную наркотическую активность рабочих (1,3), далее следовали учащиеся (0,7), наконец, служащие (0,1). Этот показатель нельзя было рассчитать для неработающих и не учащихся за отсутствием данных об их удельном весе в составе городского населения. Таким образом, как и по многим другим видам негативного девиантного поведения, лидировали рабочие, нарушая все официальные представления о «гегемоне». Напомню, что последние годы удельный вес рабочих по всем видам девиантности существенно уменьшился, отражая общее сокращение рабочих в населении страны.

В современной России, по результатам локальных эмпирических исследований, основными потребителями наркотических средств оказываются учащиеся. Высок удельный вес лиц, не имеющих постоянного источника доходов (неработающие и не учащиеся). В 2000 г. в Санкт-Петербурге активными потребителями наркотиков были: из всего населения – 6%, из студентов и учащихся - 23,9%, из неквалифицированных рабочих – 7%, из рабочих средней квалификации – 5,3%, из неквалифицированных служащих – 6,1%, из служащих средней квалификации – 2,6%, из числа руководителей – 6,1%, среди технической интеллигенции – 2,%, среди гуманитарной интеллигенции – 1,8%. В Самаре активными наркопотребителями были 2,5% населения, среди учащихся – 6,3%, из неквалифицированных рабочих – 3%, из рабочих средней квалификации – 2%, из числа служащих без квалификации – 0,7%, из служащих средней квалификации – 1,1%, среди технической интеллигенции – 1,2%, среди гуманитарной интеллигенции – 2,2%, из числа руководителей – 1,9%[236].

Зарубежные исследователи отмечают взаимосвязь статуса и вида предпочитаемых наркотиков, городской характер наркотизма и повышенную долю иммигрантов среди наркоманов.

---

236. Кесельман Л., Мацкевич М. Указ. соч. С.52-53.

§5. Об этиологии наркотизма и антинаркотической политике

Общие вопросы генезиса девиантности были рассмотрены в части II. Однако этиология различных видов девиантного поведения имеет свои особенности. Так, ко всем формам ретретизма, «ухода» (пьянство, наркотизм, суицид) применима объяснительная модель «двойной неудачи» Р. Мертона, о которой также говорилось выше.

В наркомании видят бегство не только от жестоких условий существования (Р. Мертон, Дж. Макдональд, Дж. Кеннеди и др.), но и от всеобщей стандартизации, регламентации, запрограммированности жизни в современном обществе (Ж. Бодрияр).

«Наркотики сами по себе не составляют сущности проблемы. Злоупотребление ими – это симптом глубоких противоречий, с которыми сталкивается личность в попытках преодолеть стрессовые жизненные ситуации, в поисках положительных межличностных контактов в виде понимания, одобрения, а также эмоциональной и социальной поддержки. При их отсутствии наркотики выполняют роль своеобразных костылей, которые, к сожалению, не лечат, а калечат»[237]. Это высказывание лишний раз показывает, как недостаток «позитивных санкций» (одобрения), эмоциональной поддержки приводит к ситуации, которую привычно пытаются «исправить» негативными санкциями.

Charles Faupel, Maurice Fisher - авторы соответствующих статей «Энциклопедии криминологии и девиантного поведения» рассматривают ряд значимых факторов в генезисе наркотизма: социальное научение, включение в субкультуру, доступность, а также некоторые теории, объясняющие наркопотребление – биологические, психологические, социологические, включая уже известные нам теории аномии, дифференцированной ассоциации, социального контроля и теорию напряжения *(Strain Theory)*[238].

Хотя все перечисленные и многие неназванные факто-

237. Линг Дж. Указ. соч. С.98.

238. Bryant C. (Ed.). Ibid. Vol. IV. pp. 220-223, 297-300.

ры действительно влияют на распространение наркотиков, однако на личностном уровне, в конечном счете, «уход» в наркотики (равно как в пьянство или тотальный уход из жизни – самоубийство) – результат, прежде всего, *социальной неустроенности, исключенности* (exclusive), неблагополучия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни. «Мы можем утверждать следующее: если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов»[239].

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различалась и различаются во времени и по странам: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета (прогибиционизм) и преследования. Причем это касалось не только тех наркотиков, которые сегодня изъяты из легального оборота, но и таких, как алкоголь, никотин (табак), кофеин (кофе) и др. «По иронии судьбы, в противовес своей теперешней популярности, алкоголь и никотин, так же, как кофеин, были запрещены в прошлом… В 1642 г. Папа Урбан VIII издал буллу об отлучении от церкви всех употреблявших табак. Некоторые европейские государства запретили его, а султан Оттоманской империи Мурад IV даже назначил смертную казнь за курение табака. Тем не менее ни одна из стран, в которую попал табак, не достигла успеха в его запрете, несмотря ни на какие наказания. Аналогичным образом провалились все попытки запрета чая, кофе и какао»[240]. Не та же ли судьба уготована нынешним наркотикам?

Серьезной социальной проблемой потребление наркотиков становится в конце XIX в. Так, говорят об «эпидемии наркомании» во время франко-прусской войны (1870 г.). Международное сообщество начинает предпринимать первые совместные шаги по решению проблемы: в 1909 г. созывается Шанхайская опиумная комиссия, а в январе 1912 г. принимается первый многосторонний международный

239. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С.30.

240. Криминология / ред. Дж. Шели. СПб.: Питер, 2003. С.312.

договор по контролю над наркотиками – Гаагская конвенция, за которой последовали еще девять конвенций и соглашений. В настоящее время международный контроль над производством и распределением наркотических средств и психотропных веществ осуществляется на основе Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. (с последующими дополнениями) и Конвенции о психотропных веществах 1971 г.

История знала и вполне мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против латиноамериканских наркобаронов). Однако, «мы не выиграли ни одного сражения с наркотиками и никогда не выиграем», ибо «мы не можем изгнать наркотики и наркоманов из нашей жизни»[241]. Как говорил Уполномоченный по вопросам наркомании г. Гамбурга г-н Х. Боссонг, выступая с докладом в Санкт-Петербурге (февраль 1995 г.), «Употребление наркотиков и наркозависимость не исчезнут при системе запретов уголовного закона... Нельзя научить человека вести здоровый образ жизни под угрозой уголовного наказания». А криминолог Шончек политику «войны с наркотиками» рассматривает как результат мистификации проблемы, ложного сознания и лицемерия[242].

Выше упоминались социальные функции наркотических средств, включая алкоголь (анастезирующая, седативная, психостимулирующая, интегративная и др.), а все, что функционально – существует и будет существовать. Важно научиться сокращать негативные последствия функциональных дисфункций.

Именно поэтому в настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» *(«War on Drugs»)* к политике «меньшего вреда» *(«Harm reduction»)*. Об этом говорится в Докладе Национальной Комиссии США по уголовной юстиции[243], в

241. Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. №12. С.145.

242. Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluver Academic Publishers, 1994.

243. Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.

трудах ученых и выступлениях политиков. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия[244]. «Третий путь» – сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам – избрала Швеция.

Мировое сообщество начинает осознавать последствия «войны с наркотиками». В марте 2009 г. опубликован Доклад Директора-исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности под характерным названием: «Организованная преступность и угроза безопасности. Борьба с разрушительным последствием контроля над наркотиками». В докладе говорится: «самым серьезным разрушительным последствием стало появление весьма прибыльного черного рынка контролируемых веществ, подчиненного могущественным преступным картелям, и как следствие этого беспрецедентный рост насилия и коррупции… Наркокартели покупают не только недвижимость, банки и коммерческие структуры, они покупают выборы, кандидатов и партии. Словом, они покупают власть… Именно государства должны проявлять сдержанность, находя альтернативные пути решения проблем наркотиков и преступности. Политическую и административную некомпетентность нельзя ошибочно использовать для оправдания нарушений прав человека, и правительства, прежде всего, должны разорвать этот ужасный замкнутый круг». В США новый руководитель Управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков Джил Керликовске заявил: «Независимо от того, как вы это называете – войной с наркотиками, или войной с продуктом, или как-то еще, - люди рассматривают ее как войну с ними лично. А мы не воюем с собственным народом»[245].

Рано или поздно мир придет к легализации наркотических средств. Ибо, потребление их - личное дело каждого; без легализации наркотиков не избавиться от наркобизнеса; в принципе ни одну социальную проблему невозможно

---

244. Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1998.

245. Ж. «Власть». №22 (825), 2009.

решить путем запретов и репрессий, а лишь изменением социальных условий, порождающих ее.

Кроме того, ряд наркотических средств (производные каннабиса, кокаин, галлюциногены) не влечет физическую зависимость, в отличие от алкоголя[246]. Интересны результаты одного из исследований: ученые приняли максимальный вред за 100 баллов, минимальный - ноль. В результате алкоголь получил 72 балла, героин - 55, крэк - 54. Другим наркотикам были присуждены следующие позиции: кокаин - 27, табак - 26, амфетамин (спиды) - 23, марихуана - 20, кетамин - 15, метадон - 13, экстази (МДМА) - 9, ЛСД - 7, галлюциногенные грибы - 5 баллов[247].

К сожалению, Россия опять идет «своим путем», пренебрегая как зарубежным, так и своим собственным опытом. Усиление запрета и репрессий, подмена реальной антинаркотической деятельности (социальной, медицинской, педагогической, психологической) очередным приступом «усиления борьбы» лишь ухудшает ситуацию[248].

Закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» (1997) – резкий шаг назад, сводящий на нет первые робкие успехи по обеспечению помощи наркоманам. Тотальный набор запрещенных наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров (необходимых продуктов для изготовления некоторых наркотических средств) и аналогов (ст. 1, 2 Закона); запрет на использование наркотических средств и психотропных веществ частнопрактикующими врачами (ст.31); запрещение немедицинского потребления наркотиков и психотропных веществ (ст.40); резкое ограничение сведений, допустимых в антинаркотической пропаганде (ст.46); запрещение лечения больных наркоманией частнопрактикующими врачами, а также с использованием наркотических средств (например, метадоновой терапии, существующей в большинстве стран

---

246. Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Survival economies, criminal enterprises, military operations, development projects. Torino, 1993, p.36.

247. Алкоголь вреднее героина и крека // URL: http://www.narcolog-24.ru/2010/12/alkogol-vrednee-geroina-i-kreka.html (дата обращения: 08.07.2012).

248. Подробнее см.: Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2001.

– ст.55); применение медицинских мер принудительного характера (ст.54, п.3); фактическая ликвидация анонимного лечения (ст.56) – отбрасывают страну назад и приводят к полной беспомощности наркопотребителей и их семей перед наркобизнесом, криминализации негосударственной медицинской помощи, росту преступности наркопотребителей ради приобретения наркотиков и т.п. Создается впечатление, что закон был лоббирован отечественной и/или международной наркомафией.

Между тем, существует разнообразная международная, а отчасти и отечественная практика антинаркотических программ, антинаркотической пропаганды, профилактической работы и помощи наркозависимым (наркоманам). Так, во всем мире функционируют общества «Анонимных Наркоманов»[249], польский Монар, петербургское «Возрождение». Польский опыт превенции наркотизации населения заслуживает изучения и распространения[250]. Интересен шведский опыт[251]. Концентрация усилий на профилактике наркотизации населения и оказания медико-психологической помощи больным наркоманией – основные направления антинаркотической политики. Акцент на «силовых методах» может лишь повысить цены на черном рынке наркотиков на радость наркобизнесу…

В качестве первых шагов следовало бы в России, по примеру Нидерландов, Чехии и ряда других стран, легализовать производные каннабиса (марихуану) и безотлагательно легализовать заместительную терапию, которая позволяет долгие годы поддерживать активную жизнь наркоманов в Европе и других странах.

---

249. См., например: Иванова Е. Как помочь наркоману. СПб.: Комплект, 1997.

250. Moskalewicz J., Świątkiewicz G. (Eds.) Drug demand reduction in Poland inventory of data prepared for PHARE programme “Fight against Drugs”. Warsaw, 1995; Moskalewicz J. et all. Prevention and Management of Drug Abuse in Poland. Summary of Final Report. Warsaw, 1999.

251. Holloway K., Benett T.H., Farrington D.P. (Eds.) Effectiveness of treatment in Reducing Drug-related Crime. Stockholm, 2008.

Глава 11. Пьянство и алкоголизм

Человек выпивает рюмку,
рюмка выпивает человека.

Народная мудрость

§1. Основные понятия

Следует различать *потребление* алкогольных напитков – известное тысячелетия и приносящее немалые радости людям, а в некоторых случаях обладающее лечебным эффектом; *злоупотребление* алкоголем или *пьянство,* влекущее противоправное поведение, нарушающее нормальную жизнь других людей, членов семьи, становящееся привычкой, чертой образа жизни; *и алкоголизм,* как заболевание.

Алкоголизм (с 1979 г., по Международной классификации болезней, - «синдром алкогольной зависимости») - заболевание, развивающееся в результате пьянства, проявляющееся в виде физической и психической зависимости от алкоголя и приводящее к психической и социальной деградации личности, патологии обмена веществ, внутренних органов, нервной системы.

Понятия физической и психической зависимости, «абстинентного синдрома» были представлены в предыдущей главе, а потому здесь не рассматриваются. В мировой литературе, характеризуя «пьянство» и «алкоголизм», предпочитают говорить именно о *злоупотреблении алкоголем – alcohol abuse.*

С одной стороны, если верить современной медицине, ежедневные 30-50 г. водки способствуют предупреждению инфаркта и инсульта, а 150-200 г. сухого красного вина рекомендуются при гипотонии. Да и 50-80 г французского коньяка в течение дружеской вечерней беседы – пожалуй, не такое уж и зло.

С другой стороны, пьянство, злоупотребление алкого-

лем – один из отвратительнейших пороков, разрушающий человека, его семейные, служебные, социальные связи, приводящий к полной деградации личности, а если это происходит в массовых масштабах – и общества в целом.

Проблемой являются пьянство и алкоголизм, тогда как потребление алкоголя «нормально» и не относится к девиантному поведению (по результатам многочисленных исследований, в России изредка и умеренно потребляют алкогольные напитки 70-80% населения, лишь 3-5% - абсолютные трезвенники, 3-5% страдают алкоголизмом, 10-12% - злоупотребляют алкоголем (почти нормальное Гауссовское распределение!).

Поскольку в русском языке отсутствует термин, обозначающий *злоупотребление алкоголем как социальное явление* (термин, аналогичный «преступности» или «наркотизму»), постольку приходится далее употреблять не вполне корректные понятия «пьянство» и «алкоголизм» - в их широком, не медицинском понимании.

Проблеме пьянства и алкоголизма посвящена обширная литература. Остановимся лишь на некоторых социологических (девиантологических) проблемах.

Прежде всего, следует напомнить, что, во-первых, алкоголь по своему воздействию на живой организм относится к наркотикам *(«alcohol is also a drug»)*. Поэтому, во-вторых, его потребление выполняет те же функции, что и наркопотребление: анастезирующую, психостимулирующую, седативную, интегративную, протестную, статусно-престижную (потребление французского коньяка, французского шампанского, шотландского виски)[252]. Алкоголь служит средством «расслабиться», снять напряжение, усталость. Он способствует общению, сближению людей (интегративная функция). Так что «борьба» за «искоренение» потребления алкоголя заведомо обречена на провал (что подтверждает опыт «сухих законов», через который прошли многие европейские страны, США, Россия). Это не означает отказа от разумной политики *«harm reduction»* – сокращения вреда от злоупотребления алкоголем (цирроз печени, ранняя

252. О функциях потребления алкоголя см. также: Allen D. Alcohol, Positive Functions of. In: Bryant C. (Ed.) Ibid. Vol. IV. pp.45-49.

смерть, утрата трудоспособности, «пьяная преступность», производственный травматизм, нравственная деградация и т.п.).

Потребление алкоголя, как и наркотиков, по-разному оценивается в различных обществах (культурах). Так, потребление алкоголя запрещено в мусульманских странах, время от времени запрещалось в других странах.

§2. Состояние алкопотребления

Озаглавленную в параграфе тему попытаемся рассмотреть по двум основным характеристикам: потребление и последствия. Напомню также, что особенно доверять статистическим данным нельзя, но и без опоры на них не обойтись.

Ситуация в мире

Потребление алкоголя известно с древнейших времен. Алкогольным привычкам, ритуальному опьянению членов первобытных племен, «культуре потребления» в современном мире, посвящена обширная литература. В Древней Индии особой симпатией пользовался опьяняющий напиток – сома, считавшийся напитком богов. А древнеиндийская сура представляла собой, по-видимому, прообраз рисовой водки.

Из личных впечатлений.

Иностранцы, наслышавшись о российской традиции тостов и российской водке, во-первых, часто расспрашивают о наших тостах, их значении и с удовольствием (и с акцентом) повторяют «За здоровье!». Один из немецких коллег с неподдельным интересом записывал наши официальные и «сленговые» тосты (типа «Поехали!», «Будем!» и т.п.). Во-вторых, даже никогда не употребляющие в обыденной жизни крепкие напитки, считают необходимым в России пить водку. Одна

уважаемая дама-профессор из Англии, при соответствующем случае сказала: «В России я пью только водку!». А очень известный криминолог из Англии спустя два года после российского застолья признался мне, что запомнил это на всю жизнь...

Умеренное потребление обычно редко порицается, а иногда одобряется (ритуал причастия в христианстве, прием алкоголя по медицинским рекомендациям). Потребление алкоголя, точнее – злоупотребление им, – становится социальной проблемой после Второй мировой войны. По данным ВОЗ, за 1955 – 1980 гг. мировое производство алкоголя на душу населения удвоилось, а в странах Африки среднегодовое потребление алкоголя (в пересчете на 100%) выросло в четыре раза, в Азии – в пять раз.

Обычно алкогольная ситуация характеризуется рядом показателей: объем изготавливаемых и продаваемых алкогольных изделий; душевое потребление алкоголя (100% этанол в литрах на одного человека); заболеваемость хроническим алкоголизмом, циррозом печени; алкогольные психозы; уровень смертности от цирроза печени, острого алкогольного отравления; доля преступлений и дорожно-транспортных происшествий (ДТП), совершенных по вине лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения и др. Однако, столь обширный анализ по различным странам невозможен в рамках данной главы. Поэтому мы кратко остановимся на динамике душевого потребления алкоголя и лишь частично назовем некоторые другие показатели.

Так, уровень смертности от цирроза печени (на 100 тыс. населения) в конце 80-х годов составил: Италия – 34,7, Чили – 33,3, Франция – 30,8, Австрия – 30,7, Испания – 22,3, Бельгия – 13,9, США – 13,8, Канада – 12,1, Австралия – 8,3, Финляндия и Норвегия – 5,8, Нидерланды – 5,2, Великобритания – 3,9, Ирландия – 3,7, Исландия – 0,9[253].

По структуре алкогольных изделий различаются страны, где потребляют только вино (Греция, Чили, Уругвай), страны с преобладанием потребления вина (Франция, Португалия,

253. Report 89: Trends in alcohol and drug use in Sweden. Stockholm, 1989, p. 104.

Италия, Австралия, Аргентина), с высокой долей (около или выше 50%) крепких напитков типа водки или виски (Венгрия, Австрия, Польша, Япония, Исландия, Россия)[254]. Кроме того, в послевоенном мире все большее распространение приобретает потребление пива. Традиционно «пивными» являются Чехия, Германия, отчасти – Канада. Потребление пива бурно процветает и в современной России, «разбавляя» привычную водку.

Вообще же вид предпочитаемых алкогольных изделий, допустимая «норма», ритуал потребления, реакция общества – существенно зависят от культурологических факторов. Хорошо известно, например, что в Древней Греции виноградное вино обычно пили, разбавляя водой. В средневековом Китае групповое пьянство могло караться смертной казнью. Современные японцы пьют свое саке как в охлажденном, так и в сильно подогретом виде (сам пробовал оба варианта – в Киото и Токио). Ритуал грузинского застолья (институт тамады, витиеватость тостов) стал заимствоваться другими народами, хотя перещеголять грузин еще никому не удалось. В современной Европе, США, ряде других стран тосты обычно не приняты. Максимум один-два в начале официального торжества. Россия занимает в этом отношении промежуточное положение между Грузией и Европой. Профессор Манфред Брустен (ФРГ), находясь в России и пользуясь нашим гостеприимством, тщательно записывал все произносимые тосты, требуя их перевод. А я, признаюсь, в англоязычной компании предлагаю шутя тост «Let's go!», то бишь «Поехали!».

Продажа алкогольных изделий (в литрах 100%-ного алкоголя на 1 жителя) в конце 1987 г. составила: Франция – 13,0, Испания – 12,7, Швейцария – 11,0, Венгрия – 10,7, ФРГ – 10,6, Италия – 10,0, Дания – 9,6, Австралия – 8,8, Нидерланды – 8,3, Канада – 7,8, США – 7,6, Великобритания – 7,3, Польша – 7,2, Финляндия – 7,1, Япония – 6,3, Швеция – 5,4, Норвегия – 4,4[255].

Некоторые данные о динамике душевого потребления алкоголя представлены в табл. 11.1.

---

254. Bakgrunden. Stokholm, 1988, p. 46.

255. Report 89: Trends in alcohol…,p. 103.

Таблица 11.1. Душевое потребление алкоголя в некоторых странах (в л 100% алкоголя)[256]

Страна	**1960**	**1970**	**1980**	**1983**	**1986**	**1988**
Австралия	6,6	8,1	9,7	10,0	9,2	8,8**
Австрия	8,3	10,5	11,0	11,3	11,6	11,2
Бельгия	6,2	9,6	11,4	10,6	10,6	10,7**
Болгария	4,5	7,4	0,2		9,2*	
Великобритания	4,2	6,4	8,5	6,9	8,4	8,6
Венгрия	6,4	9,1	11,7	12,3	11,3	10,7
ГДР	5,8	6,1	10,1	14,2	10,5	10,7
Испания	3,9			2,5		12,7**
Италия	12,5	16,0	13,9	12,4	11,0	11,8
Канада	4,8	6,4	8,5	8,5	8,0*	7,8
Норвегия	2,6	3,7	4,9	3,8	4,4	4,6
Польша	4,1	5,6	8,9	6,5	7,3	7,4
Португалия	10,8			13,2	11,2	10,5**
СССР***	3,9	6,8	8,7	6,1	4,3	3,7
США	5,2	7,0	8,6	8,2	8,1	8,0
Турция		0,5	0,7		1,0	1,0
Финляндия	2,4	5,1	6,4	6,5	7,0	7,2
Франция	19,0	17,6	15,8	14,8	13,9	13,4
ФРГ	7,5	10,3	11,4	12,3	10,5	10,6**
Чехословакия	7,0	8,2	9,4	11,7	9,4*	8,9
Швеция	4,0	6,3	6,3	5,4	7,3	7,4

* — данные за 1985 г.
*** - официальные данные без учета самогона
**—данные за 1987 г.

Как видно из табл. 11.1, высокие показатели душевого потребления алкоголя характерны для винодельческих стран. Выражен рост потребления в большинстве стран до 1976 – 1982 гг. с последующей стабилизацией или снижением этого показателя. Некоторые данные конца 80-х – нача-

256. Alcoholstatistik. 1988. Stockholm, 1989. p. 31; Проблемы, связанные с потреблением алкоголя в группах высокого риска. Копенгаген, 1991. С. 32.

ла 90-х годов подтверждают эту тенденцию. Так, в Польше душевое потребление крепких алкогольных напитков снизилось с 14,8 л в 1980 г. до 9,5 л в 1994 г., а вина – с 10,1 л до 6,9 л (правда, при росте потребления пива)[257]. Динамика душевого потребления алкоголя в Скандинавских странах представлена в табл. 11.2

Таблица 11.2. Душевое потребление алкоголя (в л 100%) в Скандинавских странах (1989–1997)[258]

	1989	1990	1991	1992	1993	1997
Дания	9,4	9,7	9,6	9,8	9,7	
Финляндия	7,6	7,7	7,4	7,2	6,8	7,0
Норвегия	4,0	3,9	3,8	3,6	3,6	
Швеция	5,4	5,3	5,1	5,1	5,0	5,1
Исландия	4,1	3,9	3,9	3,5	3,3	

Похоже, что в странах Западной цивилизации «пик» алкоголизации остался позади (для Франции – 1960 г., для Италии – 1970 г., для Австрии – 1986 г., для Венгрии – 1983 г., для Канады и Польши – 1980 г., для Финляндии – 1990 г., для Швеции – 1988 г. и т.д.), во всяком случае, по данным на 1997 г.[259]

Потребление алкоголя в России и его последствия

В России первые сведения о винном спирте приводятся в «Вятской летописи» (XII в.), что не исключает более раннего потребления алкогольных напитков (меда, браги и др.)[260].

Рассмотрим официальные сведения о производстве и продаже алкогольных изделий в бывшем СССР с 1970г. по 1990 г. (табл. 11.3, 11.4). Для сравнения отметим, что в 1940

257. Moskalewicz J., Swiatkiewicz G. (Eds). Drug demand reduction in Poland inventory of data prepared for PHARE programme «Fight against Drugs». Warsaw, 1995. p. 14.

258. Nordic Alcohol Studies. 1994. Vol. 11. Helsinki, 1994. p. 87; Statistics on Alcohol, Drugs and Crime in the Baltic Sea Region. Helsinki: NAD Publication, 2000.

259. См. также: Leifman H. Perspectives on Alcohol Prevention. Stockholm, 1996.

260. Остроумов С. Из истории пьянства на Руси. СПб, 1914. С.5-28.

г. было изготовлено 19,7 млн. дал виноградного вина, а в 1965 г. – 134 млн. дал[261].

Для России пьянство – старая и все обостряющаяся проблема. К 1992-1993 гг. Россия вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя: 13,9-14,5 л абсолютного (100%) алкоголя в год на одного жителя страны, обогнав традиционного лидера - Францию (13,0 л)[262]. По косвенным данным, с 1994 по 1998 гг. происходило некоторое сокращение душевого потребления алкоголя (до 13,5 л), однако уже в 1999 г. этот показатель вновь вырос до 14,5 л, в 2000 г. рост душевого алкопотребления продолжился и достиг 15,0 л в 2001 г.[263].

Но на этом рост алкопотребления не остановился. К 2007 г., «по официальным данным Роспотребнадзора (экспертные оценки даже выше), душевое потребление поднялось до 18 литров чистого алкоголя в год. Порог безопасности, определенный ВОЗ для любой страны в 8 литров, превышен, по крайней мере, вдвое – без принятия самых экстренных мер деградация России, ее народа неизбежна» (Н. Герасименко, академик РАМН, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья[264]). По упомянутым данным ВОЗ (Всемирной Организации Здравоохранения), при уровне душевого потребления алкоголя свыше 8 л начинается «необратимое угасание этноса»...

При этом доля водки, традиционно высокая в России (56% от продажи всех алкогольных изделий в 1981 г., 66% – в 1990 г.), достигла 82,1%[265]. Некоторые оценочные данные душевого потребления алкоголя за 1981-2001 гг. приводятся в табл. 11.5.

---

261. Здесь и далее см. ежегодники «СССР в цифрах в ... году». М.: Госкомстат (1987-1991).

262. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995. С. 14,70; Он же. Алкогольный урон регионов России. М., 2003. С.101.

263. Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001. С.8; Он же. Алкогольный урон регионов России. М.: NALEX, 2003. С.17.

264. Если не примем срочных мер, то просто пропьем страну // Российская Федерация, 2009, № 4.

265. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995. С. 14, 70. См. также: Акопян А. и др. Динамика уровней заболеваемости и смертности от болезней, имеющих «социальную окраску» (социопатий) в современной России // Вопросы статистики. 1998. №3. с. 89.

Страшные последствия массовой алкоголизации населения России, особенно жителей малых городов и сельской местности, связаны не только и не столько с давними традициями, сколько с тяжелейшими условиями бытия большинства населения в XX в., перешедшими в век XXI. За эти годы сложилась «антикультура» пития: «Стародавние питейные привычки в России носили застольный, праздничный характер, и были преимуществом мужчин. Выпивки женщин и молодежи долго оставались позором. В новейшей истории России доминирует новый стиль потребления, когда пьют и в праздники, и в будни, не только не закусывая, но часто даже не приседая. Или на ящике-таре вместо стола, на газетке вместо скатерти, среди мусора и грязи. Стали привычными выпивки женщин и подростков. Это питейное бескультурье носит массовый характер и является лишь поверхностным отражением деградационных процессов российского общества, прочно связанных с неуемным потреблением спиртных напитков»[266].

Уровень смертности (на 100 тыс. населения) от цирроза печени в России вырос с 8,3 в 1988 г. до 15,7 в 1993 г., уровень смертности от алкогольного отравления за те же годы вырос с 7,8 до 30,9 (со снижением до 15,0 к 2009 г.), а алкогольных психозов с 5,1 до 32,11.

Всего же смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя (отравление алкоголем, хронический алкоголизм, алкогольный психоз, алкогольный цирроз печени), выросла в России с 12,3 (на 100 тыс. населения) в 1990 г. до 46,5 в 1994 г., т.е. в 3,8 раза за 4 года. При этом для лиц в трудоспособном возрасте – с 17,6 до 65,2, а среди мужчин трудоспособного возраста за те же годы с 29,1 до 103, 3[267].

Не удивительно, что высокая смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя (наряду со смертностью от убийств, самоубийств и несчастных случаев), резко снижают продолжительность жизни населения страны. К 2001 г. общий коэффициент смертности в России составил 15,6 на 1000 населения (более высокий уровень смертности в 2001 г. – 16 был только в Восточной и Центральной Африке,

266. Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001. С.5.

267. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России, 1995. С. 60.

Табл. 11.3. Производство алкогольных напитков в СССР (1970 – 1990)

	1970	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Всего, млн. дал абсолютного алкоголя	-	228	184	99,5	90,7	106	125	132
Водка и ликеро-водочные изделия, млн. дал	243	295	238	147	123	142	182	212
Вино виноградное, млн. дал	268	323	265	141	147	179	193	157
Вино плодово-ягодное, млн. дал	49,1	149	70	15,1	0,8	-	-	-
Коньяк, млн. дал	5,4	9,4	7,0	6,7	9,5	11,8	13,6	12,1
Шампанское, млн. бутылок	86,7	178	248	195	225	258	256	249
Пиво, млн. дал	419	613	657	489	507	558	602	624

Табл. 11.4. Продажа алкогольных напитков в СССР

	1970	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Всего, млн. дал абсолютного алкоголя	166,0	230,3	198,9	120,9	92,8	104,5	126,5	132,6
Водка и ликеро-водочные изделия	230,4	293,9	215,2	156,6	123,3	136,9	179,5	209,7
Вино	321,6	485,1	386,8	189,5	156,7	184,7	204,8	167,3
Коньяк	4,6	9,2	8,5	8,8	9,4	11,3	13,1	11,5
Шампанское	6,8	14,9	21,9	20,7	20,6	21,8	22,4	21,7
Пиво	421,1	620,7	667,8	496,9	514,6	564,8	608,1	616,0
На душу населения (в л.)	6,8	8,7	7,2	4,3	3,3	3,7	4,4	4,6

Табл.11.5. Оценка реального потребления 100% этанола на человека в год (л)*

1981	–	14,2	1986	–	10,8	1991	–	12,9
1982	–	14,2	1987	–	11,0	1992	–	13,9
1983	–	14,8	1988	–	11,6	1993	–	14,5
1984	–	14,5	1989	–	12,0	1998	-	12,2
1985	–	13,3	1990	–	12,2	2001	-	15,0

* Немцов А. Потребление алкоголя и смертность в России / Население и общество. 1996, №10; Он же. Алкогольный урон регионов России. С.17.

тогда как в странах Западной Европы - 10, в Северной Америке – 9). Ожидаемая продолжительность жизни мужчин в России в том же году составила 58,9 лет (в Западной Европе – 75 лет, в Северной Америке – 74 года, в Японии – 77 лет)[268]. При этом в России «остается весьма значительным вклад в снижение продолжительности жизни случайных отравлений алкоголем. Он все время больше, чем вклад убийств или самоубийств или целых классов болезней»[269].

Связь алкоголизации и преступности издавна отмечалась криминологами. Так, наблюдались возрастание количества преступлений в конце рабочей недели; сочетание безудержного пьянства и повышенной «криминальности» беднейших слоев населения; относительно большее влияние пьянства на насильственные преступления, чем на имущественные; совпадение регионов с повышенным уровнем алкоголизации и преступности и др.[270]. Проследим отдельные проявления взаимосвязи преступности и алкоголизма в настоящее время.

Данные о некоторых видах зарегистрированных в России *преступлений*, совершенных *лицами,* находившимися в состоянии алкогольного опьянения, приводятся в табл. 11.6. Наблюдается последовательное сокращение удельного веса

268. Российский статистический ежегодник. М, 1995. С.37.

269. Население России, 2001. Указ. соч. С.99; Все страны мира (2001) / Население и общество. 2001, №56.

270. Население России, 2001. Указ. соч. С. 107.

«пьяной» преступности в целом с 41,4% в 1993 г. до 17,4% в 2007 г. (в 2009 г. – 15,3%). Этот же тренд наблюдается по всем основным видам преступлений.

Различаются преступления, совершаемые преимущественно в состоянии алкогольного опьянения (все тяжкие насильственные преступления), и на трезвую голову (кражи, а также не вошедшие в таблицу «беловоротничковые» преступления – присвоения, растраты, взяточничество и т.п.). Существенное сокращение доли тяжких насильственных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (убийств – с 78% в 1993 г. до 59% в 2007 г., причинения тяжкого вреда здоровью с 80,6% в 1989 г. до 50% в 2007 г., изнасилований с 78,7% в 1993 г. до 60,2% в 2007 г. и т.п.) свидетельствует либо о недобросовестном заполнении следователем статистической карточки на лицо, совершившее преступление (форма №2), либо на все большую жестокость тяжких насильственных преступлений, которые нельзя объяснить, как совершенные «по пьянке».

Значительны *территориальные различия* «пьяной» преступности. Данные за 1907-1912гг. имеются в неоднократно упоминавшейся книге М.Н. Гернета. Так, среднее душевое потребление спирта (40°) в ведрах колебалось от 0,13 в Семипалатинской губернии до 1,50 в Санкт-Петербургской при среднероссийском показателе 0,57[271].

Современные сведения мы находим в ежегодниках ГИЦ МВД РФ «Состояние преступности в России». В 1999 г. средняя по стране доля зарегистрированных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, составила 25,8%, удельный вес таких преступлений в республике Тыва достиг 41,1%, в Эвенском автономном округе Красноярского края – 48,8%, в Ненецком автономном округе Архангельской области – 46,2%, низкие же показатели отмечались в Кабардино-Балкарии – 3,0%, Адыгее – 6,5%, Ингушетии – 7,1, Краснодарском крае – 7,6%, Карачаево-Черкессии – 8,0%, Дагестане - 8,9%.

Сравнительные данные по России, Санкт-Петербургу и Ленинградской области показывают, что при общей тенденции к сокращению «пьяной» преступности, ее доля в общей

271. Гернет М.Н. Указ. соч. С.381-382.

	1987	1989	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Из всех преступлений	28,1	37,2	37,9	39,1	41,4	41,2	39,0	36,4	33,8	29,6	25,8	23,1	22,6	24,2	24,0	22,5	21,3	19,5	17,4
Убийство (с покушениями)	70,0	76,0	75,9	77,5	78,0	76,6	73,5	71,5	69,9	68,5	66,1	63,6	63,9	65,2	65,5	63,2	61,3	59,0	59,0
Причинение тяжкого вреда здоровью	75,4	80,6	80,2	78,9	80,6	79,9	77,4	76,1	75,3	72,4	69,4	66,5	63,9	64,3	63,5	59,8	57,0	53,4	50,4
Изнасилование (с покушениями)	59,8	68,9	72,5	75,0	78,7	78,2	75,9	73,5	73,3	73,0	71,3	69,5	67,6	52,1	66,6	64,9	62,7	60,7	60,2
Хулиганство	63,4	71,8	72,7	71,3	74,2	73,8	69,8	67,5	65,1	60,9	56,3	52,5	49,4	47,9	46,1	43,2	41,9	37,3	32,1
Разбой	64,9	69,2	66,0	62,3	64,0	63,0	59,7	56,3	52,3	43,7	41,5	39,1	39,2	42,9	40,3	36,3	33,3	31,3	28,7
Грабеж	48,7	52,2	51,6	52,7	57,0	57,9	57,0	53,9	48,9	42,9	36,7	34,4	33,5	37,4	35,1	30,3	27,2	25,2	23,2
Кража*	24,9	28,3	30,2	33,6	39,7	39,6	37,7	35,2	32,1	28,0	23,9	21,5	20,6	22,5	22,8	19,5	17,6	16,7	15,2

Таблица 11.6. Доля зарегистрированных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, % (Россия, 1987 – 2007)

* С 1987 по 1989 – только кража личного имущества граждан. Источник: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М. 1992-

преступности Санкт-Петербурга ниже среднероссийских показателей, а в Ленинградской области – выше, что лишний раз свидетельствует о повышенной «алкоголизации» преступности в сельской местности. Так, в 1995 г. совершено преступлений лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения в России – 39,0%, в Санкт-Петербурге – 26,5%, В Ленинградской области – 43,4%, в 2000 г. соответственно 23,1%, 17,8%, 24,3%.

Интересное обширное исследование региональных различий алкоголизации населения России и ее последствий (в виде алкогольной смертности) предпринял А. Немцов в уже упоминавшейся книге 2003 г. В частности, им показано, что наиболее тяжелая обстановка в субъектах федерации Дальневосточного, Сибирского и Уральского федеральных округов. Относительно благополучными (при крайне тяжелой ситуации по стране в целом) оказались Центральный, Южный и Приволжский федеральные округа.

В табл. 11.7 представлены сведения о роли алкогольного опьянения *в дорожно-транспортных происшествиях* (ДТП), часть из которых содержат состав уголовного преступления. Мы видим, что даже по официальным данным от 12 до 19% ДТП происходило по вине пьяных водителей и 6-7% - по вине нетрезвых пешеходов. Правда, по данным МВД, с 2003 г. наблюдается сокращение доли ДТП по вине водителей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Вопрос: насколько объективны эти данные.

В Санкт-Петербурге в 1995г. по вине пьяных водителей зарегистрировано 8,5% ДТП, по вине пьяных пострадавших – 8,9%; в 2000 г. – соответственно 4,5% и 8,1%.

Из материалов многих уголовных дел известно, что часть преступлений против собственности совершается для удовлетворения потребности в алкоголе при отсутствии (недостаточности) средств на его приобретение.

В ряде стран в периоды «сухого закона» само производство и продажа алкоголя были криминализированы. Могут быть признаны противоправными, а то и преступными нелегальное изготовление алкогольных изделий без цели сбыта или с целью сбыта (ст.158 УК РСФСР 1960 г.), а также изготовление и сбыт фальсифицированных алкогольных

изделий (ст.238 УК РФ 1996 г.), столь распространенные в современной России.

Известен *виктимологический* аспект злоупотребления алкоголем: лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения и больные алкоголизмом, относятся к группе повышенного виктимного риска, они относительно чаще становятся жертвами различных преступлений и ДТП.

Вместе с тем, не следует переоценивать роль потребления алкоголя как криминогенного фактора. Во-первых, большинство умеренных потребителей алкоголя не более «криминальны», чем трезвенники. Во-вторых, как показывают результаты локальных исследований, повышение уровня алкоголизации может сопровождаться снижением уровня криминальности (хотя возможен одновременный рост того и другого).

Таблица 11.7. Доля ДТП по вине водителей и/или пешеходов, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, %

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Водители	18,1	19,0	18,6	18,6	17,3	15,6	14,9	14,4
Пешеходы	*	6,4	6,9	6,9	6,8	6,3	7,2	6,9

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Водители	18,1	13,5	12,5	12, 2	11,7	10,3	8,8	7,4	6,7
Пешеходы	7,3	*	*	*	*	*	*	*	*

* Нет сведений.
Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М., 1992 -, Ежегодники «Состояние преступности в России» М., 1998 –

§3. Социально-демографический состав лиц, имеющих проблемы в связи с алкоголем

Гендер

Хорошо известно, что по всем формам девиантности пальму первенства держат мужчины. Не менее известно, что по большинству девиантных проявлений женщины постепенно «догоняют» мужчин. Не представляет исключение ситуация с потреблением алкоголя и его последствиями. Так, по данным ВОЗ, сто лет назад соотношение в мире злоупотребляющих алкоголем мужчин и женщин составляло 10:1, к концу XX в. это соотношение сократилось до 5:1, а по ряду стран до 2:1 (например, Великобритания). Ускоренной алкоголизации женщин способствуют как эмансипация (все равны во всем!), так и «двойная занятость» женщин – трудовая и «домашняя смена».

При этом следует иметь в виду, что женская алкоголизация более «злокачественна»: женщины крайне неохотно обращаются за медицинской и иной помощью, а когда обращаются, - их лечение оказывается более затруднительным, чем представителей мужского пола. Кроме того, алкоголизация женщин болезненнее сказывается на семейных отношениях и, прежде всего, – на воспитании детей. Да, и с точки зрения обыденных представлений, женский алкоголизм «позорнее» мужского.

Возраст

Потреблению алкогольных напитков «все возрасты покорны». Поскольку алкоголизм как заболевание развивается постепенно, постольку он поражает в основном лиц старше 30-40 лет. Однако алкоголизм «молодеет». По данным А. Габиани, Г. Заиграева, за десятилетие 1972-1982 гг. доля молодых алкоголиков в возрасте до 30 лет выросла на 4-5%. По данным популяционного исследования подростков Санкт-Петербурга в 1999 г., имели опыт потребления алкоголя до 95% респондентов. Из их числа возраст первой пробы алкоголя составил: до 7 лет – 3,7%, 8-10 лет – 8,4%,

11-13 лет – 23%, 14-16 лет – 53,9%, 17-19 лет – 10,9%[272]. Таким образом, большинство современных подростков – жителей крупного российского города знают вкус алкоголя с 14-16 лет. Между тем, ранняя алкоголизация особенно опасна в силу ряда причин: воздействие алкоголя на молодой организм приводит к более тяжелым медицинским и социальным последствиям; резко сокращаются сроки перерастания пьянства в алкоголизм; повышается вероятность криминального поведения; увеличивается риск рождения детей с физическими и психическими аномалиями у лиц, рано пристрастившихся к алкоголю.

Семейное положение

Жесткой зависимости между алкоголизацией и семейным статусом не установлено. Как тенденция отмечается некоторое преобладание разведенных среди пьяниц и алкоголиков. Однако характер этой зависимости сложен: иногда разводятся, потому что один из супругов – пьяница, иногда же пьют от одиночества... Известно также, что 70-80% женщин, обратившихся за медицинской помощью в связи с невротическим состоянием, а равно большинство женщин, подающих в суд заявление о расторжении брака, ссылаются на пьянство мужа как повод для обращения.

Образование

Социальная неустроенность, неудовлетворенность жизнью тем вероятнее, чем ниже образовательный и зависящий от него социальный статус индивида. Неудивительно поэтому, что наблюдается вполне определенная тенденция: чем ниже уровень образования, тем выше риск алкоголизации. По сведениям Б.М. Левина и М.Б. Левина (Москва), А. Габиани (Грузия), а также по нашим данным (Ленинград – Санкт-Петербург), большинство лиц, страдающих алкоголизмом (45-75%), а также доставленных в медвытрезвители (около 60%), имели начальное или неполное среднее обра-

272. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. Указ. соч. С.65.

зование. Однако, следует иметь в виду, что лица с высшим образованием в аналогичных ситуациях чаще лечатся анонимно, а в медвытрезвители попадают значительно реже в силу характера и условий потребления алкоголя, а также используя «административный ресурс»...

Социальный статус

Как и следовало ожидать, повышенный уровень алкоголизации наблюдается среди представителей тех социальных групп, труд которых является малосодержательным, низкой квалификации или же монотонным (работа на конвейере), а также среди сельскохозяйственных рабочих (А. Габиани, 1992; Г. Заиграев, 1986; Б. и М. Левины, 1986 и др.).

Подробный анализ особенностей алкоголизации различных социально-демографических групп в США – мужчин и женщин, молодых и пожилых, профессиональных и этнических групп – предпринят в т. IV неоднократно упоминавшейся «Энциклопедии криминологии и девиантного поведения» (2001).

§4. Антиалкогольная политика

Формы, механизм, методы социального контроля должны быть адекватны генезису и закономерностям девиантных проявлений.

Пьянство относится к ретретистским формам девиантного поведения и находит то же объяснение («вторичная неудача» Р. Мертона, его же теория напряжения и др.). Кроме того, злоупотребление алкоголем, как и другие формы ретретизма, является следствием смыслоутраты или отсутствия смысла существования, «экзистенциального вакуума» (В. Франкл[273]), заполняемого алкоголем или наркотиками за отсутствием возможностей (неумением) найти более достойное средство (например, творчество или увлечение

273. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

чем-либо). Врачи-наркологи хорошо знают эту закономерность, утверждая: «Людей с хобби нет среди наших пациентов».

Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) называет три группы последствий злоупотребления алкоголем: проблемы для самого пьющего – заболевания, правонарушения, ранняя смерть; для семьи пьющего – конфликты, ссоры, безденежье, негативное воздействие на детей; для общества – преступления, дорожно-транспортные происшествия, затраты на лечение, утрата трудоспособности и др.

При бесспорном вреде пьянства и алкоголизма этому злу нельзя противодействовать запретительно-репрессивными мерами. Накоплен значительный мировой опыт ограничения или запрещения легальной торговли алкогольными изделиями и последствий таких запретов. Через так называемый «сухой закон» прошли многие страны: Исландия (1912-1923), Норвегия (1919-1926), Финляндия (1919-1932), некоторые регионы Канады (начало XX века). Однако распространившиеся в годы запрета торговли алкоголем контрабанда и самогоноварение каждый раз заставляли правительства отменять «сухой закон». Так, в Финляндии контрабандисты в годы запрета ежегодно ввозили в страну до 6 млн. литров спирта. Наиболее известен по негативным последствиям «сухой закон» в США (1920-1932). Именно на его основе родилось массовое *бутлегерство* – нелегальная торговля алкоголем преступными организациями. К концу 20-х годов их доход достиг двух миллиардов долларов в год. С отменой «сухого закона» криминал перепрофилировался на торговлю наркотиками… Так началась наркомафия.

Многократно запрещалась или ограничивалась торговля алкоголем и в России – СССР: в 1914 г., 1917 г., 1919 г. Надо ли говорить, что все эти попытки запретить алкопотребление заканчивались провалом. В России запрет породил массовое самогоноварение (в 1923 г. на самогон было израсходовано свыше 100 млн. пудов хлеба, к 1985 г. 26% алкогольных изделий составлял самогон[274]).

---

274. Treml V. Soviet and Russian Statistics on Alcohol Consumption and Abuse. In: Bobadilla J., Costello Ch., Mitchell F. (Eds.) Premature Death in the new independent States. Washington, 1997, pp.220-238.

Равно как «полусухой закон» 1986 года. Несмотря на улучшение некоторых демографических показателей, массовое самогоноварение и потребление заменителей – от одеколона и лосьонов до жидкости для чистки окон и тормозной жидкости – привели к провалу компании. Автор этих строк своими глазами видел в 1986 г. объявление в одном из сельских магазинов Ленинградской области: «Продажа питьевого одеколона производится с 16 часов»...

В настоящее время полный запрет на производство и продажу алкоголя существует лишь в ряде стран мусульманского мира (Иран, Египет, ОАЭ, штаты Бомбей и Мадрас в Индии). Но там это имеет рациональное основание в виде массового религиозного сознания мусульманского населения.

Сказанное не означает отказа от разумной политики «*harm reduction*» – сокращения вреда от злоупотребления алкоголем (цирроз печени, ранняя смерть, утрата трудоспособности, «пьяная преступность», производственный травматизм, нравственная деградация и т.п.).

Приоритетными направлениями антиалкогольной политики являются *первичная* (общесоциальная) профилактика – улучшение условий бытия возможно большего числа жителей страны, создание условий для заинтересованного труда и разумного отдыха, повышение общей культуры населения, образовательного уровня, а также вторичная (специальная) профилактика – антиалкогольная пропаганда, формирование культуры пития и др. Важную роль играет и третичная (индивидуальная) профилактика – медицинская, психологическая, социальная помощь лицам, имеющим склонность к злоупотреблению алкоголем и страдающим алкоголизмом.

Одной из наиболее распространенных в мире форм помощи (самопомощи) лицам, страдающим от злоупотребления алкоголем, больных алкоголизмом, является движение «АА» - анонимных алкоголиков *(«Alcoholics Anonymous»)*[275]. Считается, что оно возникло 10 июня 1935 г. в Акроне, штат Огайо (США), хотя аналогичные попытки предпринима-

275. Подробнее см.: АА – анонимные алкоголики // Социологические исследования. 1991. №№ 1, 3-8; Осятинский В. Алкогольная зависимость: Болезнь или порок? СПб, 1997; Bryant C. (Ed.). Vol. IV. Ibid. pp.38-42.

лись и раньше. Основная идея движения – оказание взаимной помощи лицами, имеющими проблемы с алкоголем, с целью удержания от его потребления. Одна из наиболее известных стратегий деятельности АА – «12 шагов». Эти 12 принципов АА были институционализированы как Первая международная АА конвенция в 1950 г. в Кливленде.

Активное изучение проблем алкопотребления и алкоголизма и разработка государственной антиалкогольной политики в странах Скандинавии обусловлено высоким уровнем душевого потребления крепких алкогольных напитков. Существуют Северный Совет по алкоголю и наркотикам *(The Nordic Council for Alcohol and Drug - NAD),* выпускающий труды по результатам своих исследований *(NAD Publication),* журнал «Северные исследования алкоголя и наркотиков» *(«Nordic Studies on Alcohol and Drugs» – NAT).*

Из национальных антиалкогольных стратегий можно назвать шведскую. Ограничения в торговле алкоголем существовали в Швеции с 1865 г., а некоторые действуют до сих пор. В частности, монополия на торговлю алкогольными изделиями, введенная в 1955 г., принадлежит одной единственной компании *System Bolaget* с разветвленной сетью магазинов. Компания полностью принадлежит государству, а доходы поступают в казну. Существует запрет рекламы алкогольных изделий; продажа их производится исключительно в специализированных магазинах *System Bolaget.* На витринах этих магазинов выставлены только вина (крепкие алкогольные напитки можно, конечно, купить, но специально спросив их у продавца). Вообще, по мнению сотрудников системы, их задача – приучить население употреблять только высококачественные вина. При этом цена алкогольных изделий достаточно высокая. Ведется активная пропаганда здорового образа жизни. Автор этих строк видел в Стокгольме плакаты, на которых девушка отталкивает руку молодого человека со словами: «Ты выпил!». Организована социальная, медицинская, психологическая помощь лицам, имеющим проблемы, связанные с алкоголем. Формы такой помощи весьма разнообразны. Медики помогают тому, кому еще можно помочь. «Безнадежные» престарелые алкоголики, от которых отказалась (или отсутствует) родня живут в бывшей графской усадьбе,

расположенной в парковой зоне. У них есть все для благополучного существования, включая питание, комнаты на одного-двух человек, телевизор, настольные игры. И, конечно же, кафетерий в холле с постоянно горячим кофе (автор отведал его). Что же касается пьяниц, наркоманов, проституток, оказавшихся ночью на улице в холодную погоду, то их могут поддержать бутербродом и чашкой горячего кофе из термоса волонтеры из общественных организаций, выходящих ночью на помощь. С молодыми членами одной из таких организаций – Ордена Тамплиеров автор ночью прошелся по улицам Стокгольма несколько лет тому назад. Правда, вступление в объединенную Европу существенно осложнило проведение национальной антиалкогольной политики в Швеции. Слишком большой соблазн съездить в соседнюю Данию или Германию…

Большое внимание уделяется антиалкогольной политике в Польше (братья-славяне тоже не без алкогольного греха). Работают исследовательские центры, разрабатывающие методики антиалкогольной пропаганды, начиная… с детского сада. С 1981 г. успешно работает товарищество «Монар» под руководством известного всей Польше Марека Котаньского – разработавшего и реализующего оригинальные методики ресоциализации зависимых людей. «Монар» имеет множество отделений по всей стране.

Особое значение приобрела необходимость разумной антиалкогольной политики в России. Это обусловлено тяжелой алкогольной ситуацией в стране.

Очередные данные о «питейном бескультурье» приводятся в статье Н. Алякринской. Если 2002 год унес жизни более 40 тысяч граждан от отравления алкоголем, то «проблема серьезно обострилась в этом году (2003 – Я.Г.)… В ход идут средство для протирки стекол с ласковым названием «Максимка» и тонизирующее средство для ванн «Вдохновение», жидкости для разжигания костров «Веселый огонь» и «Астра», противорвотные средства для собак и свиней, препараты для травли бытовых насекомых и даже жидкость для размягчения копыт…»[276].

Вместе с тем, после малоэффективной антиалкогольной

---

276. Алякринская Н. После «тройного» не закусывают // Московские Новости, 2003.11-17 ноября. С.22.

кампании середины 80-х гг. минувшего столетия в России отсутствует какая-либо стратегия и программа превенции неумеренного потребления алкоголя в стране. Это не исключает, конечно, деятельности медицинских и негосударственных организаций по оказанию помощи лицам, зависимым от алкоголя.

Глава 12. Самоубийства

Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства.

А. Камю

§1. Основные понятия и характеристики

Кажется, нет ничего проще, чем понять, что такое самоубийство, когда говорят: «он покончил жизнь самоубийством» или «она покушалась на свою жизнь». Как пишет один из крупнейших современных исследователей самоубийства Edwin Shneidman, «операционально самоубийство определяется так: мертвый человек - дырка в голове - пистолет в руке - записка на столе»[277]. При этом наличие предсмертной записки - не обязательный атрибут самоубийства. Наши реакции на ставшие известными случаи добровольного ухода из жизни также довольно просты: сожаление о погибшем человеке и «диагноз» - «слабовольным был», «с психикой не в порядке», «допился» («докололся»), «жена довела», «жизнь довела» ...

Между тем, суицидальное поведение - один из сложнейших социальных феноменов, требующий серьезного отношения и изучения.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно в наступившем веке добровольно уходят из жизни порядка 1 100 000 человек. А если учитывать реальное количество (с учетом «замаскированных» под несчастные случаи, ДТП, «пропавших без вести» и др.), то число самоубийств возрастает до 4 млн. человек в год. Число же

277. Schneidman E. Definition of Suicide. Jason Aronson Inc., 1994. p.7.

покушавшихся на свою жизнь — в 10–20 раз больше. Только в России по официальным данным за десять лет, с 1994 по 2003 г., покончили жизнь самоубийством свыше 558 тыс. человек, или в среднем свыше 55 тысяч человек в год.

Количество и уровень (в расчете на сто тысяч человек населения) самоубийств, как следствие социального неблагополучия, служит одним из важнейших индикаторов социального, экономического, политического, нравственного состояния общества. Не случайно в бывшем СССР древняя и трагическая тема самоубийства в течение многих десятилетий (с конца 20-х годов до горбачевской «перестройки») находилась под строжайшим запретом. Ибо, как заметил еще в середине прошлого столетия Г.Т. Бокль: «Самоубийство есть продукт известного состояния всего общества»[278]. Руководство СССР, осознанно или интуитивно понимая это, тщательно скрывало ситуацию с самоубийствами в стране.

Самоубийство, суицид (лат. sui - себя, caedere - убивать) – умышленное (намеренное) лишение себя жизни.

Это лишь одно из возможных и наиболее простых определений сложного социального феномена.

Не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствий (невменяемые, дети в возрасте до пяти лет). В этом случае должна фиксироваться смерть от несчастного случая.

Суицидальное поведение включает завершенное самоубийство, суицидальные попытки (покушения) и намерения (идеи). Эти формы обычно рассматриваются как стадии или же проявления одного феномена. Однако некоторые авторы (Erwin Stengel, Richard Fox и др.) относят завершенный и незавершенный суицид к различным, относительно самостоятельным феноменам («две различные психологические популяции»), исходя из того, что в ряде случаев покушения носят шантажный характер при отсутствии умысла на реальный уход из жизни.

Под словом «самоубийство» в русском языке понимаются два разнопорядковых явления: во-первых, *индивидуальный* поведенческий акт, лишение себя жизни конкретным человеком; во-вторых, относительно массовое, статистиче-

278. Бокль. История цивилизации в Англии. СПб, 1886. Т.1. Ч.1. С.30.

ски устойчивое социальное явление, заключающееся в том, что некоторое количество людей добровольно уходит из жизни. Как индивидуальный поступок, самоубийство служит предметом психологии, этики, медицины и педагогики; как социальное явление - предмет социологии, социальной психологии. В некоторых языках, включая английский, немецкий, русский, отсутствует дифференциация этих двух различных понятий. Поэтому лишь из контекста бывает ясно, идет ли речь о поступке человека, или же о социальном феномене.

В самом широком смысле, самоубийство - вид саморазрушительного, аутодеструктивного поведения (наряду с пьянством, курением, потреблением наркотиков, а также перееданием). По терминологии западной суицидологии (Norman Farberow и др.), «косвенное самоубийство» *(indirect suicide),* включает злоупотребление алкоголем, наркотиками, обжорство и «спорт высокого риска». E. Shneidman предпочитает называть такие случаи «ненамеренной смертью» *(subintentioned death).* В более узком, медико-биологическом смысле, самоубийство означает вид насильственной смерти с указанием ее причины.

Предложенные выше определения не единственно возможные. В мировой суицидологии существует множество определений понятий «самоубийство», «суицидальное поведение»[279].

Одно из первых научных определений самоубийства мы находим у Э. Дюркгейма (1897): «Самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах»[280]. В этом определении подчеркивается, что суицидальный акт - *осознанный* и совершается *самим* суицидентом (лицом, намеревающимся уйти из жизни).

G. Graber (1918) также акцентирует внимание на *намерении* суицидента и определяет суицид как какие-либо

279. Schneidman, ibid.; Wekstein L. (Ed.) Handbook of Suicidology: Principles, Problems, and Practice. NY, 1979.

280. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. С.13.

действия, имеющие результатом смерть, которая была запланирована, когда были намерения окончить жизнь или облегчить боль при мысли, что это возможно только посредством смерти[281].

J. Douglas (1967) называет свойства («измерения») самоубийства:

1) принятие, *инициатива (initiation)* действия, ведущего к смерти инициатора;

2) желание *действия,* ведущего к смерти желающего ее человека;

3) стремление *(желание)* к самодеструкции;

4) *утрата* воли;

5) побуждение, мотивация умереть, которая ведет к действию, ведущему к смерти инициатора;

6) *знание* актора, что действие, которое он предпринимает, объективно ведет к смерти[282].

Тщательно аргументированное определение дает E. Shneidman (1985): «распространенный в Западном мире суицид есть сознательный акт самоуничтожения (self-induced annihilation), лучше всего понимаемый как разнообразные препятствия в удовлетворении необходимых потребностей индивида, который находит в суициде выход, понимаемый как лучшее решение»[283]. Автор подробно обосновывает каждое слово предложенного им определения. В частности, он утверждает, что подобное определение годится для стран «Западного мира», но, например, для Африки оно может быть неприемлемо (еще одно верное понимание «девиантности» как конструкта в рамках конкретной культуры).

Ряд авторов (E. Shneidman, E. Stengel, Kreitman, R. Fox и др.) отличают от суицида *парасуицид* (или «квази-суицидальные попытки», или «не-суицидальные попытки»). К парасуициду относят самоповреждения, самокалечение, суицидальные попытки (Kreitman, Sipmson и др.), а также поведение, ослабляющее, ранящее, наказывающее самого себя.

E. Shneidman считает, что вопреки уникальности каж-

281. См.: Schneidman. Ibid. p.16.

282. Там же, pp.16-17.

283. Там же, p.203.

дого индивидуального суицидального акта, имеются некоторые *общие характеристики* самоубийств, которые можно свести в блоки:

А. Ситуационные аспекты суицида

1. Общие стимулы суицида - невыносимость психических страданий (боли).

2. Общие стрессоры суицида - фрустрация (блокирование) психологических потребностей.

Б. Конативные («волевые») аспекты суицида

3. Общие намерения суицида - поиск решения (самоубийство - это реакция на дилемму).

4. Общие цели суицида - прекращение сознания (самоубийство - это попытка покончить с психическими страданиями).

В. Аффективные аспекты суицида

5. Общие эмоции суицида – безнадежность, беспомощность.

6. Общие межличностные аттитюды (отношения) к суициду - амбивалентность (каждый акт самоубийства - «крик о помощи», *«cry for help»,* так называется и одна из книг N. Farberow, E. Shneideman[284]).

Г. Когнитивные (относящиеся к познанию) аспекты суицида

7. Общая когнитивная ситуация (позиция) в суициде - сужение (у суицидентов наблюдается «туннельное зрение», «зацикленность» на проблеме).

Д. Аспекты отношений (relational)

8. Общий межличностный акт в суициде - коммуникация намерений (проявление беспомощности, просьбы о помощи).

9. Общие действия в суициде - агрессия (так, суицидальное поведение называют аутоагрессией в отличие от убийства - агрессии, направленной на другого).

Е. Серийный аспект суицида (Serial Aspect of Suicide)

10. Постоянство в суициде - пожизненность скрытых паттернов (установок).

---

284. Farberow N., Schneidman E. The Cry for Help. NY: McGraw-Hill, 1961.

В суицидологии используется еще ряд базисных понятий[285].

Суицидальный процесс - эволюция суицидального поведения от мыслей к покушению и от него к завершенному самоубийству.

«Хронический суицид» - образ жизни, стиль жизни, сопряженные с рискованным поведением, включая злоупотребление алкоголем, потребление наркотиков или же систематические покушения на свою жизнь.

Двойной суицид - одновременное самоубийство двоих людей по совместной договоренности. N. Retterstol считает, что это чаще бывает в поэзии и прозе, чем в действительности. Однако можно сослаться, например, на двойное самоубийство писателя С. Цвейга с женой, супругов Лафаргов, да и А. Гитлера с Е. Браун.

Расширенное самоубийство - самоубийство одного или нескольких человек, последовавших за самоубийством члена семьи, группы. В этом случае суицид одного как бы провоцирует самоубийство людей, ранее не думавших о добровольном уходе из жизни.

Эвтаназия - причинение смерти другому лицу по его настоянию. Чаще всего бывает при неизбежном мучительном конце последнего и невозможности самостоятельно совершить самоубийство. Вопрос о правомерности (непреступности) эвтаназии широко обсуждается в литературе и законодательной практике и будет нами рассмотрен ниже (в §3).

Сложность феномена самоубийства, множество его разновидностей, а также разнообразие концепций, объясняющих суицид, определяет и множественность его классификаций по разным основаниям (причины, стадии, мотивы и др.).

Э. Дюркгейм, автор первого фундаментального социологического труда, посвященного самоубийствам (1897), различал их по причинам: эгоистические (как результат недостаточной интеграции общества, ослабления связей между индивидом и обществом); аномические (в кризисном обществе, находящемся в состоянии аномии), а также

---

285. Retterstol N. Suicide: A European Perspective. Cambridge University Press, 1993. P.3-9.

фаталистические - как следствие чрезмерного социального контроля, «избытка регламентации» (это суицид в армии, пенитенциарных учреждениях и т.п.)[286]. При этом Э. Дюркгейм признавал возможность иных классификаций, в частности, не по этиологическим основаниям, а по морфологическим признакам.

Последователь *Э. Дюркгейма M. Halbwachs* частично отходит от классификации учителя, предлагая различать самоубийство искупительное (самообвинение), проклинающее (протестное) и дезиллюзионное (результат разочарования, неудовлетворенности своим статусом и др.). М. Хальбвакс отрицает альтруистическое самоубийство, считая его самостоятельным феноменом самопожертвования[287].

E. Shneidman выделяет три типа самоубийства: эготическое (egotic), дуалистическое (dyadic) и «выламывающееся» (ageneratic). Эготическое - плод внутреннего психологического диалога с самим собой, самопорицающей депрессии. Это суицид психологической природы. Дуалистическое - результат коллизий с внешним миром, следствие фрустрации, ненависти, страха, стыда, гнева, чувства вины, импотенции и т.п. Это суицид социальный по своей природе. «Выламывающийся» суицид - это последствие «выпадения» из поколения, непричастности к своему времени, поколению, «выламыванию» из поколенческих, родственных, семейных связей, сетей. Это социологическое по своей природе самоубийство. Сегодня мы сказали бы – «эксклюзивное самоубийство» - суицид «исключенных».

T. Hill (1983) различает суицид импульсивный, апатичный, самоуничижительный и гедонистический (когда в силу «подведения итогов», баланса, - боль превышает удовольствия).

По стадиям или по определенности намерений различают суицид жеста, или демонстративный, противоречивое («колеблющееся») покушение на свою жизнь, серьезное покушение и завершенное самоубийство (Dorpat и Boswell, 1963)[288].

---

286. Дюркгейм Э., 1994. Указ. соч. С.127-263.

287. Halbwachs M. Les causes de suicide. Paris, 1930.

288. См.: Wekstein. Ibid. p.30.

L.Wekstein приводит классификацию-перечень, насчитывающий тридцать видов суицидального поведения, включая хронический суицид лиц, имеющих алкогольные или наркотические проблемы; суицид «по небрежности» (когда суицидент игнорирует реальные факторы); рациональный суицид; психотический; экзистенциальный и др.[289].

Bagley с соавторами (1976) выделяет суицид как следствие хронической депрессии; социопатический и старческий или «гандикапный». A.Baechler (1979) различает самоубийство эскапистское (бегство, уход); агрессивное; жертвенное и «нелепое» (следствие самоутверждения в деятельности, сопряженной с риском гибели)[290].

Отечественная классификация предпринята В.Г. Тихоненко[291].

§2. Самоубийство как социальное явление

Самоубийство - весьма сложный, многоаспектный (философский, социальный, психологический, нравственный, юридический, религиозный, культурный, медицинский и проч.) междисциплинарный феномен.

Лишение себя жизни психически здоровым человеком (а таких, вопреки довольно распространенному мнению, - большинство) в конечном счете есть следствие отсутствия или утраты смысла жизни, результат «экзистенциального вакуума»[292]. А ведь смысл жизни - философская, мировоззренческая проблема. Не удивительно, что тема самоубийства звучала в работах Пифагора, Платона, Аристотеля, Сократа, Сенеки, М. Монтеня, Р. Декарта, Б. Спинозы, Ф.

289. Ibid. pp.27-30.

290. Lester D. Understanding Suicide: Case Study Approach. NY: Nova Science Publishers, Inc., 1993, p.27.

291. Тихоненко В.А. Классификация суицидальных проявлений // Актуальные проблемы суицидологии. М.: Московский НИИ психиатрии, 1978. С.59-71.

292. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С.26-33.

Вольтера, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма, И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше. Но особое место самоубийство заняло в творчестве экзистенциалистов – С. Кьеркегора, К. Ясперса (который, будучи врачом по профессии, заметил: «Больной человек идет к врачу, здоровый - кончает самоубийством». Этот парадокс был направлен против сторонников объяснения суицидального поведения психическими заболеваниями), А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера. А. Камю писал: «вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов», а потому «есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема - проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, - значит ответить на фундаментальный вопрос философии»[293].

Мотивация суицидальных актов, их ближайшая непосредственная причина - это проблемы, прежде всего, *психологические* и социально-психологические. Генезис же самоубийства как социального явления, подчиняющегося определенным закономерностям, - предмет *социологии.*

Самоубийства в разных обществах и в различное время приобретали различную *религиозную, нравственную и правовую оценку:* от безусловного религиозного (у католиков, мусульман) и правового запрета (в дореволюционной России была предусмотрена уголовная ответственность за покушение на самоубийство) до ритуальных, социально одобряемых или же обязательных самоубийств (сати, сэппуку - харакири и т.п.). Фома Аквинский, признаваемый святым, подчеркивал, что самоубийство является смертным грехом, попыткой узурпировать власть бога над жизнью и смертью. Иную позицию занимал Ж.-Ж. Руссо, утверждая естественную природу человека и перенося «греховность», «виновность» с человека на общество, которое делает человека, доброго по своей натуре, злым.

Суицидальное поведение является неотъемлемой составляющей *культуры* как способа существования общественного человека. Культура аккумулирует все социально значимые формы человеческой жизнедеятельности. При этом каждая культура «оформляет» («конструирует»!) виды

293. Камю А. Миф о Сизифе. В: Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 24-25.

деятельности, включенные в нее. Так, мы можем говорить о суициде в буддистской, индуистской, исламской, древнегреческой, древнеримской, христианской, западноевропейской, североамериканской и иных культурах[294].

Самоубийства служат вечной темой в *искусстве* (достаточно вспомнить «Новую Элоизу» Ж.-Ж.Руссо, «Страдания молодого Вертера» Гете, вызвавшие «эпидемию» самоубийств в Западной Европе, «Бедную Лизу» Н. Карамзина с теми же последствиями в России или же «Отель «Танатос» А. Моруа). Суицидальное поведение может явиться следствием соматических и психических заболеваний, становясь предметом *медицины, психиатрии.*

Для социологии и истории творчества небезразличен анализ относительной распространенности суицидального поведения среди творческих личностей - писателей, поэтов, ученых, художников (классические примеры - физики Л. Больцман, П. Эренфест, поэты К. Библ, С. Есенин, Г. Клейст, В. Маяковский, М. Цветаева, писатели Р. Акутагава, Л. Андреев, И. Бахман, В. Вульф, В. Гаршин, Я. Кавабата, Джек Лондон, К. Манн, Ч. Павезе, Н.Успенский, А. Фадеев, Э. Хемингуэй, С. Цвейг, философы Ф. Майнлендер, О. Вайнингер, П. Лафарг, Лукреций, художник Ван Гог, кинорежиссер А. Курасава и многие другие). Не удивительно, что и суицидологическая литература уделяет немало внимания анализу суицидального поведения творцов[295].

Каждый *индивидуальный суицидальный* акт имеет свои истоки, мотивы, может объясняться социально-психологической дезадаптацией личности, депривацией, фрустрацией, психическими отклонениями и т.п.

Однако воспроизводство относительно постоянного, статистически устойчивого для каждого конкретного общества числа добровольных смертей, динамика количества и уровня самоубийств в зависимости от экономических, политических, социальных изменений, неравномерное рас-

---

294. Retterstol N. Ibid. P.10-21.

295. Cutter F. Art and the Wish to Die. Chicago: Nelson-Hall, 1983; Lester D. Understanding Suicide. Ibid; Lester D. Suicide in Creative Women. Nova Science Publishers, Inc., 1993; Лаврин А. Хроника Харона: Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993; Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

пределение суицидального поведения среди различных социально—демографических групп населения свидетельствуют о социальной природе этого феномена. В мире животных суицидальное поведение либо не наблюдается вовсе, либо ограничивается редкими нетипичными актами, носящими не осознанный, а инстинктивный характер (и уже поэтому не являющиеся собственно самоубийствами). Так, можно лишь весьма условно расценивать как «самоубийство» самопожертвование самки ради спасения детенышей. Не случайно Ж.-П.Сартр усматривал отличие человека от животного в том, что человек может покончить жизнь самоубийством.

Социальная природа самоубийства не вызывала сомнений у Э. Дюргейма, который утверждал, что самоубийства зависят от внешних по отношению к индивиду причин, которые следует искать внутри общества, а число самоубийств можно объяснить только социологически. Весь вышеназванный труд Э. Дюркгейма и посвящен социологическому анализу этого феномена. Как упоминалось выше, Г. Бокль связывал самоубийства с «состоянием всего общества». А Питирим Сорокин в 1913 г. на основании проведенного исследования утверждает: «Причины или факторы самоубийства следует искать в социальной или общественной жизни людей»[296].

Ниже будут названы некоторые социологические концепции суицида. Здесь же отметим ряд закономерностей, свидетельствующих о социальной природе суицидального поведения как общественного явления, порождения общества, следствия закономерностей и противоречий общественного развития.

Количество и уровень (обычно в расчете на 100 тысяч человек населения) самоубийств, как показал Э. Дюркгейм, находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции, сплоченности общества. Поэтому, по Дюркгейму, уровень самоубийств в католических странах ниже, чем в протестантских. И в наши дни наблюдается более низкий уровень самоубийств в католических странах

296. Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. Рига: Наука и жизнь, 1913. С. 29.

(Италия, 2002 — 7,1; Испания, 2004 — 8,2), чем в протестантских (Австрия, 2005 — 16,9; Дания, 2003 — 13,6; Финляндия, 2004 — 20,3; Франция, 2003 — 18,0; Чехия, 2004 — 15,5; Швейцария, 2004 — 17,4; Швеция, 2002 — 13,2 и др.)[297]. Но, как известно, нет правил без исключения. В современной Литве — стране с преобладанием католического населения (литовцы и поляки) оказался один из самых высоких в мире уровень самоубийств (в 2005 г. — 38,6 на 100 тыс. человек населения, в 2007 г. — 42). Это обстоятельство уже получило наименование «литовского парадокса»[298].

По той же причине, во время войн снижается уровень самоубийств (сплочение общества перед лицом общей опасности, общего врага). Об этом свидетельствует динамика суицида во время войн (Дюркгейм), включая Первую[299] и Вторую мировую[300].

Уровень самоубийств повышается в годы экономических кризисов, депрессий и роста безработицы. Так, на протяжении почти всего XX столетия, уровень самоубийств в США был весьма стабилен: 10 - 12 на 100 тыс. человек населения. И лишь в годы «Великой Депрессии» этот уровень увеличился до 17,5-18,0 (1932 г.).

Как все виды социальных девиаций, самоубийства чутко реагируют на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы ее изменения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения. Особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса («комплекс Короля Лира»). Поэтому относительно высок уровень самоубийств в первые месяцы у солдат срочной службы, среди демобилизованных офицеров, у лиц, взятых под стражу.

Будучи, в конечном счете, следствием отсутствия или утраты смысла жизни («экзистенциальный вакуум») самоубийства растут в годы идеологических кризисов,

---

297. Статистика самоубийств по странам [online]. URL: http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm (Дата обращения: 14.06.2011).

298. Värnik A., Sisask M., Värnik P. (Eds.). Baltic suicide paradox. Tallinn: TLV Press, 2010.

299. Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.

300. Podgorecki A. Patologia zycia spolecznego. Warszawa, 1969.

«смены вех». Как писал еще Ф.М. Достоевский, «потеря высшего смысла жизни... несомненно ведет за собою самоубийство»[301].

На уровень самоубийств влияет историко-культурологический фактор: насколько данная культура предлагает, подсказывает суицидальную модель возможного «решения» кризисной ситуации. Может быть поэтому традиционно высок уровень самоубийств среди жителей стран угро-финской группы (Венгрия, 2003 — 27,7; Финляндия, 2004 — 23,0; Эстония, 2005 — 20,3; Удмуртия, 1986 — 41,1), а уровень самоубийств у черного населения США значительно ниже, чем у белого, хотя социально-экономические различия заставляют предположить обратное[302].

В некоторых культурах сложился ритуал добровольного ухода из жизни: японское сэппуку (в западном варианте, а для японцев - с элементами иронии - харакири), сати индийских вдов и т.д. Наконец, устойчиво одинаковое распределение самоубийств среди различных социально-демографических групп населения также свидетельствует о социальной природе самоубийств[303].

Конечно, сказанное не исключает роли других, не социальных факторов. Так, на уровне индивидуального поведения несомненно значение психологических характеристик индивида. Напомним, однако, что речь идет о разных уровнях суицидальных проявлений: индивидуальном поведенческом акте и социальном феномене. Афористическое высказывание В. Леви: «Социум выбирает из психогенофонда»[304] - удачно демонстрирует связь между этими двумя уровнями. Действительно, социальные условия, преломляясь через индивидуальные, личностные, психологические особенности конкретного человека, реализу-

---

301. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1982. Т.24. С.49.

302. Akers R. Deviant Behavior: A Social Learning Approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc.,1985, p. 279.

303. Гернет М.Н., 1974. Указ. соч.; Гилинский Я., Румянцева Г. Основные тенденции самоубийств в России: социологический анализ // Петербургская социология. 1997. №1. С.60-77; Гилинский Я.И. Самоубийство как социальный феномен // Социологический журнал, №2, 2011. С.39-48.

304. Леви В. Искусство быть другим. М.: Знание, 1980.

ются в виде суицида, или убийства, или невроза, или иной реакции.

При прочих равных условиях, уровень и динамика суицидального поведения может зависеть и от космических факторов (солнечная активность, геомагнитные бури и т.п.)[305].

§3. Право на смерть

Традиционно суицидальное поведение рассматривается как разновидность девиантного поведения. Однако по мере развития девиантологии возникает все больше сомнений в том, являются ли «отклонения» отклонениями, не есть ли все испытанные временем формы человеческого поведения функциональны, адаптивны, а потому «нормальны» (закономерны). Очевидно нефункциональные, неадаптивные поведенческие формы элиминируются в процессе эволюции рода *Homo sapiens.*

Девиантно ли *суицидальное поведение*? Да, суицид противоречит инстинкту самосохранения. Да, самоубийства уносят из жизни немало людей в работоспособном возрасте, нанося тем самым «вред» обществу. Да, добровольный уход из жизни причиняет горе родным и друзьям[306]. Да, принятые превентивные меры (психологические, педагогические, медицинские, социальные) могут спасти человека, уберечь его от рокового и нередко поспешного, необдуманного шага.

Но можно ли в принципе отнять у человека *право* распорядиться своей собственной жизнью, право на смерть? Думается - нет.

В серьезном исследовании И. Паперно приводятся историко- философские реминисценции на тему свободы выбора: «жить или не жить (умереть)?». Так, для Сенеки до-

305. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. М.: Мысль, 1995.

306. См.: Лукас К., Сейден Г. Молчаливое горе: Жизнь в тени самоубийства. М.: Смысл, 2000.

бровольная смерть Катона есть утверждение человеческой свободы, «единственно подлинно свободный акт»[307]. А. Шопенгауэр писал о самоубийстве как об утверждении индивидуальной воли. По М. Фуко, «вопрос о самоубийстве был вопросом о свободе воли»[308]. Статья 3 Всеобщей Декларации прав человека провозглашает: «Каждый человек имеет *право* (курсив мой – Я.Г.) на жизнь». Но право - не обязанность. И не означает ли это, что каждый имеет право отказаться от предоставленного ему права? И не есть ли лишение такого права (права на отказ от жизни, права на смерть) – ограничение свободы человека, свободы выбора? В этом отношении весьма характерно название книги Ф. Дехера (F. Decher): «Самоубийство - знак (ярлык) свободы»[309].

О свободе выбора - жить или не жить - все больше рассуждают в современной литературе [310]. В этой связи вновь и вновь обсуждается проблема *эвтаназии* – оказании помощи в смерти по ясно выраженной просьбе индивида (пациента) и при наличии определенных условий (тяжелый неизлечимый недуг, приносящий страдания, неизбежная смерть в плену или на эшафоте и т.п.). «Дело» врача Дж. Геворкяна, обвиняемого в «убийстве» безнадежно больных пациентов по их просьбе, - лишь повод для всплеска интереса к этой теме.

Думается, проблема эвтаназии может рассматриваться в нескольких плоскостях. *Мне представляется безусловным право человека распоряжаться своей жизнью.* Другое дело - имеет ли право врач оказывать просимую услугу по облегчению ухода из жизни. При всей дискуссионности этого вопроса мне кажется, что в принципе это допустимо. Бывают случаи, когда человек, страдающий тяжелой неизлечимой болезнью, причиняющей неустранимые физические и / или психические страдания, принимает вполне сознательное

307. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С.14.

308. Там же. С.22.

309. Decher F. Der Selbstmord ist die Signatur der Freiheit. Ethik des Selbstmords in der abendländisches Philosophie. Dietrich zu Klampen Verlag GbR, 1999.

310. Чхартишвили. Указ. соч.; Паперно. Указ. соч.; Hansen K. Assisted Suicide // Bryant C. (Ed.). 2001. Ibid. Vol. IV. pp.146-149; Smith W. Forced Exit. The Slippery Slope from Assisted Suicide to Legalized Murder. Times Books. Random House, 1997.

решение прекратить их единственно возможным путем, но у него нет возможности (сил) реализовать свое намерение. Аналогичные ситуации возникают во фронтовых условиях (тяжелое ранение, невозможность выйти из окружения, реальная перспектива пыток и уничтожения в случае попадания в плен и т.п.). В подобных случаях эвтаназия выступает актом милосердия, а отнюдь не преступлением. Очевидно, должны быть выработаны (возможно, под эгидой Всемирной Организации Здравоохранения - ВОЗ) единые международные правила, а также соответствующие им национальные нормы, предусматривающие условия и процедуру применения эвтаназии, гарантирующие от злоупотреблений (перечень ситуаций, допускающих эвтаназию; явно выраженная воля лица, принявшего такое решение; заключение консилиума врачей и др.). Пока это сделали только Нидерланды[311].

§4. Проблема генезиса суицидального поведения

Мировая суицидологическая мысль имеет давнюю историю. Ниже удастся проследить лишь некоторые, наиболее значимые направления и тенденции.

Сложность, многогранность феномена самоубийства, а также нередкое смешение индивидуального и социального уровней суицидальных проявлений обуславливает разнообразие подходов к их объяснению.

Биологическое направление исходит из инстинктивной природы самоуничтожения (S. Pepper, 1942), эволюционного характера самоубийства как «приспособительного» механизма освобождения от неполноценных, болезненных особей (H. Murray, 1953), элемента естественного отбора (R. Dawkins, 1976). Или же - результата биохимической депрессии (G. Murphy, A. Beck, F. Goodwin). Близки биологическому антропологические или «конституциональные» воззрения,

311. «Предписание для врача, составляющего отчет об эвтаназии», утвержденные Парламентом королевства Нидерланды, см.: Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. Указ соч. С.48-49.

усматривающие основу суицидального поведения в конституциональных или же характерологических особенностях индивида (E. Kretchmer, W.H. Sheldon и др.).

Психологическое направление. «Отцом» психологического подхода к проблеме считается З. Фрейд с его концепцией «влечения к смерти», присущего человеку. K. Menniger в книге «Man Against Himself» («Человек против себя», 1938) конкретизирует влечение к смерти как желание убить, желание быть убитым и желание умереть.

С точки зрения G. Zilboorg (1937), каждый суицидальный акт выражает не только бессознательную враждебность, но также необычайный дефицит способности любить других. R. Litman (конец 60-х - начало 70-х годов), исследуя развитие фрейдизма в суицидологическом аспекте, подчеркивает понимание суицида как враждебности, а также называет наиболее значимые эмоциональные состояния как специфические, преддиспозиционные условия самоубийства: гнев, чувство вины, тревога, зависимость. К психологическому направлению относятся труды E. Shneidman и ряда других исследователей. Вообще, это направление очень развито в мировой суицидологии, что не удивительно, если рассматривать преимущественно индивидуальный поведенческий уровень.

Социологическое направление. Как уже отмечалось, классическим является социологический анализ самоубийств, предпринятый Э. Дюркгеймом (1897). В ранее упоминавшейся книге он на обширном статистическом материале показывает закономерный и устойчивый характер самоубийств в конкретных странах (Франция, Англия, Германия, Бельгия, Дания и др.). Ученый не отрицает роли психологических, психопатических, генетических (наследственность) и космических факторов в генезисе суицидального поведения, но только - на уровне индивидов. В масштабах социума действуют социальные закономерности: зависимость количества и уровня самоубийств от степени сплоченности, интегрированности общества; неравномерное, но закономерное распределение самоубийств в различных социальных группах; количество, уровень и динамика самоубийств коррелирует с иными социальными процессами - числом несчастных браков, разорений, банкротств, преступлений

и т.п.; сезонность самоубийств так или иначе совпадает с сезонными колебаниями иных социальных процессов; эгоизм, альтруизм, аномия, фатализм, положенные Э. Дюркгеймом в основу классификации самоубийств, также обусловлены социальными факторами; состояния суицида существенно зависит от экономических кризисов, «брачной аномии», конфессиональной принадлежности, службы в армии, политических кризисов и т.п. Каждое выдвинутое им положение Э. Дюркгейм подтверждает статистическими или исследовательскими данными. Многие закономерности, выявленные Э. Дюркгеймом, отчетливо проявляются и в сегодняшних реалиях.

Ученик Э. Дюркгейма - М. Хальбвакс (1930) попытался дополнить «чисто социологическую» концепцию учителя психологическими факторами, оставаясь при этом в русле социологического направления. В частности, М. Хальбвакс связывает повышение уровня самоубийств с усложнением общества (так, в сельской местности уровень самоубийств ниже, чем в городах).

R. Cavan (1928) сосредоточивает внимание на социальной дезорганизации, высокой социальной мобильности, сложности общества в генезисе суицидального поведения. R. Cavan видит различия в «институционализированном» самоубийстве примитивных и современных восточных обществ и «индивидуализированном» самоубийстве в Европе и США. Индивидуализированный суицид объясняется дезорганизацией сообщества или же личной жизни индивида.

A. Henry и J. Short (1954) рассматривают убийство и самоубийство как формы агрессии на почве фрустрации[312]. Это очень перспективная идея (на связь убийств и самоубийств указывали К. Маркс, Э. Дюркгейм), развиваемая и западной[313], и отечественной (А. Амбрумова, Я. Гилинский и др.) суицидологией. В свою очередь фрустрация порождается относительно низким социальным (экономическим) статусом и/или его падением. Направленность агрессии на других (убийство) или на себя (самоубийство) - зависит от

312. Henry A., Short J. Suicide and Homicide. Glencoe (Ill.). Free Press, 1954.

313. Holinger P., et al. Suicide and Homicide among Adolescents. NY-L.: The Guilford Press, 1994.

социальной или психологической «сдержанности», «обузданности» (restraint). Если психологическая сдержанность (самообладание) присутствует в форме внутреннего контроля, строгого Супер-Эго (вспомним теорию З. Фрейда) или интернализации (восприятие, усвоение) жестких родительских требований и дисциплины, то агрессия проявляется в росте самоубийств. Если социальное сдерживание существует в форме внешнего социального контроля - самоубийства сокращаются. Высокий уровень самоубийств предполагает слабое внешнее удержание и строгое внутреннее сдерживание (самоконтроль). Высокий уровень убийств наличествует при слабом внутреннем, но сильном внешнем удержании.

J. Douglas (1967) выступает непримиримым критиком Э. Дюркгейма, да и А. Генри и Дж. Шорта[314]. Во-первых, по Дж. Дугласу, Э. Дюркгейм отступает от провозглашенного им принципа руководствоваться только наблюдаемыми факторами и переходит нередко на позиции субъективной интерпретации (так, например, объясняя высокий уровень образования и низкий уровень самоубийств у евреев в отличие от высокого уровня образования и самоубийств у протестантов, Э. Дюркгейм достаточно произвольно утверждает роль особого значения образования для евреев). Во-вторых, Дуглас резко критикует основу дюркгеймского анализа - официальные статистические данные, подробно разбирая их недостоверность, искаженность.

R. Maris (1969, 1981) при объяснении уровня суицидального поведения придает значение внешнему принуждению, давлению *(external constraint)*, которое у него выступает неким эквивалентом интеграции Дюркгейма. Недостаток внешнего давления приводит к аномии и эгоизму. Чем меньше давление, тем выше уровень суицида. R. Maris вводит в научный оборот понятие «суицидальной карьеры», которой, в частности, объясняется им фаталистический суицид.

На значительном эмпирическом материале (интервью 400 родственников, друзей суицидента и 64 покушавшихся на свою жизнь) R. Maris пытается построить «путь к су-

314. Douglas J.B. The Social Meanings of Suicide. Princeton University Press, 1967.

ициду» *(pathways to suicide)*[315]. При этом выявляются восемь значимых ключевых «узлов» в «суицидальной карьере»: 1) возраст, пол и развивающийся застой - *stagnation;* 2) ранняя травма; 3) изоляция, негативное взаимодействие и сексуальные отклонения; 4) служебная карьера; 5) алкоголь, наркотики и соматические заболевания; 6) депрессия и беспомощность; 7) религиозный фактор; 8) летальность метода. R. Maris представляет пятнадцать различных моделей «пути к суициду». Он уверен, что системная теория суицида должна включать четыре широких компонента: личностный, социальный контекст, биологические факторы и «временные», включая «суицидальную карьеру». Факторный анализ, проделанный R. Maris, позволил ему довести исследование до уровня моделирования суицидального поведения.

Gibbs и Martin (50-е - 80-е годы) обосновали «статус интеграции» как эмпирически измеряемый показатель социальной интеграции. При этом уровень самоубийств в популяции обратно коррелирует со степенью статуса интеграции в популяции.

Помимо собственно «суицидологических» социологических теорий нельзя не вспомнить более общую теорию аномии и дезорганизации *Р. Мертона, а также его Strain Theory,* о которых шла речь выше, в части II.

Наконец, приведем в качестве примера позицию одного из европейских современных исследователей по вопросу о факторах, определяющих механизм (генезис) индивидуального суицидального поведения. С точки зрения *Ikka Mäkinen,* существуют следующие группы суицидогенных факторов:

‹ психологические (мозговые дисфункции, соматические заболевания, фрустрация, депрессия, безнадежность, неврозы, шизофрения, алкоголизм, наркомания и т.п.);

‹ экологические, включая географические, климатические, погодные и т.п.;

‹ экономические (безработица, экономическая нестабильность и др.);

‹ социальные (модернизация, социальная дезоргани-

315. Maris R., Lazerwitz B. Pathways to Suicide: A Survey of Self-Destructive Behaviors. The Johns Hopkins University Press, 1981.

зация, индустриализация, урбанизация и т.п.);

‹ культурологические, включая религиозные (превалирующие ценности, mass media, «национальный характер», традиции и др.)[316].

Подведем некоторые итоги. Основные факторы, воздействующие на объем, уровень, динамику самоубийств те же, что и в отношении других проявлений девиантности. Но, во-первых, для каждого ее вида характерны и некоторые «свои», специфические «причины» (факторы). Во-вторых, следует четко различать *два уровня* этого феномена - индивидуальный поведенческий акт, имеющий сложный комплекс «причин» - психологических, физиологических, социальных, и - социальное явление, в генезисе которого не менее сложный комплекс «причин» - экономических, социальных, политических, культурологических.

В суицидологии имеется множество теорий, концепций, каждая из которых претендует на «правильность» объяснения причины (причин) суицидального поведения. Большинство этих теорий имеют свое «рациональное зерно», верно ухватывают те или иные факторы, влияющие как на решение конкретного индивида, так и на состояние и динамику самоубийств в масштабах общества. Однако, вряд ли хотя бы одна из теорий свободна от «слабых мест» и «белых пятен». Наглядный тому пример - хорошо разработанная социологическая теория Э. Дюркгейма и ее «разгромная» критика со стороны Дж. Дугласа[317].

Поэтому, не вступая в дискуссию с известными зарубежными и российскими суицидологами, упомянем только два отечественных подхода: один, объясняющий преимущественно индивидуальное суицидальное поведение (А.Г. Амбрумова), другой - пытающийся объяснить суицид как социальный феномен (Я.И. Гилинский).

Согласно концепции социально-психологической дезадаптации Амбрумовой, «суицидальное поведение есть следствие социально-психологической дезадаптации

316. Mäkinen I.H. On Suicide in European Countries: Some Theoretical, Legal and Historical Views on Suicide Mortality and Its Concomitants. Stockholm: Almquista. Wiksell International, 1997. pp. 21-23.

317. Douglas J.B. The Social Meanings of Suicide. Princeton University Press, 1967.

личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта»[318]. При этом дезадаптация в широком смысле слова означает различную степень несоответствия организма и среды. Социально-психологическая *дезадаптация* может проявляться в разной степени и в различных формах: «лимитирующей» - непатологической и «трансформирующей» (патологической), каждая из которых может быть парциальной (частичной) и тотальной (всеобщей).

Социально-психологическая дезадаптация - лишь одно из условий возможного суицидального акта - предиспозиция. Для перехода к реальному суициду необходимо наличие переживаемого индивидом конфликта. Последний понимается весьма широко - от реального межличностного конфликта до субъективных переживаний по поводу реальных или мнимых опасностей.

Психолого-медицинские факторы суицидального поведения подробно освещены в многочисленной литературе[319]

Кроме того, в литературе придается значение и культурологическому фактору - насколько данная культура предполагает или же отрицает суицид как возможный «выход из безвыходного положения».

Что касается суицида как социального явления, то невозможно говорить о «причинах» самоубийства и только самоубийства. Самоубийство («самоубийственность» как феномен, по аналогии с «преступностью» в отличие от индивидуального акта - «преступления») представляется лишь одним из проявлений *девиантности* социума. Необходимо сразу же подчеркнуть, что понятие «девиантность» не должно нести аксиологическую негативную нагрузку. Поэтому, «обзывая» самоубийство разновидностью девиаций, мы меньше всего «оцениваем» суицидальное поведение как нечто негативное, порочное, патологическое. Наше личное отношение к суициду и суицидентам - понимание, сочувствие, а нередко и уважение. Вместе с тем, самоубий-

---

318. Актуальные проблемы суицидологии. М.: Московский НИИ психиатрии, 1978. С.12.

319. См., например: Суицид – напрасная смерть / ред. Вассерман Д. Tartu: Tartu University Press (без указания года; первое издание – London, 2001); Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология. Днепропетровск, 2006.

ство - «отклонение», поскольку не соответствует общепринятым социальным нормам, противоречит им, да и инстинкту самосохранения.

Основные факторы, способствующие суициду, те же, что лежат в основе девиантности (социально-экономическое неравенство, противоречие между наличными потребностями и возможностями их удовлетворения, исключенность, а применительно к индивидуальному поведенческому акту - смыслоутрата и т.п.). Значение социально-экономического неравенства в генезисе как тяжких насильственных преступлений, так и самоубийств эмпирически, статистически подтверждено работами С.Г. Олькова, о чем подробно говорилось в главе 6 настоящей книги.

Поскольку суицидальное поведение - разновидность ретретизма, постольку для его объяснений подходит и концепция «двойной неудачи» Р. Мертона.

При этом дифференцирующее значение при «разведении» различных форм девиантного поведения играют и психологические (социально-психологические) факторы. Выше упоминалась фраза Ч. Павезе, добровольно ушедшего из жизни, - «самоубийцы - робкие убийцы». Иначе говоря, причины решения о способе «разрешения» конфликтности жизненной ситуации - убить другого или себя, украсть или заработать, активизировать трудовую деятельность или забыться посредством алкоголя или наркотиков, зависят от характерологических (а также от интеллектуальных, эмоциональных и прочих психологических) свойств личности. Эмпирическим подтверждением нашего предположения служат результаты сравнительного психологического обследования лиц, совершивших насильственные преступления, и суицидентов (по 160 человек каждой группы), проведенного в Москве под руководством профессоров А.Г. Амбрумовой и А.Р. Ратинова. Так, было установлено, что:

‹ уровень самооценки остался низким и заниженным у суицидентов, высоким и завышенным у насильственных преступников;

‹ высокая потребность в самореализации - у суицидентов, сниженная - у преступников;

‹ искренность взаимоотношений, наличие эмпатии (сопереживание, понимание другого) у суицидентов, рав-

нодушие, холодность, враждебность - у преступников;

‹ легкость и успешность волевых усилий у преступников, трудность волевых усилий у суицидентов;

‹ повышение уровня оптимизма в стрессовых ситуациях у преступников, снижение уровня оптимизма в тех же ситуациях - у суицидентов;

‹ тенденция к самооправданию - у преступников, тенденция к самообвинению - у суицидентов;

‹ гетероактивность как постоянная форма проявления личностных установок - у преступников, аутоагрессия - у суицидентов;

‹ преобладание низкого уровня тревожности у преступников, высокого - у суицидентов и т.п.

И как общий вывод: «Тип девиации (насильственное или суицидальное поведение) определяется психологическим складом личности, свойственным каждому представителю изученных популяций»[320].

О влиянии отдельных экономических (экономические кризисы, безработица), политических (война), социальных, культурологических и иных факторов на состояние и динамику суицидального поведения частично уже говорилось.

§5. Некоторые мировые и российские тенденции и закономерности суицидального поведения

Краткий очерк мировой истории самоубийств

Самоубийства столь же древни, сколь история человечества[321]. Они были распространены и отчасти институционализированы еще в Древнем мире - Китае и Индии, Греции и Риме, у северных народов.

---

320. Амбрумова А.Г., Ратинов А.Р. Мультидисциплинарное исследование агрессивного и аутоагрессивного типа личности // Комплексные исследования в суицидологии. М.: Московский НИИ психиатрии, 1986. С.43.

321. Булацель П.Ф. Самоубийство с древнейших времен до наших дней. СПб, 1900; Dublin L. Suicide. A Sociological and Statistical Study. NY, 1963; Minois G. Histoire de suicide. Paris, 1995.

Так, в древнем Китае, по преданию, добровольно ушли из жизни пятьсот философов - конфуцианцев, не переживших гибели священных книг, сожженных императором. В средневековом Китае самоубийство перед домом мандарина (чиновника) вело к его обязательной отставке.

В древней Индии обязательным было самоубийство вдов - сати[322], а добровольным - браминов, которым не следовало дожидаться старости и болезней, дабы не испортить сансару - искусство возрождения в новом, более прекрасном и благородном теле.

У северных народов - кельтов, готов, датчан и др. старики бросались со скал в море, предпочитая такую гибель смерти от дряхлости. Аналогичные традиции были у многих народов, включая Японию.

С древних времен в Японии существуют обязательные в случаях «требования чести» ритуальные самоубийства - мало известное откусывание собственного языка (с последующим заглатыванием и смертью от потери крови) и хорошо известное сэппуку (более привычное, но менее правильное название - харакири). Наиболее известный случай современного сэппуку - японский писатель Ю. Мисима (1970) и его последователь М. Морита[323]. Гибель Ю. Мисима ускорила добровольный уход из жизни другого писателя - лауреата Нобелевской премии Ясунари Кавабата (1972). По иронии судьбы, в своей Нобелевской речи (1968) Я. Кавабата говорил: «Какова бы ни была степень отчужденности человека от мира, самоубийство не может быть формой протеста. Каким бы идеальным ни был человек, если он совершает самоубийство, ему далеко до святости»[324]. Это – фактический ремейк знаменитой строчки В. Маяковского на смерть (самоубийство) С. Есенина: «В этой жизни умереть не трудно. Сделать жизнь значительно трудней», как парафраз есенинского: «В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей». Негативно отозвавшись на са-

322. Описание этого ритуала см.: Трегубов Л., Вагин Ю. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993. С.200-237.

323. См.: Лаврин А. Хроника Харона. Указ.соч., С.429-430.

324. Лауреаты Нобелевских премий. Энциклопедия. Т.1. М.: Прогресс, 1992. С.491.

моубийство С. Есенина, В. Маяковский сам покончил жизнь самоубийством...

В древнем Египте самоубийства были настолько распространены, что возникла академия соумирающих - «синапотануменон», члены которой искали легкого и красивого способа уйти из жизни. Так что самоубийство египетской царицы Клеопатры не было из ряда вон выходящим событием. Гегессий (ок. 320 - 280 гг. до н.э.), прозванный «Пэйзитанатом» - учителем или Советником смерти, призывал в Александрии сограждан к самоубийству.

В древней Греции и древнем Риме отношение к суициду было неоднозначно и менялось со временем. Тем не менее, на протяжении столетий считалось нормальным добровольно уйти из жизни до наступления старости, дряхлости, утраты физических и интеллектуальных сил. Обычно человек, решивший покинуть мир, созывал друзей, устраивал пир и с восходом солнца кончал жизнь самоубийством. Общественное мнение Рима с уважением чтило имена таких самоубийц как Катон, Брут, Кассий, Сципион, Помпей и множество других.

В средние века в Европе под влиянием христианства, крайне отрицательно относящегося к суицидальному поведению, добровольный уход из жизни не был ритуализирован и совершался по возможности незаметно. Впрочем, это отнюдь не означало «искоренения» самоубийства. С приходом Просвещения связано более свободное обсуждение темы самоубийства (от Эразма Роттердамского до Шекспира). Об относительной стабильности числа самоубийств в XVII веке и суициде как «английской болезни» см., например, в вышеназванной книге G. Minois.

Однако в целом христианский и мусульманский миры категорически отвергают право на самоубийство, что было зафиксировано в религиозном и светском законодательстве. Лишь в качестве примера отметим, что в Англии за покушение на свою жизнь были привлечены к уголовной ответственности в конце XIX века: 1883 - 1887 гг. - 119 человек, 1888 - 1892 гг. - 114 человек, 1893 - 1897 - 183 человека. Только в 1961 г. Законом о самоубийствах была отменена уголовная ответственность суицидентов. В штате Нью-Йорк

(США) покушение на самоубийство считалось уголовным преступлением до 1919 года. До 1917 г. уголовное законодательство России также рассматривало покушение на свою жизнь как преступление. В разные периоды отечественной истории, начиная с Петра I, в отношении самоубийц принимались следующие меры: запрет погребения на кладбище и церковного отпевания. Согласно Военному Уставу Петра I (1716 г.) - «мертвое тело, привязав к лошади, волоча по улицам, за ноги повесить, дабы, смотря на то, другие такого беззакония над собой чинить не отважились». В отношении покушавшихся на свою жизнь предусматривалось церковное покаяние, наказание плетьми, содержание в тюрьме до одного года.

Начиная с XIX века накапливаются более или менее достоверные статистические сведения о количестве и уровне (на 100 тысяч человек населения) завершенных самоубийств в различных государствах. Ниже будут представлены обобщенные данные с 1866 г. по 1940 г. (табл. 12.1) и с 1956 г. по 1995 г. (табл. 12.2). При этом следует учитывать, что, во-первых, данные в табл. 12.1 приводятся по различным, не всегда совпадающим источникам. Во-вторых, сведения в табл. 12.2 заимствованы из ежегодников Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), куда далеко не все страны и не за все года представляют сведения[325]. Наконец, в-третьих, и это самое существенное, любые официальные статистические данные страдают латентностью (неучтенностью или неточностью диагноза). Это вызвано рядом причин:

- не все случаи самоубийств регистрируются как таковые (часть погибших оказывается не обнаруженными);
- некоторые случаи самоубийств ошибочно расцениваются как смерть от несчастного случая (например, смерть при утоплении);
- часть зарегистрированных самоубийств в действительности были хорошо замаскированными убийствами;
- в странах, где суицид жестоко порицается - церковью или государством, - родственники суицидентов стараются скрыть истинную причину смерти;

325. World Health Statistics. Annual, 1996. World Health Organization. Geneve, 1998.

‹ в некоторых государствах, например, в бывшем СССР и других «социалистических странах», сведения об убийствах и самоубийствах сознательно фальсифицировались в целях создания более благоприятной картины.

Однако в целом динамика завершенных самоубийств за длительное время позволяет оценивать общие тенденции, поскольку все вышеназванные обстоятельства, искажающие действительность, распределяются относительно равномерно во времени.

Как явствует из сведений, представленных в табл. 12.1, уровень зарегистрированных завершенных самоубийств относительно устойчив для каждой конкретной страны. Это - существенное обстоятельство, лишний раз свидетельствующее о социальной (не случайной) природе суицида. В целом для большинства государств наблюдается тенденция постепенного роста уровня самоубийств от 60-х - 70-х годов XIX столетия до второй мировой войны (конечно, нет правила без исключений - так, в Дании наблюдается противоположная тенденция).

Особенно неблагополучными («суицидоопасными») оказались кризисные 30-е годы: рост уровня в Англии и Уэльсе с 9,9 до 14,0, в Венгрии с 27,9 до 32,0, в Германии с 22,3 до 29,0, в благополучной Голландии - с 6,2 до 8,0, в Дании с 14,1 до 19,0, в «спокойной» Норвегии с 5,8 до 11,9, в Финляндии с 12,4 до 21,0, в Швеции с 23,0 до 30,0 и, как уже отмечалось, рост в США с 11,6 до 18,0. Однако годы первой и начала второй мировых войн (и об этом также упоминалось) дают снижение уровня самоубийств, особенно в воюющих странах (в Германии, Италии, Франции и др.)

Во время Второй мировой войны странам, ввергнутым в ужасы бойни, было не до статистики. Более или менее достоверными сведениями мы располагаем с 1956 г. Краткий анализ статистических данных, представленных в таблице 12.2, свидетельствует о следующих тенденциях.

В ряде стран с устойчивым социально-экономическим положением наблюдаются либо удивительное постоянство уровня самоубийств (Австралия, Греция, Голландия, США), либо тенденция к их сокращению (Англия - с 11,8 в 1956 г. до 5,1 в 1994 г., Швеция - с 20,1 в 1956 г. до 15,3 в 1995 г., Япо-

	1886 - 1870	1871 - 1875	1876 - 1880	1881 - 1885	1886 - 1890	1891 - 1895	1896 - 1900	1901 - 1905	1911 - 1915	1916 - 1920	1921 - 1925	1930 - 1932	1940 8,6
Англия и Уэльс	7,0	6,6	7,4	7,5	7,9	8,9	8,9	10,3	9,9	-	9,9	14,0	10,6
Австралия	-	9,9	10,1	9,8	11,6	11,9	12,4	12,5	-	-	11,2	-	27,5
Австрия	-	10,6	16,2	16,2	16,6	15,9	15,8	17,3	20,7	21,8	27,3	-	18,3
Бельгия	6,6	7,0	9,4	10,7	11,9	12,9	11,9	12,4	13,9	13,2	18,0	18,0	24,7
Венгрия	-	-	-	8,4	10,2	12,3	16,3	17,6	18,7	24,7	27,9	32,0	28,4
Германия	-	-	-	21,1	20,5	21,1	20,2	21,2	21,2	17,9	22,3	29,0	10,8
Голландия	-	3,6	4,4	5,3	5,6	6,1	5,5	6,4	6,2	6,7	6,2	8,0	17,7
Дания	27,7	24,3	26,7	24,8	26,1	25,0	22,1	22,7	18,3	13,9	14,1	19,0	-
Ирландия*	1,4	1,8	1,8	2,2	2,4	2,9	2,9	3,3	3,6	-	3,5	3,0	5,9
Италия	3,0	3,5	4,7	4,9	5,0	5,7	6,3	6,3	8,0	7,1	8,4	9,0	6,9
Норвегия	7,6	7,5	7,2	6,7	6,7	6,5	5,5	6,4	5,6	4,5	5,8	11,9	14,3
США	-	-	-	-	-	-	-	10,2	-	-	11,6	18,0	-
Финляндия	-	2,9	3,3	3,9	4,0	4,8	4,7	5,5	9,6	9,0	12,4	21,0	18,7
Франция	13,5	14,4	16,8	19,4	21,6	24,1	23,2	22,8	21,6	16,1	19,5	17,4	23,6
Швейцария	-	20,5	22,7	23,3	22,1	22,2	22,2	23,2	-	-	23,2	-	-
Швеция	8,5	8,1	9,2	9,7	11,8	11,4	11,9	12,4	23,5	20,2	23,0	30,0	-
Шотландия	3,5	3,3	4,7	5,3	5,8	6,0	6,0	6,0	-	-	-	-	13,8
Япония	-	-	11,0	14,6	15,9	17,9	158,5	20,1	-	-	19,6	-	

Таблица 12.1. Уровень (на 100 тыс. чел. населения) завершенных самоубийств в некоторых зарубежных государствах (1866 - 1940). *До 1915 г. - с Северной Ирландией

	1956	1960	1965	1975	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Англия (с Уэльсом)	11,8	11,2	10,8	7,5	8,8	8,9	8,6	8,6	8,7	8,8	8,2	7,9	8,4	7,3	7,8		7,7		5,1	7,4
Австралия	10,8	10,6	14,8			11,2	11,7	11,2	11,0	11,6	13,4	13,7	13,3	12,3	12,9	13,2	11,9	11,6	12,8	
Австрия	22,9	23,1	22,8	24,1	25,7	27,1	27,6	27,0	26,9	27,7	28,1	27,2	24,5	24,9	23,7		22,3	21,3		22,3
Бельгия	14,0	15,0	19,0				21,9	22,8	23,8		22,2		20,2	19,3	19,1	18,0	18,8			
Болгария		8,0	9,2	12,9	13,6	13,6	15,3	13,4	10,9	16,4	15,8	16,8	16,3	16,4	14,9		21,1	17,3	17,4	17,4
Бразилия					3,3					5,2	5,3									
Венгрия	19,6	24,9	29,8	38,5	44,9	45,6	43,5	45,9	45,9	44,4	45,4	45,1	41,3	41,5	39,7		38,8	39,8	35,3	33,0
Греция		3,8	3,2	2,8	2,9	3,3	3,5	3,7	3,9	4,1	3,9	4,0	4,0	3,1		3,7	3,4	3,9	3,1	3,5
Дания	22,5	20,3	19,3	24,1	31,6	30,0	29,0	28,6	28,7	27,8	27,8	28,0	25,7	27,0	24,3		22,0	22,3	19,1	17,7
Израиль	9,6		6,6			5,3	5,2	6,1	5,4	5,6	6,5	6,1	6,9		6,5	7,3	9,3	7,1	9,4	6,5
Испания		5,5		3,8	4,4	4,5	4,9	5,7	6,5	6,5	7,1	7,2			7,5	7,5	9,6	7,8	8,1	
Италия	6,7	6,3	5,4	5,6	7,3	6,9	7,4	7,6	7,8	8,3	8,2	7,9	7,6		7,6	7,8	7,9	8,2		
Канада	7,6	7,6	8,7	12,4	14,0	14,0	14,3	15,1	13,7	12,9	14,5	14,0	13,5	13,3			13,0	13,2	12,8	13,4
Мексика		1,9	1,7					1,4		1,9	2,1					2,4	2,5	2,6	2,9	3,2
Нидерланды	9,7		7,8		10,1	10,0	10,7	12,0	12,4	11,3	10,9	10,9	10,3	10,3		10,7	10,4	10,2	10,3	9,7
Норвегия	7,3		7,7	9,9	12,4	12,8	14,0	14,6	14,5	14,2	13,8	15,4	16,9	15,7		15,8	14,3	13,7	12,3	
Польша	5,6	8,0	9,1	11,4				12,4	14,0	13,3	13,0	13,3	9,6	11,4	13,0		14,9	14,6	14,3	14,2
США	10,0	10,6	11,1	12,7	11,8	12,0	12,2	12,1	12,4	12,3	12,8	12,6	12,4		12,4	12,2	11,9	12,1	11,5	
Финляндия	22,4	20,0	19,8	25,0	25,7	23,8	24,1	24,4	25,2	24,6	26,7	27,8	28,6	28,8			28,8	27,5	27,2	27,2
Франция	15,9	15,8	15,0	15,8	19,4	19,6	20,9	21,8	22,0	22,6	22,6	21,9	20,9	20,8		20,1	20,3		20,8	
ФРГ	18,8	19,0	20,0	20,9	20,9	21,7	21,3	21,3	20,5	20,7	19,0	18,9	17,6	16,5		17,5	16,7	15,6	15,6	15,8
Чехословакия*		24,9	21,2	21,9		19,8	19,9	19,2	18,5	18,9	19,2	17,8	17,7	17,7	17,8	17,1	19,3	18,6	18,2	16,8
Чили		7,4		6,7	5,8	5,8	5,6	5,7	6,2	5,7	5,4				5,7	5,9	4,8			
Швейцария	21,6	19,0	18,4			23,8	24,6	25,2	24,8	25,0	22,9	24,2	22,4	22,9	21,9		21,4			
Швеция	20,1	17,4	18,9	19,4	19,4	17,5	19,4	19,0	19,5	18,3	18,4	18,3	18,9		16,9	17,2	15,6			15,3
Шотландия	7,0		8,0				10,9	9,8	10,1	11,1	11,1	10,2	11,7	10,3	10,5		11,2			
Югославия				13,4	14,7	15,7	16,1	16,1	16,5	16,0	15,9	17,2	16,2	16,7						
Япония	24,5	21,6	14,5	17,9	17,6	17,0	17,4	20,9	20,4	19,4	21,2	19,6	18,7	18,2	17,3	17,0				

Таблица 12.2. Уровень завершенных самоубийств (на 100 тыс. чел. нас.) в некоторых зарубежных государствах (1956 - 1995). * с 1992 года – Чехия

ния - с 24,5 в 1956 г. до 16,9 в 1994 г., Бельгия – с 23,8 в 1984 г. до 18,8 в 1992 г.).

В некоторых государствах уровень самоубийств медленно возрастает (Испания, Мексика).

В целом ряде стран Западной Европы и в Канаде при относительно устойчивом уровне самоубийств произошел их рост в 1980 - 1987 гг. (Австрия, Бельгия, Дания, Норвегия, Франция, ФРГ, Швейцария). Этот феномен заслуживает специального изучения. Быть может в этот период латентно проявился тот кризис, который в 1986 г. прорвался наружу в виде «жаркого лета» во Франции и не только в ней.

Отчетливо различаются страны с низким (Греция, Израиль, Испания, Италия) и высоким (Австрия, Венгрия, Дания, Финляндия, Франция, ФРГ, Швейцария) уровнем самоубийств. Удивляет устойчиво низкий показатель в Бразилии, Мексике, Чили - странах, где уровень насилия (в частности, убийств) весьма высок. Эта особенность латино-американских государств подтверждается и сведениями о других странах континента - Колумбии (уровень в 1987 - 6,2, в 1991 - 3,1), Аргентине (1991 - 5,9), Коста-Рике (1991 - 4,2), Никарагуа (1988 - 3,2), Перу (1988 - 0,5).

Особый случай - схожая динамика суицида в странах Восточной и Центральной Европы, входивших в «социалистический лагерь». Единство судеб определяло относительно общий характер трендов добровольного тотального ухода из «лагеря».

Для Болгарии, Венгрии, Польши, также как и для СССР - России, характерно значительное возрастание уровня самоубийств с середины 50-х годов до 80-х (по мере «упрочения социализма»?) с максимумом в 1983 - 1985 годах, затем некоторое снижение показателей и новый рост в 90-х годах (кроме Венгрии).

ГДР редко представляла сведения о смертности в ВОЗ. Однако данные за имеющиеся годы (1965 - 28,5; 1978 - 36,2; 1989 - 25,8) вполне отвечают вышеназванным тенденциям. Лишь в Чехословакии тренд носит сглаженный характер.

Наконец, посмотрим на ситуацию в некоторых республиках бывшего СССР (табл. 12.3). Отмечается низкий уровень зарегистрированных самоубийств в Армении и Узбе-

кистане, высокий и возрастающий уровень в Белоруссии, Украине и очень высокий уровень с явной тенденцией к росту в Латвии, Литве, Эстонии. Забегая несколько вперед, заметим, что в 1994 г. первые четыре места в мире по уровню самоубийств заняли Литва (45,8), Россия (41,8), Эстония (40,9) и Латвия (40,6), значительно обогнав многолетнего лидера - Венгрию (35,3).

Однако, с начала 80-х годов начинает сокращаться уровень самоубийств (на 100 тыс. населения) в странах *Кавказского региона* - с 6 в 1981 г. до 3 в 2003 г. С середины 80-х годов происходит постепенное снижение уровня суицида в странах *Европейского Союза* (с 15 в 1983 г. до 10 в 2007 г.). В странах *Центральной Азии* уровень самоубийств снизился с 16 в 1999 г. до 12 в 2005-2006 гг. В славянских странах *Восточной Европы* (Белоруссия, Россия, Украина) уровень самоубийств сократился с 35 в 1995 г. до 24 в 2007 г. Наконец, в странах Балтии произошло резкое снижение рассматриваемого показателя с 44 в 1994-1995 гг. до 22-23 к 2007 г.[326]

Таблица 12.3. Динамика самоубийств в бывших республиках СССР (1988 - 2000)

	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	2000
Армения	2,7	3,4	3,9	2,2	2,2				
Беларусь		22,0			23,6	28,0		28,6	28,0
Казахстан	17,0	19,5	19,2	18,3	19,6	23,6		10,9	28,6
Латвия	23,6	25,6	26,0	28,4	35,0	42,3	40,6	45,8	40,7
Литва	26,6	27,1	26,1	30,5	34,6	42,1	45,8		45,6
Узбекистан				6,8	6,2				
Украина		19,0		20,8	22,6				20,7
Эстония		24,0	27,1	26,9	32,3	38,1	40,9	40,2	40,1

326. Värnik A., Sisask M., Värnik P. (Eds.). Baltic Suicide Paradox. Tallinn, 2010, pp.9-19. См. также: Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.) Essential Papers on Suicidology 1993-2008. Tallinn, 2008.

Самоубийства в России (XIX – XX вв. и начало XXI в.)

К сожалению, если по многим другим показателям мы имеем дело с «лукавыми цифрами», нуждающимися в значительной коррекции, то по самоубийствам за длительные промежутки времени данные вообще не публиковались. И даже сегодня легче получить сведения о преступности в стране (ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения», данные на сайте МВД РФ), чем более или менее полную информацию о самоубийствах. Официальным источником зарегистрированных смертей от самоубийств являются сведения, публикуемые в ежегодниках Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), но данные по России начали публиковаться лишь с 1988 года (ежегодник 1994 года), а сами ежегодники выходят в Женеве и поступают в отечественные библиотеки со значительным запозданием.

Еще сложнее собрать сведения за длительный период времени. Лишь с 1922 по 1926 год публиковались данные Отдела моральной статистики при ЦСУ о самоубийствах в советской России и СССР.

Мы не располагаем более или менее достоверными сведениями о самоубийствах в России (или СССР) с 1927 по 1965 год. Не всегда сопоставимы цифры, приводимые различными источниками. Вместе с тем, даже имеющиеся данные в своей динамике и в сопоставлении с другими странами заслуживают внимания.

Самоубийства в России до 1917 года

Представления о количестве, уровне и динамике завершенных самоубийств в России дают абсолютные цифры за 1803 – 1841 годы (таблица 12.4), уровень за ряд лет и удельный вес (доля) смертей в результате самоубийств в общем количестве умерших[327]. Уровень самоубийств (на 100 тысяч жителей) составлял: 1803 г. – 1,7; 1829 – 2,6; 1838 – 2,9.

Доля смертей в результате самоубийства в общем коли-

327. Веселовский К.С. Опыты нравственной статистики в России. СПб.: МВД, 1847. С.13-16.

честве умерших колебалась от 0,06% в 1831 и 1841 годах, до 0,09% (1827, 1828, 1834 – 1838, 1840 годы).

Для сравнения: во Франции в 1831 году уровень самоубийств составил 6,4, а доля смертей от самоубийств достигла 0,2% (в 1836 году соответственно 6,9 и 0,3%).

Разумеется, самоубийства неравномерно распределены в пространстве (по территории страны). Повышено число и уровень самоубийств в двух столичных городах (таблица 12.5). Уровень самоубийств в 1838 году в Санкт-Петербурге – 5,1, в Москве – 5,7.

Самые высокие показатели самоубийств за 30-е – 40-е гг. прошлого столетия в Минской губернии, Санкт-Петербурге, Волынской, Подольской губерниях и в Эстляндии (перечислены в порядке убывания уровня), самые низкие – в Вологодской, Саратовской, Оренбургской губерниях (перечислены в порядке возрастания уровня).

Таблица 12.4. Количество завершенных самоубийств в России (1803 – 1841 гг.)

Год	Количество самоубийств	Год	Количество самоубийств
1803	582	1833	1341
1819	856	1834	1441
1820	894	1835	1626
1825	1066	1836	1532
1826	966	1837	1498
1827	1176	1838	1559
1828	1248	1839	1326
1829	1283	1840	1718
1830	1141	1841	1322
1831	1104		

Таблица 12.5. Количество завершенных самоубийств в С.-Петербурге и Москве (1834 – 1841 гг.)

Год	Санкт-Петербург	Москва
1834	36	21
1835	43	18
1836	33	21
1837	23	14
1838	24	20
1839	26	14
1840	24	17
1841	30	14

Удельный вес женских завершенных самоубийств, по неполным данным, составил в 1821 - 1822 гг. - 21%, 1844 - 1846 гг. - 23%, 1870 - 1874 - 25%, 1875 - 1880 – 25,5%, 1881 - 1890 - 29%, 1891 - 1899 - 32% . Так что доля женских самоубийств постепенно возрастает. В 40-е годы максимальное число самоубийств приходится на возраст 21 -28 лет, далее 28 - 35 лет, 14 - 21 год, 60 - 70 лет. Впрочем, это неполные данные.

Сезонное распределение самоубийств в 30-е - 40-е годы вполне соответствует закономерности, выявленной еще Дюркгеймом: весенне–летний пик (60% в 1844 - 1846 гг., 55% в 1831) при осенне–зимнем минимуме (зимой 1831 - 19,8%, в 40-е годы - 18,4%).

По способам самоубийств первое место занимает повешение (1831 - свыше 79% общего числа, 1844 - 1846 - свыше 81%), далее с большим отрывом следуют: применение огнестрельного оружия (соответственно около 9% и около 8%), с помощью холодного оружия (более 8%, около 7%), утопление (3,1% - 3,2%), отравление (0,6 – 0,5%), падение с высоты (0,3%), применение угарного газа (0,03%)[328].

Количество семейных суицидентов почти в два раза превышает число холостых (1841 - 1844 гг.), а неграмотных в 8,1 раза больше грамотных (1834 - 1844).

328. Там же. С.54-55.

Таблица 12.6. Уровень завершенных самоубийств в С.-Петербурге и Москве (1910 - 1917 гг.)

Год	Санкт-Петербург	Москва
1910 – 1913	30,1	18,9
1913	29	21
1914	21,1	-
1915	10,7	10,6
1916	11,0	-
1917	10,5	6,8

Начало XX века в России отмечено политическим кризисом, ростом протестных («революционных») акций.

К сожалению, динамику самоубийств в эти годы можем проиллюстрировать лишь на примере столичных городов (таблица 12.6)[329]. Еще выше уровень самоубийств в Одессе (1913 - 33; 1914 - 27).

Снижение уровня самоубийств в 1915 - 1917 годах - «нормальный» результат вступления страны в мировую войну.

Годы политического кризиса, «реакции» губительно сказываются на молодом поколении. Доля молодежи в возрасте до 30 лет среди самоубийц возросла до 62,6% в Санкт-Петербурге (1906 -1910), 73,9% в Москве (1908 - 1909), 74,7% в Одессе.

В целом, досоветская Россия относилась к числу стран с невысоким количеством и уровнем самоубийств (так, например, уровень завершенных самоубийств в 60-е - 70-е годы прошлого столетия составляет в Англии и Уэльсе порядка 7,0; в Бельгии - 6,6; Норвегии - 7,6; Швеции - 8,5; Франции - 15; а в Дании - около 27)[330].

Самоубийства в России в двадцатые годы

329. Бруханский Н.П. Самоубийцы. Л., 1927. С.8; Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1911. Т.VIII. С.15.

330. Дюркгейм. Самоубийство. Указ. соч. С.55.

Благодаря усилиям М.Н. Гернета, в 20-е годы в рамках Центрального Статистического Управления (ЦСУ) СССР был образован Отдел моральной статистики, учитывающий, помимо прочих проявлений девиантного поведения, самоубийства. Из нескольких выпусков, подготовленных отделом, и трудов самого М.Н. Гернета мы получаем уникальную по своей полноте и аналитическим возможностям информацию.

Общие сведения о самоубийствах в Российской Федерации за 1923 - 1926 годы представлены в таблице 12.7[331]. Хотя, как и следовало ожидать, количество самоубийств в России увеличивается, это происходит во всем мире, и Россия продолжает пока оставаться в числе стран с невысоким уровнем суицидального поведения. Так, в 1921 - 1925 годах уровень завершенных самоубийств составлял: Англия и Уэльс – 9,4; Австрия – 27,3; Бельгия – 18; Венгрия – 27,9; Германия – 22,3; Голландия – 6,2; Дания – 14,1; Италия – 8,4; Норвегия – 5,8; Финляндия – 12,4; Франция – 19,5; Швеция – 14,6; Швейцария – 23,5 и т.п. В СССР уровень самоубийств в 1925 г. – 8,6, в 1926 – 7,8.

Относительно быстрее растут самоубийства в столицах (таблица 12.8)[332].

Таблица 12.7. Количество и уровень самоубийств в России (1923 – 1926 гг.)

	1923	1924	1925	1926
Мужчины	2546	3010	3943	4185
Женщины	1464	1671	1903	1749
Всего	4010	4681	5846	5934
Общий уровень (на 100 тыс.чел.)	4,4	5,1	6,3	6,4

331. Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 годах. М.: ЦСУ СССР, 1929. С.8

332. Там же, а также: Самоубийства в СССР в 1922-1925 годах. М.: ЦСУ СССР, 1927. С.13.

Таблица 12.8. Уровень завершенных самоубийств в С.-Петербурге и Москве (1917 – 1925 гг.)

Год	Санкт-Петербург	Москва
1917	10,5	6,8
1918	-	7,9
1919	23,7	8,5
1920	24,7	6,2
1921	27,8	9,4
1922	29,9	13,9
1923	-	23,0
1924	-	33,7
1925	34,4	17,5

Как явствует из приведенных данных, Санкт-Петербург (Петроград) быстро и остро «отреагировал» на Октябрьский переворот 1917 г. и последующие катаклизмы. В Москве «суицидальная реакция» наступает несколько позднее (с 1922 г.).

Доля женских самоубийств составила в 1923 – 36,5%, 1924 – 35,7%, 1925 – 32,5%, 1926 –29,5%. В 1924 г. доля женских самоубийств в Англии и Уэльсе – 29%, в Дании 28%, в Италии и Нидерландах (Голландии) – свыше 26%.

Половозрастное распределение самоубийств представлено (на примере 1926 г.) в таблице 12.9.

Таблица 12.9. Половозрастное распределение уровня самоубийств в России (1926 г.)

Территория	Пол	Возраст				
		10 – 13	14 – 15	16 – 17	18 – 19	20 – 24
Москва – Ленинград	М	1,1	9,4	14,6	37,2	47,3
	Ж	1,0	3,4	19,8	41,0	41,1
Прочие города	М	2,3	4,4	11,6	32,8	37,1
	Ж	0,3	3,9	15,7	29,1	24,4
Село	М	1,4	2,9	5,1	9,4	11,7
	Ж	0,3	1,3	2,7	6,6	5,3
		25 – 29	30 – 39	40 – 49	50 – 59	60 и >
Москва – Ленинград	М	45,8	41,1	57,9	50,7	38,9
	Ж	23,1	15,3	10,6	11,9	6,0
Прочие города	М	29,1	26,6	33,4	35,6	27,1
	Ж	11,3	8,9	8,0	4,8	3,7
Село	М	8,9	6,9	7,6	9,6	9,3
	Ж	2,4	1,8	1,9	1,5	1,4

Обращает на себя внимание очень высокий уровень самоубийств молодежи (возрастные группы 20 - 24 года, 25 - 29 лет, 18 - 19 лет).

Отмечается более высокий уровень суицида горожан, особенно в российских столицах, по сравнению с сельским населением. Общий уровень самоубийств в 1926 г. в Москве и Ленинграде составил 41,8 среди мужчин, 19,5 среди женщин, в других городах соответственно 26,4 и 11,0, и в сельской местности – 7,3 и 2,4.

Среди способов добровольного ухода из жизни (1926 г.) первое место по-прежнему занимает повешение – 49,7%, далее следуют: с помощью огнестрельного оружия – 23,9%, отравление – 14,6%, утопление – 4%, с помощью холодного оружия и путем попадания под транспорт – по 3%, падение

с высоты – 0,5%, иное – 2%[333]. При этом городские женщины «предпочитают» отравление (оно выходит на первое место среди других способов), а мужчины и сельские жительницы – повешение.

В 20-е гг. подтверждается весенне-летний пик самоубийств (свыше 57%), максимум их приходится на июнь, минимум – в январе.

По дням недели в городах наиболее «суицидогенны» понедельник и среда, самый благополучный день – воскресенье, в сельской местности максимум самоубийств приходится на воскресенье и понедельник. Гипотетически можно связать такое недельное распределение (максимум – в понедельник) с похмельным синдромом.

В течение суток число самоубийств увеличивается от утра (4 – 9 часов, минимум) – к ночи (23 – 3 часа) – к вечеру (16 – 21час), с максимумом днем (10 – 15 часов).

Самоубийства в России после второй мировой войны

Общие сведения о зарегистрированных самоубийствах в СССР, России[334] представлены в таблицах 12.10, 12.11. Понятно, что данные по СССР приводятся до года его распада.

В 1965 г. – период хрущевской «оттепели» - уровень самоубийств в СССР не очень высок и соответствует среднеевропейским показателям. Затем начинается рост количества и уровня самоубийств, достигая максимума (29,7 в СССР, 38,7 в России, 24,2 в Петербурге) в 1984 г. – пик «застоя», оказавшегося столь губительным для людей (отсутствие перспектив, безнадежность существования).

В 1984 г. Россия вышла на одно из первых мест в мире по уровню самоубийств (после Венгрии) среди стран, дающих сведения во Всемирную Организацию Здравоохранения (ВОЗ) о количестве умерших и причинах их смерти. Как видим, уровень самоубийств служит более надежным показа-

---

333. Самоубийства в СССР в 1925-1926 годах. Указ. соч. С.39.

334. World Health Statistics. Ibid.; Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат.

телем социальной ситуации, чем воспоминания о дешевой колбасе и водке ...

С первого года горбачевской перестройки сократился уровень самоубийств, достигая минимальных показателей в 1986 г. У людей появилась надежда на улучшение удушливой атмосферы экономической, политической, социальной стагнации.

Таблица 12.10. Уровень завершенных самоубийств в СССР (на 100 тыс. населения, 1965–1990 гг.)

1965	1970	1975	1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
17,1	23,1	25,8	28,9	29,7	24,6	18,9	19,1	19,5	21,0	21,1

Таблица 12.11. Уровень завершенных самоубийств в России (на 100 тыс. населения, 1980–2009 гг.)

1980	1984	1985	1986	1987	1988	1989
34,6	38,7	31,1	23,1	23,3	24,4	25,8

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
6,4	26,5	31,0	38,1	41,8	41,4	39,4

1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
37,6	35,4	39,3	39,3	39,7	39,5	36,5

2004	2005	2006	2007	2008	2009
34,3	32,2	31,0	28,8	27,0	26,5

Однако эйфория продолжалась недолго. С 1988 г. начинается медленный, постепенный рост самоубийств с последующим резким скачком в 1992 г. (на 17%). В 1993 г. в России уровень самоубийств (38,1) почти достигает «рекордного» показателя 1984 г. (38,7) и Россия делит с Эстонией (38,1) 4-е - 5-е места в мире (после Латвии - 42,3; Литвы - 42,1 и Венгрии - 39,8). А показатели 1994 и 1995 гг. оказываются экстремальными (выше 40 фиксировался уровень только в Венгрии в 1980 - 1989 годах). Так, в 1994 г. Россия по это-

му показателю заняла второе место в мире после Литвы. На третьем месте была Латвия, на четвертом — Эстония, на пятом — Белоруссия, на шестом — Венгрия[335]. В 2007 г. наибольший уровень завершенных самоубийств был в Литве (42), далее шли Россия и Белоруссия (36-37), Казахстан (30), Венгрия (28,5), Латвия (26). Наименьший уровень, приближавшийся к нулю, — в Египте, на Гаити, Ямайке[336]. К 2010 г., по данным озвученным на международной конференции «Developing an Evidence Base on Social and Public Health Determinants of Suicide in Eastern Europe» (сентябрь 2010, Таллинн), Россия вышла на первое место в мире, обогнав Литву. Тем более, что по данным Минздравсоцразвития, за первую половину 2009 г. количество самоубийств выросло в стране на 1,5% по сравнению с соответствующим периодом 2008 г.

В Санкт-Петербурге уровень смертей от самоубийств составил: 1998 – 17,0; 1999 – 19,8; 2000 – 18,6; 2001 – 20,8[337]. Доля смертей в результате самоубийств в общем количестве умерших была: 1990 - 2,4%; 1991 - 2,3%; 1992 - 2,6%; 1993 - 2,6%; 1994 - 2,4%. Напомним, что 150 лет назад этот показатель равнялся 0,06% - 0,09%.

Неслучайный характер тренда завершенных самоубийств в России, их зависимость от социальных, экономических, политических условий, можно проследить в сравнении с динамикой самоубийств в некоторых странах бывшего «социалистического лагеря» (таблица 12.2) и в бывших республиках СССР (таблица 12.3).

---

335. Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.) Essential Papers on Suicidology 1993-2008. Tallinn, 2008, pp.116-119, 165, 173, 179.

336. Статистика самоубийств по странам; URL: http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm. (дата обращения: 14.06.2011).

337. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб.: Комгосстат, 2002. С. 33.

§6. Социально-демографический состав суицидентов

Никто не застрахован от суицидального поступка. Вместе с тем, представители одних демографических и социальных групп совершают суицидальные акты относительно чаще, чем представители других (различается их «риск суицидального поведения» или уровень «суицидальной активности»).

Гендер

Мы уже знаем об относительно большей «девиантности» мужчин. Поэтому не удивительны меньшая суицидальная активность женщин, отмечаемая всеми исследователями и более низкий коэффициент летальности (относительно больше суицидальных попыток не заканчивается летальным исходом).

Обратимся к цифрам (табл. 12.12). В большинстве государств мужчины значительно чаще женщин кончают жизнь самоубийством. Соотношение женских и мужских завершенных самоубийств в России было близко к мировым 1:3, 1:4. Однако за последние годы темпы роста самоубийств мужчин значительно превышают темпы роста женских самоубийств, в результате чего доля последних составила: 1988 - 24,9%, 1989 - 22,5%, 1990 - 22,4%, 1991 - 21,6%, 1992 - 19,7%, 1993 - 18,0%, 1994 - 16,8%. Очевидно, это свидетельствует, во-первых, об относительно больших психотравмирующих нагрузках на мужчин, а во-вторых, о большей пластичности и адаптивности женщин к условиям социального бытия. Об этом же говорит и увеличивающийся разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин.

Впрочем «мягкая» тенденция возрастания разрыва между количеством мужских и женских самоубийств отмечается в большинстве стран во всем мире.

Как свидетельствуют результаты наших и других исследований в России, доля женщин существенно возрастает среди покушавшихся на свою жизнь. Но и в этом случае уровень суицидальной активности (соотношение доли со-

Государство	Год	Всего	Мужчины	Женщины	Соотношение Женщины : Мужчины
Австрия	1986	28,1	42,1	15,8	1 : 2,7
	1993	21,3	32,1	11,2	1 : 2,9
Болгария	1985	16,4	23,2	9,4	1 : 2,5
	1994	17,4	25,3	9,7	1 : 2,6
Венгрия	1986	45,4	66,1	25,9	1 : 2,5
	1994	35,3	55,5	16,8	1 : 3,3
Дания	1985	27,8	35,1	20,6	1 : 1,7
	1993	22,3	29,3	15,6	1 : 1,9
Испания	1981	4,5	6,8	2,3	1 : 2,9
	1992	9,6	11,0	3,4	1 : 3,2
Канада	1985	12,9	20,5	5,4	1 : 3,8
	1993	13,2	21,0	5,4	1 : 3,9
Латвия	1988	23,0	36,9	12,0	1 : 3,1
	1994	40,6	71,4	14,1	1 : 5,1
Литва	1988	26,6	42,6	12,2	1 : 3,5
	1994	45,8	81,9	13,4	1 : 6,1
Мексика	1983	1,4	2,2	0,6	1 : 3,4
	1993	2,6	4,5	0,7	1 : 6,4
Польша	1985	13,2	22,6	4,5	1 : 5,0
	1994	14,3	24,7	4,5	1 : 5,5
Россия	1988	24,4	39,1	11,4	1 : 3,4
	1994	41,8	74,1	13,3	1 : 5,6
США	1984	12,4	19,7	5,4	1 : 3,6
	1992	11,9	19,6	4,6	1 : 4,2
Финляндия	1985	24,6	40,4	9,8	1 : 4,1
	1994	27,2	43,6	11,8	1 : 3,7
Франция	1985	22,6	33,1	12,7	1 : 2,6
	1993	21,3	31,6	11,5	1 : 2,7
ФРГ	1986	19,0	26,6	12,0	1 : 2,2
	1994	15,6	22,9	8,6	1 : 2,7
Чили	1984	6,2	10,7	1,8	1 : 5,9
	1992	4,8	8,4	1,4	1 : 6,0
Швеция	1985	18,3	25,0	11,5	1 : 2,2
	1993	15,8	22,5	9,5	1 : 2,4
Эстония	1990	27,1	41,8	14,1	1 : 2,9
	1994	40,9	70,7	14,9	1 : 4,7
Япония	1986	21,2	27,8	14,9	1 : 1,9
	1994	16,8	23,1	10,5	1 : 2,1

Таблица 12.12 .Уровень самоубийств среди мужчин и женщин (на 100 тыс. чел. каждого пола) в некоторых странах.

циально-демографической группы среди суицидентов и доли той же группы в населении) мужчин выше.

Так, по нашим данным (совместные исследования с Л. Смолинским и Н. Проскурниной) в Санкт-Петербурге в начале 80-х годов коэффициент суицидальной активности при завершенных самоубийствах составил 1,7 у мужчин, 0,5 - у женщин, а при суицидальных попытках соответственно 1,2 и 0,9.

При этом коэффициент летальности (соотношение доли социально-демографической группы среди завершенных самоубийств и доли той же группы среди покушавшихся на самоубийство) составил у мужчин 1,4 у женщин - 0,6.

Различаются способы, избираемые мужчинами и женщинами для ухода из жизни. По нашим данным, в 80-е годы из общего числа самоубийц - мужчин в Санкт-Петербурге прибегли к повешению 66,5%, отравлению - 10,9%, холодному оружию (ножи, бритвы, кинжалы) - 7,5%, падению с высоты - 6,9%, огнестрельному оружию - 4%, прочим способам (утопление, от автотранспорта и др.) - 4%. Из числа женщин-самоубийц повесились 41,6%, отравились 33,7%, прибегли к холодному оружию и падению с высоты - по 7,9%, утопились - 4,5%, иными способами ушли из жизни (огнестрельное оружие, автотранспорт и проч.) - 4,5%. В середине 90-х годов увеличивается доля лиц, прибегнувших к огнестрельному оружию и падению с высоты (данные А. Мальченковой и Г. Румянцевой).

Возраст

Общей мировой закономерностью является увеличение уровня завершенных самоубийств с возрастом (правда, известны и исключения - например, Исландия, Шри-Ланка, Польша, где в первой половине 80-х годов наблюдалось уменьшение интенсивности самоубийств после 35 - 45 лет, а в Шри-Ланка максимальный уровень в 1990 г. приходился на возрастные группы старше 75 лет и ... 15 - 24 года).

При этом в большинстве стран наблюдается незначительное сокращение числа и уровня самоубийств в возрастной группе 55 - 64 года, так что первый «пик» приходится на

45 - 54 года (кризис первой половины прожитой жизни - Кто я? Что я успел? Состоялся ли я? Что впереди?), второй «пик» - 75 лет и старше (одиночество, болезни, беспомощность и т.п.). «Классическим» примером возрастного распределения завершенных самоубийств может служить Австрия (табл. 12.13).

Таблица 12.13. Возрастное распределение уровня (на 100 тыс. населения соответствующего пола и возраста) завершенных самоубийств в Австрии (1983)

	Оба пола	Мужчины	Женщины
Всего:	27,0	40,0	15,4
5 – 14	0,9	1,4	0,4
15 -24	18,4	28,2	8,4
25 - 34	23,0	36,8	9,1
35 - 44	35,0	53,8	16,0
45 - 54	43,2	63,6	23,1
55 - 64	34,3	51,3	22,0
65 - 74	47,5	75,7	30,1
75 и старше	54,9	99,3	34,0

Возрастная структура завершенных самоубийств в России в целом соответствует мировым тенденциям (в отличие от начала века, когда необычайно высок был уровень самоубийств молодежи): возрастание уровня самоубийств с возрастом до группы 50 - 59 лет, небольшое снижение среди 60 - 69- летних и вновь рост для группы старше 70 лет. При этом, разумеется, возможны некоторые «отклонения». Так, у женщин в некоторые годы отсутствует снижение уровня самоубийств в возрасте 60 - 69 лет, а у мужчин в 1994 г. наблюдается рост суицида в старшей возрастной группе (70 лет и старше).

Приведем в качестве «типичного», возрастное распреде-

ление в 1996 г. (таблица 12.14)[338]. Нельзя не отметить очень высокий суицидальный риск мужчин зрелого возраста (30 - 59 лет).

Таблица 12.14. Поло-возрастное распределение уровня (на 100 тыс. человек соответствующего пола и возраста) завершенных самоубийств в России в 1996 г.

	Мужчины	Женщины
Всего:	69,4	12,4
Из них в возрасте, лет:		
моложе 20	12,9	3,0
20 – 24	72,9	9,6
25 – 29	81,6	10,6
30 – 39	94,5	11,8
40 – 49	108,2	14,9
50 – 59	106,4	16,1
60 - 69	93,6	18,7
70 и старше	98,4	28,0

Возрастная структура покушавшихся на свою жизнь существенно иная: наиболее высокие показатели, по данным региональных исследований (А. Амбрумова, С. Бородин, Я. Гилинский, А. Михлин, Н. Проскурнина, Л. Смолинский и другие), среди возрастных групп 20 - 24 года и моложе 20 лет.

По нашим данным, в Санкт-Петербурге коэффициент суицидальной активности при покушении на самоубийство составлял среди 20 - 24-летних - 1,7, а среди лиц старше 60 лет - 0,6. Аналогичная тенденция установлена и московскими исследователями (по 13 регионам России)[339].

338. Россия: Новый этап неолиберальных реформ / ред. Г.В. Осипов. М.: Республика, 1997. С. 126..

339. Амбрумова А.Г., Бородин С.В., Михлин А.С. Предупреждение самоубийств. М.: Академия МВД СССР, 1980.

Возрастная динамика суицидального поведения зависит, очевидно, от трех основных (в действительности их гораздо больше) мотивов добровольного ухода из жизни лиц, не страдающих психическими расстройствами. Первая группа мотиваций, в большей степени присущая подросткам и молодежи, связана с острыми конфликтами в учебной, трудовой, семейно-бытовой и интимно-личностной сферах. Повышенное чувство справедливости, эмоциональность молодых, их незащищенность, не закаленность в житейских бурях и невзгодах приводят подчас к экстремальным реакциям, включая суицидальные поступки в случаях, когда люди более зрелого возраста избирают другие формы поведения. Так, поводом к самоубийству может послужить плохая успеваемость, а то и отдельная несправедливо низкая оценка, несправедливые замечания, придирки со стороны преподавателей, руководителей, измена друга или любимого человека, безответное чувство и т.п.

Однако именно эмоциональность, импульсивность суицидальных поступков реже приводит к летальному исходу, так что подростково- молодежный «пик» наблюдается при суицидальных попытках, а не среди завершенных самоубийств.

Другая группа мотивов сводится в конечном счете к смыслоутрате, потере смысла своего существования. Иначе говоря, «кризис идентичности» как суицидогенный фактор. Такого рода кризисное состояние наступает обычно после 35 - 40 лет, объясняя соответствующий возрастной «пик» самоубийств.

Наконец, третья группа мотиваций - одиночество, старческая немощь, тяжелое заболевание, невозможность ухода за собой и т.п. — присуща старшим возрастным группам (70 - 75 лет и старше). Следует подчеркнуть, что самоубийство как социальное явление, его уровень и динамика, объясняются не особенностями индивидуального положения тех или иных конкретных людей, а, наоборот, условия социального бытия определяют конкретные условия существования людей. В частности, невозможность выполнить задуманное, реализовать свои потенциальные силы, способности, дарования - это одно из страшных последствий и сталинского тоталитарного режима, и брежневского застоя,

да и «постсоветская» Россия не очень балует большинство своих граждан. То же относится и к трагической участи стариков, не обеспечиваемых в должной мере государством, одиноких или брошенных родными, воспитанными в духе эгоистического рационализма и бездуховного стяжательства.

Семейное положение

Наличие семьи - в целом антисуицидальный фактор. Уровень самоубийств среди несемейных, одиноких обычно выше. И по нашим данным, в Санкт-Петербурге (середина 80-х годов) среди покушавшихся на самоубийство доля семейных (41,3% мужчин и 40,1% женщин) значительно уступает доле семейных лиц во взрослом населении города (74,7% мужчин, 66,6% женщин, по данным выборочного опроса населения). Это может свидетельствовать о том, что отсутствие семьи, одиночество, неустроенность в сфере семейно-бытовых отношений служат суицидогенным фактором.

С другой стороны, семейные конфликты могут сами стать поводом трагического выбора. Эта двойственная роль семьи (без семьи - плохо, плохая семья - еще хуже...) проявляется в мотивации суицидальных актов. Сводные данные по двум исследованиям - москвичей под руководством А.Г. Амбрумовой и нашему в Санкт-Петербурге представлены в таблице 12.15. При этом из всей совокупности мотивов приводятся только те два, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

Таблица 12.15. Мотивы самоубийства, %

	Московское исследование			Петербургское исследование		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Семейные конфликты, развод	32,7	13,7	28,8	18,6	15,3	17,5

Таблица 12.16. Образовательный уровень суицидентов, %

Образование	Московское исследование		Петербургское исследование	
	Завершенное самоубийство	Покушение на самоубийство	Завершенное самоубийство	Покушение на самоубийство
Начальное и неграмотные	34,6	19,1	11,1	6,4
Неполное среднее	44,2	46,9	52,3	35,2
Среднее	18,2	29,1	14,3	39,4
Незаконченное высшее	0,8	2,1	11,3	6,8
Высшее	2,2	2,8	11,0	12,2
Одиночество	4,1	8,4	5,0	11,6	27,1	16,7

При всех количественных различиях результатов двух исследований, есть некие общие тенденции: высокий процент самоубийств по мотивам, связанным с одиночеством или же семейным конфликтом; преобладание мотивов, зависящих от конфликтных ситуаций в семье; более значимый для мужчин мотив конфликтности в семье при более значимом для женщин мотиве одиночества. Последнее обстоятельство зависит, очевидно, оттого, что среди лиц преклонного возраста (старше 65 - 70 лет), когда одиночество особенно дает себя знать, - значительно больше женщин.

Образование и социальный статус

В России бытует мнение, что самоубийством относительно чаще кончают жизнь представители интеллигенции, вообще «белые воротнички». Анализ образовательного и социального статуса суицидентов опровергает это заблуждение.

Сравнительные данные об образовательном уровне суицидентов по результатам двух исследований начала 80-х годов - москвичей (под руководством Амбрумовой) и нашего

График 12.1. Зависимость суицидального риска от уровня образования

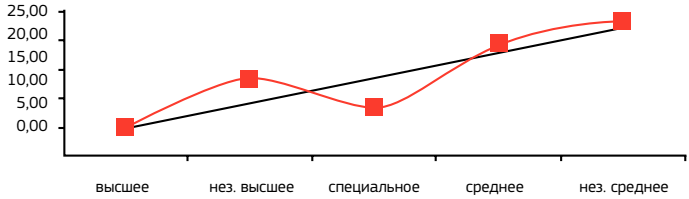
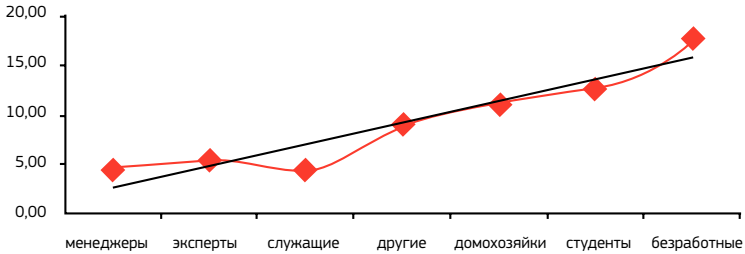


График 12.2. Зависимость суицидального риска от профессионального статуса



в Санкт-Петербурге представлены в таблице 12.16.

Итак, среди самоубийц преобладают лица с невысоким образованием. Не имели среднего образования 78,8% покончивших жизнь самоубийством и 66% покушавшихся на свою жизнь, по результатам исследования москвичей в тринадцати регионах Российской Федерации, и соответственно 63,4% и 41,6% - в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Сопоставление образовательного уровня суицидентов из Петербурга и жителей этого города показало, что коэффициенты суицидальной активности составили для лиц со средним и высшим образованием - 0,8, а с начальным и неполным средним образованием - 2,1.

Суицидальное поведение - как следствие социальной неустроенности, психологической неудовлетворенности, смыслоутраты - очевидно, в большей степени присуще тем социальным группам, чья профессиональная деятель-

Таблица 12.17. Уровень (на 100 тыс. населения) завершенных самоубийств в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

	1990	1993	1994	1995	1996	1998	1999	2000	2001
Санкт-Петербург	18,4	24,0	23,0	23,3	19,9	17,0	19,8	18,6	20,8
Ленинградская область	29,5	48,7	51,6	47,0	44,2	36,0	43,2	40,5	41,1

ность не дает желаемого удовлетворения. Не удивительно поэтому, что наиболее высокие показатели суицидальной активности среди рабочих, служащих без специального образования, а также среди неработающих и не учащихся. Так, по данным московского исследования, рабочие составили свыше 57 - 59% суицидентов, тогда как служащие-специалисты - 0,5 - 0,6%, иные служащие - 6 - 13%.

По нашим данным, в Санкт-Петербурге коэффициенты суицидальной активности основных социальных групп составили: по завершенным самоубийствам - у рабочих - 1,7; у служащих - 0,7; среди учащихся - 0,3; среди пенсионеров - 0,8; по суицидальным попыткам соответственно - 1,2; 1,1; 0,4; 0,6. Иначе говоря, вероятность самоубийства рабочего в 2,4 раза выше, чем у служащего. Разумеется, в условиях существенных изменений социальной структуры российского общества в 90-е годы требуются современные исследования, позволяющие выявить новые тенденции в этой области[340].

Значительный интерес представляют результаты исследований Е.С. Ушаковой (2006-2010 гг.). В них также отчетливо прослеживается обратная зависимость суицидального поведения от уровня образования и социального положения (графики 12.1 и 12.2)[341].

340. См., например: Мальченкова А.Е. Стратификационные особенности суицидального поведения в современном обществе. Дисс. ... канд. социологических наук. СПб.: СИ РАН, 2002.

341. Ушакова Е.С. Суицидальный риск: социологический анализ. Дисс....канд. соц. наук. СПб, 2010; Она же. Суицидальные риски // Социологические исследования. 2008. № 2; Она же. Суицидальный риск. Социологический анализ. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Известно также, что к группам повышенного суицидального риска относятся военнослужащие срочной службы (особенно в первый год службы, до 70% всех самоубийств в армии приходится на это время), заключенные (особенно в первые месяцы нахождения под стражей - до 60% всех самоубийств в течение первых трех месяцев и в последние месяцы перед освобождением), офицеры в отставке, лица, вышедшие на пенсию. Особенно тревожная ситуация в современной армии: каждая пятая смерть в ней - самоубийство. В 1993 г. доля самоубийств возросла до 30% всех смертей в армии[342]. Очевидно, наиболее «суицидоопасен» не столько определенный статус, сколько его изменение, утрата положения, занимаемого в обществе («комплекс короля Лира»).

Место жительства

Еще недавно многие исследователи отмечали более высокий уровень самоубийств в России среди горожан. Однако статистика самоубийств за последние годы свидетельствует о более высоком уровне самоубийств в сельской местности. Так, в 1986 г. уровень самоубийств (на 100 тыс. человек соответствующей группы населения - городского, сельского) составил в России среди горожан 21,2, а среди сельского населения 27,5 (то есть на 29,7% больше)[343], в 1990 г. для горожан – 24,1, в сельской местности – 32,8, в 1996 г. – 35,4 среди городского населения, 50,3 – среди сельских жителей[344]. О том же свидетельствуют сравнительные данные по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (таблица 12.17)4. И хотя в сведения по области включается и население городов, однако, бесспорна большая «суицидогенность» малых городов и сельской местности по сравнению с крупным городом.

Злоупотребление алкоголем служит одним из суици-

342. О нарушениях прав человека в российской армии в 1993 году // Правозащитник. 1994. №2. С.64.

343. Смидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. №4. С.74-79.

344. Орлова И.Б. Самоубийство – явление социальное // Социологические исследования.1998. №8. С.69-73.

догенных факторов, что отмечается большинством исследователей. По результатам нашего исследования в Санкт-Петербурге, из числа покончивших жизнь самоубийством в состоянии алкогольного опьянения (данные судебно-медицинского вскрытия) находились 68% мужчин и 31% женщин.

Небезынтересно отметить, что «сильно пьющие» совершают суицидальный акт в состоянии алкогольного опьянения; лица, страдающие алкоголизмом, нередко кончают с собой в период ремиссии, когда ими лучше осознаются действительная или кажущаяся безысходность ситуации и страдания близких; наконец, некоторые лица из числа трезвенников или умеренно пьющих, приняв решение о добровольном уходе из жизни, выпивают «для храбрости» перед исполнением задуманного (так, по нашим данным, перед самоубийством выпила 100 гр. водки престарелая М., интеллигентная непьющая женщина, бывшая преподаватель Санкт-Петербургского Государственного университета).

Потребление *наркотиков* также является суицидогенным фактором. Один из специфических способов добровольного ухода из жизни наркоманов - так называемый «золотой укол», умышленная смертельная передозировка принимаемого наркотического средства.

Наличие *психических заболеваний* нередко служит основой развития суицидальных мыслей, намерений, самоубийства.

§7. Обстоятельства совершения самоубийства

Способ

Способ добровольного ухода из жизни зависит от многих факторов: традиции (сати, сэппуку), надежности летального исхода (повешение «надежнее» отравления), моды (утопление женщин в результате несчастной любви по примеру «бедной Лизы», Офелии и т.п.), мотивов (публичное самосожжение как протестный акт), психического состоя-

ния (учебники по психиатрии приводят случаи, когда самоубийство психически больных лиц осуществлялось посредством вколачивания гвоздей в голову), наличия подручных средств (пистолета, яда) и даже из соображений эстетики[345].

О некоторых из способов речь шла выше. В современной России сохранились отечественные традиции, относящиеся к способу ухода из жизни: на первом месте - повешение, на втором - отравление (с несколько более высокими показателями у женщин), далее следует применение огнестрельного оружия (у мужчин) и утопление (у женщин). В XX в., по сравнению с XIX в., сократилась роль огнестрельного оружия, однако в последнее время его значение как способа самоубийства вновь возрастает.

Место

«География» самоубийств имеет несколько уровней. Во-первых, как было показано выше, суициды распределяются весьма неравномерно по различным странам. Во-вторых, существуют значительные региональные различия внутри каждого государства. Так, в географическом разрезе наиболее высокий уровень самоубийств среди населения 69 изученных городов России оказался в Восточно-Сибирском регионе (23,4), далее - в Северном (22,4), Уральском (22,3), Дальневосточном (21,7) и Западно-Сибирском (21,2) регионах. Наименьший уровень самоубийств - в регионах Северо-Кавказском (10,6), Центрально-Черноземном (14,7) и Северо-Западном (15,5)[346]. В-третьих, как уже отмечалось, имеются различия в зависимости от типа поселения (крупный город, средний город, малый город, рабочий поселок, село, и т.п.).

Выборочный анализ по 69 городам Российской Федерации показал, что наиболее высокий уровень самоубийств 21,8 (на 100 тыс. жителей) - в городах с населением от 500 тыс. до 1 млн. жителей, тогда как в городах с населением менее 250 тыс. человек населения уровень - 18,8, а в городах

345. Трегубов Л., Вагин Ю. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993.

346. Смидович С.Г. Указ соч. С. 78.

с населением свыше 1 млн. человек - 16,7, причем в Москве и Санкт-Петербурге - 14,8[347].

Приведенные данные (равно как сведения о региональном распределении преступности, наркотизма, алкоголизма) свидетельствуют, очевидно, о различной степени социально-экономического неблагополучия жителей городов и сельских поселений, жителей Сибири и Дальнего Востока, Северо-Запада и Центрально-Черноземной зоны. Иначе говоря, уровень самоубийств служит - при прочих равных условиях - определенным индикатором социального неблагополучия отдельных групп населения.

В-четвертых, различается уровень самоубийств в районах и микрорайонах города, в его центре, «спальных районах», «рабочих окраинах», престижных районах, местах концентрации этнических меньшинств, мигрантов и т.п. К сожалению, этот географический уровень распространенности самоубийств почти не изучен в России и ее регионах. Наконец, в-пятых, «микрогеографические» различия: улицы, скверы, парки, мосты, транспортные узлы, вокзалы, квартиры, чердаки, подвалы.

Время

Существуют вполне определенные закономерности распределения суицидального поведения во времени: сезонные колебания, по числам месяца, по дням недели, по часам суток.

Некоторые из этих закономерностей достаточно всеобщи. Как уже упоминалось, весенне-летний «пик» и осенне-зимний спад самоубийств был отмечен еще Э. Дюркгеймом, и эта сезонность с удивительным постоянством наблюдается в различных странах и регионах. Казалось бы эта закономерность противоречит «очевидному»: весной и летом жизнь привлекательнее, нежели осенью и зимой. Но в том то все и дело, что весенне-летнее радостное оживление

347. Там же. С.77. Подробный региональный анализ самоубийств см.: Кондричин С.В. Региональная дифференциация электоральных установок, уровня самоубийств и смертности от насильственных причин: к вопросу об этногенезе социального поведения // Социологический журнал, 2000. № 3-4.

большинства особенно остро контрастирует с мироощущением лиц, находящихся в состоянии кризиса, социально-психологической дезадаптации, провоцируя их роковое решение. Впрочем, имеются и иные объяснения. Так, М.Н. Гернет говорит о роли усиления интенсивности жизни с удлинением дня и уменьшением ее с укорачиванием дня[348]. В наших исследованиях 70-90-х годов минувшего столетия (Ленинград / Петербург, Орел, Мурманск) отмечался «пик» завершенных самоубийств в марте - июне и минимум в сентябре - декабре.

Суточные колебания также относительно стабильны и для России отмечались еще М.Н. Гернетом.

Недельные изменения более подвижны. Так, по данным М.Н. Гернета, наиболее «суицидоопасен» понедельник при минимуме самоубийств в четверг - пятницу[349].

По нашим данным (исследования в Петербурге совместно с Н. Проскурниной и Л. Смолинским), «суицидоопасен» для мужчин и «благополучен» для женщин конец недели (пятница - воскресенье) при синхронном возрастании числа самоубийств во вторник и снижении в среду - четверг. Интересно, что в распределении суицидальных актов по числам месяца пики женского суицида «запаздывают» на 1 - 2 дня по сравнению с пиками мужского (4 - 6, 15 - 17, 22 - 24 числа). А в интервалах между 7 - 14 и 20 - 24 числами прослеживается обратное соотношение мужского и женского суицида. Это может свидетельствовать о зависимости мужских и женских самоубийств от ситуационного момента (для мужчин - злоупотребление алкогольными напитками в дни аванса и зарплаты, для женщин - поведение мужчин).

«Зеркальное» распределение во времени завершенных самоубийств и суицидальных попыток служит косвенным подтверждением мнения о качественных особенностях этих проявлений суицидального поведения.

---

348. Гернет М.Н. (1974). Указ. соч. С. 468.

349. Там же. С.505.

§8. Самоубийство в системе индикаторов социального благополучия/неблагополучия

Как уже отмечалось, суицидальное поведение служит важным и тонким индикатором социального, экономического, политического состояния общества. Проанализированные выше сведения о самоубийствах в мире и в России XIX - XX веков лишь подтверждают этот тезис.

Издавна рассматриваются убийства и самоубийства как взаимосвязанные показатели социального благополучия/неблагополучия. Предлагается рассматривать сумму уровня убийств и самоубийств как интегральный индикатор уровня социальной патологии[350].

Тогда, например, уровень социальной патологии увеличился в России с 1980 по 1995 с 34,1 (9,7 + 24,4) до 62,8 (21,4 + 41,4), то есть почти в два раза за пятнадцать лет. Для сравнения уровень социальной патологии за те же годы уменьшился в Австрии с 25,5 (24,4 + 1,1) до 22,6 (21,3 + 1,3), в Дании с 28,2 (27,0 + 1,2) до 23,5 (22,3 + 1,2), в Канаде с 28,2 (27,0 + 1,2) до 23,5 (22,3 + 1,2), во Франции с 21,9 (20,9 + 1,0) до 21,3 (20,3 + 1,0) и т.п.

Автор попытался применить частное от деления уровня убийств на уровень самоубийств («коэффициент насилия») в качестве одного из возможных социальных показателей, характеризующих как степень социального благополучия / неблагополучия, так и степень «цивилизованности»/«соци альности», заимствуя терминологию А. Зиновьева[351]. С его точки зрения, «цивилизованность» - показатель развитости, человечности, тогда как «социальность» - все то, что порождает борьбу между людьми, попытки побольше урвать от «общего пирога». При этом я исходил из того, что, во-первых, убийства и самоубийства суть два проявления агрессии. Во-вторых, оба эти явления социально обусловлены и имеют относительно низкую латентность. В-третьих, оба социальных феномена представляются наиболее экс-

350. Смидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. №4. С.74-79.

351. Зиновьев А. Зияющие высоты. М., 1990. Т.1; Социальная философия А. Зиновьева // Вопросы философии. 1992. №11. С.33-56.

Табл. 12.18. Соотношение уровней (на 100 тыс. чел. населения) смертности от убийств и самоубийств в некоторых странах

	1988 / 1989		
	уровень убийств	уровень самоубийств	уровень убийств уровень самоубийств
Австрия	1,1	24,9	0,04
Болгария	2,5	16,4	0,15
Венгрия	2,9	41,5	0,07
Дания	1,2	27,0	0,04
Нидерланды	1,0	10,3	0,09
Польша	2,9	11,4	0,25
Пуэрто-Рико	14,0	7,8	1,79
США	8,5	12,6	0,67
ФРГ	1,0	16,5	0,06
Чили	3,1	5,7	0,54
Эстония	11,0	27,1	0,40
Япония	0,6	17,2	0,03
1991 / 1992			
Австрия	1,5	22,3	0,07
Болгария	4,7	21,1	0,22
Венгрия	4,0	38,8	0,10
Дания	1,3	22,0	0,06
Мексика	18,8	2,5	7,52
Нидерланды	1,3	10,4	0,12
Польша	2,9	14,9	0,19
Пуэрто-Рико	24,3	8,9	2,73
США	9,8	11,9	0,82
ФРГ	1,2	16,7	0,07
Чили	2,9	4,8	0,60
Эстония	19,6	32,3	0,61
Япония	0,6	16,9	0,03
1993 / 1994			
Австрия	1,3	21,3	0,06
Болгария	5,1	17,4	0,29
Венгрия	3,5	35,3	0,09
Дания	1,2	22,3	0,05
Мексика	17,8	2,6	6,85
Нидерланды	1,2	10,2	0,11
Польша	2,9	14,3	0,20
ФРГ	1,2	15,6	0,07
Эстония	28,2	40,9	0,68
Япония	0,6	16,8	0,03

Таблица 12.19. Уровень смертности от убийств и самоубийств в России (1988 - 2009)

	Уровень смертности от убийств	Уровень смертности от самоубийств	Соотношение уровней смертности
1988	9,7	24,4	0,39
1989	12,6	25,8	0,49
1990	14,3	26,4	0,54
1991	15,2	26,5	0,57
1992	22,8	31,0	0,74
1993	30,6	38,1	0,80
1994	32,3	41,8	0,77
1995	31,0	41,0	0,76
...			
2005	24,9	32,2	0,77
2006	20,6	31,5	0,65
2007	17,5	28,8	0,61
2008	16,7	27,1	0,62
2009	15,1	26,5	0,57

тремальными способами «разрешения» социальных и личностных конфликтов. В-четвертых, убийство себя служит более «цивилизованной» и достойной человека реакцией, нежели убийство другого[352].

В результате оказалось возможным выделить, конечно же условно, четыре группы стран: с низким показателем соотношения уровня смертности от убийств и самоубийств (0,03 - 0,10) и, соответственно, высокой степенью «цивилизованности» при низкой «социальности» (Австрия, Венгрия, Дания, Норвегия, Франция, ФРГ, Швейцария, Япония и др.); со средним показателем соотношения уровня смертности от убийств и самоубийств (0,11 - 0,39) и средней «цивилизованностью - социальностью» (Болгария, Греция, Канада, Польша и др.); с высоким показателем рассматриваемого соотношения (0,40 - 0,99) - низкая «цивилизованность», высокая «социальность» (Аргентина, США, Уругвай и др.); с очень высоким, экстремальным показателем (> 1,0). Последний тип означает либо очень низкий уровень «циви-

352. Гилинский Я.И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне Российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. №2. С.127-128; Гилинский Я.И., Юнацкевич П.И. Указ. соч. С.49-52.

лизованности» при очень высоком уровне «социальности», либо наличие в стране экстремальных политических условий, включая состояние войны (Мексика, Пуэрто-Рико, Эквадор и др.). Некоторые данные приводятся в таблице 12.18.

Кажется весьма примечательным, что обнаруживается некая печальная преемственность высокого показателя «социальности» (не-цивилизованности) в России последних лет (таблица 12.19) и удивительного для тогдашней Европы превышения количества и уровня самоубийств над самоубийствами в России еще в 1825 - 1831 гг., а также в славянских землях Австрии (Далмация, Иллирия, Семиградская область)[353]. Впрочем, это уже предмет специальных исследований.

Отметим также, что в Санкт-Петербурге, начиная с 1993 г., рассматриваемый показатель превысил 1 и город оказался в числе экстремальных территорий (1985 - 0,32; 1987 - 0,28; 1989 - 0,43; 1990 - 0,45; 1991 - 0,54; 1992 - 0,81; 1993 - 1,15; 1994 - 1,25; 1995 - 1,14; 1996 - 1,12; 1998 – 1,11; 1999 – 1,0; 2000 – 1,05)[354].

Рост уровней убийств и самоубийств в России, резкое увеличение и значения интегрального показателя социальной патологии и индикатора цивилизованности / социальности лишний раз свидетельствует о глубочайшем и всестороннем (тотальном) кризисе современной России, заставляя еще и еще раз задуматься о причинах происходящего и путях выхода из кризиса. Нельзя не согласиться с Д.Д. Богоявленским: «Пока политики спорят о том, как россияне реагируют на реформы, те все чаще избирают крайние варианты ухода от действительности»[355].

---

353. Веселовский К.С. Указ. соч. С. 35-36.

354. Ежегодник: Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб.: Госкомстат.

355. Богоявленский Д.Д. Указ. соч. С.77.

Глава 13. «Отклонения» в сфере сексуального поведения

Уничтожьте проституцию
и всюду воцарится безнравственность!

Фома Аквинский

§1. Общая характеристика

Человеческая сексуальность всегда была сферой повышенного внимания религиозных и светских властителей дум, полем борьбы представлений о дозволенном и недозволенном, «нормальном» и «девиантном». К XXI веку страсти, казалось бы, утихли, возобладала толерантность к различным проявлениям сексуальности. Занятие проституцией, добровольный гомосексуализм взрослых партнеров в большинстве цивилизованных стран перестали быть предметом уголовного и административного права. Все большее количество стран и людей выступают за сексуальный плюрализм[356]. Сама сексуальность, стремление к сексуальному *удовольствию постепенно освобождается от обязательности чувств (любви), институтов (брака) и функций (репродуктивных)*[357].

Однако, во-первых, еще далеко не все светские и тем более религиозные государства встали на аболиционистский путь. Во-вторых, общественная мораль не всегда толерантна к «разврату», понимаемому подчас очень широко. В-третьих, появляются все новые и новые борцы за «нрав-

356. См.: Рэйс А. Сексуальный плюрализм: Покончить с сексуальным кризисом в Америке. В: Социология сексуальности. Антология / ред. С.И. Голод. СПб Ф ИС РАН, 1997. С.49-63.

357. См.: Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности. В: Социология сексуальности. Антология. Указ. соч. С.14-19.

ственность». Так, с точки зрения некоторых вполне современных феминисток, все сексуальные отношения должны быть строго регламентированы и осуществляться только на договорных началах. Антиохийский кодекс, разработанный Антиохийским колледжем (штат Огайо), в частности требует от мужчин: «Вы должны получать согласие на каждой стадии процесса. Если вы хотите расстегнуть на ней блузку, следует спросить разрешения, если хотите потрогать груди, следует спросить разрешения» и т.д.[358]... Американская Национальная ассоциация женщин (NFA) – ведущая феминистская организация США хотела ввести Антиохийский кодекс по всей стране, но большинство американцев высказались против этого.

Недалеко ушли отечественные радетели «чистоты нравов» из Государственной Думы (да и Санкт-Петербургского Законодательного собрания), внося все новые проекты о законодательном запрещении занятия проституцией, об уголовной ответственности за добровольный гомосексуализм взрослых партнеров, об «усилении борьбы» с порнографией (правда, никто еще не дал ей научного или легалистского определения), о запрете эротической кино- и телепродукции и т.п. При этом забывают печальный отечественный и зарубежный опыт массового прогибиционизма («запретительства»), в частности, эпохи гитлеровского и сталинского тоталитаризма.

Нетерпимость к любым отклонениям активно насаждается тоталитарными режимами, чье господство возможно лишь при тотальном единстве населения, в условиях подавления всякого инакомыслия и инакодействия. Эталоном нравственности и правильности поведения служит мораль Вождя, Фюрера - человека в действительности ограниченного и нетерпимого к проявлениям неординарности, оригинальности, индивидуальности. И Гитлер, и Сталин были нетерпимы к любым «отклонениям» как в области искусства, духовной жизни, так и во взаимоотношениях между полами, осуществляя вмешательство государства в сферу сугубо личных, сексуальных и семейных отношений. На-

358. Цит. по: Брюкнер П. Новая война за самоопределение // Иностранная литература. 2003. №6. С.240.

цистские законы о «чистоте расы» (арийской крови) и сталинские законы «об укреплении советской семьи» (в частности, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., установивший громоздкую бракоразводную процедуру, запретивший под страхом уголовной ответственности аборты, узаконивший институт «незаконнорожденных» детей и пустивший в оборот кличку «мать – одиночка») при всех различиях едины по сути: государственное регулирование сугубо личных отношений.

Но тоталитаризм тоталитаризмом, а идеи «не высовываться», «быть как все», нетерпимость ко всяким «вольностям», «неприличиям» господствуют еще в массовом сознании многих народов, особенно таких, как Россия, которая никогда за всю свою многовековую историю не была демократической страной, чуралась либеральной идеологии. Печально знаменитый ответ российской участницы международного телевизионного шоу: «У нас секса нет!» - результат и тоталитаристской обработки сознания, и глубоко укоренившихся представлений о «низменности», «греховности» сексуальных отношений[359].

Вышесказанное имеет непосредственное отношение к нашей теме. Мы уже знаем, что все девиации суть социальные конструкты, творение рук человеческих. От степени терпимости / нетерпимости общества и государства зависит, чтó именно будет признано «нормальным», а что – «девиантным». Особенно это относится к проявлениям сексуальности, ибо при всей относительности преступности, наркотизма, алкоголизма, круг соответствующих деяний вырисовывается более отчетливо. В сфере же сексуальности «греховность» тех или иных проявлений полностью продукт религиозной или же общественной морали[360]. Таких «грехов» накопилось столь много, что им посвящен отдельный том современной энциклопедии девиантности[361].

---

359. Подробнее см.: Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997.

360. См.: Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения. М.: Артания, 1995; Мастерс У., Джонсон В., Колодин Р. Основы сексологии. М.: Мир, 1998.

361. Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. III. Sexual Deviance. Brunner-Routledge, Taylor and Francis Group, 2001. См. также: Лев-Старович З. Нетипичный секс. М.: Советский спорт, 1995.

В этом томе, в частности, рассматриваются: аборт, аутоэротическая асфиксия, зоофилия, бисексуальность, целибат (безбрачие), детская сексуальная активность, порнография, детская порнография, киберпорнография и компьютерный секс, эксгибиционизм, фетишизм, мужская и женская мастурбация (онанизм), мужской и женский гомосексуализм, сексуальные граффити, групповой секс, инцест (кровосмешение), некрофилия, педофилия, нудизм, мужская и женская проституция, изнасилование, садизм, мазохизм, садомазохизм, сексуальный каннибализм, транссексуализм, гиперсексуальность (нимфомания, сатириазис), вуайеризм или визионизм («подглядывание») и др.

С другой стороны, еще М. Фуко отмечал «спад» перверсий, ибо «сексуальные проявления, связанные с перверсиями, вовсе не ограничены небольшими категориями анормальных людей, а являются свойствами, присущими сексуальности всех людей»[362].

Мы не сможем сколь либо подробно остановиться на всех перечисленных и неназванных (можно было бы добавить геронтофилию, трансвестизм, аутоэротизм или нарциссизм и др.) «отклонениях». Часть из них является результатом психических расстройств (перверсии или парафилии) и изучается психиатрией[363]. Другие носят социально-экономический характер (проституция, порнография и т.п.). Третьи рассматриваются как преступление (изнасилование, сексуальные манипуляции с детьми и др.) и служат предметом криминологии и уголовного права[364].

Ниже будут рассмотрены лишь некоторые проявления сексуального поведения, традиционно считающиеся «отклонениями», независимо от современной оценки. Следует сразу же оговориться: некоторые виды ексуального поведения действительно можно рассматривать как негативные девиации (некрофилия, изнасилование, педофилия, наси-

---

362, Гидденс Э. Фуко о сексуальности. В: Социология сексуальности. Антология. Указ. соч. С.33.

363. См., например: Справочник по психиатрии. М.: Медицина, 1985. С.249-252; Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. М.: Триада-Х, 1999.

364. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб: Юридический центр Пресс, 2007; Он же. Серийные преступления на сексуальной почве. Орел: ОГУ, 2007.

лие по отношению к партнеру и т.п.). Другие, строго говоря, являются видами экономической, «трудовой» деятельности (проституция, изготовление и распространение порнографической продукции). Наконец, третьи, хотя традиционно и рассматриваются как «отклонения», представляют собой разновидность сексуального поведения в пределах «нормы» — гомосексуализм, трансвестизм, добровольные для партнеров элементы мазохизма и садизма, мастурбация, добровольный групповой секс и т.п. Излишний ригоризм, нетерпимость к проявлениям сексуальности – не лучшая социальная реакция на такие формы сексуального поведения, которые носят добровольный характер и исключают насилие.

§2. Проституция

Пожалуй, самое краткое определение проституции – *возмездное предоставление сексуальных услуг. Однако это определение нуждается в уточнении. Под проституцией (лат. prostare – продаваться публично) обычно понимается вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении*[365].

В литературе отмечаются такие признаки проституции, как неопределенная множественность партнеров; систематичность сексуальных контактов; «публичность», достоверная известность о ремесле проститутки; доступность лица, занимающегося проституцией, каждому желающему удовлетворить сексуальную потребность за плату; специфический «образ жизни» и другие. Однако существенными, принципиальными для проституции остаются два признака: *безличный (отчужденный) и возмездный* (платный) характер сексуальных отношений. Совокупность этих двух

365. См.: Аколиньский С. Проблемы социальной патологии. Социальная политика. М., 1977; Блох И. История проституции. СПб., 1913. Т.1. С.7, 29-30; Голод С.И. Проституция в контексте изменения половой морали // Социологические исследования 1988. №2. С. 65; Проституция и преступность / ред. И.В. Шмаров. М.: Юридическая литература, 1990.

критериев позволяет отграничить проституцию как от корыстных супружеских отношений, брака по расчету, так и от внебрачных сексуальных связей, основанных на личных симпатиях и влечениях, а также от получающих все большее распространение в подростковой и молодежной среде безличных, отчужденных, но бескорыстных контактов.

Проституирование возможно как при гетеросексуальных, так и при гомосексуальных отношениях, как со стороны женщины, так и со стороны мужчины (еще в Древней Греции наряду с женскими публичными домами были и мужские, а в Древнем Риме число мужчин, занимающихся проституцией, не уступало числу женщин-проституток). Не имеет значения способ удовлетворения половой потребности.

Немного истории[366]

Является ли проституция действительно древнейшей профессией? Вряд ли, если под профессией понимать трудовую специализацию и в доклассовом обществе (охотник, скотовод, землепашец). Ведь проституция как купля-продажа могла появиться лишь при наличии товарно-денежных отношений, то есть в классовом обществе. Думаю, что устойчивый миф о древнейшей профессии связан не собственно с проституцией, а с пережитками группового брака. Ни гетеризм сам по себе, ни обычай (а то и религиозная обязанность, как, например, в Вавилоне) отдаваться незнакомому мужчине в храме (ошибочно именуемый «храмовой проституцией»), ни сохранившийся у некоторых народностей до сих пор обычай предлагать гостю свою жену на ночь не являются проституцией. Проституция налицо там, где женщина, по словам А. Бебеля, «превращает в ремесло продажу своей привлекательности». По тем же причинам не является проституцией свободное сексуальное поведение,

366. Подробнее см.: Блох И. Указ. соч. (репринтное издание, М.-СПб., 1994); Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996; Дюпуи Е. Проституция в древности и половые болезни. СПб., 1907 (репринтное издание, Кишинев, 1991); Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.). Указ. соч. С.318-361.

в том числе групповое, в современной подростково-молодежной среде (субкультуре).

Сущность проституции

При изучении любого природного или же социального явления важнее всего понять их сущность, причины возникновения и существования.

Проституция в сфере сексуальных отношений лишь одно из проявлений проституции в широком смысле слова — как продажности. В условиях товарно-денежных отношений, говорил К. Маркс, «всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления»[367].

Денежная (товарно-денежная) сущность проституции обосновывалась известным социологом Г. Зиммелем (1858—1918). В книге «Философия денег» он отмечал, что природа денег и природа проституции аналогичны, что в условиях товарно-денежных, вещных, отчужденных отношений проституция становится символом межчеловеческих отношений. Деньги губят природу вещей одним своим прикосновением[368]. Но отношения, опосредованные деньгами, безразличные к субъекту, ими владеющему, - отчужденные отношения. Это в полной мере относится и *к продаже тела* — сексуальным отношениям, превращающимся под влиянием денег, товарности из интимных, личностных в вещные, отчужденные, и - *к торговле духом,* интеллектом. Человеческая личность, индивидуальность превращается в предмет купли-продажи («все на продажу!»). И «разве это не проституция, когда подчиненные лижут ботинки своим начальникам, чтобы получить какие-либо привилегии? Разве это не проституция, когда художники и писатели ставят свой талант на службу угнетателям и власть имущим, полу-

367. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1 С.106.

368. Simmel G. Philosophie des Geldes. Berlin, 1958. S. 414, 433.

чая в награду золото и земные блага? Где проходит граница того, что называется проституцией?... Если писатель не пишет правду, чтобы иметь возможность вести удобную жизнь безо всяких осложнений, разве это не проституция?»[369].

При интимных, личностных отношениях, как заметил известный грузинский философ З.М. Какабадзе, «в сексуальном влечении своеобразно выражается стремление личности к общению с личностью... в сексуальном акте личность обращается к личности и ищет объединения с нею... Одна лишь «доброкачественность» тела никогда не бывает вполне достаточной»[370]. При отчужденных, безличных сексуальных отношениях, при обращении за услугами к проститутке «доброкачественность» тела вполне достаточна. А при снижении качества понижается и цена...

Проституция как детище товарно-денежных отношений имеет и второго «родителя» — моногамную семью. *Проституция дополнительна моногамии, неразрывно с ней* (как и с деньгами) связана. Это прекрасно понимал Ф. Энгельс: «Разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и составляют противоположности, но противоположности неразделимые, полюсы одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собой в пропасть и моногамию?»[371]

Какая бы то ни было форма брака не является ни единственно возможной (здесь плюрализма побольше, чем в политике), ни вечной. С XX в. эмпирически прослеживаются в странах западной ориентации, включая Россию (я имею в виду объективные реалии, а не вечный спор отечественных «западников» и «славянофилов»), такие изменения патриархальных моногамных семейно-брачных отношений, как переход от патриархальной и детоцентристской семьи к нуклеарной (двухпоколенной) и супружеской семье, распространение, наряду с супружеской, «внебрачной» семьи, включая добрачные союзы, конкубината (длительный и до-

369. Жуховицкий Л., Хесслинд Д. О любви и прочем: Диалог в письмах // Иностранная литература. 1989. №2. С. 199.

370. Какабадзе З.М. Проблема человеческого бытия. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 238.

371. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 74,78,79,167.

статочно прочный внебрачный союз мужчины и женщины, не намеревающихся формализовать свои отношения), «материнской» семьи (мать — дети) и др. Изменения сексуальных и семейных отношений существенны для масштабов проституции. В частности, «сексуальная революция», либерализация половой морали приводят к сокращению проституции. Так, по данным С.И. Голода, в 60-70-е годы в Польше, во Франции и ФРГ лишь 1-3 процента молодых людей имели первый сексуальный опыт с проституткой, в большинстве же случаев партнерши были примерно того же возраста и социального положения, что и юноши. А вот в 1903 году 42 процента студентов России начинали сексуальную жизнь с проститутками! Не случайно в странах Западной Европы проституткам приходится объединяться в профсоюзы, бастовать, устраивать митинги протеста в связи с сокращением клиентуры[372].

Но товарно-денежные отношения и моногамная семья — лишь объективные предпосылки, необходимые условия возникновения и существования проституции в сфере сексуальных отношений (как разновидности всеобщей продажности). Вместе с тем должны существовать и причины, в силу которых, во-первых, лишь некоторые индивиды встают на путь проституирования, а во-вторых, уровень проституции неодинаков в разных странах, а также в различные периоды истории одного и того же государства.

С моей точки зрения, не существует специфических причин проституции и только проституции. Одни и те же причины порождают и проституцию, и преступность, и пьянство, и самоубийства, и социальное творчество, то есть все формы девиантного поведения, о чем уже говорилось выше, в части II.

Социальная дифференциация и неравенство, будучи стимулом социальной активности и творчества, одновременно порождают и негативные формы девиантного поведения. Особенно «злокачественно» не просто социальное неравенство, а несправедливое неравенство. И если неравенство «по труду» нормально, то сформировавшееся

372. Голод С.И. Проституция в контексте изменения половой морали // Социологические исследования. 1988. №2.

в стране за годы тоталитарного режима неравенство кастовое, «номенклатурное», исходящее из мафиозного принципа личной преданности, является для современного цивилизованного мира противоестественным, патологическим. Поэтому сегодня наше общество расплачивается за долготерпение по отношению к тоталитаризму, кликам, находящимся на вершине пирамиды социальной структуры. К сожалению, и в постсоветское время сохраняется резкое несправедливое социально-экономическое неравенство между бюрократической, криминальной, олигархической «элитой» и обездоленными массами.

Не следует абсолютизировать какой бы то ни было конкретный набор социальных условий. И если в Англии (особенно в Ирландии) прошлого века такими условиями социального бытия пролетариата, провоцирующими пьянство и проституцию, воровство и самоубийства, были нищета, безграмотность, бесправие, антисанитария и т. п., если в послереволюционной России женщину толкали на путь торговли своим телом голод, нищета, безработица (при обследовании проституток в 20-е годы в Харькове оказалось, что 38,6 процента женщин не имели своей жилплощади, удовлетворительно питались только 18 процентов, около 48 процентов начали заниматься проституцией вследствие длительной безработицы), то в настоящее время занятие проституцией отнюдь не вынужденное средство заработать на кусок хлеба.

Об этом косвенно свидетельствуют сравнительные данные результатов обследований проституток в 20-е годы в Москве, Харькове и других городах, в 70-е - в Москве (К.К. Горяинов, А.А. Коровин, Э.Ф. Побегайло) и в 80-е - в Грузии (А.А. Габиани и др.). Если в 1926-1927 годах в Харькове среди проституток оказалось неграмотных 15,8 процента, малограмотных - 37,8, с низшим образованием - 33,9 и лишь 12,7 процента со средним образованием, то в Москве в 70-е годы среди опрошенных проституток оказалось с высшим и незаконченным высшим образованием 23,2 процента, со средним - 53,9 (в Грузии в 80-е годы - соответственно 7,1 и 66,7 процента)[373].

---

373. Подробнее см.: Гилинский Я. Проституция как она есть // Проституция и преступность. Указ. соч. С.99-122.

Вообще причины девиантного поведения «модифицируются» применительно к отдельным его видам. Попытаемся посмотреть, какие же факторы наиболее значимы в генезисе современной проституции в России.

Пожалуй, на первое место я поставил бы экономическую ситуацию. Да, конечно, голодная смерть сегодня никому не угрожает. Но нельзя же ведь при определении нормального уровня жизни руководствоваться критерием многих ленинградцев, переживших блокаду: «В блокаду-то хуже было!». «Среднецивилизационный» жизненный уровень в развитых странах весьма высок. И не вина наших сегодняшних девочек и молодых женщин, что благодаря 70-летнему беспрецедентному в мировой истории эксперименту подавляющее большинство из них было лишено возможности одеваться, пользоваться косметикой, наконец, веселиться так, как это может себе позволить большинство их сверстниц в Германии и Японии, Франции и США, Канаде и Австралии, в Скандинавских странах. Да, конечно, это не оправдание, но - одно из объяснений.

Далее. Пока на протяжении десятилетий с высоких трибун провозглашались изначальная и недосягаемая нравственность советского человека, его бескорыстие, презрение к богатству и богачам, беззаветное служение высочайшим идеалам и чувство «глубокого удовлетворения» от всего происходящего, в реальной действительности постепенно формировался культ денег и вещей, беспринципность в средствах их достижения, цинично-корыстное «деньги не пахнут» и «все на продажу». Все важнее и важнее становился критерий «не хуже, чем у людей». И тогда, чтобы быть «не хуже», годится все - мошенничество и воровство, рэкет и проституция. Продажность перестала быть делом постыдным, и предметом насмешек стали не проституирующие политики, писатели, ученые, журналисты («умеют же люди устраиваться!») и «ночные бабочки», а те из сограждан, кто не может, не умеет продаваться, ловчить, одним словом, «живет на зарплату». Иначе говоря, оказались перевернутыми все нравственные представления - закономерный результат многолетнего расхождения слова и дела, шизофренической двойной морали, абсурдного состояния, когда думают одно, говорят другое, а делают подчас нечто третье.

Итак, мы от экономики добрались до нравственных (точнее, безнравственных) источников «нашей» проституция. Подчеркнем еще раз, что нравственное одичание само явилось следствием абсурдной экономики и социальной политики, когда люди не могли реализовать свои творческие потенции в общественно-полезной деятельности («не высовываться», «инициатива наказуема», «больше других надо?»...) и вынуждены были, в конце концов, спиваться, вешаться, эмигрировать или - продаваться. И сегодня, когда витрины магазинов сверкают и манят, телевидение демонстрирует «шикарную жизнь», а 36 млн. человек или четверть населения России – бедняки[374] (да еще минимум две четверти еле сводят концы с концами), - трудно бросать упрек тем, кто торгует, чем попало, включая собственное тело.

Разумеется, можно назвать и много других факторов, способствующих «падению» некоторых представительниц прекрасного пола — и отчуждение от семьи, и недостатки семейного и школьного воспитания. Но, во-первых, это уже банальности, а во-вторых, все это вторично по сравнению с социально-экономической депривацией, влекущей деградацию нравственную.

Кое-что о мифах

В обыденном сознании, общественном мнении складывается немало мифов по поводу проституции (впрочем, как и в связи с другими не очень хорошо известными, но привлекающими внимание явлениями). Тут и миф о врожденной гиперсексуальности проституток, и о происках буржуазных спецслужб, специально развращающих чистую российскую молодежь, и другие.

Один из наиболее распространенных — миф о небывалых доходах и «роскошной жизни» жриц платной любви. В создании этого мифа грешны и средства массовой информации, уделяющие основное внимание валютным проституткам, «интердевочкам». Но ведь они составляют лишь долю (десятую? сотую? тысячную?) процента среди

374. Римашевская Н.М. 36 миллионов бедняков живут в России // Новая газета, 2003, 16-19 октября. С.11.

всех проституток, да и то в тех городах, где процветает иностранный туризм. В основной же своей массе проститутки влачат жалкое существование. Да и не преувеличивают ли свои доходы «интердевочки», иначе чем оправдать в чужих, да и своих собственных глазах занятие не самым благородным бизнесом?

По данным профессора А.А. Габиани, исследовавшего проституцию в Грузии, из общего числа обследованных в 80-е годы (свыше 500 человек) проживали в общежитии 3,7 процента, в подвалах или бараках — 7, снимали жилье — 13,7, не имели жилья — 8,3 процента. Материально хорошо обеспеченных оказалось всего 8,8 процента, свыше 50 нуждались и были постоянно озабочены добыванием средств существования. Из обследованных же в 70-е годы свыше 1700 проституток Москвы (данные К.К. Горяинова, А.А. Коровина, Э.Ф. Побегайло) у каждой пятой семейный бюджет составлял менее 50 рублей на человека. Но и эти показатели явно выше средних, поскольку изучались проститутки Москвы и Грузии, включая ее курортные зоны, то есть «привилегированных» районов страны.

Кроме того, следует учесть, что многие, если не большинство, из валютных и иных «элитных» проституток по истечении нескольких лет «работы» оказываются в числе уличных, а то и вокзальных - с «гонораром» в один рубль или стакан самогона.

Наконец, хорошо известно, что деньги, которые «легко» достаются, столь же легко тратятся. А у проституток много дополнительных расходов, связанных с «профессией»: швейцару, водителю такси, сутенеру, рэкетирам, в случае венерического заболевания — врачам. Неудивительно, что, по данным А. Габиани, деньги «на черный день» откладывают лишь 7-8 процентов женщин, у остальных же все уходит на текущие расходы. Автору, изучавшему образ жизни ленинградских проституток еще в 60-70-е годы, приходилось не раз выслушивать их печальные, а порой и трагические рассказы, хотя «на людях» они выглядели бодро и весело.

Между тем миф о богатстве проституток весьма распространен и не столь уж безобиден. Не случайно при опросе в 90-е годы минувшего столетия московских школьников и учащихся ПТУ об их отношении к различным профессиям,

при ответе на вопрос о наиболее материально обеспеченных профессиях занятие проституцией заняло 9 - 10-е место из 20, оставив позади дипломата и ученого...

Распространенность проституции

Проституция в сфере сексуальных отношений весьма распространена. Во всяком случае, значительно шире, чем об этом обычно предполагают. Хотя привести какие-либо цифры по понятным причинам невозможно. Помимо организованной уличной и «домашней», гостиничной и ресторанной проституции, существует много «работающих» одиночек, подыскивающих клиентов через доверенных лиц, есть проститутки, обслуживающие определенные корпорации[375]. Для многих вполне «порядочных», семейных женщин занятие проституцией служит дополнительным заработком «на благо семьи». Мужская проституция развивается наравне с женской, а гомосексуальная – параллельно гетеросексуальной.

Страшным злом является детская проституция. Мы уже упоминали о ней. Подробнее результаты современных исследований детской проституции изложены в одной из публикаций[376].

Наконец, нельзя не отметить глобализацию проституции. Выше говорилось о криминальном бизнесе, связанном с организацией и предоставлением сексуальных услуг. Но многие молодые женщины сами эмигрируют в экономически более развитые страны с целью зарабатывать не рубли, или динары, а доллары или евро. Хорошо известно, что девочки из России, Украины, Белоруссии нередки на гамбургском Репербане или в амстердамском «квартале красных фонарей». Девушки из России в Нью-Йорке стали главной

375. Подробнее см.: Дьяченко А.П., Синельникова Н.Л., Шлык С.В. Эксплуатация проституции в России. М., 1999.

376. Гурвич И.Н., Русакова М.М. и др. Коммерческая сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе России. В: Санкт-Петербург в зеркале социологии / ред. В.В. Козловский. СПб., 2003. С.412-443; Станская А.А. Проституция несовершеннолетних – социальная и правовая проблема общества. СПб., 2005.

темой одного из номеров журнала «New York»[377].

Так что же делать?

В человеческой истории известны три основных официальных отношения к проституции: прогибиционизм (запрет), регламентация (регистрация, медицинское наблюдение и т. п.), аболиционизм (отсутствие запрета и регистрации).

Политика запрета бессильна в «борьбе» с проституцией. Запрет и репрессии вообще малоэффективны в попытках искоренить то, что имеет социальные причины, пока последние существуют. Но если в борьбе с некоторыми видами социальной патологии, например, с преступностью, запрет и наказание вынужденно необходимы (пока общество не нашло альтернативных мер защиты), то по отношению к проституции, гомосексуализму, потреблению алкогольных напитков и иных «преступлений без жертв» запрет и репрессии скорее наносят вред, нежели приносят пользу.

Пока существуют товарно-денежные отношения (и сексуальность человека!), будет и проституция. И никакие призывы и заклинания (а равно и запреты, которые приведут лишь к более тайному, «подпольному» существованию проституции и увеличению размеров оплаты предоставляемых услуг), не смогут ее «ликвидировать». Об этом свидетельствует весь мировой тысячелетний опыт. Только нашим удивительным пренебрежением и к истории, и к разуму, и к науке можно объяснить святую веру в силу запрета, репрессии и морализаторства.

Означает ли сказанное, что автор оправдывает проституцию? Отнюдь. Проституция в сфере сексуальных отношений столь же безнравственна и заслуживает морального осуждения, как и любая продажность. Но морального осуждения и презрения женщина-проститутка заслуживает не в большей степени, чем проституирующий писатель, ученый, публицист, политик... Может ли торговля телом преследоваться строже, нежели торговля духом (интеллектом)? И не кажется ли сторонникам репрессий по меньшей мере

377. Gross M. From Russia with Sex // New York, 1998, August, 10, pp.24-31, 61,82.

нелогичным и несправедливым требование уголовной ответственности женщины-проститутки при безответственности партнера (клиента)?

Спорна для современного российского общества и политика регламентации проституции, хотя многие медицинские работники видят в ней преграду распространения инфекций, передающихся половым путем (ИППП), включая СПИД.

Очевидно, наиболее приемлема политика аболиционизма. Тем более что она фактически осуществлялась все то время, когда о проституции просто не принято было говорить!

Сказанное отнюдь не исключает возможность уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, торговлю несовершеннолетними в тех же целях.

Что же касается самого занятия проституцией, то оно будет сокращаться по мере преодоления стимулов к аморальным формам стяжательства, наживы, по мере вытеснения потребительства более высокими ценностными ориентациями, по мере формирования у людей чувства гордости, собственного достоинства, значимости собственного существования, когда любая форма продажности будет вызывать чувство брезгливости, а не скрытой зависти к доходному промыслу.

§3. Гомосексуализм

Термин «гомосексуализм» был введен в научный оборот венгерским врачом К. Бенкертом в 1869 г., однако распространенность однополой любви известна издревле. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме. В Греции мужской гомосексуализм именовался уранизмом – по имени богини Урании, родившейся от мужчины – бога

Урана и считавшейся покровительницей однополой любви. И еще в середине XIX в. гомосексуалистов называли «урнингами». Женский гомосексуализм получил название лесбийской любви или сафизмом – по имени древнегреческой поэтессы Сафо, жившей на острове Лесбос и, по преданию, одержимой этой страстью. Женский гомосексуализм называют иногда и трибадией, от греческого «трибеин» - тереть). Гомосексуальные отношения именовались также содомией («содомский грех») в связи с библейским сюжетом о городах Содоме и Гоморре, жители которых, наряду с прочими «отклонениями» предавались и однополой любви. З. Фрейд в 1932г. предложил гомосексуальную направленность полового влечения именовать инверсией, но этот термин не получил широкого распространения. Что касается мужеложства или педерастии, то это лишь одна из форм мужского гомосексуализма – с анальным коитусом.

Гомосексуалисты – как мужчины, так и женщины – бывают активными (выполняющими роль мужчин) и пассивными (роль женщины).

В зависимости от особенностей объекта гомосексуальных влечений различают андрофилию (влечение мужчин к взрослым субъектам своего пола), гинекофилию (влечение женщин к взрослым женщинам), эфебофилию (влечение мужчин к подросткам и юношам), корофилию (влечение женщин к юным девушкам).

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1-6% мужчин и 1-4% женщин. Так, по А. Кинзи (1935), в США исключительно гомосексуалистами являются 4% мужчин и 3% женщин. Эти цифры – «нижний предел», т.к. общее число мужчин и женщин, имевших гомосексуальный контакт хотя бы раз в жизни, доходит, по мнению А. Кинзи, до 48% мужчин и 19% женщин[378] (27% по данным К. Дэвиса).

Даже если исходить из минимальных показателей 1-2%, в России должно быть не менее 1,5-3 млн. человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Локальные же

378. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948; Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P. Sexual Behavior in the Human Female. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1953.

исследования свидетельствуют о значительно большем распространении гомосексуализма. Это не удивительно, поскольку помимо врожденной гомосексуальной ориентации существует «социогенный» гомосексуализм – порождение закрытых однополых учреждений: армия, тюрьмы, закрытые учебные заведения.

Этиология гомосексуализма

Из всех видов девиантности истинный или врожденный гомосексуализм, по-видимому, наиболее «биологичен» по своей природе. Высказываются обоснованные сомнения в том, можно ли вообще гомосексуализм относить к социальным отклонениям. Однако ряд доводов, излагаемых ниже (социогенные разновидности гомосексуализма, наличие гомосексуальной субкультуры, реакция общества и государства на гомосексуальное поведение), позволяют традиционно рассматривать гомосексуализм в рамках девиантологии.

Существует множество теорий, объясняющих гомосексуализм[379].

По мнению зарубежных исследователей, существует две основные модели в объяснении гомосексуализма (впрочем, их можно распространить и на другие формы девиантности): *«сущностная» (essentialist model) и конструктивистская*[380]. Сторонники первой заняты поиском сущностных, специфических особенностей гомосексуального поведения. Вторая модель исходит из культуральной, социальной, исторической обусловленности выбора сексуальных предпочтений. При этом гомосексуальное поведение не менее легитимно, чем гетеросексуальное и не должно стигма-

379. См.: Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989; Старович З. Судебная сексология. М.: Юридическая литература, 1991; Свядощ А.М. Женская сексопатология. М.: Медицина, 1988; Liau A. Homosexuality – Biological Explanations. In: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. III. Sexual Deviance. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001, pp. 136-139; Broad K., Crawley S. Homosexuality - Social Explanations. In: Bryant C. Ibid. Vol. III, pp. 161-164.

380. Greenberg D. The Construction of Homosexuality. The University of Chicago Press, 1988.

тизироваться. Сторонники социальной обусловленности гомосексуализма в объяснении его используют общие девиантологические теории: функционализм, конфликтные концепции, социального обучения, ярлыков и др.

Генетическая теория исходит из генетической обусловленности гомосексуальной ориентации. При этом, в частности, используются результаты наблюдения за однояйцовыми (генетически тождественными) и двуяйцовыми близнецами (Ф. Каллмен, М. Хиршфельд, J. Bailey и R. Pillard и др.), эксперименты на рыбах и земноводных и др. Hamer с коллегами (1993), Hu с коллегами (1995) пытались найти «ген геев». Однако никаких достоверно установленных хромосомных отклонений у гомосексуалистов не выявлено. В частности, исследования Rice с коллегами не подтвердили результатов Hamer, Hu и др.

Эндокринные (гормональные) теории основываются на отдельных наблюдениях, свидетельствующих о том, что нарушения функций коры надпочечников могут приводить к гомосексуальным тенденциям. Это относится как к выработке у женщин мужских половых гормонов (Л. Бростер, К. Фройнд), так и к превышению содержания эстрадиола у гомосексуалистов мужчин (П. Доерр и др.). Однако никаких репрезентативных данных, свидетельствующих о гормональных различиях лиц с гомо- и гетеросексуальными влечениями, не имеется. Об этом свидетельствуют и исследования M. Bahlburg с коллегами (1995).

К биологическим теориям относится и концепция анатомических различий головного мозга гомо- и гетеросексуалов (Huwiler, Remafedi, 1998; Le Vay, 1991). Однако и эти данные не бесспорны.

В целом биологические теории вызывают сомнение у многих исследователей (Parker, De Cecco, 1995). Вместе с тем ряд исследователей не сомневаются в наличии биологических различий лиц гомо- и гетеросексуальной ориентаций, но и они считают недостаточно ясными пути влияния этих различий на факторы образования, опыта, среды (Huwiler, Remafedi).

Большой интерес, с точки зрения взаимодействия биологических и социальных факторов представляют данные Г. Дернера с коллегами о том, что наличие нервных по-

трясений, стрессов во время беременности матери сопровождается снижением уровня тестостерона и повышает вероятность рождения мальчиков с последующими гомосексуальными стремлениями. В частности, в годы Второй мировой войны в Германии родилось значительно больше мужчин гомосексуалистов, чем до и после войны. И хотя нейро-эндокринная теория вызывает возражения как нейроэндокринологов, нейрофизиологов, так и психологов и психиатров, однако представляется перспективным дальнейший поиск возможного сочетания био-социальных факторов в генезисе гомосексуальной ориентации.

А.М. Свядощ полагает, что врожденным является активный гомосексуализм у женщин и пассивный у мужчин, а ситуационным (реактивным) – активный у мужчин и пассивный у женщин[381].

Наконец, существует немало концепций, объединенных пониманием гомосексуализма как *приобретенного* в результате действия социально-психологических и социальных факторов: случайные впечатления, соблазн, совращение, лишение доступа к лицам противоположного пола, культурологические влияния и т.п.

При этом все авторы отмечают чрезвычайную сложность исследования распространенности гомосексуализма, т.к. в разных культурах и различных контекстах определенные формы сексуального поведения воспринимаются как гомо- или гетеросексуальные. Так, J. Humphrey (1978) показывает, что мужчины, занимающиеся сексом с другими мужчинами в общественных туалетах, часто идентифицируются как гетеросексуалы. J. Carrier (1976) пишет о том, что в мексиканской культуре только акты мужеложства расцениваются как гомосексуальные. В результате «ясно, что социальный, культуральный и исторический контекст, в котором мы пытаемся изучить гомосексуальность, отражается в наших оценках ее распространенности»[382].

Вообще, сексуальное поведение и его направленность формируется под воздействием многих биологических,

381. Свядощ А.М. Указ. соч. С.95-107.

382. Broad K., Crawley S. Homosexuality – Social Explanations. Ibid. p.161.

психологических, социальных факторов. Гендерная идентификация индивида вовсе не столь очевидна и безусловна, как это представляется обыденному сознанию. Не случайно различают пол генетический, или хромосомный (хромосомы XX у самок и XY у самцов), гормональный (обусловливаемый мужскими или женскими половыми гормонами), генитальный и основанный на нем гражданский (иначе – паспортный или акушерский), и, наконец, «субъективный» пол как гендерная аутоидентификация. Возможны несоответствия между этими «полами» в силу каких-либо нарушений на каком-то этапе формирования индивида и личности[383]. Наглядной иллюстрацией сложности гендерной идентификации служит гермафродитизм – врожденная двойственность репродуктивных органов, когда пол индивида нельзя однозначно определить ни как мужской, ни как женский. В случаях же транссексуализма лицо не только ощущает свою принадлежность к противоположному полу, но и упорно стремится к соответствующему изменению, в том числе хирургическим путем. Неосуществленное желание сменить пол может привести транссексуала к самоубийству. Несовпадение генетического и субъективного полов возможно в результате дефектов социализации по полу (когда, например, родители, ожидали дочь, а родился мальчик, которого до поры до времени одевают и воспитывают как девочку). В нарушении нормального гетеросексуального развития детей может играть роль изоляция детей и подростков одного пола. С моей точки зрения, может представить интерес исследование поколений советских людей, прошедших школу с раздельным обучением мальчиков и девочек.

Направленность сексуального влечения может быть не только гетеро- или гомосексуальной, но и *бисексуальной* (влечение к лицам обоего пола). Возможно одновременное наличие женских и мужских свойств, в том числе психоло-

383. Напомним три «ипостаси» человека: индивид – представитель своего рода (Homo Sapiens); личность – индивид, наделенный социальными свойствами в процессе социализации (индивидом рождаются, личностью становятся); наконец, индивидуальность – уникальное, неповторимое сочетание социальных, психологических, биологических свойств каждого конкретного человека.

гических, у одного индивида (андрогиния или бисексуальность в широком смысле слова).

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм нормальны в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. Заметим, кстати, что и многие животные виды не без гомосексуального «греха». О «нормальности» гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции.

Культурологический аспект и социальная реакция

Отношение к гомосексуализму в различных обществах и культурах неодинаково. В Древнем Риме оно было вполне терпимым. Более того, престижность гомосексуальных отношений среди римской знати могла способствовать «популяризации» этой наклонности. С установлением фашистского режима в Германии началось преследование гомосексуалистов, а Институт сексологии, основанный М. Хиршвельдом в 1918 г., был разогнан нацистами.

Выше упоминалось, как менялось отношение к гомосексуализму в бывшем СССР. Десятилетиями воспитываемые в советских людях ханжеская мораль, нетерпимость ко всякому инакомыслию и инакодействию, изоляционизм с присущей ему ограниченностью - на долгие годы определили взгляды соотечественников. И хотя годы горбачевской перестройки разрушили старые стереотипы, однако рецидивы нетерпимости к сексуальным меньшинствам проявляются до сего дня. И не только на уровне бытового сознания, но и среди «властителей дум», включая некоторых законодателей. Более того, в 2000-е годы гомофобия принимает в России все более распространенный и воинствующий характер, поддерживаемый властными структурами. Достаточно напомнить о мракобесном законе, запрещающем «пропаганду гомосексуализма».

Нетерпимое, интолерантное отношение к гомосексу-

алам нередко приводит к «преступлениям ненависти» по мотивам гомофобии[384].

Цивилизованная реакция в отношении гомосексуалов – принятие и такой разновидности сексуальной ориентации, наряду с гетеросексуальной, бисексуальной и транссексуальной.

Между тем само общество нередко создает обстоятельства, способствующие формированию и расширению социальной базы гомосексуализма. Я имею в виду, прежде всего, институты тюрьмы, армии, закрытых «однополых» учебных заведений. Свыше 70 лет тому назад М.Н. Гернет писал: «Изучение тех условий, среди которых протекает в одиночных и общих камерах половая жизнь арестантов, раскрывает перед нами отвратительнейшие картины разврата в тюрьме в одиночку, парами, и безобразнейшие сцены общих оргий… В общих камерах развита педерастия в форме парного сожительства, наподобие брачного, и в форме проституции, когда пассивные педерасты предоставляют себя всем желающим за сходную цену»[385]. С тех пор если что и изменилось, то добавилась практика применения акта мужеложства («опустить») в качестве санкции за нарушение неформальных норм поведения тюремного сообщества.

Но если жизнь тюремная и армейская способствует формированию гомосексуальной направленности у гетеросексуалов (чтобы не сказать – порождает ее), то представители «истинного» (генетического? врожденного?) гомосексуализма образуют соответствующую субкультуру геев и лесбиянок со своими традициями, сленгом, литературой, клубами, журналами[386].

К иным, достаточно многочисленным сексуальным девиациям относятся *эксгибиционизм* (обнажение гениталий в присутствии лиц противоположного пола), *фетишизм* (сексуальное влечение к предметам туалета, частям тела), *вуайеризм* (визионизм, скопофилия – влечение к подглядыва-

384. Herek G., Berrill K. (Eds.) Hate Crime. Confronting Violence against Lesbians and Gay Men. SAGE, 1992.

385. Гернет М.Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. Юр. издательство Украины, 1930. С.100,106.

386. В современной России журналы «Gay, славяне», «Ты» и др.

нию за половым актом или обнаженными людьми), *садизм* (достижение полового удовлетворения путем причинения боли, страдания сексуальному партнеру), *мазохизм* (получение полового удовлетворения при унижении, физических страданиях, причиняемых сексуальным партнером), а также различного рода «филии» - *некрофилия* (половое влечение к трупам), *зоофилия* (скотоложство, содомия - половое влечение к животным), *геронтофилия* (половое влечение к пожилым людям, старикам), *педофилия* (сексуальное влечение к детям) и др.

Глава 14. Иные виды девиантности

Есть многое на небе и земле,
Что и во сне, Горацио, не снилось
Твоей учености

Шекспир

§1. Правонарушения

Выше были более или менее подробно рассмотрены лишь наиболее «яркие» и до сих пор волнующие государство и/или общество девиантные проявления. В действительности несть им числа: «отклонения» от норм права и морали, традиций и обычаев. Все мы и каждый из нас постоянно «девиирует» - то переходя улицу не по обозначенному переходу или под красный свет, то обманывая ближних и дальних, то чихая в общественном месте, не прикрывшись носовым платком…

Принципиально невозможно перечислить все формы «девиантности», хотя бы потому, что они, как мы знаем, конструируются каждым обществом и государством «здесь и сейчас». «Понятие о том, что является «нормой», различно не только в разных культурах, но даже с течением времени, в пределах одной и той же культуры, а также среди различных классов общества»[387]. Тем не менее, ниже очень кратко остановлюсь еще на некоторых видах девиантного поведения.

В каждом современном государстве существует весьма разветвленная система права (уголовное и гражданское, административное и трудовое, коммерческое и банковское, семейное и авторское, земельное и финансовое, а также процессуальное, арбитражное, муниципальное и др.). Каж-

387. Райгородский Д.Я. Фрагменты истории характерологии. В: Психология и психоанализ характера. М., 2000. С.10.

дая отрасль права включает многочисленные нормы, нарушение которых – правонарушения, деликты – конечно же, есть «отклонения», влекущие предусмотренные санкции. Так, за нарушение гражданско-правовых норм возможно применение штрафных санкций, наступление невыгодных последствий (возврат недобросовестно приобретенного, возмещение причиненного ущерба, признание сделки недействительной с возвращением сторон в первоначальное состояние – *restitutio in integrum).*

Действующее российское административное право (Кодекс РФ об административных правонарушениях, 2002 г.) содержит, например, такие деликты, как нарушение права гражданина на ознакомление со списком избирателей, подкуп избирателей, неисполнение родителями или иными законными представителями обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, нарушение санитарно-эпидемиологических требований к питьевой воде, самовольное занятие земельного участка, нарушение правил пользования жилыми помещениями, сокрытие или искажение экологической информации, уничтожение мест обитания животных (муравейников, гнезд, нор и др.), повреждение электрических сетей, безбилетный проезд на всех видах транспорта, превышение установленной скорости движения, повреждение телефонов-автоматов, обман потребителей, незаконное ношение государственных наград, появление в общественных местах в состоянии опьянения, и т.д., и т.п. Смею предположить, что большинство населения не представляет себе, какие деяния запрещены административным законом под страхом административной ответственности – административного штрафа, конфискации орудий правонарушения, административного ареста (до 15 суток, а в некоторых случаях – до 30 суток), дисквалификации и др. И хотя незнание закона не освобождает от ответственности, однако позволяет многократно нарушать закон, не ведая о том.

Право предусматривает и позитивные санкции, например, поощрения, награды в трудовом праве.

§2. Нарушение иных, кроме правовых, социальных норм

Вспомним некоторые неправовые нормы, довольно часто нарушаемые согражданами.

Правила вежливости - здороваться и отвечать на приветствия; уступать дорогу и место в транспорте пожилым лицам, беременным женщинам, инвалидам, женщинам с малолетними детьми; мужчинам снимать головной убор в общественных местах; не смеяться над физическими или психическими недостатками других людей и многое другое.

Очень интересным и непростым проявлением девиантности служит ложь. Как общее правило, ложь осуждается. Нередко обман может повлечь тяжкие последствия, а потому некоторые виды лжи влекут административную или уголовную ответственность (мошенничество, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обмана, причинение имущественного ущерба путем обмана, обман потребителей и др.).

«Бытовая», не криминализированная ложь может повлечь общественные санкции – недоверие, отказ вступать в деловые отношения, порицание, насмешку и др. Вместе с тем, существует понятие «ложь во спасение», обман, неправда с целью не волновать, не беспокоить, не огорчать других людей (не называть диагноз тяжело больному человеку, не рассказывать одному из супругов о неверности другого и т.п.).

Общественное отношение ко лжи и социальная реакция на нее существенно зависят от культуры. В современных странах западной ориентации преобладает резко отрицательное отношение к любой лжи, в том числе, «во спасение». В странах Западной Европы и США врачи давно уже говорят правду пациенту, даже в случае тяжелой неизлечимой болезни, не скрывают сроков возможного конца.

В странах восточной ориентации обман, ложь часто используются в быту, межличностных и межгосударственных отношениях и нередко расцениваются как достоинство (знаменитая «восточная хитрость»).

Россия, занимая «промежуточное» положение между За-

падом и Востоком, тоже склоняется к фактической допустимости обмана в отношениях между людьми, контрагентами. Девиз дореволюционных российских купцов и приказчиков «не обманешь, не продашь» сохранился до сих пор… Обман близких (мужа, жены, детей, друзей) тоже не воспринимается как нечто абсолютно недопустимое. Отсюда наше восприятие «западных» людей как «наивных». А они и вправду наивны в своей вере сказанному им нами. Двойственное отношение россиян в оценке лжи сказывается в воспитании детей. С одной стороны, в нормальной «приличной» семье детей учат не врать. С другой стороны, в этой же семье ребенка могут попросить: «подойди к телефону и скажи, что меня нет дома». Или: «не говори папе (маме), кого мы сегодня встретили». Или: «скажешь в школе, что у тебя болела голова (живот) и поэтому ты не выучил урок». Плоды такого воспитания не заставят себя долго ждать.

Очень интересна в этом отношении ложь умолчания в японской культуре. Вежливость японцев – национальная черта. Эта же вежливость не позволяет им сказать «нет»! И вот что из этого получается. «Слово «да» каверзно тем, что вовсе не всегда означает «да». А слова «нет» надо остерегаться еще больше, потому что его положено обходить стороной… В разговорах люди всячески избегают слов «нет», «не могу», «не знаю», словно это какие-то ругательства… Если токийский знакомый говорит: «Прежде чем ответить на ваше предложение, я должен посоветоваться с женой», - не нужно думать, что перед вами оказался поборник женского равноправия. Это лишь один из множества способов не произносить слова «нет»»[388]. Но может быть приведенная цитата лишь преувеличение отечественного писателя? Обратимся к «первоисточникам». «Иностранцы зачастую принимают «хай» (да – Я.Г.) за согласие, тогда как на самом деле за ним скрывается прямо противоположное… Японцы знают, когда они подразумевают «нет», даже если не произносят его вслух. «Я подумаю об этом» – это форма очень твердого отказа»[389]. Поэтому такое избегание отрицания - и

388. Овчинников В. Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1971. С.90.

389. Кадзи С., Хама Т., Райс Д. Эти странные японцы. М.: Эгмонт Россия, 2000. С.70.

ложь, и не ложь, а результат национальной вежливости, понимаемой лишь посвященными.

Наконец, имеется много традиционных и современных форм девиантного поведения, которые иногда могут быть квалифицированы как противоправные (хулиганство, или вандализм, или самоуправство), но чаще всего заслуживают общественного удивления, порицания, возмущения, снисхождения и иных неформальных реакций.

Так, к девиациям относят чудачество (шутовство, юродство)[390]. В этом есть определенный резон, поскольку чудачество и шутовство нередко выступают как форма осознанного или неосознанного социального протеста. «В юродстве соединены различные формы протеста... В этом «отклоняющемся поведении» (именно так определила бы юродство социология) есть не только вызов миру – в нем... есть и укор миру, молчаливый протест против благоустроенной и потому погрязшей во грехе жизни»[391].

Обжорство, наряду со злоупотреблением алкоголем, наркотиками, табакокурением, самокалечением (самоповреждением), самоубийством также рассматривается как саморазрушающее девиантное поведение.

Граффити – самодеятельные огромные росписи и рисунки на домах, вагонах, мостах, в подъездах и на лестницах домов и др. обычно оцениваются отрицательно, а их творцов называют «пачкунами», «варварами» и т.п. Однако, в целом ряде случае талантливо выполненные граффити, не оскверняющие памятники культуры, становятся городской достопримечательностью и воспринимаются вполне лояльно, а то и с оттенком гордости.

Далеко не столь безобидна сравнительно недавно осмысленная категория девиантов – «стокеров» («сталкеров») *(stalkers - преследователи, «охотники»)*[392]. Речь идет о людях, преследующих кого-либо. Потенциальными и реальными жертвами стокеров могут быть некогда близкие люди (быв-

---

390. Bryant C., Boyle J. Freaks. In: Bryant C. Ibid. Vol. IV, pp.331-334.

391. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С.118-119.

392. Mullen P., Pathé M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000.

шая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т.п.), сослуживцы, коллеги по профессии, «иноверцы», «иноземцы» и прочие «чужаки» (этнические, конфессиональные, идеологические и др.). Нередко «стокерство» - результат психических отклонений (сутяжничество, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, идеологической непримиримости. К последним относятся преследователи «черных», «лиц кавказской национальности», антисемиты. Но тогда это уже «преступления ненависти» *(Hate crimes).*

Издавна известен такой вид девиантности, как страсть к азартным играм (gambling), зависимость от них (по Curtis Barrett и Eric Drogin, «патологическая зависимость без субстанции»).

Гемблинг (gambling) или лудомания – игровая зависимость, патологическая склонность к азартным играм, которая «заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, что доминирует в жизни субъекта и ведет к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей, не уделяется должного внимания обязанностям в этой сфере» (МКБ-10, 1994).

Гемблинг как аддикция (зависимость) относится к ретретистским формам девиантности наряду с алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. Страсть к азартным играм проходит через всю человеческую историю. Далеко не всегда азартная игра приводит к игорной зависимости. Точно также как не всякое употребление алкоголя или некоторых наркотиков приводит к патологической зависимости.

Да, гемблинг, как и иные виды зависимости, приносит страдание близким лудомана, подрывает экономику семьи, иногда доводит его самого до самоубийства. Но запрет легальных игорных заведений (казино, залов игорных автоматов) приводит к легко ожидаемым последствиям – уходу их в нелегальное подполье (катраны, известные в России еще с советских времен), расширению коррупционного рынка, обеспечению организованной преступности еще одним видом деятельности. Не говоря уже о том, что налоги,

которые имело государство, уходят в зону теневой экономики, черного рынка[393].

Неудержимая страсть к игре нашла художественное отражение в отечественной литературе. Достаточно вспомнить «Пиковую даму» А.С. Пушкина и «Игрока» Ф.М. Достоевского (впрочем, как и его биографию). С развитием игорного бизнеса, дополненного компьютерными играми, эта «игровая аддикция» приобретает все более широкие масштабы, а потому становится все более проблемной и требующей специальных исследований.

§3. Отклонения в здоровье и психике

Дискуссионным в девиантологической литературе является вопрос об отклонениях в здоровье *(Disability)* и *психических* отклонения *(Mental disorders, mental illness)*. Многие авторы их упоминают, рассматривают связь с биологическими (генетика) и некоторыми социальными (социально-экономический статус, условия военного времени) и психологическими (стресс) факторами[394].

Что касается «беспомощности» *(disability)* в силу заболеваний (диабет, астма, артрит, рак, слепота и др.), то отнесение их к «отклонениям» было вызвано, очевидно, Второй мировой войной, когда проблемы со здоровьем усугубились в условиях военного времени[395]. Все же, с моей точки зрения, хотя беспомощность может рассматриваться как частный случай «исключенности», это проблема здравоохранения, социального обеспечения, благотворительности, но не девиантологии.

---

393. Гилинский Я.И. Игорная зависимость: альтернатива наркотической? В.: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы / ред. А.В. Шашкин, М.Е. Позднякова. М., 2007. С. 87-88; Tsytsarev S., Gilinsky Y. [Gambling in] Russia. In: Meyer G., Hayer T., Griffiths M. (Eds.) Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. Springer, 2009, pp. 243-256.

394. McCaghy Ch., Capron T., Jamieson J. (2000) Ibid. pp. 335-365; Pontell H. (Ed.) (1999) Ibid. pp. 412-450.

395. Hessler R. Disability, Career. In: Bryant C. Ibid. Vol. IV, pp. 188-191.

Если говорить о психических отклонениях, то это также предмет, прежде всего, психиатрии, медицинской психологии, но не социологии. Однако последнюю могут (и должны) интересовать, во-первых, социальные (экономические, политические) факторы, прямо или косвенно воздействующие на психическое здоровье. Во-вторых, влияние психических отклонений на индивидуальное девиантное поведение. В-третьих, реакция общества и государства на людей, считающихся психически «ненормальными».

Но здесь нас поджидают большие трудности. И, прежде всего, проблема диагностики. В психиатрии, как отечественной, так и зарубежной, существуют различные школы, поразному оценивающие одно и то же психическое состояние индивида. Не случайно возникает вопрос: «что такое психическое отклонение?». И возможный ответ: «психическое отклонение как миф»[396]. Известный норвежский криминолог Нильс Кристи, на чьи труды я уже ссылался, посвятил много времени и усилий, чтобы показать относительность понятия «нормы» не только социальной, но и психической. Изучая жизнь людей с многочисленными психиатрическими диагнозами, Кристи пришел к убеждению, что их норма и наша норма – просто две различные нормы, и еще не известно, чья норма «нормальнее» («правильнее»)[397].

Из личных впечатлений

Н. Кристи не только один из крупнейших современных ученых, он – прекрасный человек, посвятивший жизнь правдолюбию и правдоискательству, отстаиванию толерантности и ненасилия. Он помог мне и Наталии Проскурниной посетить те «сообщества необычных людей» в Норвегии, которые описал в только что названной книге. Так, мы побывали (пожили!) в деревнях Видарозен и Хогганвик, познакомились с их обитателями и самоотверженной Маргит Энгель, врачом-психиатром, которая в весьма преклонном возрасте переносит опыт таких «норвежских деревень» для психиче-

396. McCaghy Ch., Capron T., Jamieson J. Ibid. p.336.

397. Кристи Н. По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей. Калуга: Духовное познание, 1993.

ски больных людей не только в другие страны Европы, но и в Россию. Разумеется, бывал я не раз и в деревне «Светлана», созданной в Ленинградской области от начала до конца с помощью госпожи М. Энгель – «бабушки», как она называет себя по-русски, и ее интернациональных помощников. В этих деревнях начинаешь еще лучше понимать относительность «нормы» и «аномалии», психической и социальной.

«Социогенность» многих психических заболеваний не вызывает сомнений. Психотические расстройства нередко являются следствием затянувшегося тяжелого экономического положения, политической реакции, правового, государственного пресса (заключенные в первые месяцы нахождения под стражей и перед освобождением; лица, призванные на срочную военную службу и т.п.). Зависимость психических отклонений от социально-экономических условий проявляется в неодинаковой распространенности заболеваемости среди различных страт населения. При этом более подвержены психическим заболеваниям представители низших страт – аутсайдеры, «исключенные»[398]. И как общее правило (так называемый, «классовый градиент»): «чем выше социальный класс, тем лучше здоровье его представителей»[399].

Многочисленные кросс-культурные исследования свидетельствуют о «вспышках» психических заболеваний в годы депрессий и репрессий. Я уже не говорю о деятельности советской «репрессивной психиатрии», благодаря которой тысячи нормальных людей были признаны «невменяемыми», поскольку высказывались критически по отношению к советскому общественному строю и государству.

---

398. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. Указ. соч. С.132-188; Максимова Т.М. Особенности заболеваемости в различных группах населения // Советское здравоохранение. 1991. №4; Петраков Б.Д. Психическая заболеваемость в некоторых странах в XX веке (Социально-гигиеническое исследование). М.: Медицина, 1972. С.172-248.

399. Гурвич И.Н. Социально-психологические факторы здоровья. В: Психология здоровья / ред. Г.С. Никифоров. СПб ГУ, 2000. С.369.

Глава 15. Позитивные девиации

Я не сумасшедший.
Только ум мой не такой, как у вас.

Диоген

§1. Постановка вопроса

Как мы помним, еще Э. Дюркгейм отметил «двойственность» девиаций: преступление и «преступление» Сократа, проложившего дорогу к морали будущего. Более основательно обратил внимание на «симметричность» девиаций Питирим Сорокин. В своей первой монографии петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) он отметил «курьез» научной мысли: «В то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления-наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется тою же научною мыслью. Мы говорим о «подвигах и наградах». Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды – как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений – огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны»[400]. Но еще больший «курьез» состоит в том, что «курьез», отмеченный Питиримом Сорокиным в 1914 г., сохраняется до сих пор, как в мировой, так и особенно, в российской науке. Если в океане мировой девиантологической мысли можно найти островки работ о позитивных

400. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992. С.77.

девиациях («подвигах»)[401], то в отечественной - это лишь постановочные работы автора этих строк при отсутствии необходимых эмпирических социологических исследований.

Первоначальное неприятие великих творений с последующим (чаще всего - слишком поздним для их создателей) признанием, восхищением и почитанием - общее место истории науки, техники, искусства. Новое всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому воспринимается как аномалия. Вообще «каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, но освященного привычкой порядка»[402]. При этом, чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит.

Неудивительны поэтому бесчисленные высказывания о связи (тождестве?) гениальности и безумия, о патологии творчества, об изначальной (генетической) отягощенности творческой личности и т. п., достигшие наибольшего признания среди последователей фрейдизма. У гениев ищут – и находят – следы «вырождения», как Ч. Ломброзо находил их у преступников... В отечественной литературе в этом отношении представляют интерес выпуски «Клинического архива Гениальности и Одаренности (эвропатологии)», посвященные «вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам патологии творчества», выходившие в Ленинграде (мне известны четыре тома—с 1925 по 1928 гг.). Из современных работ этого направления представляет интерес книга «Экспедиция в гениальность»[403].

---

401. Ben-Yehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy // Deviant Behavior, 1990. Vol. N 11, N3, pp.221-43; Heckert D. M. Positive Deviance: A Classificatory Model // Free Inquiry in Creative Sociology, 1998 N26 (1), pp.23-30; Heckert D.M., Heckert D.A. Positive Deviance. In: Bryant C. (Ed.) Ibid. Vol.1, pp. 269-72; Kwasniewski J. Positive Social Deviance // The Polish Sociological Bulletin, 1976. N3 (35), pp.31-34; Sagarin E. Positive Deviance: An Oxymoron // Deviant Behavior, 1985. N6, pp.169-81.

402. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.296.

403. Колупаев Г.П. и др. Экспедиция в гениальность: Психобиологическая природа гениальной и одаренной личности (Патографические описания жизни и творчества великих людей). М.: Новь, 1999.

Людей всегда интересовали загадки научного и художественного творчества. Но лишь в научном активе XX столетия нашлось место для формирования *эврологии* (П. Энгельмейер) как комплексной, междисциплинарной науки о творчестве. Наряду с философскими (А.С. Арсеньев, Г.С. Батищев, В.С. Библер, Г.А. Давыдова, З.М. Какабадзе, Э.В. Ильенков и др.), психологическими (С.М. Бернштейн, Л.С. Выготский, С.О. Грузенберг, А.Н. Лук, Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, М.Г. Ярошевский и др.), психофизиологическими вопросами творческой деятельности, значительный интерес представляет ее социологическая сторона.

Естественно, что предметом социологии служит творчество как социальный феномен, а не индивидуальный творческий акт (предмет психологии и истории). Однако, как нам кажется, именно социологии творчества повезло у нас менее всего. Может быть это связано с тем, что ни в годы сталинизма, ни во времена застоя общество (следуя за вождями) не предъявляло спрос на социальное творчество. А недолгий период хрущевской «оттепели», всколыхнувший научную мысль, литературное, художественное творчество, был слишком краток для серьезного социологического осмысления и формирования социологии творчества как относительно самостоятельного направления. Справедливости ради следует заметить, что социология науки и социология различных видов художественного творчества получили известное развитие[404], но пока не сформировалась социология творчества как более общая теория[405].

Эвристически перспективными являются, с нашей точки зрения, исследования социального творчества как формы (вида, проявления) девиантности. Однако такое утверждение нуждается в дополнительном обосновании.

Единый мировой процесс самодвижения материи осуществляется в двух основных дополнительных (в боровском понимании) формах: *самоорганизации* (убывание энтропии)

---

404. Введение в социологию науки / ред. С.А. Кугель, Н.С. Чернякова. СПб.: Ун-т экономики и финансов, 1992; Майзель И.А. Социология науки. Л.: Знание, 1985; Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983; Яхиел Н. Социология науки. М.: Прогресс, 1977.

405. Интересные социологические наблюдения публиковались в ежегодниках «Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения» (Л.: Наука).

и *самодезорганизации* (возрастание энтропии). Диалектика организации и дезорганизации, порядка и беспорядка, негэнтропийных и энтропийных процессов обусловливает неравномерное их распределение в пространственно-временно́м континууме Вселенной. Одним из островков относительного преобладания организационных, информационных, негэнтропийных процессов является Земля, породившая ряд информационно-генерирующих процессов (геогенез, биогенез, антропосоциогенез). Противоречие между организацией и дезорганизацией носит объективный характер, служит необходимым условием и источником развития физических, биологических, социальных систем.

Существование любой системы (в том числе общества) есть динамическое состояние, процессирующее тождество сохранения - изменения. Наиболее общим средством обеспечения динамического равновесия системы, сохранения через изменения выступают девиации (как говорилось в Части 1).

При этом отклонения, по законам диалектики в соответствии с принципами симметрии и дополнительности, не могут не быть полярными — позитивными и негативными, ибо «отрицательное и положительное абсолютно соединены в субстанциональной необходимости»[406]. Механизмом общественного развития выступает, прежде всего, социальное творчество (позитивная сторона девиантного поведения), т. е. такая деятельность, которая не ограничивается воспроизводством известного (вещей, идей, отношений), а порождает нечто новое, оригинальное, качественно новые материальные и духовные ценности. Широкое понимание творчества как порождения нового приводит к выводу о том, что творческая деятельность человека — лишь проявление фундаментального свойства материи, лежащего в основе развития[407]. Представляется плодотворным понимание творчества как механизма развития материи, образования ее новых форм[408], когда «природой творчества явля-

406. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1971. Т.2. С.206.

407. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб: РХГИ, 1997.

408. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

ется творчество природы»[409]. На противоположном полюсе девиантного поведения находится его «дурная» сторона - негативные девиации как неизбежное *alter ego* социального творчества.

Как различные виды творчества, так и различные виды нежелательных для общества проявлений - суть *формы социальной активности*. При всей их общественной разнозначности имеется нечто общее, позволяющее уловить их единство: нестандартность, нешаблонность поступков, выход за рамки привычного, за пределы нормы. «Творчество осуществимо и объяснимо только как выход за пределы всякой заранее данной ограниченности, как результат способности со временем преодолеть любой заранее данный предел, создать принципиально новую возможность»[410]. Если «творчество потому и является таковым, что в нем непременно нарушаются какие-то существенные нормы деятельности, то есть обнаруживается, по существу, систематическое «уклонение от нормы»»[411], если «глубинная общность науки и искусства состоит в том, что и тот и другой феномены возникли как средство прорыва из замкнутой скорлупы самодостаточного мира обыденного сознания»[412], то отклонение от социальных норм может носить и негативный характер, проявляясь как преступление, пьянство, наркотизм, проституция. Иными словами, «уклонение от норм» может быть, с позиций социального целого, объективно полезным, прогрессивным, служа механизмом поступательного развития общества, или же общественно опасным, задерживающим его развитие.

Эта сложная, диалектическая, поражающая обыденное сознание связь не только нормы и аномалии, но и полюсов отклоняющегося поведения издавна привлекала художников. Это и пушкинское «гений и злодейство две вещи

409. Рунин Б.М. Творческий процесс в эволюционном аспекте. В: Художественное и научное творчество. Л.: Наука, 1972. С.63.

410. Батищев Г.С. Творчество и рациональность (к определению понятия человека). В: Человек, творчество, наука. М.: Наука, 1967. С.95.

411. Обсуждение методологических проблем творчества // Вопросы философии. 1979, №3. С.165.

412. Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии.1976. №10. С. 114.

несовместные», и мучительные искания Ф. Достоевского, доходившие «до последнего предела» и переходившие «за черту», «бесовщина» и метания от «высших типов человека» к человеку гнусному «до последней степени», и мысль П. Хиндемита о том, что преступление и творчество — две стороны единого процесса, и, наконец, преследовавшая Т. Манна мысль: творчество как преступление. В интереснейшей, незавершенной статье «Проблемы творчества в произведениях Томаса Манна», Б.С. Грязнов писал: «Любое творчество – всегда преступление, конечно, не в юридическом смысле этого слова... Творчество (преступление) как созидание. Художник может стать сильнее отпущенного ему природой (Богом), но для этого он должен совершить преступление против природы (Бога), т.е. творчество оказывается делом дьявольским... Итак, творчество есть боль, страдание. Творчество... есть преступление. Творчество есть дьявольское дело. Творчество есть героизм»[413]. Последнее – ибо, чтобы решиться на преступление, требуется отвага («героизм»).

Впрочем, в общей форме это было сформулировано еще Гегелем: «Доблесть несовместима с невиновностью как поступков, так и переживаний. Вполне совершенная нравственность противоречит доблести»[414].

Заметим, что даже наука как социальный институт, функцией которого является создание нового, творчество (нормой деятельности должны быть девиации!), в действительности развивается по своим законам и каждое новое выдающееся открытие выступает отклонением, разрушающим парадигмы науки и встречающим соответствующий прием (непризнание, враждебное отношение и т. п.) пока не заменит былую парадигму, само став таковой[415]. Поэтому «наивысшие достижения научной мысли всегда представляли собой выход за рамки парадигмальных норм, за пределы «нормальной науки» и венчали собой крайне напряженное переживание жизни в ее полноте и целостно-

413. Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982. С.249-251.

414. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т.1. С.265.

415. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975; Научное открытие и его восприятие. М.: Наука, 1971.

сти. Эти высшие достижения существовали изолированно и обособленно, не будучи включенными в контекст научных знаний эпохи (Г. Галилей, А. Эйнштейн, К. Маркс), и проходило зачастую очень много времени пока они обретали характер более или менее общепринятых и согласующихся с предшествующим опытом научного развития»[416]. Таким образом, научное творчество может выступать как деятельность, отклоняющаяся не только от нормы нетворческого существования, но и от норм самого научного сообщества. Разумеется, то же самое относится и к художественному творчеству. Достаточно вспомнить восприятие новых художественных стилей, течений, направлений (импрессионизм, экспрессионизм, кубизм, абстракционизм и проч.) со стороны не только читателей, зрителей, слушателей, но и собратьев (невольно напрашивается «брат мой — враг мой») по искусству. Как правило, «с возникновением стилистических норм небольшие отклонения от них вызывают одобрение как усовершенствования, но по-настоящему оригинальные попытки создавать новое подавляются или игнорируются»[417].

Все это выдвигает много социологических и социально-психологических проблем, заслуживающих специальных исследований. Как соотносятся нравственные нормы общества и таких «нормативных субкультур» как научное сообщество или сообщество деятелей искусства? Как соотносятся нормы жизнедеятельности, образ жизни творческих сообществ и отдельных индивидов, входящих в них? Как проявляется при этом общенаучный закон уменьшения энтропии в самоорганизующейся системе («научное сообщество», «творческий коллектив») за счет увеличения энтропии в среде[418]? Как влияет на творческую активность размер группы, степень ее сплоченности и не оборачивается ли здесь, как это часто бывает, добро - злом, когда, например

416. Ионин Л.Г. Георг Зиммель – социолог. М.: Наука, 1981. С. 111-112.

417. Лук А.Н. Научное и художественное творчество – сходство, различия, взаимодействие. В: Художественное творчество. 1982 Л.: Наука, 1982. С.204.

418. Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход. В: Системные исследования. Ежегодник 1980.М.: Наука, 1981.С.149.

(по Г. Зиммелю), групповая деятельность ведет к снижению уровня интеллектуальных достижений?

Важнейшим элементом механизма сохранения-изменения системы (в том числе, общества) служит адаптация (как приспособление к среде и «приспособление» среды). Способы адаптации совершенствуются в процессе эволюции мироздания. Можно, пожалуй, сказать, что эволюция мира есть эволюция способов адаптации его элементов. По мере усложнения степени организованности системы (от физических к биологическим и от них к социальным), способы адаптации становятся все более активными, так что биологическим и социальным системам присущ уже принцип экспансии[419]. «Сегодня стало совершенно очевидно, что человеческое общество следует относить к общему классу адаптивных систем»[420]. Сверхадаптация общественного человека осуществляется путем активного, силового изменения среды. Биологическая борьба за существование перерастает в сверхборьбу за лучшее существование.

Совершенствование адаптационных возможностей рода Homo sapiens и способа его существования осуществляется в ходе своеобразного отбора. Поскольку носителем социального наследования служит культура как форма жизнедеятельности людей, постольку для социальных систем объектом отбора являются способы деятельности общественного человека. При этом отбор, как известно, выполняет две функции: движущую (обеспечение развития) и стабилизирующую (обеспечение сохранения). Движущая форма отбора обеспечивается деятельностью, нарушающей существующие нормы (для общества — социальными девиациями, девиантным поведением).

Социальное творчество и есть тот «ряд положительных отклонений», который обеспечивает развитие общественной системы. Реально социальное творчество осуществляется через деятельность людей, через индивидуальные творческие акты, к рассмотрению механизма которых мы и перейдем.

---

419. Айдинян Р.М. Введение в теорию социальной организации. Л.: ВПШК, 1980. С.116-119.

420. Маркарян Э.С. (1981) Указ. соч. С.144.

Побудительной силой человеческой деятельности выступают потребности, определяющие ее содержание и интенсивность (не они ли воплощение гегелевской «хитрости мирового разума», провоцирующей «венец природы» к ее самопознанию?). «Первичными» являются витальные, биологические потребности. В конечном счете на их удовлетворение направлены усилия людей. Однако человек может удовлетворять свои потребности лишь в обществе и посредством общества, в социально определенных формах, опосредующих, очеловечивающих и социализирующих самые что ни на есть естественные, чисто биологические потребности. Так происходит диалектическое «оборачивание»: для более полного удовлетворения первичных потребностей необходимо развитие и удовлетворение вторичных социальных потребностей, включая потребность в самом творчестве.

Вообще имеется определенная иерархия противоречий общественного развития, образующая иерархию причин девиантного поведения. Здесь лишь заметим, что творчество выступает попыткой, средством разрешить противоречия между универсальностью, тотальностью человеческой жизнедеятельности и ее социальной формой, существующими нормами, стандартами, эталонами; между социально сформированными потребностями людей и социально обусловленными возможностями их удовлетворения. *Девиантность есть прорыв социальной формы тотальной жизнедеятельностью.* Так, «Фауст, находя человеческие границы слишком тесными, со всей необузданной силой пытался поднять их над действительностью»[421].

На уровне индивидуального поведения источником социальной активности, как отмечалось выше в главе 6, служит «социальная неустроенность», конфликтность бытия, противоречия между потребностями индивида и возможностями их удовлетворения. Очевидно, социальной неустроенностью объясняется повышенная активность (как «позитивная», так и «негативная») маргинальных групп, аутсайдеров, «исключенных».

Объективный социологический феномен социальной

421. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. М.: Мысль, 1971. Т.2. С.544.

неустроенности нередко интерпретируется как повышенная трагедийность существования творцов: «Страдание составляет привилегию высших натур... Великий человек имеет великие потребности и стремится удовлетворить их. Великие деяния проистекают только из глубокого страдания души»[422]. Действительно, рассматриваемое с позиции социальной обусловленности поведения, творчество, наряду с другими феноменами социальной активности (так же как и социальной пассивности), должно изучаться как следствие вполне определенных условий существования, как одно из возможных проявлений поисковой активности, как средство разрешения противоречий общественной жизни и конфликтных ситуаций, как способ самоутверждения, а «противоречия и аберрации индивидуального творчества как выражение общественных социальных аномалий»[423].

Так, *в искусстве* представляется возможным изживать «величайшие страсти, которые не нашли себе выхода в нормальной жизни»[424]. Так, в науке «идея — это и есть «придуманный», «увиденный» (то есть найденный пока лишь в сознании) возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации — за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий»[425]. Так, для А. Эйнштейна, согласно его «Автобиографическим заметкам», теория относительности была «актом отчаянья»[426]! По словам Г.Д. Гачева, «те ходы, которые проделывает на уровне абстракции моя теоретическая мысль, связаны с загвоздками и переживаниями моей текущей личной жизни,... пишу я, например, о сменах структур образов в истории литературы, а решаю тем проблемы своей жизни: они просвечивают в поворотах, наклонениях и акцентах теоретических

422. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975. Т.2. С.506.

423. Киссель М.А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976. С. 15.

424. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С.312.

425. Ильенков Э.В. Противоречия мнимые и реальные. В: Диалоги: Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М.: Политиздат, 1979. С. 118.

426. См.: Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. С.127.

построений»[427]. Впрочем, творческая деятельность, являясь реакцией на жизненные неурядицы, конфликтность и *трагичность бытия,* очевидно, (по принципу обратной связи) порождает повышенную чувствительность, открытость, ранимость ее субъектов, что основательно исследовано психологией и психофизиологией творчества.

И в связи с этим еще один сюжет. Размышления о смысле жизни, его поиски – значимый фактор в детерминации человеческого поведения. (Гораздо более значимый, чем это обычно предполагается). Жизнь каждого из нас – либо постоянный *поиск смысла существования, или же примирение с его отсутствием («а жить-то надо!»), или уверенность в обретенном смысле (будь то служение Богу, или науке, или революции...).* Вообще же человек чаще всего «не думает» об этом смысле («все это философия, метафизика!»).

Но, не думая о смысле жизни, отгоняя от себя саму мысль о нем («свихнуться можно!»), человек действует в условиях выбора так, как будто он учитывает в своих действиях этот самый тщательно отгоняемый Смысл[428]. Иметь или быть, созидать или разрушать, любить или ненавидеть – в значительной степени зависит от мировоззрения человека, его «смысла жизни». Другое дело, что само мировоззрение формируется под воздействием множества средовых факторов.

Осознание смертности – важнейший импульс человеческой активности, творчества. Страх смерти – источник философии, науки, искусства, религии. «Давайте попробуем проследить, на что же в конечном счете направлены все наши помыслы и дела, начиная от заготовки дров на зиму до Рафаелевой Мадонны. Ведь только на преодоление смерти. Сначала мы хотим отодвинуть ее сколько можно дальше в пределах нашего телесного бытия (дрова, пища, одежда и т.д.)... Однако, постигая предел телесной жизни, ее кра-

---

427. Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976. №12. С. 132.

428. См.: Гилинский Я.И. Социальное насилие и... смысл жизни. В: Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки общества. Информационные материалы. Вып. 6. М.: ИС АН СССР, 1990. С.30-36; Он же. Тема смерти – тема жизни: философия социологии. В: Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый выпуск. СПб ГУ, 1995. С.112-114.

тковременность, мы стремимся продлить ее в более устойчивых формах дела, дома и т.д. вплоть до самых высоких сфер литературы и искусства»[429]. Т. Манн так объяснял творчество Л. Толстого: «Что же было всему основой? Плотский страх смерти». О страхе смерти как источнике искусств пишет Д. Лихачев. С точки зрения Е. Беккера, «из всего, что движет человеком, главным является ужас смерти… Смерть стала настоящей «музой философии», начиная с Греции и кончая Хайдегером и современным экзистенциализмом», да и героизм, прежде всего, - рефлекс ужаса смерти»[430].

И не является ли текст, лежащий перед Вами, читатель, плодом подсознательного желания автора (скептика, атеиста) продлить бытие в Слове – после смерти?…

Достойная «подготовка» к смерти – полнота Жизни, самоосуществление в созидании, творчестве. Как заметил великий знаток трагизма и абсурдности бытия Ф. Кафка, «тот, кто познал всю полноту жизни, тот не знает страха смерти. Страх перед смертью лишь результат *неосуществившейся жизни».* И не о том же ли хорошо известное утверждение Н. Островского, писателя, полярного Ф. Кафке: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Наши теоретические построения, равно как изучение биографий выдающихся творцов в области науки, искусства, политики, невольно приводят к парадоксальному выводу: не служит ли усиление неустроенности, конфликтности, проблемности бытия лучшим средством повышения творческой активности?!

Социальная неустроенность, социальный конфликт, неудовлетворенность порождают не только поиски выхода в творчестве, но и «выход» в насилии, вандализме, а также различные формы «ухода» (алкоголизм, наркомания, «хиппизм» и т. п.).

Возможно, существуют какие-то нормы, пороги, допуски, критические значения (индивидуальные для каждого индивида? различные на разных этапах жизненного пути?)

---

429. Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти М.: РОССПЭН, 1996. С.84.

430. См.: Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. С.254-255.

неустроенности, трагедийности существования, ниже которых отсутствует стимул творческой активности, а превышение их ведет к краху личности.

§2. Социология творчества как социология позитивных девиаций

Может возникнуть вполне закономерный вопрос: не есть ли изложенное выше лишь дань авторской концепции? Слишком уж непривычно для многих из нас видеть нечто общее в социальном (научном, техническом, художественном) творчестве и социальной «патологии» (преступности, наркотизме, пьянстве, коррупции и т.п.), рассматривать то и другое как следствие неких общих социальных причин. В конечном счете, судить об этом не автору, а читателям. И все же еще несколько доводов в пользу авторской концепции. Как уже говорилось, социальная норма, определяя исторически сложившуюся в конкретном обществе меру допустимого поведения, может либо соответствовать законам общественного развития, либо отражать их недостаточно адекватно, а то и находиться с ними в противоречии, будучи продуктом искаженного отражения объективных закономерностей. И тогда социальная «норма» оказывается сама «анормальной». Именно поэтому девиантное поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество), и негативным, объективно препятствующим развитию или существованию.

Именно поэтому нестандартность, нешаблонность, необычность мыслей и действий — необходимое условие развития общества. Поэтому же преследование инакомыслия и инакодействия — верный гарант стагнации, застоя. Свидетельство тому — отечественная история 30-х — 80-х гг. прошлого столетия, да и нынешних, двухтысячных…

Творчество как создание чего-то нового принципиально не планируемо. Можно предвидеть «точки роста», предсказывать направления будущих открытий, но нельзя предуга-

дать (а, следовательно, и планировать), кто, когда, где и как создаст или откроет неизвестное. Весь опыт нашей истории свидетельствует о вреде жесткого планирования, заорганизованности, занормированности деятельности, приводящей к социальному склерозу и параличу. Хорошо, когда общество, государство поддерживают творческую деятельность, финансируя ее, обеспечивая технически. Но хотя бы не мешали бесконечностью бюрократических требований.

Далее. Эмпирические социологические исследования последних лет, упомянутые, в частности, в главе 3, свидетельствуют о вполне определенных и относительно устойчивых взаимосвязях между различными проявлениями негативной девиантности и социальным творчеством.

Думается, поэтому, что рассмотрение социального творчества как одного из элементов (подсистем) девиантности не является лишь абстрактной схемой, а таит эвристические возможности комплексного социологического исследования закономерностей распространенности, а также характера взаимосвязей позитивных и негативных проявлений социальной активности в пространственно-временно́м континууме социума, построения математических моделей девиантности как системы, с выходом на управленческие проблемы развития социального творчества «в ущерб» негативным девиациям. Так, «наиболее эффективное предупреждение преступлений… достигается не просто временным подавлением нежелательных форм поведения, а их постоянным вытеснением, заменой их на социально одобряемые, полезные обществу и индивиду формы и виды поведения»[431].

А вот позиция одного из известных современных исследователей девиантности: «Позитивные девианты готовы думать по-другому о важных проблемах и вдохновлять других думать по другому об окружающем мире»[432].

Однако эмпирическая база социологии творчества как девиантности еще крайне слаба. Элементы социологического и социально-психологического подхода мы находим

431. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. С.165.

432. Humphrey J. Deviant Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2006, p. 11.

в ряде интересных публикаций[433]. Огромный, неосвоенный с точки зрения девиантологии, эмпирический материал содержится в двухтомной энциклопедии «Лауреаты Нобелевской премии»[434], а образец анкеты – в упомянутой книге В.П. Карцева. Прекрасным источником могут служить биографии крупнейших деятелей искусства и науки.

По мере «очеловечивания» нашего общества (да и всего человечества: иного выхода нет, альтернатива — самоубийство рода homo sapiens в результате экологической или ядерной катастрофы), утверждения общечеловеческих ценностей, достоинства личности и понимания ее самоценности, а равно объективной ценности бесконечного разнообразия индивидуальностей, творчество из отклонения - привилегии превратится в норму жизнедеятельности. Девиантность социума примет формы, которые трудно предсказать сегодня. Но можно думать, что нетворческое, приспособительное, потребительское существование сместится к полюсу негативных отклонений. «Что поделаешь, бесцветная и безвкусная усредненность: она ничему не дает сделаться ни по-настоящему дурным, ни по-настоящему хорошим»[435].

---

433. Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1984; Матейко А. Условия творческого труда. М.: Мир, 1970; Селье Г. От мечты к открытию. М.: Прогресс, 1987.

434. Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия. В двух томах. М.: Прогресс, 1992.

435. Hegel G.W.F. Briefe. Berlin,1970. Bd.II. S.61.

Глава 16. Девиантность в «обществе потребления»[436]

Потребляю, следовательно, существую.
(Неизвестный философ XX века).

Знаковая перемена — это переход
от общества производителей
к обществу потребителей.
(З. Бауман)

«Разве я этого не достойна?»

(Из рекламы XXI века)

Девиантность, как порождение и элемент культуры, несомненно специфична для каждого конкретного общества «здесь и сейчас». Не представляет исключения общество постмодерна или же «общество потребления» (это не синонимы, но характеристики с различных сторон современного общества). Рассмотрим проблему девиантности в «обществе потребления» подробнее.

Проблема сложных взаимоотношений *благ* высокого экономического уровня развития общества и *потребительской культуры* с ее негативными побочными эффектами - в той или иной степени давно обсуждались в научных трудах и литературных произведениях. Достаточно вспомнить «Новое индустриальное общество» Дж. Гэлбрейта (1967)[437], «Теорию праздного класса» Т. Веблена (1934)[438], «Иметь или

436. Текст этой главы представляет собой вариант авторского текста в коллективной монографии: Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский и Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012. Заинтересованного читателя отсылаем к этой книге.

437. Гэлбрэйт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

438. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

быть?» Э. Фромма (1976)[439] или же «Квоту, или Сторонники изобилия» Веркора и Коронеля (1966)[440], «Хищные вещи века» А. и Б. Стругацких (1965)[441].

Современный отечественный опыт также свидетельствует о том, что безусловно прогрессивный переход от казарменного полуголодного социализма с постоянным «дефицитом» всего и вся к рыночной экономике принес не только переполненные товаром магазины, заполненные иномарками улицы, возможность путешествовать по всему миру и обучать детей в Оксфорде или Гарварде, но и значительные негативные последствия: беспрецедентный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством населения (что отражается динамикой соответствующих экономических показателей - децильного коэффициента и индекса Джини); господство масскульта; призыв «обогащайтесь!» и воцарившаяся мораль «все на продажу» и «деньги не пахнут» с закономерным возрастанием девиантных проявлений - преступности, коррупции, алкоголизации, наркотизации, торговли людьми, суицида.

Экономическим и социальным последствиям становления и развития «общества потребления» посвящено немало исследований[442]. Влияние консюмеризма (потребительства) на уровень и динамику преступности просматривается в криминологической литературе[443]. Ниже предлагаются некоторые суждения об особенностях различных девиантных проявлений, включая преступность, в обществе потребления.

---

439. Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2000.

440. Веркор, Коронель. Квота, или Сторонники изобилия. М.: Правда, 1984.

441. Стругацкий А., Стругацкий Б. Хищные вещи века. М., 1965.

442. Ильин В.И. Поведение потребителей. СПб, 2000; Он же. Потребление как дискурс. СПб: Интерсоцис, 2008; Рощина Я.М. Социология потребления. М.: ГУ ВШЭ, 2007; Bauman Z. Work, Consumerism and the New Poor. Buckingham: Open University Press, 2001; Bauman Z. Consuming Life. Cambridge: Polity, 2007; Corrigan P. The Sociology of Consumption. SAGE, 1997.

443. Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing, 2008; Hall S., Winlow S., Ancrum C. Criminal Identities and Consumer Culture. Crime, exclusion and the new culture of narcissism. Willan Publishing, 2008; Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE, 2007.

Основные понятия

Происхождение термина «общество потребления» связывают с именами Э. Фромма, Дж. Гэлбрейта (в варианте «общество изобилия»), Ж. Бодрийяра (с его книгой «La Société de consummation», 1970). Имеется, как всегда, множество определений и интерпретаций этого понятия.

Во всяком случае, «общество потребления» такой же релятивный, искусственный социальный *конструкт,* как и большинство порождений любого общества – преступность, наркотизм, коррупция, социализм, коммунизм, христианство, буддизм, протестантизм, «социалистический лагерь», «общество благоденствия», и т.д.[444]. Но, *будучи сконструирован, конструкт живет своей жизнью*, налагая множество обязательств и ограничений на членов породившего его общества.

Еще и еще раз следует подчеркнуть: когда мы говорим о «девиантности», «глобализации»[445], «обществе потребления», «исключенности / включенности» (inclusion / exclusion), и т.д. - речь идет об относительных социальных конструктах, характеризующих исследуемые явления/процессы «здесь и сейчас».

То, что расценивается как *«отклонение» (девиация)* в одном обществе в определенное время, не является таковым («норма») в другом или в другое время. Очевидно, что процессы *«глобализации»* начались давно, может быть, со времен «великих географических открытий», что взаимодействие и взаимопроникновение народов и культур, их смешение происходит на протяжении всей истории человечества. Но только в XX веке *«глобализация»* приобрела характер качественно нового феномена, благодаря интернационализации (транснационализации) экономики, финансов, производства, новейшим средствам связи (от современной авиации до «всемирной паутины»). *Консюмеризм* имел место и в эпоху позднего Рима, и в Италии эпохи Возрождения. Но «общество потребления» как качественно

444. Подробнее см.: Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб: ДЕАН, 2011.

445. См.: Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006.

новая «общественная формация» сформировалось только во второй половине XX столетия, после преодоления основных разрушительных последствий Второй мировой войны. *«Включенные» (included) и «исключенные» (excluded)* были всегда (начиная с изгнанных из первобытных сообществ, отлученных церковью, индийских «неприкасаемых» и т.п.). Но процессы включения / исключения стали основным структурообразующим общество фактором лишь со второй половины (последней трети) того же XX столетия[446].

Одно из определений *общества потребления* – «это совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком»[447].

Общество потребления обычно рассматривается как фаза (стадия) развития капитализма.

Основные особенности общества потребления сводятся к нижеследующему[448]:

‹ Растущее *изобилие* (в развитых странах) как основа формирования общества потребления.

‹ Потребление становится экономической потребностью, а *идентичность* индивидов основывается на их деятельности как потребителей. «Потребление… превращается в инструмент конструирования социальной идентичности» (В. Ильин).

‹ Сокращается продолжительность рабочего времени, возрастает время потребления (включая отдых и досуг).

‹ Растут потребительские настроения, повышается удельный вес предметов роскоши (и «прибамбасов»)[449].

‹ *Эстетизация* повседневной жизни (вплоть до ее «гламуризации»). «Разве я этого не заслуживаю?» - рекламный вопрос по поводу очередного гламурного «прибамбаса».

‹ Основная оценка индивида по тому, что́ он потребля-

---

446. Подробнее см.: Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006 (особенно глава III «Инклюзия и эксклюзия», с. 34-51).

447. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб: Интерсоцис, 2008. С. 109.

448. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. С.345; Ильин В.И. Потребление как дискурс. Указ. соч.; Ильин В. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. СПб: Интерсоцис, 2007.

449. См.: Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А. Индекс потребительских настроений. М.: НИСП, 2005.

ет. Отсюда – *престижное потребление.* Приобретение «позиционных товаров» как показателей принадлежности к определенной статусной группе.

‹ Различия потребления отчасти приходят на смену классовым, гендерным, расовым различиям.

‹ Потребители приобретают власть и авторитет за счет производителей (рабочих, инженеров, врачей, учителей, ученых и др.).

‹ Рынок распространяется на все сферы жизни (от сексуальной до «шоппинга»).

‹ Общество потребления сопровождается процессами включения/исключения *(inclusion/exclusion)*, когда исключенные становятся «недопотребителями», а «недопотребители» исключаются из активной экономической, социальной, политической, культуральной жизни. Исключенные (*excluded)* составляют основную социальную базу различных девиантных проявлений[450].

‹ Безгранично «потребляется» природа. Сверхпотребление природных ресурсов порождает многочисленные *очаговые* экологические кризисы и катастрофы, интегрирующиеся в *глобальный* экологический кризис.

‹ «Общество потребления порождает небывалое напряжение в отношениях людей и природы» (В. Ильин). Криминологическая *Strain theory («теория напряжения»)* Р. Мертона в действии[451].

Девиантогенность общества потребления

Оговоримся: *каждое* общество – «девиантогенно» постольку, поскольку порождает вообще все позитивные и негативные социальные феномены, наряду с конформными («нормальными»). Нас же интересует некоторая *специфика* девиантогенности исследуемого общественного типа[452].

---

450. Гилинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6.

451. См.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С.138-140.

452. См. также: Hall S., Winlow S., Ancrum C. Criminal Identities and Consumer Culture. Crime, exclusion and the new culture of narcissism. Willan Publishing, 2008.

При этом думается, что девиантогенность богатого общества все же лучше, чем нищего.

Представляется, что в основе генезиса и специфики девиантности современного общества лежат три взаимосвязанных процесса: *глобализация, инклюзия/эксклюзия (inclusion/exclusion) и консюмеризм.*

О влиянии глобализации на девиантность нам уже приходилось высказываться[453]. Остановимся подробнее на включении/исключении. Экономическая, социальная, политическая значимость этих процессов весьма велика, а в отечественной науке им не уделяется, как мне представляется, достаточного внимания[454].

Напомню, одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» *(inclusive/exclusi*ve). Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а объективного социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей[455]. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может, в конечном счете, породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»[456].

Процессы глобализации конца XX века – начала XXI века лишь обострили проблему принципиального и устойчивого

---

453. Гилинский Я.И. Девиантность в условиях глобализации. В: Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии. М.: ИСРАН, 2005; Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006.

454. И не только в отечественной: о «бросающемся в глаза пренебрежении к указанному различению инклюзия / эксклюзия в социологической теории» пишет Н. Луман («Дифференциация», с. 42).

455. Подробнее об этом – в главе 6.

456. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

(более того, увеличивающегося) экономического и социального неравенства, как стран, так и различных страт, групп («классов») внутри них.

С одной стороны, «появляется новый глобальный класс», «глобальные граждане», имеющие возможность иметь замок в Шотландии, частный остров в Карибском море[457]. С другой стороны, те, кто живет в трущобах. «Это две стороны одной монеты, две крайности нового классового водораздела»[458].

С. Жижек называет несколько антагонизмов современного общества. При этом «противостояние исключенных и включенных является ключевым»[459]. В другой своей работе, посвященной насилию, С. Жижек утверждает: «В этой оппозиции между теми, кто «внутри», последними людьми, живущими в стерильных закрытых сообществах, и теми, кто «снаружи», постепенно растворяются старые добрые средние классы»[460]. Происходит раскол общества на две неравные части: «включенное» меньшинство и «исключенное» большинство.

Процесс *«inclusion/exclusion»* приобретает глобальный характер.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается в одной из книг З. Баумана. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов[461]. И в условиях глобализации, беспримерной поляризацией на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда» (это перекликается с вышеприведенным высказыванием Н. Моисеева: «Теперь отсталые страны «отстали навсегда»»).

Вместе с тем, с точки зрения Н. Лумана, *«эксклюзия интегрирует гораздо сильнее, чем инклюзия… Следовательно, общество… в самом нижнем слое интегрировано сильнее,*

457. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования. Указ. соч. С.147.

458. Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. С. 6.

459. Жижек. Там же. С.7.

460. Жижек. Там же. С. 342.

461. Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. С.27.

чем в верхних слоях»[462]. Думается, это важно учитывать при оценке как девиантных проявлений, так и иных социальных феноменов. Не есть ли, в частности, революционные события последних лет в арабском мире проявление интеграции «исключенных»? А движение «оккупируй Уолл-Стрит» (с сентября 2011 г.) в развитых, «включенных» странах «золотого миллиарда» - США, Великобритании, Канаде, Германии, Франции?

Совершенно очевидны социальные следствия процесса «включения / исключения». *Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.).* Так, «отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным, лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией»[463]. «Исключенность» как основа терроризма была показана нами ранее[464].

Между тем по различным данным, сегодня в России не менее 50-80% населения – «исключенные»[465]. А недавно в СМИ появилась их новая (по-моему, не очень удачная) характеристика – «гетто». У находящихся в нем людей отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжелой жизненной ситуации[466].

Экономика

Конечно, в основе «общества потребления» («общества изобилия», «общества благоденствия») лежат успехи эко-

462. Луман Н. Дифференциация. С.45-46.

463. Погам С. Указ. соч. С.150.

464. Гилинский Я.И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. №5. 2003. С.66-70

465 Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал, 2000. №3-4; Гилинский Я. Исключенные навсегда. URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Gilinsky-Iskluchennye_navsegda.pdf ; URL: http://crimpravo.ru/blog/1044.html. (дата обращения: 21.08.2011).

466. Независимая Газета, 06.04.2011.

номического развития ведущих капиталистических стран после Второй мировой войны. Но наряду с «чисто экономическими» негативными последствиями развития капитализма – периодическими экономическими кризисами, возникают некоторые новые проблемы (имеющие, впрочем, давние корни), таящие повышенный девиантогенный (включая криминогенный) эффект. Имеется в виду, прежде всего, углубляющееся экономическое неравенство между странами и социальных страт внутри каждой страны, а также расцвет «теневой экономики» («серой экономики», «неформальной экономики», «второй экономики», «скрытой экономики», «подпольной экономики»). «Теневая экономика – это разветвленная, всепроникающая и всеобъемлющая система взаимосвязанных экономических отношений, которые имеют место вне рамок действующих законов и недоступны прямому и регулярному статистическому учету и налоговому контролю»[467].

Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении.

Авторская позиция по поводу девиантогенного и криминогенного значения социально-экономического неравенства отражена во многих работах[468]. Что касается «теневой экономики», то об этом лучше читать экономистов[469].

---

467. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория, анализ, модели. М.: РГГУ, 2008. С.33.

468. Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С. 182-200; Он же. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова) // Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб: Наука, 2009. С.169-188; и др. См. также: Ольков С.Г. Аналитическая криминология. Казань: Познание, 2007; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005.

469. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2004; Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб: ГУЭИФ, 2006; Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000; Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. М.: Норма, 2006; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999; Теневая экономика – 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности М., 2008; и др.

Значительная часть «теневой экономики» - криминальна, а ее акторы – девианты, но наиболее опасные ее проявления – организованная преступность, включая торговлю наркотиками, оружием, людьми, и коррупция. «Можно сказать вполне решительно и определенно: коррупция и теневая экономическая деятельность в России – два имени единого явления, и рассматривать их следует только вместе, в их взаимной обусловленности и функциональном взаимодействии»[470].

Если «цена» человека определяется стоимостью потребляемого, а государство платит «бюджетникам» по принципу «кормления» («остальное сами доберете» - воровством или взятками), то «максимизирующий свое благосостояние индивид распределяет свое время между криминальной деятельностью и деятельностью в рамках закона»[471].

Понятно также, что если мерилом человека (личности, индивидуальности) служит количество и качество потребляемого им, то экономика начинает работать на удовлетворение все возрастающих и не знающих границ «потребностей» тех, кому удалось (посчастливилось) попасть в число «включенных». Исключенные же не интересуют экономику, не их неудовлетворенными элементарными потребностями она движется. Не случайно стало печально знаменитым чистосердечное высказывание одного из представителей российского крупного бизнеса: «У кого нет миллиарда, могут идти в ж...». Разумеется, подразумевался миллиард долларов (евро), а отнюдь не рублей... Столь откровенное высказывание невозможно в мире политкорректности, но это не меняет сущности современного этапа развития международного капитала, мировой экономики.

В опубликованной на русском языке статье немецкий криминолог Ф. Зак, критикуя современный капиталистический мир, с его индивидуализмом, бесперспективностью для «исключенных», не имеющих даже шансов принадлежать «резервной армии индустриального труда», пишет: «Примат экономики губителен для общества в целом и

470. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Указ. соч. С.28.

471. Калягин Г.В. Экономический анализ криминального поведения // Экономическая школа. Аналитическое приложение. 2006, №3. С. 95.

криминологии в частности… В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения… Чем больше социальная среда перерождается в экономическую, тем более она поражена преступностью»[472].

Последние годы все очевиднее раскол мирового сообщества и локальных (национальных) обществ на тех, кому все можно и доступно и тех, кому почти все нельзя и ничего не доступно. Девиантологические и криминологические последствия этого достаточно предсказуемы.

И. Валлерстайн полагает, что в наступившем столетии мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли[473]. В другой работе он приходит к убеждению, что капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис[474]. Это могло бы порадовать приверженцев коммунистической доктрины, но история показала, что и социализм / коммунизм – не реальная (и не лучшая) альтернатива капитализму. Тем более что история развивается по своим собственным законам, не считаясь с той или иной идеологией. Может быть – «оба хуже»?[475]

В «Размышлениях в красном цвете» (явный намек на коммунистическую доктрину)[476], Жижек демонстрирует фактически завершенный раскол мира на два полюса: «новый глобальный класс» - замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы» (с.6) и – большинство «исключенных», не имеющих

472. Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике//Уголовное право, 1999, №1. С.92-105.

473. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

474. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000, Vol.15, N3.

475. Гилинский Я. Оба хуже! URL: http://crimpravo.ru/blog/1315.html#cut (дата обращения: 12.12.2011).

476. Жижек С. Размышления в красном цвете Указ. соч. См. также: Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008.

никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

При этом оба мира неразрывно связаны между собой. Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами»: «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной экономики: грязная вода на самом деле составляет «кровеносную систему» здорового ребенка» (с.19). Поэтому (и не только) - «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет» (с.21).

В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли» (с.8).

Политика

Теневая экономика не может не вовлекать в свою орбиту политику. Происходит сращивание теневой экономики и теневой политики, образуя теневую реальность, теневую действительность, невольными участниками (и жертвами) которой оказываются все граждане страны[477]. «Развитие теневой экономики создает угрозу стабильности таких фундаментальных институтов, как государство, правовая система, система общественной морали… В сфере внелегальных экономических связей… возникает и укрепляется некое теневое парагосударство – со своими «законами», со своей иерархией власти, со своей системой безопасности»[478].

Отсюда – коррупционные сети на высшем государственном уровне[479], управляемые суды, коррумпированные «правоохранительные» органы, политические убийства, выборы без выбора.

Политическая жизнь и политические скандалы Италии,

477. См.: Барсукова С.Ю. Сращивание теневой экономики и теневой политики (на примере финансирования избирательных кампаний и деятельности политических партий) // Теневая экономика - 2007. Указ. соч. С. 82-112.

478. Теневая экономика – 2007. Указ. соч. С.12.

479. Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ. М.: Фонд ИНДЕМ, 2002; Диагностика Российской коррупции / ред. Г. Сатаров. М.: Фонд ИНДЕМ, 2006.

Франции, Великобритании – стран «включенных», входящих в «золотой миллиард», конечно не столь катастрофичны, как ситуация российская, венесуэльская, ряда арабских государств и стран Юго-Восточной Азии. Но консюмеризм, возможно, оказывает всеобщее разрушающее воздействие на политику. И – политиков. Отсюда яхта за яхтой, дворец за дворцом, часы от *A Lange and Sohne, Alain Silberstein, Audemars Piguet, Blancpain, Breguet, Franck Muller, JLC, Parmigiani, Patek Phillipe, Ulysse Nardin, Vacheron Constantin*... Эта тема выходит за рамки предлагаемого текста и, кажется, не получила еще достаточного осмысления (или оно не известно автору этих строк).

Впрочем, декабрьские (2011 г.) события в Москве, Санкт-Петербурге и других городах, выведшие на городские площади десятки тысяч людей, кажется, свидетельствуют о том, что консюмеризм власть имущих стал несколько раздражать электорат...

Быт

Если теневая экономика и теневая политика находятся в «тени» ежедневного массового наблюдения и поведения, то бытовые проявления негативных сторон общества потребления у всех на виду. И хотя теневые экономика и политика наиболее опасны, гнев населения обрушивается на повседневные, бытовые следствия консюмеризма. В мире, где «все на продажу» и «деньги решают все», погоня за деньгами нередко не знает границ, ни правовых, ни моральных. Как сказала двадцатилетняя девушка-крупье, присвоившая в сговоре с клиентом около двух миллионов рублей, когда ее поймали и стали стыдить: «Стыдно? Да я за деньги мать родную убью!»[480]. И убивают – родителей, стариков-пенсионеров, жен и мужей, конкурентов[481]. И воруют, и грабят, и разрабатывают хитроумные операции по обману «лохов» - нас, законопослушных членов общества.

480. Гилинский Я. Игорная зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М.: ИС РАН, 2007. С.89.

481. 09.10.2009 было сообщение по радио, что в Великобритании десятилетняя девочка выставила в Интернете на продажу свою бабушку. У моих студентов возник единственный вопрос: «По какой цене?».

Престижное потребление, погоня за модой, гламурный мир, создаваемый рекламой и СМИ, подтачивают элементарную мораль совместного проживания и общения людей, способствуя распространению различных девиантных проявлений, включая преступность.

Секс становится видом потребления с целью развлечения. Другим видом «отдыха» и развлечения является шоппинг. Он не столь безобиден, как кажется, и может привести к мало известному широкой публике заболеванию - ониомании (шопоголизму) — непреодолимому желанию что-либо купить, независимо от реальной на то необходимости. По данным исследований, шопоголизму подвержены примерно 10-12 процентов европейцев, из них 90 процентов — женщины. Проблема начинает зарождаться в юном возрасте — около 16-17 лет, а в острую фазу переходит примерно к 30[482].

Если вышесказанное наблюдается во всех «обществах потребления», то для России негативные его последствия проявляются особенно остро. Это связано с тем, что можно назвать *бурной реакцией на отложенный спрос.* В СССР для подавляющего большинства жителей были недоступны естественные для развитых стран продукты питания и промышленные товары, зарубежные путешествия (не считая групповых туров по разрешению комиссии РК КПСС, с легальным обменом на валюту от 30 до 100 руб. и с руководителем – гласным или негласным сотрудником КГБ), обучение и работа за рубежом. С переходом к рыночной экономике и появлению максимума возможного при минимуме возможностей (для значительного большинства населения), консюмеризм стал проявляться в самых диких и нецивилизованных формах, включая преступное завладение деньгами и ценностями. Помимо «обыкновенного» воровства, грабежей и разбоя – тотальная коррупция, хищения «в особо крупных размерах», корыстные должностные преступления, заказные убийства, как метод конкурентной борьбы, «рейдерские захваты», развитие организованной

482. URL: http://www.medpulse.ru/health/prophylaxis/diagnostics/10982.html (дата обращения: 15.10.2011).

преступности, как бизнеса и ее слияние с легальным бизнесом и властными структурами.

И все же, во избежание неправильного понимания вышеизложенного, повторюсь: общество потребления со всеми его пороками (а) объективный результат развития человечества и (б) намного лучше общества нищеты и тотального «дефицита».

Девиантные проявления в обществе потребления (краткий обзор)

Преступность

Имеется несколько показателей, свидетельствующих о динамике определенных видов преступности по мере становления и развития в России общества потребления.

Одним из таких показателей служит нарастающий рост заказных убийств на экономической почве, отслеживаемый Агентством Федеральных Расследований (1990-2008 гг.)[483].

Другой показатель – динамика *грабежей и разбоев* (в связи с очень высокой латентностью краж рассмотрение их официальной динамики нецелесообразно). Данные табл. 16-1 достаточно характерны: уровень (на 100 тыс. населения) грабежей в 1987 г. – 21,0, в 2006 – 250,3, рост за 20 лет почти в 12 раз; уровень разбойных нападений в 1987 г. – 3,9, в 2006 г. – 41,9, рост за те же годы в 10,7 раза. Сведения за 2007-2010 г., хотя и показывают снижение этих показателей, но вызывают серьезные сомнения у криминологов (профессора М.М. Бабаев, С.М. Иншаков, В.В. Лунеев, В.С. Овчинский, Я.И. Гилинский и др.) в связи с растущей латентностью за счет сокрытия преступлений от регистрации (так называемая, «искусственная латентность»)[484]. Правда, не исключена новая, пока еще мало понимаемая мировая тенденция сокращения уровня различных преступлений с конца прошлого – начала нынешнего столетия.

483. URL: http://www.flb.ru/subview/82/ (дата обращения: 14.08.11).

484. См., например: Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити, 2007; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити, 2011.

Хорошим показателем мог бы быть тренд экономической преступности. Но в силу очень высокой латентности и зависимости как от постоянного изменения законодательства, так и от правоприменительной практики данные о зарегистрированных преступлениях в сфере экономической деятельности демонстрируют скорее снижение их количества. Пожалуй, редким исключением является рост зарегистрированных случаев отмывания денежных средств, приобретенных в результате совершения преступлений (рост со 132 в 2003 г. до 8670 в 2007 г.), незаконного использования товарного знака (с 303 в 2002 г. до 924 в 2007 г.) и контрабанды (с 3498 в 2002 г. до 6983 в 2007 г.)[485].

Организованная преступность

Организованная преступность бурно развивается и меняет свой облик, сращиваясь с легальным бизнесом и властными структурами[486]. Это – одно из важнейших и наиболее опасных следствий торжества консюмеризма (и не только) в стране. Подробнее об этом говорилось в §5 главы 7.

Российский *наркобизнес* успешно вписался в мировой под «крышей» полиции (низовой уровень), Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) и ФСБ (верхний уровень)[487].

Хотя официальные данные о торговле людьми (ст. 127-1 УК РФ) невелики (от 17 зарегистрированных случаев в 2004 г. до 104-106 в 2006-2007 гг.), однако по результатам сравнительного мирового исследования Россия входит в тройку стран, занимающих первые места по этому виду преступле-

---

485. Преступность, криминология, криминологическая защита / ред. А. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2007; Экстремизм и другие криминальные явления / ред. А. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008.

486. Авторская позиция представлена в: Криминология (2009). Указ. соч. С.263-292; а также: Гилинский Я., Костюковский Я. Организованная преступность: понятие, история, деятельность, тенденции // Частная криминология / ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С.362-402.

487. Об одном из последних подобных казусов см.: Милашина Е. Кто хозяин наркоты? // Новая Газета, 28.11.2011. С.12-13.

ний: Россия, Украина, Нигерия[488]. По данным российских исследователей, Россия также занимает одно из первых мест в списке стран, занимающихся торговлей людьми[489].

Нелегальная *торговля оружием* приобретает характер государственно-криминального бизнеса.

Не брезгует организованная преступность и традиционными видами деятельности: кража и перепродажа автомобилей, «крышевание» мелкого бизнеса и сексиндустрии (в конкуренции с «ментовскими» крышами, которые вытесняют бандитские).

Алкоголизация населения

Пьянство – старое российское зло – в обществе потребления превратилось в символ достатка и моды («престижное потребление»): от немецкого или чешского пива для молодежи до французского коньяка и шотландского виски для «Middle class» и «элиты». Как уже говорилось, Россия с середины 90-х годов минувшего века вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя (свыше 15 л абсолютного алкоголя в год), опередив традиционных лидеров – винодельческую Францию и Испанию. К 2010 г. душевое потребление достигло катастрофических 18 л абсолютного алкоголя.

При этом структура потребления самая неблагоприятная – водка и другие крепкие напитки, включая самогон.

Следует напомнить, что совершение тяжких насильственных преступлений в большинстве случаев происходит в состоянии алкогольного опьянения: убийства – 60-65%, причинение тяжкого вреда здоровью – 51-63%, изнасилование – 60-67%[490].

---

488. Кангаспунта К. Отображение ситуации, касающейся торговли людьми: предварительные выводы анализа базы данных о торговле людьми // Форум по проблемам преступности и общества. 2003. Т.3, №№1-2. С.91-114.

489. Ерохина Л., Буряк М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003. С.36-42.

490. Преступность и правонарушения (2004-2008) Статистический сборник. М.: МВД РФ, 2009.

Наркотизация населения

Потребление наркотиков и психотропных веществ, строго говоря, не входит в арсенал потребительства (это не гламурно), но является следствием исключенности, как одного из порождений общества потребления, и процветающего наркобизнеса. Аутсайдеры, маргиналы, исключенные, оказавшись на обочине общественной жизни, за рамками официальной структуры общества (или в самом ее низу), ищут утешение в алкоголе, наркотиках или добровольно уходят из жизни (суицид).

По Р. Мертону, это – ретретистское поведение и результат «двойной неудачи» (первая неудача - самоутвердиться, «включиться» посредством активной легальной деятельности и вторая неудача - самоутвердиться, самореализоваться путем нелегальной, криминальной активности).

Проституция

Растет добровольная и принудительная (в результате торговли людьми) продажность в сфере сексуальных услуг и, что характерно для общества потребления – проституирование политиков, журналистов, писателей, деятелей искусства, науки, спортсменов. За многочисленными примерами из жизни отечественной «элиты» не надо далеко ходить. Представители киноискусства, журналистики, театральные деятели, мастера шоу-бизнеса не стесняются продаваться и перепродаваться за реальные или мнимые материальные блага. Так, «взрослые многоопытные мужчины, годные к многоразовому использованию, продаются вместе с биографиями, галстуками, пиджаками, оптом и в розницу, на вес. Не отходя от кормушки и не прекращая полемики»[491]…

Самоубийство

Уровень (в расчете на 100 тыс. населения) и динамика самоубийств лишь косвенно отражают потребительские ин-

491. Мильштейн И. «Шестерка» в рукаве // Новая Газета. 29.08.2011, с.11.

тенции населения: «исключенные» чувствуют себя все более обездоленными и, наряду с «уходом» в алкоголь и наркотики, могут решиться на тотальный уход из жизни. Некоторая динамика завершенного суицида в России была представлена в главе 12. При этом, во-первых, следует учитывать неполноту регистрации и публикаций соответствующих данных. Во-вторых, динамика суицида испытывает двойственное воздействие консюмеризма: с одной стороны, растущее благосостояние и возможности им воспользоваться все же возрастают, нейтрализуя суицидальное поведение, с другой стороны, исключенность особенно остро чувствуется на фоне якобы «всеобщего» благополучия. В-третьих, все познается в сравнении.

При всех временных колебаниях Россия в течение многих лет занимает одно из первых мест в мире по уровню завершенного суицида.

По сведениям ВОЗ, уровень самоубийств 20 (на 100 тыс. населения) считается критическим, в России этот показатель устойчиво выше.

Позитивные девиации

Конечно, общество потребления предъявляет повышенный спрос и на творцов – позитивных «девиантов». Консюмеризм, сверхпотребительство может удовлетворяться и в результате творческой активности («Инстинкт мастерства», по Т. Веблену). «Творческие люди ценятся. Это не исключает возможности забрасывания камнями или поливания грязью в случае определения их большинством как разрушителей устоев»[492]. Но это - тема специального исследования. Кроме того, как свидетельствует печальный российский опыт последнего десятилетия, наиболее одаренные, творческие, энергичные люди предпочитают самоутверждаться и самореализоваться за рубежом, нежели биться головой о родные бюрократические стены.

492. Ильин В.И. Потребление как дискурс. Указ. соч. С.129.

Табл. 16-1. Динамика грабежей и разбойных нападений (Россия, 1985-2010)*

Годы	Грабежи		Разбойные нападения	
	Абсол. кол--во	Уровень	Абсол. кол--во	Уровень
1985	42 794	29,9	8 264	5,8
1986	31 441	21,8	6 018	4,2
1987	30 441	21,0	5 656	3,9
1988	43 822	29,9	8 118	5,5
1989	75 220	51,0	14 551	9,9
1990	83 306	56,3	16 514	11,2
1991	101 956	68,8	18 311	12,4
1992	164 895	110,9	30 407	20,4
1993	184 410	124,3	40 180	27,0
1994	148 546	100,4	37 904	25,6
1995	140 597	95,0	37 651	25,5
1996	121 356	82,2	34 584	23,4
1997	112 051	76,2	34 318	23,3
1998	122 366	83,4	38 513	26,2
1999	138 973	95,0	41 138	28,1
2000	132 243	91,0	39 437	27,1
2001	148 814	102,5	44 806	30,9
2002	167 267	116,5	47 052	32,8
2003	198 036	138,4	48 673	34,0
2004	251433	174,4	55 448	38,5
2005	344 440	240,1	63 671	44,4
2006	357 302	250,3	59 763	41,9
2007	295 071	207,5	45 318	31,9
2008	243957	171,8	35 366	24,9
2009	205379	144,8	30085	21,2
2010	164547	116,7	24537	17,4

* Ежегодники «Преступность и правонарушения. Статистический сборник». М.: МВД РФ, МЮ РФ, 1985 - .

Социальный контроль

С изменениями динамики и структуры преступности и иных девиантных проявлений меняется и социальный контроль над ними.

Во-первых, официальный социальный контроль, в частности, со стороны полиции и юстиции не поспевает за растущей преступностью[493]. Нарастает «кризис наказания». Неэффективность традиционных мер социального контроля над преступностью, включая наказание и, прежде всего, лишение свободы, достаточно осознается мировой криминологией. С каждым годом растет количество публикаций на эту тему. Основная проблема – каковы современные альтернативы традиционному наказанию, и каковы пути совершенствования мер превенции преступлений.

Во-вторых, общественное сознание – прежде всего, нарождающегося среднего класса - под воздействием растущей преступности, алкоголизации и наркотизации населения, а также призывов популистских политиков и СМИ становится все более репрессивным, на что официальные государственные органы с радостью отвечают усилением репрессивности правоприменения[494].

В-третьих, «система массового потребительского кредита превращается в основу новой формы социального контроля, которая оказывается эффективнее репрессивных инструментов. Когда дом, автомобиль, мебель и т.д. приобретены в кредит, благополучие семьи очень жестко зависит от рабочего места… Всем есть что терять, кроме цепей. И система массового кредита делает риск потери особенно чувствительным»[495].

493. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005. С. 65 и след.

494. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб, 2006; Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008; Познер Р. Экономический анализ права. В 2-х томах. СПб, 2004; Tak P., Jendly M. (Eds.) Prison Policy and Prisoner's Rights. Nijmegen: Wolf Legal Publishers, 2008; Walmsley R. World Prison Population List // Home Office. Finding 166. 2002; Walmsley R. Further Developments in the Prison Systems of Central and Eastern Europe. Achievements, Problems and Objectives. Helsinki: HEUNI 2003.

495. Ильин В.И. Потребление как дискурс. Указ. соч. С. 113-114.

В-четвертых, наряду с глобализацией различных проявлений негативной девиантности происходит глобализация социального контроля (международно-правовые акты, регулирующие реакцию обществ и государств на те или иные виды девиантности, соответствующие межгосударственные договоры, в частности, - об экстрадиции, формирование международных организаций по контролю над преступностью – Интерпол, Европол и др.)[496].

496. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006. С.10-11, 315-343.

ЧАСТЬ IV. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ДЕВИАНТНОСТЬЮ

В этой части будут рассмотрены вопросы, связанные с отношением общества к девиантным проявлениям и реакцией на них. Возможно, это самая главная проблема девиантологии или, по крайней мере, наиболее важная в практическом отношении: что дают наши знания о девиантности для контроля над ней? Каковы возможности общества, государства, средств массовой информации по контролю над девиантным поведением? И вообще, согласно традиционному российскому вопросу, - что делать?

Глава 17. Понятие социального контроля

Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля.

Никлас Луман

Тема социального контроля неразрывно связана с девиантностью, девиантным поведением, хотя имеет более широкое, социологическое значение.

Возможно, что стремление к порядку является врожденным для человека. Во всяком случае, все научные, философские, религиозные построения направлены на раскрытие закономерностей (= порядка!) Мира или привнесение Порядка в Хаос Бытия. В широком, общенаучном смысле порядок есть определенность, закономерность расположения элементов системы и их взаимодействия друг с другом. Применительно к обществу под порядком понимается определенность, закономерность структурирования общества и взаимодействия его элементов (сообществ, классов, групп, институтов).

Социальный контроль – механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего – девиантного поведения.

Но это слишком общее определение, нуждающееся в комментариях.

Один из основных вопросов социологии: как и почему возможно существование и сохранения общества? Почему оно не распадается под воздействием борьбы различных, в том числе – антагонистических, интересов классов, групп?[1] Проблема порядка и социального контроля обсуждалась всеми теоретиками социологии от О. Конта, Г. Спенсера, К.

1. Тернер Дж. Структура социологической теории. Указ. соч. С. 27,70.

Маркса, Э. Дюркгейма до П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Лумана и др.

Так, *О. Конт* (1798-1857) полагал, что общество связывается «всеобщим согласием» *(consensus omnium).* Один из двух основных разделов социологии – социальная статика (другой – социальная динамика) – представляет собой, по Конту, теорию общественного порядка, гармонии. И основные социальные институты (семья, государство, религия) рассматривались ученым с точки зрения их роли в интеграции общества. Иначе говоря, как институты социального контроля. Так, семья учит преодолевать врожденный эгоизм, а государство призвано предупреждать «коренное расхождение» людей в идеях, чувствах и интересах[2].

Г. Спенсер (1820-1903), также стоявший у истоков социологии и придерживавшийся организмических представлений об обществе, считал, что общественному организму присущи три системы органов: поддерживающая (производство), распределительная и регулятивная. Последняя как раз и обеспечивает подчинение составных частей (элементов) общества целому, т.е. выполняет по существу функции социального контроля. Будучи эволюционистом, Г. Спенсер осуждает революцию как противоестественное нарушение порядка[3].

Исходным для социологии *Э. Дюркгейма* (1858-1917) является понятие социальной солидарности. Классификация связанных с солидарностью понятий дуальна («двойственна»). Существуют два типа социальности: *простая,* основанная на кровном родстве, *и сложная*, основанная на специализации функций, возникшей в процессе разделения общественного труда. Для простой социальности характерна механическая солидарность однородной группы, для сложной – *органическая солидарность*. Для поддержания механической солидарности достаточно *репрессивного права,* предусматривающего жестокое наказание нарушителей. Органической солидарности должно быть присуще реституитивное («восстановительное») право, функция которого

2. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб. 1912. Вып.4.

3. Спенсер Г. Основные начала. СПб. 1887.

сводится к «простому восстановлению порядка вещей»[4]. Забегая вперед, заметим, что эта идея «восстановительного права», «восстановительной юстиции» *(restorative justice),* как альтернативы уголовной, «возмездной» юстиции *(retributive justice),* получила широкое распространение в современной зарубежной криминологии. Чем сплоченнее общество, чем выше степень социальной интеграции индивидов, тем меньше отклонений (девиаций). А неизбежные в обществе конфликты должны решаться мирным путем.

Взгляды ученого эволюционировали от примата долга и принудительности социальных норм к добровольности, личной заинтересованности индивидов в их принятии и следовании им. Истинная основа солидарности, по «позднему» Э. Дюркгейму, - не в принуждении, а в интернализованном (усвоенном индивидом) моральном долге, в чувстве уважения к общим требованиям (групповому давлению).

Начало специальных исследований социального контроля, его функций, институтов, методов связано с несколькими именами. Различные авторы по-разному решают вопрос о приоритете в этой области социологических знаний.

Несомненно крупный вклад в изучение проблем социального контроля внес *У. Самнер* (1840-1910). Уже в своих ранних работах он рассматривал процессы контроля общества над средой и принудительного давления («коллективного давления») на членов общества, обеспечивающего его сплоченность[5]. У. Самнер предложил типологию источников (средств) коллективного давления: народные обычаи, включая традиции и нравы; институты; законы. Эти три социальных механизма обеспечивают конформизм, но недостаточны для солидарности, которая сама является побочным продуктом конформизма.

Как нам уже известно, ключевым в теории *Г. Тарда* (1843-1904) – представителя психологического направления в социологии и криминологии – служит «подражание», с помощью которого ученый объяснял основные социальные процессы, характер социальных фактов, структуру

4. Sumner W. Folkways. Boston, 1906.

5. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892 (последнее издание –1999 г.).

общества и механизм его сплочения[6]. Неудивительно, что типичным социальным отношением служит отношение «учитель – ученик». Г. Тард уделял большое внимание исследованию различных форм девиантности, выявляя их статистические закономерности. Он полагал, что результаты таких исследований позволяют поставить под контроль стихийные социальные процессы. Важным фактором социального контроля является социализация личности.

Для *Э. Росса* (1866-1951) солидарность и сплоченность вторичны по отношению к социальному контролю. Именно он связывает индивидов и группы в организованное целое. Ключевое понятие концепции Э. Росса – «повиновение». Оно может выступать в двух формах: лично-неофициальное и безлично-официальное. Первое основано на согласии. Второе обеспечивается посредством контроля. Пожалуй, Россом предложена и первая классификация механизмов социального контроля: внутренний контроль - этический и внешний – политический. Для первого важны групповые цели, для второго – институционализированный аппарат средств (правовых, образовательных и др.). Подробнее Э. Росс рассматривает семью как фактор социального контроля, формирующего и внедряющего модели поведения. Интернализация (усвоение) индивидом этих моделей в качестве личных идеалов наилучшим образом обеспечивает послушание.

Р. Парк (1864-1944) выделил три формы социального контроля: элементарные санкции, общественное мнение, социальные институты. В том или ином виде эти формы контроля рассматриваются различными авторами.

Из огромного научного наследия *М. Вебера* (1864-1920) непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме имеют его конструкции трех идеальных типов господства: рационального, традиционного, харизматического[7]. Их можно рассматривать и как типы социального контроля. Сам М. Вебер полагал, что «легитимность порядка может быть гарантирована только внутренне», а именно: эффективно-эмоционально – преданностью; ценностно-рацио-

6. Ross E. Social Control. NY, 1901.

7. Weber M. Staatssoziologie. Berlin, 1966.

нально – верой в абсолютную значимость порядка как выражения непреложных ценностей; религиозно – верой в зависимость блага и спасения от сохранения порядка. Легитимность порядка может быть гарантирована и ожиданием внешних последствий, в том числе правом, принуждением. Первый тип легитимности – легальный или *формально-рациональный* основывается на интересе. Подчиняются в рациональном государстве не личностям, а установленным законам. Их реализация осуществляется бюрократией (классические примеры - современные автору буржуазные Англия, Франция, США). Второй тип – традиционный основывается на нравах, традициях, привычках, которым приписывается не только законность, но и священность. Этот тип присущ патриархальному обществу, а основные отношения – господин-слуга (классический пример – феодальные государства Западной Европы). Третий тип – харизматический (греч. charisma – божественный дар), основан на экстраординарных способностях личности – вождя, пророка (будь то Иисус Христос, Магомет, Будда или же Цезарь, Наполеон, наконец, – Гитлер, Сталин, Мао...). Если традиционный тип господства поддерживается привычным – нравами, традициями, привычками, то харизматический держится на непривычном, чрезвычайном, удивительном, сверхъестественном. Вебер рассматривал харизму как «великую революционную силу», прерывающую постепенность традиционного развития. Ему посчастливилось не дожить до харизмы Гитлера в родной стране, а также других «вождей», обладающих необычайным «даром»...

Творчество нашего соотечественника *П. Сорокина* (1889-1968), вынужденного с 1922 г. жить и работать в эмиграции, благодаря приходу к власти в России харизматических вождей, в значительной степени посвящено теме социальной регуляции поведения людей. Название и содержание его первого крупного научного труда Петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда» посвящены механизму социального контроля[8]. Существуют устойчивые формы социального поведения – «должное», «рекомендуемое», «запрещенное» и формы социальной реакции на них

8. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1913.

– негативные (кара) и позитивные (награда) санкции. В целом эти формы и составляют регулятивную субструктуру. В «Системе социологии»[9] П. Сорокин, отдавая дань проблеме социального порядка, рассматривает механизм «организованных» форм поведения. Социальные реакции на биопсихические стимулы, многократно повторяясь, складываются в привычку, а, будучи осознаны – в закон. Совокупность осознанных форм поведения в различных областях общественной жизни образует институты, совокупность последних составляет социальный порядок или организацию.

П. Сорокин придавал большое значение социальной стратификации и социальной мобильности (собственно он и ввел эти понятия в научный оборот). Отсюда – роль понятия «статус» («ранг») как совокупности прав и обязанностей, привилегий и ответственности, власти и влияния. Затрудненная вертикальная мобильность, в конце концов, приводит к революции – «перетряхиванию» социальных страт. Неестественный и насильственный характер социальных революций обусловливает их нежелательность. А лучший способ предупреждения революций – совершенствование каналов вертикальной мобильности и социального контроля.

В своем главном труде - «Социальная и культурная динамика»[10] - П. Сорокин подытоживает свое понимание социального. Его спецификой является «нематериальный» компонент: «нормы – ценности - значения». Именно наличие ценностей и норм, а также значений (без учета которых зачастую невозможно различить драку и бокс, изнасилование и добровольный сексуальный акт и т.п.) характеризует общественное бытие в отличие от неорганического и органического уровней бытия.

Проблема социального контроля существенна для *функционализма* и составляет значимую часть *теории социального действия.* По мнению ее крупнейшего представителя – *Т. Парсонса* (1902-1979), функции воспроизводства социальной структуры обеспечиваются системой верований,

9. Сорокин П. Система социологии. Пг. 1920. Т.1.

10. Выдержки из этого фундаментального четырехтомного труда см.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С.425-504.

моралью, органами социализации (семья, образование и т.п.), а нормативная ориентация в теории действия играет такую же роль, как пространство в классической механике. В «Структуре социального действия» Парсонс поднимает наиболее существенный для него вопрос: каким образом выживают социальные системы? Ответ Т. Парсонс видит в двух основных механизмах, интегрирующих личность в социальную систему: механизмы социализации и социального контроля[11] (заметим, что с нашей точки зрения, социализация есть один из механизмов социального контроля).

Механизмы социализации, по Т. Парсонсу, представляют собой средства, с помощью которых происходит усвоение (интериоризация) индивидом культурных образцов – ценностей, взглядов, языка. Механизмы социализации обеспечивают также устойчивые и надежные межличностные связи, способствующие снятию напряжения, беспокойства, усталости.

Механизмы социального контроля включают способы организации роли статуса индивидов с целью уменьшения напряженности и девиаций. К механизмам контроля относятся: институционализация (обеспечение определенности ролевых ожиданий); межличностные санкции и жесты (применяемые акторами социальных действий в целях взаимной согласованности санкций); ритуальные действия (снятие напряженности символическим путем, укрепление господствующих культурных образцов); структуры, обеспечивающие сохранение ценностей и разграничение «нормального» и «девиантного»; структуры повторной интеграции (приведение к норме тенденций к «отклонению»); институционализация системы, способной применять насилие, принуждение. В широком смысле к механизмам социального контроля (точнее, сохранения интеграции общественной системы) относится и социализация, обеспечивающая интериоризацию (усвоение) ценностей, идей, символов. Парсонс анализировал также три метода социального контроля по отношению к девиантам: изоляция от других (например, в тюрьме); обособление с частичным ограничением контактов (например, в психиатрической

11. Подробнее см.: Тернер Дж. Указ. соч. С.70-72.

больнице); реабилитация – подготовка к возвращению к «нормальной» жизни (например, с помощью психотерапии, деятельности общественных организаций типа «АА»- «анонимных алкоголиков»).

Эпоха Просвещения и XIX в. были пронизаны верой и надеждой по поводу возможности успешного социального контроля и «порядка». Надо только прислушаться к советам просветителей, мнению ученых и немножко потрудиться над приведением реальности в соответствие с Разумом...

Правда, до сих пор остаются не совсем ясными несколько вопросов:

‹ Что такое социальный «порядок», существуют ли объективные критерии его оценки? Для естественных наук – это, вероятно, уровень энтропии системы – ее (энтропии) уменьшение или не увеличение. А для социальных систем? Может быть, нам сможет помочь в ответе на этот вопрос синергетика?

‹ «Порядок» для кого? В чьих интересах? С чьей точки зрения?

‹ Возможно ли общество без «беспорядка»? Очевидно – нет. Организация и дезорганизация, «порядок» и «беспорядок» (хаос), «норма» и «девиации» - дополнительны (в боровском смысле). Напомним, *что девиации – необходимый механизм изменений, развития.*

‹ Как, какими средствами, какой ценой поддерживается «порядок» («новый порядок» А. Гитлера, гулаговский «порядок» И. Сталина, наведение «порядка» Америкой во Вьетнаме и Ираке, СССР – в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Россией – в Чечне)?

Вообще, «Порядок, скрепленный нашим культурным обучением, представляется чрезвычайно уязвимым и хрупким. Это лишь один из возможных порядков, и мы не можем быть уверены, что он самый правильный»[12].

Социальная практика XX века с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т.д., и т.п. – разрушила все иллюзии

12. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С.166.

и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Сумма преступлений, совершенных государствами – «столпами порядка», стократ превысила преступления одиночек. При этом государства – «спонсоры убийств» *(N. Kressel)* – не «раскаиваются» (может быть, за исключением Германии), а отрицают, отказываются от содеянного. S. Cohen в статье «Права человека и преступления государств: Культура отказа»[13] называет три формы такого отказа *(denial):*

- отрицание прошлого *(denial of the past)*. Так, на Западе появились публикации, объявляющие Холокост «мифом», отечественные сталинисты «мифом» называют ужас сталинских репрессий (впрочем, недавние думские события в годовщину памяти Холокоста, когда многие наши избранники отказались почтить память жертв, свидетельствуют о том, что в этом вопросе мы «догоняем» Запад...);
- буквальный отказ *(literal denial)* – по формуле «мы ничего не знаем»;
- причастный отказ *(implicatory denial)* – по формуле «да, но...». Так, большинство военных преступников под давлением фактов признают: «да, было». И тут же следует «но»: был приказ, военная необходимость и т.п.

Неудивительно, что постмодернизм в социологии конца XX в., начиная с Ж.Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями, выраженному категорически и лаконично Н. Луманом в словах, избранных эпиграфом к этой главе. И хотя вероятно, что реалистически-скептический постмодернизм – как реакция на иллюзии прекраснодушного Просвещения - является столь же односторонним, сколь само Просвещение, однако некоторые соображения общенаучного характера (в частности, закон возрастания энтропии в системе) склоняют нас на сторону постмодернизма. «Победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать

13. Cohen S. Human Rights and Crimes of the State: the Cultural of Denial. In: Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996, pp.489-507.

искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»[14].

Это не исключает, разумеется, возможности и необходимости систем, прежде всего – биологических и социальных, противостоять дезорганизующим энтропийным процессам. Как писал отец кибернетики Н. Винер, «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы... Мы должны бежать со всей быстротой, на которую только способны, чтобы остаться на том месте, где однажды остановились»[15].

Большинство из нас сражается за жизнь до конца, зная его неизбежность и сохраняя мужество (или не очень...) «вопреки» неизбежному (А. Мальро), и «по ту сторону отчаянья» (Ж.-П. Сартр). Но это не отменяет конечного результата. Каждое общество также рано или поздно прекращает свое существование (часто ли мы сегодня вспоминаем Лидию и Халдею, Вавилон и Ассирию, империю шумеров и цивилизацию инков?). Это не должно служить препятствием к стараниям самосохраниться путем организации и поддержания «порядка» и сокращения хаотизирующих процессов, включая негативное девиантное поведение. Не надо только забывать, что организация и дезорганизация неразрывно связаны, одно не может быть без другого, а девиации не только «вредны», но и «полезны» с точки зрения выживания и развития системы.

Итак, проблема социального контроля есть в значительной степени проблема социального порядка, сохранности общества как целого.

Существует различное понимание социального контроля. В начале главы мы привели наиболее общее его определение. В более узком смысле слова, социальный контроль представляет собой *совокупность средств и методов воздей-*

---

14. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С.192, 193.

15. Винер Н. Я – математик. М.: Наука, 1967. С.311.

ствия общества на нежелательные формы девиантного поведения с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации.

Социальными регуляторами человеческого поведения служат выработанные обществом ценности (как выражение отношения человека к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объектов) и соответствующие им нормы (правовые, моральные, обычаи, традиции, мода и др.), т.е. правила, образцы, стандарты, эталоны поведения, устанавливаемые государством (право) или же формируемые в процессе совместной жизнедеятельности. Наиболее простой путь передачи правил (да и ценностей) – личный пример и подражание («делай как я»). Однако для сложных, «постпервобытных» обществ он недостаточен. Человечество выработало специфический способ формирования, сохранения и передачи (трансляции) ценностей и норм - посредством знаков. Ж. Пиаже утверждал: «Основные реальности, создаваемые социальным путем... суть следующие: 1) правила (моральные, юридические, логические и т.д.), 2) ценности, соответствующие или не соответствующие этим правилам, и 3) знаки»[16]. Замечу, что с моей точки зрения, ценности первичны в этом ряду, и правила вырабатываются в соответствии с ценностями, а не наоборот. Впрочем, как все в науке, это – дискуссионный вопрос. Наконец, накопление, хранение, передача информации посредством знаковых систем возможна лишь постольку, поскольку знакам придается значение, понятное тем, кто их воспринимает.

Социальный контроль не ограничивается нормативным регулированием поведения людей, но включает также реализацию нормативных велений и ненормативное воздействие на поведение членов общества. Иначе говоря, к социальному контролю относятся действия по реализации предписаний (норм), меры ответственности лиц, нарушающих принятые нормы, а в некоторых государствах – тоталитарного типа – и лиц, не разделяющих провозглашаемые от имени общества ценности.

Основными методами социального контроля являются

16. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение. 1969. С. 210.

позитивные санкции - поощрение и негативные санкции - наказание («кнут и пряник», «bait and switch»).

К основным механизмам социального контроля относятся внешний, осуществляемый извне, различными социальными институтами, организациями (семья, школа, общественная организация, полиция) и их представителями с помощью санкций – позитивных (поощрения) и негативных (наказание), и внутренний, основанный на интернализованных (усвоенных, воспринятых как свои собственные) ценностях и нормах и выражаемый понятиями честь, совесть, достоинство, порядочность, стыд (нельзя, потому что стыдно, совесть не позволяет). К внешнему контролю относится и косвенный, связанный с общественным мнением, мнением референтной группы, с которой индивид себя идентифицирует (родители, друзья, коллеги). Классическую формулу косвенного контроля находим в «Горе от ума» А. Грибоедова: «Что скажет княгиня Марья Алексевна?!» (если, конечно, княгиня представляет вашу референтную группу).

Различают также формальный контроль, осуществляемый специальными органами, организациями, учреждениями и их представителями в пределах должностных полномочий и в строго установленном порядке, и неформальный (например, косвенный), карательный (репрессивный) и сдерживающий (предупредительный, профилактический).

Хорошо известно, что позитивные санкции (поощрение) значительно эффективнее негативных (наказания), а внутренний контроль намного эффективнее внешнего. К сожалению, человечество, зная это, чаще прибегает к внешнему контролю и репрессивным методам. Считается, что это «проще» и «надежнее». Отрицательные последствия «простых решений» не заставляют себя долго ждать…

Существуют различные модели (формы) социального контроля и их классификации[17]. Одна из них, предложенная Д. Блэком (в модификации Ф. Макклинтока)[18], воспроизве-

17. Black D. The Behavior of Law. NY: Academic Press, 1976; Davis N., Anderson B. Social Control: The Production of Deviance in the Modern State. Irvington Publishers Inc., 1983.

18. Подробнее см. статьи Л. Хулсмана и Ф. Макклинтока в: Планирование мер борьбы с преступностью. М.: ИГиПАН, 1982. С.16-31, 99-105.

дена в табл. 17.1. Каждая из приведенных в таблице форм социального контроля имеет свою логику, свои методы и язык, свой способ определения события и реагирования на него. В реальной действительности возможно сочетание нескольких форм.

Обширный обзор теорий социального контроля и обоснование теории рестриктивного социального контроля содержится в монографии Ю.Ю. Комлева[19]. В целом *социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике, превенции) нежелательных форм поведения.*

В гипотетически идеальном (а потому и нереальном) случае общество обеспечивает полную социализацию своих членов, и тогда не требуется ни наказаний, ни поощрений. Впрочем, даже в идеальном обществе сограждане найдут, к чему придраться! «Представьте себе общество святых, образцовый монастырь примерных индивидуумов. Преступления в собственном смысле слова здесь неизвестны; однако проступки, представляющиеся несущественными мирянину, вызовут тут точно такой же скандал, какой обычные преступления вызывают в обычных условиях»[20].

Реальное осуществление социального контроля над девиантностью существенно зависит от власти, формы правления, политического режима в стране[21]. Неслучайно еще Г.В.Ф. Гегель полагал, что формы контроля над преступностью «даже в большей степени характеризуют данное общество, чем сама преступность»[22]. Теоретическое, основанное

---

19. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ, 2009.

20. Дюркгейм Э. Норма и патология. В кн.: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 41.

21. Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39-65.

22. Гегель. Философия права. М., 1986. С.256.

Табл. 17.1. Механизмы социального контроля (по Д. Блэку)

Формы контроля	Каратель-ный	Терапевти-ческий (+социальная помощь)	Образова-тельный (+социальная помощь)	Компенси-рующий	Примири-тельный
1. Обычный уровень	Запрет	Соответствие норме	Образован-ность	Обязатель-ство	Гармония
2. Проблем-ный	Вина	Необходимость	Незнание/ некомпетент-ность	Долг	Конфликт
3. Инициатор действия	1. Орган общества 2. Жертва	1. Орган обще-ства 2. Нарушитель	1. Орган общества 2. Обучаю-щийся	1. Орган общества 2. Потер-певший	1. Орган группы 2. Споря-щий
4. Личность нарушителя или "кон-фликтующе-го" лица	Наруши-тель	Пациент/ клиент	Невежест-венное, необразо-ванное или некомпе-тентное лицо	Должник	Спорящий
5. Решение или цель	Наказа-ние	Помощь/ ле-чение	Достижение стандар-та, выдача свидетельства и признание компетент-ности	Оплата (деньгами или на-турой)	Разреше-ние кон-фликта.

на огромном историческом материале, исследование роли власти и политических структур в социальном контроле над девиантным поведением было осуществлено М. Фуко (1926-1984)[23]. Современные меры социального контроля и, прежде всего, тюрьма - результат всеохватывающей дисциплинарной власти капиталистического общества, стремящегося к созданию «дисциплинарного индивида». Эта власть проявляется не только в тюрьме, но и в казарме, психиатрической больнице, за фабричными стенами, в школьном помещении. Для дисциплинарной власти характерны иерархический надзор (системное наблюдение, постоянный контроль), позитивные и негативные санкции, испы-

23. Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. М.: Весь Мир, 1995. С.63.

тания (экзамены, смотры, тренировки, инспекции и т.п.). Цель дисциплинарного контроля – формирование «податливых тел», а его символ – тюрьма. Но тогда все общество «начинает приобретать сильное сходство с тюрьмой, где все мы одновременно и охранники, и заключенные»[24].

С этим перекликается труд нашего современника и соотечественника А.Н. Олейника «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти»[25], в котором автор, в результате эмпирических исследований и кропотливого анализа, сравнивает Россию, как «маленькое общество» (в отличие от «большого общества» - цивилизованного) с тюрьмой. Не могу удержаться от обширной цитаты: «Тенденция к воспроизводству «маленького общества» и незавершенный характер модернизации – таковы основные факторы, определяющие постсоветский институциональный контекст... Государство сознательно пресекает всякие попытки оформления коллективного субъекта, способствуя, таким образом, образованию пустыни между повседневной жизнью групп «своих» и властью... И здесь не важно, какую конкретную форму принимает группа «своих»: номенклатуры, семьи президента или выходцев из КГБ... Приватизация общественного пространства группами «своих», не важно, находящихся у кормила власти или нет, означает смерть еще до рождения гражданского общества... Группа «своих» стремится приватизировать и материальные ресурсы, к которым имеют доступ ее члены... Постсоветские люди с ненавистью относятся к государству, потому что оно воспроизводит логику группы «своих» и поэтому рассматривает граждан как «чужих». Но в то же время постсоветские люди неспособны избавиться от такого государства, в котором материализуется их собственный образ жизни, их собственные взгляды и поведение»[26].

Но вернемся к М. Фуко. Один из его выводов – все тонкости механизма власти и социального контроля с исполь-

---

24. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.

25. Strafrechtspflege in Deutschland: Fakten und Zahlen. Bonn: Bundesministerium für Justiz, 1996. S.30.

26. Олейник А.Н. Указ. соч. С. 364-370.

зованием «коварной мягкости, неявных колкостей, мелких хитростей, рассчитанных методов, техник» направлены на одну цель – создание «дисциплинарного индивида»[27]. Ясно, что формирование стандартного «дисциплинарного индивида», не создающего проблем для власти – задача, прежде всего, тоталитарного (да, и авторитарного) режима. Думается, М. Фуко не случайно упоминал коварную мягкость, мелкие хитрости и т.п. Чем менее демократичен, менее либерален режим, чем он более авторитарен и тоталитарен, тем большую демагогию он использует для прикрытия свих истинных целей, намерений и действий.

Другой исследователь проблемы – *И. Гоффман* (1922-1982) называет учреждения, описанные М. Фуко (тюрьма, психиатрическая больница, школа-интернат, а также армия с ее казармами и т.п.), «тотальными институтами»[28], что не меняет их сущности.

27. Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. соч. С. 455.

28. Goffman E. Asylums. Harmondsworth, Penguin Books, 1961.

Глава 18. Социальные практики

Всякое наказание преступно.

Л. Толстой

Наказание виновного есть зло.

Ф. Дзержинский

§1. «Кризис наказания»

Не правда ли, странное высказывание в устах «железного Феликса»? Но такова ирония Истории: перефразируя В. Черномырдина, «хотим, как лучше, а поступаем, как всегда». Человечество перепробовало все возможные средства воздействия на девиантов, а их количество все возрастает, репертуар девиантных поступков все расширяется. (Что неудивительно: ведь общество развивается!). Рассмотрим, неизбежно кратко, реальность социального контроля над девиантными проявлениями.

Понадобились тысячелетия государственного насилия над «девиантами», чтобы во второй половине XX столетия осознать «кризис наказания» — неспособность привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных, санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления[29]. Благодаря переведенным на русский язык трудам известного норвежского криминолога Нильса Кристи, мы можем подробнее

29. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; и др.

ознакомиться с проблемой[30].

«Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдается рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Во-вторых, как мы уже отмечали, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции[31] (так, например, в России за два столетия – XIX-XX вв. – уровень рецидива составлял 15-20% в царской России и 20-28% в советский и постсоветский периоды). В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5-6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека[32]. Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М.Н. Гернет[33]. *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.*

Постепенно «кризис наказания» осознается даже в странах с традиционно репрессивным характером социального контроля. Так, одиннадцатая рекомендация Национальной комиссии США по уголовной юстиции предлагает «изменить повестку дня уголовной юстиции от «войны» к «миру»»[34].

---

30. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985; Он же. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГ'у западного образца. М., 2001; Он же. Ответ насилию. В поисках чудовищ. М., 2003; Он же. Примирение или наказание? // Индекс: Досье на цензуру. 2003. №18. С.7-20.

31. Mathiesen T. Ibid.

32. Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С.40-50; Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; Он же. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.

33. Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юр. Издат Украины, 1930.

34. Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publication, Inc., 1996, p.218.

Смертная казнь

В течение столетий смертная казнь была распространенным, если не преобладающим, «средством» социального контроля над преступностью и иными формами девиантности, включая «ереси», курение табака, прелюбодеяние и др.[35]. И сегодня, когда в большинстве стран смертная казнь отменена, продолжаются активные дискуссии по поводу ее применимости[36].

Между тем нам кажется, что вопрос: «за или против смертной казни?» исчерпал себя, во-первых, в том смысле, что за столетия дискуссии все доводы pro et contra давно известны и вряд ли могут появиться новые. Меняются лишь акценты в зависимости от того, политические, юридические, культурологические или иные аспекты темы превалируют в конкретной ситуации и дискуссии.

Во-вторых, этот вопрос давно превратился в некий символ, «метку», индикатор, разделяющий сторонников и противников смертной казни на два лагеря по мировоззренческим, идеологическим позициям. «Высказываясь за смертную казнь или против нее, мы характеризуем не столько проблему, сколько собственную личность»[37]. И тогда с одной стороны - А. Франс, В. Гюго, Б. Шоу («худший вид убийства - убийство на эшафоте»), А. Швейцер, М. Ганди, Ф. Достоевский, А. Кони, В. Короленко, Л. Толстой, И. Тургенев, А. Радищев, А. Герцен, А. Сахаров, лучшие представители российской уголовно-правовой мысли - М. Духовской, И. Фойницкий, Н. Таганцев, Н. Сергеевский, В. Спасович, М. Гернет и множество других славных имен. На другой стороне – В. Пуришкевич, К. Победоносцев, Д. Блудов, князь М. Щербатов…

Очевидно, смертная казнь относится к числу «регулярных и долговременных социальных практик, санкциониру-

35. Подробнее см.: Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: ГИЮЛ, 1957.

36. См., например, дискуссию в: Криминология: Вчера, сегодня, завтра. 2002. № 3 (4).

37. Мелихов А. Кого же мы казним? // Новое время. 2000.№6. С.34.

емых и поддерживаемых с помощью социальных норм»[38], т.е. является социальным институтом. Различают пять основных видов социальных институтов: экономические, политические (регулирующие осуществление власти и доступ к ней), стратификации (определяющие позиции, их размещение, условия их замещения и др.), родства (брак, семья и др.), культуры (включая религию, науку, искусство и т.п.). Ясно, что смертная казнь относится к политическим институтам.

Институты возникают в процессе формирования социальных практик (их институционализации) и прекращают свое существование. Смертная казнь появилась не сразу (для этого нужно было формирование государства, власти, права и т.п.). В различных государствах она существовала не всегда. Когда византийская церковь рекомендовала князю Владимиру заимствовать смертную казнь, князь отвечал: «Боюсь греха!»[39]. Отменяла смертную казнь императрица Елизавета Петровна[40]. В настоящее время, как известно, смертная казнь отменена *de jure или de facto* во всех странах Западной и Центральной Европы, в Канаде, Австралии и многих других государствах, всего свыше 100 (к 2000 г. в 76 странах смертная казнь была полностью отменена, в 11 странах – отменена в мирное время, в 36 странах фактически не применяется, а сохранялась – в 71 стране)[41]. Есть надежда, что этот позорный институт рано или поздно прекратит свое существование и в других странах.

Каждый социальный институт осуществляет определенные *функции* - явные и латентные. Явные, прокламируемые

---

38. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М., 2004. С.166.

39. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир, 1988. №7.С. 210-213.

40. Подробнее историю этого института в России см.: Квашис В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008; Лепешкина О.И. Смертная казнь. Опыт комплексного исследования. СПб: Юридический центр Пресс, 2008; Шишов О.Ф. Смертная казнь в истории России. Смертная казнь в истории Советского государства. В: Смертная казнь: За и против. М.: Юридическая литература. 1989. С. 10-130.

41. Hood R. Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society. The International Journal of Penology. Vol. 3. N3. July 2001, pp.331-354. См. также: Hood R. The Death Penalty. A World-wide Perspective. Oxford: Clarendon Press, 1996.

функции смертной казни - борьба с преступностью, предупреждение тяжких преступлений, справедливое воздаяние, обеспечение защиты населения и т.п. Однако давно уже известно, что ни уголовная юстиция, ни наказание и пенитенциарные учреждения, ни, тем более, смертная казнь не в состоянии выполнить прокламируемые функции (разве что «воздаяние»). Институты уголовной юстиции и наказания существуют лишь постольку, поскольку общество не знает, что реально предпринять для сокращения или сдерживания преступности.

Современные сторонники сохранения смертной казни в России ссылаются обычно на жестокие серийные убийства и получившие распространение заказные убийства. Так вот, серийные убийства на сексуальной почве совершают, как правило, лица с психическими отклонениями (так называемая «патология влечения»). При этом в каждой популяции доля лиц с такой патологией относительно постоянна. Единственная реальная возможность превенции этих преступлений - раннее выявление и медико-психологическая коррекция лиц с соответствующей патологией. Что касается заказных убийств, то киллер - это профессия, для него убийство – работа, выполняемая независимо от теоретически грядущего наказания. Работа рискованная, и основная задача наемных убийц - минимизировать возможность наказания, что им обычно и удается сделать... Предусмотрено ли в качестве наказания лишение свободы или смертная казнь или нечто иное - может отразиться лишь на размере оплаты труда. И вообще «ошибочно полагать, будто все или большинство тех, кто совершает такое тяжкое преступление, как убийство, идут на него после рациональной оценки возможных последствий»[42]. Вряд ли потенциальный убийца перед совершением задуманного размышляет: - если мне грозит смертная казнь, я, пожалуй, не буду убивать, а если 20 лет лишения свободы или пожизненное заключение, то стоит убить...

Еще один из доводов современных российских сторонников смертной казни – мнение большинства населения.

---

42. Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. М.: Международная амнистия. 1989. С. 36.

Действительно, сознание большинства россиян, к сожалению, весьма ригористично. Это – печальное наследие тоталитарного режима и популистской политики. Но апелляция к мнению большинства не нова. Обратимся к контраргументам профессора А.Ф. Кистяковского, высказанным им еще в 1867 г. (частично эта цитата приводилась в гл.5): «Особенно странным представляется то, что защитники смертной казни в этом случае опираются на воззрения народные, не давши себе труда понять их сущность. Отчего те же защитники не прибегают к воззрениям народным для разрешения других, первой важности государственных, общественных и научных вопросов… С воззрениями народными необходимо во многих случаях считаться… но считаться с ними без разбору, только потому, что они народные – значило бы иногда обречь все успехи цивилизации на совершенную гибель»[43].

Что касается латентных, скрытых функций смертной казни, то это - месть, средство расправы и устрашения, символ всевластия власти, монополии власти на жизнь и смерть граждан (на войне, или по приговору суда, или в порядке внесудебной расправы).

Власть - одна из острейших тем современности. Если явные функции власти, государства обозначены в любом учебнике политологии или же теории государства и права, то ее латентные функции (власть ради власти, власть для власти, власть как насилие и богатство для себя) активно исследуются в западной литературе последних десятилетий XX века. Еще М. Вебер понимал власть как возможность для кого-либо осуществлять свою волю в преследовании целей, не считаясь с оказываемым сопротивлением, а Т. Веблен рассматривал три основных способа самоутверждения: насилие, власть и богатство. При этом власть дает и богатство, а достигается и удерживается посредством насилия.

Функции государства подвижны. К сожалению, наблюдается тенденция реального сокращения явных функций и возрастание роли латентных. Так, один из крупнейших социологов современности Н. Луман пишет: «В начале современной государственности главной целью ее создания

43. Цит. по: Смертная казнь: за и против. Указ. соч., с.193.

был контроль за применением физического насилия на определенной территории. Насилие являлось прежде всего правовой проблемой... Вместе с тем, сегодня видно,... что эти учреждения (государственности - Я.Г.) больше не легитимируют сами себя. «Дух» покинул их»[44].

Латентные функции власти перестали быть тайными после ленинско-сталинских и гитлеровских концлагерей, после Холокоста и Освенцима. Постмодернизм, начиная с М. Фуко, утверждает, что власть разлита по всему социальному пространству. В результате «насилие встроено в систему», «право поражено насилием, постольку его собственное обоснование можно свести не к праву, а лишь к насильственно осуществляемой несправедливости легитимируемой впоследствии в качестве права»[45]. Но если право в целом есть насильственно осуществляемая несправедливость, то что говорить о смертной казни, как крайней мере правовой несправедливости, посягающей на неотъемлемое право человека на жизнь?

Смертная казнь - символ и орудие монополии государства и власти на жизнь и смерть. Но эта монополия осуществляется и неправовым путем (вспомним практику сталинских репрессий, деятельность «эскадронов смерти» в странах Латинской Америки и т.п.).

Каковы социальные практики института смертной казни?

Мировая практика с явно выраженной тенденцией отказа от этого страшного института достаточно хорошо описана в литературе[46]. Ограничимся некоторыми сведениями по России[47].

---

44. Луман Н. Метаморфозы государства: Эссе // Проблемы теоретической социологии. Вып.2. СПб., 1996. С. 116, 127.

45. Бекер Д. Понятие системного насилия // Проблемы теоретической социологии. СПб, 1994. С. 60 ,68.

46. Квашис В.Е. Указ. соч.; Когда убивает государство...Указ. соч.; Против смертной казни: Сборник материалов. М., 1992; Baird R., Rosenbaum S. (Eds.) Punishment and the Death Penalty. Prometheus Book, 1995; Hood R. The Death Penalty: A World wide Perspective .Second Edition. Oxford, 1996.

47. Подробнее о страшной карательной практике советского государства см.: Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; а также: Черная книга коммунизма. М., 1999.

По далеко не полным данным, было приговорено к смертной казни (расстрелу) с 1921 по 1953 г. 826.589 человек (или в среднем 25.830 человека в год)[48]. Только за страшные 1937-1938 гг. были приговорены к расстрелу 681.692 человека. В это число не входят приговоренные к «десяти годам лишения свободы без права переписки», что на петушином языке сталинской юстиции означало смертную казнь, а также огромное количество уничтоженных без суда и следствия. С 1962 по 1984 г. было приговорено к смертной казни 22.235 человек (в среднем по 967 осужденных ежегодно). С 1985 по 1990 г. (годы горбачевской перестройки) осуждено к смертной казни 2.317 человек или 386 в год. За все названные годы доля реально казненных достигала 90% (а в годы сталинского «большого террора» - около 100%).

Рассмотрим подробнее динамику приговоров к смертной казни за 1986-1999 гг.: 1986 - 225 осужденных к смертной казни, 1987- 120 человек, 1988 - 115, 1989 - 100, 1990 - 223, 1991 - 147, 1992 - 159, 1993 - 157, 1994 - 160, 1995 - 143, 1996 - 153, 1997 - 106, 1998 - 116, 1999 – 19 человек[49]. Всего за 1986-1999 гг. осуждено к смертной казни 1943 человека (или 138 человек в год). По различным источникам (газеты «Известия», «Московские новости», журнал «Итоги»), в 1989-1991 гг. было казнено 48,5- 61,3% осужденных. С 1986 по 1996 гг. было казнено 814 осужденных, помиловано - 427. В царской России за 80 лет с 1826 по 1906 гг. было приговорено к смертной казни 612 человек (около 8 в год), из них казнено в среднем 2 человека в год[50].

Таким образом, к сожалению, советская и постсоветская Россия в течение длительного периода времени относилась к числу стран (наряду с Китаем, Ираком, Ираном, Нигерией, Сингапуром) с самыми высокими показателями осуждения к смертной казни и ее применения.

---

48. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования, 1991. №6. С.10-26.

49. Преступность и правонарушения, 1992. С. 128; Преступность и правонарушения, 1997. С. 168; Преступность и правонарушения, 2002. С.160.

50. Шишов О.Ф. Указ. соч. С. 71-96.

Лишение свободы

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над девиантностью вообще, преступностью в частности, более того – негативных последствий такого распространенного вида наказания как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического (см. далее о восстановительном правосудии), так и тактического характера.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни - недопустимой в цивилизованном обществе[51] - лишение свободы становится «высшей мерой», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении насильственных преступлений и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников. Так, в 1984-1987 гг. в Англии и Уэльсе, а также в Швеции из общего числа осужденных к лишению свободы приговаривалось около 20% (правда в Англии и Уэльсе эта доля несколько увеличилась к 1996 г.[52]), а к штрафу – почти половина осужденных. В Германии в середине 90-х гг. доля приговоренных к реальному (безусловному) лишению свободы составила лишь 11,5% от общего числа осужденных, тогда как штраф – 83,4%[53]. В Японии в течение 1978-1982 гг. к лишению свободы приговаривались лишь 3,5% осужденных, к штрафу же – свыше 95%. Это вполне продуманная политика, ибо «в результате этого не происходит стигматизация лиц, совершивших преступные деяния, как преступников. Смягчаются сложности ресоциализации преступников после их чрезмерной изоляции от общества и таким образом вносится значительный вклад в предупреждение рецидива»[54].

Расширяется применение иных – альтернативных ли-

---

51. Наличие смертной казни и огромного тюремного населения (второе место в мире после России) в США не позволяет мне относить их к цивилизованным странам, да простят меня американские граждане.

52. Information on the criminal justice system in England and Wales. Digest. Home Office, 1999. No4. p. 50.

53. Strafrechtspflege in Deutschland: Fakten und Zahlen. Bonn: Bundesministerium für Justiz, 1996. S.30.

54. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989. С.98, 176-177.

шению свободы – мер наказания (ограничение свободы, в том числе, с применением электронного слежения; общественные работы; «комбинированный приказ» в Англии и Уэльсе – сочетание общественных работ с пробацией)[55].

В России к реальному лишению свободы (не считая условного осуждения) приговаривались в течение 1986-2001 гг. от 30,9% всех осужденных в 2001 г. до 39,5% в 1994 г. В 2009 г. были осуждены к лишению свободы 72% всех осужденных (к безусловному лишению свободы – 32%, остальные к условному лишению свободы).

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Во всяком случае – до 2-3 лет, т.е. до наступления необратимых изменений психики. Так, в середине 90-х гг. в Германии осуждались на срок до 6 месяцев 21% всех осужденных к лишению свободы, на срок от 6 до 12 месяцев – еще 26% (т.е. всего на срок до 1 года – около половины всех приговоренных к тюремному заключению). На срок от 1 до 2 лет были приговорены 38,5% осужденных. Таким образом, в отношении 85,5% всех осужденных к лишению свободы срок наказания не превышал 2-х лет, на срок же свыше 5 лет были приговорены всего 1,2%[56]. В Швеции до 80% осужденных к лишению свободы приговариваются на срок до 6 месяцев. В Японии в 1994 г. из общего числа приговоренных к лишению свободы на срок до 1 года - 17,3%, до 3 лет – 68,8%, а свыше 5 лет – 1,3%[57].

В России в 1996 г. из общего числа осужденных к лишению свободы были осуждены на срок до 1 года – 16%, от 1 до 2 лет – 23,1%, свыше 5 лет – 13,7%. Интересно, что в 1926 г., когда советская власть еще рядилась в демократические одежды, доля осужденных на срок до 1 года составила 84,2%, а свыше 5 лет – всего 1,8%.

---

55. См., например: Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон-М., 1996; Clear T., Terry K. Correction Beyond Prison Walls. In: Sheley J. Criminology. Ibid. pp.517-538; Electronic Monitoring: The Trials and their Results. L., Home Office. 1990; Junger-Tas, J. Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments. Amsterdam, NY, 1994.

56. Strafrechtspflege in Deutschland, ibid. S.32.

57. Summary of the White Paper on Crime. Government of Japan. Research and Training Institute Ministry of Justice, 1996, p.64.

В-третьих, условия и режим отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях не должны унижать человеческое достоинство, подвергать заключенных дополнительным *к лишению свободы* тяготам. Поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от условий отбывания наказания, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается по возможности достойный уровень существования заключенных (нормальные питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, медицинское обслуживание, возможность работать, учиться, заниматься спортом, встречаться с родными и близкими), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т.п.

Из личных воспоминаний

В тюрьме г. Турку (Финляндия) директор с гордостью рассказал мне, что «для сохранения чувства собственного достоинства» заключенных им дают ключи от камеры. Уходя из камеры, заключенный закрывает на ключ «свое помещение», а, приходя – открывает его. А директор Дублинской тюрьмы (Ирландия) долго не мог понять мой вопрос: «сколько человек находится в одной камере»? «Конечно же, один осужденный!», ответил он мне. Открытые днем камеры в тюрьмах Фрайбурга (Германия) и Хельсинки меня уже не удивляли, также как группа заключенных – петербуржцев, готовящих праздничный торт на кухне в своем блоке. Справедливости ради следует заметить, что американские и южно-корейские тюрьмы немногим лучше наших.

Об ужасных условиях содержания подследственных в российских следственных изоляторах (СИЗО) и заключенных в колониях и тюрьмах написано более чем достаточно. От себя хотел бы только заметить, что чем больше людей мы «сажаем», чем бесчеловечнее условия отбывания наказания, тем больше озлобленных, с нарушенной психикой, приобретших или повысивших свой криминальный про-

фессионализм людей получаем «на выходе». В мире поняли, что *именно общество прежде всего заинтересовано в гуманной юстиции и пенитенциарной системе.*

Направляя в тюрьмы все больше и больше людей, мы ведь рано или поздно получаем их «назад» - с «их» нравами, языком, образом жизни. Но тогда и с обществом, со всеми нами происходит то, что зарубежная криминология давно окрестила «призонизацией» («отюрьмовлением» - от англ. *Prison* – тюрьма) повседневного быта, культуры, языка[58]. Мы это ежедневно наблюдаем в транспорте, на улицах, слышим с экранов телевизоров... К сожалению, это старая российская беда. Тюрьма давно вошла в наш быт, нашу культуру своей «блатной» частью. Достаточно вспомнить тюремный фольклор (от Кудеяра-разбойника и «Бродяги» до «Мурки» и «Гоп-со-смыком»), прекрасные «приблатненные» стихи С. Есенина, В. Высоцкого и А. Галича (не случайно его «Облака» дали название современной радиопередаче для заключенных). А уж жаргон наших политиков... Добавим к этому, что пенитенциарные учреждения наряду с безработицей, бездомностью, незанятостью подростков и молодежи множат ряды «исключенных» *(excluded)* – основной социальный резерв преступности, пьянства, наркотизма, проституции, самоубийств.

Посмотрим на некоторых цифрах, как велик российский тюремный контингент. Правда, при этом мы столкнемся с рядом трудностей. Более или менее упорядоченные официальные статистические данные имеются по СССР – с 1936 по 1991г. (табл. 17.1)[59]. Сведения по России нам известны за 1989-2001 гг., но они взяты из различных источников (табл. 17.2)[60] и на разный момент времени (на 01.01 каждого

58. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003; Bondeson U. Prisoners in Prison Societies. New Brunswick, NJ, 1989.

59. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. М.: 1997. С.437-438.

60. Лунеев В.В. Указ. соч. С.450-452; Сможет ли Россия в начале XXI века выйти из гонки за роль мирового тюремного лидера? М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001; Уголовно-исполнительная система Российской Федерации // Российская юстиция, 2001. №5. С.67; Barclay G., Tavares C. et al. International Comparisons of Criminal Justice Statistics. 2001 // Home Office Statistical Bulletin. October, 2003. Issue 12/03, p.7; Walmsley R. World Prison Population List // Home Office. Finding 166. 2002, p.5.

Табл.17.1. Динамика численности заключенных в СССР (1936-1991 гг.)

Год	Общее число заключенных	На 100 тыс. населения	Год	Общее число заключенных	На 100 тыс. населения
1936	1 296 494	780,3	1964	996 534	440,2
1937	1 196 369	713,4	1965	869 945	379,4
1938	1 881 570	1111,4	1966	861 898	371,8
1939	2 024 946	1187,2	1967	1 066 341	454,9
1940	1 846 270	951,3	1968	1 011 725	427,5
1941	2 400 422	1500,3	1969	1 015 719	421,1
1942	2 045 575	1278,5	1970	1 146 882	474,5
1943	1 721 716	1076,1	1971	1 151 007	471,9
1944	1 331 115	831,9	1972	1 169 878	475,0
1945	1 736 187	847,3	1973	1 211 511	487,3
1946	1 355 739	795,6	1974	1 241 952	495,0
1947	1 996 641	1166,3	1975	1 266 366	500,0
1948	2 449 626	1416,0	1976	1 253 231	490,3
1949	2 587 732	1476,5	1977	1 330 035	515,9
1950	2 760 095	1545,9	1978	1 247 378	479,7
1951	2 705 439	1489,7	1979	1 346 658	513,1
1952	2 683 193	1452,1	1980	1 467 885	555,0
1953	2 650 747	1409,9	1981	1 539 128	577,3
1954	1 482 297	776,0	1982	1 678 623	622,4
1955	1 190 811	612,5	1983	1 855 498	685,0
1956	945 098	477,5	1984	1 969 364	720,1
1957	966 260	479,7	1985	2 061 026	746,9
1958	863 848	421,6	1986	2 356 988	846,5
1959	1 045 841	500,9	1987	2 234 988	794,3
1960	658 622	310,2	1988	1 815 957	639,0
1961	686 239	317,5	1989	1 390 961	485,0
1962	983 132	447,2	1990	1 258 722	437,6
1963	1 052 806	471,7	1991	1 254 247	433,8

года, на 31.12, а то и на середину года). Ясно, что эти данные разнятся между собой, а потому мы приводим усредненные данные. По той же причине отличается и уровень заключенных на 100 тыс. населения.

Данные табл. 17.1 интересны еще и тем, что показывают, как «отец народов» отблагодарил победителей фашистской

Германии: максимум заключенных и самый высокий уровень (на 100 тыс. населения) приходится на 1948-1953 гг. Мы видим также, как нарастают показатели во время «застоя», после хрущевской «оттепели» (минимальные цифры 1965-1966 гг.), и лишь горбачевская «перестройка» несколько снизила тюремный контингент, но не надолго (1989-1991 гг.).

Табл.17.2. Динамика численности заключенных в России (1989-2012)

Год	Количество заключенных (в тысячах)	Уровень (на 100 тыс. населения)
1989	698,9	400
1990	714,7	500
1991	770,0	459
1992	750,3	520
1993	804,8	563
1994	902,7	580
1995	964,6	655
1996	1017	686
1997	1009,8	700
1998	1010	720
1999	1014	729
2000	1060	729
2001	960,4	673
2002	965	675
2003	847,0	592
2004	763,1	577
2005	823,4	578
2006	871,7	609
2007	883,2	613
2008	891,7	623
2009	875,8	617
2010	819,2	577
2011	806,1	564
2012 (июнь)	726,9	508

Миллионы за миллионами советских и российских граждан проходили через ад ГУЛАГ'а и его правопреемника - ГУИН'а. Да и современная система ФСИН'а мягко говоря далека от совершенства: те же пытки, самодурство и издевательства персонала, некачественное питание, плохое медицинское обслуживание и т.п. И выходили (если удавалось выжить) оттуда со сломанной психикой, искалеченные духовно и физически, с тяжелейшей формой туберкулеза, с отбитыми почками, отвыкшие от жизни на свободе, потерявшие за время «отсидки» семью, родителей, обозленные на все и вся. В результате, по экспертным данным, до 20% взрослого мужского населения современной России – бывшие заключенные… Стоит ли удивляться перенесению нравов «зоны» в нашу обыденную жизнь и, что самое страшное, активное ее восприятие – осознанное или неосознанное - обществом.

Объективности ради необходимо сказать, что после передачи пенитенциарных учреждений из МВД в Министерство юстиции (МЮ), ситуация постепенно менялась к лучшему, оставаясь в основе порочной.

Сравнив уровень заключенных (на 100 тыс. населения) в некоторых странах, мы увидим, что Россия занимает попеременно первое или второе место, уступая США или перегоняя их (табл. 17.3)[61]. Такой уровень заключенных в США также их не красит и лишает меня возможности признать США вполне цивилизованной страной. С большим отрывом от них идут Пуэрто-Рико (370), Южная Африка (327) и ряд бывших республик СССР.

Но если от лишения свободы как меры наказания постепенно отказываются даже применительно к лицам, совершившим преступления, то тем более недопустимы ре-

61. Aebi M., Stadnic N. Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics) Survey 2005. Strasbourg, 2007, p.19; Aromaa K., Heiskannen M (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995-2004. Helsinki: HEUNI, 2008; Barclay G., Tavares C., Siddique A. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin, 2001 May, Issue 6/01, p.7; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office, 2003 October, Issue 12/03, p. 7; Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010; Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999, pp.318-319.

Табл. 17.3. Уровень заключенных (на 100 000 населения) в некоторых странах

	1990	1992	1994	1999	2000	2001	2005	2007
Австралия	83	88	94	108	113	116	-	130
Австрия	90	95	92	85	84	87	107	-
Англия с Уэльсом	88	89	95	125	124	129	143	-
Бельгия	59	71	74	80	83	83	90	-
Болгария	125	-	110	-	-	116	158	-
Венгрия	119	154	124	161	157	171	162	-
Германия	-	-	-	97	97	85	96	-
Дания	62	64	67	66	61	58	76	67
Испания	-	-	-	111	114	116	142	-
Италия	45	84	89	89	94	96	102	77
Канада	111	113	118	123	123	101	-	-
Колумбия	99	82	85	-	-	-	-	128
Латвия	320	-	375	-	-	370	313	287
Литва	230	-	360	-	257	273	233	239
Мексика	108	96	93	-	-	-	-	-
Нидерланды	46	49	57	84	87	94	134	-
Норвегия	-	-	-	56	56	58	67	73
Польша	120	-	160	142	170	207	216	230
Россия	470	520	580	729	729	673	577	613
США	465	519	554	682	685	689	-	762
Финляндия	68	69	62	46	56	60	73	67
Франция	-	-	-	91	80	77	92	-
Чехия	80	-	190	224	208	188	186	182
Швеция	61	63	70	111	64	69	78	74
Эстония	220	-	270	303	325	351	327	322
ЮАР	-	-	-	327	385	411	-	348
Япония	38	36	37	43	47	50	-	65

прессивные меры воздействия по отношению к тем, кто совершал «преступления без жертв» - лицам, страдающим зависимостью от наркотиков или алкоголя, проституткам, бродягам и т.п.

Общественные санкции

Социальные нормы неправового характера (нормы нравственности, обычаи, традиции) поддерживаются в обществе силой общественного мнения и неформальными санкциями (укоризненный взгляд, неодобрительное покачивание головой, словесный упрек, порицание, «нерукопожатие», бойкот или остракизм и т.п.). П. Кросби, например, называет четыре основных вида неформальных санкций: вознаграждение (поощрение) в виде улыбок, благодарностей, наград за конформное поведение; наказание; убеждение (часто со стороны старших, воспитателей, руководителей); переоценка норм, когда изменяется мораль и ранее девиантное поведение признается недевиантным[62].

В некоторых случаях общественные санкции закрепляются в качестве официальных, формальных, правовых. Так, ст. 33 УК РСФСР (1960 г.) предусматривала общественное порицание в качестве одной из мер уголовного наказания.

Представляется принципиально важным не подменять общественные санкции за нарушение неправовых социальных норм мерами государственного (правового) принуждения. К сожалению, авторитарные и тоталитарные режимы нередко грешат такой подменой. Еще свежи в памяти расправы над «стилягами» (доставляли в милицию, принудительно подстригали), «персональные дела» за «аморальное поведение» и т.п. в годы советской власти. Мягко оппонируя вмешательству государства в сферу морали, нравственности, И. Эренбург в своей книге-воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» приводит сценку из парижской жизни. На улице в прохладную погоду появляется раздетый до гола мужчина, парижане не обращают на это никакого внимания, а «ажан» (полицейский), подойдя к нему, дружелюбно спрашивает, похлопав по плечу: «Не замерзнешь, парень?»

62. Crosbie P. (Ed.) Interaction in small Group. NY: McMillan, 1975.

и отходит прочь. Для нас, советских людей, это был верх либерализма и демократии…

Из личных впечатлений

Сам я оказался свидетелем аналогичной сцены в 1994 г. во время XIII Мирового социологического конгресса в Билефельде (Германия), когда на одном из пленарных заседаний появился обнаженный мужчина, спокойно прошел по рядам и не спеша удалился. Надо ли говорить, что никто полицию не вызывал и не возмущался происшедшим. Я надеялся, что со времени горбачевской перестройки нам уже не грозят рецидивы тяжелой болезни «борьбы с аморальным поведением» силами полиции и государства. Каково же было мое удивление, когда я прочитал о принятом московским правительством законе, предусматривающем штраф за… поцелуи в общественных местах! Если это не шутка, то тяжелый симптом…

§2. Выход из кризиса?

Нам представляется, что современное человечество не готово к принципиальному решению проблем социального контроля над девиантностью. Слишком они сложны. Слишком тяжел груз прошлого, привычного. Слишком велики надежды на «запретить» и «наказать». Слишком много уверенности в абсолютной правоте «нас» *(включенных, included)* и «криминальности», «аморальности», «девиантности» «их» *(чужих, исключенных, excluded)*.

Однако постепенное прозрение, постепенное понимание неэффективности привычных, традиционных форм социального контроля, основанных на ограничениях, запретах, репрессиях, порождают надежды на различные новации в этой сфере. Мы рассмотрим лишь некоторые подходы, обозначившиеся в мировой и отечественной теории и практике совершенствования социального контроля над девиантностью.

Community policing

Первыми, кто сталкивается с различными девиациями – от семейных конфликтов и озорства подростков до тяжких преступлений – это полиция.

Мы привыкли к тому, что «у нас» существует *милиция* (и «моя милиция меня бережет»), а *полиция* – «у них», за рубежом, в «капиталистических странах». В действительности, милиция – это вооруженные группы населения, обычно создаваемые для самообороны граждан, для поддержания правопорядка в неординарных случаях: мятежи, восстания, гражданские войны, чрезвычайные ситуации. Поэтому после Октября 1917 г. некоторое время наша милиция вполне соответствовала своему названию. Она была сформирована «из рабочих вооруженных отрядов, которые в первые дни Советской власти призваны были охранять революционный порядок и общественную безопасность»[63]. Но позднее, когда была создана соответствующая *профессиональная* государственная служба, старое название сохранилось, очевидно, лишь для того, чтобы подчеркнуть отличие нашей милиции от их полиции. В действительности же российская милиция давно уже (свыше 80 лет) суть полиция – по своим функциям, организации, профессиональным кадрам, униформе и т.д., и вполне обоснованно она стала полицией.

Взаимоотношения власти и населения, полиции и населения – многовековая и мировая проблема. Она обострилась после Второй мировой войны в связи с фиксируемым во всем мире ростом зарегистрированной преступности, «страхом перед преступностью» и «моральной паникой»[64].

В развитых современных странах идет поиск путей совершенствования взаимодействия, партнерства между населением и полицией в целях повышения защищенности граждан, эффективности правоохранительной деятельности, минимизации незаконных действий полицейских. Одна

63. Юридический словарь. М.: ГИЮЛ, 1953. С.328.

64. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans, Paladin, 1973.

из активно развиваемых стратегий – *«Community policing»*[65]. Ее суть: формирование и развитие партнерских отношений между полицией и комьюнити – общиной, ее институтами; организация «соседского контроля» *(neighbourhood-watch)* при консультативной помощи полиции. *Важнейшая идеологема: сервисное обслуживание населения полицией. Полиция служит населению, обеспечивая безопасность каждого налогоплательщика.* Основная функция полиции – защита населения, каждого жителя страны от преступных посягательств, защита законных прав и интересов граждан. Кстати говоря, это записано в качестве главной задачи в Законе РФ «О полиции».

Из личных воспоминаний.

В каждом полицейском участке Вены, в Центральном управлении, в кабинете начальника криминальной полиции генерала М. Эдельбахера, на авторучках и плакатах можно прочитать: «Sicherheit und Hilfe - Ihre Wiener Polizei» («Безопасность и помощь – Ваша Венская полиция»). Этому учат детей в школе и полицейских в училищах. В Австрии, как в большинстве европейских стран, полицейский патруль должен прибыть к месту вызова не позднее 2-3 минут, чему я однажды был случайным свидетелем, причем на моих глазах две полицейские машины подлетели к правонарушителям с двух разных сторон.

Проблема взаимоотношений полиции и населения особенно остро стоит в современной России. Это объясняется незащищенностью населения от преступности и иных незаконных посягательств; неэффективностью деятельности полиции по защите граждан, их законных интересов; коррумпированностью полиции (наряду с тотальной коррумпированностью всех властных структур и правоохра-

65. Fehérváry J., Stangl W. (Hg.) Polizei zwischen Europa und den Regionen. Wien: WUV-Universitätsverlag,, 2001; Kury H. (Hrsg.) Konzepte Kommunaler Kriminalprävention. Freiburg, Edition Iuscrim, 1997; Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. Oxford University Press, 1997; Lab S., Das D. (Eds.) International Perspectives on Community Policing and Crime Prevention. Prentice Hall. Upper Saddle River, New Jersey, 2003.

нительных органов); противоправными действиями сотрудников полиции в отношении граждан, включая пытки. Причины сложившейся ситуации: многовековая традиция репрессивной функции российского государства и его органов по отношению к подданным; многовековая традиция коррумпированности органов власти, управления, юстиции в России; состояние аномии (Э. Дюркгейм) как результат коренных социально-экономических преобразований; недопустимо низкая оплата труда сотрудников полиции (с 2012 г. ситуация несколько улучшилась) и ряд других обстоятельств.

В условиях отечественного псевдокапитализма с лозунгами «Обогащайтесь!» и «Все на продажу!», при колоссальном разрыве материального уровня узкого слоя сверхбогатых и массы нищего населения, мизерной оплате труда сотрудников бывшей милиции (вариант древнерусского «кормления»?), последние вынуждены были решать свои материальные проблемы тремя возможными путями: уход из милиции в коммерческие структуры, включая охранные предприятия; нелегальное «совместительство» в коммерческих структурах; откровенное взяточничество. Сейчас материальное положение полицейских улучшилось, но привычка к взяткам осталась...

Исследование *коммерциализации* российской полиции было проведено Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН) в 2000-2002 г., результаты доложены и обсуждены на семинаре, состоявшемся 13-14 февраля 2003 г. в Москве и изложены в ряде публикаций[66]. Сотрудники полиции подрабатывали как в виде законной деятельности (охранная, преподавательская, научная), так и – в значительно больших масштабах – в результате незаконной деятельности вообще или для работников правоохранительных органов (взятки, частные заказы, предпринимательская деятельность, «малый бизнес», частный извоз и др.). В итоге «общий доход, получаемый правоохранительными органами, скорее всего, существенно больше, чем платит государство» (Л. Косалс). Это еще

66. Коленникова О., Косалс Л., Рывкина Р., Симагин Ю. Экономическая активность работников правоохранительных органов постсоветской России: Виды, масштабы и влияние на общество (на примере милиции). М., 2002.

один довод в пользу утверждения о фактически развитой в России феодальной системе «кормления», когда государство оплачивает труд «бюджетников» заведомо ниже приемлемого уровня существования. Между тем, «активная занятость работников милиции коммерческой деятельностью переориентировала милицию как социальный институт с оказания правоохранительных услуг жителям страны на оказание тех услуг, которые могут быть оплачены. Перегрузка милиционеров как минимум ведет к формальному выполнению ими своих служебных обязанностей, а как максимум – к невыполнению» (О. Коленникова).

Милиция/полиция поражена *коррупцией*. Так, по данным исследований Фонда ИНДЕМ, правоохранительные органы занимают четвертое место из 29 структур по степени коррумпированности. «Идет вытеснение милицией криминальных группировок, служащих «крышами» малому и среднему бизнесу, с последующим присвоением себе этих функций вместе с соответствующими доходами»[67].

Не будем лукавить: применение полицейскими физического «воздействия» в отношении задержанных, арестованных, обвиняемых встречается во всем мире. Но в цивилизованных странах такие факты носят ограниченный характер как по частоте, так и по применяемым мерам, а в случае их огласки служат предметом серьезного разбирательства и наказания виновных – от увольнения из полиции до уголовного преследования. В России побои, избиение – обыденное явление, нередко и применение пыток. Об этом свидетельствуют рассказы жертв милицейского насилия, многочисленные публикации в прессе, сообщения правозащитных организаций, результаты национальных и международных расследований[68]

Пытки систематизированы и описаны: «слоник», «рас-

---

67. Сатаров Г. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М.: ИНДЕМ, 2002. С. 7,13.

68. См., например: Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон: Международная амнистия, апрель 1997.

тяжка», «распятие», «ласточка», «конвертик»[69]. Их частота, привычность (если к такому можно привыкнуть!), системность породили рубрику «Пытки как будни России» в бывшей «Общей Газете» Егора Яковлева. К числу необходимых реформ известный судья, заслуженный юрист РСФСР С. Пашин относит «прекращение пыток задержанных в «правоохранительных органах» как социального явления»[70]. У нас «вся страна превращается в пыточную камеру», отмечает в 2002 г. председатель подкомитета по правам человека Государственной Думы[71]. При этом Госдума отказалась рассматривать законопроект об ответственности за пытки.

Ставшие известными факты применения пыток не дают представлений о масштабах этого явления. Поэтому в 2005 г. Центром девиантологии Социологического института РАН было проведено (под руководством автора) социологическое исследование по инициативе общественной организации «Комитет против пыток» (Нижний Новгород) и при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. *Целью проекта являлось выявление масштабов распространенности пыток в России и в ее регионах.*

При этом пытка понималась в соответствии со ст.1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (10.12.1984 г.).

В пяти регионах страны (Санкт-Петербург, Псков, Нижний Новгород, республика Коми, Чита) проводился массовый репрезентативный квартирный опрос взрослого населения (с 16 лет) по специально разработанной анкете. Всего было опрошено: в Санкт-Петербурге – 2005 человек, в Пскове – 600 человек, в Нижнем Новгороде – 1000 человек, в Коми – 1101 человек, в Чите – 859 человек.

В трех регионах были проведены интервью с «экспертами», к числу которых относились адвокаты, сотрудники милиции, правозащитники, сотрудники прокуратуры, судебные медики, лица с криминальным опытом; судьи.

---

69. См., например: К праву. Информационный бюллетень Общественного Центра содействия реформе уголовного правосудия. №5, 1998.

70. Пашин С. Черная неправда УПК // Terra Incognita. №3-4, 2001. С.15.

71. Рыбаков Ю. Куда идем… // Terra Incognita. № 1, 2002. С.4.

В Коми и Чите проводились опросы заключенных по анкете, учитывающей насилие в отношении подозреваемых, совершаемое *до* их осуждения и направления для отбытия наказания. Это условие освобождало осужденных от необходимости отвечать на вопросы, связанные с пребыванием в пенитенциарных учреждениях.

Кроме того, в Санкт-Петербурге был проведен уличный опрос, всего опрошено 540 человек.

Из числа опрошенных жителей подвергались пыткам со стороны сотрудников милиции в течение 2004 г.: в Санкт-Петербурге – 68 чел., или 3,4% опрошенных жителей города; в Пскове – 28 чел., или 4,7% опрошенных, в Нижнем Новгороде – 34 чел., или 3,4% опрошенных, в Коми – 51 чел., или 4,6% опрошенных, Чита – 39 чел., или 4,5% опрошенных. Средний показатель по всем регионам – 4,1% респондентов подвергались в течение одного только года (2004) пыткам.

К 40-60% заключенных, опрошенных в колониях, применялись пытки еще до вынесения приговора (т.е. в процессе дознания и предварительного следствия).

Очевидно, что кумулятивный (накопительный за ряд лет) процесс даст значительно больший удельный вес жертв пыток среди населения. Это предположение подтверждается результатом уличного опроса в Санкт-Петербурге. На вопрос «Можете ли Вы припомнить за всю жизнь случаи применения сотрудниками милиции в отношении Вас насилия, которое Вы определили бы как незаконное?» положительно ответили 21,3%[72].

Поводом для применения пыток чаще всего служит «выбивание» признания в совершении преступления (часто – у невиновного), недовольство «запиранием» подозреваемого, а то и без всяких «причин». О побоях и говорить нечего – сперва отбить почки, сломать ребра, а потом уже выяснять – у кого и за что… Объектом насилия может стать каждый: в печать просачивались сведения об избиении и причинении увечья аспирантам МГУ, профессору, офицеру-подводнику и даже – не разобравшись – своему коллеге, оказавшемуся в штатском…

---

72. Результаты исследования опубликованы в: Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007.

Каковы источники преступного насилия со стороны сотрудников милиции? Их много, в том числе:

‹ тяжелое наследие царской полиции (с известной «зуботычиной») и советского репрессивного тоталитарного режима, олицетворением которого были страшные НКВД и ГУЛАГ;

‹ требования «сверху» максимальной «раскрываемости» преступлений любой ценой;

‹ «репрессивный» менталитет законодателей (действующий Уголовный кодекс РФ 1996 г. – самый жестокий по санкциям за весь XX век), исполнительной власти, сотрудников полиции, прокуратуры, суда;

‹ утрата полицией за годы реформ многих высококвалифицированных сотрудников (в частности, из-за крайне низкой оплаты нелегкого труда), утрата профессионализма, «восполняемая» побоями и пытками;

‹ «опыт» Афганистана и Чечни;

‹ полная безнаказанность за творимый произвол.

Все это привело к тому, что светлый образ «дяди Степы» - милиционера, защитника взрослых и детей, померк в глазах бесправных, беззащитных, и потерявших всякую надежду добиться справедливости граждан. Это не означает, конечно, что в полиции не осталось самоотверженных, бескорыстных, порядочных профессионалов (автор этих строк лично знает немало таких), но не они, увы, определяют образ сегодняшней полиции в глазах соотечественников.

Как же воспринимают граждане свою милицию / полицию?

Центр девиантологии Социологического института РАН (под руководством автора) совместно с исследовательской группой из Санкт-Петербургского Университета финансов и экономики (под руководством профессора Елисеевой И.И.) в течение четырех лет (1999-2002) проводил ежегодный репрезентативный опрос населения Санкт-Петербурга (а в 2001 г. также населения Волгограда и Боровичей) по

проекту «Население и милиция в большом городе»[73]. Опрос носил комплексный характер, включая как вопросы о различных сферах деятельности милиции, так и виктимологический опрос с целью выяснить, какая доля горожан в течение года оказывалась жертвами преступлений в течение предыдущего опросу года. Так вот, в течение 1998-2001 гг. каждый четвертый житель Петербурга (в среднем 26% от числа опрошенных) оказывался жертвой какого-либо преступления, причем многие – не по одному разу (28-36% от общего числа потерпевших). В Волгограде жертв было 18%, в Боровичах – 20,5% от числа опрошенных. Это уже значимый негативный показатель «эффективности» деятельности милиции по защите граждан от преступных посягательств.

Более того, милиция, систематически скрывая преступления от регистрации и не оказывая реальной помощи населению, «добилась» того, что жертвы преступлений вообще прекратили обращаться в милицию. Так, из всех потерпевших в Петербурге не обращались в милицию от 69,2% до 73,7%. Часть жертв (в среднем 30%) не обращались в милицию, поскольку причиненный вред был незначительный или не было ущерба, некоторые (в среднем около 4%) «пожалели виновного», «боялись огласки», «боялись мести». Основная же масса потерпевших (свыше 60%) не стала обращаться в милицию, ибо она «ничего не стала бы делать», «ничего не смогла бы сделать», «милиция была бы недовольна обращением» (!). В Волгограде и Боровичах не обращались в милицию по 58-59% жертв.

Из общего количества жертв в Петербурге, обратившихся в милицию, не дождались какой-либо ее реакции 12-15%, милиция отреагировала немедленно лишь в 29-38% случаев.

Мнение населения о работе милиции изучалось по многочисленным показателям. Опишем лишь некоторые из них

---

73. Зарубежным соисполнителем проекта явился VERA Institute of Justice (New York), организатором исследования – Общественная правозащитная организация «Гражданский контроль», финансовая поддержка этого трудоемкого проекта – со стороны Фонда Форда. Ежегодные отчеты публиковались ограниченным тиражом и рассылались заинтересованным лицам и учреждениям, включая руководство ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

применительно к Санкт-Петербургу. Данные по Волгограду и Боровичам отражают общие тенденции с некоторыми региональными особенностями.

Успешность деятельности милиции по охране общественного порядка в микрорайоне (по месту жительства опрашиваемых граждан - респондентов) оценивается как плохая и очень плохая – 46-50% респондентов (с тенденцией к возрастанию), скорее хорошо или очень хорошо – 30-37%; действенность оказываемой милицией помощи жертвам преступлений – не действенна или скорее недейственна – 41-48% респондентов (с тенденцией к возрастанию), скорее или определенно действенна – 17-26%. Общая оценка изменений работы милиции по сравнению с предшествующим опросу годом: к худшему – 8-10% опрошенных (с тенденцией к возрастанию), к лучшему – 8-12%, не изменилась – 45-59%.

Серьезными проблемами в отношениях между милицией и населением, с точки зрения жителей города, являются: задержание без достаточных оснований – отметили 30-35% респондентов (с нарастанием от года к году); жестокость обращения – 39-41%; необоснованное применение силы – 39-41%; оскорбление при задержании – 39-43%; получение взяток – 36,5-46,5% (с нарастанием от года к году, всего за 4 года – на 10%); участие в подпольной (нелегальной) торговле – 30-32%.

Среди задерживаемых милицией невежливость ее сотрудников отметили свыше 60%, несправедливость задержания – свыше 55%.

Из числа граждан, обратившихся в милицию по своей инициативе (кроме потерпевших от преступления), получили реальную помощь полностью или частично - 66-69%, не получили реальной помощи 25-28%; при этом сотрудники милиции были вежливы в отношении 6-11% обратившихся, не очень вежливы – 67-76%, совсем невежливы по отношению к 11-14% респондентов.

Еще одна деталь: поскольку исследование взаимоотношений полиции и населения производилось по единой международной программе в разных странах и городах,

в том числе в Нью-Йорке и Чикаго, можно было сравнить некоторые результаты. В частности, оказалось, что в этих американских городах-миллионерах жители сами обращаются по различным вопросам в полицию в два раза чаще, чем петербуржцы (явно признак доверия), а задерживаются жители Петербурга милицией в два раза чаще, чем жители Нью-Йорка и Чикаго полицией. А ведь в США полиция не самая добрая в мире…

Результаты наших исследований 1999-2002 гг. по тенденциям совпадают с итогами аналогичных исследований, проводимых Санкт-Петербургским Университетом МВД РФ.

Так что же делать?

Кардинальная либерально-демократическая реформа отечественной полиции (впрочем, как и прокуратуры, ФСБ, иных «силовых структур», а также судебной системы) совершенно необходима, если общество и государство не хотят скатиться к тоталитарному режиму, всевластию «спецслужб», ужасам «1937 года» и ГУЛАГ'а.

Теоретически это еще возможно, хотя потребует много усилий и времени.

Начинать следует с «политической воли», без таковой все благие пожелания ими же и закончатся. А далее:

‹ - переструктуризация служб и перестановка кадров (общая идея – меньше генералов и начальников, больше лейтенантов и сержантов, работающих «на земле», ибо сегодняшние пропорции абсолютно недопустимы);

‹ жесткий подбор, обучение и расстановка кадров (не надо жаловаться на их нехватку – Россия занимает первое место в мире по количеству сотрудников полиции на 100 тыс. населения – 1224,6, за нами следует Сингапур - 1074,7, тогда как в Уругвае – 830,9, в Австрии – 367, в США – 300, в Испании - 128[74]);

‹ внедрение в сознание всех полицейских – от рядового до министра *сервисного характера полицейской службы: мы,*

74. Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999, p. 124.

налогоплательщики, их содержим, они нам служат, обеспечивая нашу реальную безопасность;

‹ оценка деятельности полиции не по легко «регулируемым» показателям «уровень преступности», «уровень раскрываемости», а по реальной защищенности населения от преступных посягательств (количество жертв, скорость прибытия наряда полиции по вызову, результаты систематического опроса населения об удовлетворенности работой полиции и т.п.);

‹ жесткая ответственность каждого полицейского, независимо от должности и звания, за нарушения законности, превышение полномочий;

‹ взяточничество и применение незаконных методов расследования (насилие, пытки по отношению к задержанным, арестованным, подозреваемым, обвиняемым) – безусловное основание для немедленного увольнения из полиции с привлечением виновных к уголовной ответственности.

Разумеется, это далеко не все. Необходимо оснащение полиции современной техникой, повышение уровня подготовки полицейских кадров всех уровней и служб, формирование чувства профессиональной чести и достоинства и т.д., и т.п. Хотелось бы обратить внимание на взаимосвязь вышеназванных мер: без сокращения числа полицейских невозможно повышения оплаты труда; без принципиального изменения расстановки кадров невозможно сокращение численности полиции; без повышение оплаты невозможно повышение требовательности («буду я за гроши вкалывать!»); без прекращения насилия над людьми, кем бы они ни были, невозможны нормальные, партнерские отношения между полицией (предоставление услуг) и населением (потребители услуг); без партнерских взаимоотношений между населением и полицией невозможна ее эффективная работа по обеспечению правопорядка и предупреждению преступлений. Наконец, без последовательного и настойчивого противодействия коррупции вообще ничего невозможно, ибо все сведется к одному: кто, кому и сколько платит.

Restorative justice

Одним из направлений сокращения пределов уголовной юстиции и уголовного наказания служит идея восстановительной юстиции *(restorative justice)* в отличие от существующей «возмездной» юстиции *(retributive justice)*. Суть восстановительной юстиции заключается в добровольном, с помощью незаинтересованного посредника, примирении преступника и жертвы на условиях возмещения ей вреда[75]. Предполагается, что потерпевший может быть больше заинтересован в восстановлении нарушенного права, в возмещении понесенных потерь, нежели в мести преступнику. А последний скорее заинтересован избежать уголовного суда и соответствующего наказания путем добровольного возмещения ущерба, причиненного им жертве. Ясно, что восстановительное правосудие на первоначальном этапе применимо преимущественно к имущественным преступлениям (против собственности).

Возможно, идея примирительного производства восходит к традиционным обществам, где сильны общинные формы социального контроля, когда многие конфликты, включая то, что в современном обществе квалифицируется как преступление, решаются на сходах или старейшинами (при посредничестве старейшин). Может быть, именно поэтому показатели многих видов преступности самые низкие в национальных субъектах Российской Федерации на Северном Кавказе. Так, в 2006 г. уровень зарегистрированных убийств в Дагестане 9,2, в Кабардино-Балкарии – 5,7, в Адыгее – 13,3 при среднероссийском – 19,2[76]. Уровень причинения тяжкого вреда здоровью в том же году был в Ингушетии – 1,4, Дагестане – 7,2, Кабардино-Балкарии – 12,1, Чеченской Республике – 3,8 при среднем по России – 36,0. Уровень разбоев составлял в Ингушетии – 5,5, в Дагестане

75. Подробнее см.: Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М.: «Судебно-правовая реформа», 1998; Consedine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Lyttelton (New Zealand): Ploughshares Publications, 1993.

76. Здесь и далее: Преступность и правонарушения. 2003-2007. Статистический сборник. М. МВД РФ, МЮ РФ, 2008.

– 7,0, в Чеченской Республике - 8,2 при среднероссийском - 41,9.

Очевидно по этой же причине восстановительная юстиция развивается в Австралии и Новой Зеландии, где еще не исчезли традиции аборигенов. (Автору довелось быть в одной из деревень маори – аборигенов Новой Зеландии и слышать подробные рассказы о внутриобщинном разрешении конфликтов, «примирительном производстве»).

Идеи восстановительной юстиции активно обсуждаются и внедряются на практике за рубежом. Первые шаги делаются в России[77]. Первоначальной правовой базой развития ресторативной юстиции могут стать ст.76 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) и ст.25 УПК РФ (прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон). Однако необходима более тщательная правовая регламентация различных вариантов примирительного производства в рамках восстановительной (не уголовной!) юстиции.

Помимо собственно восстановительной юстиции существуют многочисленные институты альтернативных лишению свободы мер социального контроля («субтюремные меры»), включая электронное наблюдение и домашний электронный арест[78].

Ювенальная юстиция

Девиантность подростков широко распространена в различных формах: правонарушения, преступления, потребление наркотиков, злоупотребление алкоголем, вандализм, правый и левый экстремизм, проституция и др. При этом подростки особенно чутки к санкциям – как позитивным, так и негативным. Они благодарны ласке, поощрениям, гордятся достижениями, но ранимы в случае наказания, тем более - несправедливого. Стигматизация явно вредна и

77. Восстановительное правосудие в России: технология взаимодействия общества и государства. М.: Судебно-правовая реформа, 2001; Восстановительное правосудие, ресоциализация и городская политика. М.: Судебно-правовая реформа, 2002; Вестник восстановительной юстиции. Вып. 1, 2000; Вып.2, 2001; Restorative Justice: The Old Civilization in the New Russia. Moscow, 2001.

78. Криминология / ред. Дж. Шели. Указ. соч. С.575-600.

может осуществляться лишь в крайних случаях (совершение тяжкого преступления, многочисленные правонарушения). Если «преступления без жертв» - потребление наркотиков, алкоголя, занятие проституцией, добровольный гомосексуализм – вообще не должны быть криминализированы, то тем более недопустимы негативные санкции за такие виды девиантности подростков. Они нуждаются в получении психологической, медицинской, социальной помощи.

В Преамбуле «Правил правосудия в отношении несовершеннолетних» («Пекинские правила», утвержденные Ассамблеей ООН) говорится: «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения». Согласно ст. 1 Конвенции о правах ребенка, таковым считаются лица в возрасте до 18 лет.

Особенно негативные последствия влечет наказание в виде лишения свободы. Вот почему во многих европейских странах эта мера не может применяться в отношении несовершеннолетних. Все это приводит к необходимости создания специальных институтов и процедур для расследования и рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних. Российское законодательство предусматривают особый порядок расследования и рассмотрения уголовных дел по обвинению несовершеннолетних (ст.ст.420-432 УПК РФ), особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, возможность применения к ним принудительных мер воспитательного характера (ст.87-96 УК РФ). Однако отсутствие специализированных органов расследования и рассмотрения дел несовершеннолетних, социального (педагогического, психологического) сопровождения не могут обеспечить в полной мере права подростков с учетом возрастных особенностей. Отсюда – идея создания системы ювенальной юстиции[79].

В узком понимании ювенальная юстиция сводится к системе специальных (ювенальных) судов, которые рассматривают только дела по обвинению несовершеннолетних.

79. Подробнее см.: Комарницкий А.В. Основы ювенальной юстиции. СПб: Знание, 2010; Основы ювенологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / ред. Е. Слуцкий. СПб., 2002; Bartollas C. Juvenile Delinquency. Fourth Edition. Allyn and Bacon, 1997, pp.356-389.

Соответственно предполагается специализация судей, их психологическая и педагогическая подготовка, участие в процессе профессиональных психологов и/или педагогов. В широком смысле ювенальная юстиция – система расследования, рассмотрения уголовных дел и исполнения приговоров в отношении несовершеннолетних. Это означает, что как только в качестве подозреваемого возникает фигура несовершеннолетнего, так все производство по делу – дознание, следствие, судебное разбирательство, исполнение приговора – осуществляются специализированными органами и должностными лицами. При этом обязательно участие адвоката и сопровождение социальным работником (социальным психологом, педагогом). Реализация системы ювенальной юстиции в широком смысле предполагает принятие соответствующих законодательных актов и формирование органов, осуществляющих всю процессуальную деятельность в отношении несовершеннолетнего. Возможны, конечно, и промежуточные, компромиссные варианты. Например, суды по делам несовершеннолетних и обязательное сопровождение со стороны социальных работников, включая процесс отбывания наказания[80].

В России первые ювенальные суды были созданы еще в 1910 г. – сперва в Москве, затем в Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе, Харькове. В 1917 г. Временное правительство подготовило законопроект о введении таких судов по всей России, но Октябрь 1917 г. прервал этот процесс. Определенные шаги в направлении создания ювенальной юстиции предприняты и в современной России. В Концепции судебной реформы 1991 г. предполагалось создание в стране ювенальных судов. В Законе о судебной системе РФ предусмотрена возможность создания федеральных специализированных судов. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам несовершеннолетних» признается необходимость специализации судей по этой категории дел. Однако до ре-

80. См., например: Несовершеннолетние в уголовно-исполнительной системе России: проблемы исполнения наказания, социальной адаптации и их совершенствования. М.: Центр содействия правосудию при Фонде ИНДЕМ, 2002; Обучение социальных работников, занятых в ювенальной юстиции. Материалы курса. СПб.: Гражданский контроль, 2003.

ализации всех этих рекомендаций пока еще далеко.

Принципы восстановительной юстиции могут быть, прежде всего, реализованы в рамках ювенальной юстиции.

Социальная помощь

Одним из важнейших, эффективных направлений социального контроля над девиантностью является предоставление социальной, психологической, медицинской помощи «исключенным», «униженным и оскорбленным» - страдающим наркотической и алкогольной зависимостью, бездомным и безработным, жертвам преступлений и семейного насилия, суицидентам, беспризорным, беженцам и вынужденным переселенцам, лицам, освободившимся из заключения и т.п.

И дело не только в элементарной гуманности. Все эти группы населения - реальный или потенциальный резерв девиантного поведения. Их реадаптация и ресоциализация - лучшее профилактическое средство, о чем и пойдет речь в следующей главе.

Сегодня в мире, включая Россию, действуют тысячи и тысячи организаций, оказывающих целевую помощь жертвам насилия, лицам, страдающим наркотической и алкогольной зависимостью, заключенным и тем, кто только что освободился из пенитенциарных учреждений, бездомным, беспризорным детям и подросткам, суицидентам. В каждой стране, в каждом крупном городе публикуются справочники для лиц, нуждающихся в том или ином виде помощи (например, Берлинский *«Drogen. Rat und Hilfe»* с предисловием сенатора по делам молодежи и семьи Томаса Крюгера; польский «Stowarzyszenie Monar: Informator»; российско-финский подробный справочник «Сотрудничество негосударственных организаций Финляндии и Санкт-Петербурга в сфере социального обеспечения и здравоохранения»). Издаются газеты и журналы для бездомных, а их распространение осуществляют сами бездомные, имея при этом легальный заработок (например, петербургские газета «На дне» и журнал «Путь домой», шотландский журнал *«The Big Issue»).* Выходят журналы для страдающих зависимостью *(например, немецкий «Sucht Report»).* Существует

немало международных организаций различного уровня, представляющих и защищающих права тех или иных «исключенных», «девиантов». Наиболее известные из них – «Врачи без границ», «Международная амнистия» *(Amnesty International),* Международная Тюремная Реформа *(Penal Reform International - PRI),* Международное Общество Прав Человека *(Internationale Gesellschaft für Menschenrechte)*, а также Международная комиссия по правам человека для гомосексуалов и лесбиянок и множество других.

Из личных воспоминаний

Знакомясь в Швеции с осуществлением антиалкогольной политики, я оказался в офисе… Ордена Тамплиеров. К стыду своему, я был уверен, что Тамплиеры - это из времен, описываемых Вальтером Скоттом. Так вот, Тамплиеры пригласили меня участвовать в их ежедневном походе по улицам ночного Стокгольма с бутербродами в рюкзаках и горячим кофе в термосах для оказавшихся голодными и холодными (дело было в ноябре) бездомных, пьянчужек, проституток. Разумеется, я не мог отказаться.

Думается, многообразнейшие формы социальной помощи служит лучшим средством профилактики нежелательных девиантных проявлений.

Глава 19. Профилактика девиантных проявлений

Легче предупредить
преступления, чем наказывать

Монтескье

§1. Основные понятия

По сравнению с наказанием идея превенции представляется несомненно более прогрессивной и перспективной.

Под предупреждением (профилактикой, превенцией) преступности и иных форм девиантности понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные (девиантогенные) факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры преступности (девиантности) и к несовершению потенциальных преступных (девиантных) деяний.

Теоретически о возможностях и предпочтениях предупреждения преступлений известно с древних времен (Платон, Аристотель). В Новое время приоритет превенции был четко провозглашен Ш. Монтескье в «Духе законов»: «Хороший законодатель не столько заботится о наказании за преступление, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы»[81], а затем повторен и развит Ч. Беккариа («О преступлениях и наказаниях»). Комментируя идею превенции в работе Ч. Беккариа, Вольтер назвал предупреждение преступлений истинной юриспруденцией.

В современной мировой девиантологии различают три

81. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С.201.

уровня превенции: *первичную (primary prevention)* – близкую по смыслу отечественной «общесоциальной профилактике», т.е. воздействию на среду, экологию, экономические, социальные, политические условия жизни населения в целях их улучшения, гармонизации; вторичную *(secondary prevention)* – аналог отечественной «специальной профилактики», рассчитанной на обеспечение мер безопасности, воздействие на «группы риска», устранение обстоятельств, способствующих девиантным проявлениям; и третичную *(tertiary prevention)* или «индивидуальную профилактику» в отечественной науке.

К направлениям общесоциальной профилактики относятся, например, повышение уровня жизни беднейшего населения, сокращение разрыва между наиболее и наименее обеспеченными слоями (реальное уменьшение фондового или децильного коэффициента), создание условий для высокой вертикальной мобильности, формирование цивилизованного правосознания, атмосферы доброжелательности и терпимости и т.п.

Меры специальной профилактики весьма разнообразны – от установки металлических дверей, решеток на окнах, охранной сигнализации, домофонов, психологической и социальной помощи «группам риска» до эффективной социальной политики, совершенствования законодательства, организации «соседского контроля», обеспечения *«community policing»,* т.е. взаимодействия населения и полиции и т.п.

Индивидуальная профилактика предполагает работу с конкретными людьми – подростками, состоящими на учете в полиции, наркопотребителями, лицами, страдающими алкоголизмом, суицидентами, лицами, освобождающимися и освобожденными из мест лишения свободы и т.п.

Разумеется, идея предупреждения преступности и других негативных девиаций значительно разумнее, демократичнее, либеральнее, прогрессивнее, чем «борьба» и репрессии. Но насколько она реалистична и эффективна,

может ли она служить панацеей от девиантных бед[82]?

Во-первых, что служит объектом превенции, если девиантность в целом и ее отдельные виды суть некие конструкты, продукт договоренности или субъективных решений (релятивность и конвенциональность преступности, наркотизма, проституции и др.). Если, как было показано выше, согласно букве уголовного закона 100% взрослого населения страны – уголовные преступники, не говоря уже о массе «девиантов» - потребителей наркотических средств, любителей спиртного, суицидентов и др., то кто же кого будет «профилактировать»?

Во-вторых, превенция предполагает воздействие на причины девиантности, преступности. Но кто сегодня решится сказать, что он знает эти причины? В отечественной и зарубежной литературе называются сотни «причин» и факторов, известны десятки респектабельных концепций причин девиантности (гл. 4,5). Какие из них «принять за основу» и применять в профилактической деятельности?

Не удивительно, поэтому, в-третьих, что до сих пор нет достаточно убедительных данных об эффективности той или иной превентивной деятельности. В книге Д. Грэхема и Т. Бенетта собран большой материал по наиболее перспективным программам превенции. Но их успешность и результативность чаще всего не выявлены[83].

Наконец, в-четвертых, существует серьезная опасность вырождения профилактики в попрание элементарных прав человека, ибо превенция всегда есть интервенция в личную жизнь. Проводя связь между «инструментальной рациональностью» превенции и Аушвицем (Освенцимом), H. Steinert говорил в 1991 г.: «Я вижу в идее превенции часть

---

82. Помимо приводимых ниже суждений, см.: Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carrol) // Security Journal, Perpetuity Press Ltd. Vol.12, No3, 1999, pp.67-68; Welsh B., Farrington D. (Eds.) The Oxford Handbook of Crime Prevention. Oxford University Press, 2012. Они очень близки нашим размышлениям, опубликованным в: Gilinskiy Y. Crime Prevention in Russia: Theory and Practice // Security Journal. Elsevier. N11, 1998, pp.109-114. Это лишний раз свидетельствует о том, что назревшие идеи материализуются почти одновременно независимыми исследователями разных стран.

83. Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки: HEUNI, 1995. См. также: Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C. Thomas Publication, 1996.

серьезнейшего заблуждения этого столетия»[84].

И все же сказанное не отрицает полезности усилий по предупреждению нежелательных девиаций.

Во-первых, потому, что процессы организующие, упорядочивающие столь же объективны для общества, сколь и процессы дезорганизующие, девиантные.

Во-вторых, общество так или иначе будет реагировать на конвенционально определенную и полицией выявляемую преступность (наркотизацию, коррупцию и т.п.). А превенция предпочтительнее репрессии *post factum*.

В-третьих, совокупность мер primary, secondary, tertiary prevention способны в целом улучшать социальную обстановку, социальные условия бытия, создавать более человечную атмосферу и уже тем самым, в конечном итоге, служить сокращению бесчеловечных деяний.

В-четвертых, меры secondary и tertiary prevention (специальной и индивидуальной профилактики) при их разумном применении способны как защитить конкретного человека, потенциальную жертву, спасти ее от возможных посягательств, так и помочь самому девианту (злоупотребляющему наркотиками, алкоголем, азартными играми, суициденту), что уже есть благо.

Применение мер профилактики должно иметь ограничения, препятствующие злоупотреблениям:

- как общий принцип – «не навреди»;
- эти меры должны соответствовать действующим правовым и моральным нормам;
- применение превентивных мер должно максимально отвечать правам человека;
- разработка и применение мер профилактики должно осуществляться высококвалифицированными профессионалами (юристами, психологами, педагогами, врачами, социальными работниками), а волонтеры должны проходить предварительное обучение и стажировку.

---

84. Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason. In: Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) Version and Informal Social Control. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995. pp.5-16.

§2. Практика профилактики негативных девиантных проявлений в современном мире

Превенция за рубежом

Рост преступности и «кризис наказания» заставили зарубежных криминологов и практических работников обратиться к идеям предупреждения преступлений.

Большое внимание превенции преступности уделяют скандинавские страны. В Швеции в 1974 г. был образован Шведский Национальный совет по предупреждению преступлений *(The National Swedish Council for Crime Prevention)* как государственное учреждение в системе Министерства юстиции. Советом руководит правление (коллегия) в составе 20 представителей государственных и коммунальных учреждений. Совет регулярно выпускает доклады – результаты криминологических исследований. Аналогичные Советы образованы в Норвегии и Финляндии. Совместно со Скандинавским криминологическим исследовательским советом *(The Scandinavian Research Council for Criminology)* они выпускают с 2000 г. специализированный журнал *(«Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention»).*

Активно развиваются теория и практика профилактики преступности в Нидерландах. О лучших превентивных программах, заслуживших премию (Роттердам, 1987, 1990; Цволле, 1988; Еншеде, 1989; Хельдер, 1991;Амстердам, 1992, 1995; Зандвоорт, 1993; Хаарлем, 1996), рассказывается в книге, посвященной «пионерам превенции»[85]. Лучшие превентивные программы Великобритании, Бельгии и Нидерландов, получившие Европейскую премию 1997 г., представлены в другой книге, подготовленной также МЮ Нидерландов[86].

Идеи «коммунальной превенции», профилактики преступлений на уровне города, района широко распространены в германоязычных странах – *Германии и Австрии.* «Без-

85. The Prevention Pioneers: History of the Hein Roethof Prize 1987-1996. Information and PR Office Prevention, 1997.

86. Celebrating Prevention: European Crime Prevention Award 1997. Information and PR Office Prevention, 1997.

опасный город», роль граждан в обеспечении собственной безопасности, взаимодействие полиции и населения – основные темы, обсуждаемые и развиваемые в рамках этого подхода[87].

Пожалуй, центром развития концепции *«community policing»* и ее реализации в США является Чикаго. Возможно, это связано с традициями Чикагской школы в криминологии. Во всяком случае, и современные разработки ориентированы на тщательный экологический анализ города. Кроме того, исследуются взаимоотношения между населением города и полицией, возможности их сотрудничества в профилактике преступлений, а также в организации «соседского контроля»[88].

Участники Чикагской Ассамблеи «Crime, Communities and Public Policy» (1992) называют две базисные теоретические модели «community crime prevention»: неформальный социальный контроль и улучшение социальных условий.

Выше мы ссылались на обзор Д. Грэхема и Т. Бенетта лучших превентивных программ Европы и Северной Америки. Межрегиональный институт ООН по исследованию преступности и юстиции (UNICRI) в Риме в одном из своих обзоров, наряду с материалами по превенции берглэри, роли «соседского контроля» как примера партнерства в профилактике преступлений, называет 7 элементов стратегии профилактики преступлений (crime prevention), выработанных с учетом программы профилактики Москвы[89]:

1. Содействие активной политике предупреждения преступности при участии правоохранительных органов и уголовной юстиции, основывающейся на международном

---

87. Albrecht G., Ludvig-Mayerhofer (Eds.) Diversion and Informal Social Control. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1995; Kury H. (Hrsg.) Konzepte Kommunaler Kriminalprävention. Freiburg: MPI, 1997; Hammerschick W., Karazman-Morawetz I., Stangl W. (Hrsg.) Die sichere Stadt: Prävention und kommunale Sicherheitspolitik. Nomos Verlag, 1995.

88. Community Policing in Chicago, Year Seven: An interim Report. Chicago: Illinois Criminal Justice Information Authority, November 2000; Joseph L. (Ed.) Crime, Communities and Public Policy. University of Chicago, 1995; Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. Oxford University Press, 1997.

89. Alvazzi del Frate A. Preventing Crime: Citizen's Experience Across the World. Roma: UNICRI, 1997, p.16.

опыте, получаемом через эффективные проекты, развиваемые Объединенными Нациями и другими соответствующими международными организациями.

2. Развитие долговременных планов, равно как и быстрое реагирование на преступность согласно запросам общественного мнения.

3. Улучшение координации профилактической деятельности на национальном, региональном и местном уровнях.

4. Поддержка вовлечения населения в профилактику преступлений посредством усиления доверия полиции со стороны общества.

5. Содействие посредством правоохранительных органов и уголовной юстиции охране и безопасности лиц и собственности.

6. Обхождение с жертвами [преступлений] с уважением и пониманием их нужд, и обеспечение быстрой помощи и информирования об их правах.

7. Регулярный мониторинг превентивных программ, основанный на надежной информации, анализе и публичных дискуссиях со всеми партиями.

Обобщая известные рекомендации по системе превенции[90], можно назвать некоторые стратегические направления:

‹ Общесоциальные меры по сокращению социально-экономической дифференциации, безработицы, улучшению городской экологии и т.п.

‹ Программы поддержки семьи и детей.

‹ Программы поддержки и помощи тем, кто злоупотребляет алкоголем и наркотиками, освободился из мест лишения свободы, а также жертвам преступлений.

‹ Соседская взаимопомощь («соседский контроль»).

‹ Максимальное сокращение тюремного населения.

‹ Улучшение «техники безопасности» (освещение улиц, дворов, скверов, лестниц, охранная сигнализация, патрули местной полиции, электронные средства безопасности и т.п.).

---

90. Грэхем Д., Бенетт Т. Указ. соч.; Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. NJ: Pentice Hall, Upper Saddle River,1997; Donziger S. Ibid; Tomasic R., Freeley M. (Eds.) Neighborhood Justice: Assessment of an Emerging Idea. NY and L.: Longman Inc., 1982.

Профилактика других, кроме преступности, негативных девиантных проявлений существенно зависит от их генезиса и содержания.

Издавна существуют системы профилактики суицидального поведения, начиная от первого «телефона доверия», основанного пастором Г. Уорреном в 1906 г. в Нью-Йорке, и современной телефонной службы в сочетании с суицидологическим центром, созданными Х. Хоффом и Е. Рингелем в 1948 г. в Вене и священником Чад Вара в 1953 г. в Лондоне. Имеются многочисленные общественные организации помощи суицидентам и лицам, находящимся в кризисных ситуациях («Общество самаритян» в Великобритании, «Общества анонимных суицидентов» в ряде стран).

Существует множество форм предупреждения наркотизма и пьянства. Первичная превенция – общесоциальные меры сокращения или нейтрализации девиантогенных факторов. Вторичная превенция, это, прежде всего, антиалкогольная и антинаркотическая пропаганда наряду с пропагандой здорового образа жизни. Третичная профилактика богата опытом деятельности многочисленных организаций «самопомощи» типа «АА» («анонимные алкоголики») и «анонимные наркоманы» в Германии, Польше (знаменитый Монар), США и в других странах, немецкий SYNANON[91]. Кроме того, велика роль специализированной медицинской и психологической наркологической служб.

Отечественная практика

Поскольку К. Маркс, а за ним В. Ленин повторили слова Монтескье о приоритете предупреждения преступлений по сравнению с карой за них, постольку идея приоритета превенции вошла в идеологию марксизма-ленинизма. Другой

91. См.: Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. Jessica Kingsley Publishers, 1998; Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications, 1998; Leifman H. Perspectives on Alcohol Prevention. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1996; Moskalewicz J., et al. Prevention and Management of Drug Abuse in Poland. Summary of Final Report. Warsaw, 1999; Rechtsmedizinisches Kolloquium der Freien Universität Berlin, 1995 (издание двуязычное, включает русскоязычные тексты о профилактике наркомании и алкоголизма в Германии); и др.

вопрос – как эта идея реализовывалась на практике…

Как уже отмечалось, первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. новая власть еще пыталась играть в либеральные игры. Однако вскоре и надолго массовые репрессии стали основой реальной уголовной политики советского государства.

Идея превенции была реанимирована Н. Хрущевым, который на XX съезде КПСС (1956) высказался за приоритет профилактики преступлений, а затем повторил это на XXI съезде КПСС (1959): «Нужно предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключили появление у отдельных лиц каких-либо поступков, наносящих вред обществу. Главное – это профилактика и воспитательная работа». На XXII съезде КПСС (1961) была принята новая Программа КПСС, согласно которой главное внимание «должно быть направлено на предотвращение преступлений». Н. Хрущев видел в профилактике панацею от «антиобщественных» проявлений, как в кукурузе – панацею от развала сельского хозяйства. Думается, он искренне верил в чудодейственную силу превенции и обещал пожать руку последнему преступнику в СССР…

При всей демагогичности и утопичности партийных заявлений, эти идеологические клише позволяли ученым разрабатывать теоретические и методические основы превенции, а на практике наблюдались некоторая либерализация наказания, сокращение доли лиц, осуждаемых к реальному лишению свободы (многие обвиняемые и осужденные «отдавались на поруки и перевоспитание» трудовым и учебным коллективам), сопровождавшиеся снижением уровня регистрируемой преступности (с 1961 по 1965 гг. на 19%).

Именно в эти годы и позднее возникают многочисленные общественные организации по профилактике преступлений и иных правонарушений: товарищеские суды, народные дружины, советы профилактики на предприятиях, в учреждениях и организациях, а также служба профилактики в системе МВД. В учебных заведениях системы МВД вводится объемный курс профилактики преступлений.

По окончании хрущевской «оттепели» стали возрастать и репрессивность уголовной юстиции, и уровень преступности. Однако одним из важнейших направлений дея-

тельности криминологов в 60-80-е гг. остается разработка теоретических и практических моделей профилактики противоправного поведения (Г.А. Аванесов, Ю.Д. Блувштейн, А.Э. Жалинский, К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский, В.С. Устинов и др.). В 1976 г. выходит учебное пособие К.Е. Игошева по профилактике преступлений[92], а в 1977 г. - коллективная монография, посвященная теоретическим основам профилактики[93]. Затем следует многочисленная литература по различным проблемам превенции: теории, методике, профилактике отдельных видов преступлений, планированию профилактики в органах МВД, регионах, в трудовых коллективах (в частности, в системе комплексного планирования социального и экономического развития) и др.[94]

Что касается иных, кроме преступлений, девиантных проявлений, то некоторая превентивная работа касалась трудовых правонарушений и пьянства. Эта сфера профилактики была возложена на трудовые и учебные коллективы, а также профсоюзную, комсомольскую и партийную (КПСС) организации. Стандартная формулировка характеристик «морально устойчив» означала – не алкоголик... Тема же проституции, наркотизма и самоубийств была табуирована. Этих явлений «не было» и не могло быть в счастливом социалистическом обществе! А потому и предупреждать ничего не надо.

Новые позитивные тенденции характеризуют период горбачевской «перестройки». Снижается доля лиц, приговариваемых к лишению свободы (с 45,2% в 1985 г. до 33,7% в 1987 г.); количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия, увеличивается с 1985 г. по 1988 г. на 76%; одно-

---

92. Игошев К.Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: Учебное пособие. Горький: ВШ МВД СССР, 1976.

93. Теоретические основы предупреждения преступности. М.: Юридическая литература, 1977.

94. Назовем лишь некоторые из трудов: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Академия МВД СССР, 1980; Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск: Университетское, 1986; Зудин В.Ф. Социальная профилактика преступлений: Криминологические и криминалистические проблемы. Саратов: Саратовский ГУ, 1983; Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький: ВШ МВД СССР, 1977.

временно снижается уровень преступности. Однако усложнившаяся социально-экономическая и политическая «постперестроечная» ситуация сводит на нет эти достижения.

Значительный рост преступности, неэффективность деятельности правоохранительных органов вновь выдвигает в 90-е гг. проблему предупреждения преступлений. Однако вместо развития идей и практики превенции применительно к новым общественно-экономическим условиям, предпринимаются попытки некритического заимствования советского опыта, например, «возрождения» народных дружин. При этом совершенно не учитывается изменившаяся криминальная ситуация.

Во-первых, если в 60-70-е гг. студенты и преподаватели, рабочие и служащие с красными повязками на руках могли в какой-то степени способствовать «наведению порядка» на улицах крупных городов, то при сегодняшнем уровне криминализации подростков и молодежи, профессионализации и организованности преступности, общественники на улицах бессильны и бессмысленны. Во-вторых, в советское время три дополнительных дня к отпуску для народных дружинников могли служить стимулом такого рода общественной активности. Сегодня, в условиях пусть дикой, но рыночной экономики «это не стимул». В-третьих, существует реальная опасность вовлечения в ряды современных «дружинников» представителей экстремистских, националистических группировок. Подобные случаи в Московской области, Воронеже были описаны в прессе. Другой попыткой «задействовать общественность» служит привлечение казачьих формирований к охране правопорядка. Но казак с нагайкой – не самый лучший образ «защитника» для российского населения.

Значительно плодотворнее обращение к идеям «соседского контроля» и взаимодействия населения и коммунальной милиции, но их реализация находится еще на начальном этапе.

В последнее время развиваются формы профилактики аддиктивного (злоупотребление алкоголем, наркотическими средствами, психотропными веществами) и суицидального поведения. Сформировались и активно работают об-

щества анонимных наркоманов, анонимных алкоголиков, внедряются реадаптационные программы («Двенадцать шагов» и др.), среди наркоманов распространяются одноразовые шприцы, методы защиты от ВИЧ-инфицирования[95].

По инициативе проф. А.Г. Амбрумовой вначале в Москве, а затем и в других городах создается суицидологическая служба, включающая «телефон доверия», кабинеты психологической помощи (в районах, на крупных предприятиях, в вузах) и кризисные стационары[96]. Разработаны основы и методики психологической коррекции суицидального поведения[97].

§3. Развитие социального творчества

Человечество, обеспокоенное преступностью, насилием, пьянством, наркотизмом, терроризмом, коррупцией, иными проявлениями социального «зла», сосредоточилось на противодействии негативным девиантным проявлениям. Между тем, во-первых, «добро» и «зло», негативные и позитивные девиации тесно взаимосвязаны, дополняя, а то и замещая друг друга. Во-вторых, развитие всех видов творчества – само по себе чрезвычайно важная социальная задача. В-третьих, авторские гипотезы «баланса социальной активности» и принципиальной возможности «канализировать» социальную активность в допустимом или желательном для социума направлении – служат базой для сокращения негативных девиаций за счет развития, стимулирования позитивных. Ибо «без науки и искусства у человечества не

95. Подробнее о сообществах «АА», «АН» и программе «12 шагов» см.: Осятинский В. Алкогольная зависимость: Болезнь или порок? СПб., 1998; Иванова Е. Как помочь наркоману. СПб., 1997.

96. Подробнее см.: Амбрумова А.Г., Бородин С.В., Михлин А.С. Предупреждение самоубийств. М.: Академия МВД СССР, 1980; Актуальные проблемы суицидологии. М.: Московский НИИ психиатрии, 1978; Научные и организационные проблемы суицидологии. М.: НИИ психиатрии, 1983; Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологии. М.: НИИ психиатрии, 1984; Комплексные исследования в суицидологии. М.: НИИ психиатрии, 1986.

97. Гилинский Я.И., Юнацкевич П.И. Указ. соч. Гл. 7 и Приложения (с.224-329).

будет иного пути для выхода своей энергии, кроме войны и борьбы за обогащение»[98].

Практический опыт развития творческих задатков накоплен психологией и педагогикой. Но это – на уровне «индивидуальной профилактики». Социология же вообще, девиантология, в частности, существенно отстают в познании социальных закономерностей развития творчества. Поэтому, к сожалению, здесь можно назвать лишь некоторые характеристики, свойства общественного бытия, стимулирующие массовую (творцы-одиночки, творцы-изгои возможны в любом обществе) творческую активность населения.

1. Свободное, открытое общество. В авторитарных и тоталитарных обществах творчество опасно, оно преследуется прямо или косвенно, явно или завуалировано. Творцам приходится работать «в стол», «в корзину», скрывая результаты своего труда.

2. Общественная толерантность (терпимость). Нетерпимость к «девиантам», к «высовывающимся», к людям «не от мира сего» существенно сужает социальную базу творчества. Ибо «Творчество есть преступление. Творчество есть дьявольское дело. Творчество есть героизм»[99].

3. Широкая доступность (в том числе, материальная) образования, достижений культуры, науки и искусства для всех желающих.

4. Престижность культуры, науки, искусства, образования в обществе. Они выступают как социальная ценность. «Творческие потенции лучше всего развиваются там, где существует подлинное уважение к творчеству»[100]. В мире, где «все на продажу», возможность творить ограничена.

5. Наличие свободного времени[101]. Свободного – от необходимости добывать средства к существованию, от «крысиных бегов» за куском хлеба (или в погоне за карьерой). Один профессиональный пример: когда профессор (доцент, пре-

98. Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. М.: Прогресс, 1987. С.149.

99. Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. М.: Наука, 1982. С.251

100. Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. Указ. соч. С.151.

101. Грушин Б. Свободное время. М.: Мысль, 1967; Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Лениздат, 1977.

подаватель) вынужден преподавать в трех, четырех, пяти университетах ради более или менее нормального питания и штанов (юбки), - трудно говорить о наличии условий для творчества, хотя оно – профессиональное требование к работнику высшей школы.

6. Интернационализация (глобализация) науки. «Выработавшийся в течение моей жизни своеобразный космополитический подход сыграл определенную роль в моей научной деятельности, ибо научил меня быть непредвзятым и гибким; он показал мне, как одна и та же проблема (социальная, политическая, экономическая, лингвистическая) может эффективно решаться представителями различных рас и национальностей принципиально различными путями»[102].

Заключение

Подведем некоторые итоги.

Социология девиантности и социального контроля (девиантология) - сравнительно молодая отрасль знания и по статусу является специальной социологической теорией. В перспективе возможно ее перерастание *в общенаучную теорию девиаций в природе и обществе.*

Юный (скорее даже младенческий) возраст девиантологии обусловливает отсутствие в ней устоявшихся понятий, устойчивой структуры, общепризнанных и достоверно установленных закономерностей существования и развития ее предмета. Это одновременно и «недостаток», и «достоинство» девиантологии: она открыта для эволюционных и «революционных» изменений парадигм, для новых открытий.

У девиантологии сильно деформировано одно крыло: относительно развитые знания о негативных девиациях при весьма скромных (зачаточных) представлениях о девиациях позитивных. За этим скрывается огромное исследовательское поле.

---

102. Селье Г. Указ. соч. С.156.

Девиантология больше, чем какая-либо другая общественная наука, свидетельствует *о релятивности, конвенциональности* социальных конструкций («девиация», «преступность», «наркотизм», «проституция», «коррупция», «терроризм», «творчество» и др.), об относительности и взаимодополнительности «добра» и «зла» в реальной жизни, «где порок переплетен с добродетелью и где из добра рождается зло, а из зла – добро»[103].

Как все науки, девиантология интернациональна. Тем важнее освоение и усвоение международного опыта, активное вхождение отечественной науки в мировую. Изоляционизм – гибель науки. (Отчасти этим объясняется широкое - хотя и явно недостаточное - использование в данной книге зарубежных литературных источников).

Увлекательная в своих теоретических построениях, девиантология по сути своей весьма практична – она выявляет закономерности, возможности социального контроля над девиантностью, как в целях минимизации негативных отклонений, так и для максимального развития позитивных девиаций, творчества.

Позволю себе небольшую шутку. Если, как было показано выше, «реальность является девиантной» (Н. Луман), «феномен девиации – интегральное будущее общества» (П. Хиггинс, Р. Батлер), «девиантность – будущее современности» (К. Самнер), девиантность – механизм социальных изменений и развития, а мы все «девианты-рецидивисты», - то не является ли девиантология – Общей Социологической Теорией? (и тогда общая социологическая теория всего лишь специальная девиантологическая теория)…

И последнее. Автор вполне критически относится к содеянному: «белые пятна», недостаточная аргументация, субъективизм (правда, я не часто встречался со вполне «объективистскими» трудами в области социальных наук). И я буду считать свою задачу выполненной, если книга вызовет желание спорить, возражать, дополнять и развивать девиантологические идеи и их эмпирическую базу.

---

103. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. М.: Мысль, 1971. С.544.

Использованная литература

1. АА – анонимные алкоголики // Социологические исследования. 1991. №№ 1. (гл. 11).

2. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. (гл. 4, 7, 16, 18).

3. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. (гл. 19).

4. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. (гл. 18).

5. Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л., 1991. (гл. 2).

6. Айдинян Р. М. Введение в теорию социальной организации. Л., 1980. (гл. 15).

7. Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность. В: Организованная преступность в России: теория и реальность / Под ред. Я. Гилинского. СПб., 1996. (гл. 2, 7).

8. Аколиньский С. Проблемы социальной патологии. Социальная политика. М., 1977. (гл. 13).

9. Акопян А. и др. Динамика уровней заболеваемости и смертности от болезней, имеющих «социальную окраску» (социопатий) в современной России // Вопросы статистики. 1998. № 3. (гл. 11).

10. Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. (гл. 12, 19).

11. Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля / Под ред. Я. Гилинского. М., 1992. (гл. 2, 5).

12. Алексеев М. Имя им — легион… // Экономика и жизнь. 2001. № 37. (гл. 9).

13. Алиев И. А. Актуальные проблемы суицидологии. Баку, 1987. (гл. 5).

14. Алкоголь вреднее героина и крека // URL: http://www.

narcolog-24.ru/2010/12/alkogol-vrednee-geroina-i-kreka.html (дата обращения: 08.07.2012). (гл. 10).

15. Алякринская Н. После «тройного» не закусывают // Московские Новости, 2003.11-17 ноября. (гл.11).

16. Амбрумова А. Г., Бородин С. В., Михлин А. С. Предупреждение самоубийств. М., 1980. (гл. 5, 12, 19).

17. Амбрумова А. Г., Ратинов А. Р. Мультидисциплинарное исследование агрессивного и аутоагрессивного типа личности // Комплексные исследования в суицидологии / Отв. ред. В. Ковалев. М., 1986. (гл. 5, 12).

18. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1969. (гл. 6).

19. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003. (гл.18).

20. Антология кинизма. Фрагменты сочинений киническихмыслителей. М., 1984. (гл. 4).

21. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. I. М., 1969. (гл. 4).

22. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. (гл. 8).

23. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. (гл. 4).

24. Аснер П. Насилие и мир: от атомной бомбы до этнической чистки. СПб., 1999. (Введ.).

25. Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб., 1995. (гл. 5, 9).

26. Афанасьев В. С., Маточкин И. В. К вопросу о понятии антисоциального поведения // Вестник ЛГУ. 1979. № 17. Вып. 3. (гл. 5).

27. Бабиченко К.Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение. Дисс. …канд. юрид. Наук. СПб, 2005. (гл. 7).

28. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. (гл. 16).

29. Барсукова С.Ю. Сращивание теневой экономики и теневой политики (на примере финансирования избирательных кампаний и деятельности политических партий) // Теневая экономика - 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности М., 2008. (гл.16).

30. Батищев Г. С. Творчество и рациональность (к определению понятия человека) // Человек, творчество, наука. М., 1967. (гл. 15).

31. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб: РХГИ, 1997. (гл. 15).

32. Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. (Введ.; гл. 17).

33. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. (гл. 7).

34. Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков, 1999. (гл. 2, 6).

35. Беликов С.В. Скинхеды в России. М., 2005. (гл.7).

36. Белановский С. А. Методика и техника фокусированного интервью. М., 1993. (гл. 2).

37. Белл Д. Преступление как американский образ жизни. В: Социология преступности. М., 1996. (гл. 6).

38. Белогуров С. Б. О наркотиках и наркоманах. СПб., 1997. (гл. 10).

39. Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности: Антология / Под ред. С. И. Голода. СПб., 1997. (гл. 13).

40. Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000. (Введ., гл. 7).

41. Бекер Г. Экономический анализ и человеческое поведение. В: Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). 1993. Т. 1. Вып. 1. (гл. 7).

42. Бекер Д. Понятие системного насилия. В: Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. (гл. 18).

43. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. (гл. 4).

44. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. (гл. 1, 7, 9).

45. Берлин П. Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. № 8. (гл. 9).

46. Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. (гл. 8).

47. Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М., 1975. (гл. 4).

48. Блох И. История проституции. СПб., 1913. Т. 1. (Ре-

принтное издание, М.-СПб., 1994). (гл. 13).

49. Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В. Профилактика преступлений. Минск, 1986. (гл. 19).

50. Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск, 1990. (гл. 2).

51. Божков О., Гилинский Я., Елисеева И. и др. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет 3). СПб., 2001. Приложение. (гл. 2).

52. Бокль. История цивилизации в Англии. СПб., 1886. Т. 1. Ч. 1. (гл. 12).

53. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 17. (гл. 1).

54. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1952. Т. 12. (гл. 1).

55. Бонгер. Бродяжничество и нищенство. В: Уголовное право и социализм / Под ред. М. Гернета. М., 1908. (гл. 4).

56. Боннардо Ж.-Л. Психоактивные средства и их действие // ИМПАКТ, 1985. № 1. (гл. 10).

57. Бор Н. Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. (гл. 2).

58. Бородай Ю. Психоанализ и «массовое искусство». В: «Массовая культура» — иллюзии и действительность. М., 1975. (гл. 6).

59. Бородкин Ф. Социальные эксклюзии // Социологический журнал, 2000, N3-4. (гл.7, 16).

60. Братусь Б. С., Сидоров П. И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М., 1984. (гл. 5).

61. Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002. (гл. 4).

62. Бруханский Н. П. Самоубийцы. Л., 1927. (гл. 5, 12).

63. Брюкнер П. Новая война за самоопределение // Иностранная литература. 2003. № 6. (гл. 13).

64. Будницкий О. В. (автор-составитель). История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. (гл. 8).

65. Булацель П. Ф. Самоубийство с древнейших времен до наших дней. СПб., 1900. (гл. 12).

66. Бурдье П. За рационалистический историзм // Социологос постмодернизма. М., 1996. (Введ.).

67. Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб: ГУЭИФ, 2006. (гл. 16).

68. Быков С. В. Социально-психологические детерминанты девиантного поведения подростков. Тольятти, 2003. (гл. 5).

69. Быстрова А. С., Сильвестрос М. В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 1. (гл. 9).

70. Вагин В. С., Клепиков Д. В. Девиантное поведение военнослужащих. СПб., 1998. (гл. 5).

71. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. (Введ., гл. 16).

72. Введение в социологию науки / Под ред. С. А. Кугеля, Н.С. Черняковой. СПб., 1992. (гл. 15).

73. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. (гл. 6, 16).

74. Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия: Радикальные группы, представления лидеров, роль церкви. М., 1999. (гл. 7).

75. Веркор, Коронель. Квота, или Сторонники изобилия. М.: Правда, 1984. (гл. 16).

76. Веселовский К. С. Опыты нравственной статистики в России. СПб., 1847. (гл. 5, 12).

77. Вестник восстановительной юстиции. 2000. Вып. 1. (гл. 18).

78. Вестник восстановительной юстиции. 2001. Вып. 2. (гл. 18).

79. Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1911. Т. VIII. (гл. 12).

80. Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976. № 10, 12. (гл. 15).

81. Винер Н. Я — математик. М., 1967. (гл. 17).

82. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973 (гл. 2).

83. Влассак Р. Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М.-Л., 1928. (гл. 5).

84. «Власть», журнал №22 (825), 2009. (гл. 10).

85. Волошина Л. А. Совершенствование условий в сфере досуга как фактор искоренения преступности. В: Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. М., 1979. (гл. 3).

86. Волошина Л. А. Тяжкие насильственные преступления: статистика и реальность. В: Тяжкая насильственная преступность в России в начале 90-х годов. М., 1996. (гл. 7).

87. Вопросы борьбы с преступностью. 1975. Вып. 23. (гл. 5).

88. Воронина О.Ф. Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. 1988. № 2. (гл. 6).

89. Ворошилов С., Гилинский Я. Военная девиантология. Кишинев, 1994. (гл. 5).

90. Восстановительное правосудие в России: технология взаимодействия общества и государства. М., 2001. (гл. 18).

91. Восстановительное правосудие, ресоциализация и городская политика. М., 2002. (гл. 18).

92. Все страны мира (2001) // Население и общество. 2001. № 56. (гл. 11).

93. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968. (гл. 15).

94. Габиани А. Наркотизм: вчера и сегодня. Тбилиси, 1988. (гл. 5).

95. Габиани А. Кто такие наркоманы? // Социологические исследования, 1992. № 2. (гл. 5, 10).

96. Габиани А. Наркотизм (конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1997. (гл. 5).

97. Габиани А. А., Мануильский М. А. Цена «любви» (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987. № 6. (гл. 5).

98. Гаврилов Б. Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. № 1. (гл. 7).

99. Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М., 1981. (гл. 6).

100. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 2-х томах. М., 1971. Т. 2. (гл. 15).

101. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В 2-х томах. Т. 2. М., 1971. (гл. 15, Заключение: 1).

102. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 2-х томах. М.: Мысль, 1975. Т. 2. (гл. 15).

103. Гегель. Философия права. В 2-х томах. М., 1986. (гл. 17).

104. Геодакян В. А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник 1986. М., 1987. (гл. 6).

105. Гернет М. Н. К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. № 7. (гл. 5).

106. Гернет М. Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Киев, 1930. (гл. 13, 18).

107. Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931. (гл. 7).

108. Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. (гл. 3, 5, 6).

109. Герцензон А. А. Преступность и алкоголизм в РСФСР / Под ред. Г. М. Сегала и Ц. М. Фейнберга. М., 1930. (гл. 5).

110. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., 1965. (гл. 5).

111. Гидденс Э. Социология. М., 1999. (гл. 1).

112. Гидденс Э. Фуко о сексуальности // Социология сексуальности: Антология / под ред. С. И. Голода. СПб., 1997. (гл. 13).

113. Гилинский Я. И. Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения» // Преступность и ее предупреждение / Под ред. М. Шаргородского. Л., 1971. (гл. 5).

114. Гилинский Я. И. Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество. 1971. Вып. VIII. (гл. 5).

115. Гилинский Я. Стадии социализации индивида // Человек и общество. 1971. Вып. IX. (гл. 6).

116. Гилинский Я. И. Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения. В: Актуальные проблемы социального планирования. Иркутск, 1975. (гл. 6).

117. Гилинский Я. И. Исследование социальной активности населения при региональном социальном планировании // Региональное социальное планирование: Тезисы докладов конференции. Уфа, 1976. Ч.1. (гл. 3).

118. Гилинский Я. И. О системном подходе к преступно-

сти // Правоведение. 1981. № 5. (гл. 2).

119. Гилинский Я. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности: Ученые записки Тартуского государственного ун-та. Тарту, 1988. (гл. 2).

120. Гилинский Я. И. Социальное насилие и… смысл жизни // Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки общества: Информационные материалы. М., 1990. Вып. 6. (гл. 15).

121. Гилинский Я. Мифологизированное сознание и тоталитаризм // Радуга, 1990, №9. (гл. 7).

122. Гилинский Я. Творчество — норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2. (гл. 1).

123. Гилинский Я. И. Гомосексуализм: мифы и реальность (социально-правовые проблемы). В: За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) / Под ред. Б. Левина. М., 1991. Кн. 2. (гл. 5).

124. Гилинский Я. Проституция как она есть. В: Проституция и преступность. М., 1991. (гл. 13).

125. Гилинский Я. И. Девиантное поведение как одна из характеристик качества населения Петербурга. В: Качество населения Санкт-Петербурга / Под ред. Б. Фирсова. СПб., 1993. (гл. 5).

126. Гилинский Я. И. Тема смерти — тема жизни: философия социологии // Фигуры Танатоса: Философский альманах. СПб., 1995. Вып. 5. (гл. 15).

127. Гилинский Я. И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне Российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. Т. IV. №2. (гл. 6, 12).

128. Гилинский Я. Человек человеку волк? // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1995. № 6–7. (гл. 4).

129. Гилинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля. В: Социология в России / Под ред. В. Ядова. М., 1998. (гл. 5).

130. Гилинский Я. Социальная патология в современной цивилизации. В: Криминология. XX век. СПб., 2000. (гл. 2).

131. Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступ-

ность. СПб., 2001. (гл. 1, 7, 17).

132. Гилинский Я.И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. №5. 2003. (гл. 16).

133. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. (гл. 7).

134. Гилинский Я.И. Толерантность в России: возможность и невозможность. В: Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб ГУ, 2004. (гл. 7).

135. Гилинский Я.И. Интолерантность в современной России. В: Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005. (гл. 7).

136. Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2004, №6. С. 69-77.(гл. 7, 16).

137. Гилинский Я.И. Девиантность в условиях глобализации. В: Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии. М.: ИСРАН, 2005. (гл. 16).

138. Гилинский Я.И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд, 2005, №2. (гл. 7).

139. Гилинский Я.И. Игорная зависимость: альтернатива наркотической? В.: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы / ред. А.В. Шашкин, М.Е. Позднякова. М.: ИС РАН, 2007. (гл. 14, 16).

140. Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. (гл. 1, 2, ч.II: Предисл., гл. 4, 6, 7, 16).

141. Гилинский Я. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб: Наука, 2009. (гл. 16).

142. Гилинский Я.И. Самоубийство как социальный феномен // Социологический журнал. №2. 2011. (гл. 5, 12).

143. Гилинский Я., Проскурнина Н., Смолинский Л. Социальные и медико-психологические проблемы суицидального поведения молодежи . В: Отклоняющееся поведе-

ние молодежи / Под ред. Э. Раска. Таллин, 1979. (гл. 2, 5).

144. Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. Т. 30. Общественные науки. 1981. № 2. (гл. 2, 3, 5, 6).

145. Гилинский Я., Румянцева Г. Основные тенденции самоубийств в России: социологический анализ // Петербургская социология. 1997. № 1. (гл. 12).

146. Гилинский Я. И., Смолинский Л. Г. Социодинамика самоубийств // Социологические исследования. 1988. № 5. (гл. 5).

147. Гилинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. СПб., 1993. (Введ., гл. 5, 7).

148. Гилинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб., 1999. (гл. 2, 5, 12, 19).

149. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. СПб., 2001. (гл. 2, 5, 10, 11).

150. Гилинский Я., Костюковский Я. Организованная преступность: понятие, история, деятельность, тенденции. В: Частная криминология / ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. (гл. 16).

151. Гилинский Я., Овчинникова Г. Торговля людьми: криминологический и уголовно-правовой анализ: Учебное пособие. СПб.: Юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры. 2008. (гл. 16).

152. Гилинский Я. Оба хуже! URL: http://crimpravo.ru/blog/1315.html#cut, (дата обращения: 12.12.2011). (гл. 16).

153. Гилинский Я. Исключенные навсегда. URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Gilinsky-Iskluchennye_navsegda.pdf , URL: http://crimpravo.ru/blog/1044.html. (дата обращения: 21.08.2011). (гл. 16).

154. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006. (Введ., гл. 5, 16).

155. Голанд Я. Г. Особенности клинических проявлений опийной токсикомании при внутривенном способе введения препарата // Алкоголизм и токсикомания. М., 1986. (гл. 10).

156. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм

социальной деградации. СПб: Юридический центр Пресс, 2005. (гл. 9).

157. Голод С. И. Проституция в контексте изменения половой морали // Социологические исследования. 1988. № 2. (гл. 13).

158. Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. (гл. 13).

159. Голосенко И. А. «Русское пьянство»: мифы и реальность // Социологические исследования. 1986. № 3. (гл. 5).

160. Голосенко И. А. Российская социология проституции (1861–1917). СПб., 1997. (гл. 5).

161. Голосенко И. А. Феномен русской взятки: Очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 11. № 3. (гл. 9).

162. Голосенко И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002. (гл. 5).

163. Голосенко И. А., Голод С. И. Социологические исследования проституции в России: (история и современное состояние вопроса). СПб., 1998. (гл. 5).

164. Горяинов К. К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994. (гл. 7).

165. Горяинов К. К., Коровин А. А., Побегайло Э. Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. М., 1976. (гл. 5).

166. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб., 2000. (гл. 9).

167. Грошева И.А. Социологический анализ механизмов формирования девиантного поведения личности. Тюмень, 2006. (гл. 6).

168. Грушин Б. Свободное время. М., 1967. (гл. 19).

169. Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995. (гл. 19).

170. Грязнов Б. С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982. (гл. 15, 19).

171. Гурвич И. Н. Социальная психология здоровья. СПб., 1999. (гл. 5, 14).

172. Гурвич И. Н. Социально-психологические факторы

здоровья // Психология здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2000. (гл. 14).

173. Гурвич И. Н., Русакова М. М. и др. Коммерческая сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе России. В: Санкт-Петербург в зеркале социологии / Под ред. В. В. Козловского. СПб., 2003. (гл. 13).

174. Гуров А., Рябинин В. Исповедь «вора в законе». М., 1995. (гл. 7).

175. Гэлбрэйт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. (гл. 16).

176. Давыдовский И. В. Проблемы причинности в медицине: (Этиология) М., 1962. (гл. 1).

177. Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли. М.: Прогресс, 1967. (гл. 6).

178. Дарендорф Р. Тропы из утопии: Работы по теории и истории социологии. М., 2002. (гл. 4).

179. Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский и Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012. (гл. 2, 5, 16).

180. Девиантность и социальный контроль в России (XIX—XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Под ред. Я. Гилинского. СПб., 2000. (гл. 5, 7, 13).

181. Девиантология. Хрестоматия / под ред. Ю.А. Клейберга. СПб.: «Речь», 2007 (гл.1).

182. Дейчман Э. Алкоголизм и борьба с ним. М.-Л., 1929. (гл. 5).

183. Диагностика Российской коррупции / ред. Г. Сатаров. М.: Фонд ИНДЕМ, 2006. (гл. 16).

184. Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа). СПб., 2004. (гл.8).

185. Дикселиус М., Константинов А. Преступный мир России. СПб., 1995. (гл. 7).

186. Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / ред. А.К. Соболева. М., 2005. (гл. 7).

187. Дмитриев А. В. Конфликтология. М., 2000. (гл. 8).

188. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993. (гл. 8).

189. Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: Социо-

политический анализ. М., 2000. (гл. 8).

190. Доклад о мировом развитии 2005: Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.:, 2005. (гл. 7).

191. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1999. (гл. 10).

192. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. (гл. 4).

193. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1982. Т. 24. (гл. 5, 12).

194. Дриль Д. А. Преступный человек. СПб., 1882. (гл. 5).

195. Другой – чужой – враг // Индекс. Досье на цензуру. 2005, №22. (гл. 7).

196. Дьяченко А. П., Синельникова Н. Л., Шлык С. В. Эксплуатация проституции в России. М., 1999. (гл. 13).

197. Дюпуи Е. Проституция в древности и половые болезни. СПб., 1907 (репринтное издание: Кишинев, 1991). (гл. 13).

198. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. (гл. 4, 17).

199. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994. (гл. 4, 12).

200. Дюркгейм Э. Норма и патология. В: Социология преступности. М., 1966. (гл. 4, 17).

201. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб., 2002. (гл. 8).

202. Ерохина Л., Буряк М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003. (гл. 16).

203. Если не примем срочных мер, то просто пропьем страну // Российская Федерация, 2009, № 4. (гл. 11).

204. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. (гл. 7).

205. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. (гл. 16).

206. Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011(гл. 16).

207. Жижиленко А. А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922. (гл. 5).

208. Жук О. Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России, XX век. М., 1998. (гл. 5).

209. Жуховицкий Л., Хесслинд Д. О любви и прочем: Диалог в письмах // Иностранная литература. 1989. № 2. (гл. 13).

210. Забрянский Г.И. Методика статистического изучения преступности (введение в криминологическую статистику). М., 2010. (гл. 2, 7).

211. Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997. (гл. 6).

212. За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями). В 2 кн. / Под ред. Б. Левина. М., 1991. (гл. 5).

213. За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) / Под ред. Б. Левина. М., 1993. (гл. 5).

214. Заиграев Г. Г. Борьба с алкоголизмом. М., 1986. (гл. 5).

215. Заиграев Г. Г. Общество и алкоголь. М., 1992. (гл. 5).

216. Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право, 1999, №1. (гл. 16).

217. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / ред. А.И. Долгова. М., 2001. (гл. 8).

218. Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями / Под ред. Б. Левина. М., 1988. (гл. 5).

219. Здравомыслов А. Г. Методологические проблемы изучения девиантного поведения // Материалы социологического симпозиума. Ереван, 1971. (гл. 5).

220. Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986. (гл. 4).

221. Земсков В. Н. Спецпоселенцы (По документации НКВД—МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. №11. (гл. 7).

222. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования, 1991. № 6. (гл. 18).

223. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998. (гл. 18).

224. Зиновьев А. Зияющие высоты. М., 1990. Т.1. (гл. 12).

225. Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. СПб., 2001. (гл. 1, 2).

226. Зудин В. Ф. Социальная профилактика преступлений: Криминологические и криминалистические пробле-

мы. Саратов, 1983. (гл. 19).

227. Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А. Индекс потребительских настроений. М.: НИСП, 2005. (гл. 16).

228. Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991. (гл. 5).

229. Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. (гл. 8).

230. Иванова Е. Как помочь наркоману. СПб., 1997. (гл. 10, 19).

231. Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: Учебное пособие. Горький, 1976. (гл. 19).

232. Игошев К. Е., Устинов В. С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977. (гл. 19).

233. Ильенков Э. В. Противоречия мнимые и реальные. В: Диалоги: Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979. (гл. 15).

234. Ильин В.И. Поведение потребителей. СПб, 2000. (гл.16).

235. Ильин В. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. СПб: Интерсоцис, 2007. (гл. 16).

236. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб: Интерсоцис, 2008. (гл. 16).

237. Импакт. Наука и общество. 1986. № 1. (Введ.).

238. Интервью с профессором Н. Луманом. В: Проблемы теоретической социологии / ред. А.О. Бороноев. СПб.: Петрополис, 1994. (Введ.)

239. Ионин Л. Г. Георг Зиммель — социолог. М., 1981. (гл. 15).

240. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб: Юридический центр Пресс, 2007. (гл. 13).

241. Исаев Н.А. Серийные преступления на сексуальной почве. Орел: ОГУ, 2007. (гл. 13).

242. История первобытного общества. Эпоха классообразования М., 1988. (гл. 6).

243. Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск, 1995. (гл. 9).

244. Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. (гл. 8).

245. Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков. М.: Дружба народов, 2008. (гл. 9).

246. Кадзи С., Хама Т., Райс Д. Эти странные японцы. М., 2000. (гл. 14).

247. Какабадзе З. М. Проблема человеческого бытия. Тбилиси, 1985. (гл. 13).

248. Калягин Г.В. Экономический анализ криминального поведения // Экономическая школа. Аналитическое приложение. 2006, №3. (гл. 16).

249. Кампанелла. Город Солнца. М.-Л., 1947. (гл. 4).

250. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. (гл. 12).

251. Кангаспунта К. Отображение ситуации, касающейся торговли людьми: предварительные выводы анализа базы данных о торговле людьми // Форум по проблемам преступности и общества. 2003. Т.3, №№1-2. (гл. 16).

252. Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения. М., 1995. (гл. 13).

253. Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969. (гл. 5).

254. Карпов В. Г., Лисовская Е. Б. Жизненный мир наркомана как объект междисциплинарного исследования. В: Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля / Под ред. Я. Гилинского. М., 1992. (гл. 2).

255. Карцев В. П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984. (гл. 15).

256. Квашис В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 200. (гл. 18).

257. Кесельман Л. Социальные координаты наркотизма. СПб., 1999. (гл.: 5, 10).

258. Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб., 2001. (гл. 5, 10).

259. Кетле А. Человек, развитие его способностей или опыт социальной физики. Киев, 1965. (гл. 4).

260. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997. (гл. 9).

261. Киссель М. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра.

Л., 1976. (гл. 15).

262. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М., 1983. (гл. 15).

263. Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры. В: Социология преступности. М., 1966. (гл. 4, 6).

264. Клейберг Ю. А. Социальные нормы и отклонения. Кемерово, 1994. (гл. 2).

265. Клепиков Д. В. Дедовщина как социальный институт. Дисс. ...канд. соц. наук. СПб., 1997. (гл. 5).

266. Клямкин И.М., Тимофеев Л.Н. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000. (гл. 16).

267. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М., 2000. (гл. 1, 9).

268. Князькин И. История петербургской проституции. 2-е изд. СПб, 2005. (гл. 5).

269. Коган В. М. Социальные свойства преступности. М., 1977. (гл. 7).

270. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. (гл. 7).

271. Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. М., 1989. (гл. 18).

272. Коленникова О., Косалс Л., Рывкина Р., Симагин Ю. Экономическая активность работников правоохранительных органов постсоветской России: Виды, масштабы и влияние на общество (на примере милиции). М., 2002. (гл. 18).

273. Колупаев Г. П. и др. Экспедиция в гениальность: Психобиологическая природа гениальной и одаренной личности (Патографические описания жизни и творчества великих людей). М., 1999. (гл. 15).

274. Комарницкий А.В. Основы ювенальной юстиции. СПб: Знание, 2010. (гл. 1, 18).

275. Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997. (гл. 8).

276. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань: Новое знание, 2005. (гл. 5).

277. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального

контроля. Казань: КЮИ, 2009. (гл. 17).

278. Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. Казань: Каз. ГУ, 2003. (гл. 5).

279. Комлев Ю. Ю., Сафиуллин Н. Х. Социология девиантного поведения: Учебное пособие. Казань, 2006. (гл. 2, ч.II: Предисл.).

280. Комплексные исследования в суицидологии. М., 1986. (гл. 19).

281. Кон И. С. Социология личности. М., 1967. (гл. 6).

282. Кон И. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988. (гл. 6).

283. Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1989. (гл. 5, 13)

284. Кон И. С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997. (гл. 5, 13).

285. Кон И. С. Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. М., 1998. (гл. 5)

286. Кондричин С.В. Региональная дифференциация электоральных установок, уровня самоубийств и смертности от насильственных причин: к вопросу об этногенезе социального поведения // Социологический журнал, 2000. № 3-4. (гл. 12).

287. Конквест Р. Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991. (гл. 8).

288. Константинов А. Коррумпированный Петербург. СПб., 1997. (гл. 9).

289. Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб: Библиополис, 1997. (гл. 7).

290. Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб: ДЕАН, 2011. (гл. 1, 16).

291. Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. 2. (гл. 4).

292. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. 1912. Вып. 4. (гл. 17).

293. Коробейников Б. В., Селиванов Н. А., Скворцов К. Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. № 1. (гл. 6).

294. Коррупция и борьба с ней. М., 2000. (гл. 9).

295. Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества / Под ред. М. Б. Горного. СПб., 2000. (гл. 9).

296. Костюковский Я. В. Организованная преступность и преступные организации: социологический анализ. Дисс. … канд. соц. наук. СПб., 2002. (гл. 7).

297. Кофырин Н. Криминогенные молодежные группы по месту жительства. Их правосознание и жизненные ориентации. В: Трудные судьбы подростков — кто виноват? М., 1991. (гл. 2).

298. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. В: Социология сегодня. М., 1965. (гл. I).

299. Коэн А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. (гл. 4).

300. Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры. В: Социология преступности. (гл. 4).

301. К праву: Информационный бюллетень Общественного Центра содействия реформе уголовного правосудия. 1998. № 5. (гл. 18).

302. Криминологический журнал Байкальского института экономики и права. 2002, №1. (гл. 7).

303. Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012, №1. (гл. 7).

304. Криминология. Исправительно-трудовое право: История юридической науки. М., 1977. (гл. 5).

305. Криминология / Под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1988. (гл. 7).

306. Криминология / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. (гл. 7).

307. Криминология: Учебное пособие М., 1997. (гл. 7).

308. Криминология: Вчера, сегодня, завтра. 2002. № 3 (4). (гл. 18).

309. Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. (гл. 2).

310. Криминология / Под ред. Дж. Шели. СПб., 2003. (гл. 7, 10, 18).

311. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. (гл. 18).

312. Кристи Н. По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей. Калуга, 1993. (гл. 14).

313. Кристи Н. Плотность общества. М., 2001. (гл. 3).

314. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001. (гл. 16, 18).

315. Кристи Н. Ответ насилию. В поисках чудовищ. М., 2003. (гл. 18).

316. Кристи Н. Примирение или наказание? // Индекс: Досье на цензуру. 2003. № 18. (гл. 18).

317. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб, 2006. (гл. 16).

318. Крэсси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи. В: Социология преступности. М., 1996. (гл. 4).

319. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968. (гл. 5).

320. Кудрявцев В. Н. Социологические проблемы исследования антиобщественного поведения // Социологические исследования. 1974. №1. (гл. 5).

321. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. (гл. 5).

322. Кудрявцев В. Н. Исследовательская проблема — социальные отклонения // Социологические исследования. 1983. № 2. (гл. 5).

323. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. (гл. 7, 8, 18).

324. Кузнецов В. Е. Исторические аспекты исследования самоубийств в России. В: Актуальные проблемы суицидологии. М., 1981. (гл. 5).

325. Кузнецов В. Е. Истоки междисциплинарного подхода в отечественной суицидологи. В: Комплексные исследования в суицидологии. М., 1986. (гл. 5).

326. Кузнецов И. Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование: Дисс. …канд. соц. наук. СПб., 2000. (гл. 1, 9).

327. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. (гл. 5).

328. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. (гл. 6, 15).

329. Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В:

Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. George C. Marshall European Center for Security Studies, 2002. (Введ.).

330. Кури Х., Обергфелль-Фукс Й. Общественные изменения и развитие преступности. Сравнение в международном аспекте. В: Криминология XX век. (гл. 2).

331. Лаврин А. Хроника Харона: Энциклопедия смерти. М., 1993. (гл. 12).

332. Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. Хельсинки, 1994. (гл. 1).

333. Ландер Б. Экологический анализ Балтиморы. В: Социология преступности. М., 1966. (гл. 4).

334. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006 / ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити, 2007. (гл. 16).

335. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. М.: Норма, 2006. (гл. 16).

336. Лауреаты Нобелевских премий. Энциклопедия. В 2-х томах. М., 1992 (гл. 6, 12, 15).

337. Лафарг П. Преступность во Франции в 1840–1886 гг. // Уголовное право и социализм / Под ред. М. Гернета. М., 1908. (гл. 4).

338. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. М.: Прогресс-Академия, 1994. (гл. 5).

339. Леви В. Искусство быть другим. М., 1980. (гл. 12).

340. Лев-Старович З. Нетипичный секс. М.: Советский спорт, 1995. (гл. 13).

341. Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе. В: Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999. (гл. 9).

342. Лепешкина О. И. Смертная казнь. Опыт комплексного исследования. СПб: Юридический центр Пресс, 2008. (гл. 18).

343. Лепс А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин, 1981. (гл. 6).

344. Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // ИМПАКТ. 1985. № 1. (гл. 10).

345. Линдгрен Свен-Оке. Мишель Фуко и история истины. В: Монсон П. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб., 1992. (гл. 4).

346. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

(гл. 4).
347. Лисицын Ю. П., Копыт Н. Я. Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты). М., 1983. (гл. 5).
348. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. (гл. 14).
349. Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002 (гл. 7).
350. Ломброзо Ч. Преступление. СПб., 1900. (гл. 4).
351. Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство. СПб., 1892 (репринтное изд. 1990 г.). (гл. 4).
352. Лук А. Н. Научное и художественное творчество — сходство, различия, взаимодействие. В: Художественное творчество. Л., 1982. (гл. 15).
353. Лукас К., Сейден Г. Молчаливое горе: Жизнь в тени самоубийства. М., 2000. (гл. 12).
354. Лукреций. О природе вещей. М., 1958. (гл. 1).
355. Луман Н. Метаморфозы государства: Эссе. В: Проблемы теоретической социологии. СПб., 1996. Вып. 2. (гл. 18).
356. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998. (гл. 6).
357. Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. (гл. 16).
358. Лунеев В. В. Политическая преступность // Государство и право. 1994. № 7. (гл. 7).
359. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. (Введ., гл. 2, 18).
360. Лунеев В. В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5. (гл. 7).
361. Лунеев В. В. География организованной преступности и коррупции в России // Государство и право. 2000. № 11. (гл. 9).
362. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluver, 2005. (гл. 7, 16).
363. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т.1. М.: Юрайт, 2011. (гл. 7).
364. Майзель И. А. Социология науки. Л., 1985. (гл. 15).
365. Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008. (гл. 16).

366. Максимов С. В. Краткий криминологический словарь. М., 1995. (гл. 7).

367. Максимова Т. М. Особенности заболеваемости в различных группах населения // Советское здравоохранение. 1991. № 4. (гл. 14).

368. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983. (гл. 15).

369. Мальченкова А. Е. Стратификационные особенности суицидального поведения в современном обществе. Дисс. … канд. соц. наук. СПб., 2002. (гл. 12).

370. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. (гл. 4).

371. Маркарян Э. С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход. В: Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М., 1981. (гл. 2, 15).

372. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983. (гл. 4, 6).

373. Маркс К. Население, преступность и пауперизм. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. (гл. 4)

374. Маркс К. Смертная казнь… В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8. (гл. 4)

375. Маркс К. Наемный труд и капитал. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6. (гл. 6).

376. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46, ч.1. (гл. 9, 13).

377. Мастерс У., Джонсон В., Колодин Р. Основы сексологии. М., 1998. (гл. 13).

378. Матейко А. Условия творческого труда. М., 1970. (гл. 15).

379. Меликсетян. Проституция в 20-е годы // Социологические исследования. 1989. № 3. (гл. 5).

380. Мелихов А. Кого же мы казним? // Новое время. 2000. № 6. (гл. 18).

381. Мертон Р. Социальная структура и аномия. В: Социология преступности. М., 1996. (гл. 4).

382. Методологические вопросы изучения социальных условий преступности: Сборник научных работ / Под ред. А. Б. Сахарова. М., 1979. (гл. 5, 6).

383. Методы сбора информации в социологических исследованиях. В 2 кн. М., 1990. (гл. 2).

384. Милашина Е. Кто хозяин наркоты? // Новая Газета, 28.11.2011. (гл. 16).

385. Мильштейн И. «Шестерка» в рукаве // Новая Газета. 29.08.2011. (гл. 16).

386. Моисеев Н. Расставание с простотой. М., 1998. (Введ., гл. 2, 5, 6).

387. Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М., 2005. (гл. 7).

388. Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М., 1995. (Введ., гл. 17).

389. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. (гл. I, 18).

390. Мор Т. Утопия. М.-Л., 1947. (гл. 4).

391. Мстиславский С. Д. Свое и чужое. О пьянстве // Заветы. 1914. № 4. (гл. 5).

392. Мусаев А. Н., Сбирунов П. Н., Целинский Б. П. Противодействие незаконному обороту наркотических средств. М., 2000. (гл. 10).

393. На пути к теоретической биологии: 1. Пролегомены. М., 1970. (гл. I).

394. Наркомания: ситуация, тенденции, перспективы / ред. М. Позднякова. М.: ИС РАН, 1999. (гл. 5, 10).

395. Наркотизация населения в современной России: специфика, субъекты, динамика / ред. М. Позднякова. М.: ИС РАН, 2003. (гл. 5).

396. Наркотик «крокодил» - что это? // URL: http://russlav.ru/narkotik/narkotik-krokodil.html (дата обращения: 07.07.2012). (гл. 10).

397. Население России, 2001: Девятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А. Г. Вишневский. М., 2002. (гл. 6, 11).

398. Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М., 1997. (гл. 18).

399. Научное открытие и его восприятие. М., 1971. (гл. 15).

400. Научные и организационные проблемы суицидологии. М., 1983. (гл. 19).

401. «Независимая Газета», 06.04.2011. (гл. 16).

402. Некоторые результаты социально-экономического исследования проблем пьянства и алкоголизма: (По материалам Грузинской ССР) / Под ред. А. Габиани. Тбилиси, 1979. (гл. 5).

403. Немцов А. В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995. (гл. 5, 11).

404. Немцов А. Потребление алкоголя и смертность в России // Население и общество. 1996. № 10. (гл. 11).

405. Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980–90-е годы. М., 2001. (гл. 5, 11, 16).

406. Немцов А. Алкогольный урон регионов России. М., 2003. (гл.: 5, 11, 16).

407. Нерсесова Е. Х. Гносеологический аспект проблемы социальных показателей. М., 1981. (гл. 2).

408. Несовершеннолетние в уголовно-исполнительной системе России: проблемы исполнения наказания, социальной адаптации и их совершенствования. М., 2002. (гл. 18).

409. Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. (гл.: 1, 9, 16).

410. «Новая газета», 17-19.07.2003. № 49. (гл. 9).

411. «Новая газета», 10-13.03.2005. (гл. 7).

412. «Новая газета», 21-23.03.2005. (гл. 7).

413. «Новая газета», 13-16.07.2006. (гл. 7).

414. «Новая газета», 17-19.07.2006. (гл. 7).

415. «Новая газета», 07-10.10.2010. (гл. 7).

416. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. (Введ.).

417. Новые направления в социологической теории. М., 1978. (гл. 4).

418. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. (гл. 5).

419. Нюренбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. В 7-томах. М., 1957–1961 (гл. 8).

420. Обозненко П. Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета: Дисс. СПб., 1896. (гл. 5).

421. Обсуждение методологических проблем творчества

// Вопросы философии. 1979. № 3. (гл. 15).

422. Обучение социальных работников, занятых в ювенальной юстиции. Материалы курса. СПб., 2003. (гл. 18).

423. Овчинников В. Ветка сакуры. М., 1971. (гл. 14).

424. Овчинникова Г. В. Терроризм. СПб., 1998. (гл. 8).

425. Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. (гл. 7, 9).

426. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. (гл. 4, 17).

427. Ольков С.Г. Общественные болезни. Тюмень, 1996. (гл. 1, 5).

428. Ольков С. Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция. Новосибирск, 1999. (гл. 5).

429. Ольков С.Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция). В 2-х томах. Тюмень, 2003. (гл. 2).

430. Ольков Г.С. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004. №8. (гл. 6).

431. Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006. (гл. 2).

432. Ольков С.Г. Аналитическая криминология. Казань: Познание, 2007. (гл. 16).

433. О нарушениях прав человека в российской армии в 1993 году // Правозащитник. 1994. №2. (гл. 12).

434. Орлова И. Б. Самоубийство — явление социальное // Социологические исследования. 1998. № 8. (гл. 12).

435. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Ежегодник. СПб., 2000. (гл. 12).

436. Основы ювенологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е. Слуцкого. СПб., 2002. (гл. 1, 18).

437. Острогорский А. Н. Избранные педагогические сочинения. М., 1985. (гл. 5).

438. Остроумов С. Из истории пьянства на Руси. СПб., 1914. (гл. 11).

439. Осятинский В. Алкогольная зависимость: Болезнь или порок? СПб, 1997. (гл. 11, 19).

440. Отклоняющееся поведение молодежи / Под ред. Э. Раска. Таллин: Институт истории АН ЭССР, 1979. (гл. 5).

441. Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория и общество: Фундаментальные проблемы. М., 1999. (гл. 1).

442. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. (гл. 12).

443. Парсонс Т. Общий обзор. В. Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. (гл. 6).

444. Пашин С. Черная неправда УПК // Terra Incognita. № 3–4, 2001. (гл. 18).

445. Петраков Б. Д. Психическая заболеваемость в некоторых странах в XX веке (Социально-гигиеническое исследование). М., 1972. (гл. 14).

446. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. (гл. 17).

447. Пирожков В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. 1981. Вып. 35. (гл. 18).

448. Письма из зоны / Под ред. В. Абрамкина. М., 1993. (гл. 2).

449. Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. (гл. 17).

450. Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: Учебное пособие. М., 1998. (гл. 2).

451. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. (гл. 6, 16).

452. Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. М., 1994. (гл. 7).

453. Познер Р. Экономический анализ права. В 2-х томах. СПб, 2004. (гл. 16).

454. Познышев С. В. Криминальная психология. М., 1926. (гл. 5).

455. Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.

(гл. 15).
456. Попов Г. Х. Проблемы теории управления. М., 1970. (гл. 2).
457. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. (гл. 2).
458. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. (гл. 1, 7).
459. Права гомосексуалов и лесбиянок в Российской Федерации. Отчет Международной комиссии по правам человека (подготовлен М. Гессен). М., 1994. (гл. 5).
460. Пределы толерантности в современном обществе / ред. И. Первова, В. Козловский. СПб ГУ, 2003. (гл. 7).
461. Преступность и правонарушения в СССР. 1989. М., 1990. (гл. 7).
462. Преступность и правонарушения в СССР. М., 1991. (гл. 9).
463. Преступность и правонарушения. М. 1992. (гл. 18).
464. Преступность и правонарушения. М., 1997. (гл. 18).
465. Преступность и правонарушения 2001: Статистический сборник. М., 2002. (гл. 18).
466. Преступность и правонарушения. М. Ежегодник. (гл.: 9).
467. Преступность и правонарушения 2003-2007. Статистический сборник. М., 2008. (гл. 7, 9, 18).
468. Преступность, криминология, криминологическая защита / ред. А. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2007. (гл. 16).
469. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. (гл. 1).
470. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. (гл. 1).
471. Проблемы борьбы с девиантным поведением / Под ред. Б. Левина. М., 1989. (гл. 5).
472. Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологии. М., 1984. (гл.: 19).
473. Проблемы, связанные с потреблением алкоголя в группах высокого риска. Копенгаген, 1991. (гл. 11).
474. Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. Проблемы глобализации. (гл. 6).
475. Проскурнина Н. Использование в криминологиче-

ских исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности: Ученые записки Тартуского государственного ун-та. Тарту, 1985. (гл. 2).

476. Проституция и преступность / Отв. ред. И. В. Шмаров. М., 1991. (гл. 5, 13).

477. Против смертной казни: Сборник материалов. М., 1992. (гл.18).

478. Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон: Международная амнистия, апрель 1997. (гл. 18).

479. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. (гл. 2).

480. Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998. (гл. 9).

481. Радикальный русский национализм. Структуры, идеи, лица. М.: СОВА, 2009. (гл. 7)

482. Райгородский Д. Я. Фрагменты истории характерологии // Психология и психоанализ характера. М., 2000. (гл. 14).

483. Расскажи свою историю. СПб., 1999. (гл. 2).

484. Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М., 2002. (гл. 8).

485. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А. В. Дука. СПб., 2001. (гл. 9).

486. Рейсмен В. М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М., 1988. (гл. 1, 9).

487. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001. (гл. 7).

488. Репецкая А.Л Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический альманах. 2003, N3. (гл. 7).

489. Римашевская Н. М. 36 миллионов бедняков живут в России // Новая газета, 2003, 16–19 октября. (гл. 13).

490. Рогатых Л. Ф., Стрельченко Э. Г., Топоров С. Б. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и

сильнодействующих средств. СПб., 2003. (гл. 10).
491. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. (гл. 4).
492. «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5350 от 1 декабря 2010 г. (гл. 7).
493. «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5359 от 10 декабря 2010 г. (гл. 7).
494. «Российская Федерация», журнал 2009, № 4. (гл. 11).
495. Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. (гл. 9).
496. Российский статистический ежегодник. М., (гл. 11, 12).
497. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. (гл. 7).
498. Россия: Новый этап неолиберальных реформ/Под ред. Г. В. Осипова. М., 1997. (гл. 12).
499. Рощина Я.М. Социология потребления. М.: ГУ ВШЭ, 2007. (гл. 16).
500. Рунин Б. М. Творческий процесс в эволюционном аспекте // Художественное и научное творчество. Л., 1972. (гл. 15).
501. Рыбаков Ю. Куда идем... // Terra Incognita. 2002. № 1. (гл. 18).
502. Рывкина И.В. Социальные болезни современной России. (Публицистическое исследование). М., 2011. (гл. 1).
503. Рэйс А. Сексуальный плюрализм: Покончить с сексуальным кризисом в Америке//Социология сексуальности: Антология/Под ред. С. И. Голода. СПб., 1997. (гл. 13).
504. Саксонское зерцало. М., 1985. (гл. 1).
505. Салагаев А. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань, 1997. (ч. II: Предисл., гл. 5).
506. Салагаев А.Л. Социальные девиации в молодежной среде: конфликтологический подход. Казань: КГТУ, 2011. (ч. II: Предисл.).
507. Самоубийства в СССР в 1922–1925 годах. М., 1927. (гл. 12).
508. Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 годах. М., 1929. (гл. 12).
509. Сатаров Г. А. Диагностика российской коррупции:

Социологический анализ. М., 2002. (гл. 9, 16, 18).
510. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. (гл. 5).
511. Свядощ А. М. Женская сексопатология. М., 1988. (гл. 13).
512. Селлин Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности. М., 1996. (гл. 4).
513. Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. М., 1987. (гл. 15, 19).
514. Сидоров А. Великие битвы уголовного мира: История профессиональной преступности Советской России. В 2 кн. Ростов н/Д, 1999. (гл. 7).
515. Силласте Г. Г. Новая наркоситуация в России // Социологические исследования. 1992. № 2. (гл. 5).
516. Симонов П. В. Мотивированный мозг. М., 1987. (гл. 6).
517. Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. М., 1984. (гл. 6).
518. Синергетика и методы науки / Под ред. М. А. Басина. СПб., 1998. (гл. 6).
519. Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень Вектор Бук, 2007. (гл. 2, 6, 16).
520. Смелзер Н. Социология. М., 1994. (гл. 1).
521. Смертная казнь: «за» и «против». М., 1989. (гл. 5).
522. Смидович С. Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. № 4. (гл. 12).
523. Сможет ли Россия в начале XXI века выйти из гонки за роль мирового тюремного лидера? М., 2001. (гл. 18).
524. Сморгунова А.Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление. СПб: РГПУ, 2005.(гл. 4).
525. Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Лениздат, 1977.(гл. 19).
526. Сорокин П.Самоубийство, как общественное явление. Рига: Наука и Жизнь, 1913. (гл. 5, 12).
527. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1913. (гл. 17).
528. Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1. (гл. 17).
529. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.,

1992. (гл. 6, 15, 17).
530. Состояние преступности в России за 2009 г. М., 2010. (гл. 7).
531. Социальная философия А. Зиновьева // Вопросы философии. 1992. № 11. (гл. 12).
532. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984. (Введ.).
533. Социальные отклонения. 2-е изд. М., 1989. (Введ., гл. 1).
534. Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования. М., 1979. (гл. 5).
535. Социальный контроль над девиантностью в современной России / под ред. Я. Гилинского. СПб., 1998. (Введ.).
536. Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007. (гл. 2, 18).
537. Социология преступности. М., 1966. (ч. II пред.).
538. Социология сексуальности: Антология / под ред. С. И. Голода. СПб., 1997. (гл. 13).
539. Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1887. (гл. 17).
540. Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. (гл. 4).
541. Спиридонов Л. И. Социализация индивида как функция общества // Человек и общество. Л., 1971. Вып. IX. (гл. 6).
542. Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973. (гл. 6).
543. Спиридонов Л. И. В русле социологического подхода // Отклоняющееся поведение молодежи. Таллин: Институт истории АН Эст. ССР, 1979. (гл. 7).
544. Спиридонов Л. И. Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика. М., 1985. (гл. 7).
545. Справочник по психиатрии. М., 1985. (гл. 13).
546. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб., 1999. (гл. 7).
547. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет-2) СПб., 2000. (гл. 7).

548. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет-3). СПб., 2001. (гл. 7, 9).

549. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет-4). СПб., 2002. (гл. 7).

550. СССР в цифрах в … году. Ежегодник. М.: Госкомстат (1987–1991). (гл. 11).

551. Станская А.А. Проституция несовершеннолетних – социальная и правовая проблема общества. Спб., 2005. (гл.13).

552. Статистика МВД // URL . http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/ (дата обращения: 06.07.2012). (гл. 7, 8).

553. Статистика распространения наркомании в России // URL: http://www.rian.ru/spravka/20100422/225438645.html (дата обращения: 22.07.2012). (гл. 10).

554. Статистика самоубийств по странам [online]. URL: http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm (Дата обращения: 14.06.2011). (гл. 12).

555. Старович З. Судебная сексология. М., 1991. (гл. 13).

556. Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон-Москва, 1996. (гл. 18).

557. Стинг С., Вульфф М., Циппе К. Ситуация с наркотиками в Германии и Саксонии // Молодежь и наркотики. Харьков, 2000. (гл. 10).

558. Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000, №1. (гл. 7).

559. Стрельчук И. В. Клиника и лечение наркоманий. М., 1956. (гл. 10).

560. Стругацкий А., Стругацкий Б. Хищные вещи века. М., 1965. (гл. 16).

561. Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность. 1988. № 6. (гл. 6).

562. Судебная статистика // URL:http://crimpravo.ru/page/sudstatistic/sudstatistic416/ (дата обращения:07.07.2012). (гл. 10).

563. Суицид – напрасная смерть / ред. Вассерман Д. Tartu: Tartu University Press (без указания года; первое из-

дание – London, 2001). (гл. 12).

564. США: преступность и политика / Под ред. Б. Никифорова. М., 1972. (гл.: 3).

565. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892 (последнее издание — 1999 г.). (гл. 17).

566. Тард Г. Преступник и преступления. М., 1906. (гл. 4).

567. Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907. (гл. 4).

568. Тарновский В. М. Проституция и аболиционизм. СПб., 1888. (гл. 5).

569. Текучая модерность: взгляд из 2011 // URL: http://polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html (дата обращения: 25.03.2012). (Введ.).

570. Теневая экономика – 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности М., 2008. (гл. 16).

571. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. (гл. 7, 16).

572. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. (гл. 19).

573. Тереховко Ф. К. К вопросу о самоубийстве в Санкт-Петербурге за двадцатилетний период (1881–1900). СПб., 1903. (гл. 5).

574. Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. (гл. 6, 17).

575. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998. (гл. 7).

576. Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки истории. М., 2000. (гл. 1, 9).

577. Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М., 2000. (гл. 9).

578. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России: Теория, анализ, модели. М.: РГГУ, 2008. (гл. 16).

579. Тихоненко В. А. Классификация суицидальных проявлений // Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. (гл. 12).

580. Ткаченко А. А. Сексуальные извращения — парафилии. М., 1999. (гл. 13).

581. Токарева Е. К. Узы брака и узы свободы // Социоло-

гические исследования, 1987. № 2. (гл. 6).

582. Торговля людьми. Социокриминологический анализ. М., 2002. (гл. 7).

583. Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. № 12. (гл. 10).

584. Трегубов Л., Вагин Ю. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993. (гл. 12).

585. Трубников Н. Н. О смысле жизни и смерти. М., 1996. (гл. 15).

586. Тюриков А. Г. Регулирование девиантного поведения военнослужащих как функция военно-социальной организации. М., 2000. (гл. 5).

587. Тюриков А. Г. Военная девиантология: Теория, методология, библиография. М., 2001. (гл. 1, 5).

588. Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, 2006. (гл. 7).

589. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. (гл. 2).

590. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации // Российская юстиция. 2001. № 5. (гл. 18).

591. Учебное пособие по основным наркотическим средствам, используемым в незаконном обороте. Выборг, 1995. (гл. 10).

592. Ушакова В. К. Гинекоцентризм против андроцентризма // Социологические исследования.1985. № 1. (гл. 6).

593. Ушакова Е.С.Суицидальные риски // Социологические исследования. 2008. № 2. (гл. 12).

594. Ушакова Е.С. Суицидальный риск: социологический анализ. Дисс….канд. соц. наук. СПб, 2010. (гл. 12);

595. Ушакова Е.С. Суицидальный риск. Социологический анализ. Изд-во Lambert, 2011. (гл. 5, 12).

596. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989. (гл. 18).

597. Федоровский А. Н. Современная проституция: Опыт социально-гигиенического исследования // Профилактическая медицина. 1928. № 9–10. (гл. 5).

598. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. (гл. 6).

599. Ферри Э. Уголовная социология. СПб, 1900. (гл. 4)

600. Ферри Э. Уголовная антропология и социализм // Уголовное право и социализм / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1908. (гл. 4).

601. Ферро М. Терроризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. (гл. 8).

602. Филиппов Л. И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М., 1977. (гл. 6).

603. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. (гл. 10, 11, 12).

604. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. В 2 кн. Тбилиси, 1991. (гл. 4).

605. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2000. (гл. 4, 16).

606. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. (гл. 4).

607. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. (гл. 4).

608. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. (гл. 17).

609. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. (гл. 17).

610. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. (гл. 17).

611. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М., 1981. (Введ., гл. 15).

612. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993. (гл. 4).

613. Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985. (гл. 18).

614. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. (гл. 18).

615. Хохряков Г. Ф. Криминология. М., 1999. (гл. 1).

616. Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения. Ежегодник. (Л.: Наука). (гл. 15).

617. Чаликова В. Терроризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. (гл. 8).

618. Чарыхов Х. М. Учение о факторах преступности (Социологическая школа в науке уголовного права). М., 1910. (гл. 5).

619. Человек как объект социологического исследования / Под ред. Л. И. Спиридонова, Я. И. Гилинского. Л., 1977. (гл. 2, 3, 5, 6).

620. Черная книга коммунизма. М., 1999. (гл. 8, 18).

621. Черный ворон (песни дворов и улиц). СПб., 1996. (гл. 7).

622. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. (гл. 4).

623. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. (гл.4).

624. Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. (гл. 6, 12).

625. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. (гл. 12).

626. Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. (гл. 18).

627. Шаров Л. Оставьте преступность в покое // Общая газета. 1998. 15–21 января. (гл. 7).

628. Шереги Ф. Э. Причины и социальные последствия пьянства // Социологические исследования. 1986. № 2. (гл. 5).

629. Шестаков Д. А. Криминология. СПб., 2006. (гл. 7).

630. Шипунова Т. В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб., 2003. (гл. 1).

631. Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории России. Смертная казнь в истории Советского государства // Смертная казнь: за и против. М., 1989. (гл. 18).

632. Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. (гл. 4, 7, 8).

633. Шоу К. Техника изучения отдельных дел. Значение собственного жизнеописания подростка-делинквента // Социология преступности. М., 1966. (гл. 4).

634. Шоу К., Маккей Г. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго // Социология преступности. М., 1966. (гл. 4).

635. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.-Л., 1965. (гл. 2).

636. Шур Э. Наше преступное общество М., 1977. (гл. 4).

637. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. (гл. 2).

638. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Под ред. Л. Тимофеева, Ю. Латова. М., 1999. (гл. 4).

639. Экстремизм и другие криминальные явления / ред.

А. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. (гл. 16).

640. Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. (гл. 4).

641. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. (гл. 4).

642. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. (гл. 13).

643. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. (гл. 15).

644. Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993. (гл. 4).

645. Эффективность действия правовых норм / Под ред. А. Пашкова. ЛГУ, 1977. (гл. 3, 5, 6).

646. Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005. (гл. 2, 16).

647. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах российской Федерации. Тюмень: ТЮИ МВД, 2007. (гл. 6).

648. Юнг К. Собрание сочинений. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992. (гл. 4).

649. Юридический словарь. М., 1953. (гл. 18).

650. Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология. Днепропетровск, 2006. (гл. 12).

651. Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм // Преступность и криминология на рубеже веков. СПб., 1999. (гл. 7).

652. Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара, 1995. (гл. 2).

653. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М., 1971. (гл. 4, 5).

654. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. (гл. 1, 15).

655. Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М., 1988. (гл. 1).

656. Яковлев А. М. Социология преступности. М., 2001.

(гл. 1).

657. Яковлева А. Потребительский ретретизм: отказ от общества массового потребления. В: Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012. (гл. 2).

658. Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. №1/2. (гл. 7, 16).

659. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004. (гл. 1).

660. Яхиел Н. Социология науки. М., 1977. (гл. 15).

661. Abadinsky H. Organized Crime. Fourth Edition. Chicago: Nelson-Hall, 1994. (гл. 7).

662. Aebi M., Stadnic N. Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics) Survey 2005. Strasbourg, 2007. (гл. 18).

663. Afanasyev V. Views on Social Problems among Influential Groups in St. Petersburg. In: Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. Helsinki: NAD Publication, 1998. (гл. 2).

664. Afanasyev V., Gilinskiy Y. Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press. In: Social Problems in Newspaper. Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication, 1994. (гл. 2).

665. Afanasyev V., Gilinskij Y., Golbert V. Social Changes and Crime in St.Petersburg. In: Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg. 1997. (гл. 7).

666. Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency // Criminology. 1992. No 30. (гл. 4).

667. Agnew R. Sources of Criminality: Strain and Subcultural Theories. In: Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000. (гл. 4).

668. Akers R. Deviant Behavior: A Social Learning Approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc., 1985. (гл. 12).

669. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990. (гл. 18).

670. Albanese J. Organized Crime: The Mafia Mystique. In: Criminology. A Contemporary Handbook. Wadsworth Publishing Co., 1995. (гл. 7).

671. Albrecht G., Ludvig-Mayerhofer (Eds.) Diversion and Informal Social Control. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1995. (гл. 19).

672. Alcoholstatistik. 1988. Stockholm, 1989. (гл. 11).

673. Alexander D., Alexander Y. Terrorism and Business. The Impact of September 11, 2001. Transnational Publishers, Inc., 2002. (гл. 8).

674. Allen D. Alcohol, Positive Functions of. In: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV. Self-Destructive Behavior and Disvalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. (гл. 11).

675. Alvazzi del Frate A. Preventing Crime: Citizen's Experience Across the World. Roma: UNICRI, 1997. (гл. 19).

676. Amelang M. Sozial abweichendes Verhalten. Springer Verlag, 1986. (ч.II: Предисл.).

677. Annual Report on the State of the Drugs Problem in the European Union. Lisboa: EMCDDA, 1997. (гл. 10).

678. Arlacchi P. Mafia Business. The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism. Verso Edition, 1986. (гл. 7).

679. Aromaa K., Heiskanen M. (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995-2004. Helsinki: HEUNI, 2008. (гл. 7, 18).

680. Aust S., Schnibben C. (Hg). 11. September. Geschichte eines Terrorangrifs. Deutsche Verlags-Anstalt, 2002. (гл. 8).

681. Baird R., Rosenbaum S. (Eds.) Punishment and the Death Penalty. Prometheus Book, 1995. (гл. 18).

682. Bakgrunden. Stokholm, 1988. (гл. 11).

683. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998. (гл. 1, 4, 7).

684. Barclay G., Barclay F. Criminal Victimization in the United Kingdom. Roma, ISTAT, 2003. (гл. 7).

685. Barclay G., Tavares C., Siddique A. International comparisons of criminal statistics 1999//Home Office Statistical Bulletin, May 2001, Issue 6/01. (гл. 7, 18).

686. Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2000//Home Office Statistical Bulletin, 2002. (гл. 10).

687. Barclay G., Tavares C., at all. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001//Home Office Statistical Bulletin, October 2003, Issue 12/03. (гл. 7, 10, 18).

688. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Pentice Hall, Upper Saddle River, 1997. (гл. 19).

689. Barlow H., Kauzlarich D. Introduction to Criminology. Prentice Hall: Upper Saddle River, 2002. (гл. 7).

690. Bartollas C. Juvenile Delinquency. Fourth Edition. Allyn and Bacon, 1997. (гл. 18).

691. Bauman Z. Modernity and Ambivalence. Cambridge: Polity Press, 1991. (гл. 4).

692. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L.: Routledge, 1992. (гл. 4).

693. Bauman Z. Work, Consumerism and the New Poor. Buckingham: Open University Press, 2001. (гл. 16).

694. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. (гл. 16).

695. Bauman Z. Consuming Life. Cambridge: Polity, 2007. (гл. 16).

696. Becker H. The Outsiders. The Free Press of Glencoe, 1963. (гл. 4).

697. Ben-Jehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy//Deviant Behavior. 1990. Vol. 11. N 3. (гл. 1, 15).

698. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966. (гл. 7).

699. Black D. The Behavior of Law. NY: Academic Press, 1976. (гл. 17).

700. Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. Jessica Kingsley Publishers, 1998. (гл. 19).

701. Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency. Belmont: Wadsworth, 1997. (гл. 4).

702. Bondeson U. Prisoners in Prison Societies. New Brunswick, NJ, 1989. (гл. 18).

703. Bonger W. Criminality and Economic Conditions. Boston: Little, Brown, 1916. (гл. 4).

704. Braithwaite J. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge University Press, 1989. (гл. 4).

705. Broad K., Crawley S. Homosexuality — Social Explanations. In: Bryant C. Ibid. Vol. III. (гл. 13).

706. Brown S., Esbensen F-A., Geis G. Criminology: Explaining Crime and its Context. Third Edition. Anderson

Publishing Co., 1998. (гл. 7).

707. Bryant C. (Editor-in-Chief). Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. 1. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues. Brunner-Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. (гл. 1, ч.II: Предисл.,гл. 4).

708. Bryant C. (Editor-in-Chief). Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. III. Sexual Deviance. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001(гл. 13).

709. Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV. Self-Destructive Behavior and Disvalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. (гл. 6, 10, 11).

710. Bryant C., Boyle J. Freaks. In: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV. Self-Destructive Behavior and Disvalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. Vol. IV. (гл. 14).

711. Caffrey S., Mundy G. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance: Selected Issues. Greenwich University Press, 1995. (гл. 1).

712. Cassesse A. Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, 1989. (гл. 8).

713. Celebrating Prevention: European Crime Prevention Award 1997. Information and PR Office Prevention, 1997. (гл. 19).

714. Christie N. A suitable Amount of Crime. L. – NY: Routledge, 2004 (гл. 7).

715. Clear T., Terry K. Correction Beyond Prison Walls. In: Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000. (гл. 18).

716. Cloward R., Ohlin L. Delinquency and Opportunity. NY: Free Press, 1960. (гл. 4).

717. Cohen A. K. Delinquent Boys. The Culture of the Gang. NY: Free Press, 1955. (гл. 4).

718. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans, Paladin, 1973. (гл. 18).

719. Cohen S. Human Rights and Crimes of the State: the Cultural of Denial. In: Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996. (гл. 17).

720. Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. NY: St. Martin's Press, 1985, (гл. 7, 9).

721. Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives, Warsaw, 2005. (гл. 7).

722. Community Policing in Chicago, Year Seven: An interim Report. Chicago: Illinois Criminal Justice Information Authority, November 2000. (гл. 19).

723. Consedine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Lyttelton (New Zealand): Ploughshares Publications, 1993. (гл. 18).

724. Corrigan P. The Sociology of Consumption. SAGE, 1997. (гл. 16).

725. Coser L. The Functions of Social Conflict. L.: Free Press of Glencoe, 1956. (гл. 4).

726. Crosbie P. (Ed.) Interaction in small Group. NY: McMillan, 1975. (гл. 18).

727. Curra J. The Relativity of Deviance. SAGE Publications, Inc., 2000. (гл. 1).

728. Cutter F. Art and the Wish to Die. Chicago: Nelson-Hall, 1983. (гл. 12).

729. Darendorf R. Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analyses // American Journal of Sociology. September 1958. (гл. 4).

730. Davis N., Anderson B. Social Control: The Production of Deviance in the Modern State. Irvington Publishers Inc., 1983. (гл. 17).

731. Decher F. Der Selbstmord ist die Signatur der Freiheit. Ethik des Selbstmords in der abendländisches Philosophie. Dietrich zu Klampen Verlag GbR, 1999. (гл. 12).

732. De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996. (гл. 7).

733. Dolmen L. (Ed.) Crime Trends in Sweden. 1988. Stockholm, 1990. (гл. 3).

734. Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996. (гл. 10, 18, 19).

735. Dotter D. Creating Deviance. An International Approach. Alta Mira Press, 2004. (гл. 1).

736. Douglas J. B. The Social Meanings of Suicide. Princeton University Press, 1967. (гл. 12).

737. Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide

to the Sociology of Crime and Rule-Breaking. Third edition. Oxford University Press, 1998. (гл. 1, ч. II пред., гл. 4).

738. Dublin L. Suicide. A Sociological and Statistical Study. NY, 1963. (гл. 12).

739. Du Clos L. Recent Trends of Crime in Paris. Roma, ISTAT, 2003. (гл. 7).

740. Einstadter W., Henry S. Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995. (гл. 4).

741. Electronic Monitoring: The Trials and their Results. L., Home Office. 1990. (гл. 18).

742. Ellis L., Walsh A. Criminology. A Global Perspective. Allyn and Bacon, 2000. (гл. 7).

743. Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg, 1997. (гл. 2).

744. Falck S., von Hofer H., Storgaard A. (Eds.) Nordic Criminal Statistics 1950–2000. Stockholm, 2003. (гл. 7).

745. Farberow N., Schneidman E. The Cry for Help. NY: McGraw-Hill, 1961. (гл. 12).

746. Fay K. Prescribed Addiction. In: Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. Jessica Kingsley Publishers, 1998. (гл. 10).

747. Fehérváry J., Stangl W. (Hg.) Polizei zwischen Europa und den Regionen. Wien: WUV-Universitätsverlag,, 2001. (гл. 18).

748. Ferrel J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008. (гл. 4).

749. Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998. (гл. 6).

750. Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, Thomson Learning, 2001. (гл. 4).

751. Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3, N 4. (гл. 8).

752. Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2003. (гл. 4).

753. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent "Law and Order" Policies // The British Journal of Criminology. 2000, Vol.40, N3. (гл. 4).

754. Gilinskiy Y. Crime Prevention in Russia: Theory and Practice // Security Journal. Elsevier. N 11, 1998. (гл. 19).

755. Gilinskiy Y. The Underclass in Today's Russia. In: A Dangerous Class: Scotland and St. Petersburg: Life on the Margin. Edinburgh, [1998]. (гл. 6).

756. Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal, 2005, Vol.6, N 4. (гл. 7).

757. Gilinskiy Y., Zazulin G. Drugs in Russia: Situation, Policy and the Police // Police Practice and Research. Vol. 2 (4), 2001. гл. 10).

758. Gerstenfeld Ph. Hate Crimes: Causes, Controls and Controversies. SAGE Publications, 2004. (гл. 7).

759. Gerstenfeld Ph., Grant D. (Eds.) Crime of Hate: Selected Readings. SAGE Publications, 2004. (гл. 7).

760. Goffman E. Asylums. Harmondsworth, Penguin Books, 1961. (гл. 17).

761. Goode E. Deviant Behavior. Second Edition. New Jersey: Englewood Cliffs, 1984. (гл. 1).

762. Goode E. Deviant Behavior. Seventh Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005. (Введ., ч.II: Предисл.).

763. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: the Social construction of Deviance. Blackwell Publishers, 1994. (гл. 1).

764. Goring Ch. The English Convict: A Statistical Study. L., 1913. (гл. 4).

765. Greenberg D. The Construction of Homosexuality. The University of Chicago Press, 1988. (гл. 13).

766. Griffiths M. Against the Odds: An Overview of Gambling Addiction. In: Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1998. (гл. 10).

767. Gross M. From Russia with Sex // New York, 1998, August, 10. (гл. 7, 13).

768. Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Discourse and Cultural Representations of Crime and «Deviance». Palgrave Macmillan, 2012. (гл. 1).

769. Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing, 2008. (гл. 16).

770. Gurvich, I., Rusakova, M., Pyshkina, T., Yakovleva,

A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Sweden: Stockholm, 2002. (гл. 7).

771. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. NY: McGraw Hill, 1985. (гл. 7).

772. Halbwachs M. Les causes de suicide. Paris, 1930. (гл. 12).

773. Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005. (гл. 6, 7).

774. Hall S., Winlow S., Ancrum C. Criminal Identities and Consumer Culture. Crime, exclusion and the new culture of narcissism. Willan Publishing, 2008. (гл. 16).

775. Hammerschick W., Karazman-Morawetz I., Stangl W. (Hrsg.) Die sichere Stadt: Prävention und kommunale Sicherheitspolitik. Nomos Verlag, 1995. (гл. 19).

776. Hansen K. Assisted Suicide. In: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. III. Sexual Deviance. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. (гл. 12).

777. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010. (гл. 7, 10, 18).

778. Heckert D. M. Positive Deviance: A Classificatory Model // Free Inquiry in Creative Sociology, 1998 N 26 (1).(гл. 15).

779. Heckert D. M., Heckert D. A. Positive Deviance. In: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. 1. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues. Brunner-Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. (гл. 15).

780. Hegel G. W. F. Briefe. Berlin, 1970. Bd. II. (гл. 15).

781. Heidenheimer A., Johnston M., Le Vine V. (Eds.) Political Corruption: A Handbook. New Brunswick, NJ, 1989. (гл. 9).

782. Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996. (гл. 18, 19).

783. Henry A. F., Short J. S. Suicide and Homicide. Glencoe (Ill): The Free Press, 1954. (гл. 3, 12).

784. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. SAGE, 1996. (гл. 2, 4).

785. Herek G., Berrill K. (Eds.) Hate Crime. Confronting Violence against Lesbians and Gay Men. SAGE, 1992. (гл. 13).

786. Herman. Récherches sur le nombre des suicides et homicides commis en Russie pendant les années 1819 et 1820 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de S. Peters-

burg. VI Série. Tome premier, 1832. (гл. 5).

787. Herz A. Trafficking in Human Beings. An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg, MPI, 2006. (гл. 7).

788. Hess H. Terrorismus und Weltstaat // Kriminologische Journal, 2002. N. 34. H. 2. (гл. 8).

789. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2. (гл. 1).

790. Hessler R. Disability, Career. In: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV. Self-Destructive Behavior and Disvalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. (гл. 14).

791. Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company, 1982. (Введ., гл. 1).

792. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berceley: University of California Press, 1969. (гл. 4).

793. Holinger P., et al. Suicide and Homicide among Adolescents. NY-L.: The Guilford Press, 1994. (гл. 12).

794. Holloway K., Benett T.H., Farrington D.P. (Eds.) Effectiveness of treatment in Reducing Drug-related Crime. Stockholm, 2008. (гл. 10).

795. Homicide Trends in the United States: 1998 Update. Washington: U.S. Department of Justice, 2000. (гл. 7).

796. Hood R. The Death Penalty. A World-wide Perspective. Oxford: Clarendon Press, 1996. Second Edition. (гл. 18).

797. Hood R. Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society. The International Journal of Penology. Vol. 3. N 3. July 2001. (гл. 18).

798. Huisman S. Crime Pattern Analysis: Syntetic Drugs 2002-2004. Driebergen, Netherlands, 2005. (гл. 10).

799. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N10. (гл. 7).

800. Humphrey J. Deviant Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2006. (гл. 1, 15).

801. Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Digest 4, October 1999. (гл. 7, 18).

802. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998. (гл. 1, 6, 7).

803. Johnston M. Political Corruption and Public Policy in

America. Monterey, CA: Brooks/Cole Publishing Co., 1982. (гл. 9).

804. Johnston L., Malley P., Bachman J. Drug Use, Drinking, and Smoking: National Survey Results from High School, College, and Young Adults Populations. 1975–1988. Rockville, 1989. (гл. 10).

805. Joseph L. (Ed.) Crime, Communities and Public Policy. University of Chicago, 1995. (гл. 19).

806. Joutsen M. Recent Trends in Crime in Western Europe // European Journal on Criminal Policy and Research. 1996, 5.1. (гл. 7).

807. Junger-Tas, J. Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments. Amsterdam, NY, 1994. (гл. 18).

808. Kangaspunta, K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3, N 1, 2, (гл. 7).

809. Kelly R., Ko-lin Chin, Schatzberg R. (Eds.) Handbook of Organized Crime. In United States. Greenwood Press, 1994. (гл. 7).

810. Kershaw, et al. The 2001 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin, 2001. N 18/01. (гл. 7).

811. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948. (гл. 13).

812. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P. Sexual Behavior in the Human Female. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1953. (гл. 13).

813. Kitzinger C. The Social Construction of Lesbianism. L., 1987. (гл. 4).

814. Klingemann H., Hunt G. (Eds). Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE, 1998. (гл. 10, 19).

815. Kressel N. Mass Hate. The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996. (Введ., гл. 7).

816. Kugel Y., Gruenberg G. International Payoffs. Lexington Books, 1977. (гл. 9).

817. Kury H. (Hrsg.) Konzepte Kommunaler Kriminalprävention. Freiburg, Edition Iuscrim, 1997. (гл. 18, 19).

818. Kwasniewski J. Positive Social Deviance // The Polish Sociological Bulletin, № 3, 1976. (гл. 15).

819. Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land

(With Apologies to Lewis Carrol) // Security Journal, Perpetuity Press Ltd. Vol. 12, No3, 1999. (гл. 18).

820. Lab S., Das D. (Eds.) International Perspectives on Community Policing and Crime Prevention. Prentice Hall. Upper Saddle River, New Jersey, 2003. (гл. 18).

821. Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999, 2000, 2001. (гл. 7).

822. Lamnek S. Theorien abweichenden Verhaltens. Vierte Auflage. München: W. Fink Verlag, 1990. (гл. 4).

823. Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998. (гл. 1, 4, 7).

824. Laqueur W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. (гл. 8).

825. Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987. (гл. 8).

826. Ledeneva A. Russia Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge, 1998. (гл. 9).

827. Left N. Economic Development trough Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964, V111. (гл. 9).

828. Leifman H. Perspectives on Alcohol Prevention. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1996. (гл. 11, 19).

829. Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. NY: McGraw-Hill, 1951. (гл. 4).

830. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974. (гл. 6, 16).

831. Lester D. Understanding Suicide: Case Study Approach. NY: Nova Science Publishers, Inc., 1993. (гл. 12).

832. Lester D. Suicide in Creative Women. Nova Science Publishers, Inc., 1993. (гл. 12).

833. Liazos A. The Poverty of the Sociology of Deviance: nuts, sluts and perverts // Social Problems. 1972. 20. (гл. 7)

834. Liau A. Homosexuality — Biological Explanations. In: Bryant C. (Editor-in-Chief). Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. III. Sexual Deviance. Brunner Routledge, Taylor and Francies Group, 2001. (гл. 13).

835. Liska A. Perspectives on Deviance. New Jersey, 1987. (ч. II пред.).

836. Long D. The Anatomy of Terrorism. The Free Press,

1990. (гл. 8).
837. Luhmann N. Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag 1992. (Введ.).
838. Luhmann N. Die Wissenschaft die Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag 1996. (гл. 1).
839. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Oxford University Press. (гл. 4, 7).
840. Mäkinen I. H. On Suicide in European Countries: Some Theoretical, Legal and Historical Views on Suicide Mortality and Its Concomitants. Stockholm: Almquist and Wiksell International, 1997. (гл. 12).
841. Manheim H. Comparative Criminology. L., 1973. Vol. 2. (гл. 4).
842. Maris R., Lazerwitz B. Pathways to Suicide: A Survey of Self-Destructive Behaviors. The Johns Hopkins University Press, 1981 (гл. 2, 12).
843. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974. (гл. 18).
844. Matza D. Delinquency and Drift. NY, 1964. (гл. 4).
845. McCaghy Ch., Carpon T. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition. Macmillan College Publishing Company, Inc., 1994. (гл. 1, 4).
846. McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Fifth Edition. Allyn and Bacon, 2000. (гл. 1, ч. II пред., гл. 4, 14).
847. Mellema G. Scapegoats // Criminal Justice Ethics, 2000. Vol. 19, N 1. (гл. 1).
848. Milovanovic D. Postmodern Criminology, NY-L.: Garland Publishing, Inc., 1997. (гл. 2, 4).
849. Minois G. Histoire de suicide. Paris, 1995. (гл. 12).
850. Moskalewicz J., Świątkiewicz G. (Eds.) Drug demand reduction in Poland inventory of data prepared for PHARE programme “Fight against Drugs”. Warsaw, 1995. (гл. 10).
851. Moskalewicz J., et al. Prevention and Management of Drug Abuse in Poland. Summary of Final Report. Warsaw, 1999. (гл. 10, 19).
852. Mullen P., Pathé M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000. (гл. 7, 14).
853. Muncie E., McLaughlin (Eds.) The Problem of Crime.

SAGE Publication, 1996. (гл. 1, 7).
854. Nelken D. (Ed.) The Futures of Criminology. SAGE Publications, 1994. (гл. 4).
855. Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999. (гл. 7, 18).
856. Nordic Alcohol Studies. 1994. Vol. 11. Helsinki, 1994. (гл. 11).
857. Palermo G., White M. Letters from Prison: A Cry For Justice. Charles C Thomas Publisher Ltd., 1998. (гл. 2).
858. Palmer S., Humphery J. Deviant Behavior: Patterns, Source and Control. NY-L: Plenum Press, 1990. (гл. 1)
859. Paoli L. Illegal Drug Trade in Russia. Freiburg: Edition juscrim, 2001. (гл. 10).
860. Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) Criminology as Peacemaking. Bloomington: Indiana University Press, 1991. (гл. 4).
861. Petrovec D. Violence in the Media. Ljubljana: Mirovni Inštitut, 2003. (гл. 1).
862. Pfuhl E., Henry S. The Deviance Process. Third Edition. NY: Aldine de Gruyter, 1993. (гл. 1).
863. Podgor E. White Collar Crime in a Nutshell. St. Paul (Minn.): West Publishing Co, 1993. (гл. 7).
864. Podgórecki A. Patologia zycia spolecznego. Warszawa, 1969. (гл. 6, 12).
865. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2005. (гл. 7).
866. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland.Berichtsjahr2006.Wiesbaden:Bundeskriminalamt, 2007. (гл. 7, 10).
867. Pontell H. (Ed.) Social Deviance. Readings in Theory and Research. Third Edition. Prentice Hall, Upper Saddle River, 1999. (ч. II пред., гл. 4, 14).
868. Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. L.-NY.: Routledge, 2000. (гл. 4).
869. Quinney R. The Social Reality of Crime. In: Williams III F., McShane M. Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998. (гл. 4).
870. Rechtsmedizinisches Kolloquium der Freien Universität

Berlin, 1995. (гл. 19).
871. Reid S. Crime and Criminology. Fifth Edition. Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1988. (гл. 7).
872. Report 89: Trends in alcohol and drug use in Sweden. Stockholm, 1989. (гл. 11).
873. Restorative Justice: The Old Civilization in the New Russia. Moscow, 2001. (гл. 18).
874. Retterstol N. Suicide: A European Perspective. Cambridge University Press, 1993. (гл. 12).
875. Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004. (гл. 7).
876. Ross E. Social Control. NY, 1901. (гл. 17).
877. Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996. (гл. 18)
878. Sack F. Neue Perspectiven in der Kriminologie. In: Sack F., König R. (Hrsg.) Kriminalsoziologie. Wisbaden, 1968. (гл. 4).
879. Sagarin E. Positive Deviance: An Oxymoron // Deviant Behavior, 1985. N 6. (гл. 15).
880. Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Survival economies, criminal enterprises, military operations, development projects. Edizioni Gruppo Abele, Torino, 1993. (гл. 10).
881. Schmalleger F. Criminology Today. An Integrative Introduction. Third Edition. Prentice-Hall, Upper Saddle River, NJ, 2002. (гл. 7).
882. Schmid A. Statistics on Terrorism: the Challenge of Measuring Trends in global Terrorism // Forum on Crime and Society. 2004. Vol.4, NN 1, 2. (гл. 8).
883. Schmidt A., Jongman A. (Eds.) Political Terrorism. Amsterdam, 1988. (гл. 8).
884. Schneidman E. Definition of Suicide. Jason Aronson Inc., 1994. (гл. 12).
885. Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluver Academic Publishers, 1994. (гл. 10).
886. Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965. (гл. 4, 7).
887. Schur E. Labeling Deviant Behavior: Its sociological Implications. Harper and Row, Publishers, 1971. (гл. 4).
888. Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972. (гл. 9).

889. Sheley J. (Ed.) Criminology: A Contemporary Handbook. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000. (гл. 4, 7).
890. Siegel L. Criminology. Fourth Edition. West Publishing Co., 1992. (гл. 7).
891. Simmel J. Conflict and the Web of Group Affiliation. Glencoe (Ill.): Free Press, 1956. (гл. 4).
892. Simmel G. Philosophie des Geldes. Berlin, 1958. (гл. 13).
893. Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. Oxford University Press, 1997. (гл. 4, 18, 19).
894. Smith W. Forced Exit. The Slippery Slope from Assisted Suicide to Legalized Murder. Times Books. Random House, 1997. (гл. 12).
895. Stalking in Sweden. Prevalence and prevention. Stockholm, 2006. (гл. 7).
896. Statistics on Alcohol, Drugs and Crime in the Baltic Sea Region. Helsinki: NAD Publication, 2000. (гл. 11).
897. Statistics on Women and the Criminal Justice System. Home Office, 2000. (гл. 7).
898. Statistics on Race and the Criminal Justice System. Home Office, 2000. (гл. 7).
899. Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason. In: Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) Version and Informal Social Control. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995. (гл. 19).
900. Strafrechtspflege in Deutschland: Fakten und Zahlen. Bonn: Bundesministerium für Justiz, 1996. (гл. 18).
901. Summary of the White Paper on Crime. 1996. Research and Training Institute Ministry of Justice [Japan], 1997. (гл. 7, 18).
902. Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. Buckingham: Open University Press, 1994. (Введ., ч. II пред.).
903. Sumner W. Folkways. Boston, 1906. (гл. 17).
904. Sutherland E. White-Collar Crime. NY: Holt, Rinehart & Winston, 1983 (первая публикация 1949 г.). (гл. 4).
905. Sutherland E. The Professional Thief: By a professional thief. Chicago: University of Chicago Press, 1937. (гл. 4).
906. Sutherland E., Cressey D. Principles of Criminology. NY, Philadelphia, 1960. (гл. 4).
907. Swaaningen van R. Critical Criminology. Visions from

Europe. SAGE Publications Ltd, 1997. (гл. 4).
908. Sykes G., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review, 1957. No 22. (гл. 4).
909. Tannenbaum F. Crime and the Community. NY: Columbia University Press, 1938. (гл. 4).
910. Taylor I. Crime, Capitalism and Community: Three essays in socialist criminology. Toronto: Butterworths, 1983. (гл. 4).
911. Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies. Harvester Wheatsheaf, 1990. (гл. 4).
912. Taylor I., Evans K., Fraser P. A Tale of Two Cities: A Study in Manchester and Sheffield. Routledge, 1996. (гл. 4).
913. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973. (гл. 4).
914. Tepperman L. Deviance, Crime, and Control. Beyond the Straight and Narrow. Second Edition. Oxford University Press, 2010. (гл. 1).
915. Terrorismus // Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. B. 16. (гл. 8).
916. The Mafia Manager: A Guide to the Corporate Machiavelly. NY: St. Martin's Press, 1996. (гл. 7).
917. The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. London, 2000. 18/00. (гл. 7).
918. The Prevention Pioneers: History of the Hein Roethof Prize 1987–1996. Information and PR Office Prevention, 1997. (гл. 19).
919. Thrasher F. The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 1927. (гл. 4).
920. Tierney J. Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996. (гл. 7).
921. Tittle Ch. Control Balance: Toward a General Theory of Deviance. Boulder: Westview Press, 1995. (гл. 4).
922. Tomasic R., Freeley M. (Eds.) Neighborhood Justice: Assessment of an Emerging Idea. NY and L.: Longman Inc., 1982. (гл. 19).
923. Trafficking in Human Beings: First Report of the Duth National Rapporteur. The Hague: Bureau NRH, 2002. (гл. 7).

924. Trafficking in Women: Situation Report. N1-5. Stockholm: National Criminal Investigation Department, 1998-2002. (гл. 7).

925. Traub S., Little C. (Eds.) Theories of Deviance. Fourth Edition. Itasca (Ill.) F. E. Peacock Publishers, Inc., 1994. (ч. II пред., гл. 4).

926. Treml V. Soviet and Russian Statistics on Alcohol Consumption and Abuse. In: Bobadilla J., Costello Ch., Mitchell F. (Eds.) Premature Death in the new independent States. Washington, 1997. (гл. 11).

927. Turk A. Criminality and Legal Order. Chicago: Rand McNally, 1969. (гл. 4).

928. Turk A. Political Criminality. In: Williams III F., McShane M. Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998 (гл. 4).

929. Tsytsarev S., Gilinsky Y. [Gambling in] Russia. In: Meyer G., Hayer T., Griffiths M. (Eds.) Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. Springer, 2009. (гл. 14).

930. URL: http://www.flb.ru/subview/82/ (дата обращения: 14.08.11). (гл. 16).

931. URL: http://www.medpulse.ru/health/prophylaxis/diagnostics/10982.html (дата обращения: 15.10.2011). (гл. 16).

932. Värnik A., Sisask M., Kolves K. (Eds.) Essential Papers on Suicidology 1993-2008. Tallinn, 2008. (гл. 12).

933. Värnik A., Sisask M., Värnik P. (Eds.) Baltic suicide paradox. Tallinn: TLV Press, 2010. (гл. 12).

934. Vold G., Bernard T., Snipes J. Theoretical Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, Inc., 1998. (гл. 4).

935. Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society. Vol. 3, N 1, 2001. (гл. 4).

936. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000, Vol.15, N3. (Введ., гл. 16).

937. Walmsley R. World Prison Population List // Home Office. Finding 166. 2002. (гл. 16, 18).

938. Walmsley R. Further Developments in the Prison Systems of Central and Eastern Europe. Achievements, Problems and Objectives. Helsinki: HEUNI 2003. (гл. 16).

939. Weber M. Staatssoziologie. Berlin, 1966. (гл. 17).
940. Wekstein L. (Ed.) Handbook of Suicidology: Principles, Problems, and Practice. NY, 1979. (гл. 12).
941. Welsh B., Farrington D. (Eds.) The Oxford Handbook of Crime Prevention. Oxford University Press, 2012. (гл. 19).
942. Wewer G. Politische Korruption. In: Politic-Lexico München, Wein: Oldenbourg Verlag, 1994. (гл. 9).
943. White J. Terrorism. An Introduction. Pacific Grove (Calif.): Brooks/Cole Publishing Company, 1991. (гл. 8).
944. Williams III F., McShane M. Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998. (гл. 4).
945. Wilson P., Braithwaite J. (Eds.) Two Faces of Deviance. University of Queensland Press, 1978. (гл. 1).
946. Winfree L., Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996. (ч. II пред.).
947. World Health Statistics. Annual, 1996. World Health Organization, Geneve, 1998 (гл. 12).
948. World Health Statistics. Annual. Geneva. (гл. 7).
949. Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations. SAGE Publications, 1996. (гл. 4).
950. Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999. (гл. 4, 6).
951. Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007. (гл. 4, 16).
952. Zweiter Periodischer Sichereitsbericht. Bundesministerium der Justiz. Berlin, 2006, (гл. 7).

Рекомендуемая литература

1. Амбрумова А.Г., Бородин С.В., Михлин А.С. Предупреждение самоубийств. М.: Академия МВД СССР, 1980.
2. Белогуров С.Б. Популярно о наркотиках и наркоманах. СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Блох И. История проституции. СПб: РИД, 1994.
4. Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.

5. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. (Гл.5. Конформность и девиантное поведение).

6. Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения и социального контроля. В: Социология в России / ред. В. Ядов. 2-е издание. М.: ИС РАН, 1998. С.587-609.

7. Гилинский Я. И. Петербургская девиантология и девиантность в Петербурге. В: Санкт-Петербург в зеркале социологии. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С.396-411.

8. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е издание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.

9. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. СПб.: Медицинская пресса, 2001.

10. Гилинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: Учебное пособие. СПб.: Медицинский центр «Бехтерев», 1999.

11. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб: Юридический центр Пресс, 2006.

12. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб: Юридический центр Пресс,

13. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005.

14. Данэм Б. Герои и еретики: Политическая история западной мысли. М.: Прогресс, 1967.

15. Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012.

16. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000.

17. Дон Мартиндэйл. Социальная дезорганизация: конфликт между нормативным и эмпирическим подходом. В: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 386-416.

18. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

19. Жук О. Русские амазонки: История лесбийской субкультуры в России XX век. М.: Глагол, 1998.

20. Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997.

21. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. СПб ИПиСР, 2001.

22. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.

23. Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб.: Медицинская Пресса, 2001.

24. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997.

25. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М.-Ульяновск, 2005.

26. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ, 2009.

27. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ, 2006.

28. Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997.

29. Конструирование девиантности / ред. Я Гилинский. СПб: ДЕАН, 2011.

30. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. В: Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965.

31. Коэн А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С.282-296.

32. Кристи Н. По ту сторону одиночества: Сообщества необычных людей. Калуга: Духовное познание, 1993.

33. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к Гулагу западного образца. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001.

34. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб: Алетейя, 2011.

35. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб: Алетейя, 2011.

36. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: Норма и патология. М.: Наука, 1982.

37. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления). М.: ИГиП РАН, 1992.

38. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного

общества. М.: Гардарики, 2002.
39. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
40. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. Х1Х в. – 40-е гг. ХХ в.). М.: Прогресс-Академия, 1994.
41. Массиони Дж. Социология. СПб: Питер, 2004 (гл.8. Девиантность).
42. Мацкевич И.М., Зарипов З.С. Наркотики в России и в мире. М.: Элит, 2009.
43. Монсон Пер. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992.
44. Наркотизм. Наркомания. Наркополитика. СПб, 2006.
45. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978.
46. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001.
47. Оленев Р. Введение в экономическую девиантологию. СПб, 2007.
48. Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.
49. Осинский И.И., Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ. Улан-Удэ, 2006.
50. Позднякова М.Е. Социологический анализ наркомании. М.: ИС РАН, 1992.
51. Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
52. Полотовская И.Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир. СПб, 2010.
53. Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988.
54. Рывкина И.В. Социальные болезни в современной России. М., 2011.
55. Салагаев А.Л. Социальные девиации в молодежной среде: конфликтологический подход. Учебное пособие. Казань: КГТУ, 2011.
56. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. (Гл. 7. Девиация и социальный контроль).

57. Социальные отклонения: Введение в общую теорию / ред. В. Кудрявцев. М.: Юридическая литература, 1984.

58. Социальный контроль над девиантностью в современной России / ред. Я. Гилинский. СПб. Ф ИС РАН, 1998.

59. Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.

60. Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000.

61. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб: Медицинская пресса, 2001.

62. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

63. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.

64. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

65. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

66. Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб: СПб ГУ, 2003.

67. Шипунова Т.В. Девиантология. Современные теоретико-методологические проблемы. СПБ: СПБ ГУ, 2012.

68. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001.

69. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.

Об авторе

Яков Ильич Гилинский
доктор юридических наук, профессор

Родился в 1934 г. в Ленинграде. В 1957 г. окончил с отличием юридический факультет ЛГУ. После непродолжительной работы в суде многие годы был членом Ленинградской областной коллегии адвокатов.

В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию по уголовному процессу, а в 1986 г. — докторскую диссертацию по криминологии. С 1969 г. преподавал и занимался научной работой в учебных и научно-исследовательских институтах Ленинграда — Санкт-Петербурга.

В настоящее время работает заведующим кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; профессором Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ; деканом юридического факультета Балтийского института экологии, политики, права.

Член Нью-Йоркской академии наук, Международной социологической ассоциации, Европейского союза криминологов. Член редакционного совета международного журнала «Police Practice and Research. An International Journal», редколлегий журналов «Российский криминологический взгляд», «Вестник Казанского юридического института МВД РФ», «Вестник Орловского государственного университета», «Общество и право».

Автор свыше 500 научных публикаций (в основном — по криминологии и социологии девиантности и социального контроля, а также по уголовному процессу, теории управления, философии), в том числе 20 монографий, последние из которых — «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»

(СПб., 2007), «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль» (СПб., 2009), «Конструирование девиантности» (СПб, 2011, в соавторстве). Свыше 120 работ изданы на английском, венгерском, итальянском, немецком, норвежском, французском, японском и других языках.

Научное издание

ДЕВИАНТОЛОГИЯ: СОЦИОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НАРКОТИЗМА, ПРОСТИТУЦИИ, САМОУБИЙСТВ И ДРУГИХ «ОТКЛОНЕНИЙ»

3-е издание,
исправленное и дополненное

Монография

Я. Гилинский

Генеральный директор: д.ю.н., профессор Н.А. Исаев
Корректор: И. Жолудева
Верстка: А. Новикова

Подписано в печать 18.06.2012. Формат 70х100 б.
Усл. печ. л. 35,9.
Тираж 1500 экз. Заказ № 16544.

ООО «Издательский Дом «Алеф-Пресс»
191119 Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д.27,
литер А, п. 10-Н,
e-mail: info@alef-press.com,
www.alef-press.com,
тел. 89192002020, 89117724008

ISBN 978-5-905966-15-6

9 785905 966156